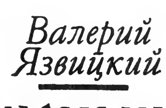
ИВАН III
ГОСУДАРЬ ВСЕЯ
РУСИ

ИВАН III
ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ



Валерий Язвицкий

ИВАН III ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

Исторический роман в пяти книгах

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ» 1988

Валерий Язвицкий

ИВАН III ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

книга четвертая, пятая

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ»
1988

ББК 84Р7—44
Я 40

Текст печатается по изданию:
Валерий Язвицкий. **ИВАН III— ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ.**
Государственное издательство художественной литературы.
Москва. 1955 г.

Я $\frac{4702010200-177}{402(05)-88}$ без объявл.

ISBN 5—605—00228—7

книга четвертая

Глава 1

НОВЫЕ СМУТЫ НОВГОРОДСКИЕ

Осенью тысяча четыреста семидесятого года прибежал из Новгорода на Москву Афанасий, сын Братилов. Живет он там у Федорова Ручья и держит на Торге возле церкви Ивана Предтечи на Опоках малую лавицу. Рукодельем златокузнечным торгует Афанасий: крестами тельными, серьгами да кольцами, которые сам льет и кует из серебра и золота.

На Москву же прибежал он, чтобы довести великому князю о смуте и злых умыслах новгородских, о том, что своевольно заправлять делами веча стали буйные ватаги сыновей именитых богатейших бояр, а душа всего своеволия — вдова посадника Исака Борецкого, Марфа, и сыновья ее. С ней же и многие бояре и вдовы бояр богатых властвовать хотят в Новгороде Великом...

Все это сказывал Афанасий ранее дьяку Курицыну, а ныне, стоя перед государем в покоях его, повторял с горестию душевной, но твердо и даже строго, своим новгородским говором:

— Сии бояре и млади-своевольники, суды захватив, судят неправедно. Посулы берут с виноватых, а безвинных грабят, отбирая именья их, самих же в цепи куют, продают в рабство. В велелепных хоромах каменных у самой Марфы Борецкой всяк день пиры и пьянство великое. У ворот же, почитай день и нощь, толкутся всякие бездельники и всякие пропойцы, которые, денег ради и пьянства, горлопанят и драки чинят на вече...

Иван Васильевич молчал, нахмурив брови, но, когда взглядывал на худощавого и жилистого Афанасия Братилова, в глазах его вспыхивал ласковый огонек. Испытанный мужик Афанасий, дьяку Бородатому еще при Василии Василье-

виче честно служил и теперь служит. Нравились Ивану Васильевичу и руки Афанасьевы — складные, умелые, с длинными пальцами, которые ловко работают всякую тонкую работу. Видал не раз государь изделия Афанасия Братилова и весьма одобрял их.

— Ох, государь,— продолжает Братилов,— сорят деньги-то Борецкие без меры и счета...

— Не свои, чаю, сорят,— перебил его государь.

— Не свои, истинно, государь,— подхватил Афанасий,— свои-то в подвалах под замками хоронят. Сорят токмо грабленое судами неправедными да тем, как в народе бают, что в соборе святой Софии крадено...

— Как в соборе святой Софии?— воскликнул Иван, и глаза его стали страшными.— Что ж владыка-то Иона смотрит?

От этого грозного крика Афанасий оторопел, но, быстро оправившись, молвил:

— Не пойман, не тать, бают, а он, казначей-то софийский казны, богопротивный пес Пимен никем не пойман. Хоть и монах он, а нечестив вельми и вор-изменник пред тобой, государь! Крадет он церковную казну тайно для ради измены Марфы окаянной...

— Блудница сия,— гневно молвил Иван Васильевич,— в старости себя не блюдя, для ради власти на все непотребства идет, стыда не ведая...

— Истинно, истинно, государь!— тоже гневно подхватил Афанасий.— Вдова сия срамна и ни денег, ни чресел своих не пожалеет для прибытка своего, на измену идет Руси и вере святой православной! Вести есть, что Марфа измены ради против Москвы и всея Руси, сплетясь лукавыми речами с князьями литовскими, хочет, чтобы король Казимир выдал ее за того пана литовского, который был бы от короля наместником в Новомгороде. Сим она блазнит собя, мыслит от королевского имени без Москвы всем Великим Новымгородом самовластно править...

Иван Васильевич все еще с гневным лицом обернулся к дьяку Курицыну и глухим, хрипловатым голосом спросил:

— Слышишь, Федор Василич, что там деется?

— Далеко зашла измена, государь,— мрачно ответил Курицын,— ни увещеванья отца митрополита, ни доброта твоя и миролюбие никакой пользы не дают...

— Государь великий,— не выдержав, вмешался Афанасий,— все бояры новгородские и жены блудливые и лукавые мыслят, что малоопытен ты. Миролюбив же ты не по милосердию своему, а из страха перед ними...

Афанасий вдруг оборвал свою речь в смятении,— так грозно глянули на него глаза государя...

— Восемь лет щажу их,— молвил Иван Васильевич,— ныне же покараю их без милости...

При этих словах он встал со скамьи и, пройдясь молча несколько раз по покою своему, промолвил:

— Идите, а яз один обо всем подумаю. Ты же, Федор Василич, прими Афанасья не только как гостя, верного нам, но верного и всей Руси православной...

Афанасий Братилов, земно кланяясь, сказал:

— Спаси тя бог, государь, живи ты многие лета...

— Днесь же, Федор Василич,— продолжал великий князь,— вестников пошли в Новгород к дьяку Бородатому, дабы гнал на Москву, на думу с нами...

Октября двадцать восьмого дня, на Ненилу-льняницу, когда бабы лен мять начинают, пригнал на Москву из Новгорода дьяк Степан Бородатый. Через топи и грязи осенние ехал он по лесным дорогам, устал, изнемог, но не зря: вести у него были весьма важные и тревожные.

Великий князь радостно встретил старого дьяка, которого знал и уважал с юных своих лет. Дьяк этот читал грамоты и летописания новгородские еще на Ярославом дворище при великом князе Василии Васильевиче. Чтил его Иван Васильевич особенно за то, что знал и помнил Степан Тимофеевич все злоумышления и все хитрости новгородцев.

Принимал государь дьяка Бородатого у себя в покоях, сидя за трапезой сам-пят. За столом уже были: княгиня Марья Ярославна, дьяк Федор Курицын и Ванюша, которому пошел уж тринадцатый год, и был уж он у отца соправителем.

— Ну, Степан Тимофеич,— вспыхивая острым взглядом, заговорил государь,— сказывай, что вороги наши деют, какое воровство умышляют?..

— Немощным стал богомолец наш, архиепископ Иона,— ответил почтительно и с печалью старый дьяк,— слабеет рука его и во Пскове и в Новомгороде. Духовные-то новгородские мыслят, и яз мыслю, может вборзе уж и жребий будут тянуть по старине[1] у святой Софьи...

— Что ж с ним, Степанушка?— спросила великая княгиня Марья Ярославна.

---

[1] При избрании архиепископа клали на престол в алтаре церкви три жребия с именами кандидатов. Маленький мальчик вынимал два жребия. Кандидат, жребий которого оставался на престоле, избирался в архиепископы.

— Дряхлеет наш архиепископ, государыня, и на лике его печать уже смертная. Мыслю, к зиме сей преставится...

— А на кого жребий вынуть метят? — спросил дьяк Курицын.

— Бают, на священноинока Феофила, мниха Пимена, казначея софийского, да на протопопа Лексея, а и то лишь промеж собя о сем шепчутся. Пимена-то, бают, Борецкие хотят, доброхот он их...

— Слыхал уж яз, — заметил Иван Васильевич, — о Пимене сем от Афанасья.

— От Братилова? — спросил Бородатый.

— От него. Сказывал, будто тать сей Пимен. Казну соборную обкрадывает.

— Шепчут о сем в народе-то, а как разведать? Владыка же совсем немощен стал...

— Ну да сие не вельми важно, — перебил его великий князь, — скажи, истинно ли, что великие бояре, златопоясники новгородские, с королем Казимиром тайно ссылаются и под руку его хотят?

— Истинно сие, государь, — продолжал Степан Тимофеевич, — верно все, что про них мы тут баили. Токмо примолвлю к сему: обмануть нас хотят новгородцы, за неразумных нас почитают...

— Сие токмо к добру, — живо откликнулся великий князь, — пусть их так мыслят. Мы же, якобы веря им во всем и якобы не разумея их лжи и хитрости, упредим их во всех деяниях...

— Как же сие изделать, Иванушка? — спросила княгиня Марья Ярославна.

Иван Васильевич весело усмехнулся и, обратясь к сыну, молвил шутливо:

— А ну-ка, Ванюшенька, сказывай, как нам с новгородцами быть?

— Бить их надобно...

Все засмеялись, а государь ласково обнял сына за плечи и добавил:

— Пусть вороги наши тешатся сговорами да сборами. Мы же их, пока они тайно ссылаются, упредим — поодиночке бить будем, а первей всех Новгород, как Ванюшенька нам указывает...

После трапезы, когда стали сходиться званные к государю воеводы его, бывшие в то время в Москве, княгиня Марья Ярославна ушла со внуком в свои покои. Знала она, что

сын не любит на военном совете людей, ратного дела не разумеющих.

Из воевод, кроме князя Юрия Васильевича, были: князь Иван Юрьевич Патрикеев, князь Федор Давыдович Стародубский-Пестрый, князь Иван Васильевич Стрига-Оболенский, князь Данила Димитриевич Холмский, Борис Матвеевич Слепец-Тютчев, Василий Федорович Образец-Симский и Петр Федорович Челяднин.

Государь, хотя был весел и с виду спокоен, но кто знал его хорошо, видел по дрожанию рук, что взволнован он очень сильно.

Поздоровавшись с воеводами, Иван Васильевич обратился к дьяку Бородатому:

— Сказывай-ка всем, Степан Тимофеич, что ведаешь про воровство новгородское...

— Из того, государь, что яз в Новомгороде своими очами видел и своими ушми слышал, ясно: переметнуться хотят новгородцы к Литве и латыньству. Сносятся Борецкие не токмо с Казимиром, а и с немцами и татарами...

— Верно,— добавил дьяк Курицын,— ведомо нам от Данияра-царевича, что Ахмат тайно ссылается и с ними и с крулем польским, круль же на нас и немцев подымать будет...

— И яз так мыслю,— продолжал Бородатый,— новгородцы же из бояр великих, как Борецкие, Лошинские, Есиповы, Ананьины и Афанасьевы, смуту сеют, наместнику государеву и дворецкому дерзко грубят, с веча прямо толпой приходят, а людей московских грабят и за приставы берут[1]. Имя государево не держат честно и грозно, а лают и бесчествуют...

Помолчал старый дьяк и добавил:

— Они тебя, государь, не боятся и мыслят токмо, как бы заратиться с нами. Приказы твои не чтут и митрополита Филиппа посланья в наук им нейдут. Когда яз был еще в Новомгороде, собирали они к тебе посла своего, посадника Василья Ананьина, якобы для ради земских дел и твоих жалоб, на деле же для ради сокрытия злоумышлений своих, дабы врасплох нас застать, к рати не готовыми...

— Когда ж Ананьин-то к нам будет?— спросил Иван Васильевич.

— Мыслю, государь, что дней через пять, а то и ранее...

— Встреть его, Степан Тимофеич,— перебил старого дьяка великий князь,— встреть почетно, якобы и впрямь боимся мы Новагорода, будто ни о чем не ведаем и не разумеем...

Государь помолчал и добавил, обращаясь к дьяку Курицыну:

[1] *Взять за приставы* — арестовать.

— А ты, Федор Василич, снарядн посла от нас с приказом вотчиие иашей Пскову, дабы готовы былн рать поднять иа Новгород. Пускай посол наш о пищалях им скажет, дабы при надобности иам пищалн у них при полках былн. На всяк случай...

Иваи Васильевич оглядел всех воевод н глухо спросил:

— Разумеете, воеводы?

— Разумеем,— сразу ответнли все,— вороги, как волки коня, иас со всех сторон обступают...

— Новгород,— продолжал государь,— Польша, Литва, немцы, а Казань и Тверь нож за пазухой доржат. Ахмат н прочне татары всегда зла нам хотят, опричь крымских, которые пока сами Ахмата боятся...

Иван Васильевич помолчал, раздумывая, и продолжал снова, все повышая голос:

— Поодиночке-то все онн не страшны нам, а ежели вот все онн соединятся воедино, ие быть более Москве! Растопчут государство Московское, по частям раздерут!..

Государь поднялся со скамьн так внезапио и быстро, что все вздрогнулн от неожиданностн н встали вслед за великим князем.

— Надобно нам вовремя пресечь злоумышленья ворогов наших,— продолжал Иван Васильевич,— токмо о сем и думайте, воеводы. Думайте, как сне сотворить. Ведайте, что надобно нам наивеликую ратную силу собрать немедля. Полкн собрать конные для похода и пешие для судовой рати, татар своих со всей коиницей взять. Главное же — успеть нам приготовиться раиее ворогов, быть сильней иовгородцев, пасть иа них, как снег на голову.

Смолк великий князь и, оглядев всех воевод строгим взглядом, резко вопросил:

— Разумеете?

— Разумеем, государь, разумеем...

— Все мои слова,— так же повелительно продолжал Иван Васильевич,— в тайне доржать надобио, и женам даже своим их не доверять. К зиме воев н коней снарядите. Соберите н заготовьте саин, телеги, насады, ладьн. Весной все примать сам от вас буду. О походе же после того яз особо прикажу вам. Сей же часец клянитесь мне пред образами в хранеинн ратной тайны...

Все повернулись к образам, н каждый поодиночке поклялся громко, чувствуя на себе взгляд государя.

— Теперь идите,— властно проговорил великнй князь,— яз же подумаю о всем еще с митрополитом н боярами.

Ноября второго прнбыл в Москву от Новгорода посол, по-

садник Василий Ананьин, с несколькими боярами новгородскими, с житьими людьми и со слугами своими. Якобы по земским делам посол этот был послан и привез с собою ценные дары князю великому.

Ледостав в тот год был ранний,— озера и болота везде уж замерзли, и даже многие реки стали, и посольство новгородское доехало быстро и хорошо.

Принимали послов у князя великого с почетом, в передней государя. Василий Ананьин был разодет в дорогие ипские[1] сукна и бархаты и опоясан золотым поясом, осыпанным драгоценными каменьями. Богаче государя московского облачен был посадник новгородский и держал себя гордо и дерзко, а когда бояре государевы спрашивали его, почему Новгород, государева вотчина, не бьет челом ему в неисправленьях своих и прощенья не просит, он отвечал даже при великом князе высокомерно:

— О том Великий Новгород со мной не приказывал.

Побледнел великий князь при этих словах от обиды и грубости надменного посла от госпо́ды, но не показал и виду, будто ничего и не слышал. Был ласков все время, принял дары от вотчины своей новгородской: два постава сукна ипского, два зуба рыбьих[2], двадцать золотых корабленников[3] да бочку вина сладкого...

Был весел и гостеприимен государь за столом. И только после трапезы, отпуская Василия Ананьина обратно в Новгород, поглядел суровым взглядом прямо в глаза ему,— и смутился посол, а государь ему тихо, но внятно наказал:

— Повестуй вечу слова мои: «Исправьтеся, моя вотчина, сознайтеся, в землю и воды мои не вступайтеся, имя мое, великого князя, доржите честно и грозно, а ко мне посылайте челом бить по докончанию, а яз вас жаловать буду и по старине доржать...»

Упрямо наведя брови, выслушал посадник новгородский слова государя, но, не смея перечить, низко поклонился и молвил:

— Волю твою исполню, доведу слова твои до веча...

Провожал посольство новгородское Степан Тимофеевич Бородатый с подьячими, писцами и со слугами своими.

---

[1] *Ипское сукно* — ипрское, от фландрского города Ипр, который в XIII и XIV веках был центром производства знаменитых тогда сукон и бархата.

[2] *Зуб рыбий* — моржовые клыки, ценившиеся так же дорого, как и слоновая кость.

[3] *Золотые корабленники* — английские золотые монеты —«нобили»— с изображением корабля.

Как только ушел посол новгородский и разошлись бояре московские, подозвал государь дьяка Курицына и сказал:

— Надобно мне посла избрать для Пскова. Из бояр или дьяков, который наидобре мог бы на вече там баить...

— Сыщу, государь,— подумав, ответил Курицын,— из бояр, мыслю, Селиваиа можно, который уж ездил к псковичам, или Ивана Товаркова, а из дьяков — Якова Шибальцева...

— О сем подумаю,— перебил его Иван Васильевич,— ты же пока изготовь наставленье для посла, дабы он лаской и хитростью понудил псковичей, яко посредников, ссылаться с Новымгородом. Тянуть нам время-то надобно. Обсуди сие сам, а на вече моим именем сказывать токмо так: «Моя вотчина Великий Новгород не правит[1], а учнет мне бити челом и исправится, жаловать буду. А не учнет мне правити, и вы бы на их были со мной заодно...»

После отъезда Василия Ананьина стали замечать печаль в лице государя, хотя непрестанно занят он был с дьяками и боярами подготовкой к войне с Новгородом. Глаз не спускал он и с того, что делается в Казани, и в Большой Орде у Ахмата, и еще более того следил за Литвой и ляхами. Становился государь с каждым днем суровее и строже. Задумывался иной раз, забывая о тех, кто был около него.

Ноября же тринадцатого завтракал он, никого к себе на думу не зовя. Тихо отворив дверь, нежданно вошел к нему дворецкий Данила Константинович и доложил:

— Иван Фрязин воротился из Рыма. Баит, лик грецкой царевны привез, на доске кипарисовой писаный...

Взглянул Иван Васильевич на дворецкого и молвил, вставая из-за стола:

— Время для меня настало, Данилушка, ножом собе сердце резать, душу собе из груди вынуть. Разумеешь ты сие?

Данила Константинович ничего не ответил и вдруг, забыв степень положения своего, обнял государя и поцеловал его в плечо.

— Запри дверь-то на крюк,— молвил великий князь,— сядь рядом, скажу тобе, что и как нам деять тайно...

— Государь,— тихо сказал дворецкий,— ране прикажу яз слугам никого к тобе не допущать, а Фрязину ждать.

— Верно, Данилушка, скажи Фрязину, пождет пущай в передней-то.

---

[1] *Не правит* — кривит, в данном случае: «не выполняет договора с Москвой».

Иван Васильевич помолчал и добавил, сдвинув брови:

— Да пусть он ништо никому не объявляет. Ждет моего приказа...

Оставшись один, задумался Иван Васильевич, зная не только о кознях Литвы и Новгорода, но и о приготовлениях к войне Ахмата и Казимира, а также предвидя возможность заговора братьев своих, которые на измену могут пойти.

А тут еще и Иван Фрязин воротился, царевна потом приедет...

Стиснул руки Иван Васильевич, шепчет в тоске:

— Трудно и горько мне, Дарьюшка, цвет мой благоуханный, Дарьюшка...

Вошел дворецкий и заложил дверь на крюк.

— Садись сюды, ко мне, Данилушка,— тихо молвил государь,— ты сам ведь знаешь — скоро война. Царевна потом приедет. Завтра Филиппово заговенье, а там пост. Хощу ныне проститься с голубкой моей...

Заволновался дворецкий и прерывисто зашептал:

— Она меня о сем же молила, дабы челом тобе бил от нее, убивается вельми. Постом ведь постригаться будет...

Иван Васильевич зажал лицо руками, сдавил на миг виски и заговорил снова:

— Все, Данилушка, мною обдумано. Монастырь-то Вознесенский избрал яз, где княжны все и княгини ангельский чин принимали. Дабы жила там, как княгиня, в почете. Яз ее за жену свою почитаю, хоша и не венчаны мы... Слышь, Данилушка?

Дворецкий молча поцеловал руку великому князю.

— Яз тобе в дар из подмосковных моих выберу сельцо, которое побогаче. Ты ж его в монастырь дай своим именем, яко вклад за Дарьюшку мою. Да из казны моей возьми десять золотых корабленников. После-то еще казной давать буду. Следи, дабы уход за ней был и в почете бы она была...

Иван Васильевич поднялся со скамьи и молча прошелся вдоль покоя своего, потом остановился возле дворецкого и молвил:

— Не наша воля, Данилушка, в сей юдоли земной, а божья. С самой игуменьей у Вознесенья-то поговори и о вкладах скажи твердо, ибо мной решено все, как тобе сказывал...

Дворецкий поклонился до земли государю:

— Спаси тя господь, государь, да укрепит он душу твою...

— Иди, Данилушка,— печально сказал Иван Васильевич.— Расскажи все Дарьюшке. Нету в сем вины моей, все ж мука ее от меня идет. Скажи, ныне вечером видеть ее хочу...

Государь снова прошелся вдоль покоя и добавил:

— Пойди к государыне Марье Ярославне, проси ее тайно сей же часец ко мне, а потом тайно же Ивана Фрязина к нам приведи...

Иван Васильевич в каком-то забвении ходил взад и вперед по своему покою, когда вошла к нему Марья Ярославна и окликнула его:

— Иванушка, пошто звал ты меня? Люди у меня были,— Данилушка посему не хотел ничего сказывать...

Иван Васильевич молча поздоровался с матерью и, поцеловав ее руку, сказал ласково:

— Садись, моя матушка, сюды к столу. Яз тобе все поведаю. Сей часец придет сюды Иван Фрязин. Воротился он из Рыма...

Марья Ярославна сразу оживилась и заволновалась.

— Когда же, сыночек, приехал он?

— Придет, вот и сам поведает. Лик царевны грецкой привез он, на доске кипарисовой писанный. Вот мы с тобой и поглядим его. Потом ты расспроси Фрязина-то, как ты сие умеешь, обо всем, спроси посла-то нашего, а яз послушаю. Да и сам, может, о чем-либо его попытаю...

— Когда же придет-то он?— нетерпеливо воскликнула великая княгиня.

— Сей часец, матушка,— ответил Иван Васильевич,— а ты, молю, погляди на лик-то ее и скажи все мне. Материнское-то сердце — вещун верный...

Дворецкий, постучав, приотворил слегка дверь и спросил:

— Приказываешь ли, государь, пред лицо твое стать?

— Веди сюды Фрязина, потом нас втроем оставь. Никого сюды не пущай...

Иван-денежник вошел и низко поклонился, касаясь рукой по русскому обычаю самого пола. Потом, как принявший православие, перекрестился на образ по-православному.

Усмехнулся Иван Васильевич, представив себе, как его денежник молился перед папой, крестясь по-католически.

— Двурушничал,— чуть слышно сорвалось с его губ.

— Многие лета вам, государь и государыня, жить во здравии,— почтительно молвил венецианец.

— Здравствуй и ты,— ответил государь,— сказывай.

Иван-денежник снова поклонился, достал из-под полы кожаный ящичек красивой работы, тисненый золотым узором, и, сняв с него крышку, преподнес Ивану Васильевичу. В ящичке лежала кипарисовая доска. На ней сухими красками, разведенными яичным желтком с клеем, написан был лик царевны Зои.

Государь и государыня впились глазами в изображение на доске. На них смотрела полная девушка лет двадцати трех в итальянском плаще из парчи, отороченном соболями. Из-под плаща виднелось пурпуровое платье. На голове царевны, среди густых черных волос, сверкал золотой обруч, наподобие короны, увитый нитями крупного жемчуга.

Лицо царевны, белое, с нежным румянцем на щеках, понравилось Марье Ярославне, и она сказала сыну:

— Личико-то у ней баское. Токмо вот губы-то толстоваты, да и в глазах ни ласки, ни доброты нету...

— Государыня, досфоль слово молвить,— вкрадчиво попросил денежник.

— Сказывай,— сухо ответила государыня.

— Сие токмо на иконе,— быстро заговорил венецианец, пришепетывая при трудных ему словах,— глаза́ у царевни хороши́, ласкови, а на иконе нет. На щеках румянец.

Иван Васильевич по складу рта царевны понял, что чувственна она и властна, а глаза ее неверны. На миг мелькнули пред ним голубые глаза юной княгини его и темные глаза Дарьюшки...

— Чужая царевна-то сердцу моему,— молвил он матери,— видать в ней дщерь латыньства рымского.

— Бают, сирота она?— спросила Марья Ярославна у посла.

— Сирота она, государыня,— быстро затараторил денежник.— Старшая сестра ее, Екатерина, вдова Стефана, короля Боснин. Братья тоже старше царевни, Андрей и Мануил,— оба у папы живут...

— Сказывай,— перебил его Иван Васильевич,— что тобе папа о женитьбе приказывал и как меня чтил и послов моих как принимал?

— Его святейшество чтил тя, государь, как господаря великого, как короля, и на брак тя с царевной благословляет. Сама царевна рада и со всей охотой согласье дает идти за тобя. Его кардинал Виссарион грек, который у невести твоей, государь, учителем, вельми ласков к послам, а тобя нависоко чтит. Приказал папа-то привезти тобе «опасни грамоти» для бояр твоих на два года по всем землям, а опричь того письма послал государям всех латиньских земель, для ради тобя, государь, повсюду бы с честью великой принимали царевну...

— Где же сии опасные грамоты?

— Привезет их вборзе с собой посланец папский Антон, тоже, как и яз, венецианец. Будет твоим боярам слободни проезд по Рому по всем королевствам и княжествам...

— Награжу тя за верную службу щедро,— сказал

Иван Васильевич,— иди. Когда надобно будет, призову для ради сих же дел...

С благодарностями и низкими поклонами вышел денежник из покоя государя московского.

Мать и сын остались одни и сидели молча за столом, разглядывая изображение греческой царевны. Первым нарушил молчание Иван Васильевич и, усмехнувшись, сказал:

— Что другое, а детей рожать горазда будет...

— Бог ее ведает, сыночек,— тихо и в раздумье произнесла Марья Ярославна,— что она в дом-то нам принесет...

— Разве сие угадаешь, матушка?— грустно ответил Иван Васильевич.— Чужая она всем нам, особенно Ванюшеньке. Вижу, чует он, что злой ему мачехой царевна будет. Токмо теперь уж поздно перепряжку-то деять. Да, может, лучше-то и не найдешь...

Иван Васильевич помолчал и добавил:

— Хочу тобе, матунька, как на духу покаяться. Токмо трех любил яз. Одну в ранние юные годы, всего две недельки. Любил на походе, да и не сердцем любил, а токмо телом. Вторая-то была княгинюшка моя, Марьюшка, нежная и ласковая. Сердцем всем полюбил ее, голубушку. Отцом чрез нее стал, а господь ее от меня отнял.

Иван Васильевич замолчал, сжимая свои руки. Язык его не поворачивался сказать о Дарьюшке даже матери. Марья Ярославна положила руку на плечо сына и сказала ему, как говорила маленькому:

— А ты не бойсь, сыночек. Материнское-то сердце все у дитя своего уразумеет.

Приник Иван Васильевич лицом к руке матери и зашептал:

— Третьей-то яз и сердце и душу навек отдал, матунька. Токмо имя ее не спрашивай, а ежели сама потом догадаешься, держи сие в тайне про собя, дабы ни один человек о сем не ведал...

Он почувствовал, как другая рука его матери ласково легла ему на голову, и стал сразу он как бы малым дитем, вздохнул глубоко и прерывисто, словно наплакался вдоволь. Успокоился сразу и заговорил с тихой печалью:

— Все три мя любили, а последняя больше двух первых. Истинной женой мне была, да не может вот княгиней стать, займет ее место царевна чужой земли, и сама мне совсем чужая...

— А ты не кручинься, Иванушка,— ласково заговорила государыня.— Бог поможет, забудешь с годами любу свою, а с царевной-то, бог даст, стерпится-слюбится...

Иван встал из-за стола и, пройдясь вдоль покоя, молвил матери:

— От ласки твоей, матушка, легче сердцу моему, и силы

душевной у меня прибыло. Поборю яз собя, может забуду и любу свою, токмо вот радостей сих на земле мне никогда уж больше не ведать...

Среди ночи проснулся Иван Васильевич, чувствуя, как горячие струйки бегут по его щеке и шее. Открыл глаза и при свете лампад увидел: Дарьюшка, припав к нему, лежит неподвижно... Молча погладил он ее волосы и мокрые от слез щеки, но она не шевельнулась, словно застыла, и вдруг всей душой своей и всем телом он почувствовал разлуку навсегда. Жадно обнял ее, целует...

— Последняя ты моя радость земная,— шепчет задыхаясь от горя,— последняя моя любовь...

А она, вся обессилев, сникла ему на грудь, словно умерла от горького счастья. Замер как-то весь и сам Иван Васильевич в безмерной горести, но слышит шепот ее тихий:

— Мне, Иванушка, радости от трех сих годочков на всю жизнь хватит, и на том свете их не забуду...

Ничего сказать ей не может Иван Васильевич и только жадно обнимает, со слезами целует ее.

— Без тобя, Иванушка,— шепчет она, будто спокойно совсем,— нет мне более жизни в миру, нет мне более мирских радостей. В монастыре-то буду токмо бога молить за грех наш с тобой...

И вдруг плечи ее задрожали, и зарыдала она, и снова тоска и боль охватили Ивана Васильевича. Сливаются они в прощальных объятьях и ласках, и не помнит он, как забылся в усталой дреме.

Но вот сон сразу отлетел от Ивана Васильевича. Рассветом белеют уж окна, но не может понять он, почему боль и тоска в его сердце, где он и что кругом его творится...

У постели стоит одетая совсем Дарьюшка. Бледная,— будто из белого воска лицо ее,— словно она мертвая из гроба встала. Замутилось все в мыслях Ивана от муки нестерпимой...

— И ты умираешь,— беззвучно шепчут его губы,— и ты...

Вскочил он с постели, пал на колени, обнял Дарьюшкины ноги, приник к ним лицом и целует платье ее.

— Прости мя, Дарьюшка, прости, свет мой,— хриплым, прерывистым голосом говорит он.— Слуга яз государству, а оно мою душу съедает! Счастье мое съедает!

С испугом и радостью Дарьюшка охватила руками его голову.

— Что ты, Иванушка, что ты,— склонившись, шепчет она,— государь ведь ты! Женке купецкой земно кланяешься! Встань, Иванушка мой! Светает уж... Вставай... Пора идтить мне..

И, услышав осторожный стук Данилушки в стену, затрепе-

тала вся от сдержанных рыдаинй, глянула, будто в смертиый час, с тоской в лицо ему и выбежала нз опочивальии...

В рождественский пост, иоября двадцатого, приехал из Новгорода посол от веча, Никита Саввин, с вестью о смерти владыки иовгородского и псковского Ионы н об нзбрании иа архиепископский престол священноинока Феофнла...

Уже измену творя и сносясь с королем Казнмиром о заключеннн договора на присоединение Новгорода к Литве и Польше, госпóда во главе с Борецким и все еще боялась Москвы. Все иадежды у нзмеиииков былн только иа военную помощь короля н хана Ахмата, с которым в тайных переговорах был король польскнй. Мечтает король присоединить к своей Литве Новгород со всеми его землями обширными и богатыми. Миого врагов у Москвы, и все они дружны меж собой, когда нужно Мóскве вредить.

Исподтишка они яму копают велнкому князю московскому, и ныие вот послали бывшего у иих князя Василия Шуйского-Гребенку на Двнну, в Заволочье, дабы готовыми быть против Москвы. В Заволочье-то у иих главные вотчииы и доходы великих бояр нз господы. Рукоположнть же ивонзбраниого и иаречеииого владыку Феофила по старине шлют в Москву, а в Лнтву к униатам послать его не посмелн.

Весьма затруднительное положеиие в Москве у Никиты Саввина. Не смеет он прямо к Ивану Васнльевичу обратиться. Митрополнта Филиппа н княгиню Марью Ярославну ои просил, дав им дары многие, дабы печаловались оии пред государем: принять его, Саввина, и дать письменное разрешение иа проезд в Москву Феофилу для посвящения в архиепископы...

Целую неделю ие желал государь посла новгородского видеть, наконец, сложив гиев иа милость, как-то за обедом молвил он с усмешкой митрополнту:

— Ведомы мие все их хитрости. Время хотят выиграть, а того ие разумеют, что сие иам-то наипаче надобио. Ну, пущай ныне приходит Саввин-то после трапезы, пождет иас в передией...

Окончнв обед, перешел киязь великий в свою передиюю, а с ним н митрополит Филипп, киягиия великая Марья Ярославиа, и прнзваиы былн иекоторые бояре н дьяк Курицын.

Прн появлении великого князя поспешно н почтительно все встали со скамей. Посол Ннкнта Саввин, крепкий мужик средннх лет, бояре иовгородскне, житьн людн н купцы инзко поклоиились князю и княгине, касаясь пола рукой.

Выслушав обычные пожелання многолетия н здоровья, государь сухо произнес, обращаясь к послу:

— Сказывай.

Никита Саввин опять поклонился до земли и молвил:

— Молим тя, государь, отложи гнев свой, дай опасные грамоты нареченному владыке. Разреши, государь, передать тобе от веча грамоту с печатями вислыми всеми, опричь владычной, ибо владыки еще не имеем. Рукоположения токмо для него молим...

Дьяк Курицын принял по знаку государя грамоту от веча и, тщательно осмотрев, сказал:

— Все подобающе в обращении к тобе, государь, печати же вислые посадника степенного, тысяцкого и пяти кончанских старост...

— Читай, Федор Василич.

— Слушаю, государь,— продолжал дьяк Курицын и, пропустив титулы и прочее, внятно прочел:

— «В лето шесть тысяч девятьсот семьдесят восьмое[1], месяца ноября в пятый день, на память святых мученик Галактиона и Епистимия, преставися архиепископ Великого Новгорода и Пскова отец Иона. И положили тело его в его же монастыре в Отни пустыни...»

При этих словах поднялся со скамьи митрополит Филипп, и все встали следом за ним и обратились лицом к образам. Владыка перекрестился и произнес душевно и кратко:

— Господи, прими во царствие твое небесное раба твоего Иону.

Митрополит сел, и все сели по своим местам, а Курицын продолжал читать грамоту веча новгородского:

— «Того же месяца в пятнадцатый день посадники новгородские, тысяцкие и весь Великий Новгород у святой Софии собрали вече и положили три жребия на престол в алтаре: один — Варсонофьев, духовника владычного, другой — Пименов, ключника владычного, а третий — Феофилов, протодиакона с Вежища, ризника владычного, и сказали так: «Чей жребий оставит себе на престоле святая София, тот и всему Великому Новгороду преосвященный архиепископ». И избра бог и святая София жребий Феофилов. В тот же час весь Великий Новгород двинулся на Вежище к Феофилу. Привели его на владычен двор, ввели в хоромы владычнины с честью и нарекли преосвященным архиепископом...»

Дьяк Курицын оборвал чтение, сказав:

— Тут далее идут, государь, подписи.

Иван Васильевич молча кивнул головой и, улыбнувшись, молвил:

— Верую, новгородская моя вотчина будет служить мне.

[1] 1470 год.

Гнев же свой яз отложил и даю «опасные грамоты» богомольцу нашему, нареченному Феофилу, дабы мог он рукоположитися на Москве у митрополита православного, а не у еретика Исидорова...

Великий князь, подумав некоторое время и оглядев потом всех новгородских бояр, житьих людей и купцов, добавил:

— Нету у меня и страха, что вы, люди православные, веру отцов своих предадите и заодно с погаными латынянами на Русь руку подымете...

Глава 2

ПОХОД К НОВГОРОДУ

В лето тысяча четыреста семьдесят первое случилось на Руси небывалое — Новгород от православия отшатнулся, от отечества отрекся. Не поверил сему князь великий Иван Васильевич, не послал сразу полки свои на изменников, еще раз хотел государь, вразумить новгородцев, удержать их от измены и послал к ним боярина Ивана Федоровича Товаркова, наказав ему:

— Моли их, дабы от православия не отступали, лиху́ю бы мысль отложили и к латыньству бы и к королю не приставали, а челом бы мне били да исправились.

Митрополит же московский, владыка Филипп, послал с дьяком Товарковым увещевательную грамоту всему Новгороду, а ныне, апреля двадцать третьего, когда «пастухов наймают» на лето скотину пасти, вернулся уж Иван Федорович из Новгорода, но с вестями еще худшими.

Созвал тогда великий князь братьев своих и отцов духовных, князей и бояр, воевод и дьяков думу думать о злоумышлениях новгородских.

Собрались все званные государем в передней его и ждали только приезда митрополита. Ожидание это недолгим было.

Вбежали слуги княжие дозорные, восклицая:

— Государь, едет владыка!..

Иван Васильевич с братьями своими вышел на красное крыльцо, чтобы встретить на этот раз отца духовного с особым почетом.

Владыка Филипп, войдя в переднюю и благословив всех после краткой молитвы, сел рядом с государем. Иван Васильевич, помолчав некоторое время, молвил со скорбью всему собранию:

— Яз и митрополит наш Филипп все содеяли, дабы вразумить новгородцев, отвратить их от зла и воровства. Они же сотворили наимерзкое и наипакостное для Руси православной...

Великий князь вздохнул тяжко и добавил:

— Иван Федорыч доведет нам о воровстве новгородском. Сказывай, Иван Федорыч.

— Истинно, государь,— начал Товарков,— наипакостио для Руси православной сотворили новгородцы. Пошла новгородская земля в ересь латыньску. Решила господа их окаянная послать владыку своего нареченного Феофила рукополагатися не в Москву, а в Киев к митрополиту Григорию, иже от Рыма поставлен.

— Еретики поганые!— заговорили кругом.— В прелесть дьяволу впали! Гнева божьего не боятся!..

Но государь сделал знак, и Товарков продолжал:

— Токмо сам Феофил того не восхотел, решил с собя избрание снять и пойти в монастырь, в келию, но его не пустили. Господа же, лукавство тая, обещала отослать его на Москву, где отец наш, владыка Филипп, его рукоположит в архиепископы Нову-городу и Пскову, а токмо отпуску ему иа Москву иикак ие дают...

— О злолукавцы и иечестивцы!— со скорбью воскликнул митрополит.

— Но, государь,— продолжал Товарков,— злолукавие их более того. Как мие сказывали в Новомгороде доброхоты наши, господа-то продалась уж королю Казимиру, дабы главой ои был новгородской державе. Посылала она для сего в Краков Паифила Селифонтова и Кирилу Иваиова с челобитной и с великими дарами. Всему же коноводы — Борецкие, а иаиглавиая из иих Марфа, вдова посадникова. С дерзостью она против тя, государь, всеиародно баила: «Не господин нам князь московский! Новгород нам господин, а король польский — щит и покров нам от зла московского». Наемники же их, слуги и всякие люди запьяицовские, били в колоколы вечевые, бегали по улицам и вопияли: «Не хотим Ивана, хотим за короля Казимира задаться». Тех же, кто за Москву православиую кричал, за государя иашего и за отца, митрополита Филиппа, камнями били, хватали и в Волхов с моста метали, а дворы их грабили.

Ужаснулись все на думе государевой. Митрополит же Филипп встал со скамьи в гневе великом и, обратя взоры свои на кивот с образами, воскликиул:

— Виждь, господи, срамоту сию, иакажи их за грехи их и мерзости!..

Перекрестился истово, обвел всех глазами и продолжал:

— Ныне же новгородские люди, злые мысли тая, вредят в делах законных своего же государя! Пусть же иакажет господь-бог их за злые начинания против православиой веры!..

— Бить их!— возвысили все голоса свои в иегодоваиии.— Бить, яко псов неверных!..

— Хуже татар нам сии вороги, свои бо кровные!..

Шумели и кричали все, требуя войны с измеиииками отечеству и вере православной. Когда же затихать стали крики

и возгласы, опять встал митрополит, помолился на образа и, обратясь к Ивану Васильевичу, молвил:

— Государь! Возьми меч в руци свои! Благословляю тя на рать против врагов Руси православной!..

Великий князь молча принял благословение владыки и, не садясь на скамью, произнес громко:

— Обещаюсь господу-богу и всея Руси православной: будет рать сия грозна и немилостива.

Успокоившись и смирив гнев свой, сказал великий князь приветливо:

— Молю я, отец мой, трапезу с нами раздели вместе с отцами духовными, и вас о сем же молю, князья и бояре, воеводы и дьяки...

Государь сел на место свое престольное и добавил:

— После же трапезы буду один яз с воеводами и дьяками думу думать, дабы лучше волю совета сего исполнить...

Проводив гостей после трапезы, великий князь оставил у себя в покоях только малое число воевод и дьяков, наиболее сведущих и верных, во главе с братом своим, князем Юрием.

В случаях тех, когда грозила опасность и надобна была скорость действий и быстрота мысли, Иван Васильевич становился совсем иным, не похожим на обычного сурового и медлительного государя. Его движения делались быстрыми и выразительными, глаза блестели воодушевлением, а лицо озарялось иногда светлой улыбкой...

Великий князь оживленно ходил по своему покою вокруг большого стола, за которым сидели воеводы, разложив на нем карту с начертаниями дорог, рек, сел, городов, лесов, болот и озер на всех путях от Москвы до Новгорода Великого. Наиглавных путей было два: один —через Волок Ламский, Торжок, Вышний-Волочок, Коломенское озеро и Яжолобицы; другой — через Волок же Ламский, но потом мимо озера Волго, откуда Волга начинается, потом на град Демань[1] и Русу, а оттуда берегом озера Ильмень через Коростыню.

Глядя на очертания дорог, Иван Васильевич весело усмехался и говорил воеводам:

— Добре́ сие все начертано. Яз даже будто вижу очами своими, как полки наши идут обоими путями, как с обеих сторон к Новгороду подходят! Вижу, как и псковичи к Сольцам и Мусцам по дороге вдоль Шелони идут...

Государь замолчал и задумался.

— Токмо рек-то сколь в Ильмень-озеро впадает,— молвил он

[1] *Демань* или *Деман* — новгородская крепость (г. Демянск).

тихо,— и Мста, и Волхов, и Шелонь, и все с притоками, а опричь того — Пóлиста, Ловать, Пола! Болот же и озер, больших и малых, почитай и не сочтешь...

— Да, государь,— сказал воевода Федор Давыдович Пестрый,— не за зря же николи в летнее время никто не ходил ратию к Новугороду...

— Сие не указ нам,— ответил строго Иван Васильевич,— на все нам ко времени и к случаю свой разум иметь надобно.

Еще некоторое время государь разглядывал молча чертежи, потом весело заговорил:

— Добре, добре все сделано. Наиперво сие для ратного дела. Спасибо вам, воеводы мои. Ныне же молю вас, все чертежи взяв, соберитесь у собя купно и точно мне исчислите: во сколько ден полки по сим путям пройти могут. И исчислите отдельно, сколь ден пройдут конные полки, сколь ден пешие, сколь ден обозы вьючные или тележные. Исчислите, сколь харча людям надобно, сколь сена, овса, или жита — коням. Татары Даниаровы с нами пойдут, у тех свой порядок, те сами собе все исчислят. Рассудите такожде, воеводы, где ночлегам быть, где людей и коней днем кормить. Обсудите меж собой, какие у вас наилучшие в полках сотники и десятники, отберите их на главные места в те полки, которые в рати первые будут. Ежели добрых сотников и десятников недостанет, наберите собе новых, да так, чтобы в запасе были. Неровен час кто убиен или ранен будет — была бы в бою замена верная...

Иван Васильевич задумался, потом продолжал:

— Еще же вам приказываю, воеводы: каждый пусть из всех своих полков отберет наилучших лучников в особые полки. Помните, у новгородцев нету лучников, негодны они к дальнему бою. Мы же новгородцев издаля бить будем, особливо их конные полки. Басёнок и князь Стрига добрый пример учинили, а вот как полки наряжать и где какие из них ставить, укажет вам брат мой, князь Юрий. На все сие даю вам два дня...

На третий день после думы Иван Васильевич завтракал у себя в покоях с братом Юрием. Через час должны были прийти к ним воеводы с новыми дополнительными сведениями о местностях, где войскам проходить, а также о всех местах стоянок и ночлегов...

В покоях жарко и душно, окна в княжой трапезной отворены настежь. Солнце печет, как в июне, заливая окрестности ослепительным блеском. Братья сидят в расстегнутых летниках...

— Помогает нам бог, Иванушка,— молвил Юрий,— вестники мои, по приказу твоему, три раза в день вести привозят: бают,

сушь и зной в новгородской земле вельми велики. Зима-то, бают, бесснежная совсем была. Голая земля замерзла, на санях не проедешь. Всю зиму на колесах ездили. Весной же сразу знойно стало, словно в конце мая; паводков вовсе не было: вместо паводка усыхать начали реки и болота...

— А как лесные-то дороги,— спросил Иван Васильевич,— и гати на топях?

— Все сие крепко. Ведь вешних-то вод там не было. В полях земля от сухоты вся потрескалась, а дождя ни капли не капнуло. Ловать, бают, пересыхать уж стала...

— Карает господь новгородцев за воровство и отступничество, Юрьюшка,— спокойно и уверенно произнес Иван Васильевич,— а у нас зимой-то всю землю снегом засыпало, а некои села и деревни, бают, до крыш заметывало сугробами. Паводок был — все поймы, как озера, стояли, на лодках по ним плавали...

Постучав в дверь, торопливо вошел в государев покой дворецкий Данила Константинович. Увидев, что братья одни, молвил взволнованно:

— Иванушка, Юрьюшка, кончается Илейка-то наш. Стара государыня там уж с Ванюшенькой...

Братья переглянулись молча и пошли за Данилой. В подклетях, где в малом покойчике жил Илейка, сидела на стольце, принесенном Дуняхой, Марья Ярославна. Ванюшенька стоял возле нее. Тут же был и Васюк. Илейка лежал у окна на пристенной скамье. Солнце, врываясь в окно косой широкой полосой, освещало лицо старика, утопавшее, как в мыльной пене, в густых белых кольцах всклокоченных кудрей и в седой курчавой бороде.

Он был такой же, как всегда, и даже улыбался, щурясь от света. Узнав вошедших, Илейка обрадовался и, обратясь к Марье Ярославне, молвил ей слабым голосом:

— Вот и оба сыночка твои, государыня. И Данилушка тут...

Илейка помолчал и, скосив глаза на Ивана Васильевича, заговорил с ясной улыбкой:

— Иванушко, государь мой, ишь как солнышко играет радостно. И люблю уж я солнышко-то, страсть!..

Старик закрыл глаза, и застывшие в улыбке губы его медленно стали белеть...

— Упокой, господи, душу раба твоего Ильи,—истово произнес Васюк, перекрестился широким крестом и встал на колени...

Вслед за ним и все преклонили колени пред усопшим.

Государь встретил воевод в своих покоях и тотчас же приступил к изучению новых чертежей.

Угодили воеводы мои,— говорил он весело брату,— порадели

вельми. Челом вам, воеводы, бью за труды ваши. Знатно всё изделали, знатно! Токмо истинно ли все исчислено, что по сим дорогам войско со всякого рода полками будет двадцать пять верст в день идти, а по сим вот, лучшим, даже двадцать восемь верст в день?

— Истинно, государь, истинно,— зашумели кругом воеводы,— руци свои на отсеченье даем. Отборные же конные полки и того более за день пройдут...

— Добре, коли так,— весело отозвался государь,— наиглавное-то — знать, куда и в какое время кажный полк прибыть может. Расчеты же так замышлять, дабы всяк раз ворога упредить и врасплох его бить. Обходы же разным полкам было бы можно по расчету в единое время свершать...

Иван Васильевич усмехнулся и добавил:

— Третьеводни тут Федор Давыдыч баил — никто-де не ходил ратию к Новугороду в летнее время, а нам сие-то и надобно. К зиме нас будут ждать новгородцы, дабы с Казимиром и Ахматом нас со всех сторон окружить и задавить...

— Истинно, государь,— молвил Товарков,— блазнят собя сим новгородцы...

— Ежели,— продолжал великий князь,— мы морозов год ждать будем, то вороги наши в три раза сильней нас станут. Нам же страха на нонешнее лето нет, ибо засухой бог покарал всю новгородскую землю. Князь Юрий Василич о сем и о прочем вам подробно все обскажет. Под началом брата моего вы тут рассудите порядок полкам. Передовым отрядам не уходить от главного войска далее ста пятидесяти верст. Вестники должны день и ночь от воевод быть в ставку государя вашего.

Иван Васильевич встал со скамьи и продолжал:

— Воеводы и дьяки, вы днесь у меня обедаете. К обеду ворочусь к вам.

Все встали, провожая государя, а тот, уходя, молвил дьяку Курицыну:

— Иди со мной...

В сенцах великий князь, вспомнив приказ свой о собирании всех правил судебных, спросил:

— Как и что дьяки творят под началом Андрея Иваныча Жука? Есть у них толк-то?

— Много уж содеяно у них, государь,— живо откликнулся Курицын.— Сказывал мне Андрей Иваныч, что много правил нужных они уж из уставных грамот набрали и из судебных дел разных. Жук-то баит, судебник можно составить...

— Ну, ладно, добре,— молвил Иван Васильевич.— Кончив рать с Новымгородом, и о сем подумаем.

Великий князь, войдя в хоромы старой государыни, послал к

ней Дуняху спросить, можно ли ему зайти к ней в покой вместе с Курицыным.

Дуняха возвратилась и сказала:

— В трапезную просит государыня. Ждет она вас там.

— Яз к тобе, государыня-матушка,— входя в трапезную, ласково молвил Иван Васильевич, здороваясь с матерью,— думу малу подумать...

Марья Ярославна поцеловала сына, сказав нежно:

— Садись, сыночек, рядышком. Садись за стол и ты, Феденька. Обед-то не скоро еще. Может, взвара яблочного со мной поедите?

— Спаснбо,— ответил велнкий князь,— сыт яз. Там у меня в покоях воеводы думают вместе с Юрьем. Обедать с ними у собя буду...

В трапезную вбежал Ванюшенька и повнс на шее отца. Он был все еще взволнован, губы его дрожали. Отодвинувшись от отца и глядя в глаза ему, он с тоской вопросил:

— Тату, пошто к людям смерть приходит? Илейка вот помер, и мы все помрем? Пошто сие?..

Слезы блеснули в глазах Ванюшеньки.

— Любил яз крепко Илейку-то,— проговорил княжич.

Сердце Ивана Васильевича дрогнуло. Растрогали его не столько чувства сына, сколь мыслн его.

— Так, сыночек мой,— сказал он, обнимая Ванюшеньку,— от бога все так поставлено. Все, что рождается, все помирает. Посему краткий век свой кажный прожнть должен пред богом н людьми честно н с пользой...

Успокоенный редкой теперь лаской весьма занятого отца, Ванюшенька сел возле бабки. Марья Ярославна подала ему мисочку с мочеными яблокамн и молвила:

— Ешь, голубнк мой ясный, ешь на здоровье...

Иван Васильевич грустно вздохнул и, взглянув на мать, тнхо пронзнес:

— Сколь близких нам, матунька, из жизни сей отошло, души предав господу...

Замолчалн все на мнг, но Иван Васильевич заговорил снова, обратясь к дьяку Курицыну:

— Как хрестник-то мой? Полегчало ему?

— Спаснбо, государь. Совсем уж с постели встал...

— У тя, Феденька, меньшой-то, Фоня, видать, здоровей,— спросила старая государыня.— Ваня-то все хворает. Ну, а как твоя Устиньюшка здравствует?

— Спасибо за ласку, государыня. Что моей Усте-то деется? Не дай бог сглазить, она всегда здорова,— Афанасий-то в нее вышел.

— А сколь, Феденька, лет-то ныне сынам твонм?

— Иванушке шешнадцать, Афанасью же тринадцать, как внуку твоему, государыня...

— С похода вернусь,— усмехнувшись, молвил великий князь,— и дочкам твоим старшим и сынам твоим гостинцев привезу из Новагорода. Сей же часец, Федор Василич, давай о зле новгородском думать. Наперво, изготовь ты грамоты разметные, токмо без ругания. Пиши им от меня так: «Не хотением своим дерзаю на пролитие многой крови христианской, дерзаю яз об истинном законе божественном, о благе Руси православной». К сему добавишь из святого писания о мече карающем...

Быстро достав чернильницу, Курицын кратко записал сказанное государем. Иван Васильевич, помолчав, продолжал:

— Грамоты разметные готовыми доржи, а когда слать их — скажу тобе особо. Ныне же избери наипочетно посольство к брату моему и великому князю тверскому Михаил Борисычу. Прошу-де яз по докончанию братскому на конь воссести против Новагорода, а пошто, сам ведаешь, как писать надобно. Ныне же вечером с дьяком Шибальцевым Яковом договорись, дабы ехал он во Псков и там был бы на вознесенье господне, двадцать третьего мая. Пусть на вече там пред всеми псковичами от меня баит: «Вотчина моя Новгород отступает от меня за короля. Архиепископа же своего хотели ставить у митрополита униата Григория. Яз, князь великий, дополна́ иду на них ратию, и вы, вотчина моя, псковичи, сложили бы крестоцелование Новугороду, пошли бы с воеводой моим на него ратию», и прочее, что оба порешите. Далее у меня токмо ратные дела с воеводами. Иди, Федор Василич, а утре придешь ко мне к завтраку вместе с дьяком Шибальцевым и все свои грамоты мне покажете...

За час до обеда государь возвращался к своим воеводам. Идя по сенцам княжих хором, вспоминал он труды всех великих князей московских: Ивана Калиты, Ивана Ивановича, Димитрия Ивановича Донского, прадеда знаменитого, деда своего Василия Димитриевича и родителя своего Василия Васильевича...

— Все они,— молвил он вслух,— крупно с нашей церковью не токмо о Москве, а о всей Руси православной радели...

Вспомнил он беседы с Курицыным о Куликовской битве, вспомнил заветы владыки Ионы, и сердце его наполнилось мужеством и верой в себя. Твердым шагом вошел он в покой, где заседали воеводы и дьяки во главе с братом его, князем Юрием Васильевичем.

— Ну, как у вас тут?— спросил он.— Сказывай мне, брат мой.

Приученные государем излагать мысли свои кратко и быстро,

выступают перед ним воеводы, а в первую очередь князь Юрий. Говорят один за другим и князь Холмский, и князь Стрига-Оболенский, и князь Пестрый, и Тютчев, и прочие все.

Слушает государь воевод своих, следит по картам и словно на гору высокую восходит. Виднее и виднее ему становится все, и мысли идут сами, ясные и точные. Глаза его горят, и вот весь поход, со всеми главными задачами ратными, как на ладони.

— Воеводы!— воскликнул он, и голос его вдруг окреп и зазвенел, сразу взволновав всех.— Воеводы мои! Добре все вы исчислили, добре все содеяли! Потрудились для Руси православной!

Государь помолчал и продолжал:

— Помните, воеводы, всюду круг нас — вороги. Первое дело наше: не дать ворогам объединиться. Главная цель наша в походе сем: разбить новгородцев дополна ранее, чем король Казимир повернуться успеет. Вести у нас еще есть от Даниаровых татар, что у хана Ахмата междусобье в Орде. Посему летний поход начать надо немедля. Бог помогает нам — во всей новгородской земле сушь великая, голод там будет. Мы же, сговорясь с князем тверским, ни единого воза с хлебом к Новугороду не пропустим. Будем у Торжка зимой все хлебные обозы, а летом все лодки имать...

Иван Васильевич подошел к развернутой на столе самой большой карте, и опять его голос зазвенел твердо и уверенно:

— Сими двумя путями: на Русу и на Вышний-Волочок идти полкам нашим. Но мало сего. Надо войско новгородское на части разделить ныне же, дабы умалить силу их ратную, дабы не знали, куда им метнуться. Яз псковичам приказ дал идти в конце мая к Новугороду со всеми полками, с пищалями, дабы новгородцы и туда войска слали. К концу же мая готовыми быть воеводам: Борису Матвеичу Тютчеву — в Москве; Образцу же Василью Федорычу — в Устюге. Оба, как укажу им, должны идти враз, в один день в За́волочье, где у господы самые богатые земли, дабы господа вновь силу свою дробила и туда полки свои слала. Нам же тем самым тыл свой со стороны Двины заслонить надобно. Большую свою силу, тысяч десять, не менее, пошлем мы на Русу, к устью Шелони, а там — пойдет она к Новугороду круг озера Ильменя. Яз же сам с главной силой пойду на Торжок и Вышний-Волочок. О прочем ждите приказов от меня через брата, князя Юрья. Разумеете?

— Разумеем, государь,— повскакав с мест, кричали воеводы,— веру великую вложил ты в нас!

— Сами мы ратные люди и зрим как хитро ты задумываешь!

— Мы за водительством твоим, яко за стеной каменной!

Иван Васильевич сделал знак, и все смолкли.

— Еще едино. Всем полкам и отрядам не отходить друг от

друга далее ста верст и денно и нощно вестниками ссылаться. А наиглавно — вести бы всякий час в государев стан приходили, дабы вестники вовремя от меня приказы всем воеводам развозить могли...

— Нарядим всё, государь,— с воодушевлением говорили воеводы.— Каждый приказ твой борзо и точно исполним!..

— Токмо по разуму,— перебил их великий князь.— Умейте и сами так деяти на месте, где видней вам, чем государю, дабы наидобре приказ государев исполнить. Помните каждый: что решил — мигом исполняй, дабы вороги не упредили тобя. Каждый шаг вражьих сил ведайте точно...

Государь оборвал речь свою, увидев в дверях дворецкого Данилу Константиновича, и молвил весело:

— Ну, да пред отпуском полков ваших буду яз еще беседу с каждым из вас иметь пространную. Сей же часец изопьем кубки за начало рати и пообедаем все за моим столом.

После отдания пасхи, когда последний раз пасхальные песнопения поют, тридцатого мая, завершил Иван Васильевич с братом Юрием составление порядка выступлений воевод своих с полками к Новгороду Великому, а тридцать первого мая, в день Еремея-распрягальника, когда поселяне с концом ярового сева все полевые работы кончают, выступили одновременно в За́волочье боярин Тютчев с московскими полками и воевода устюжский Образец со своими устюжанами и вятчанами.

Беседуя об этом с Юрием, Иван Васильевич набожно перекрестился и молвил:

— Не оставь нас, господи! Великая рать с Новымгородом зачалась.

Перекрестился следом за братом и князь Юрий, добавив:

— Помоги нам, господи и святые угодники московские...

— Так вот, Юрьюшка,— продолжал великий князь,— приказывай воеводам моим именем: князю Даниле Холмскому, который вельми скорометлив в ратном деле, выступать первому седьмого июня ко граду Русе, а потом к устью Шелони, где бы соединился он с полками псковичей...

Иван Васильевич досадливо усмехнулся и заметил:

— Нет у меня веры во псковичей, не соблюдут, боюсь, сроков своих, мешать будут Холмскому. Вся надежа моя — токмо на князя Данилу. Десять тысяч даем ему, да пусть он точно соблюдает день в день, час в час, куда и в какое время в указанные грады ему приходить, как на его ратных чертежах мечено. Даем еще князю Даниле быстрые конные полки из татар Даниара-царевича. На походе пущай Холмский-то пустошит нещадно и грабит все грады и селы новгородские и полоны берет, дабы

страхом гнать людей новгородских к Новугороду, дабы теснота, страх и голод были в сем гнезде осином...

Иван Васильевич нахмурил брови и добавил:

— Помни токмо, Юрьюшка, нигде воли татарам не давать. Добычи и полона им у христиан не брать. Токмо Русь православная карать может за вероотступничество.

— Истинно так, Иванушка,— подтвердил Юрий,— а то вороги наши во зло сие обратят, скажут, добром христианским татарам платим. Вот еще что скажу тобе, Иванушка. В Русето могут задержать князя Данилу. Крепок град-то сей заставой своей, и пищали в нем есть. Мыслю, на всяк случай, дабы Холмскому вровень идти с полками князя Стриги-Оболенского, надо ему оставить на задержку запас времени...

— И яз так мыслю, Юрьюшка,— молвил государь,— а посему задержим Стригу-то здесь. Укажем ему выступать из Москвы на Акулину-гречишницу, через седьмицу. Токмо ты ему числа и дни на прибытие в другие грады и селы исправь и о сем днесь же Холмскому доведи, а главное — укажи князю Даниле, когда князь Стрига в Вышнем-Волочке будет, отколь к реке Мсте пойдет и к устью ее у Ильмень-озера. Сколь силы-то мы дали Стриге?..

— Тысяч пять, государь,— ответил князь Юрий,— потому сей отряд всего в семи днях от главной нашей силы, нам ему легче помочь, чем князю Даниле.

— Добре сие придумано,— согласился Иван Васильевич.— Знать, и мне с главными силами из Москвы выступать надобно попозже — на Мефодия-перепелятника, тоже через седьмицу. Следи, Юрий, дабы удельные-то наши в Волок пришли точно. Кто не придет вовремя, ждать не буду, пусть на собя пеняет после...

Долго еще беседовали братья, не отрываясь от карты с чертежами, вычисляя время всех переходов и точно намечая по дням и числам движение главных сил, дабы об этом так же точно знали и все воеводы. Было намечено, чтобы выиграть время в движении к Новгороду, производить присоединение отрядов союзников уже на походе. Так, полки великого князя тверского должны были присоединиться к пехоте главных сил московских в Торжке. Для своих же удельных войск сборным местом назначен был Волок Ламский.

— Все сие, Иване,— радостно воскликнул Юрий,— так придумано и все исчислено, что нету у меня никакого сумления! Наиразумно ты, Иване, изделал, что воеводами Образцом да Тютчевым заслонился от Заволочья. В бой еще не вступая, ты уже силу новгородскую на части разделил. Главное же, государь мой, ты на походе так силы все свои поставил, что ворогам никак нельзя нас уязвить и удары наши упредить...

— Верно, Юрьюшка,— подтвердил Иван,— поход-то Холмского с полудни, а Стриги с полунощи смутит новгородцев, а наши главные силы, идя меж двух сил передовых отрядов сзади, любому на помочь придут, ежели на какой из них главные силы новгородские ударят...

Когда совещание братьев окончилось и Юрий ушел, Данила Константинович осторожно, не входя в покои, отворил дверь и нерешительно остановился на пороге. Государь, все еще поглощенный мыслями о войне и походе, не сразу заметил приход дворецкого.

Вдруг его сердце упало, и тоска вошла в душу. Он вспомнил все. Подошел к дворецкому и, положив ему руки на плечи, спросил с тоской:

— Ну, как она там, Данилушка, в монастыре-то? Что баила?..

Данила Константинович взволнованно потупился и тихо заговорил:

— Был яз, государь, у Дарьюшки. Ныне она — мать Досифея. Не прияла мя. Мать-игуменью передать молила, что-де она от мира ушла и мира боле не ведает. Токмо, мол, богу молюсь за грехи свои и за чужие, а опричь того ничего через игуменью-то не наказывала...

Иван Васильевич ни о чем больше не спрашивал. Понял он все и молвил:

— Поборет она любовь земную ради небесной...

Помолчал и тихо добавил:

— Прости мя, голубица моя кроткая...

Быстро отошел от дворецкого, задохнувшись от внутренней боли, и произнес глухо:

— Мне ж, Данилушка, побороть надобно любовь и горе свое для ради Руси православной...

Глава 3

ПОЛКИ ИДУТ МОСКОВСКИЕ

Вот уж и Федул на дворы заглянул — пора-де сиротам серпы зубрить. Настал июня восемнадцатый день. Погода ныне с самого конца мая стоит жаркая. Порой только идут кое-где полосами грозовые дожди недолгие. Солнце же печет землю так, что, не будь половодья такого весеннего, пересохли бы пашни все в пыль.

— Милостив бог к московской земле,— говорят сироты:— кругом леса горят, а у нас урожай, хоша и малой, все ж будет...

Верит в это и великий князь и пуще торопится к Новгороду, где, как вестники доносят, ни одной еще капли за все время с неба не упало. Но чтобы еще больше поднять дух народа, совер-

шает Иван Васильевич во храмах молебны и милостыню многую рассылает по монастырям и церквам: священникам, чернорызцам и нищей братии.

В Москве же, накануне выступления войск, государь с боярами и воеводами своими, моления многие во храмах свершив, пришел в собор Успения богоматери и, упав на колени пред иконой ее чудотворной, громко взмолился:

— Господи! Тобе ведома тайна сердец человеческих. Не моим хотением, не моею волею будет пролитие многой крови христианской на нашей земле, а волею преступивших закон твой...

Моление государево исторгло слезы у всех бывших во храме, и гнев великий против изменников вере православной.

Со всех сторон понеслись возгласы молящихся:

— Помоги, господи, государю нашему...

— Накажи, господи, изменников и богоотступников!

— Пошли, боже, гибель им без милости за мерзость их латыньскую...

— Мы живот свой положим, государь, за веру православную!..

Обернулся великий князь и, поклонившись в пояс, вышел со светлым лицом из храма.

Посетил великий князь Иван Васильевич и собор Михаила-архангела, где предки его от великого князя Ивана Даниловича Калиты до отца его Василия Васильевича во гробах покоятся. Поклонился государь всем усопшим князьям, моля их:

— Аще духом далече есте отсюда, но молитвою помогите мне против отступающих от православия державы вашей...

Обойдя потом все монастыри и соборные церкви, свершая везде краткие молебны и милостыни подавая, пришел он к митрополиту и, приняв от него благословение, молвил громко:

— Утре, отче и учитель мой, на Мефодия Поторомского, отыду яз из Москвы к Новугороду. Утре же, после завтраку, приду к тобе, дабы благословил мя и всех воев моих против латыньства.

На другой день был государь за ранним завтраком у матери своей. Завтракали с ними Ванюшенька, брат государя Андрей меньшой и дьяк Федор Васильевич Курицын.

После трапезы Иван Васильевич встал из-за стола и молвил:

— Снова, государыня, яз по воле божьей с мечом иду на ворогов наших. Здесь же, на Москве, оставляю вместо собя сына своего, великого князя Ивана. При нем брата моего, князя Андрея меньшого, и дьяка Курицына. Тобе же, государыня-матушка, челом бью, как отцу-митрополиту бил, не оставьте их советом своим. Оставляю вам заставу крепкую и царевича Муртозу, сына Мустафы, с князьями его и казаками — может, пригодится царевич на какое-либо дело. Дьяка же Степана Бородатого опять

беру, с твоего разрешения, дабы в неправдах и воровстве новгородцев корить...

Великий князь улыбнулся и добавил:

— Братья же мои, государыня, все добре деют. Князи Юрий, Андрей большой и Борис, и князь Михайла Андреич верейский с сыном Васильем в Волок Ламский прямо из вотчин придут, каждый со всей силой своей. Царевич же Даниар ночесь еще в Москву пригнал. Об остальном буду вести слать с каждой стоянки.

Постучали в дверь, и вошел дворецкий. Иван Васильевич, оглянувшись на него, спросил:

— Что, Данилушка?

— Государь, конь походный тобе подан,— кланяясь, ответил дворецкий,— стража ждет у красного крыльца. Час, бают, пришел, какой ты сам им назначил...

— Иду,— сказал Иван Васильевич и, встав со скамьи, опустился на колени перед Марьей Ярославной.— Благослови мя, матунька, на сей трудный поход...

Старая государыня благословила его и, обняв, троекратно поцеловала.

Государь благословил и облобызал сына и брата, протянул руку дьяку и дворецкому для поцелуя. Затем молча посидели все на скамьях. Потом, встав и перекрестясь на иконы, пошли провожать государя.

Выходя в сенцы, государь заметил у дверей престарелого дядьку своего Васюка. Протянув ему руку, он ласково сказал:

— Прощай, старина, отвоевал ты свое, отдыхай ныне на покое.

Васюк со слезами облобызал руку государеву и вымолвил горько:

— Покой сей, государь, горше мне наитяжких трудов ратных...

В передней Ивана́ Васильевича ожидал стремянный его Саввушка с двумя воинами, дабы облачить князя в боевые доспехи для торжественного молебна пред войсками на площади у собора Михаила-архангела.

На кремлевской площади стройными рядами уже стояли пешие и конные полки московского великого князя, поблескивая доспехами и оружием на утреннем, еще низком солнце, которое пока не жгло и не пекло, как печет с полудня во все дни эти июньские.

Тишина на площади, только застучат кони копытами, захрапит жеребец или тонко заржет кобыла, и снова все стихнет.

Но вот от государевых хором послышался четкий и ровный топот коней. Громче и громче звонкое цоканье копыт, и вдруг сразу

гулкий звон колоколов заглушил все звуки. Все же сквозь густое и ровное гудение ближе и ближе, как взрывы, прорываются крики:

— Будь здрав, государь!

— Ур-ра! Ур-р-ра-а...

Вот уж крики воинов и звоны колокольные гремят и гудят со всех концов площади. Государь в золоченых доспехах, окруженный стражей, медленно едет к соборной паперти, а там уж ждет его в полном облачении митрополит с епископами, попами и всем клиром церковным.

Великий князь снимает шлем свой и набожно крестится. Смолкают сразу крики воинов, затихает постепенно и гул колокольный, и торжественный молебен начинается. Явственно слышны на всей площади слова молитвенные и священные песнопения.

Сняв — кто шишак, кто шлем, а кто простой, колпак, все истово крестятся и кланяются, взметывая длинные волосы и оправляя их рукой после поклонов.

Незаметно окончился молебен, но тишина все еще стоит на площади, и князь великий не надевает шлема своего...

Вот обеими руками высоко вознес владыка Филипп золотой крест и, помедлив малое время, широко перекрестил им все войско, произнося ясно и звонко:

— Благословляю вас, воины православные, святым сим крестом Христовым. Идите сокрушите врагов истинной веры нашей и Руси всей православной! Живота за сие не щадите. Мы же, отцы ваши духовные, молитвенники за вас усердные пред господом-богом. Да хранит бог в рати сей государя нашего и все его воинство! Да укрепит господь меч его карающий!..

Запели хоры церковные многолетия государю и всем воинам, а князь великий, не надевая шлема, повернул коня с площади к Никольским воротам, и за ним извивающейся по улицам змеей потянулись, один за другим, полки его конные и пешие, проходя в благоговейном молчании мимо владыки Филиппа, осенявшего их крестом...

За кремлевскими же стенами присоединились к главному государеву войску татары служилые во главе с царевичем Даниаром, как иноверцы, на молебне не бывшие.

В день Ивана Купалы, июня двадцать четвертого, главное государево войско под звон колоколов вступало уж в походном порядке в Волок Ламский. Полки же братьев государя стояли уже все под Волоком. Построясь по обе стороны пути Ивана Васильевича, криками радостными встречали они государя своего, и каждый брат выезжал навстречу ему с воеводами своими. Братья при кликах войск обнимались и лобызались с государем и ехали далее вместе впереди главного войска.

Церковный клир из Волока встретил государя еще в поле и здесь вместе с полковыми попами запел молебен с водосвятием, встав на небольшом холме, на виду всего войска.

Тишина наступила в поле, когда все полки и обозы остановились. Время было к полудню, и по приказу государеву, пока пели молебен, во всех полковых обозах обед для воинов готовили, но без шума и криков, держась в отдалении...

Государь, князья и воеводы, спешившись, сошлись у самого холма. День стоял жаркий. Звякали кольцами кадила, поблескивая на солнце и дымясь синеватым дымом ладана. Сверкали кресты, шитые золотом ризы и хоругви. Плыл над полями гул отдаленного звона колокольного, не заглушая молитвенных песнопений.

Иван Васильевич был доволен своими братьями, выполнившими его приказания точно и пришедшими в Волок даже ранее его самого. После молебна приказал он поставить большой шатер свой и пригласил к обеду братьев с воеводами и клир церковный из Волока.

Обед был походный и весьма умеренный. Выпиты были лишь заздравные кубки за государя, князей, воевод и за всего воинство православное. По окончании трапезы тотчас же был собран совет по ратным делам, а войскам дан приказ государев: коней накормив, воинам отдыхать после обеда до пяти часов вечера. Потом, как жар свалит, выступать всем полкам, куда каждому указано будет...

Совещание государя с братьями и воеводами длилось недолго ибо все наиважное для похода еще в Москве было решено и воеводам сказано.

Иван Васильевич только выслушал все вести от передовых отрядов, сведенные князем Юрием воедино, и молвил с ясной улыбкой:

— Ну, братья мои и воеводы, все так идет, как нами удумано. Новгородцы-то, сами видите, никуда, опричь Заволочья, своих сил не слали, да и для самого Новагорода еще собе не собрали всех воев. Впадем в земли их, когда не готовы они. Страх у них и безрядицу сеяти надобно. Пустошите нещадно грады и селы, людей бейте и полоны берите, остальных же страхом гоните к Новугороду, дабы граду в тесноте дышать было нечем, а с пустошенных земель взять бы было нечего. Обозы же свои с харчем для воев и с кормом для коней храните про запас. Ешьте и пейте, что в градах и селах вами граблено будет.

Великий князь встал из-за стола и, перекрестясь на иконы, добавил:

— Сей часец пойду отдохнуть, а брат, князь Юрий, сверит с вами все места по чертежам ратным, куда и как кому

идти и в какие дни где быть. Днесь же и сам пойду с главной силой своей к Торжку, где буду, как вам уж ведомо, на Петров день: туда мне и вестников шлите...

Точно июня двадцать девятого, как и намечено было, прибыл великий князь в Торжок с войском своим. Город этот обнесен крепкой каменной стеной, а посад при нем земляным валом и рвом. За двойным укреплением этот город хоронится.

Стоит Торжок, он же Новый Торг, на реке Тверце, что в матушку Волгу впадает, верст на восемьдесят выше стольного града Твери. Торговля в нем идет бойко, тяготеет он к Новгороду, но барыши и у него перехватывает.

— Не бывать Торжку выше Новагорода,— говорят новгородские купцы.

Но все же богат и Торжок: управляется вечем своим собственным и даже монету свою и серебряную и медную чеканит.

Только всегда меж двух огней этот город вольный. Тверь ли, Москва ли воевать с Новгородом будет, «новоторам» нужно ужом извиваться, чтобы та или другая сторона не затоптала их. Хитры новоторы, и нашим и вашим угодить стараются, а кто победит, с теми и друзья. Не любит никто их за измены постоянные, и кличка у них, хоть и обидная, но верная: «Новотóры — воры».

Не раз по злобе вороги разоряли Торжок и жгли дотла, но совсем погубить не могли: очень уж на бойком месте стоит он. Почти весь хлеб и скот из Москвы и Твери через него идет к Вышнему-Волочку для Новгорода. Только селенье Осташково, что на озере Селигер, отрывает барыши у новоторов; огромными гуртами гонят зимой из Москвы через Осташково крупный и мелкий рогатый скот к Новгороду. Оттого и вражда у них с новоторами постоянная.

— Новотóры — воры,— говорят одни.

— И осташи́ хороши́,— отвечают другие.

Знал все это великий князь московский и, хотя новоторы были гостеприимны и ласковы, все же станом стал он за стенами, городскими, возле древнего Борисоглебского монастыря, что старше самой Москвы на сто тридцать два года.

Встретили отцы духовные, как и положено, государя московского звоном колокольным и молебном, пригласили потом к себе на трапезу, но великий князь не пошел. Сам пригласил в шатер свой игумна со всем священством к обеду. Время уж было для отдыха, а тверичи, к досаде государя, запаздывали.

— Тверские-то полки сие тобе не московские,— усмехнувшись, сказал он самодовольно царевичу Даниару,— и не могут точно время блюсти. Надо князю Юрию сказать, чтобы он в рукавицы ежовые их взял. Он сие борзо сумеет.

Перед самой трапезой доложили Ивану Васильевичу, что

дозорные приметили на реке судовую тверскую рать, а вдоль берега — конную.

— Простите, отцы духовные, подождем малость с трапезой,— молвил государь и, обратясь к вестнику, спросил:— Когда они тут будут?

— Не позже, государь, как через час. Узнав от своих дозорных, что мы уж тут с утра до обеда их ждем, вельми спешить зачали.

— Иди,— молвил государь вестнику и, обратясь к своим воеводам, опять с усмешкой добавил:— Ровности нет в ходе войск их...

Когда тверские полки подходить стали к Борисоглебской обители, великий князь приказал звонить в колокола и, сев на коня, выехал в поле с воеводами и стражей своей навстречу тверичам.

Завидев великого князя московского, воеводы тверские — князь Юрий Андреевич Дорогобужский и боярин Иван Никитович Жито — погнали к нему. Иван же Васильевич, соблюдая строгий чин самодержца тверского, покойного тестя своего, великого князя Бориса Александровича, ждал их, остановив коня. Не доскакав шагов на десять до государя, воеводы спешились и, отдав стремянным коней, пошли к нему.

Иван Васильевич на виду у всех московских и тверских войск приветствовал воевод, милостиво протянув им руку, к которой они почтительно прикоснулись губами. Затем воеводы по знаку Ивана Васильевича вскочили на своих коней и, сопровождая государя московского, медленно подъехали к своим полкам. Все стихло кругом. Иван Васильевич, привстав на стременах, громко воскликнул:

— Здравствуйте, вои православные!..

— Будь здрав, государь!— покатились дружные крики по рядам полков.

Когда все смолкло и войска тверские ближе подошли к московским, великий князь сделал знак к молчанию и среди тишины возгласил:

— Отец мой, Василий Васильевич, великий князь московский, и тесть мой, Борис Лександрыч, великий князь тверской, были заедин против ворогов своих, так и яз с братом своим Михайлой Борисычем, великим князем тверским, заедин против ворогов наших! Да будет здрав брат мой!..

— Да здравствует! Да здравствует!— опять загудело по рядам воинов.

Иван Васильевич сделал знак к молчанию и, сняв шлем, перекрестился, а клир церковный начал молебствие.

Нещадно палит солнце, и среди наступившей тишины льются

над иссохшими полями печально и глухо церковные песнопения, и воины набожно крестятся, чуя душою всю горесть мужицкую от страшной засухи...

По окончании молебна передан был полкам приказ Ивана Васильевича: «Кормить коней, обедать и спать на вечерней заре выступать, а куда, про то воеводам ведомо».

В этот же день прибыли в Торжок к великому князю и послы из Пскова; посадники Василий да Богдан, а с ними вернулся назад и посол великого князя московского дьяк Яков Шибальцев. Случилось это вскоре после трапезы, когда государь, уединясь в шатре своем, почивал перед походом, как и все войска его.

Стремянный Саввушка тотчас же разбудил государя. Так ему приказано было, если прибудут вестники или послы какие прибудут.

— Саввушка,— молвил Иван Васильевич, не подымаясь с постели,— отведи послов в шатер к дьякам. Пусть примет и угощает их сам Бородатый, Степан Тимофеич. Шибальцев же, вкусив от трапезы вместе с ними, пусть тайно ко мне придет сюды. Послам сказать: «Почивает-де-государь». Яз еще подремлю, а ты мя побуди, как Шибальцев дойдет...

Через полчаса, с некоторой робостью, вошел дьяк Шибальцев в шатер великого князя. Не все так исполнил он во Пскове, как государь ему приказывал. Хитры псковичи и осторожны, лукавят все.

— Будь здрав, государь!— сказал он неуверенно, но государь, улыбнувшись, спросил его:

— Добре ли дошел? Сказывай, садись тут вот...

Шибальцев ободрился от ласки государевой и ответил веселее:

— Спаси тя бог, государь, дошел добре, токмо вести мои не совсем добры. Псков-то своенравит все, как невесты их псковские перед сватами: «Хоцу — вскоцу, не хоцу — не вскоцу»[1]. Время тянет Псков-то — и на Москву глядит и на Новгород оглядывается...

— Яз другого от них и не ждал,— сурово молвил Иван Васильевич,— ну, да «вскоцут», когда полки наши ближе к ним будут.

— Ныне, государь,— усмехнувшись, продолжал дьяк Шибальцев,— вскочили уж! Крестное целование свое Новугороду сложили

[1] В старину невеста, соглашалась идти замуж, говорила сватам: «Хочу — вскочу»— и впрыгивала в середину пояса, положенного на полу в виде круга.

и разметные грамоты с подвойским[1] своим Савкою в Новгород отослали, а когда отъезжали яз с послами, то на вече своем раскладку псковичи на десять тысяч рубленого[2] войска изделали. Оба посадника полки сии поведут к Новугороду...

— Добре́,— медленно произнес Иван Васильевич и, кликнув Саввушку, продолжал:— Ну, а о новгородцах что там слыхать?

Вошел Саввушка, откинув полу шатра.

— Туточки я, государь.

— Зови ко мне дьяка Бородатого вместе с послами псковскими.

— Сказывать дале-то,— спросил Шибальцев,— пока послы-то не дошли?..

— Сказывай.

— Есть у меня через доброхотов наших вести из Новагорода о докончании новгородцев с королем Казимиром. Бают, у них на списках докончания показано, какие твои городы и волости, и земли и воды, и все твои пошлины в новгородских владениях отписали они королю, яко князю литовскому...

— А можно ли списки сии тайно добыть нам? Ведь по докончанию сему все воровство новгородское открывается. Старину ведь, коя двести лет была, они рушат!

— Истинно, государь!— воскликнул Шибальцев.— Бают, Борецкие-то и прочие уже посольство к Казимиру собрали с Панфильем Селифантовым да Кириллом Ивановым, дабы челом бить королю со многими дарами, пишучи и зовучи его «Честной король и господин наш»...

При этих словах откинулась пола у шатра, и вошли к государю псковские послы Василий и Богдан, низко кланяясь Ивану Васильевичу. Сопровождали их дьяк Степан Тимофеевич Бородатый и начальник княжой стражи с двумя воинами.

Помолившись, послы низко поклонились государю и поздоровались с ним. Иван Васильевич, кивнув им, спросил, добро ли они дошли. Послы, отвечая на вопросы великого князя, говорили:

— От веча к тебе, государь, мы посланы донести: «Положили мы в Великом Новомгороде разметные грамоты. Понабрали тысяч десять воев рубленых, да еще тысячи две охочих людей пойдет пустошить порубежье новгородско...»

— Кто воеводы-то?— спросил Иван Васильевич.

— Двух посадников вече в воеводы поставило: княжеского сына Василья Федорыча да другого посадника Тимофея Василича. Для боя же дальнего изделали, как ты наказывал: полк особый из лучников собрали и войску все пищали отдали...

[1] *Подвойский* — судебный пристав, а также исполнитель приговоров веча.

[2] *Рубленые ратные люди* — ополченье, созванное по разверстке среди населения волостей и пригородов.

Ждут послы еще вопросов государевых, а тот молчит, только глядит на них неподвижным взглядом, будто сквозь них куда-то смотрит. Смутились послы, в лице переменились...

Встал вдруг со скамьи государь и резко сказал:

— Добре все сие. Токмо яз отпускаю во Псков одного Богдана, а с ним боярина своего Кузьму Коробьина с приказом, дабы войска ваши немедля к Новугороду шли. Ты ж, Василий, при дворе моем тут останешься. Идите. Бородатый и Шибальцев после о воле моей пространней вам поведают...

В ночь на июня тридцатое тронулись из Торжка главные силы московские к Новгороду со всеми полками союзными. Впереди же их, далеко уже по обоим обходным путям, идут передовые отряды: князя Холмского — к устью Шелони на соединение с псковичами, а отряды князя Стриги-Оболенского вдоль Мсты-реки.

По бокам же государева войска полки братьев его идут разными дорогами, но вровень с главным войском. Версты их разделяют, а идут будто плечо к плечу,— время своих передвижений соблюдают. Валом нещадным сила московская на всю землю новгородскую навалилась и катится, все сокрушая, через города и села, деревни. Как след движения грозного, полыхают по ночам в небе со всех сторон зарева пожарищ страшных. Сушь,— и от горящих сел и деревень леса горят кругом. Дым все застилает, жара, духота, и звери всякие, людей не боясь, по всем тропам и дорогам бегут от огня куда глаза глядят.

Впереди же войск московских, как и звери, страхом гонимые, бегут и беженцы новгородские, и вопли несутся повсюду.

— Идут полки московские!

— Москва тронулась, злей Орды пустошит!..

— Сожигает, убивает, полонит!..

Смятение и ужас по всей земле, бегут все к Новгороду и с юга, и с востока, и с запада.

Знает обо всем этом Иван Васильевич от вестников, да и сам многое видит. Тяжко ему, и еще больше гневом распаляется он против Новгорода.

— Не моя вина, господи!— шепчет он крестясь.— В зле сам и крови яз не повинен...

Такой же стезей, кровавой и огненной, беря полон, сея горе и ужас, стремительно продвигается вперед отряд князя Холмского.

Точно, без промедлений, идет воевода в указанном ему направлении. Пятьсот верст прошли воины московские за восем-

надцать дней и июня двадцать четвертого пали нежданно на град Русу, захватили и сожгли этот богатый пригород новгородский. Много тут было бито-граблено и в полон взято. Оба князя — воеводы Холмский и Пестрый — мирно делили военную добычу и воинам давали, всякого добра вдосталь...

Обремененные полоном и подводами с награбленным, гоня с собой захваченный скот, двинулись воеводы к устью Шелони, где надеялись соединиться с псковичами и отдохнуть...

— Заслужили отдых-то,— смеясь, говорил князь Пестрый,— ведь по двадцать восемь верст в день-то махали Токмо сей же день государю надобно вестника слать, Данила Митрич. Ведаешь нрав-то его...

— Ведаю, Федор Давыдыч,— весело ответил князь Холмский,— ибо уж часа два как отослал яз вестника-то. Страх токмо у меня за псковичей. Их тут мы прождем, а новгородцы в обход могут пойти...

— Все ж, Данила Митрич,— заметил князь Пестрый,— надо, как государем велено, к устью Шелони идти. Токмо где ж тамотко нам станом стать?

— Селенье там есть, Коростыня, в нем и станем. Край самого берега Ильменя селенье-то. Всякую лодку оттуда на озере легко узришь...

Медленно передвигаясь из-за полона и обозов с захваченным добром, князь Холмский повел войско свое к Коростыне, которая всего только в тридцати верстах от Русы, и ночью на двадцать пятое июня без боя захватил деревушку.

Усталые полки, расставив на ночь, где нужно, сторожевую охрану, выставив дозоры вдоль берега озера, заснули, как убитые...

Между тем воеводы новгородские, хотя и много пререкались меж собой и с господой, успели все же собрать два больших войска. Одно поспешно послано было с лучшим воеводой князем Василием Шуйским-Гребенкой в Заволочье против московских воевод Образца и Тютчева. Это сильно ослабляло воевод новгородских, но нельзя было им поступить иначе: самые доходные земли господы в Зáволочье. Верно рассчитал удар великий князь московский, послав туда полки свои.

Но делать было нечего, и воеводы новгородские, спешно укрепив стольный град свой, собрали другое войско силой до сорока тысяч воинов, хорошо снарядив их вооружением и доспехами немецкими.

Все же господа была в тревоге великой. Псковичи, сложив крестное целование, пустошат земли новгородские, взяли Вышгород, который в тридцати верстах от града Порхова, что на

реке Шелони, и дальше идут к Новгороду. Грозно надвигаются псковские полки, и бегут от них к Новгороду со всех сторон беженцы — с юга, с востока и запада, путая все дела ратные, мешая движению обозов с продовольствием для войска, внося всюду страх и робость, требуя пищи и переполняя города и села.

Казимир же, король польский и великий князь литовский, помощи никакой не шлет, забыл о договоре своем с Великим Новгородом. Сам он увяз в войне с чехами и венграми — хочет сыновей своих королями на престол посадить и в Чехии и в Венгрии. Нет вестей и от хана Ахмата,— видно, ждет, когда король польский против Москвы на коня воссядет...

Воеводы новгородские мечутся, как волки на поле, окруженные со всех сторон и борзыми и гончими. Все же, когда получили вести, что передовой отряд князя Холмского далеко ушел от главных сил, решили окружить и разбить его немедля.

Главные воеводы их — Димитрий Борецкий, сын Марфы, и Василий Казимир, зная, что князь Холмский идет к Русе, не медля ни часу, послали туда сразу три отряда: к Коростыне, до которой от Новгорода и по воде и по суше верст сорок пять, и к Русе, куда водой плыть верст шестьдесят с лишком. Пешую рать отправили на лодках вдоль западного берега Ильмень-озера к устью Шелони, чтобы оттуда также идти спешно к Русе. Если же новгородцы уж там разбиты и отступают, подкрепить их против силы московской. По суше послали они лучших конников — полк владыки новгородского; третий же отряд поплыл в лодках вперерез Ильмень-озера прямо к устью реки По́листи. Это пеший отряд, поднявшись вверх по реке, должен был высадиться возле Русы и ударить в тыл отряду князя Холмского.

Провожая войска свои, воеводы новгородские с похвальбой говорили:

— Вы настоль сильней москвичей, что половину их посечете на месте, половину живьем перевяжете и в полон уведете! Не раз так бывало у нас и с Москвой и с иными...

Под парусами, помогая веслами, плыли по озеру судовые рати новгородские, а конники полным ходом гнали берегом озера, и двадцать шесто́го июня первый судовый отряд новгородский уже высадился недалеко от Коростыни. Увидев стан князя Холмского, новгородцы красться стали к нему, но заметили их дозоры московские, упредив вовремя об этом воевод. Князь же Холмский, будучи очень находчив, сам напал на них с великою яростью, не давая новгородцам опамятоваться от нежданного удара. Видя малочисленность отряда московского, оправились вскоре новгородцы и навалились всей силой. Но войска московские были теперь не те: стоят полки рядами железными, не дрогнув

ни разу, и, словно траву, косят новгородскую рать. Часы идет бой, сильней и сильней теснят москвичи со всех сторон новгородцев, то там, то здесь ломая их строй.

Сотни четыре уж полегло новгородцев убитыми и ранеными, и страх уж берет их, помощи просят воеводы у конного владычного полка, но воевода его поскакал с конниками обратно к Новгороду, крикнув:

— Не велел нам владыка подымать руки на великого князя, посылал он нас токмо на псковичей!..

Побежали тогда за ними и пешие воины, стремясь к лодкам своим. Погнались москвичи за новгородцами — и в погоне той еще многих убили и многих в полон взяли. Разоружали московские воины новгородцев и, бросая щиты и немецкие доспехи в воду, говорили:

— Сие нам не надобно, в войске московском все сие лучше!

Из пленных же взяли несколько человек и, велев им друг другу уши, носы и губы отрезать, приказали плыть к Новгороду.

— Покажите, поганые, у собя в Новомгороде,— кричали вслед им воины московские,— как господь-бог карает вас за воровство и латыньство!..

— Так будет со всеми, кто от Руси православной отступится...

Разгромив новгородцев у Коростыни, князь Холмский отослал во Псков боярина Василия Зиновьева с сотней конников известить о прибытии московской рати, как со псковичами уговорено было.

— Скажи им, Василь Петрович,— наказывал князь Данила Димитриевич,— как Русу повоевали и сожгли, сколь полону и живота всякого взяли...

— Сам знаешь,— вмешался другой воевода, князь Федор Давыдович,— телег не хватило все увезти, на коней вьючили...

— Добре, добре,— похвалил Холмский товарища.— токмо все сие ты, Василь Петрович, от собя обскажи, зависть у них разожги. От меня же сказывай токмо о ратных делах: от Русы-де мы к Шелони пошли, псковской рати навстречу, как государем нашим указано. Тут напала на нас судовая рать новгородская, вдвое, почитай нас больше. С ними же и конный владычный полк. Мы частью побили новгородцев, часть в полон взяли. Многих же, носы и уши им урезав, к Новугороду отослали. Пусть же псковичи идут борзо, помня о гневе государевом. Государь же сам на Петров день в Торжке будет.

Только что отбыл боярин Зиновьев во Псков, как от Русы прискакали конники дозорные, которых послал туда князь

Данила Димитриевич, опасаясь, что новгородцы могут обойти его с тыла.

— Ну, сказывайте,— нетерпеливо крикнул им князь Холмский,— как возле Русы-то?

— Худо, княже,— молвил начальник дозора,— новгородцы-то Русу опять заняли. Сколько их, сказать неможно, а видать, сила великая. Поболе их, как тут было. Токмо конников нет, все пешие...

— Поболе, баишь, силы-то у них ныне,— смеясь, громко молвил князь Холмский, чтобы все его слышали,— ну, так мы их и поболе побьем. А дозоры-то высылают?

— Окрест не высылают. У них токмо круг стана...

Князь Данила Димитриевич оглянулся на воевод и воинов своих, стоявших позади него, и возгласил звонко и весело:

— Повались спать ныне, народ православный, поране. Утре со светом выйдем, а в обед будем бить поганых за латыньство их и воровство!..

Двадцать восьмого июня конные полки Холмского и Пестрого внезапно прискакали к Русе и прямо с похода ударили на новгородцев.

Всё же новгородцы успели оправиться и стали обороняться, прикрывая себе отступление к лодкам своим на реке По́листи, но москвичи прорубались к ним яростно.

Язвимые стрелами и копьями конников московских нападавших со всех сторон, новгородцы, прорвав многолюдством своим тонкую цепь конницы, побежали, часть их прорвалась к лодкам, остальные старались спастись на суше. За ними погнались охочие конники Холмского, кололи, секли и в полон брали бегущих. Новгородцы, впадая в бешенство, останавливались вдруг, бились жестоко и снова бежали. Гнали их москвичи верст десять до пересохшей речки, именем Редья, а отсюда, оставив дозоры, в Русу вернулись. Новгородцы же побежали далее, ко граду Демани, надеясь укрыться за стенами его.

В Русе же в это время, разобрав все, что было оставлено врагом, воеводы с отрядом своим праздновали по обычаю «победу на костях».

На другой день рано утром вызвал к себе князь Данила Димитриевич боярского сына Тимофея Замыцкого, весьма крепкого парня, дабы вестником послать к государю Ивану Васильевичу, который, по расчету московскому, на Петров день должен прибыть в Торжок с главной силой своей.

— Ну, Тимофеюшка,— сказал князь Данила Димитриевич Замыцкому,— выручай. Гони денно и нощно с вестями к великому князю. Коней с собой возьми запасных...

— Когда выезжать-то, княже, и куда?
— Сей же часец, Тимофеюшка, в Торжок гнать надобно. Днесь туда государь прибывает. Да возьми с собой воев подручных...
— Мне, княже, токмо двух, боле не надобно. Петю Косого да Гришу Силантьева...
— Оба пьяницы,— нахмурив брови, молвил князь Холмский.
— Какие пьяницы,— возразил Замыцкий,— всегда оба в шапках, а тот, княже, не пьян, коли шапка на нем.
Усмехнулся воевода.
— И сам-то не пьешь ты, токмо за ухо льешь,— сказал он с укоризной.
— Что же, княже, все мы богу и государю виновати. Токмо, кто пьян да умен — два угодья в нем.
Холмский махнул рукой, промолвив:
— Бери, кого хочешь, только все в точности изделай. Запомни и повестуй от меня государю: «Будь здрав, государь, на многие лета. Все у нас с князем Пестрым идет к добру. Русу сожгли, заставу пленили, захватили много всякого добра и полону много нахватали. Возле Коростыни, близ устья Шелони, новгородскую пешую рать, которая числом много боле нас была, совсем побили. Почти пятьсот воев убитых и раненых они на поле оставили. Потом послал яз во Псков боярина Василья Зиновьева, дабы шли псковичи борзо к Коростыне. Сведав же, что в Русу снова пришли новгородцы и привезли на лодках еще больше пеших полков, мы к Русе с полками своими погнали и там, как и в коростыньском бою, за латыньство их побили...»
Воевода передохнул малое время, собираясь с мыслями, и продолжал:
— «Ныне же порешили мы с князь Пестрым согласно, надо нам утре к Демани спешить и град сей разорить, дабы за спиной у нас угрозы вражьей не было. Пока же псковичи не пришли, мыслю, до них Демань взять мы успеем. Оба целуем руку твою, государь, будь здрав на многие лета...»

В тот же день, на заре вечерней, поскакал Тимофеюшка с товарищами своими — с Петей Косым да Гришей Силантьевым к селу Осташково.
На четвертый день были они в Осташкове, на седьмой — в Торжке, но государя уже там не застали: выступил он со всей силой своей к Вышнему-Волочку. Поскакал Замыцкий следом к Волоку, но и там государя уже не было. Догнал же он войско великого князя только возле озера Коломно, за Вышним-Волочком.

На самом рассвете прискакали сюда вестники князя Холмского.

По приказу самого государя к нему в шатер привели Тимофея Замыцкого. Государь лежал на постели. Пока Тимофей молился и кланялся, Иван Васильевич, внимательно разглядывая вестника, смутил его. Заметив это, государь спросил Замыцкого:

— От князя Холмского? Как звать-то тобя?

— Тимофей Замыцкий, из детей боярских.

— Ну, сказывай.

Тимофей в точности, ни в чем не запинаясь передал донесение князя Данилы Димитриевича о сожжении Русы и о двух победах над новгородскими ратями, о решении воевод взять Демань, новгородскую крепость, чтобы из-за спины враг не мог больше грозить...

Молча все выслушал государь и, сурово нахмурив брови, стал спрашивать подробней, как напали новгородцы на московскую рать у Коростыни. Узнав, что воеводы его на берегу Ильменя разведки не делали ни в день прибытия, ни после, Иван Васильевич сказал сурово:

— Кажись, Тимофей, ты памятлив. Так запомни и точно передай воеводам сии слова мои: «Не валитесь спать, яко бараны. Ране все окрест разведайте и крепко подумайте, где сколь и какие дозоры поставить».

Помолчав, великий князь насмешливо добавил:

— На сей раз божьей волей и смелостью их и воев наших все хорошо сошло, а другой раз может и худо быть. Пусть помнят, что вороги-то не глупей их в ратном деле!..

Опять помолчал государь и продолжал:

— Повестуй воеводам: «Хвалю яз воевод моих и воев всех за смелость и скорометливость, а князю Холмскому и князю Пестрому приказываю от Демани, ни часу не медля, обратно идти к усть Шелони, дабы вборзе соединиться со псковичами. Без полков наших новгородцы побьют псковскую рать. Мыслю и надеюсь, что уразумеют воеводы, пошто сие надобно. Пусть Холмский-то не забывает, что многие из-за деревьев леса не видят. Ну, да спаси бог вас...»

Иван Васильевич закрыл глаза. Замыцкий поклонился, думая, что ему пора уйти и не мешать государю. Иван Васильевич остановил его и затем добавил язвительно:

— Постой малость. Скажи воеводам-то, дабы о спине своей не опасались. Днесь же шлю яз князя верейского, Михайлу Андреича с сыном его Васильем и со всей силой их к Демани, град сей в осаде держать и взять его. Теперь иди. Напоят тя и накормят вместе с товарищами. Вы же после трапезы сей же часец гоните обратно к Демани. Отсель до нее всего сто двадцать верст, к вечеру в стан свой поспеете...

В тот же день, поздно вечером, выслушав от Тимофея, вернувшегося обратно от озера Коло́мно, приказ великого князя и передав всем воеводам и воинам благодарность государя, Холмский и Пестрый повелели полкам выступать с ночи июля десятого пред самым рассветом...

Когда оба воеводы остались в шатре совсем одни, князь Пестрый сказал с огорчением:

— Зло уязвил нас государь дозорами, с баранами сравнял...

— Сами виновати мы,— ответил князь Холмский.— Мне-то еще злей сказал: из-за деревьев, мол, лесу яз не вижу, сиречь, забыл яз, как в Москве все было решено.

— Во всем мы на глазах государевых,— заметил князь Пестрый.

— Как и все воеводы,— добавил Холмский,— в воле и в руках его.

Князь Пестрый задумчиво покрутил свою бороду и, вздохнув сказал:

— А жаль мне, Данила Митрич, Демань-то. Не мы, а князь верейский ощиплет градец сей. Бают, побогаче он Русы-то...

Глава 4

ШЕЛОНСКАЯ БИТВА

На рассвете июля одиннадцатого, когда выступали полки князя Холмского, сняв осаду с Демани, прибыли вестники от князя верейского, Михайлы Андреевича, и повествовали, что силы их ныне у Демани будут.

— Ишь как поспевает,— сказал Данила Димитриевич князю Пестрому,— знать, без обозов гонит. Как же мы, Федор Давыдыч, к Шелони поспеем с обозами-то?

— Нет, Данила Митрич,— согласился Федор Давыдович,— ведь до Шелони-то отсель боле ста верст. Ежели вот днем и ночью идти...

— Да,— перебил его князь Холмский,— нам так спешить нельзя. Может, нам возле Русы-то с походу прямо в бой идти. Надо по ночам войску спать и отдыхать, дабы не обессилели кони и люди.

Порешив так, три дня шли воеводы, но все же не всем войском вместе. Впереди всех шел, вслед за дозорами и разведчиками, сам Холмский с отборными конными полками и татарами, которых он всегда при себе держал, не позволяя им грабить православных и в полон их брать. Несмотря на это, уважали и любили его татары за справедливость; обид он им не чинил, а все, что войско захватывало у побежденных, делил честно.

Татарам давал столько же, как и православным, а взамен полона на всякую добычу хорошую надбавку им делал.

Впереди Холмского и по сторонам постоянно ехали конники дозорные, делавшие и глубокую разведку. Сзади же шли обозы и пешие воины судовой рати под прикрытием конных полков во главе с воеводой князем Пестрым.

К вечеру июля тринадцатого, пройдя еще утром через опустошенную и сожженную Русу, князь Холмский двинулся прямо к реке Шелони в направлении к сельцу Мшаге, что на левом берегу. К устью же Шелони, дабы не утомлять войско лишними переходами, послал в разведку небольшой дозор с Тимофеем Замыцким.

— Тимофеюшка,— напутствовал он Замыцкого,— все там выгляди. Яз мыслю, что псковичей-то там ни слуху ни духу! Исхитряются вороги. Не ведают еще, кому руку лизать придется. Главное же — проведай, есть ли там новгородцы: в засаде ли, идут ли? Ежели идут, выследи их и, обогнав, меня упреди вовремя. Разумеешь? Игра-то идет ведь головами людскими.

— Да что ж, Данила Митрич,— воскликнул с обидой Замыцкий — богу, чай, слуга и государю!..

— К тому баю,— молвил князь Холмский,— хмелем зашибать любишь...

— Да лопни глаза: ни-ни! Вот те хрест, княже!..

— Государь-то,— мягче добавил воевода,— разгневался вельми за оплошку нашу с дозорами тот раз у Коростыни. Ну, добрый путь, гони туды сей же часец. С богом...

Июля четырнадцатого, на раннем рассвете, когда заря чуть алеть начинала, примчался обратно в стан Тимофей со своими дозорами от устья Шелони, с берегов Ильмень-озера. Воеводы, как и все воины, кроме стражи и дозорных, крепко еще спали.

Недалеко от шатра воевод, где широкий ручей в Шелонь бежит, приметил Замыцкий лодку пустую — у коряги привязана.

— Петька, Гришка,— крикнул он своим сподвижникам, Косому и Силантьеву,— айда в лодку сию спать! Вести у нас добрые, спеху-то нет...

Петька и Гришка враз пали на дно лодки и захрапели, а Замыцкий, томимый жаждой, перегнулся через корму и, черпая воду пригоршнями, стал пить.

В это время пола́ у шатра дрогнула — вышел князь Холмский и, увидев Замыцкого, молвил, смеясь:

— Ты все пьешь, Тимофей, коли не водку, то воду! Криком своим пробудил мя...

Замыцкий быстро вскочил и, отирая мокрую бороду, выпрыгнул из лодки на берег.

— Истинно, княже,— усмехаясь, ответил он Холмскому,— мы народ не жадный, но всем довольный: не винца, так пивца; не пивца, так кваску, а не кваску, так и водки из-под легкия лодки...

Невольно взглянув на лодку, князь Холмский вдруг вспомнил себя мальчонкой на такой же вот коряге, с которой ершей, бывало, ловил он на удочку. А кругом тишина, такая же вот предрассветная, как и ныне, стоит. Светает быстро. Вот уж синие, красные и желтые коромыслы, большие и малые, кружат над водой и за каждый куст цепляются...

Усмехнулся воевода и спросил:

— А ты, Тимофеюшка, рыбу-то лавливал? Хоша бы ершей... Бородатая рожа Замыцкого расплылась в широкую улыбку.

— Лавливал, княже, в Каменке, речонка така, у нас в деревне есть...

Оба замолчали, глядя вдаль куда-то по речонке, и каждому свое прошлое мерещится...

— Вести, видать, у тя добрые,— отгоняя свои думы, молвил Данила Димитриевич,— вишь вся рожа плывет. Ну, сказывай.

— Лучше, княже, и не надо,— ответил Тимофей,— псковичи не приходили еще, а новгородцы-то пришли с большой силой. Кругом, где шли, все притоптано: и трава и кусты даже. Конные и пешие полки прошли вверх по Шелони. Ныне выше Мшаги идут. Хорошо, княже, что войску нашему ты в лесу хорониться велел и костров не жечь.

— Ночью прошли-то?

— Ночью, княже. Идут они безо всякого страху. О нас ништо же не ведают. Не токмо дозоров, а и стражи никакой у них нет...

— И где же они теперь?

— Видать, недалече. За рекой-то, по левому берегу, пески всё. Грузно идти-то не токмо пешему, но и конному...

— А много их?

— Сколь, не ведаю, а по следам их, вельми намного боле нас...

— Пущай их и людей и коней томят своих,— улыбаясь и позевывая, молвил Данила Димитриевич,— а мы поспим еще до восхода солнца, и ты спи. Дозорные-то, когда надобно, разбудят, как им приказано. Потом новгородцев нагоним, берег-то наш твердый, без болот, идти нам легко будет...

Яркое летнее солнышко быстро подымалось, сверкая в ясном безоблачном небе. Засуха все еще стояла, и не было никакой утренней свежести, даже на лесных травах, которые все время в тени растут, ни одной росинки не блестело.

Когда вонны сидели за ранним завтраком, лучн солнца, пробнваясь сквозь полузасохшую лнству берез, осин и ольхн, пеклн уже спину, как в полдень.

— Сухмень-то, сухмень какая,— крестясь, говорил старый конник.— Как мы коней-то прокормим, коли вот овса не хватит...

— Государь еще пришлет!— уверенно заметил молодой парень.— Ныне пока есть, а не хватит — наши воеводы у новгородцев возьмут на первую-то пору...

— Эй, ребята, эй!— кричали уж кругом десятники и сотникн.— Торопись, язык-то не распускай, ешь проворней!

— Борзо коней пои!

— Не проклажайся!

— Сей часец труба заиграет!

Не прошло н получаса, как полкн уж были готовы н строились к походу. Все шатры, котлы, ведра, всякие припасы н прочее были уложены на подводы, а что в переметные сумкн ушло, то на коней вьючено.

Вот уж и воеводы селн на коней, и князь Холмский руку поднял, дабы знак подать к походу, как подскакал к нему небольшой дозор, держа на поводу коня с незнакомым всадником.

— Вот, княже, пымали,— громко и сердито докладывал старший дозорный.— В лодке к нам переплыл, а мы его и схватили...

— Оружье-то у него было?— спросил воевода, князь Холмский, оглядывая темнобородого сурового мужика лет сорока с лишком.— И где вы его пымали?..

— Нетути у него оружия. Схватили же тутотка, как на берег вышел...

Мужик усмехнулся и, обращаясь к Холмскому, молвил спокойно:

— К тобе, княже, прнбежал нечаянно. От войска новгородского в Москву хотел...

Князь Пестрый, глядевший все время на пленника, прервал его.

— Не Афанасий лн?

— Я самый и есть,— ответил тот,— Афанасий, сын Братилов, торговец...

— Златокузня у тя в Новомгороде?

— Истинно. Дьяк Бородатый меня знает, н у государя я на Москве бывал...

— Ведаю, ведаю!— обрадовался князь Пестрый.— Видал тя у государя-то...

— Ну, сказывай, Афанасий,— резко вмешался князь Холмский,— пошто до нас дошел?

Афанасий Братилов рассказал, что взят был насильно после

того, как лавку его разграбили, семья его у родни схоронилась, а его самого захватили.

— Ну, да о сем, воеводы,— продолжал он,— я на досуге расскажу. Сей же час наиглавно иное дело. Как прибежали вои наши без носов и ушей от Коростыни, такой страх пошел в народе-то, а господа с Борецкими в такую ярость пришли, что немедля вестника послали к королю Казимиру, моля борзо на конь воссесть против государя нашего. К государю же Луку Клементьева послали о мире челом бить, дабы время иметь для ради воровства своего. У самих же докончание с королем уж подписано...

— А ратные дела как у господы? — спросил князь Холмский.

— Набрали Борецкие и присные их, набрали волей и неволей, более силой и страхом, много людей. Тысяч, почитай, сорок. Токмо народ сей — худые вои. Из них, которые на конь посажены, до сего никогда и в седле-то не были. Которые в доспехах, с мечами и копьями, до сего знали токмо иглу, молот, шило да дратву и прочее.

Воеводы Пестрый и Холмский переглянулись с усмешками.

— Куда же рать их идет и пошто? Дале-то что мыслят деяти?

— На вече посадники Митрий Борецкий и Василий Казимир сказывали: князь-де Холмский с князем Пестрым Русой займутся а за сим к Демани уйдут. Мы же, пока князи сии там проклажаться будут, псковичей половину посечем, половину живьем возьмем...

— Как же, Федор Давыдыч, прозорлив государь наш!— воскликнул Холмский, перебивая Афанасия.— Прав он был. Истинно, что из-за деревьев мы лесу не видели. Новгородцы же все уразумели, западню нам припасли!..

Холмский замолчал и поглаживал в раздумье бороду.

— Великий и многохитрый воевода наш государь,— заговорил он снова,— малые дети мы все пред ним. Господа же хочет умней его быти. Ведь, мыслю, господа-то хочет, избив псковичей, вслед затем и нас побить...

— Истинно, княже,— подхватил Афанасий Братилов.— Мыслят они, пока государь-то дойдет сюды, король Казимир им войско свое пришлет, а там, может, и татары подымутся.

Переглянулись опять воеводы, а Пестрый заметил:

— И сие нам государь указывал...

— Не будем о сем баить,— прервал его Холмский и, обратясь к Афанасию, спросил:— А ведают воеводы новгородские про нас?

— Ничто о сем им не ведомо.

Холмский поглядел на Братилова и молвил:

— Прости, Афанасий, а ты при мне пока останешься. По ратному обычаю никуды тобя пока отпустить не могу до приказа государева.

Ближе к полудню рать московская, подымаясь вверх вдоль Шелони, была уже против сельца Велебицы, что на левом берегу стоит.

Сюда князю Холмскому дозоры его привезли весть, что новгородцы всю ночь шли, теперь стаи свой разбили меж сельцом и рекой, поближе к берегу — из-за водопоя. А пообедав, отдыхать полегли.

Князь Данила Димитриевич созвал немедля воевод своих, русских и татарских, и, наперед согласившись с Федором Давыдовичем, объявил так:

— Да поможет господь нам, ибо время приспело. Надо нам силу сию новгородскую разбить и пленить днесь же. Другому случаю не бывать лучше. Не чают они нападения нашего. Сонны, истомлены, к бою не готовы..

— Так ударим изгоном на них!— воскликнули некоторые из воевод.

— Не ждать, пока пробудятся!— подхватили другие но Холмский остановил их.

— Государевы заветы блюсти надобно,— строго сказал он.— Государь взыщет все огрешки наши. Глаз его вострый, а ратная хитрость так велика, что от него не схоронишься.

Князь Данила помолчал, подумал еще и приказал:

— Все на главу свою беру пред государем, а посему велю вам: те полки, которые укажу аз, со мной впереди пойдут, а предо мной — лучники. Лучникам же наиглавно по коням бить дабы кони ряды путали, воев с седел своих сбрасывали, пеших топтали. Как у новгородцев-то смута пойдет, мы в середину, в самое сердце их, со всей силой ударим, а там — что бог даст! Токмо живота не жалеть за веру и государя! Три раза били мы их, разобьем и ныне.

Данила Димитриевич, еще более возвысив голос, заговорил снова:

— Помните, государь-то следом идет. Главное — все деять, как сказываю, без огрешек и страху. Князь Федор Давыдыч будет в тылу нас оберегать да обозы и полон сторожить, для сего ему немало воев нужно. Лазутчиков и дозоры, как мы всегда сие творим, в разные концы разослать надобно.Сколь всего-то оторвать от главной рати!..

— Воев-то?— молвил князь Пестрый.— Мыслю, тысячи две оторвем.

— Истинно,— согласился Холмский,— да тысячи две своих татарских конников в обход пошлем, в засаду, дабы в самый разгар боя у нас свежие силы были.

Обратясь к татарам, он добавил:

— Вам же, воеводы, сей же часец приказываю идти версты две или более вверх по Шелони. Там, место найдя удобное, перейти реку бродом либо вплавь. Потом перейдите ручей Дрянь и таитесь за рекой, дабы в нужное время оттуда изгоном пасть на новгородцев с тылу...

На сем дума и кончилась. Холмский встал со скамьи и, перекрестясь, сказал:

— Да будет с нами господь-бог и вся его крестная сила!..

Первыми отъехали тайно с полками своими татары, которым надобно было и Шелонь и Дрянь заранее перейти и в засаду сесть.

Потом занял указанные места князь Федор Давыдович со своими полками. Он, не медля, расставил дозоры вокруг обозов и в тылу Холмского, чтобы обходов быть не могло...

Вот остался князь Холмский один с главной силой своей — всего-навсего у него тысячи четыре воинов. Дав все указания воеводам своим о переправе и как строиться к бою, Данила Димитриевич приказал:

— Идти без труб и набатов. Тайно выйти к переправе и враз бесшумно плыть на левый берег. Там же, прячась внизу склона у самого берега, скрытно полки к бою построить. Ждите там новых приказов моих...

Снял он шлем, перекрестился, и все воеводы за ним сделали то же самое, потом Холмский громко воскликнул:

— Помоги нам, господи, против ворогов земли православной!..

Зной стоит уже полдневный, солнце палит и слепит глаза своим блеском. Томит и терзает землю новгородскую великая засуха.

Спешившись и держа коней на поводу, конные полки князя Холмского один за другим, будто влага губкой, вбирались рощами и перелесками. В полной тишине воины с конями скользили между стволов деревьев, среди светлых и почти черных пятен, пестривших лес от чередований света и теней.

Так проходили они по крутому лесистому берегу, который потом отлого спускается к воде. Здесь, как ручейки, потекли из лесных чащ конники, садились верхом, ехали вброд, плыли, где было глубже, и выплывали бесшумно у левого берега, еще более пологого, чем правый.

Тут была площадка, которую скрывал выпятившийся горбом берег, шириной с версту и версты в две длиной.

Как только все полки собрались на этой площадке, князь Холмский тотчас же выстроил их в боевом порядке — длинным и глубоким строем. Таким строем и повел их князь Данила на голую возвышенность, поднимавшуюся полого от береговой площадки.

В это время прибыл гонец от полка царевича Даниара и оповестил, кланяясь до земли:

— Стоим, княже, за спиной новгородцев. Что далее прикажешь?

— Токмо в трубы мы затрубим и в набаты забьем, всей силой гоните на ворогов, бейте их в спину!..

Татарин, радостно закивав, мгновенно повернул коня и скрылся в лесных зарослях.

Когда полки князя Холмского поднялись на самый верх левобережной возвышенности, пред ними, как на ладони, открылся весь огромный стан новгородский. Там, видимо, уже знали о прибытии московских полков, и все всполошились, метались и суетились в растерянности.

Все же несколько полков уже стояло в боевой линии, а позади них еще суетилось множество воинов, вооружаясь и садясь на коней.

Исполчившись же и в ряды боевым порядком построясь, страшной силой предстали они пред малой ратью московской. Не менее как тысяч сорок набралось, ибо, сколько глазом охватить можно, все новгородскими воинами занято было. Воеводы же их, пред полками своими разъезжая, силой своей похвалялись и кричали громко воеводам великого князя хулу всякую и брань.

Испугало бы сие даже и Холмского, если бы опытным глазом не углядел он настроения воинов новгородских. Смело крикнул князь своим воеводам, стоявшим пред полками:

— С богом, вперед! На ворогов, как приказано!..

И приказ его из уст в уста пошел по полкам, сотням и десяткам, и вскоре остановившееся было войско московское медленно, но неуклонно пошло на великую силу новгородскую.

— Лучников вперед!— передал второй приказ воеводам князь Данила Димитриевич.

К этому времени совсем уж построились новгородцы, занимая во много раз более места, чем московские полки.

— Истинно, тысяч сорок,— пробормотал князь Холмский, глядя на врага, и громко крикнул:— Ну, бог не выдаст, свинья не съест!

Он внимательно оглядел ряды своих воинов, наблюдая, как лучники занимают наиболее выгодные места. Потом, окинув взглядом поле и все множество новгородской рати, сказал ближнему своему воеводе, начальнику лучшего своего полка:

— Помни, Микита Гаврилыч, нельзя на себя допущать такое множество: они, как стадо, токмо ногами одними нас всех затоптать могут.

— Истинно, княже,— ответил воевода,— надо, ежели бить их почнем, место им открытое оставить, куды бы им бежать мимо нас...

В этот миг вдруг зашевелились полки новгородские и двинулись на москвичей. Побледнел князь Холмский и поскакал к лучникам вдоль рядов своего войска.

— Коней бейте!— кричал он воинам.— Наиглавное — коней! От коней у них смятенье почнется!..

Ближе и ближе новгородцы, копья уж наперевес держат. Вот они ближе, чем на полет стрелы, вот сейчас всей силой своей кинутся.

Враз запели со всех сторон стрелы московские. Завизжали дико, заржали кони, бесясь, запрокидываясь на спину, сбивая всадников и топча их ногами. Гуще и гуще летят стрелы, и вот уж смешались ряды новгородских конников, передние напирают на задних, прорывают свои ряды, а не вражеские. Больше и больше растет беспорядок и смятение, и вдруг целый полк новгородский повернул назад, пробивается сквозь ряды своих же, топчет упавших на землю. Крики, вопли людей, дикое ржанье взбесившихся от боли коней.

Князь Данила сделал знак, и полки его помчались на противника, крича неистово:

— Москва! Москва!

Сомкнутым строем ударили они в середину новгородского войска, в сердце его, ловко и беспощадно действуя тонкими острыми копьями и тяжелыми сулицами[1].

Только лучший полк под начальством Никиты Гавриловича остался один около князя Холмского. Князь, не отрывая глаз, следит за боем. Вот дрогнули новгородцы, отступать начали, а некоторые из полков их помчались прямо в поле...

Пора и нам, Микита Гаврилыч!— крикнул князь Холмский:— Трубы и набаты!..

Под неистовый рев труб и барабанный грохот набатов князь поскакал во главе с лучшим полком своим к вражьему войску с левой руки, завязав рукопашную схватку. Еще более заметались

---

[1] *Сулица* — рогатина, род тяжелого копья с большим двусторонним ножом или широким кинжалом на конце древка.

в смятении новгородцы, а сзади нежданно с бешеным визгом и дикими воплями, ряд за рядом, помчалась на них татарская конница, словно из-под земли выскочив и сверкая обнаженными саблями...

Слепой страх обуял новгородцев, и, ничего не видя, ничего не понимая, помчались они в поле, бросая щиты и копья, стаскивая с себя на скаку доспехи, дабы облегчить коней и ускорить их бег.

Москвичи же и татары неотступно гнались за ними, кололи насмерть копьями и сулицами, рубили саблями, догоняли людей и коней стрелами. Еще более, чем в бою, погибло новгородцев при бегстве. Целых двенадцать верст с боем гнали их московские полки, нещадно избивая и беря полон.

Бегущие, потеряв голову и только стараясь спастись, тонули, переплывая Шелонь, увязали и гибли в лесных болотах. Многие же в страхе и безумии скакали до самого Новгорода,— вернее, кони сами принесли туда седоков.

Разгром был полный. Убитыми, утонувшими, ранеными было тысяч десять, а в полон взято живыми почти две тысячи. Захвачен был стан новгородский со всеми обозами.

В плен Холмскому попали и самые знатные посадники новгородские и великие бояре из господы: Василий Казимир, воевода Димитрий Борецкий, Козьма Григорьев, Матвей Селезнев, Василий Селезнев, Павел Телятьев, Козьма Грузов и другие, а также множество из житьих.

Меж всякого добра, что в обозах было захвачено, нашли и договорную грамоту новгородцев с королем польским. В полон же был захвачен и тот, кто сию грамоту писал...

Кончив преследование врага и поручив, кому надобно, добычу и полон стеречь, князья-воеводы собрали все полки московские к знаменам и перекличку всем воинам сделали. Из переклички сей ведомо стало: только десятка три воинов в строю недоставало, многие же, хотя и ранены были, но живы и на конях своих сидят.

— Вои православные,— сказал князь Холмский перед полками зычным голосом,— вот какова корысть от храбрости! Помните, кто не ждет, а первый бьет, тот жив будет.

Князь снял шлем свой и, не сходя с коня, приказал:

— Сей же часец у образов под знаменами попы споют нам молебную. Отблагодарим господа за победу и о государевом здравии помолимся...

Глава 5

ГНЕВ И МИЛОСТЬ ГОСУДАРЕВЫ

Июля семнадцатого, когда пташки в лесах и полях притнхают, вступил государь Иван Васильевич со всей силой своей в ям Яжолбицкий.

На другой же день, июля восемнадцатого, после раннего завтрака, созвал он в шатер к себе думу думать братьев своих — Юрия, Андрея большого и Бориса, да царевича Даниара, да дьяка Степана Тимофеевича Бородатого.

— Ну-ка, Юрьюшка,— начал государь,— поведай нам обо всем, что тобе самому до сего дня ведомо.

— На сей день, государь,— ответил князь Юрий Васильевнч, развертывая малый чертежик,— вести наидобрые со всех сторон.

Он подвинулся иа скамье ближе к великому князю, положил пред ннм этот чертеж и, указуя перстом, продолжал:

— Сюды вот, государь, к яму Бронницкому, рати свои, конную и судовую, привел уж князь Стрига-Оболеиский. В сорока верстах стонт от Новагорода. Прнказу твоего ждет. Вестник его иочесь пригнал. Баит Стрига-то, что до сего дня нигде ему рати новгородской ни разу не встречалось. Жжет ои все на пути, пустошит, полон берет, а все рати н населеиие впереди иего бегут к Новугороду.

— Передай через вестннка,— молвил великий князь — дабы начеку был. Главное же — следил бы Стрига-то, пошто и куда мы идем, н нз сего свои дела разумел. Вестников-то пусть чаще шлет. Укажи ему путь наш к Новугороду по дням и часам. Далее-то что?

— От князя Холмского весть о псковичах. Далеко еще онн, около Вышгорода, полонят и все пустошат в землях новгородских, а сам-то киязь Данила у Шелонн уж.

— О Холмском гребты у меня иет. Токмо новгородцы не упредилн бы его, напав на псковичей.

Сказал это Иван Васнльевич, а сам весело усмехнулся и продолжал:

— Не можно сему быть: Холмский сего не прозевает Зорок н скорометлив он. Какое же войско у новгородцев? Из кого набрано, воеводы кто?

— О сем, государь, Степану Тимофеичу более ведомо,— ответил князь Юрий.— Яз от него многие вести беру...

— Сказывай, Степан Тимофеич,— обратился Иваи Васильевич к дьяку Бородатому.

Тот встал и поклонился.

— От доброхотов наших, государь, ведаю,— начал ои степенио,— господа иовгородская после урону небывалого от князя

Холмского у Коростыни и дважды у Русы в смятение пришла великое. Докончание бояре-то их с королем подписали, посла отослали к нему челом бить, дабы, исполчившись на Москву, немедля на коня воссел. Сами же тысяч сорок воев собрали. Отпустили их на псковичей с главными своими воеводами. Васильем Казимиром да Митрием, сыном Марфы Борецкой. Доброхоты наши бают, на вече воеводы сии похвалялись, что псковичей живьем в полон возьмут. Потом-де окружат и побьют Холмского, а потом-де вместе с королем Казимиром побьют и главные силы московские...

Зло усмехнувшись, государь перебил дьяка хриплым голосом:

— Нашему б теляти да волка поимати!

Все засмеялись, но государь, бросая гневные взгляды, продолжал:

— Поглядим, каково они к осени-то петь будут. Не зря все нами решено, а коли слепы они, токмо для них хуже!..

Откинув полу шатра, быстро вошел стремянный Саввушка. Государь, повернув к нему голову, с чуть заметной тревогой спросил:

— Что?

— Вестник, государь, от князь Холмского, боярский сын Замятня.

Все улыбнулись невольно, услышав забавное прозвище, а государь молвил, усмехнувшись:

— Коль сия Замятия[1] от князя Холмского, то не у нас она, а у новгородцев...

Все засмеялись громко, а Иван Васильевич сказал Саввушке:

— Веди сюды вестника.

Вошел молодой широкоплечий мужик с черной бородой, истово перекрестился на образ, что висел возле походного знамени в красном углу шатра, поклонился государю и прочим, сказал густым, спокойным голосом:

— Будь здрав, государь, на многие лета и вы, князи и воеводы...

Поклонясь опять, встал прямо, ожидая вопросов государя.

— Добре дошел?— спросил великий князь.

— Добре государь, спаси тя господь.

— Ну, повестуй!

Замятия поклонился и, собравшись с мыслями, начал спокойно и ровно:

— Князь Данила Митрич Холмский повестует: «Будь здрав, государь, на многие лета. По приказу твоему пригнали мы к Шелони. Там же наехали на рать новгородскую, тысяч сорок их.

[1] *Замятня* — замешательство, суматоха.

Весь Велик Новгород со знаменитыми воеводами своими: Васильем Казимиром и Митрием Борецким...»

— Марфин сын?— спросил кто-то из воевод.

— Истинно, Марфы сын,— ответил Замятня и продолжал: «И многие другие посадники и лучшие люди. О всем же походе рати новгородской мы ведали, им же ничто о нас ведомо не было. В обед, на Акилу-апостола, реку перейдя, нечаянно для ворогов стали мы перед самым станом новгородским. Татары же утресь еще в обход были посланы и за спиной новгородцев в засаду сели. Все ж новгородцы-то вборзе исполчились и стали пред нами силой несметной. Яз же, видя их настроение, на воев своих полагаясь и на засаду татарскую упование имея, не устрашился. Воеводы же их, видя, что мало нас, похвалялись и на нас хулу, яко псы, лаяли. По завету твоему, государь, не ждя их, сам яз ударил по ним, лучникам стрелы в коней пущать повелев. Великое смятенье пошло у них, кони понесли, все полки их перепутались. Ударил тогда яз на них с сулицами и с копьями. Они сперва крепко бились, мы же, коням их не давая на место стать, стрелами и сулицами избивая, теснили со всех сторон. Видя, что подаются они, крикнул яз в трубы трубить, в набаты бить — знак сие татарам. Ударил яз сей же часец с лучшим полком своим новгородцев с левой руки. Мало щит подержавши, дрогнули они, а в сие время изгоном с великим криком наша татарская конница сзади врезалась в ряды их...»

Замятня остановился в волнении, чувствуя, как в государевом шатре все замерли, с лица сменились и громко дышат, будто духа им не хватает. Передохнул и Замятня и заговорил дрожащим голосом:

— «Помог нам господь! Один за другим полки их спины к нам оборачивать стали. Мы же, с татарами соединясь, гнали их верст двадцать. Сулиц наших боясь и сабель татарских, бросали доспехи свои новгородцы и, яко пьянии, либо безумнии, гнали по воле коней своих. Много избито было, конями потоптано, в Шелони потоплено. Мыслю, боле десяти тысяч изгибло. Многих же лучших людей, а простых того боле, полонили — коло двух тысяч всех-то, что живых руками поимали...»

Загудели в шатре все радостным гулом, закрестились, восклицая:

— Помог господь!

— Слава богу и святым угодникам нашим...

Государь сделал знак, и все смолкли. Он встал со скамьи, и, крестясь на образ у походного знамени, взволнованно произнес:

— Благодарю тя, господи, за милость твою. Церковь святого апостола Акилы обещаюсь на Москве поставити. Дай же, господи, здравия и сил рабам твоим Даниле и Федору, воеводам храбрым, и всем воям их преславным.

Успокоившись, но брови нахмурив, спросил он вестника:

— Кто же из лучших пойманы?

— Из главных воевод, государь, пойманы Василий Казимир, Митрий Борецкий...

— Покарал господь злодеев!— крикнул князь Юрий Васильевич, и со всех сторон послышалось:

— Поделом ворам и мука будет!

— Наиглавные из господы злодеи.

— Судить их без милости...

Иван Васильевич досадливо тряхнул головой, все замолчали, а Замятня продолжал:

— Пойманы еще Козьма Григорьев, Яков Федоров, братья Матвей Селезнев и Василий Селезнев-Губа, племянники Василья Казимира — Павел Телятьев и Козьма Грузов, Киприян Арзубьев, Еремей Сухощек, всё золотые пояса из господы. Много еще житьих людей, купцов, а наиболее из меньших поимано.

— Где ж главные-то злодеи?— спросил великий князь.

— В Русе, за приставы, в железы окованы.

Замятня достал из-за пазухи сверток, в тряпицу обернутую. Вынув из нее грамоту, он подал ее великому князю:

— Сие есть новгородская докончальная грамота с королем Казимиром...

— Дай,— поспешно прервал вестника Иван Васильевич.

Дрожащими руками схватив бумагу и бросив острый взгляд дьяку Бородатому, он молвил:

— Разумеешь?

— Разумею, государь. Сие...

Но государь не дал ему кончить и воскликнул:

— Грамота — наиглавная наша победа! Где ее взяли?

— В кошевом вьюке нашли, а князь Данила Митрич враз уразумел. Сие велел тобе, государь, предоставить, а прочие грамоты и списки у собя хранит для дьяков твоих.

— Добре́, разумно все изделано,— похвалил Иван Васильевич,— и ты, как звать тобя?

— Иван, Васильев сын...

— Ну, спасибо и тобе, тезка мой. Добре все исполнил.

Государь протянул милостиво руку Замятне, а тот почтительно поцеловал ее.

— Саввушка,— продолжал государь,— отведи Ивана Васильича к страже моей в шатер. Пусть примут, яко гостя, накормят, напоят и отдохнуть уложат. Ты же, Иван Васильич, утре с нами

пировать будешь, а каково князю Даниле повеление будет — князь Юрий Васильич тобе скажет...

В ответ Замятня низко поклонился и молвил:

— Тут еще, государь, привезен нами из господы один. Он грамоту писал...

— Сей часец его привести сюды!— сказал государь, обращаясь к своей страже.

Герасим Саввич Козьмин, старый посадник лет пятидесяти, звеня железами на ногах, окруженный княжой стражей, гордо и дерзко вошел в шатер государя.

Крестясь на икону, он громко произнес:

— Господи, помоги ми среди ворогов наших...

Никому не поклонившись, встал он молча и смело, взглянул на государя, но, встретив грозный взгляд его, смутился и побледнел.

— Не тобя страшусь,— молвил он, снова взглянув на великого князя,— а гибель Господина Но́вагорода в глазах твоих вижу...

Государь молчал, лицо его было неподвижно, словно окаменело, и в шатре замерли все от непонятного страха и вдруг вздрогнули от спокойного, чуть хриплого голоса:

— Ты докончанье писал для Казимира польского? Своей ли волей господином его молил вместо меня? Ересь Исидорову прияти обещал через митрополита Григория, дабы папу рымского главой почитать?

Снова тишина настала. Заволновался Герасим Саввич, губы у него задрожали, но, овладев собой, молвил он злобно:

— Все яз своей волей содеял, радея Господину Новугороду Великому. Мыслил яз за един со всем Новымгородом.

Не выдержал вдруг посадник и закричал в ярости:

— Лучше смерть пошли мне, господи-боже, нежели зрети град великий в оковах московских!..

Тихо опять стало в шатре государевом, и сам государь тих и спокоен был. Посмотрел он снова страшным взглядом своим на посадника и медленно молвил:

— Не умрешь ты, а сии оковы на Новомгороде у́зришь, и сам в оковах до конца живота за воровство свое будешь...

Оставшись один с дьяком Бородатым, Иван Васильевич радостно воскликнул:

— Чего хотел, то бог и дал! Сами новгородцы сей грамотой воровство свое изобличают перед всей Русью православной и перед церковью нашей, вложившей мне в руци меч карающий! Сами собе веревку на шею надели!

— Истинно, государь,— горячо произнес Бородатый,— но не токмо веревку, а и срам и проклятие до скончания века!

В глубоком волнении прошел Иван Васильевич из угла в угол шатра своего и, остановившись перед дьяком, сказал глухо:

— Ну, читай, как сии иуды Русь святую продают! Чем купцы новгородские торгуют?

— Наперво дозволь поведать тобе, государь,— начал дьяк Бородатый:— по грамоткам и спискам, которые при договоре сем есть, узнал яз о посольстве новгородском к королю Казимиру. Посольство сие было из посадников старых Афанасья Афанасьева и Димитрия Борецкого, одного посадничьего сына и пяти человек житьих людей...

— А ты, Степан Тимофеич,— прервал его государь,— читай мне, что они королю-то дали?

— Сие вот, государь, пишут они: «Держать королю Казимиру в Новомгороде на Городище своего наместника из православных, а наместнику без посадника новгородского суда не судить. Дворецкому же твоему жить на Городище на дворе, а пошлины продавать с посадником новгородским по старине с Петрова дни. А тиуну судить с новгородскими приставы...» Дале тут, государь, все точно, как с твоим наместником, дворецким и тиуном. С королем таков же обычай, как и с тобой, токмо добавлено: «А пойдет великий князь московский на Новгород, ино королю Казимиру всесть на коня и оборонять Новгород...»

— Нонече не оборонит уж!— в гневе воскликнул Иван Васильевич, и руки его задрожали.— Не оборонит! Не посмеет! Ведомо нам было, что с Унгарией и Чехией он заратился для ради сынов своих. Ведомо нам и то, что московские дары более по душе хану Ахмату, чем Казимировы.

Великий князь замолчал, взволнованно шагая около стола в шатре своем. Спустя же малое время сел на скамью и молвил совсем спокойно:

— Того не ведают ни господа новгородская, ни круль Казимир, что Москва-то, как бабка моя баила, семь раз отмерит, потом враз отрежет...

— Истинно, государь,— с волнением произнес дьяк Бородатый,— при тобе Москва точно мерит все, без огрешек...

— Читай далее, Степан Тимофеич,— прервал его государь.— Как и чем за сие Казимиру платить новгородцы-то смыслили?

— В их грамоте, государь, писано,— продолжал дьяк:— «Умиришь, господине честной король, Великий Новгород с великим князем, ино тебе взять дани по новгородским волостям по старине».

— По мясу живому режут Русь-то!— вскакивая и сверкая глазами, воскликнул великий князь.— Можно ли сие терпеть русскому государю православному? Ведь сии разбойники токмо

для ради прибытка своего, яко безумцы, и людей православных и земли свои латыньству продают!..

— Истинно, государь наш, мыслишь!— горячо отозвался Степан Тимофеевич.— Косит Литва издавна очи на вотчину твою. Еще прадед твой, Витовт, великий князь литовский, блазнился Новымгородом...

— Не бывать сему,— грозно, но уже спокойно и твердо произнес Иван Васильевич.— Прозевал сие Казимир-то, а господу сотру яз с лица земли...

Отпраздновав победу шелонскую и отпировав со всеми князьями, боярами и полками их, великий князь июля двадцать первого двинулся со всей силой своей в Русу.

В пути уж получил он вести от князя Михаила Андреевича верейского и сына его князя Василия, что воеводы новгородские, которые в Демани сидели, сдались им, выкуп дав всем своим именьем.

— Моля токмо пощады для живота собе,— закончил вестник князей верейских,— гражане же деманьские даша со града окупу сто рублев новгородских...

— Сие есть шелонская победа!— заметил с усмешкой великий князь.

В ту же пору доложил государю вошедший стремянный Саввушка о посольстве из Новгорода.

— Посадник Лука Клементьев,— сказал он,— челом тобе бьет, государь, от владыки Феофила и всего Новагорода.

Иван Васильевич нахмурил брови и, помолчав, молвил дьяку:

— И сие, Степан Тимофеич, шелонская победа. Прими посольство у собя в шатре, угости и все, что надобно, разведай. Даю на сие время, пока войско обедает. А как труба заиграет к походу, окружи послов крепкой стражей. Пусть с нами идут. Стоянка у нас в Селищах, там коней кормить будем. Там мне обо всем скажешь. Иди к ним, да с глаз не спущай. Ратное время-то...

Войска великого князя шли медленно, чтобы ни коней, ни людей зря зноем не томить. Солнце жгло руки и лица и сквозь одежду пропекало все тело. Травы и листья были ржаво-коричневые, совсем пересохли, ломались и рассыпались в руках. Местами озерца и болотца пересохли до дна, и даже самое дно от жары потрескалось.

Духота стоит нестерпимая. Кони идут уныло, вяло шагают люди. Не слышно ни песни, ни смеха. Разговоры тянутся скучные...

— Сухмень, сухмень-то,— бормочут многие,— наказал господь...

Тяжко всем смотреть на бедствие такое великое.

— Гнев божий,— горестно молвил старый полковой священник и, тяжело вздохнув, перекрестился...

— Гнев-то, батя,— досадливо откликнулся здоровенный чернобородый лучник,— не против нас! Не мы богато прогневали...

— Потому на Москве-то у нас,— добавил седобородый конник,— слава те, господи, бают, урожай все ж будет.

— Токмо лето и у нас сухое ноне,— вмешался обозный кологрив, шагая возле воза с овсом для коней.— Ноне жнитво поране у наших сирот зачнется...

Затрубили трубы станом ставить — до Селищ дошли. Отсель, как гонцы от передовых поведали, можно прямо идти через весь Не́вий мох, до самой реки По́лы. В нынешнюю засуху здесь все пересохло, а идти всего верст тридцать до села тамошнего Игнатичи, где на ночлег весьма удобно расположиться.

В Селищах часа полтора на кормежку надобно, но дни еще стоят долгие, особливо тут, в новгородской земле, а в Москве Илья-пророк уж два часа уволок. В Игнатичи во всяком случае поспеют полки государевы засветло...

Пока коней кормили в Селищах, великий князь сидел в шатре один на один с братом Юрием Васильевичем, задумчивый и грустный. Пришла весть из Москвы, что и второй дядька их, Васюк, скончался. Эта смерть особенно взволновала князя Юрия, и государь, взглянув на любимого брата, только теперь заметил в нем большую перемену. Будучи очень похож на покойного отца, сходствовал он сейчас даже и выражением лица с лицом Василия Васильевича пред кончиной его. Румянец чересчур яркий на щеках, худоба. Все черты лица заострились, а в глазах сухой блеск. Заметил Иван Васильевич, на что ранее внимания не обращал: брат глухо покашливает.

Встревоженный, он невольно схватил Юрия за руку,— она оказалась очень горячей.

— Здоров ли ты, Юрьюшка?— тихо спросил он.

— Здоров, Иване,— усмехаясь, но так же тихо ответил Юрий Васильевич,— токмо знобит мя, будто снег за спиной. Ну, да испью вот на ночь стопку крепкого меду с чаркой водки, тулупом укроюсь, и все к утру как рукой сымет...

В шатер вошел стремянный Саввушка и сообщил:

— Дьяк Бородатый дошел к тобе, государь.

— Коли один, зови,— оживившись, молвил великий князь.— Узнаем, Юрьюшка, сей часец, пошто к нам новгородцы-то послов заслали, опять изолгать хотят...

Государь прервал свою речь и, увидев Бородатого, спросил с усмешкой:

— Ну, сказывай, Степан Тимофеич, какого зла нам от господы ждать? Садись-ка на скамью-то поближе...

— Послы от владыки Феофила и от всего Новагорода челом бьют, дабы ты опасные грамоты дал владыке, и посаднику, и боярам великим от господы. Они же, пред тобою представ, мира молить хотят...

Государь, перебивая дьяка, громко рассмеялся и воскликнул:

— А яз сей бы часец поход остановил и, не идя к Новугороду, тут бы посольство их ждал?..

Дьяк Бородатый тоже засмеялся и добавил:

— Истинно, истинно так, государь! Прямо сего не бают, но разуметь о сем дают!...

— А как ты, Юрьюшка, десница моя ратная, мыслишь?

— Крюќи сии и хитрости,— усмехаясь, весело ответил Юрий Васильевич,— годны после толиких побед наших токмо для потехи скоморохам...

— Так и яз мыслю, Степан Тимофеич,— обратился к дьяку государь,— а посему напиши им, какие нужно, опасные грамоты от моего имени. Пусть едут ко мне туды, где яз буду. Может, и в самом Новомгороде. Днесь же яз принимать их не хочу...

В село Игнатичи, что возле самого берега Пóлы, государево войско прибыло на ранней вечерней заре, когда солнце еще не успело закатиться. Тотчас же вокруг села, то там, то тут, появились шатры воевод, сотников, десятников и, как островерхие грибки, затемнели повсюду шалашики воинов, а ближе к обозам сразу зажглись и задымили костры. Это уже варят к ужину пшеиную кашу, а кое-где даже баранину и говядину.

Государь Иван Васильевич, въехав на взвоз большой поповской избы и прикрыв ладонью глаза от заходящего солнца окинул внимательным взглядом весь огромный стан своих войск. Спешившись и отдав коня Саввушке, государь вошел в покои, где ему приготовлен был ужин и ждал брат Юрий. Поповское же семейство, оставшееся одно в селе, давно перебралось в подклети и там таилось.

Когда государь кончал вечернюю трапезу, стали подъезжать к нему братья и другие подручные князья, бояре, воеводы и дьяки.

Взглянув на князя Юрия, Иван Васильевич опять заметил, что тот бледным стал к вечеру и щеки у него ввалились, а глаза глубоко запали. Снова тревога охватила его, как недавно в Селищах.

— Яз мыслю,— сказал он, обращаясь ко всем присуствующим,— притомилнсь все мы. Лучше утре, до завтраку, будем мы думать на свежие головы. Сей же часец идите все опочивать. Хочу один побыть...

Когда разъехались все, Иван Васильевич долго сидел неподвижно один за столом и глядел в открытое оконце на огненно-желтую полосу зари. Его расстроило нездоровье Юрия, и мысли пошли сами собой по грустным стезям. Вспомнилась бабка, митрополит Иона, смерть отца, Марьюшки и Касима-царевича. Острой стрелой вонзилась ему в грудь все еще не стихшая тоска о Дарьюшке...

— Люба моя, жива ты,— горестно молвил он вполголоса,— а все едино, что в гробу навек...

Судорожно, до боли сцепив пальцы, он тихо простонал и замер. Встал потом с трудом и насильно стал думать о детстве, о Васюке, об Илейке, о Данилке, но и в те давние годы неотступно виделось ему детское личико Дарьюшки...

Вышел он на взвоз, где от веяния ветерка предзакатного свежей было, и увидел вдруг на холме маленькую деревянную церковку, которая по новгородскому обычаю была построена с тесовой крышей на четыре ската, с одной, похожей на шлем, низкой главой. Глава и железный восьмиконечный крест резко чернели на золотом, будто расплавленном небе.

В этот миг поразила его странная тишина на селе, где на десятке дворов с бревенчатыми, крытыми соломой избами было безмолвно, как среди могил на кладбище.

— Может, по лесам разбежались,— невольно прошептал Иван Васильевич,— может, в полон всех угнали....

Дрогнув всем телом от неожиданно громкого галочьего крика и писка, он стал смотреть на купол маленькой церковки. Стайка черных птиц закружилась около креста, стараясь усесться на нем, но всем не хватало места. Трепеща крыльями, вновь подлетавшие птицы тщетно пытались как-нибудь прицепиться, но срывались, сталкивали других и вдруг всей стаей с резкими криками и гомоном опять взлетали вверх и долго кружились над куполом.

Что-то знакомое, но еще непонятное мерещилось Ивану Васильевичу, и вот — словно кто пропел ему в уши тихо, но ясно и четко:

— Хоть с погоста прилети да черной галочкой...

Сжалось вдруг от тоски и боли его сердце. Увидев чуть заметный огонек в слюдяном окошечке церкви, то ли от лампады, то ли от свечи, перекрестился он и громко прошептал:

— Упокой, господи, душу рабы твоея Марии...

Утром, как только проснулся великий князь, стремянный Саввушка, подавая ему умываться, доложил:

— Ночесь, государь, боярин Коробьин, а с ним посадник псковский Никита Ларионыч...

— Где они?

— У Степан Тимофеича. Приказал он, государь, как пробудишься, тобе сказать...

— Сей часец собери здесь мне трапезу да пошли из сторожи, кто посмышленней, к дьяку Бородатому. Государь, мол, велит после раннего завтраку быть у него с послами. Коробьин же пусть немедля придет...

Кузьма Коробьин пришел почти к самому началу завтрака. Иван Васильевич принял своего боярина приветливо, предложил хлеба-соли, а когда тот отказался, говоря, что уже позавтракал, все же усадил за стол и угостил медом.

— За здравие твое, государь,— воскликнул Коробьин,— да продлит господь твои годы на благо Руси православной!..

Великий князь, чокнувшись с боярином, молвил:

— Спасибо, Кузьма Петрович, сказывай, как псковичи хвостом вертели и чем ты их подвигнул?

— Подвигнул яз их страхом твоего борзого похода. Как токмо узнали, что ты уже близко, а Холмский у самого Ильмень-озера, у Коростыни новгородскую рать побил, так и засновали во все стороны, яко муравьи круг кучи своей растоптанной...

Иван Васильевич засмеялся.

— А после Шелони-то и послов враз отослали ко мне,— проговорил он.— Еще при Шибальцеве они собираться начали...

— Истинно, государь,— продолжал Коробьин,— десятого еще июля, на Финогена, в поход пошли. Воеводой же ими поставлен князь Шуйский, сын наместника, князя Василия Федорыча. С ним же четырнадцать посадников старых...

— И куды пошли?

— Пошли, государь, и не к Усть-Шелони,— усмехаясь, ответил Кузьма Петрович,— а к Вышгороду. Через два дни вступили они в землю новгородскую. Грабили, полонили на пути, а на Акилу, четырнадцатого, осадили Вышгород. На другой день, мыслю, сведав о подвиге ратном Холмского, вышгородцы предались псковичам и окуп дали. Те же осаду сняли и пошли вниз по Шелони, не спеша, грабежей и полона ради...

В шатер в сопровождении начальника стражи и воинов вошел псковский посадник Никита Илларионович, а с ним трое от бояр псковских, посадник Василий, что был в Торжке оставлен государем при себе, и дьяк Степан Тимофеевич Бородатый.

Когда положенные приветствия кончились, Иван Васильевич сказал:

— К столу, Никита Ларионыч, добро пожаловать! Завтра-

кали, баишь? Ну, садись с боярами своими медку попить, и ты с нами, Степан Тимофеич.

За столом Никита Илларионович рассказал Ивану Васильевичу о том, о чем уж рассказал ему вкратце боярин Коробьин, и добавил:

— Ныне мы соединились с князем Холмским. Князь же Холмский разорил все земли новгородские до самых немецких земель, до реки Наровы доходил. Мы, твоя вотчина, ныне всей землей своей вышли на службу тобе, государь, а идя, стали тоже все новгородские места грабить, людей же резать али в хоромы запирать и сожигать...

Посадник Никита Илларионович замолчал, заметив насмешливый взгляд великого князя.

— Ведомо все мне, Никита Ларионыч,— молвил Иван Васильевич шутливо.— До шелонского-то боя вы с моими послами, как невесты, баили: «Хочу — вскочу, не хочу — не вскочу»...

Никита Илларионович, чтобы скрыть свое смущение, слегка рассмеялся и молвил:

— Ведаешь добре ты, государь, и обычаи наши свадебные...

— Как же мне да своея вотчины не ведать?— весело воскликнул Иван Васильевич.— Днесь все вы обедать сюды приходите. Дьяк-то Бородатый даст от меня писаные наказы тобе к моей псковской вотчине. Яз отпущу с тобой, Никита Ларионыч, посадника вашего Василья, а от меня поедет с тобой Севастьян Кулешов. Он и воеводе вашему привезет указания, куда, как и когда идти. После обеда, отдохнув малое время, днесь же поедете все отсель, от Полы-реки, к полкам своим. Ныне, в ратное время, все творить надобно борзо, дабы везде во всем ворогов своих упреждать...

Июля двадцать четвертого великий князь московский прибыл со всей силой своей ко граду Русе. Пригород этот новгородский был уже дважды сожжен и пограблен, а горожане его, оставшиеся в живых, если в полон не попали, ныне в самых трущобах лесных кроются. Кругом же все развалины, и средь бревен обгорелых и углей только кое-где печи торчат, от огня уцелевшие.

Оглядев это пожарище, великий князь повелел войску своему стать станом ниже Русы с полверсты, на левом берегу Полисти.

Там же государь Иван Васильевич делал смотр главному отряду Холмского и Пестрого. Воеводы же, полки свои построив в ратном порядке, ждали уже государя.

Иван Васильевич, в сопровождении братьев своих, подручных князей, Даниара-царевича, воевод и бояр — московских, тверских и татарских, одетый в золоченые доспехи, медленно приближался к знаменитым отныне полкам. Он был взволнован и радостен. Острый глаз его все видел и замечал.

Вот князь Холмский сделал знак, и по всему его отряду затрубили трубы и забили набаты встречу государю.

Воины замерли и смотрели на Ивана Васильевича, к которому поскакали их воеводы. Встретив воевод, государь облобызал их под радостные крики, раздававшиеся по всем рядам шелонских полков. Подъехав к середине отряда, Иван Васильевич приподнялся на стременах и сделал знак к молчанию. Сразу стало так тихо, будто в пустыне безлюдной.

— Вои православные,— произнес громко государь,— бога яз благодарю за доблесть вашу. Грудью своей защитили вы Русь и веру православную от поганства латыньского! Бог наградит вас в жизни вечной, а яз, как на Москву воротимся, воздам всем вам по заслугам вашим! Будьте здравы...

— Да здравствует государь на многие лета!..— покатилось, как гром, по полкам.

После смотра полков созвал воевод Иван Васильевич в шатре своем думу думать о полоне, взятом князем Данилой Холмским при шелонской битве, ибо пленниками были наиглавные бояре новгородские или верные слуги господы.

Думу думал Иван Васильевич со всеми теми, кто сопровождал его на ратном смотру отряда Холмского, а более всего с дьяком своим Степаном Тимофеевичем, который выведал все о господе и смутах новгородских от задержанного князем Холмским Афанасия Братилова, новгородца.

Государь воспалился гневом великим, узнав, что новгородцы только с обманом подосылали к нему Луку Клементьева, яко бы мир предлагая, а сами же в это время гонцов к королю Казимиру послали, моля его на коня воссесть против великого князя московского.

— Как же вы о сих кознях новгородских и о воровстве таком мыслите?— спросил Иван Васильевич, обращаясь ко всем присутствующим.

— Казнить всех главных ворогов наших, которые в полон попали,— быстро ответил князь Юрий Васильевич.

— Всех казнить!— раздались голоса с разных сторон.— Всем им главы отсечь за отступление их к латыньству.

— Всех, государь, казни немилостиво!— вскричал князь Холмский.— Всех воевод, бояр и житьих казни отсечением главы!..

Долго еще шумели кругом князья, воеводы и бояре, требуя жестоких наказаний, но Иван Васильевич только слушал и молчал. Когда же все высказались, он заговорил:

— Яз разумею гнев ваш,— начал он,— и яз сам еще более

вас гневен на лукавство и козни новгородские, на зло и воровство их. Но ворогов, яз мыслю, не токмо мечом смирять надобно, а и в цепях держать незримых, которые крепче оков железных...

Государь помолчал, оглядывая всех внимательно, и продолжал:

— Яз мыслю, токмо тем четверым главы отсечь, которые в Новомгороде ненавистны мелким людям более других. Вы же судите, кто сии из полона нашего.

— Митрий Борецкий!— закричали со всех сторон.

— Еще кто?

— Герасим Козьмин.

— Докончание писал он Казимиру!..

— Дерзок вельми...

— Зло на Москву мыслит!..

— Нет,— громко произнес Иван Васильевич,— Козьмин пусть до конца живота в железа окован будет, в тесном заключении умрет...

— Казнить с Борецким Василья Селезнева-Губу,— сказал князь Пестрый.

— А от житьих людей,— добавил дьяк Бородатый,— наизлые для нас Киприян Арзубьев да Еремей Сухощек. Сии наиверные псы господы...

Долго еще судили у государя, кого и как казнить из бывших посадников н тысяцких, из бояр и житьих людей...

К тому времени, как дума была закончена, собрались снова близ шатра великого князя, по приказам воевод, н полки государевы, и татарские, и тверские, и полки подручных князей.

Государь на коне, окруженный всей думой своей и стражей, въехал в середину войск, где стояли уж закованные в цепи все знатные пленнники.

Иван Васильевич остановил коня своего в некотором отдалении и дал знак читать приговор.

Дьяк Бородатый передал приговор подьячему весьма громкогласному, дабы тот прочел его пред войсками.

— Благоверный н благочестивый великий князь Иван Василич всея Руси,— начал зычным голосом подьячий,— думу подумав с братьями, царевичем Даниаром, подручными князьями, боярами, воеводами, московскими, тверскими и татарскими, решил: казнить отсечением главы немедля посадника старого Митрия Борецкого н с ним Василья Селезнева-Губу, а от житьих — Киприяна Арзубьева да Еремея Сухощека...

Приговоренные побледнели и горящими глазами посмотрели на государя. Тот сидел на коне неподвижно с окаменевшим лицом, только руки его вздрагивали, сжимая поводья.

Осужденные перекрестились, а Борецкий, взглянув на стоявшего тут же посадника Василия Казимира, злобно молвил:

— Изолгал ты меня, токмо не спасет тя твое воровство...

Спешившись, татарские конники быстро окружили пленников, и, сверкнув, саблями, вмиг обезглавили их.

— Иные же,— зычно продолжал читать подьячий,— из посадников, тысяцких, бояр и житьих людей, всего числом пятьдесят как то: Василий Казимир, да Кузьма Григорьев, да Яков Федоров, да Герасим Козьмин, да Матвей Селезнев, да Кузьма Грузов, да Федот Базин и прочие, повелел в оковах в Москву и Коломну везти и в темницы метать. Мелких же людей повелел государь отпущать из полона свободно к Новугороду...

В шатер свой возвратился Иван Васильевич бледный и усталый, позвав с собой только брата Юрия Васильевича.

Они молча пили крепкий мед. Нехорошо было у обоих на душе, и оба они знали об этом.

— Да,— молвил, наконец, Иван Васильевич,— ведай, Юрьюшка, не токмо на ратном поле смерть и победы. В государствовании-то все то же, токмо трудней, Юрьюшка...

— А что, Иване, ты кручинишься?— удивился Юрий Васильевич.— У нас такие победы, каких свет не видывал.

— Сими победами, хошь их вдвое более будь еще, не сломить Новагорода. Надо, Юрьюшка, его так расшатать, чтобы и рати-то более не надобны были.

— А пошто, Иване, ты весь полон у воевод и воев отнял?

Иван Васильевич усмехнулся.

— А видал ты, Юрьюшка,— спросил он,— видал ты в лесу пни да колоды старые, трухлявые, такие, которые уж червями да жуками насквозь проточены? Стань на них и провалишься! Так вот черви-то да жуки насколь ведь они мельче пней да колод, а в труху их точат. Так и мелкие люди Великий Новгород в труху источат...

Глава 6

КОРОСТЫНЬСКОЕ СТОЯНИЕ

Оставив Русу, государь Иван Васильевич со всей силой своей двинулся к Усть-Шелони и, прибыв туда двадцать седьмого июля, расположился станом великим между Ильмень-озером и Коростынью.

Берег здесь крутой и каменистый обрывом стоит над водой а вдоль него, лаская глаз желтыми и белыми стволами, в одиночку

и небольшими островками высятся могучие березы и сосны. Сквозь причудливый узор их ветвей и стволов видна огромная водная гладь озера, будто подымающаяся вдали кверху и сливающаяся с голубым знойным небом. Здесь, на холме невысоком, повелел Иван Васильевич поставить шатер свой.

Три дня и три ночи отдыхает войско великого князя у берегов озера, а сам государь перед завтраком и перед ужином, когда солнце не так палит, выезжает со стремянным Саввушкой и малой конной стражей, как бывало в юности своей, и мчится рысью, любуясь окрестностями.

Июля тридцать первого, тут, на прогулке своей, принял государь и гонца от псковичей. Псковский воевода извещал, что, идя вдоль берега Ильмень-озера, стал он станом в двадцати верстах от Новгорода, а новгородских ратей нигде на пути не встречал. Сообщал еще, что передовые отряды у истоков Волхова, повстречались с разведчиками князя Стриги-Оболенского, из его судо́вой рати, которые, на лодках плавая, тоже новгородских воинов нигде не видели.

Великий князь был доволен этими вестями, ибо ему было ведомо, что князь Стрига-Оболенский от Бронницы пододвинулся ближе к Новгороду.

Отпустив вестника, Иван Васильевич сказал брату Юрию, подъехавшему к нему вместе со стражей своей:

— Ну, Юрьюшка, все, слава богу, к добру идет. Только псковичи все с опозданием деют. Вот уж день святой Улиты, а они, яко улита садовая, ползут, когда-то у Новагорода будут...

— Зато князь Стрига-то,— весело улыбнувшись, молвил Юрий Васильевич,— как ястреб, над Новымгородом висит!..

— Истинно! В любой часец,— добавил Иван Васильевич,— мы новогородцев-то в тесную осаду взять можем...

Великий князь спешился и, обратясь к брату, сказал:

— Пойдем ко мне в шатер, Юрьюшка, выпьем по чарочке да курником закусим. Помнишь, как матунька курник нам в колымагу с Ульянушкой присылала?...

— Эх, Иване,— грустно сказал Юрий, слезая с коня,— рано мы с тобой гребту да горе опознали...

В шатре братья вспомнили свое детство, дружно прожитое вместе, вспомнили мамку Ульянушку говорливую, дядек своих Илейку и Васюка, и даже столетнего старца Агапия вспомнили, который им в Ростове Великом о скотьем боге Велесе сказывал, как тот во граде Ростовском много хором, изб и хлевов огнем пожег, а жрецу своему Радуге волосы все опалил, и глава у Радуги внезапно песьей стала...

— А мудрей всех был все же Илейка,— произнес грустно и раздумчиво Иван Васильевич.— Вспомнил яз слова его: «Дружно — не грузно, а один-то и у каши загинет». Все вот мы ныне заедин: и родные братья мои, и подручные князья, и даже Псков и Тверь! Как же тут Новугороду против нас устоять? Так и с татарами будет, когда вся Русь православная единой станет...

Иван Васильевич задумался, а князь Юрий, усмехнувшись, сказал, наполняя свою чарку:

— Забыл тобе поведать. Андрей наш, меньшой, и тот пожадовал. Ночесь гонец с Москвы повестил: посылал Андрей-то с вологодской вотчины своей воеводу Сабура, Семен Федорыча, на Кокшенгу-реку. Повоевал там Сабур многие погосты и села. Привел в Вологду большой полон...

Юрий Васильевич засмеялся и добавил:

— Видать, зависть замучила!..

Государь же нахмурился и сказал резко:

— У всех зависть на чужое добро. Не токмо у татар и иных ворогов отымать будут, а и брат у брата. Более того, из корысти своей и о Руси православной забудут, как новгородская господа...

Смолк вдруг Иван Васильевич, свой поход на Кокшенгу-реку вспомнил, когда сам села и погосты разорял, православных своих в полон брал на горе и муку. Хотел сказать Юрию о клятве своей уделы все под Москву взять, но неведомо откуда выплыла в памяти, как живая, Агафьюшка, и сладко и тоскливо стало в душе его...

— Ушло сие навек,— беззвучно шевельнул он губами.

Неожиданно вошел стремянный Саввушка.

— Вестники, государь,— сказал он, кланяясь,— от князя Стриги-Оболенского.

Когда вступил в шатер вестник князя Стриги, государь, узнав старого знакомого, весело сказал:

— А сие ты, Трофим, по отцу Гаврилыч, по прозвищу Леваш-Некрасов...

— Будь здрав, государь, на многие лета!— радостно воскликнул Леваш.— Я самый и есть, вестник от князя Ивана Васильича Стриги-Оболенского.

— Ну, повестуй.

— Повестует князь тобе: «Живи много лет, государь! Полки свои яз от яма Бронницкого на полдень к Спасу Нередицы и к Городищу подвинул, а на полночь к Кириллову монастырю. И все, в Новеграде творимое, мне через доброхотов наших наидобре ведомо. Много же и своими очами вижу. Смута идет в Новомгороде против господы, и все более, государь, народу стает за тя против короля Казимира. Токмо господа-то страхом еще держит всех. Посады все около града пожжены воеводами

их, сожжены и монастыри: Антоньев, Юрьев и Рождественский. И Городище, к которому подошли мы, также все сожжено. По башням, у врат всех и на стенах градских день и ночь у них караулы. Сказывают доброхоты наши — ждет все господа-то полков казимировых...»

Далее Леваш рассказал государю, что к Новгороду столько набежало народу, что ржаной хлеб уж весь съели, а на торгу продают лишь пшеничный и по такой цене, какую и не всякий богатый дать может.

Братья переглянулись, а Юрий молвил с усмешкой:

— Наши заставы у Осташкова и Торжка, видать, добре глядят!

Леваш же, добавив еще о нехватке многих иных припасов, о тесноте градской, закончил донесение воеводы такими словами:

— «Во гладе томятся уж все меньшие люди новгородские и против господы кричат: «Вы-де великого князя прогневили, все от беды от вас». Пушечник там, некий Упадыш, повешен. Радея тобе, государь, пищали он на градских стенах железом забил, дабы палить из них неможно было. Посол же их к Казимиру воротился ни с чем,— не пустили его ливонцы через земли свои. Слухи еще есть, бьют наши новгородцев на Двине. Мыслю токмо, о сем тобе, государь, более моего ведомо».

На рассвете, как только первые утренние петухи пропели, примчались вестники от воевод Бориса Матвеевича Тютчева и Василия Федоровича Образца с За́волочья. Встревожился весь стан великого князя, как улей пчелиный. Князь же Юрий Васильевич не велел будить государя, но приказал Саввушке сказать великому князю, когда он проснется, что после первого завтрака он придет к нему с боярами, воеводами и дьяками, дабы вестников слушать.

— Скажи государю,— добавил он,— вести ныне вельми радостные.

Но государь сам рано проснулся от говора, хотя и тихого, но необычного в эти ранние часы.

Быстро одевшись, потребовал он ранний завтрак и, сидя за столом, ждал, когда Юрий придет.

Вскоре у шатра его зашумели и затопали конные и пешие, и вбежали к нему братья, бояре и воеводы с князем Юрием впереди:

— Будь здрав, государь!— кричали они радостно.— Помог господь нам! Биты новгородцы в Заволочье.

— Двинская земля вся наша,— добавляли другие.

— Грады там все повоеваны и пожжены!— кричали третьи.

Иван Васильевич тоже радостно улыбался, но стоял молча.

И оттого, что стоял он и молчал, все в шатре стихать стало. Когда же все смолкли, государь сел и, слегка нахмурив брови, тихо спросил:

— И де же вестники?

— Будь здрав, государь, на многие лета. Здесь мы: я — сотник Максим, Ермолаев сын, и подручные мои, два десятника — Кузьмич да Ерофеич...

Вестники, еще молодые, но бородатые, поклонились до земли. Государю понравилась их северная суровость и ратная выправка.

— Будьте здравы и вы,— молвил он.— Ну, сказывай, Максим Ермолаич.

Суровые лица воинов посветлели, а сотник стал сказывать неторопливым северным говором.

— Бояре-то, воеводы наши, Борис Матвеич и Василь Федорыч, повестуют тобе: «Будь здрав на многие лета. Божьей волей и милостью побили мы новгородскую рать князя Шуйского-Гребенки. Их воев было около двенадцати тысяч, у нас же всего четыре тысячи устюжан и вятчан да малое число московских воев, что с Тютчевым пришли. На реке Си́хвине мы на новгородцев наехали. Рукопашным боем великим бились и на судах, а после и пешие на суше. От трех часов пополудни до захождения солнечного бились. Тут мы знамя у знаменщика их выбили, а его другой подхватил: другого наши тоже убили, а знамя третий поимал, и его убили мы и знамя их взяли. Заметались тут полки новгородские, но щит все же по самый вечер доржали. Вборзе же сам воевода их Гребенка стрелой тяжко уязвлен был, и подались новгородцы. Мы же побили насмерть многих, а иных живых поимали руками. Потом же градки их в Заволочье поимали и привели земли их крестованием за тобя, великого князя. Убито же у нас пятьдесят вятчан, да устюжан един, да слуга воеводы Бориса Матвеича, именем Мигун, а прочих всех бог сохранил. Ныне ждем приказа твоего».

— А зло ли бились новгородцы?— спросил Иван Васильевич.

— Вельми зло, государь,— ответил Максим Ермолаевич,— особливо заволочане, которых избили мы великое множество. Бились, за руки друг друга хватая, и так на ножи резались...

— Ну, спасибо вам, вои,— молвил государь,— постояли вы и воеводы наши грудью за Русь православную. Воям же, которые за правду живот положили, слава и память вечная!

Государь встал, и все в шатре тоже встали. Обернувшись к образу у знамени, Иван Васильевич перекрестился и сказал громко:

— Даруй, им, господи, за подвиг их мученический царство небесное!..

Все закрестились кругом, повторяя моление великого князя. Государь же после молитвы, обратясь ко всем, молвил:

— Сия битва в Заволочье есть другая Шелонь. Мыслю, господа вборзе будет нам челом бить о милости.

На другой день, за час до обеда, доложили великому князю, что плывут в ладьях по Ильмень-озеру многие послы новгородские во главе с владыкой Феофилом, нареченным архиепископом. Вести эти пришли от судовых, конных и пеших дозоров, и вскоре, по приказу воевод московских, посольские ладьи окружены были судовой стражей великого князя.

Иван Васильевич вышел из шатра и, заслонив рукой глаза от солнца, с усмешкой смотрел, как, мерно всплескивая веслами и сверкая брызгами, десять лодок гуськом, пара за парой, быстро гнали к коростыньскому берегу.

На одной из лодок первой пары стоял владыка Феофил с церковным клиром в парчовых ризах, а на другой — пять старых посадников и пять житьих людей, по одному от каждого из пяти концов Новгорода. Все они были богато одеты, а на посадниках сверкали золотые пояса — знак принадлежности их к господе новгородской. На других ладьях ехали многие из лучших людей, слуги и охрана посольства везли с собой ценные дары государю московскому.

За посольскими лодками, охватив их сзади полукругом, плыла стража из судовой рати великого князя...

Оборотясь к дьяку Бородатому и князю Юрию, стоявшим рядом с ним, Иван Васильевич сурово молвил:

— Не помогли новгородцам в воровстве их ни круль латыньский, ни хан басурманский. Бог-то за правое дело нам, а не им пособил...

— Бог-то справедлив и милостив,— крестясь, ответил дьяк Степан Тимофеевич,— наказал их. Как же ты, государь, прикажешь с посольством их быть?

Иван Васильевич сверкнул глазами и хрипло воскликнул:

— Пусть за зло свое испьют до дна чашу желчи горькой. Не хочу их зреть и слышать. Ты, Юрий, и ты, Степан Тимофеич, принимайте их с боярами нашими, токмо ни в какие переговоры с ними до приказа моего не вступайте.

Резко повернувшись, государь вошел в шатер свой и приказал собирать стол для обеда.

Долго посольство новгородское не получало дозволения стать пред очи государевы. Много раз послы били челом боярам

великого князя и дары им давали, а потом вместе с ними братьев государевых молили упросить старшего брата помиловать Новгород и снова дары приносили.

— Жестока рать сия,— говорили они со слезами,— такого разорения, огня и меча, такого великого полона до сей поры земля наша не ведала. Никогда господь-бог не карал так народ новгородский...

Наконец, после многих поклонов и подарков посольство допущено было в шатер государев.

Посланники новгородские, измученные волнениями и позором, разорением земли своей, будто слабые и немощные, вступили в шатер великого князя, неприступного и грозного.

Владыка Феофил, а за ним и все прочие пали на землю и, ниц распростершись, лили слезы, содрогаясь от безмолвных рыданий, ожидая от великого князя дозволения говорить...

Глядя на этих смиренных в боли и унижении, вспомнил государь о мелких и меньших людях и, смягчившись в душе своей, молвил:

— Сказывай, отче.

Не вставая с колен, нареченный владыка Феофил молил о пощаде...

— Господа ради,— начал он дрожащим от слез голосом,— помилуй винных пред тобою людей Новагорода Великого, твоей вотчины. Уложи гнев свой, уйми меч, угаси огнь, утиши грозу, не изрушь доброй старины, дай видеть свет! Безответных людей пожалуй, смилуйся, как бог тобе на сердце положит...

Тишина настала в шатре великого князя, когда кончил архиепископ Феофил мольбу свою, и только подавленные рыдания слышались среди людей новгородских.

Великий князь молчал, и руки его слегка дрожали от волнения. Жалость охватила его к безответным мелким и черным людям, к сиротам и прочим, которые ныне в эти ратные дни по лесам и дебрям скитаются, от смерти и полона спасаясь. И, гнев свой сменив на милость, сказал:

— Горе горшее людям безвинным, меньшим и мелким. Кто же виновен в горе сем? Винны за сие набольшие люди новгородские: князи, бояре великие от господы. Сии вороги наши и Новагорода, ибо заедин они с ворогами Руси православной: с Ордой, с немцами, с панами литовскими, с крулем польским. Яз же един против всех бьюсь за правое дело, яко на суде божием[1].

Иван Васильевич замолчал и заговорил мягче:

— Кто же в борьбе сей оплечье мое, на которое мог бы яз

[1] *Суд божий* — поединок с оружием в руках на суде при свидетелях. Правым считался победитель.

опереться? Опора мя — церковь наша православная, да вои мои из меньших людей... Ради них гнев свой с сердца слагаю, дозволяю послам новгородским в переговоры вступить с боярами моими и дьяками.

Тут выступил вперед дьяк Бородатый, которого для совета взял с собой из Москвы великий князь. Держа в руках копии с грамот и с летописей, стал он исчислять все зло измен новгородских и вред их для всей Руси.

Но владыка Феофил и все, кто с ним пришел, не вставая с колен, прервали речь дьяка Бородатого, горестно взывая к государю:

— Каемся во всех винах наших, ведаем все прегрешения наши и токмо молим тя, господине наш, княже великий: смилуйся, как тобе бог положит на сердце!..

При этих словах и братья Ивана Васильевича, князь Юрий, Андрей большой и Борис, челом били и печаловаться начали о Новгороде...

Великий же князь, доселе грозный и суровый, видя такую покорность, вдруг стал ласков и приветлив.

— Встаньте,— сказал он.— Милую вас, вотчину свою, и жалую. Воровство же ваше пред Русью православной и воровское докончанье с крулем польским прощаю и предаю забвению. Сказывайте.

Новгородцы все просияли лицом и, встав с колен, закрестились на икону, что в углу шатра, возле знамени была. Потом посадники обернулись к отцу Феофилу и молвили:

— Сказывай, владыко, все князю великому, как господой было решено, как на вече утверждено...

— Господине наш, княже, великий,— заговорил Феофил.— За вину свою мы платим тобе, великому князю, убытки и протори пятнадцать тысяч рублев деньгами серебром[1] в отвес в четыре срока. Две тысячи рублев новгородских серебряных — сентября восьмого, на рожество пресвятой богородицы; шестого января на крещенье господне — три тысячи рублев; на велик день — пять тысяч рублев. Затем обещаем тобе, господине, воротить Вологодской твоей вотчине земли по берегам рек: Пинеги, Мезени, Выи, Поганой Суры и Пильи горы, которыми отец твой владел. Клятву даем платить тобе черную дань, а митрополиту — судную пошлину...

Далее Феофил обещал от господы и всего Новгорода: рукополагаться нареченным архиепископам новгородским только в Москве, у гроба Петра митрополита; не сноситься с королем

---

[1] 15 тысяч новгородских серебряных рублей весили около 1300 килограммов.

польским и Литвой; не принимать к себе князя Ивана можайского и сына Шемяки; отменить вечевые грамоты; верховную судебную власть оставить за великим князем московским и не составлять судных грамот без утверждения их великим князем...

После речи сей Иван Васильевич стал еще приветливей.

— Яз хочу токмо добра Новугороду, вотчине моей,— сказал он.— Вы же сами во всем виновати, вы подняли меч свой на меня. Ныне же жалую вас за покаяние ваше. Согласен принять все, что даете мне, и сам ворочаю вам Демань и Торжок, освобожу от присяги деманцев и новоторов; не возьму серебра и хлеба, которые следуют мне от Торжка и волостей его. Старины же вашей яз и пальцем не трону. Идите сей часец в шатер к дьякам и думайте там до обеда с боярами и дьяками моими о грамоте докончальной. Молю тя, отче, и всех вас, посольников новгородских, к собе на обеденную трапезу...

Отпуская посольство новгородское с боярами и дьяками и всех прочих; Иван Васильевич задержал при себе на малое время дьяка Бородатого.

— Ты, Степан Тимофеич,— сказал он ему,— наидобре из всех нас ведаешь новгородские дела, особливо суды их, и судные грамоты, и как сильны бояре старым обычаем, наводки на суды деют[1]. Ты же такую старину их всякую поддоржи, дабы росла меж новгородцами смута. Пусть и вече их по старине будет, где сильные слабых и бедных убийством и буйством давят, рабов собе деют, дабы бедные люди новгородские у Москвы защиты искали...

— Добре, государь,— воскликнул дьяк Бородатый,— по всей старине-то мир сей Коростыньский подпишем!

— Хотят сами того,— усмехаясь, перебил дьяка государь.— Старину новгородскую будем мы стариной же бить, пока под руку Москвы Новагород не приведем...

Государь замолчал, а дьяк Бородатый растерялся, оторопел слегка, но, оправившись, воскликнул изумленно:

— До седых волос яз дожил, государь, а такого разумения хитрого не зрил никогда. Мыслю яз, что коростыньское докончание горше им будет Шелони и Заволочья!..

К обеду все грамоты по Коростыньскому миру были посольниками новгородскими и дьяками и боярами московскими составлены без торгов и споров, легко и быстро к взаимному удовольствию.

Государь вместе с братьями своими почетно встретил гостей, будто и войны никакой не было. Новгородцы были радостны и поднесли государю дары богатые: сукна и бархаты ипские, вина

[1] *Наводки на суды* — нападения на суд с целью отбить подсудимых и сорвать судебный процесс.

фряжские, пиво немецкое, сосуды золотые и серебряные и много каменьев самоцветных в перстнях, в обручах женских и серьгах...

Потом пир пошел, богатый напитками и яствами, но не долгий, ибо спешили посольники засветло отъехать к себе в Новгород Великий.

Встав из-за стола, нареченный владыка Феофил прочитал молитву и поблагодарил великого князя от имени всего посольства за гостеприимство и ласку.

Подозвав потом к себе от клира своего священника, отца Ипата, взял у него две книги, написанные на пергаменте, подал их великому князю и молвил почтительно:

— Ведаю, господине, усердие твое ко всему книжному, приношу тобе в дар из ризницы святой Софии сии списки: «Мерило праведное», которое многому учит в государствовании, мудрым поучениям учит святых отцов и древних еллинских мудрецов, а такожде и «Шестоднев», переведенный с грецкой книги «Эксамерон», писанной в Цареграде Георгием Писидой. Перевел же ее дьяк митрополита московского, святителя Киприана, Димитрий Зограф в лето шесть тысяч восемьсот девяносто третье[1]. Сей дьяк Зограф именует «Шестиднев» еще так: «Премудрого Георгия похвала к богу о сотворении всея твари...»

Иван Васильевич тронут был подарком и, поблагодарив владыку, сказал:

— Дар твой вельми люб мне, и вложу яз его в книгохранилище свое московское; Степан Тимофеич, прими драгоценные книги сии. Теперь же приступим к чтению докончальных наших грамот...

Часа два длилось чтение грамот. Государь не раз одни слова отвергал и заменял другими, уяснял обещания свои и новгородские, дабы инакомыслия быть не могло ни у той, ни у другой стороны. Некоторые из бояр московских и дьяки московские, кроме Бородатого, дивились великой милости государя к новгородцам, ибо мир Коростыньский, за малым исключением, повторял договор с новгородцами покойного великого князя Василия Васильевича в Яжолбицах. Сам же государь был весел, и новгородцы радовались его милостям, так как старинные обычаи их Москва почти не трогала...

Когда чтение было кончено и всякие исправления прекратились, Иван Васильевич сказал:

— Сотворили мир мы добрый и для Москвы и для Новагорода. Поблагодарим, отче, господа-бога за милость его кратким молебном, а после того отъезжайте с богом восвояси. Посылаю с вами боярина своего Федора Давыдыча Хромого-Пестрого.

---

[1] 1385 год.

При нем пусть вече крестоцелование даст по обычаю и печати к грамотам привесит. Ворочайтесь же борзо, дабы и яз тут по грамотам сим крестоцелование дал Новугороду...

Затем, обратясь к воеводам своим, произнес:

— Вам же, воеводам моим и дьякам, повелеваю приказать всем полкам и отрядам, перестали бы пустошить и полонить земли новгородские, а взятый полон отпустить без óкупа...

После краткого молебна новгородское посольство отъехало на ладьях в Новгород по Ильмень-озеру. Государь Иван Васильевич проводил их только до выхода из шатра. Братья же великого князя — Андрей большой и Борис — с боярами вместе пошли провожать их до берега.

Оставшись с братом с глазу на глаз, князь Юрий Васильевич сказал с досадой:

— Зазря ты, Иване, после побед столь великих так милостив к Новугороду. Можно было не токмо в десять крат более взять с них, а и совсем задавить господу-то и вече их. Пусть бы токмо наши наместники да воеводы ими правили, яко в Коломне правят...

Государь усмехнулся.

— Отныне господа новгородская и вече,— молвил он, сжав кулак,— вот у меня где! На всей милости моей. Меч мой занесен не токмо над ними, а и над Ганзой немецкой. От немцев зла к нам идет не меньше, чем от Литвы и Орды.

Иван Васильевич прошелся несколько раз молча по своему шатру и, остановясь перед братом, продолжал:

— Ты ведай то, Юрьюшка, что победы ратные одни по себе не живут. Победа-то потому бывает, что в государствовании и земских делах оплечье имеет. Такое надобно нам оплечье иметь и в народе новгородском. Посему яз не хочу заноситься, а от доброго и верного не ищу лучшего, может, да неверного...

Откинулась завеса у двери шатровой, и вошел к государю дьяк Бородатый.

— Проводил яз посольников-то,— молвил он,— и видел, не разумеют они, какая гроза на них идет. Токмо стариной своей, яко дети несмышленые, тешатся.

— Помогает господь Руси православной,— перекрестясь, молвил Иван Васильевич и перевел речь на книги.— А ты ведаешь ли сие «Мерило праведное»?

— В книге сей всего не читал, а что же писано в ней, со слов других ведаю. Коли повелишь, поглядим ее сей часец. «Шестоднев» же мне и тобе ведом.

— Прочти мне нечто от «Мерила праведного». И ты, Юрий, ежели хочешь, слушай.

— Прости меня, государь,— ответил Юрий Васильевич,— много всего еще нарядить мне надобно в стане нашем и вестников принимать и отсылать. Тобе ж яз не пособник в книжных делах. Не начитан яз книгами.

Юрий Васильевич поднялся со скамьи и пошел было из шатра государева, но вдруг остановился и с живостью воскликнул:

— Забыл тобе поведать! Посольники-то новгородские мне баили, николи-де такой беды с новгородской землей не было, как ныне! Никогда их никто так не пустошил и не полонил, как мы. Навек-де память о сем им будет...

— Сие ныне,— смеясь, молвил Иван Васильевич,— наиглавное для нас. Долго теперь против нас меча не подымут, да и круль Казимир крепость руки нашей почуял.

— Верно, государь,— проговорил Юрий Васильевич и, простясь, вышел из шатра.

— Да и удельные-то все,— вполголоса, добавил дьяк Бородатый, оглядываясь на дверь,— Москву более чтить будут, а великого князя еще более бояться...

Иван Васильевич раскрыл перед собой книгу и вслух стал читать ее полное заглавие: «Сия книга Мерило праведное, извес истинный, свет уму, око слову, зерцало совести, тьме светило, слепоте вождь, припутеи ум, сокровен разум...» И еще много тут сказано. Едино-то наименование ее, почитай, целая книга. Ты, Степан Тимофеич, сам разбери тут и почитай, что о государствовании найдешь...

— Помню яз, государь,— ответил дьяк,— есть в «Мериле» от «Пчелы», от «Книг Еноха праведного»...

Дьяк Бородатый перелистывал книгу и продолжал:

— Вот о княжении от «Пчелы»: «Князю помнить надобно — первое, что он над людьми владеет; второе, что закон поручон ему; третье, что власть временная истлевает...» Там же о власти: «Бесчиние знаменует самовластие, а чин являет владеющих...» Вот же от святого Евгария: «Поставлен ты царем — будь внутри собя царь самому собе, ибо царь-то не тот, кого зовут так, а кто таков умом правым...»

— Сие истинно,— одобрил Иван Васильевич,— но чую яз, что в книге сей токмо мудрствования, а нам надобны деяния мудрые, а не одни слова. Уставные да судные грамоты для государствования нашего — наиглавное.

— Право разумеешь, государь,— подтвердил Бородатый,— яз мыслю, «Уставная Двинская грамота» и разные судные и уставные грамоты новгородские, псковские и московские, которые у дьяка Жука есть...

— Нам со времен Ярославских и сыновей его все судебные

уставы брать надобно,— молвил Иван Васильевич,— до самых законов мономаховых.

— Списки сих древлих установлений, государь, Жуковым, собраны...

— Ну, и добре́,— сказал государь,— возьми книги сии для мого книгохранилища. Иди отдохни после обеда посольского. Воротимся, бог даст, целы и здоровы на Москву, сам яз тогда подумаю с дьяком Жуком и его подьячими о делах государствования...

Прошло немного времени с отъезда посольства, и августа двенадцатого дня воротился из Новгорода боярин Федор Давыдович, приняв присягу новгородцев по Коростыньскому договору. С ним на этот раз прибыли вместе с владыкой Феофилом и старыми посадниками и степенный посадник, и степенный тысяцкий — все правление господы новгородской.

Принимал их Иван Васильевич в шатре своем торжественно, сидя в красном углу под знаменем, окруженный князьями, боярами, воеводами и дьяками.

Выслушав приветствия от посольства и спросив, «добре ли они дошли», государь подошел к владыке Феофилу принять благословение. Засим он снова сел на место свое и, обратясь к послам, молвил милостиво:

— Сказывайте.

Степенный посадник Василий Ананьин, поклонившись в пояс, передал великому князю договорную грамоту со всеми печатями, которые привесили к ней после утверждения на вече новгородском. Дьяк Бородатый принял ее и осмотрел. Тут же выступил вперед владыка Феофил и, осенив себя крестным знамением, сказал:

— Именем божиим свидетельствую, принята грамота сия на вече по всей воле твоей, государь, принята при всех пяти стягах кончанских.

Иван Васильевич чуть усмехнулся и молвил:

— Благодарю господа-бога, что мир сотворил он среди нас.

Обратясь к дьяку, он спросил:

— Как с грамотой? Все ли в ней по обычаю?

— Грамота сия, государь, та, которую писали мы,— ответил Бородатый,— а под ней вечевой есть приговор и привешены все восемь печатей вислых: пять кончанских, одна архиепископа, одна посадника и одна тысяцкого. Все, как надобно, наряжено, по правилу...

Иван Васильевич сделал знак, и полковой его священник, уже в облачении, выдвинул аналой с крестом пред государем.

Иван Васильевич встал, и все встали вслед за ним.

— Сей часец и яз по всей старине крест целовать буду Новугороду Великому на сем докончании...

Мрачные до сего и неуверенные послы новгородские после крестоцелования с веселием и смелостью приблизились к государю и стали дарить ему дары многие и ценные.

Великий князь благодарил их и беседовал с ними ласково, как с гостями своими. Внесены были столы в государев шатер для почетного пира посольству, а для всех сопровождавших послов пиршество было наряжено в другом шатре у дьяко́в.

За столом послы пили здравицы за великого князя московского, государь же выпил кубок за Новгород Великий и за весь народ новгородский. Пир шел до самого ужина, а на другой день с рассветом войско великого князя снялось со стана и повернуло коней на восток, к преславному граду Москве.

Послы же новгородские, сидя в ладьях своих и сняв шапки, истово крестились вслед за владыкой Феофилом и радовались концу грозной рати, невиданной и неслыханной в земле новгородской...

Глава 7

ВО ГРАДЕ СТОЛЬНОМ МОСКВЕ

Вот и конец августа — Иван Предтеча гонит за́ море птицу далече, и журавли снова курлыкают в небе. Лето с русской землей прощается. Солнце же хотя и похолодало, а сияет ярко и в полдень ласково греет плечи и спину. Дни — словно медовые, тишина кругом такая особая. Никаких пташек не слышно, только где-то стрекочет сорока:

Леса будто задумались: ни веткой, ни былинкой не дрогнут. Изредка лишь сорвется где-нибудь сам собой желтый березовый лист и, падая, затрепещет в неподвижном воздухе. В синеве же небесной, высоко над опустевшими полями, высматривая добычу, подолгу кружат ястребы и коршуны...

Восемнадцатый день идут полки государевы и ныне вот к Москве уж подходят. Видят воины места родные, с детства знакомые, и радостно им среди тишины этой мирной и ласковой.

Иван Васильевич едет верхом поодаль, в сопровождении только Саввушки, молчаливый и задумчивый. Чует, будто сам растворился он в тишине этой осенней. Слышен шаг коней и людей, слышен малейший скрип тележный, и хотя порой звонко раздается человеческий выкрик или заливчатое ржанье коня, все едино — тишина остается кругом нерушимой...

Думает государь о победе своей, столь великой, об успехе своем после мук и трудов тяжких на пользу отечеству; знает он,

что и вся Русь, весь народ православный этому порадуется.

Смотрит он на воинов своих, и видится ясно ему, как встречать их радостно будут отцы, матери, жены и дети...

— Токмо мне полно, не радоваться,— беззвучно прошептал он одними губами.

Вспомнилась ему светлая радость Марьюшки, княгинюшки юной, когда они вместе с отцом вернулись на рассвете из Коломны, разбудили всех, напугали, а после-то сколько счастья было.

— Царство тобе небесное,— опять с горечью прошептал он и судорожно вздохнул:— а другая-то живой в могилу сокрылась...

Застыла душа Ивана Васильевича, и мысли все и чувства его замерли.

Свечерело совсем, и заря уже погасла, когда войска великого князя подошли к селу Мячкову, что в двадцати верстах от Москвы. Здесь ночевать полкам было назначено, дабы завтра, сентября первого, вступить торжественно в стольный град Москву.

Но и в сумерках Иван Васильевич сразу узнал село Мячково, которое по наследству во владении ныне Федора Ивановича Мячкова, казначея и конюшенного княгини Марьи Ярославны. Вспомнилось Ивану Васильевичу, как сюда приезжали они с Юрием подростками зайцев травить с охотой хозяина...

Послышался вдруг конский топот, и воспоминания рассеялись. Четверо всадников вскачь гонят навстречу государю, и видит Иван Васильевич: сын его, великий князь Иван Иванович, и брат Андрей Васильевич меньшой в сопровождении дьяка Курицына и конюшенного Мячкова подъезжают к нему, спешились вот, бегут. Соскочил с коня и сам государь, обнимает, целует Ванюшеньку своего, целует и брата Андрея. Спешились тут следовавшие за государем и Андрей большой и Борис и приветствуют брата и племянника.

Из села же гонят на конях встречать государя: князи его подручные и среди них царевич Муртоза, сын Мустафы, бояре, дети боярские, купцы и прочие люди московские...

— Многие лета государю!— гремит кругом.

Государь, сын его и братья снова садятся на коней и, окруженные встречающими, среди радостного шума и криков медленно подвигаются по длинной улице села к хоромам боярина Мячкова, где государю лучший покой приготовлен.

Здесь, пока Иван Васильевич и братья его умывались с дороги, Андрей меньшой рассказывал великому князю новости московские.

— Третьеводни,— говорил он,— на Ивана Предтечу, гром

был страшен и поразил церкву каменную Рожества пресвятой богородицы.

— Много ли рушено и сожжено?— спросил государь, утираясь полотенцем.

— Ништо не рушено, один крест, яко воск, расстаял, а огонь небесный по стене в землю сошел...

А дьяк Курицын рассмеялся и продолжал шутливо:

— Еще объявилась на Москве, государь, женка вельми плодовитая — мужу враз четверню принесла...

— Чья женка-то?— отдавая утиральник Саввушке, молвил с усмешкой Иван Васильевич.

— Гогулина Юрья, боярского сына...

Вошел боярин Мячков, Федор Иванович, и, поклонясь в пояс, пригласил:

— Пожалуй, государь, в трапезную. Там давно ужин уже собран. Изопьем кубки за тобя и победы твои...

— С великой охотой,— весело ответил Иван Васильевич,— очень с дороги-то есть хочу.

Когда шли по сенцам, дьяк Курицын обратился к великому князю:

— Разреши, государь, довести тобе о вятчанах, которые в Большую Орду походом ходили...

— Сказывай, Федор Василич,— с живостью отозвался государь,— когда и как сие было?

— Вести о том пришли вборзе, как ты от Новагорода на Москву отъехал. Баили люди, что вятчане Волгой на судах вниз пошли, а придя, напали на Сарай нечаянно. Сам же Ахмат в то время со всеми татарами кочевал в степи на един день пути от столицы своей. Много, бают, вятчане-то товару всякого взяли и полон большой поимали. Татары же ордынские, услыхав о сем, погнали отовсюду к Волге-реке и, поимавши ладьи и насады, заступили судами своими путь по воде, токмо вятчане пробились сквозь ордынцев и со всей добычей ушли. Казанские татары также хотели перенять вятчан под Казанью, а те, исхитрясь, ночью прошли со всем добром в землю свою.

Эта весть поразила Ивана Васильевича и, обратясь к брату Юрию, он молвил:

— Запомни поход сей, Юрий. Сие и нам пригодится на случай. Ежели на Русь Орда придет, то и мы также принудить их сможем назад оглянуться. Подумай о сем, как воевода, а ты, Федор Василич, как дьяк...

Сегодня с раннего утра сияет солнышко и так же тепло, как и вчера. Со стану в Мячкове полки московские снялись еще

на самом рассвете: не терпелось им, хотелось скорей Москву повидать; воины, бояре, воеводы, князья да и сам государь, почитай, вовсе не спали. Сразу зашумел весь стан, лишь солнце из-за края земли огнем и золотом брызнуло. Разом потянулось все войско государево к стольному городу. Только тишины вечерней уже не было,— от сплошного человеческого крика и говора все гудело кругом непрерывно, как на огромном пчельнике. Иногда сквозь гул и говор прорывались радостные крики и возгласы в честь государя,— это встречные конные и пешие приветствовали великого князя. Так повторялось на каждой версте, и встречные тут же поворачивали обратно, радостно окружая войско и сопровождая его к Москве.

Иван Васильевич ехал впереди своего полка рядом с сыном и братьями, с ним же ехали воеводы его знаменитые: брат князь Юрий Васильевич, Михаил Андреевич, князь верейский с сыном Василием, молодой Патрикеев, князь Стрига-Оболенский, Холмский, Пестрый, царевич Даниар и прочие. Государь радостно оглядывался по сторонам, но из-за шума и гула говорил мало...

Но вот на пятой версте от Москвы все кругом как-то изменилось. Волнение охватило Ивана Васильевича и все войско его.

Увидели все, как темной сплошной тучей двигается от самой столицы огромная толпа людей московских и посадских, а также сирот из подмосковных деревень с женами и даже детьми.

— Вся Москва двинулась, весь народ правос...— воскликнул было Иван Васильевич, но голос его сорвался от волнения.

И говор и крики кругом тоже смолкать начали: воины простые почуяли близких, дорогих своих в этой туче народной, на них наползавшей, а в тишине осенней чуть слышно плывет уж из Москвы гул колокольный...

Не отрываясь, глядит Иван Васильевич на приближающиеся толпы народные, и вспоминается ему встреча с Ермилкой-кузнецом, когда еще княжичем он в первый поход шел к Владимиру. И снова в ушах его гудит густой могучий голос кузнеца:

— Мир-то силен, ты токмо развороши его. Мир по слюнке плюнет, море будет...

В это время, обрывая мысли Ивана Васильевича, покатилось среди полей, как гром:

— Будь здрав, государь!..

Переполнилось сердце Ивана Васильевича, и слезы застили его взор, а уста, вздрагивая, громко шепчут:

— Вот он, мир-то, вот он весь тут...

Вот и Москву хорошо стало видно, и гул церковного звона слышней, и гуще перекатывается он над полями, как волны,

то затихая, то снова усиливаясь. Четко белеют стены, а на синеве небесной выступают верхушки стенных башен-стрельниц, золотятся в лучах солнца маковки и кресты церквей.

Пешие и конные воины снимают шапку и крестятся.

— Ну, вот и Москва-матушка,— говорят друг другу,— привел господь...

Но возгласы эти теряются, сливаясь с тысячами подобных восклицаний и немолчным радостным говором. Как могучие реки, вливаются уже полки и народные толпы в посады и пригороды, текут по их улицам, а на гульбищах всех хором, на колокольнях и на крышах всех изб теснится множество народу. Люди глядят оттуда на проходящие войска, что-то кричат и машут шапками.

Стены кремлевские тоже усыпаны народом, отовсюду гремят радостные крики и приветствия...

Вот уже въезжает государь по Великой улице посада на Торговую площадь[1] и, остановясь перед Спасскими воротами, снимает шлем и истово крестится на икону. При громких, радостных криках народа он спешивается, а вслед за ним все его окольные и ближние.

По бревенчатой мостовой идет государь к собору Михаила-архангела. Здесь, на кремлевской площади, у колодца возле церкви встречает государя сам митрополит с крестами, иконами и хоругвями от всех церквей, во главе всего духовенства московского в сияющих парчовых ризах.

После краткого молебна, благословив Ивана Васильевича, взошел владыка Филипп на паперть соборного храма и оттуда благословил крестом все войско и весь народ. Засим владыка простер руки, призывая к молчанию. Когда же колокольный звон прекратился, произнес он краткую речь в похвалу государю.

— Не бывало еще на Руси торжества такого и побед таких великих. Дни сии радостные, яко Христово воскресение светлое,— говорил митрополит.— Помог господь деснице твоей, благоверный и благочестивый государь наш!.. Отвел ты от сердца Руси православной меч латыньства поганого, не допустил поругания церкви святой. Войском твоим, государь, вся новгородская земля выбита, выжжена, вытравлена, опустошена, чего не бывало от века над ними. Но все зло сие от них же самих. Сами повинны правители их за земску беду и за кровь людей, и все было взыскано с них от бога по написанному: «Господи, зачинающих рать погуби». Тобе же, государь, да воздаст господь наш Исус Христос за ратный подвиг сей, ниспошлет он тобе славу и честь и ныне, и присно, и во веки веков...

---

[1] *Торговая площадь* — Красная площадь.

— Аминь!— дружно грянул весь народ на площади, и снова загудели все колокола, провожая гулом своим великого князя, двинувшегося в торжественном шествии к хоромам своим.

Старая государыня Марья Ярославна встретила великого князя и братьев его на красном крыльце. Поплакала от радости, обнимая и целуя старшего сына. Вторым обняла она Андрея Васильевича большого, и заметил Иван Васильевич, привечала она его сердечней и ласковей: был углицкий князь любимым сыном ее. Еще холодней отнеслась она к Юрию и Борису.

Пригласила Марья Ярославна всех сыновей к себе на обеденную трапезу идти, но государь с дороги захотел умыться и переодеться, потому просил подождать его.

— Иди, иди, сыночек,— ласково молвила она,— яз пришлю за тобой Данилушку.

Иван Васильевич прошел к себе вместе с Саввушкой. Снимая походные воинские одежды, приказал он своему стремянному:

— Приготовь мне оболочиться. Кафтан дай ипского сукна, который потоне и полегче. День-то ныне теплый. Все же побогаче кафтан избери для ради почтения старой государыни.

Как только Иван Васильевич, умывшись, одеваться стал, вошел дворецкий Данила Константинович.

— Ну, Саввушка,— сказал великий князь,— принеси мне кафтан да иди в семью свою,— чаю, и у тобя матерь-то ждет не дождется...

— Я, государь...— начал было Саввушка, но государь перебил его:

— Иди, иди, Данила Костянтиныч поможет мне...

Как только дверь затворилась за стремянным, государь, обняв и поцеловав Данилу Константиновича, спросил:

— Какие о ней вести?

— Те же всё, Иванушка. Затворилась она от мира совсем и меня не принимает, токмо от игуменьи все ведаю.

— Здрава ли?

— Как мне игуменья-то баила, постница великая она, томит себя нещадно покаяньем и молитвой...

Иван Васильевич горько усмехнулся и тяжело опустился на скамью. Несколько мгновений сидел он неподвижно, потом, взглянув на дворецкого, сказал вполголоса с тихой скорбью:

— Неисправимо сие, Данилушка, неисправимо. Помоги ей, господи...— Он быстро встал, обернулся к образам и с болью душевной воскликнул:— Помоги ей и мне, господи!

Смолк сразу, будто забыл обо всем окружающем.

Вошел Саввушка с двумя кафтанами и положил их на лавку, но по знаку дворецкого вышел из покоя государева.

Данила Константинович, вспомнив о княгине Марье Ярославне, кашлянул, дабы обратить на себя внимание.

Великий князь оглянулся на него.

— Государь,— молвил дворецкий,— старая государыня ждет тобя к обеду. Дай яз тобе помогу кафтан-то надеть. Сей вот аль другой прикажешь? Два принес Саввушка...

— Сей вот, ипского сукна,— глухо ответил Иван Васильевич, и, одеваясь, спросил:— Чаю, братья-то оболгали уж мя пред матерью?

— Недовольны тобой. Мало-де тобой им дадено. Бают: «Иван все-де собе взял, а нам крохи малые. Полон отпустить велел без окупа. Москва-то, бают, почитай сто пудов серебра да золота собе берет, а нам токмо то, что сами взяли».

— Мало взяли-то?— сверкнув глазами, воскликнул великий князь.— Все, что в пасть полезло, все, яко щуки, заглонули. Не хуже татар новгородскую землю грабили...

Иван Васильевич смолк, надевая кафтан и застегиваясь, но вдруг опять весь вспыхнул.

— Да не собе яз все беру! На государство все идет, на войско и прочее!— крикнул он.— Государство-то едино для всей Руси, и государь-то един, а они все государями хотят быть, в Шемяки норовят. Сами же, опричь своей сóбины, ведать ни о чем не ведают.

Иван Васильевич совсем разволновался, но, выпив прямо из жбана несколько глотков крепкого хмельного меда, успокоился. Оправив волосы, он обернулся к своему другу и молвил негромко:

— Ну, идем, Данилушка. Матунька, поди, заждалась, обидится...

В покои старой государыни Иван Васильевич вошел с обычным выражением лица, на котором нельзя было угадать ни чувств, ни мыслей его.

Перекрестясь на иконы и садясь потом за стол, он молвил:

— Прости, матушка, задержал яз трапезу-то...

— Ништо, сынок, ништо,— ласково ответила Марья Ярославна,— мы тут о походе твоем баили.

Взгляд Ивана Васильевича на один только миг скользнул по лицам братьев, заметив в них натянутость и замешательство. Государь усмехнулся и сказал матери:

— Рать сия для Новагорода небывалая, да и победы-то наши — дай бог всякому. Вборзе пир хочу нарядить в столовой избе для братьев моих, царевича Даниара, князей подручных, бояр, воевод и дьяков своих. И по всем полкам повелю водок и медов разных раздать, дабы и вои все победу праздновали...

— Тобе-то легко вино полкам рассылать,— начал со скрытым

раздражеиием князь Андрей большой, ио великий князь громко рассмеялся.

— Не бойсь, Андрей,— сказал ои весело,— в Москве хватит и иа полки братьев моих...

Иваи Васильевич заметил, что Андрей большой смутился, а другие братья были довольны, матушка же ласково улыбалась.

— Яз,— продолжал великий князь,— и черным людям московским и посадским велю бочки браги и пива на площади выкатить...

— Добре́, добре́, сыночек,— весело сказала Марья Ярославна,— диесь ты отца своего мне иапомнил. Любил он, царство ему небесиое, иарод-то потешить...

Начался обед, и беседа стала по-родственному мирной, но к коицу трапезы старая государыня исподволь и осторожно начала печаловаться перед Иваном Васильевичем о братьях его младших, дабы им уделил он что-либо из добычи своей...

Мрачиым огием загорелись глаза великого князя.

— Нет у меия добычи,— сурово молвил он,— то все дары не мне, сыиу твоему, а государю московскому. У них же и даров довольио, а добычи своей и девать иекуда...

— Полои-то ты вот у них отнял,— иачала было Марья Ярославиа.

— Яз и у собя его отнял!— хрипло крикнул Иваи Васильевич.— Разуметь надобио, что господа новгородская не смирилась совсем, а токмо зло затаила. Кругом же иас вороги всё. Надо иной раз и иам корысть свою смирять для ради Руси православиой.

Наступило тяжелое молчание, злое молчание. Марья Ярославиа побледнела. Иваи Васильевич тяжело дышал, а глаза его грозио глядели на братьев. Пересилив себя, он сказал матери почтительио:

— Матушка, ведаешь ты, что ие хочу яз зла братьям моим. Ведаешь, что отцу, когда на смертном одре был он, клятву яз дал любить, ие обижать своей братии, ио токмо ие во вред государству. Блюду сие, матушка, и буду блюсти. Вы же, братья мои, разумейте, что единение иам иадобио, что много еще ворогов у Руси православиой. Латыняне все с ляхами и немцами, а с ними и вороги наши исконные — татары поганые. Вот и сей часец мие о них думать надобно. Пока служилые татары здесь, мне с Даниаром-царевичем тоже думать надобио...

Иваи встал из-за стола и, помолившись, сиова обратился к матери:

— Ведай, матушка, слово твое всегда доходчиво до сердца моего...

Марья Ярославна успокоилась, обняла сына и молвила:

— После, Иванушка, яз побаю с тобой о семейиом-то иашем. Днесь тобе по приезде дел-то и других много...

Затворившись в покое своем сам-четверт с дьяками Федором Васильевичем Курицыным да со Степаном Тимофеевичем Бородатым и казначеем своим Димитрием Владимировичем Ховриным, государь думал о ближних делах, которые надобно вскоре все начать.

— Перво-наперво,— сказал он,— надобно отпраздновать нам победы свои.

— Истинно,— согласились казначей и оба дьяка, а Бородатый, добавил, что начать надо завтра благодарственными молебнами во всех церквах, а государю со всем семейством и братьями молебен у митрополита слушать в соборе Михаила-архангела...

— После, яз мыслю,— сказал Иван Васильевич,— бочки с брагой и медом на площади выкатить. По полкам же роздать водку и мед. О сем ты, Митрий Володимирыч, с дворецким моим обмысли и все приготовьте. Засим в столовой избе на всех нас, на всех князей служилых, бояр, воевод и дьяков трапезу изготовь.

— Все будет исполнено, государь,— сказал, вставая и кланяясь, Ховрин,— разреши мне токмо сей часец идти к дворецкому, дабы борзо нарядить все...

Когда ушел казначей, великий князь сурово молвил:

— Не миновать нам рати с Литвой и Польшей, да и с немцами. Они все против нас заедино. Не миновать нам рати и с Ордой...

Государь помолчал и добавил:

— Ныне же яз видел, яко братья мои на Шемякин путь вступить хотят по жадности и по зависти. Они токмо о собе мыслят, а до Руси им дела нет...

— Господа же новгородская,— сказал Бородатый,— пока затаилась, а нож за спиной дёржать будет...

— Истинно, Степан Тимофеич,— согласился Иван Васильевич,— а мы еще всех сил своих не собрали. А ты, Федор Василич, как о сем мыслишь?

— Заткнуть пасть, государь, удельным-то,— ответил Курицын,— дабы не лаяли и не огрызались...

— И яз так мыслю,— зло усмехнувшись, молвил великий князь.— Наперво надобно, чтоб смут удельных у нас больше не заводилось на радость ворогам. Подумайте-ка оба, чем братьям-то рот заткнуть, что им дать. Давать же надобно умно и строго, дабы очень-то у них глаза не разгорались. Руки ведь у них вельми загребущие. После молебной пред обедом мне скажите, а яз с матерью еще о сем побаю. Так же ныне с Даниаром-царевичем подумайте: надобно нам менглы-гирееву дружбу добыть, а через него и с турками поладить, дабы султан за спиной Ахмата был, а Менглы-Гирей — за спиной Казимира. С Даниаром-то после

сам побаю и приласкаю царевича. Ведь из его татар более пятидесяти у Новагорода погибло.

Иван Васильевич потянулся и добавил:

— Ну, идите с богом, а яз отдохну малость после обеда. Вон Саввушка и постелю мне постелил. Утре жду вас.

Всенародное празднество на Москве было устроено на Анфима, сентября третьего, когда девкам невеститься пора приходит...

С утра празднично в день этот в городе стольном. Торговцев в ларьках и с лотками вразнос тьма-тьмущая появилась везде на площадях и на улицах. Гомон и шум, словно торг начался великий во всех углах и закоулках, но все еще чинно и пристойно кругом, ибо службы еще идут по всех церквах и колокола еще звенят по чину священному там, где надобно. Девки же все в праздничных венцах и в лентах перемигиваются с парнями, разряженными в вышитые рубахи, однорядки и кафтаны. Старики, старухи и женки около ларьков ходят: одни сбитень пьют горячий, другие пряники покупают...

— Будь здрав, государь!— загремело кругом.

Только дошел государь до столовой избы, как народ повалил со всех сторон на площадь, где уж с телег княжих бочки с медом, брагой и пивом скатывали. Хороводы кругом завертелись, песни со всех сторон звенят, а торговцы и торговки с лотками снуют меж людей, кричат на все голоса:

— Сбитень, сбитень горячий...

— Колобков, колобков...

— Кулáга есть сладкая, кулáга с калиной...

В посадах же, кроме княжих бочек с медом, брагой и пивом, осаждает народ и кабаки государевы с зеленым вином, с водкой, что с ног валит и молодого и старого.

Подымаясь по красному крыльцу в горницы столовой избы, Иван Васильевич оглянулся на веселившийся народ и крикнул громко братьям своим:

— Сколь же веселья-то будет, когда мы все за един татар побьем! Станет Русь вольной, бог даст, сгинет Орда!..

— Да здравствует вольный государь на Руси святой!— звонко крикнул дьяк Курицын.

Государь со всеми гостями своими уже садился за стол, и митрополит уж читал молитву перед трапезой, а могучие клики народа в честь государя все еще гремели по всем площадям и улицам московским.

Глава 8

ДЕЛА СВОИ И ЧУЖЕЗЕМНЫЕ

Уйдя на время из столовой избы, где уж который вот день шел пир, Иван Васильевич заперся у себя в опочивальне с казначеем своим Ховриным.

На пиру во главе всех были братья оставлены, а распоряжения их выполнял верный дворецкий великого князя Данила Константинович.

— За что иное, а за пир яз спокоен,— с насмешливой улыбкой молвил великий князь,— а ты расскажи, как с казной моей, какие дела правишь?

— Ныне, государь, все подарки новгородские по спискам принял яз. Велики они! Почитай, пятая часть всей казны твоей будет, а с добычей-то и вполовину станет.

— Ну, сие все прибытки не моей, а государевой казны, сказал с довольством Иван Васильевич.— Токмо у меня не одни прибытки, а есть и да́чи великие.

— Истинно, государь,— живо отозвался казначей,— один князь Юрий Василич задолжал тобе столь, что ему в пору за долг свой отдать половину удела[1]. Роста же не платит и ништо не выплачивает.

Великий князь горько усмехнулся и прервал Ховрина:

— Не бойсь. Брат-то мой, Юрий, воевода знаменитый. Его ратные дела много более дают того, что яз ему даю. Опричь того, ни жены у него, ни детей нет. Все едино удел его за Москву пойдет. Недуг у него тяжкий...

Иван Васильевич глубоко вздохнул и замолчал в печальном раздумье.

— А Андрей-то меньшой...— осторожно начал Ховрин,— ведь еще боле от казны твоей брал...

— И о сем ведаю,— перебил его снова Иван Васильевич.— Ты обмысли вот, какие дары лучше будут Даниару-царевичу. Избери ему седло с убором из золота и серебра с самоцветами да шубу — всего на полсотни рублев московских, да в отвес ему серебром полсотни рублев.

— А не жирно ему, басурману?

— В обрез, как надобно,— засмеялся Иван Васильевич,—

нужен он нам, дабы тайно с Менглы-Гиреем крымским и султаном турским сноситься. Опричь того, царевич пятьдесят татар своих погубил в походе сем.

— А мало ли в походе сем награбили они?

Великий князь отмахнулся с досадой.

— Баю тобе, весьма надобен мне Даниар. Угоди ему подарком. Днесь приготовь все...

Постучав, вошел дьяк Курицын и, поклонясь, молвил: — Будь здрав, государь, дошел по приказу твоему.

— И ты будь здрав, садись, Федор Василич. Сей часец указал яз Митрию Володимирычу, какие дары готовить Даниару: на полсотню московских рублев седло с убором, да шубу, да полсотню рублев серебром в отвес...

— В самый раз, государь,— заметил Курицын,— в самый раз...

Государь усмехнулся и спросил:

— А Бородатого звал?

— Вборзе придет он...

В дверь постучал кто-то.

— Степан Тимофеич!— молвил Курицын и, поспешно отворив дверь, впустил дьяка Бородатого.

Тот поздоровался с великим князем и прочими, а Ховрин, поклонившись Ивану Васильевичу, спросил:

— Прикажешь, государь, идти, дабы нарядить все для царевича?

— Иди с богом,— ответил великий князь,— да не забудь две книги сии, что яз из Новагорода привез. Уложи их в малый ковчежец, что при казне моей...

Когда началась дума у великого князя, дьяк Курицын сказал:

— Вести есть от иноземных купцов. Сказывают они: посылает-де папа Павел посла к тобе, государь, с открытыми листами и опасными грамотами для бояр твоих. Кого пожелаешь, тех и впишешь в листы, дабы ехали они за царевной в Рым...

— Когда ж сей посол едет?— спросил Иван Васильевич.

— Фрязины наши бают, государь, посол рымский уж в Венеции. Гостит там у дуки венецейского Николы Трона...

Великий князь усмехнулся и, ничего не сказав, обернулся к дьяку Бородатому.

— А какие у тобя, Степан Тимофеич, вести есть?

— Из Новагорода вести, государь. Бают там, покарал господь новгородских людей, что в осаде были в ратное-то время. Сентября второго множество людей с женами и детьми пошли из Новагорода в родные места на судах великих. Всего судов-то было числом сто и восемьдесят, а на каждом судне по пятьдесят

[1] Задолженность князя Юрия Васильевича брату Ивану достигала, по сведениям С. В. Бахрушина, 717 тогдашних московских рублей — примерно 71 700 золотых рублей XIX века *(Прим. автора.)*

и более человек. На середине же Ильмень-озера, над самой пучиной его, подули вдруг ветры великие, потопили все суда со всеми людьми и товарами их...

— На все воля божья,— перекрестясь, молвил великий князь.— Господь людей карает и милует по воле своей. Какие еще вести есть?

— Новгородцы бают, государь, что вернулся от хана Ахмата и Большой Орды посол короля Казимира татарин его служилый Кирей Кривой вместе с послом Ахматовым. Год у собя держал Ахмат Кирея за наши подарки. Ныне же он повестовал, бают, королю, что вборзе на нас пойдет, и Казимир бы на коня воссел: яз-де с одной стороны, а ты-де — с другой враз на Москву падем. Король же Казимир в сию пору зaратился с Угорской землей, хочет там сына своего королем посадить.

Иван Васильевич сухо рассмеялся.

— У них всегда так будет,— со злой улыбкой сказал он,— хвост вытащат — нос увязнет, нос вытащат — хвост увязнет А мы им и хвост и нос оторвем...

Наступило молчание. Великий князь, нахмуря брови, усиленно думал о чем-то, и дьяки не смели слова сказать.

— Мыслю яз,— наконец, вымолвил сурово Иван Васильевич,— пиры-то пора нам кончать. Непрестанно мы меж двух огней. Наперво, яз мыслю, крепче надобно руки связать Казимиру польскому и немцам, которые в папском латыньстве. Для сего надобно дружбу Менглы-Гирея укрепить, дабы Литву и Польшу злее грыз. Папу же блазнить тем, якобы пристанем к походу его против султана турского. Дружба сия с папой — и другое блазнение его, что в ересь впадем мы Исидорову. Для сего блазнения пошлем за царевной Ивана Фрязина, гораздого на всякую лесть ради корысти своей. Тогда не государь московский, а круль польский меж двух огней будет...

Великий князь замолчал, а дьяки радостно одобрили сказанное государем.

— Помните же,— продолжал Иван Васильевич,- что сие — тайна наивелика ото всех. Сие токмо блазнение, на деле же другое: нам ныне более всего надобны Менглы-Гирей крымский и султан турский, дабы хана Ахмата сломить...

Государь опять задумался и потом сказал совсем тихо:
— Другое дело наше: удельных посулами манить и даже докончания до поры с ними укреплять, пока Русь православная совсем вольной не станет. Разумеете?

— Разумеем, государь!— воскликнули оба дьяка и поклялись, государю служить верой и правдой на благо и во славу Русской земли.

Распуская рати свои по домам, великий князь дольше других задержал на Москве Даниара-царевича — чтил и дарил его более, чем других своих соратников. Доволен весьма был царевич и дарами и честью великой. Государь же, отпуская его в Мещерский городок, прощался с ним только в присутствии дьяков Курицына и Бородатого, а из двора его были дворецкий Данила Константинович, казначей Ховрин да стремянный Саввушка, могучей силы, как сам государь, и горячо преданный ему.

Все уже ведал Даниар-царевич, что государю от него надобно и как службу ему служить для Москвы, привлекая Менглы-Гирея и султана турского. Все через дьяков было ему втайне указано, и великий князь только добавил:

— Отпускаю тя, царевич, с полной верой, что послужишь мне так же, как отец твой служил отцу моему и мне...

Иван Васильевич ласково поглядел на царевича и, взяв от дворецкого саблю булатную с золотой рукояткой в ножнах с каменьями самоцветными, протянул ее Даниару-царевичу.

Даниар, принимая оружие, стал на колени, а государь молвил ему с любовью:

— За подвиги твои ратные дарю тебе из рук своих оружье честное, яко воеводе знатному и храброму на брани...

Принимая сей ценный и почетный подарок, царевич поцеловал руку государя своего и, не вставая с колен, воскликнул:

— Живи сто лет, государь! Яз же, пока жив, служить тобе буду верно, как служил тобе отец мой. Клянусь в сем именем аллаха милостивого и милосердного.

Стоя еще на коленях, Даниар выдвинул наполовину из дорогих ножен дамасский клинок с золотыми насечками и надписями из корана, приложил его ко лбу, а потом поцеловал...

Так, в дружбе и верности отъехал царевич в свою вотчину, обласканный великим князем. Когда же дьяки и казначей, провожавшие царевича до коней его, вернулись, Бородатый радостно воскликнул:

— Государь, верь Даниару, как и всякому татарину, который на сабле клятву примет. Касим-то отцу твоему на кинжале клялся...

— Ведаю все и верю Даниару,— молвил с усмешкой Иван Васильевич,— братьям же своим единоутробным мало верю, и сие горько мне. Будет еще много зла от них, хотя все они крест целовали.

— Пошто братьям-то и дяде ныне зло иметь на тобя?— заговорил Ховрин.— Сами они и люди их добычи сколь набрали: и серебром, и конями, и портищем, и всяким иным добром — белки, соболи, хрусталь и прочее...

Иван Васильевич досадливо махнул рукой и молвил сурово:

— Ко власти зависть у них. Равны хотят быть государю

московскому. А сего не разумеют, что власть-то у того токмо, кто властвовать умеет...

Сентября десятого прибыл из Венеции Антонио Джислярди, племянник Ивана Фрязина, и привез от папы Павла листы великому князю. По этим листам все, кого в них государь впишет послами своими, могут два года свободный проезд иметь по всем землям латинским, немецким, итальянским и прочим, которые все его святейшеству присягают. Лично же просил Антонио от имени папы Павла, дабы великий князь скорее послал послов по царевну Зою.

К Антонио пристал в Венеции посол к великому князю московскому от дуки венецейского Николы Трона, именем Иван, а по прозвищу Тревизан. Послан же Тревизан этот от дуки и всех земель, сущих под ним, бить челом великому князю московскому о помощи в переговорах с ханом Ахматом, царем Большой Орды.

Обоих этих посланников задержал при себе государев денежник. Вызнав от Тревизана, что везет он государю московскому подарки великие, решил обманом и хитростью соблазнить племянника своего на тайное похищение многих даров дуки.

— Зачем тебе к царю ордынскому?— спросил Иван Фрязин у Тревизана.

— Дож и сенат,— ответил тот,— Ахмата на турского султана поднять хотят. Грабят турки купцов наших и на суше и на море. Везу государю н хану дары многие и богатые...

Иван же Фрязин, затрепетав весь от жадности, сказал Тревизану:

— Безумцами будем с тобой, если этим случаем не воспользуемся. Не бей ты челом великому князю, не давай даров ему, которых нам обоим на век наш хватит. Утаи всё. Я же тебе все устрою и помимо великого князя к царю ордынскому провожу...

Убедил во всем он Тревизана, соблазнив его богатствами, и уговорились они меж собой обо всем до конца.

Когда же государь пожелал от папы посла принять, привел к нему Иван Фрязин, не смея утаить о приезде Тревизана, обоих послов сразу. Принимал их Иван Васильевич в трапезной у матери своей, как тайное посольство по семейным делам. Был на приеме этом только дьяк Курицын, дабы листы папы прочесть и прочее проверить, да н государю без иноземного толмача разговор иметь с послом.

Присутствие Курицына смутило Фрязина, но он быстро оправился и, желая упредить вопросы, стал на одно колено пред государем, как встали и послы. Пожелав здравия, поспешил он испросить разрешения сказывать.

— Дай, государь мне,— заговорил он,— о посольстве сем слово.

— Сказывай,— молвил великий князь, сделав знак встать с колен.

— Великий государь,— продолжал Иван Фрязин,— сей вот Антонио Джислярди, племянник мой, привез от его святейшества листы тобе открытые, о которых яз уже сказывал, когда икону царевны тобе доставил:

Фрязин обратился к племяннику и сказал по-итальянски, чтобы тот вручил листы государю.

Антонио Джислярди снова встал на одно колено и, вынув из сумки сверток, в котором хранились листы, протянул их государю. Курицын принял их и, прочитав, доложил великому князю:

— Его святейшество папа Павел вельми почетно тя величает и молит бога о благе твоем. Сказывает, что листы сии для послов твоих, дабы мог ты послать их в Рым за царевной.

Иван Васильевич неожиданно резко обернулся к Ивану Фрязину.

— А сей другой пошто здесь?— спросил он, вскинув глаза на рыжего Тревизана, одетого так же просто, как и Антонио Джислярди, но на вид старше того по возрасту.

— Сей, государь, сын дяди моего родного, именем Джан, а по прозвищу Тревизан, князек венецейский...

Увидев, что Иван Васильевич нахмурил брови, денежник смутился и быстро продолжал:

— Сей ко мне пришел, государь, своим делом да и гостьбою...

— Пошто же ты ко мне его привел?— перебил Фрязина государь.— Другой раз без спросу ко мне никого не води, да и язык свой доржи за зубами. Иди. Позову, когда будет надобно. Федор Васильич у меня толмачом будет. Яз побаю с послом его святейшества с глазу на глаз...

После встречи с великим князем денежник государев и Тревизан в крайнем волнении, не молвя друг другу ни слова, быстро вышли со двора княжих хором за ворота, где ждали их слуги с конями.

Дома Иван Фрязин провел Тревизана к себе в опочивальню, там он всегда говорил о важных и тайных делах.

— Страшен король ваш,— заговорил первым Тревизан, дрожа от волнения.— Глазами насквозь меня пронизал. Боюсь, угадал он хитрости наши.

— Пронес господь,— развязно заметил Иван Фрязин.- Если бы угадал, то и домой мы не пришли бы. Давно бы в цепях были...

Денежник, вздрогнув вдруг всем телом, перекрестился по обряду латынян всей ладонью с левого плеча на правое, и добавил:

— Будем непрестанно молить пресвятую деву Марию, пречистую богоматерь, да поможет нам. Поклянемся ей оба, что сделаем вклады на помин души в собор святого Марка и на неугасимую лампаду пресвятой деве в нашу приходскую церковь святой Марии Ортской.

Иван Фрязин отдернул темную шелковую занавеску, скрывающую углубление в стене, где хранится втайне небольшое мраморное изображение мадонны и латинский крест с распятым Христом.

Затеплив лампаду, денежник упал на колени перед своей божницей. Тревизан распростерся с ним рядом.

— Пресвятая дева!— воскликнул Фрязин, набожно крестясь.— Помоги нам в этом трудном деле. Мы же оба клянемся все честно исполнить, что обещали тебе.

Тревизан повторил вслух ту же клятву...

Успокоившись и обеспечив себе божью помощь, оба венецианца вышли в трапезную и сели за стол. Жена Фрязина, русская женщина, принесла завтрак и, скромно поклонясь гостю, тотчас же ушла по обычаю в свой покой, где жила с детьми.

— Красивая у тебя жена,— молвил Тревизан.

— Во всех статьях хороша,— самодовольно молвил денежник, достал из поставца сулею с дорогим вином и, угощая Тревизана, добавил с самоуверенностью дельца темных дел:

— За успех нашего дела. Не бойся, друг. Нужен я еще московскому князю. Хочет он очень в жены взять царевну цареградскую. Я же ему все это с его святейшеством папой хорошо уладил. Вскорости поеду вот в Рим, а как привезу царевну, свадьба сразу, пиры. Не до нас ему будет, а мы под шумок все и обстряпаем. Ты потом в Орду, а из Орды-то, минуя Москву, в Литву через Киев и в Венецию. Толмача найду тебе верного. После-то и я сам вернусь на родину. Жену с детьми возьму,— видал, какая. Главное же: во всем верна и послушна. Здесь бабы не то, что наши, у которых за каждым углом любовник...

Тревизан рассмеялся.

— Ну, тебе и такая надоест. Любовниц сам захочешь...

— А что ж? Али наших венецианских не хватит?— громко расхохотался Фрязин.— У нас-то, слава богу, не только в каждом доме, а и во святых монастырях блудницы кишмя кишат.

Он добавил бесстыдно грязную пословицу и расхохотался еще громче.

Но Тревизан опять приуныл, мало поддаваясь хозяйской веселости.

— Ты вот едешь за царевной,— сказал он с тревогой,—

а я-то как жить тут буду? А вдруг король захочет меня видеть? Что скажу ему? Вдруг дож пришлет вестника?

— Не бойся,— самоуверенно ответил денежник,— я тебе сказал, толмача найду верного. И пока тебя в Рязань с ним отошлю. Там молодая вдова есть, сестра жены. Авось не соскучишься. В Москве же тебя, когда ты на глазах не будешь, забудут. Я же в Рим поеду через Венецию, где и самого дожа вокруг пальца обведу...

Случайно взглянув в окно, денежник увидел возвращающегося от государя племянника Антонио Джислярди и, оборвав разговор, сказал Тревизану:

— О наших делах никому, даже и Антонио, ничего не говори, если головы терять не хочешь...

Приезд посла от папы Павла взволновал Ивана Васильевича. Хотя и казался он таким же, как и всегда, спокойным, но стал еще более молчаливым и суровым. Государь заметно черствел. Зависть и жадность братьев, потеря любимой жены, смерть отца и владыки Ионы, смерть Илейки и Васюка, уход Дарьюшки в монастырь — все это тьмой и холодом охватило его сердце. Постарел он душой и чувствовал, как говорил о том матери, что нет ему более чистых сердечных радостей.

Оставшись сегодня один после завтрака и вспомнив о невесте своей цареградской, он зло усмехнулся и молвил вслух:

— Сия токмо для потребы телесной и продолжения рода...

Он хотел было достать изображение царевны на иконе, но досадливо махнул рукой и подошел к окну. Ему хотелось забыть пока о женитьбе, о свадебных разговорах с матерью и митрополитом. Вспомнив о владыке Филиппе, вспомнил он и о ревностном желании его возвести новый каменный храм Успенья пресвятые богородицы взамен старого, совсем уж обветшалого.

Почему-то вспомнилась ему стенопись Успенского собора во Владимире, где бывал он еще в юности с епископом Авраамием. И потом совсем неожиданно засияла пред очами его икона Троицы, Рублевым писанная, заиграли пред ним радуги красок спокойно и радостно, и вдруг стало так же спокойно у него на душе, как тогда в Троицком соборе Сергиевой обители, когда со слепым уже отцом ездил он встречать бабку Софью Витовтовну.

Возникают сами собой в его памяти нежные крылатые ангелы с прекрасными женскими лицами, и так все в них дивно и кротко, что мнится ему теперь: не беседуют они меж собой, а тихо поют славословия...

Постучав в дверь, вошел дьяк Курицын.

— По приказу твому, государь,— сказал он, кланяясь.

Мечтательная улыбка сошла с уст государя. Он проговорил деловито:

— Добре́, добре́, Федор Василич, что ие забыл. Кликни-ка Саввушку. Сей часец едем. Давно яз хочу своими очами повидать древние грамоты и столбцы...

Иваи Васильевич, одеваясь при помощи Саввушки, чуял опять приближение досады и тоски и был доволен, что приказал Курицыиу прийти и проводить его к дьяку Жуку, собравшему уже миого уставны́х и су́дных грамот и древних законов.

В хоромах у Жука была отведена под работу дьяков и писцов одиа из иаиболее светлых гориц, где дьяки читали столбцы и грамоты, а писцы делали выписки из них нужных статей для составлеиия сборика судебных установлений.

Вдоль горииц, ближе к окнам, были поставлены узкие длинные столы так, чтобы падало на них больше света из слюдяиых окон. За столами на длинных скамьях сидят дьяки, подьячие и писцы. Иные из них духовного зваиия, и иа головах их скуфейки моиастырские, «дабы власы держать»,— ие мешали бы оии во время писания; иные же «мирские, и у них на «власы» вместо скуфеек надеты через лоб узкие ремешки.

Вокруг столов и у стен в определенном порядке стоят лари, укладки и сундуки разиых размеров со столбцами, свитками, грамотами и с запасами чистой бумаги и пергамеита, или «кожи», как зовут его писцы.

Работа кипит: дьяки и подьячие читают свитки, столбцы и грамоты, отмечая иужные места и откладывая то, что выбраио, на отдельиый большой стол, за которым обычно сидит сам дьяк Жук с двумя подручными дьяками.

Подьячие прииосят столбцы и грамоты, доставая их из ларей и сундуков, на столы, а использоваииые уже дьяками или ненужные им уносят обратно. Писцы же, ие отрываясь, переписывают, поскрипывая гусиными перьями, или лииуют чистую бумагу для переписывания...

Все это сразу охватил взглядом Иван Васильевич, когда вошел в писцовую горницу в сопровождеиии Курицына и самого Жука.

При появлении государя все вскочили с мест и, иизко кланяясь, приветствовали его пожелаииями здравия и миоголетия.

Иваи Васильевич, приветливо ответил им:

— Будьте все здравы. Дейте дело свое, как деяли.

Обратясь к Жуку, он добавил:

— Покажи-ка мне, Андрей Иваныч, как списатели пишут. Никогда сего не видел.

Жук привел государя к четырем особенно длинным столам, на которых работали писцы. За каждым столом было по два человека. Один из них, сидя на конце стола, брал из кипы бумаги продолговатые узкие листки и линовал их.

Государь подивился, как писец делает это ловко и точно. Левой рукой он берет листик из стопы бумаги, накладывает его на гладко полированную доску и, приложив слева линейку, проводит по краю мягкой свинцовой палочкой бледную черту сверху вниз, потом быстро перекладывает линейку на правый край бумаги и точно на таком же расстоянии проводит справа такую же черту сверху вниз. Затем кладет линейку поперек листика и быстро проводит поперечные линии на безошибочно равном расстоянии друг от друга.

— Добре, добре,— сказал Иван Васильевич и, обращаясь к Жуку, добавил:— Жаль, не захватил яз с собой сына, сие было бы занятно ему и на пользу. Да ты, Андрей Иваныч, после покажи ему все, пришлю его с Федор Василичем.

Государь подошел к другому концу стола, где сидел другой писец. Пред ним стояла плошка глиняная с жидким клеем и лежала небольшая кисть из конского волоса.

— Здесь, государь, листики, которые другими списаны, сей вот во един свиток склеивает и, подсушив, в столбец скатывает,— пояснил Жук, указывая на четыре столбца, лежавшие на середине стола возле кипы чистой бумаги.

Государь обратил внимание, что от столбцов по направлению к сидевшему на конце стола писцу протянуты четыре ленты из склееных уже листиков.

— Токмо с лица на них писано?— спросил Иван Васильевич приподнимая осторожно конец бумажной ленты.

— Да, государь,— ответил писец и, взяв один из принесенных с другого стола листков, провел кистью с клеем по верхнему краю его с обратной стороны, где не было ничего написано. Потом ловко приложил его к концу ленты крайнего слева столбца.

— К сему столбцу листок сей надлежит, государь,— сказал писец и, проведя осторожно тряпочкой по склейке, добавил:— Теперь токмо подсушить и свертывать...

Он встал, пощупал ранее склеенные листки и дважды свернул столбец, отчего лента укоротилась вдвое, а вновь приклеенный листок остался пятым от начала столбца.

— Мы, государь,— сказал дьяк Жук,— по сим склейкам или ставам, как издревле зовут их, длину столбцов ведаем. Ведь столбцы-то бывают от трех до десятков аршин, и до ста, а то и более.

— Как же числите?— спросил Иван Васильевич.

— А так, государь,— продолжал Жук,— измерим токмо один

листик. Будет он, как вот сей, четыре вершка, а ставов в столбце начислим десять. Значит, в столбце-то длины сорок вершков, сиречь два аршина с половиной. Ежели начислим сто ставов, то столбец-то, значит, двадцать пять аршин...

Отсюда Иван Васильевич перешел дальше, к тем столам, где работали писцы, занимаясь своим делом: списывали они те места из свитков и разных грамот, которые были отмечены дьяками и утверждены самим Жуком для переписки. За каждым столом сидят по три писца, а перед каждым из них — чернильница. Тут же лежат и гусиные перья, очиненные заранее, дабы не задерживать письма, и маленькие острые ножики для исправления пера и подчистки ошибок в словах.

Писали они быстро полууставом, не гонясь за красотой букв, а для скорости некоторые буквы соединяли чертами, дабы не отрывать руки и не терять на это времени.

— Не гляди, государь,— сказал Жук великому князю,— что не вельми краснó писано. Сие все списание надобно для чтения токмо нам, дьякам, для ради составления свода всех установлений и законов и все потом красно и богато спишем на единый великий столбец...

— Много лет возьмет такая работа,— задумчиво молвил Иван Васильевич,— но без того не можно государствовать. Трудитесь же, да поможет господь-бог вам в сих трудных делах, которых на много лет хватит...

Догадавшись, что великий князь хочет уйти, все встали, а Иван Васильевич кивнул головой.

— Будьте все здравы,— молвил он громко и под гул прощальных и восхваляющих его возгласов вышел из писцовой горницы.

Прощаясь с дьяком Жуком у красного крыльца и садясь на коня, Иван Васильевич все еще думал о судебнике и о его постоянном употреблении в судах и при разных спорах.

— Ты помысли, Андрей Иваныч,— сказал великий князь,— можно ли все сие вместо столбца-то в сотни аршин писать тетрадями, яко книгу, дабы писано было на каждом листе и с лица и с тыла. Инако же тяжко будет судьям и боярам всякий раз таковой столбец при чтении дважды развертывать и свертывать.

Той же осенью, на Михайлов день, ноября восьмого, повелел митрополит Филипп строителям камни тесать и готовить, дабы заложить церковь Пресвятыя богородицы.

Узнал об этом Иван Васильевич в тот же день вечером от матери, у которой поздно ужинал вместе с сыном при свечах уж.

— Зря блазнит собя владыка,— сказал он матери,— что к

январю нзготовят ему все н что в сем же месяце храм он заложит.

— А ты, сыночек, как мыслишь? — думая о другом, спросила Марья Ярославна. — Бог даст, может, и поспеет все во благовременин...

Иван Васильевич махнул рукой и промолвил:

— Прежде чем быть началу здания церквн Пречистой, надобно, опричь камня, который на санях нз-под Москвы всю зиму возить будут, еще от рухнувшей старой церкви кирпич выбрать, да еще и нового много нзделать, санный же путь почнется токмо с Екатерины-санницы. Яз мыслю, ежелн поздней весной храм заложить сможем, н то слава богу. Храм-то хотим воздвигнуть великнй, в меру храма Успенья в Володимире..

Но Марья Ярославна не стала продолжать беседу о храме, а перевела разговор на свадьбу государя с царевной.

— Яз, сыночек, — начала она, — со владыкой о том еще думала. Он баит, что при веичанин-то в церкви некое от грецкого чина царской службы добавить. Свадьбу же будем справлять у собя по московскому обычаю...

— Ныне хор владычен у нас есть, — вставил Иван Васильевич, — сама слышала ты, какие голоса. Владыка доволен сим. Баит, как в Цареграде петь будут, а то н лучше: голоса-то у наших звончей н сильней грецкнх...

Вдруг загудел далекий набат, где-то в посаде, со стороны Замоскворечья. Затем тревожно н громко забили в набат н кремлевские звонницы. Застыли все от волнения, а в слюдяных окнах, словно заря багровая, проступилн отблески зарева...

— Пожар, господи, — заметалась вдруг Марья Ярославна, — спасн и помилуй, господи! Пойду свечу Никнте преподобному поставлю, да укротит он борзо огнь сей.

— В Заречье горит, — крнкнул, вбежав, Данила Константинович. — Загорелось, бают, коло церквн святого Митрия. Одни бают, занялнсь враз хоромы Логинова, а другие — у Хмельникова во дворе...

Государь, бледный, молча встал нз-за стола, перекрестился на иконы, и, обернувшись, сказал спокойно:

— Вели-ка, Данилушка, всей моей страже коней седлать н мне с княжичем Иваном коней подать. Пусть ведры да топоры захватят. Река-то не стала еще...

— Какое там, государь, стала, — в дверях уже крикнул дворецкий, — теплынь ныне неслыханная!..

Ночь стояла темная, а оттого, что по куполам церквей и по кровлям княжих и боярских хором все время тревожно пробегалн

багровые отсветы зарева, казалось, будто черный мрак переливается по улицам. Смутно чуялось, что кругом мятется народ. Великий князь, ехавший рядом с сыном впереди своей стражи, когда случайно стихал зловещий набат, слышал сквозь конский топот отдельные возгласы и причитания женщин. Люди толпились по всем улицам и переулкам Кремля. Из града же выйти нельзя было: все кремлевские ворота давно были заперты на ночь. Вдруг пронеслась весть, что сам государь едет со стражей на пожар в Заречье через Чушковы ворота. Сразу хлынули туда любопытные, дабы лучше видеть, что станет делать великий князь.

Княжич Иван раза два выезжал с отцом на пожары, но то было днем, а ночью выехал он впервые, и было ему страшно. Не решаясь заговорить с отцом, он подъехал ближе к своему стремянному Никите Растопчину, сыну истопника и мамки Евстратовны.

— Страшно тобе, Никитушка?— спросил княжич.

Никита, молодой парень лет двадцати пяти, ровесник князя Андрея большого, весело тряхнул головой и крикнул в ухо княжичу:

— С государем ништо не страшно. Все он ведает, как деяти... Не бойсь! Вот и Чушковы вороты...

Загремели замки и засовы железные. Со скрипом и визгом распахнулись тяжелые кованые ворота, и всех осветило огромное пламя, широким столбом восходящее к черному небу. Целиком отражалось оно более тусклым, но более зловещим в черных водах Москвы-реки. Было тихо, но тяга в огненном столбе так велика была, что головни взлетали в самую высь и, рассыпая искры, падали в сторону наклона пылающего столба.

Великий князь сделал знак конникам остановиться. Несколько минут смотрел он внимательно на пожар и следил, куда падают головни. Чьи-то большие хоромы пылали со всех сторон ровно, как хорошо разгоревшийся костер. От них тонкой змейкой бежал иссиня-белый огонь по верху забора и забивался уж под соломенную крышу мыльни, словно вгрызался в нее черно-красными зубами. Молодой великий князь следил за взглядом отца и старался догадаться, что тот хочет сделать. Потом княжич вслед за отцом посмотрел вправо на пловучий мост из толстых бревен, черневший среди розовых отсветов. Высокие перила моста, казалось, горели и рдели от яркого зарева.

Государь, кивнув головой страже, медленно въехал на мост, погрузший и задрожавший под тяжестью конницы и ударов конских копыт. Огненно-золотыми чешуйками побежала от него по воде в обе стороны легкая зыбь, и слегка заскрипели связи бревен.

Когда переехали мост, княжнч почувствовал, как жаром охватило его лицо,— прямо перед собой он увидел полыхающее пламя. Пахло гарью, н слышно было гуденье огня, как в печи, шипенне н треск горящих досок н бревен. Княжич узнал место пожара н горящие хоромы.

— У Логинова горит,— крикнул он, обращаясь к Никите Растопчину.

— Верно, сыночек,— ответил ему сам велнкий князь н, обернувшись к страже, приказал всем немедленно спешиться.

В посаде сразу узнали великого князя.

— Православные,— зычным голосом радостно закричал кто-то из суетившихся возле пожара.— Са-ам го-осу-дарь при-и-стиг!

— Государь пристиг!— загремело кругом.

Но сейчас же все смолкло, прекратили враз и звонить в ближайшей церквн. Следом перестали бить в колокола и на прочих посадских звонницах. Знали все, что государь требовал этого, дабы не было лишнего страха н суматохи от тревожного звона и слышней былн бы распоряжения государя и его слуг.

Вся стража государева по приказу его разбилась на две части: на ведерников н топорников. Ведернnкн выстроилнсь в две двойные цепн, начиная от реки и до самого пожарища. Одна такая цепь из рук в руки передавала ведра с водой от рекн тем, кто тушил огонь вокруг горящих хором; эти же, вылив воду, куда надо, пустые ведра передавали другой цепи, которая с рук на рукн быстро отправляла их к реке, где черпальщики наполнялн ведра н передавали в первую цепь. Так онн работали непрерывно, не давая загораться огню на новых местах около пожарища.

Меньшая часть стражн государевой, топорники н часть ведерников вместе с великим князем н княжичем устремилнсь к заборам и к загоравшейся уже бане.

— Руби, разметывай забор!— громко приказал государь и первый начал рубнть плахн в заборе меж пылающими хоромами н баней.

Народ хлынул на помощь княжой страже, и вмиг забор был весь растащен...

— Ведры сюды!— крикнул государь.— Заливай плахи и головнн! Теперь мыльню руби, раскатывай по бревнушку...

Более двух часов работал государь во главе своей стражн н всех посадских людей. Былн за это время разметаны все заборы, бани, хлевы, амбары н прочие постройкн, через которые огонь мог перейти на соседние хоромы н службы нх. Только однн хоромы Логинова все еще пылалн, но столб пламенн от ннх все снижался и тускнел, н вдруг они с глухим грохотом рухнули. Огромный клуб огня, сверкая нскрами, вырвался вверх, будто оторвался от земли, и погас. Густой едкнй дым повалил от догорающих

бревен, и сразу потемнело и похолодало кругом. Только угли рдели повсюду багровыми отсветами, и выбивались кое-где обрывки желтого пламени или перебегали синие огоньки.

— Заливай пожарище!— крикнул великий князь, отирая с лица пот.— Все бери ведры, становись в цепи! Заливай, дабы вновь не разгорелось...

Сразу кругом, во всех концах, загремели и зазвякали ведра. Новые цепи ведерников, одна за другой протягивались от пожарища к реке. В цепи становились мужики, женки и даже подростки, и все спешили на помощь ведерникам из княжой стражи. Не прошло и четверти часа, как с пожарища еще гуще повалил дым, смешанный с паром от воды, непрерывно лившейся на догоравшие бревна и угли.

Великий князь и княжич сели на коней, и государь, сняв шапку, перекрестился и крикнул:

— Помог господь, сбили огонь!

— Сбили огонь! Сбили огонь! Гляди, не давай загораться вновь!— кричали кругом, продолжая заливать пожарище.

Княжая стража, садясь на коней, подъезжала к великому князю и строилась возле него. Княжич с восхищением смотрел на отца и гордился им. Иван Васильевич заметил это, и его сердце радостно забилось.

— Притомился, сыночек?— ласково спросил он, когда они въехали снова на пловучий мост.

— Нет,— ответил княжич, сияя от отцовской ласки,— яз ведь токмо ведры порожние к реке подавал...

— И то добро,— одобрил Иван Васильевич.— Ежели ты благо будешь деять народу, он тобе во всем поможет, живота не щадя, и не токмо на пожаре или на войне, а и во всех делах государевых...

Того же месяца ноября в тринадцатый день приехал на Москву рукополагаться Феофил, нареченный архиепископ новгородский и псковский. Сопровождал его великий поезд из знатнейших новгородских людей и большой обоз с подарками государю, митрополиту и всем, кто полезным быть может.

Обо всем этом на другой день утром сообщил великому князю за ранним завтраком Данила Константинович.

— Пошто ране о сем мне не сказали?— молвил сурово Иван Васильевич.

— Ночесь прибыл владыка-то новгородский, поздно, уж след ужина. Остановился на подворье у митрополита.

Дворецкий налил вина в чарку государя и добавил:

— Тут уж у меня ожидает приказа твоего отец дьякон от владыки Феофила.

Иван Васильевич выпил вина и, закусывая копченой стерлядью, сказал:

— Позовешь его сюды к концу завтрака. Пошто послан-то?

— Сказывает, о новгородском владыке...

— Добре,— прервал дворецкого Иван Васильевич и перевел речь на другое.— Утресь, Данилушка, яз до завтраку с башенки-смотрильни видал, много что-то в садах[1] моих народу. Что там деется?

— К зиме, государь, еловыми лапами стволы обвиваем от зайцев,— оживленно заговорил Данила Константинович.— Прошлый год во многих местах кору сгрызли окаянные. Опричь того, вишню прорежают, вельми густа стала. Да еще молодые яблоньки соломой яз велел окутать от морозу, а от корней до половины их тоже елью обвили...

— А как малина?— спросил Иван Васильевич.

— Малину-то в октябре еще, вборзе, как лист опал проредили. Все старые побеги вырезали...

— А много ль, Данилушка, от садов-то, ныне прибытка было?— поглядывая искоса на дворецкого, спросил великий князь.

— Великие прибытки, государь. Малины много свежей на торгу продали, да и вишни тож. Более же того яблоков продано было, просто из рук рвали. Больно хороши у тя, государь, яблошны сады-то. Да собе, на княжое семейство, сколь всего на зиму в запас пошло: и на наливки вишневые, и малиновые, и на сухое варенье из малины, вишен да смородины,— почитай, пудов двадцать всего-то; яблоки же кадками моченые стоят, да все подклети сушеными на нитях завешены...

— Ну, а на торгу сколь на деньги-то продано?

— Да ежели считать, государь, все: и яблоки и ягоды, то на десять[2] рублей московских с лишком взяли.

— Вельми добр прибыток, вельми,— похвалил Иван Васильевич с довольной улыбкой и, помолчав, спросил:— А пошто заяц-то еловых лап боится? Духу их не любит?

— Может, и духу, аль вкусу смоляного не любит, а главное то, когда ветки еловые густо навязаны, ему до коры яблоновой не достать: иглы морду ему колют, более всего нос...

Иван Васильевич усмехнулся.

— Ты вот, Данилушка, по первой доброй пороше устрой так, дабы сынок мой в садах потравил бы с борзыми зайцев-то. Пусть потешится...

— Потешим его потешим,— подхватил Данила Константино-

[1] Сады Ивана III тянулись от Китайского проезда и южнее Маросейки до нынешнего Курского вокзала. Память о них — Старосадский переулок.

[2] *Десять московских рублей* — примерно тысяча рублей XIX века.

вич.— Вреда от сего садам не будет, потому охота малая — всего два коня, а выжловков псари пешие станут со смычков спущать. Княжич с Никитой посередь сада будут, а выжлятники на них зайцев ото всех заборов погонют...

— Добре, добре,— усмехаясь, молвил Иван Васильевич,— а теперь веди ко мне отца дьякона.

Пока великий князь допивал заморское вино, дворецкий привел молодого дьякона. Войдя в княжой покой, он низко, по-монастырски, поклонился князю и, перекрестясь на иконы, сказал звучным голосом:

— Будь здрав, государь, на многие лета. Владыка хочет ведать от тобя, государь, какие речи держать со владыкой новгородским и когда тобе принять его будет угодно?

— Речи токмо духовные,— ответил Иван Васильевич,— о мирских делах ни о чем не баить. А ежели к слову придется, то о собе ничего не сказывать, а новгородцев вопрошать, пусть и сами, что хотят, то и бают. Для мирских дел яз ко владыке в помочь дьяка пришлю...

Иван Васильевич помолчал немного и продолжал:

— Когда же яз принимать Феофила буду, то о сем сам извещу митрополита, а ране с ним о новгородских делах с глаза на глаз подумаю. Принимать же новгородцев ласково, будто у нас и рати с ним не было.

Великий князь, сделав знак дворецкому и улыбаясь, закончил:

— А ты, отец дьякон, пред уходом-то выпей чарку водки,— сие и монаси приемлют,— да гусиными полотками закуси. До поста-то еще шесть ден...

— Пятница днесь, государь,— робко возразил дьякон.

— Ну, рыбы бери, какой хошь, провесной али копченой...

— За здравье твое, государь,— проговорил дьякон, выпил, не садясь, и, взяв кусочек рыбы на хлеб, отошел от стола.

Он почтительно ждал, когда государь отпустит его. Заметив это, Иван Васильевич вымолвил:

— Более ничего. Иди с миром к отцу митрополиту.

Декабря девятого зашел к государю за ранним завтраком Данила Константинович. Государь взглянул на дворецкого с тоской и тревогой, ничего не говоря, а только вопрошая взглядом, но не выдержал и молвил тихо:

— Как ныне-то?

— Полегчало ей,— ответил Данила Константинович.— Игуменья-то мне сказывала, на все церковные службы ходить стала. Токмо, баит, побелела лицом, да на щеках румянец особый, а глаза светом нездешним светятся. Не от мира сего, баит, стала...

Иван Васильевич вздохнул и, перекрестясь, сказал:

— Помоги ей, господи...

Данила Константинович не уходил, видимо желая сказать еще что-то.

Государь, взглянув на него, спросил:

— Еще вести какие есть?

— Ныне приехали братья твои,— ответил дворецкий,— Андрей большой с Борисом вместе. Князь Борис-то гостил у Андрея в Угличе...

— Вишь все слетаются,— усмехнувшись, резко сказал Иван Васильевич.— Шестого еще, на Николу, дядя мой, князь верейский, с сыном на Москву приехали. Яко псы, нюхом почуяли, что новгородцы богатые подарки привезли...

Истинно, истинно так, государь,— подхватил Данила Константинович.— Андрей и Борис завтракали уже днесь у государыни. Приехали ночесь поздно, а утресь прямо к ней...

— Плакались пред матушкой-то?

— О том баили, что обделяешь их, что вот опять тобе — добыча, а им от тобя ничего не будет...

Иван Васильевич сурово сдвинул брови и сказал хрипло:

— Все сие при княжиче было?

— При нем, государь...

— Государыня что им ответила?

— Государыня-то печаловаться пред тобой обещалась. Пред обедом она к тобе будет. Упредить тя о том приказала.

Государь ни о чем более не спрашивал.

— На все божья воля, Данилушка. Неведомо, как все обернется у меня с братьями-то,— глухо молвил он и, помолчав, добавил:— Едино токмо мне ведомо — не слуга ты мой, а брат мой верный...

Данилушка прослезился и горячо поцеловал руку, протянутую ему великим князем.

Марья Ярославна зашла к Ивану Васильевичу, как обещалась, за полчаса до обеда. Была она ласкова, но волновалась, руки у нее дрожали, глаза были печальны.

— На поклон к тебе, сыночек,— сказала она дрогнувшим голосом,— челом бить...

Она не договорила, слезы блеснули у нее из-под ресниц. Иван Васильевич стремительно встал, обнял мать и, поцеловав, почтительно усадил на скамью.

— Не челом бить, матушка,— молвил он,— а приказывать сыну своему...

Старая княгиня вдруг дрогнула плечами и беззвучно заплакала. Потом беспомощно развела руками и жалобно произнесла:

— Что мне, детки мои, с вами деять-то?

Оиа вытянула вперед свои руки и продолжала:

— Вот оии, пальцы-то. И большие, и средние, и малые, а какой ни режь — едина боль ото всех. По боли-то сей все равиы сердцу моему.

Иван Васильевич, сурово сдвинув брови, стал молча ходить по покою. В груди его иачинала клокотать ярость против братьев, но, крепко стиснув зубы, ои старался побороть гнев. Марья Ярославиа растерялась и с тревогой следила за грозным сыиом своим. Иваи Васильевич, встретив робкий, испугаиный взгляд ее, сразу смягчился и сказал с улыбкой:

— Разумею все, матушка. Ну, печалуйся, что ли, да ие во вред делам моим. Содею все тобя ради, токмо без ущерба государству...

Марья Ярославна прерывисто вздохнула и, волнуясь, стала говорить про обиды младших братьев, о иужде и бедиости их в сравиеиии с великим князем. Сиова заплакала оиа и сквозь слезы просила улучшить их долю:

— Прирежь им землицы-то. Дай еще по селишку какому, деревеиьку одну-другую, а может, и град иекий...

— Матушка!— твердо молвил Иваи Васильевич.— Забыла ты волю отца моего, своего мужа, который все сам приказал иам в духовиой своей. Братьями же много в рати иовгородской граблено, много полона взято. Мало сего для их жадиости? Еще им всякий раз кое-что от добычи и от подарков давать буду. Земли же им ни пяди ие дам, ие оторву от государства. Во всем же прочем по воле твоей обиды им ие будет...

Наступило молчание. Марья Ярославна переволновалась и стала спокойиее. Отерла слезы и подиялась со скамьи. Подошла к великому князю, взяла его за руки и, глядя с мольбой в глазах, попросила:

— Иваие, не обижай ты их. Ну, а что можио дать, что ие можно, тобе видией. Государь ты. Молю токмо: не обижай.

Обняв сыиа, оиа добавила:

— Пообедай диесь со мной и братьями в мире и ласке. Уважь матери. Яз пришлю за тобой Данилушку.

В дверях старая киягиня задержалась и, обернувшись к сыну, горячо воскликнула:

— Не мысли, Иванушка, злом-то на них. Не содеют они тобе худого, верны тобе...

Иван Васильевич насмешливо улыбиулся.

— Верить-то верю им, матушка,— с горечью молвил он,— да бога молю: «Верую, господи, помози моему иеверию».

В четверг, декабря двенадцатого, приказал Иван Васильевич быть у себя после раииего завтрака дьякам Бородатому и

Курицыну. Завтракал великий князь вместе с Ванюшенькой. Заметил он еще раньше на обеде у матери, как сын его явно жалел дядей. Посему решил он разъяснить ему суть дел своих семейных, как наследнику и соправителю.

— Помни, сыне мой,— заговорил Иван Васильевич за трапезой,— что со мной у тобя все едино, токмо мы с тобой князи московские. Все же прочие князи — завистники наши и тайные вороги. Будь даже они дяди или братья единоутробные, все они от корысти и зависти обессилить Москву хотят, а нас со стола великокняжеского вон согнать.

Княжич Иван, широко открыв глаза, перестал есть и со страхом глядел на отца...

— Пошто ж бабунька за них стоит?— спросил он растерянно.

— Бабунька твоя,— молвил великий князь,— дел не разумея, как и ты вот, по доброте своей им норовит. Ты же лишь отцу верь и ведай: братья мои против нас с тобой. Они Москву у нас отнять хотят, как Шемяка у деда твоего отымал и со злобы ослепил его. Ты у бабки о сем разведай, пусть она скажет тобе, сколь ей и нам, тогда еще детям, слез и муки было...

— Как же сие можно?— взволнованно прошептал княжич.— Бабунька сказывает, братья тобе верой-правдой служат...

Иван Васильевич не ответил сыну на эти вопросы, но, помолчав, продолжал:

— О том, что днесь услышишь от меня и дьяков моих, никому не сказывай, дабы нам с тобой худа не было...

Опять помолчал великий князь и добавил:

— После завтраку по приказу моему приедут сюда дьяки. Ты же слушай и разумей, ибо скажут они, какое зло мыслят братья мои против нас...

В дверь постучали. Дворецкий Данила Константинович ввел к великому князю дьяков — старика Бородатого и Курицына.

Помолясь на образа и поздоровавшись с государем, дьяки сели на указанное им место.

Помолчав, великий князь молвил с легким волнением:

— Ныне хочу яз, дабы и сын мой и соправитель в делах наших разумение имел. Сказывайте при нем, какое зло против нас тайно мыслят новгородцы и как братья мои им норовят...

Первым поднялся с места старик Степан Тимофеевич. Государь знаком повелел ему докладывать сидя и добавил:

— Думу яз думаю, с вами, а не послов принимаю.

— Доведу тобе, государь,— начал Бородатый, усаживаясь на свое место,— что неспроста со владыкой Феофилом такие два посадника пришли, как Лександр Самсоныч да Лука Федорыч. Из господы же новгородской тоже бояр много, и посадники старые, и тысяцкие. Обоз с дарами не токмо тобе и митрополиту, а и

братьям твоим пришел. Повестили меня о том доброхоты наши новгородские, из тех, что во владычном поезде есть.

— Что ж тобе ведомо?— нетерпеливо спросил великий князь, недовольный длинной речью.

— Главные посадники, государь,— продолжал дьяк,— были тайно у братьев твоих, ласкали, дарили их, особенно князя Андрея большого, дабы против тебя опору Новугороду найтить. Ведает господа про корысть их и зависть к тобе...

— А братья?— перебил дьяка Иван Васильевич...

— Дары принимали с радостью, чтили новгородцев вельми, особливо князь Андрей. Были у братьев твоих и монахи некои от ближних владыки Феофила, а пошто — мне не ведомо, но мыслю — сговор против тобя...

Иван Васильевич быстро обернулся к сыну и спросил:

— Разумеешь, что дьяк-то баит?

— Разумею, государь-батюшка,— с трепетом ответил княжич,— зла хотят нам новгородцы-то, братья же твои...

Княжич оборвал речь, не смея сказать, что хотел.

— А братья мои сему злу,— резко продолжил великий князь — опору дают....

— Истинно так, государь,— подхватил дьяк Курицын.— Зло же сие велико. Яз вести имею. Ахмат с королем Казимиром тайно ссылается, а господа на польского круля поглядывает...

— Разумей, сын мой,— снова обратился великий князь к своему юному соправителю,— и хоша млад ты, а разумение у тобя, мыслю, есть.

— Яз все уразумел, государь-батюшка.— Что тобе во зло, то и мне во зло.

— Истинно, сыночек, истинно!— радостно воскликнул государь.— Токмо помни: никому о сем, что слышал, не сказывай. Даже бабке не сказывай. Сумеешь молчать-то?

— Сумею!..

Великий князь обнял сына и поцеловал.

— А теперь иди, сынок отдохни. Потрави зайцев с Никитушкой, пороша днесь добрая, а мы тут еще будем о многом думать.

Декабря пятнадцатого на Москве в Успенском соборе поставлялся в архиепископы Новгороду и Пскову избраниый новгородцами Феофил.

Во время священного служения митрополит Филипп рукоположением возвел Феофила в святительский сан в присутствии государя Ивана Васильевича, семейства его и братьев. От духовных же на поставлении были архиепископ ростовский и все епископы русские, архимандриты, протопопы, игумны и весь духовный собор славного града Москвы.

Торжество совершалось во временном деревянном храме

Успения, ибо у старого, каменного, своды сдвинулись от ветхости и держались лишь на подпорах из бревен. Временный же храм был не устроен, и стены его были мало украшены иконами и разным узорочьем.

Зато при совершении службы церковной новый владычный хор из десяти человек пел впервые. Певчие стояли на клиросе в две стаи, по пяти человек в каждой; двое из них пели высокими голосами, а трое — низкими.

Иван Васильевич слушал, как сильные и звучные голоса певцов, не заглушая друг друга, делились на две волны: низкие голоса гудели ровно и слитно, высокие же вились на ровном гудении их, а иногда вдруг вырывались вверх и звенели под самым куполом, причем низкие с могучим гулом катились волнами по всему храму...

Великий князь, весьма любивший пение церковное, был растроган. Видя государя смягченным, новопоставленный архиепископ Феофил, когда все обряды посвящения были окончены, вышел во всем святительском облачении на амвон, пал на колени, а за ним и все новгородцы именитые, стоявшие перед аналоем. Простирая руки к великому князю, Феофил со слезами, молящим голосом воскликнул:

— Господа-бога ради и его пречистыя матери, молю тя и челом тобе бью от собя и всего Великого Новагорода: смилуйся, господине, прости и тех, кого в железах увел ты в Москву и заточил. Отпусти по милосердию своему из заточения Казимира, посадника новгородского, и с ним тридцать мужей новгородских. Сыми с них цепи, отпусти их к женам и детям их...

Смолкло все в храме, и все очи обратились на государя московского.

Молча поклонился в пояс великому князю и сам митрополит Филипп, а за ним и братья государевы. Это смягчило Ивана Васильевича, и он громко сказал:

— Примаю челобитье Новагорода и жалую всех мужей новгородских, отпускаю их с честью...

После того как отъехали в Новгород из Москвы все тридцать помилованных мужей новгородских, отпустил Иван Васильевич восвояси и архиепископа Феофила и ближних его с честью великой декабря двадцать третьего в самый канун сочельника рождественского. В этот день владыка был у преосвященного Филиппа на торжественном прощальном обеде, на котором присутствовал и великий князь московский с семейством своим и братьями.

Государь был весьма ласков с новгородцами и, приняв при

прощанин благословение от архиепископа Феофила, милостиво молвил:

— Скажи, отец, вотчине моей Великому Новугороду: жалую его, как жаловали отцы и деды мои...

После этого Иван Васильевич с семейством отъехал от митрополита к себе в хоромы, где ждали его дьяки Курицын и Бородатый, дабы доложить о вестях из Перми Великой. Город этот по договору государя с новгородцами отошел к Москве, сложив крестное целование Новугороду, но пéрмичи по-старому тянули к вечу новгородскому, и были у них пред Москвой всякие неисправления...

Дома Иван Васильевич прошел прямо в свои покои, куда тотчас же дворецкий привел к нему обоих дьяков, ожидавших государя в передней. Ответив дьякам на их преветствия, государь заметил с усмешкой.

— Пермичи-то все упорствуют?

— Упорствуют, государь,— ответили оба дьяка,— упорствуют...

— А неисправления у них какие есть?— спросил Иван Васильевич.

— Из Новагорода вести у меня,— молвил дьяк Бородатый.— Купцов наших московских изобидели. Бают, купцы наши изолгали их с платежом за соболей, а они купцов за то били и все у них ограбили...

— Всяко бывает,— усмехнулся великий князь,— может, купцы-то и впрямь изолгали. Такмо пермичи ведь, по крестоцелованию их, управы за всякое зло у нас просить должны, а не сами суды творить...

— Истинно, государь,— молвил дьяк Курицын.— Там наместник наш есть. Через него тобе жалобу, государь, послать могли. Они про то ведают, но всё еще Новугороду норовят. Сие простить нельзя им. Схватили палец — всю руку оторвут.

— Страх для них нужен,— добавил дьяк Бородатый,— да и в Новомгороде разумения будет боле, как договоры блюсти.

— Верно,— согласился Иван Васильевич со своими дьяками.— Ежовые рукавицы им надобны, дабы помнили, что есть государь у них...

Испытующе оглядев обоих дьяков, он спросил:

— А то не басня, что купцов-то били, ограбили и поимали? Может, сего и не было? Ведь яз хочу войско туды слать, а сему оправдание надобно. Не гоже государю московскому без вины казнить...

— Точные вести сии, государь,— заговорил Бородатый,— имена купцов нам ведомы: Дорофей Брюхо, Осип Трегубов да Яков Железов — от Москвы, да Зворыкин Митрий — от Коломны.

Может, они изолгали пермичей, но истинно, государь, что биты они и пойманы были, да и поныне в срубе сидят...

— Добре,— прервал его государь,— ежели все, как баите, то утре и пришлите мне воевод: князя Федора Давыдыча Пестрого да Гаврилу Нелидова. Буду ждать их к раннему завтраку. Скажите им тайно, дабы все, что для зимнего похода надобно на Великую Пермь, наидобре бы обмыслили. Буду утре о сем с ними думу думать...

Той же зимой, после рождества, привезли по приказу митрополита Филиппа камень на Москву из окрестных сел, где его еще летом ломали в пещерах для построения нового храма Успения богородицы.

Великий князь в эти дни много думал с воеводами о наказании Перми Великой, подготовляя зимний поход. Рассчитал он, что войска московские на Фоминой неделе в Пермскую землю вступить должны, и отпустил на Пермь свои конные полки января двенадцатого.

— Идите борзо, но тайно,— сказал государь на прощанье воеводам,— дабы пермичи ни о чем не ведали. Помните: неожиданность да смелость наиглавное в устрашении ворогов. Помните еще: путь ваш дальний. Берегите воев своих и вестников ко мне шлите...

Января же пятнадцатого пришла весть с купцами итальянскими, что папа римский Павел умер внезапно.

— Теперь иной папа в Рыме,— сообщил Ивану Васильевичу дьяк Курицын,— именем Каллист. Баил яз с фрязинами, но те более ничего не ведают.

Иван Васильевич задумался.

— Неведомо ныне,— молвил он,— что новый-то папа о выдаине за меня царевны грецкой мыслит? Может, иные у него думы.

— Яз, государь, ежели разрешишь, так бы содеял...

— Сказывай, Федор Василич.

— Яз, государь, мыслю: посольство ускорить и вборзе думу подумати с отцом митрополитом и со всем семейством твоим. Послом послать того же денежника нашего, Ивана Фрязина, да двух-трех бояр, дабы все сие тайно было. Может, новый-то папа инако мыслит, и от того бы чести умаления не было державе нашей...

Иван Васильевич улыбнулся довольной улыбкой и сказал:

— Добре, добре сие удумано. Все надобно деять с большим разумением. Ты, Федор Василич, составь от моего, государева, имени краткую грамотку к новому папе. В грамотке той титулы пиши пышно, да приветы от нас и ласковые словеса, а что, мол,

о делах наших, то посол наш скажет... Пиши сие на пергамене золотом и печать мою золотую привесь.

Дьяк Курицын почтительно рассмеялся и добавил:

— А ежели денежник что изолжет, то сие на него падет, а не на государя. Опричь того, челобитья никакого не будет и ты, государь, ни с чем к папе сам обращаться не будешь.

— Истинно,— весело молвил Иван Васильевич,— а сколь басней не наплетет денежник-то, яз ведать не ведаю. Пущай его. А из бояр-то, мыслю, двух-трех — и хватит. Токмо слуг побольше, а главное — дары: и соболи, и шубы, и злато, и каменья...

— Когда же, государь, срок-то укажешь?— спросил Курицын.

— Семнадцатого сего января посольству из Москвы выехать. Побай с Ховриным про подарки папе, кардиналу и прочим. Пусть Ховрин в казне моей изберет дары, приличные для сего, а наперед с денежником подумает, да и ты с ними подумай. Когда же нужно, дерни Фрязина за руку: руки у него загребущие. Запиши все, дабы ведал о сем не токмо денежник, а и бояре наши, которые с ним поедут. Ну, да ты все сам добре разумеешь...

Иван Васильевич рассмеялся и, встав со скамьи, прошелся несколько раз по своим покоям. Брови его сдвинулись, он озабоченно произнес:

— Совет семейный назавтра собери в покоях у государыни. Призови от моего имени токмо митрополита, без прочих духовных. Думать будем келейно. Матери о сем яз сам все расскажу.

Иван Васильевич вдруг стал грустен и, пройдясь еще несколько раз вдоль покоев своих, добавил:

— Ты, Федор Василич, тоже будь на совете. Легче тобе потом грамотку будет к папе составить. Да после совета мы с тобой еще малость подумаем...

Когда Курицын, простившись, уходил от государя, Иван Васильевич остановил его в дверях и с поспешностью добавил:

— Пожди малость. С Фрязиным-то хочу послать бояр верных: Лариона Никифорыча Беззубцева, Шубина Тимофея Лександрыча да дьяка Василья Саввича Мамырева со слугами их...

— Добре, государь,— сказал Курицын,— хоша они с неба звезд не сымают, но разумные и верные и не проглядят воровства никакого...

Курицын вышел. Иван Васильевич быстро подошел к Даниле Константиновичу и взволнованно произнес:

— Спешу, Данилушка, словно на плаху, а пошто спешу,— сам того не ведаю. Токмо бы кончить все сие...

Помолчав, он тихо добавил:

— Поди к государыне, спроси, когда днесь с ней баить, а о чем, сам ты слышал...

Января семнадцатого, как указал государь, был семейный совет в покоях государыни Марьн Ярославны.

После совета перешли все к государю в его трапезную, куда и послов позвалн: Ивана Фрязина, бояр Лариона Беззубцева, Тимофея Шубина н дьяка Василия Мамырева, да посла от папы — Антонно Джислярдн.

Свон послы из бояр и на совете были, а оба итальянца лишь к обеду пришли. За обедом же все речн только о решенном былн, а о чем-лнбо тайном более нн слова никто не сказывал. Лншь указания некоторые делал митрополит, да советы давала государыня, но сам Иван Васильевич молчал.

Обед длился долго, пили здравицы за государя и членов его семьи, а сам государь провозгласил всего две здравицы: за его святейшество папу рнмского и за кардинала Внссариона.

Во время обеда Иван Васильевич не раз подзывал к себе Курицына и посылал узнать, готовы ли наказы на русском языке: один, явный,— Ивану Фрязнну, другой тайный,— боярам, его сопровождающим. Тайный приказ боярам должен был вручить дьяк Курицын тотчас же после обеда, а явный приказ Ивану-денежнику после передачн грамоты к папе в государевой передней.

Когда все было готово, государь встал из-за стола, а за ним поднялся митрополит н все прочне по старшннству. После краткой молитвы преосвященного все двинулись в переднюю велнкого князя.

Здесь государь сел на престол свой, усадил близ себя владыку Филиппа, мать, сына, братьев н блнзких бояр н дьяков. Тут же стояла почетная стража со свонм начальником и блнзкие слуги государевы.

Потом вошлн в переднюю Иван Фрязин с Беззубцевым, Шубиным да Мамыревым, а перед ними, немного поодаль, стал папский посол Антонно Джнслярди.

Иван Васильевич, сделав знак дьяку Курицыну, встал. Встали н все присутствующие, кроме митрополита н княжой семьн. Оба итальянца преклонилн колена, а московские послы земно поклонилнсь по русскому обычаю. Государь подал знак послам встать с колен и, обращаясь к дьяку Курицыну, приказал:

— Буду яз сказывать волю свою послу папы, а ты пересказывай ему речн мои по-фряжски.

Обратившись к послу папы, государь продолжал:

— Повестуй его святейшеству: «Отче святый, молн господа и пресвятую деву, да поможет господь-бог нам с тобой в борьбе с поганымн за веру хрнстианскую. О сем пространно святейшеству твоему скажет посольство от нас, которое прибудет в Рым в едино время с послом твонм. Благодарю тя за попечения

твои о царевне цареградской, невесте моей, и прошу твоего благословения».

— Слушаю, государь,— ответил через толмача Антонио Джислярди и, снова поклонившись, добавил:— В точности все передам его святейшеству.

Великий князь снова сел на престол свой, подозвал к себе папского посла, подарил ему золотой перстень с самоцветом. Итальянец в знак благодарности облобызал руку государя, отошел с поклонами и, сопровождаемый дьяком Курицыным, сел на указанной ему скамье.

Выждав некоторое время, Иван Васильевич знаком подозвал ближе к себе послов своих и кивнул дьяку Курицыну. Тот, поспешно открыв ящичек из тисненой золотом кожи, приблизился к государю. Иван Васильевич собственноручно вынул пергамент с золотой подвесной печатью своей, встал и прочел:

— «Великому Каллисту, первосвятителю рымскому, Иоанн, великий князь Белой Руси, поклон шлет, молит послам его верить».

Протянув руку, Иван Васильевич молвил Ивану-денежнику:

— Передай грамоту сию его святейшеству папе.

Денежник подскочил к престолу и, преклонив колена, принял из рук великого князя пергамент, а когда встал, то подошел к нему дьяк Курицын и подал кожаный ящичек для грамоты.

— А сие,— сказал он итальянцу, подавая небольшой свиток,— наказ тобе от государя.

— Все исполню по воле государевой,— громко произнес денежник и снова склонил колена перед великим князем, восседавшим на престоле своем.

Иван Васильевич, сдвинув брови, сидел молча и только знаком велел денежнику встать. Потом, обратясь к Курицыну, сурово молвил:

— Скажи ему по-фряжски, дабы лучше он уразумел, да и папскому послу не лишне знать будет. Скажи: «Ежели добре мою волю выполнит и ни в чем не изолжет, вельми награжу и почту его. Ежели изолжет, пощады не будет от меня, мыслю, и от его святейшества папы».

Иван-денежник, горячий, но трусливый итальянец, упал на колени и, воздев руки, взволнованно воскликнул:

— Клянусь пречистой девой, ни в чем не изолгу тя, государь.

Иван Васильевич усмехнулся и, нахмурясь, сурово сказал:

— Приветствуй папу от моего имени с великим почтением и лаской. Скажи ему, что мы со всем христианством против мусульман стоим за веру православную. Как же сие сказывать, сам ведаешь, да и в наказе тобе писано. Дейте, послы мои, все по обычаям рымским, но так, дабы ни папе, ни нам обиды не было. Поспасибуйте папу и кардинала Виссариона за их попечения о

царевне цареградской, ныне невесте моей. Дары папе и кардиналу по наказам дарите. Царевну чтите великою честью, яко государыню свою. Подарки же ей с братьями ее, как государыня Марья Ярославна сказывала, а церковные обряды чините, как богомолец мой митрополит повелел, дабы умаления церкви православной не было, а папе обиды...

Государь поднялся с престола своего и произнес торжественно:

—Ну, а теперь идите и днесь же отъезжайте с богом в Рым. Да пошлет вам господь счастливого пути и удачи.

Государь милостиво протянул руку послам и, пока те целовали ее, добавил:

— Царевну по землям нашим везите в Москву с наивеликою честью, как полную государыню свою и госпожу. О пути же ее через вестников и гонцов нас упреждайте...

Глава 9

ПОСОЛЬСТВО В РИМ

Недели через три после отъезда послов в Рим, когда Иван Васильевич февраля шестого думу думал с дьяками Бородатым и Курицыным о новых злоумышлениях новгородских, дворецкий доложил ему о гонце из Пскова.

— Зови,— молвил великий князь.

— Он, государь, тут в сенцах со стражей нашей,— проговорил быстро Данила Константинович и, выйдя, тотчас же вернулся, ведя дородного парня с обветренным и багровым от мороза лицом.

Когда гонец помолился и поздоровался по обычаю, великий князь приказал:

— Сказывай:

Парень замешкался, роясь за пазухой.

— Ну?— поторопил его Иван Васильевич.

— Прости, государь, руки-то с морозу зашлись,— виновато заговорил парень,— грамотка туточки у меня, государь. От послов твоих грамотка... Вот она!

Парень достал небольшой столбец, в толстый холст закатанный, и, развертывая его, продолжал:

— Прибыл из Юрьева от немцев купец наш Кузьма Кривощеков, которому послы грамотку сию дали. Посадники же наши псковские, взяв ее у купца, повелели мне к тобе гнать денно и нощно...

Парень, наконец, развернул холст одеревенелыми от холода пальцами. Иван Васильевич зорко глянул на гонца и спросил:

— С гоньбой-то, почитай, не спал? Оголодал?

— Верно, государь,— воскликнул парень,— почитай, совсем не спал, да и боле кушак подтягивал, чем ел...

— Данилушка,— сказал дворецкому великий князь,— отошли-ка гонца в сторожу. Там доброй водки пусть попьет да поспит, сколь влезет. Пусть ему во всем угостье привольное будет...

— Спаси тя господь за ласку твою, государь,— кланяясь, молвил парень и вышел с начальником стражи, который тронул гонца за рукав в знак того, что беседа с государем окончена.

Иван Васильевич весело оглянулся на дьяков и молвил:

— И дороден же парень-то! Ну, читай грамотку, Федор Василич.

Дьяк Курицын, медленно разворачивая столбец, начал читать:

— «Будь здрав, государь, на многие лета. Милостию божьей прибыли мы поздорову в град Юрьев. Здеся от бургомистра ихнего, сиречь градоправителя, сведали, что новый-то папа именуется не Каллист, а Сикстус[1]. То ж и епископ их сказывал. Мы же, не смея назад воротиться, дабы возвращением сим неуспех не накликать, помочью денежника Фрязина исчистили Каллиста, пергамент же изгладили добре и Сикстуса вписали. Днесь же отъедем из Юрьева на Колывань[2], и далее морем до Любека. После же на конях поедем через всю немецкую землю в Рым обычным путем, как купцы немецкие оттоле ездют. Земно тобе кланяемся слуги твои: Беззубцев и...»

Иван Васильевич усмехнулся и перебил чтение грамотки:

— Право слово ты про бояр-то сих молвил, Федор Василич. Не сымают звезд-то с неба. На уме у них не пагуба во времени, а пустые приметы, как у старых баб.

Государь, задумавшись, помолчал и продолжал:

— О вести сей нету нужды никакой думать. Сказывайте далее, что еще есть у вас о злоумышлениях, которые плетет господа с королем Казимиром...

В начале апреля того же года великий князь Иван Васильевич, по настояниям митрополита и многих богатых жертвователей, повелел заложить на Москве новый храм Успения пресвятой богородицы. Государь, побуждаемый строительной ревностью, хотел создать такой храм, который по красоте и величине превосходил бы не только старый московский, но и знаменитый собор во Владимире.

— Стараниями князей и митрополитов московских Москва ныне иной стала,— значительно сказал Иван Васильевич владыке Филиппу.— Надобны ей ныне иные храмы божии

---

[1] Сикст IV.

[2] *Колывань* — г. Таллин.

и иные хоромы человеческие. Во главе всей Руси ведь Москва-то становится...

К середине апреля выкопали рвы, утолкли на дне землю до твердости и наполнили белым подмосковным камнем. К концу же месяца основанне новой церкви было полностью положено, оставалось лишь возводнть стены, наметив точно, где н какие части храма строить.

Посему в тот же день, апреля тридцатого, в два часа дня митрополит со всем духовенством, облачившись в рнзы церковные, с крестом и иконами пошел на основанне церкви, повелев звонить в храмах во все колокола, как на пасху.

Слыша звон этот праздничный и зная, к чему он, великий князь, сын его, мать и братья, обрядившись, как к великому празднику, пешком двннулись к площади кремлевской, куда шли уже бояре, воеводы, дьяки и все народное множество славного града Москвы.

Как только прнбыл великий князь, стихлн сразу колокола церковные, а попы и дьяконы начали петь молебен. Вслед за тем, лишь молебен кончился, пошел владыка Филипп во главе каменщиков по основанню храма и своими руками положил первые камнн там, где алтарю быть, а где приделам, и по всем углам строения. Каменщики же, продолжая сотворенное владыкой, тут же от первых камней стали возводить стены...

По окончании торжественной закладки государь Иван Васильевич подошел к владыке, уже вымывшему руки и взявшему золотой крест с аналоя.

Широко перекрестившись, он громко произнес:

— Благодарю тя, господи, что сподобил нас заложити храм сей для Руси православной на славу и честь ныне и присно и во веки веков!

— Аминь!— воскликнул мнтрополит н с молитвой осенил крестом государя...

Государь с семейством был уж у себя в покоях, и митрополит, благословив общим благословеннем все народное множество, уехал на санях к себе на подворье, сопровождаемый всем духовенством, а праздничный звон все еще гудел над Москвой, и толпы людей ходили по улицам.

Иван Васильевич, проголодавшись, сидел один у себя в трапезной н с удовольствием ел любимый свой курник, запивая его сладким, но крепким медом. После усталостн от долгого стояния ему было приятно отдыхать за столом н, что совсем для него необычно и странно, ни о чем не думать. Он глядел на слюдяное окно, казавшееся в весенних лучах уходящего солнца расплавленным янтарем с багровым оттенком. Насытившись и

допив чарку меда, он прислонился спиной к теплым изразцам печи и, любуясь огнями уходящего дня, незаметно задремал.

Легкий стук разбудил его, и Саввушка, просунувшись в дверь, доложил:

— Федор Василич...

— Зови, зови,— сказал великий князь, оживившись и сразу отогнав дремоту.

Дьяк Курицын вошел взволнованный, но радостный.

— Сказывай же,— заторопил его Иван Васильевич.

— Из Крыма, государь, вести...

— Ну, садись ближе.

Курицын сел и продолжал:

— Помнишь, государь, прошлый раз царевич Даниар о евреине крымском доводил, имя его Хозя Кокос...

— Помню, помню. Опричь Даниара, от купцов наших о нем не раз слыхивал,— молвил Иван Васильевич,— евреин сей мудр и в делах торговых и государственных вельми хитр. Некои самоцветы мои продал он фрязинам с большим для меня прибытком. Ныне же, бают, сей Кокос стал наиглавный меж богатых купцов града Кафы...

— Истинно, государь,— заметил Курицын,— но у меня вести есть поновее. Сказывает Даниар-царевич, что князь ширинский Мамак, наиблизкий советник хана Гирея, стал ныне наместником его в Кафе. Сказывает еще царевич, что князь Мамак вельми дружит с Кокосом, про генуэзцев от него многое ведая на пользу хану Гирею и султану турскому...

Иван Васильевич радостно сверкнул глазами и, пройдя к окну, на миг задержался возле него, поглядел в небо и снова вернулся к столу. Дьяк Курицын молчал, ожидая, что скажет государь. Тот сел за стол и молвил:

— Ну-ка, Федор Василич, налей мне меду, да и собе возьми чарку.

Отпив немного, великий князь усмехнулся лукаво и сказал:

— Менглы-Гирей забыл о брате своем Нурдовлете, бежавшем к Казимиру польскому, который в союзе с ханом Ахматом? Может, забыл он, что Большая Орда — исконный враг его и султана турского? Пусть Кокос ему о сем напомнит. Евреину же сему даров яз жалеть не буду! Весьма его пожалую, а коли надобно будет, и князя Мамака пожалую щедро...

Великий князь с большим воодушевлением много говорил своему любимому дьяку о неизбежной и долгой борьбе и с ливонскими немцами, и с немецкой Ганзой, и с Литвой, и со шведами на западе и на северо-западе, а также с Ахматом, Казанью и с другими татарами.

— Гнет сих ворогов наших надобно Руси православной

нарушить, снять с собя, яко цепи тягостные!— воскликнул он и, сдвинув брови, добавил:— Сбудется сие, ежели бог даст, токмо при детях и внуках наших. Нам же надлежит, елико сил хватит, путь к победам их расчистить. Мыслю, мешать нам в сем будут не одни чужеземцы, а и свои, близкие, наипаче мои братья родные. Свой-то ворог бывает злей иного всякого.

Иван Васильевич задумался и вдруг, обратившись к Федору Васильевичу, спросил совсем о другом:

— Ведомо ли тобе, где ныне посольство наше?

— Были, государь, вести,— ответил Курицын,— от купцов немецких. Бают они, видели их, когда наши-то из Колывани в Любек на корабле приплыли...

— Ну, добре, Федор Василич,— прервал дьяка государь,— иди да немедля наряди все с царевичем, дабы нам тайно грамоту о братстве с ханом Гиреем Кокосу переслать, грамоту же сам составь, как надобно, да утре мне принеси. Прочтешь ее после обеда, и еще вместе подумаем обо всем. Может, и посла утре же отправим к евреину-то...

В первых числах мая, когда в Москве спешно возводили стены нового Успенского собора и готовились к перенесению туда мощей из старого, а великий князь подготовлял посольство к Менглы-Гирею, Иван-денежник, Беззубцев, Шубин и дьяк Мамырев с вьючным обозом своим, со слугами и охраной въезжали в Болонью, старинный и знатный город на севере Итальянской земли.

Только теперь, перебравшись через снеговые хребты Альпийских гор, послы московские, никогда не бывавшие в чужих землях, приходили в себя и начинали мало-помалу лучше понимать то, что глаза их видели.

Все же порой казалось, что на пройденном пути многое им во сне примерещилось. Колывань эта ливонская, что раскинулась на берегу морском у подножия Вышеградской горы, будто видение теперь видится, а море возле нее среди зимы у самого берега плещется, словно в сказке какой, и корабли бегут по морю этому на парусах и лодки на веслах...

Море это Колыванское так мотало потом корабль их, носило с бурей из края в край целых семь дней и до того их волной закачивало, что от муки морской и страха все как при смерти были, и не казалось уж оно им сказкой. Особенно тяжко страдал от морской болезни грузный и сырой боярин Беззубцев. Он и поныне, как вспомнит о море, крестится и говорит:

— Не дай, господи, страсти сей и ворогу злому...

— Истинно, Ларион Микифорыч,— вторит всякий раз ему Шубин.— Не зря же бают: «Кто в море не бывал, тот горя не видал».

Дьяк же Мамырев только посмеивается и добавляет всегда:

— А протйв рожна-то не попрешь. На Москву, когда ворочаться мы будем, вновь морем плыть надобно...

Смутно помнился им еще вольный город Любек, и то не весь, а по частям только. Помнятся им перво-наперво пристани бесчисленные, что построены по всему устью реки Траве-Вакениц впадающей в морской залив на пятнадцать верст ниже самого города. Залив же тут большой, и весь он, на сколько глазом охватить, можно, кораблями усеян: одни плывут, другие на якорях стоят, третьи к пристаням речным причалены; одни вот якори бросают и паруса развертывают и под ветер ставят. Тут вот, в Любеке, и сошли на землю бояре, стража и слуги их, но кажется им после моря, будто и земля-то колеблется и ноги у них, как у пьяных, нетвердо ступают. Отсюда ко граду на конях поехали, а и коней-то тоже закачало...

Подивил город этот московских послов видом своим. Чем-то похож он был на Великий Новгород: много в нем было складов товарных, дворов торговых, а вдоль речной набережной много пристаней, и мост большой через реку Траве. Только все здесь иное, да и сам-то город иной, на русские города тем не похожий, что из камня весь, словно гора каменная. Стены у него каменные, башни высокие, и хоромы многоярусные, и церкви весьма великие, и дворы гостиные тоже из камня серого да из кирпича красного. Даже мост через реку каменный, и улицы все камнем мощены...

— Град сей вольный,— объяснил боярам тогда Иван Фрязин,— один из главных градов Ганзы немецкой. У них и посадник есть, как в Новомгороде, бургомистр именуем. На два года вече его избирает. Опричь того, у них сенат[1] из четырнадцати человек да совет при нем человек двести — все сие подобно господе новгородской.

После Любека боярам и спутникам их Нюрнберг не показался особо примечательным. Одно только они запомнили со слов Ивана Фрязина, что вся итальянская торговля, от всех земель и городов итальянских идет в северные земли через этот знаменитый город. Вообще же с непривычки московским людям казались города немецкие очень схожими, а сами немцы все на одно лицо.

Лишь спускаясь со снеговых гор в теплую, буйно цветущую и благоухающую долину реки По, увидели послы московские всю светозарную красоту солнечной полуденной земли, так не

[1] *Сенат* — совет старейшин, осуществлявший в городе верховную власть. Члены сената избирались в Любеке пожизненно, преимущественно из юристов и купцов.

похожей на прекрасную, но суровую Русь. Свет и яркие краски здесь часто меркли по нескольку раз в день, набегали тучи и лил дождь, а после него становилось сыро и холодно.

— Эх, у нас на Руси и то май-то месяц не такой, когда весна ранняя!— восклицали не раз москвичи по дороге к Болонье.

— Н-да,— недовольно замечал дьяк Мамырев,— и травы, и кусты буйные, и цветет все, а все же май-то у них чаще нашим сентябрем, чем маем глядит.

— Хорошо, что шубы с собой везем,— шутил и смеялся Беззубцев,— а то порой, коли еще ветер, хоть у костров грейся...

— Иван Фрязин обижался за свою родину и оправдывался.

— Сего вы не ведаете,— говорил он, сам кутаясь в плащ,— что у нас май-то месяц самый дожжевой. Поглядите вот в июне, что тут будет. К Болонье же, когда подъезжать будем, враз потеплеет, и дожжа не станет...

В Болонье послы московские застали погожие дни. Дождей как не бывало. Небесная лазурь вся сияла светом, а солнце грело и ласкало своим теплом.

Город этот, окруженный зубчатой кирпичной стеной в шесть верст по окружности, с двенадцатью воротами и башнями, весьма понравился русским.

— Град сей,— говорили московские бояре,— куда краше немецких.

Польщенный похвалой, Иван-денежник с увлечением говорил им о дворцах и церквах Болоньи. Проехав по узеньким улицам с каменными домами, окрашенными в серый и красноватый цвет, посольство прибыло на главную площадь в середине города, к Палаццо дель Говерно. Здесь, во дворце городского правления, Иван Фрязин быстро выхлопотал удобное помещение в городе для постоя, дабы день-два отдохнуть от трудного пути.

Узнав о приезде московитов, сам подеста[1] прислал им приветствие и пригласил к себе во дворец на следующий день к завтраку. Послы благодарили и, спросив, в какой час им быть во дворце, отправились на гостиный двор для иноземцев со всем вьючным обозом своим, слугами и стражей.

Покинув площадь с огромными мрачными дворцами, похожими на военные укрепления, послы во главе с денежником и Антонио Джислярди снова поехали по узким и кривым улицам.

В одном из трех кварталов Болоньи, на перекрестке двух улиц, послы увидели шумную и крайне возбужденную толпу.

[1] *Подеста* — глава городской общины.

Подъехав ближе, они с высоты своих коней заметили через головы собравшегося народа двух юношей с небольшими кинжалами в руках. Один из них быстро взмахнул рукой, другой же сразу безжизненно рухнул на каменную мостовую, обливаясь кровью из рассеченного горла. Убийца хладнокровно отер свой кинжал об одежду убитого и, никем не задержанный, быстро ушел, завернув за угол.

Племянник Ивана-денежника, Антонио Джислярди, побледнел слегка, но воскликнул:

— Quel magnifico colpodi stiletto![1]

— Что он баит? — спросил взволнованный Беззубцев.— Пошто тут убийство содеяли?..

— Пустяки,— хладнокровно ответил Иван Фрязин,— а сказал он: «Хороший удар кинжалом». Месть кровная...

— Пошто ж,— возмутился дьяк Василий Саввич,— злодея-то не схватили? Можно ли так — средь бела дня убийства допущать?!

Даже стража посольская заволновалась, иные из воинов в гневе великом скакать было хотели, дабы поймать убийцу или саблями зарубить, ежели биться с ними будет. Но Иван Фрязин удержал их, разъясняя, что в итальянских землях другой закон, что убийство здесь из кровной мести за злодейство не почитается. Наоборот, убийцу чтут за удаль и храбрость.

— Сего вот убили, а братья убитого и весь род его будет отныне убийцу стеречь, пока не убьют его насмерть...

— Когда же конец злодейству такому бывает? — с негодованием воскликнул начальник посольской стражи.

— А пока один род до корня не истребит другой,— нагло усмехаясь, снисходительно молвил Фрязин,— когда уж и мстить некому станет...

Начальник стражи презрительно плюнул и молвил:

— Вот гады мерзостные! Татары ордынские и те того у собя не творят, как сии фрязины...

На другой день за завтраком у болонского подесты царский денежник Иван Фрязин рассыпался в сказках и баснях, описывая невероятные богатства московского царя, говорил о бесчисленных войсках русских и выставлял себя личным другом этого могучего государя.

В то же время успел он рассказать и послам московским кое-что о Болонье, добавив, что испросит у подесты разрешения

[1] Какой великолепный удар стилетом!

для них осмотреть самую большую в мире церковь, которая строилась в Болонье в честь св. Петрония.

Подеста, человек пожилой, но увлекающийся, ухватился за эту мысль.

— Я сам с тобой поведу послов великого царя к святому Петронию и покажу им строительство,— говорил он с жаром.— Переведи им слова мои, пусть они всё подробно осмотрят и расскажут о сем своему государю.

Послы поблагодарили подесту за добро его и ласку к ним. Иваи Фрязин передал это градоправителю, расцветив все льстивыми любезностями.

Прибыв на место стройки, подеста с гордостью объявил, что церковь эта заложена в тысяча триста девяностом году и с тех пор непрерывно строится.

Длина сей церкви,— переводил итальянец слова подесты,— четверть версты без двадцати сажен, а ширина — семьдесят одна сажень. Я запишу все числа, дабы довести потом государю нашему, который так любит строительство...

Далее, со слов подесты, дополняя все своими объяснениями, он рассказал боярам, сколько камня, извести, глииы и песка сюда привезено, сколько ежедневио рабочих здесь работает, как строят стены и опоры для будущих перекрытий.

— И так вот,— воскликнул Иван Фрязин в заключение,— строят восемьдесят третий год без перерыва!..

Московские послы даже взбирались вслед за подестой иа леса, чтобы заглянуть внутрь стройки. Здесь, на лесах, их и застали посыльные от кардинала Виссариоиа, ехавшего через Болонью из Рима с личным поручением папы к королю французскому.

Остановившись у болонского архиепископа и узнав о прибытии московского посольства, ои повелел тотчас же отыскать их и пригласить к себе. Послы, поблагодарив подесту, сели иа коней своих и тотчас же поехали к архиепископскому подворью.

Виссарион встретил их весьма радостно. Он был в красиой кардинальской мантии и в красной кардинальской шляпе, и только длинная густая борода и длинные волосы, выбивавшиеся у краев капюшона, напоминали о том, что это бывший православный архиепископ. Первым к его благословению подошел Иваи Фрязин, которого Виссарион благословил по православиому обычаю. После этого и бояре и дьяк почтительно приняли благословение кардинала.

Виссарион в свою очередь, слушая сообщения Ивана Фрязина о задачах посольства и о великокняжеской грамоте к папе, внимательно рассматривал московских послов, впервые в своей жизни видя русских бояр.

Он любезно пригласил послов к столу и угощал гостей только

лучшими и дорогими винами, ибо послы отказались от трапезы, позавтракав уже у болонского подесты.

За столом кардинал сидел без шляпы и тем еще более походил на представителя православной церкви. Виссарион был очень ласков с послами, а о государе московском говорил с большим уважением и почтением. Потом, извинившись, что оставит гостей на краткое время, он вышел, чтобы написать жителям города Сиены небольшое письмо, которое он хотел передать городским властям через московских послов.

Дьяк Мамырев был весьма изумлен, когда всего через четверть часа кардинал вернулся с готовым уже письмом и, садясь за стол, сказал Ивану Фрязину:

— Письмо сие писано по-латыни, которой ты не знаешь.

Содержание письма было таково: «Мы встретились в Болонье с посланником государя Великой Руси, едущим в Рим, дабы заключить там от имени своего господина брак с племянницей византийского императора. Это — предмет наших забот и попечений, ибо мы всегда были одушевлены чувствами благорасположения и сострадания к принцам византийским и считали своим долгом помогать им постоянно из общих связей наших с отечеством и народом.

Теперь, если этот посол повезет невесту через ваши пределы, мы усердно просим вас ознаменовать ее прибытие каким-либо празднеством и позаботиться о достойном приеме, дабы сия девица и послы, вернувшись к своему господину, могли бы сообщить о расположении к ней народов Италии. Ей это доставит уважение в глазах ее супруга, вам славу, а для нас будет такой услугой, за которую мы всегда будем вам обязаны...»

Виссарион, положив свое письмо перед собой, сказал Ивану Фрязину:

— Буду читать тебе по-итальянски, а ты следом за мной переводи по-русски.

Кардинал стал медленно читать лишь те места, которые нужно было знать послам, а Иван Фрязин повторял его слова по-русски:

— Пишу гражданам града Сиены: «Возможно, посланник государя Великой Руси, отъезжая из Рима с государевой невестой, племянницей византийского императора, проедет через ваш град. Посему молю вас оказать невесте и посольству почет и ласки, содеяв достойные их праздники, дабы, чтя невесту, почтить и великого государя всей Белой Руси».

На этом Виссарион закончил и простился с послами московскими, ибо в тот же день спешно отъезжал из Болоньи к французскому королю.

Свой путь из Болоньи до Сиены послы государя московского совершали в тихие дни. Уходящая весна была нежной и ласковой, доцветали еще вишни, яблони и сливы, роняя, как снежинки, свои белые лепестки, а на смену им боярышник пышно распускал красивые кисти крупных белых цветов, сплетаясь колючими ветвями в живые стены вдоль садовых изгородей. В полях же узорными коврами пестрели бело-желтый поповник, синие колокольчики, белые, розовые и пурпурно-розовые цветы разных видов, что растут в полуденных странах. Среди тишины полей, из кустов шиповника и густых олеандровых зарослей, набравших уж цвет, слышно было звонкое пенье дроздов, малиновок и других мелких птичек. В самые же знойные часы дня, когда природа как бы вся замирала в истоме, из травы раздавалось стрекотанье кузнечиков, а с ветвей деревьев и кустарников звучало еще более громкое, приятное стрекотанье цикад.

— Ну, тут благодать божия,— говорили москвичи, давно уж сложившие в дорожные вьюки не только шубы, но и кафтаны.

Теперь они ехали в расстегнутых летниках или просто в одних шитых рубахах.

Оба итальянца, и государев денежник Иван и племянник его Антонио, радостно оживленные воздухом родной земли, всю дорогу громко и непрерывно болтали, размахивая руками, и пели веселые песни. Позади них, несколько поодаль, ехал доминиканский монах, приставший к поезду послов московских в Болонье.

— Видно, мошна-то у него туго набита,— шутили воины посольской стражи,— к нам пристал, разбоя боится...

— Не без того,— отвечали другие,— у них тут, бают, не токмо ночью, а днем догола грабят...

— Они, отцы-то духовные, видать, во всех землях одинаковые.

— Истинно,— молвил начальник стражи,— кажный из них на бога-то поглядывает, а по земле пошаривает.

У итальянцев шел свой разговор. Говорили они о кутежах и женщинах, так доступных здесь. Оглядываясь на русских, они снисходительно посмеивались.

— Бородатое стадо ведем,— проговорил Иван Фрязин.— Дает же бог этим козлам и баранам золотое руно...

Он громко рассмеялся и добавил:

— Во главе такой паствы самое хорошее дело бородатому кардиналу Виссариону быть. Он бы и в унию их привел и золотое руно с них снял был. Да и сам папа не прочь с пользой потаскать их за бороды...

В это время Антонио Джислярди, оглянувшись, заметил, что доминиканец приближается к ним. Он прервал речь Ивана Фрязина и пробормотал вполголоса:

— Любезный дядюшка, вспомни, как говорят наши мужики: «В закрытый рот муха не влетит». Ты же так рот разинул, что не только муха влетит, а и целая ехидна вползет...

Иван Фрязин смолк и, покосившись назад, шепнул:

— Совсем забыл о «псе господнем»...[1]

Пришпорив слегка коня, он ближе подъехал к москвичам и, указывая им на каменные стены с зубцами и башнями, из-за которых виднелись красные черепичные скаты высоких крыш с узкими и длинными дымовыми трубами, весело крикнул:

— Вот и град Сиена! В середине же града, как гора, возвышается к небу Сиенский собор[2]. Двести лет его строили многие знаменитые зодчие, а иконы писали и стенную роспись творили славные живописцы. Камнерезцы же и златокузнецы богато его изукрасили мрамором, сребром и златом...

— Полагаю, весьма велик собор-то,— заметил Беззубцев.

— У него три нефа[3],— продолжал Иван Фрязин, видя, как доминиканец уже вступил в беседу с его племянником.— Длина же сих нефов — сорок четыре сажени, а ширина — двенадцать с четвертью.

Московские бояре подивились сему строению, но показалось оно им слишком затейливым. Все из тонких башен с подпорами каменными со всех сторон.

— Что-то и на церковь не похоже,— молвил Беззубцев.

— Наши храмы-то лучше!— горячо воскликнул дьяк Мамырев.— В наших-то все кругло, спокойно, молитвенно, а тут все торчмя торчит, беспокоит все!

— Истинно так,— согласился Шубин,— какая тут молитва...

С такими речами въехали они в главные ворота града Сиены и направились к площади, где находится ратуша.

— Град сей вельми занятен,— продолжал Фрязин,— токмо гостить в нем мы долго не будем. Грамотку кардинала Виссариона градскому совету передадим да испросим место для ночлега. Утре же отъедем в Рим.

Двадцать третьего мая тысяча четыреста семьдесят второго года, в жаркое, ясное утро, посольство московское, пересекая

[1] *Псы господни* — так народ прозвал создателей инквизиции за герб ордена доминиканцев, изображающий собаку с горящим факелом в пасти.

[2] *Сиенский собор* — один из лучших произведений итальянской готики — строился с начала XIII до конца XIV века.

[3] *Неф* (корабль) — продолговатая часть храма, простирающаяся от главных входных дверей до хоров, покрытая сводами. Эта часть древних церквей имеет сходство с кузовом опрокинутого вверх дном корабля.

поля Кампаньи, медленно приближалось к Риму, когда-то стоявшему во главе всего христианства.

— Вот он каков град-то великий,— молвил задумчиво боярин Беззубцев,— а впал в ересь, и покарал его господь: пал он от руки язычников...

— Истинно,— заметил дьяк Мамырев.— Стал Цареград грецкий вторым Рымом, оплечьем всего православия...

— Ныне же,— продолжал Беззубцев,— и Цареград, впав в ересь латыньскую, от руки турок пал, и Москва, по воле божией, ныне третьим Рымом стает.

Волнуясь, говорили об этом меж собой москвичи, боясь, как бы не уронить достоинство Москвы перед Римом. Они просили дьяка Мамырева, чтобы он до встречи их с папой перечитал им наказы государя и митрополита: боялись они, как бы огрешек не сделать, да и за Фрязином-то зорче глядеть надобно — обмануть может.

— Ведь государь-то наш в жены берет царевну цареградскую,— говорил Беззубцев.

Но о тайных наказах нельзя было говорить в присутствии Ивана Фрязина, и дьяк Мамырев, подмигивая на государева денежника, сказал:

— Успеем. Все перечту вам перед тем, как у папы быть. Пока же будем на красоту сию божию смотреть и про собя думы думати...

А красота кругом была великая. Будучи чем-то похожи на русские степи, пустынные поля Кампаньи лежали вокруг в спокойном безмолвии, простираясь во все стороны до крайней черты горизонта. Поля были заболочены и в солнечном блеске сверкали водой среди камышей и осоки, а местами, на более высоких лужайках, были густо позолочены ярко-желтыми цветами, среди которых, как горящие угли, пламенели пунцовые лепестки дикого мака.

С левой руки едущих москвичей эти поля кончались резкой ровной чертой, над которой сквозной стеной стояли, будто в воздухе, четко выделяясь на серебристо-голубом небе, арки древних водопроводов.

Когда московские послы оглядывались назад, то за обширной равниной полей далекие громады гор вставали сияющими легкими облаками, готовыми, казалось, улететь в розовато-синеватое небо.

По правую руку посольского поезда горы были ближе и возносились выше, тяжело и громоздко выступая рядами; постепенно понижаясь, как бы тая в голубой дымке, они уходили уступами в неясную даль.

Прямо же против путников, за гладью полей возникал Рим. В лучах солнца ярко и резко из черной тени его зданий выступали

углы и линии домов, поднимались церковные купола и статуя Иоанна в Латеранском дворце, выраставшие по мере приближения все выше и выше в ясном, прозрачном воздухе...

Московское посольство не поехало прямо в город, а, по принятому обычаю, проехав Триумфальной дорогой, остановилось на холме Монте Марио, вблизи въездных городских ворот. Здесь послам, по указанию Антонио Джислярди, как представителя папы, была отведена для постоя прекрасная мраморная вилла.

— Утре или через день,— перевел русским боярам Иван Фрязин слова своего племянника,— нам будет от папы указано, каким чином и порядком ехать к нему во дворец и как будет он нас принимать. Тут же нам покои отведут, а поить и кормить будут с великим почетом. Вборзе дадут нам и всем слугам ужин и коней наших накормят...

Но трапеза из-за большого числа приехавших задержалась, и москвичи, расположившись в отведенных им покоях, расставив коней по конюшням и нарядив стражу, вышли на мраморную лестницу виллы поглядеть на ярко-багряную зарю, охватившую полнеба. Заря непривычно быстро для северян погасла, и в один миг померкли поля, одевшись в густую вечернюю мглу. Жаркий день сразу перешел в ночь, сырую и холодную, а во тьме ее горящими искрами засверкали повсюду крылатые светляки, кружась золотистыми стаями над кустами и вокруг деревьев.

Это было так красиво, что москвичи, несмотря на дрожь и голод, неохотно пошли к ужину, который ели в трапезной уже при свечах.

Двадцать четвертого мая к Ватиканскому дворцу папы, что построен на холме возле базилики[1], св. Петра, одна за другой подъезжали громоздкие золоченые кареты, вроде колымаг, с ярко-красными занавесками и гербами своих владельцев. Из карет важно выходили пожилые и старые кардиналы в красных шляпах и в пышных княжеских мантиях. Более молодые кардиналы, пользуясь последней милостью недавно усопшего папы[2], прибывали верхом на белых конях, покрытых красной попоной с золотой застежкой на груди. Сановные всадники держали в одной руке золотые поводья, а в другой — открытый красный зонтик. Каждого из кардиналов сопровождала его личная конная охрана.

Все это — члены папской консистории[3], созываемые его свя-

[1] *Базилика* — древняя католическая церковь. В данном случае церковь св. Петра, построенная в IV веке н. э.

[2] Павел II.

[3] *Консистория* — собрание кардиналов в присутствии папы. Консистории бывают тайные или очередные (по церковным делам) и открытые или чрезвычайные (по государственным мирским делам).

тейшеством для решения важнейших иностранных и внутренних дел его владений.

Когда кардиналы поднимались по мраморным лестницам, они проходили мимо часовых и офицеров папской гвардии, отдававших им честь оружием.

В малом зале консистории для тайных заседаний были уже почти все кардиналы, члены папского правительства: заведующий финансами, викарий — заместитель папы в римской епархии, вице-канцлер — председатель римской канцелярии, оба статс-секретаря — один по иностранным, другой по внутренним делам — и прочие придворные сановники.

Сам папа уже сидел на престоле и беседовал со своим послом, ездившим к государю московскому. Антонио Джислярди, почтительно склонившись пред его святейшеством, отвечал на вопросы, задаваемые ему самим папой и его кардиналом, статс-секретарем по иностранным делам.

— Если вашему святейшеству,— закончил свои сообщения Джислярди,— мои объяснения не покажутся достаточно полными или убедительными, осмеливаюсь предложить вашему святейшеству вызвать для тайной беседы к себе главу московского посольства, моего родного дядю, дворянина из Виченцы, Джана Баттиста делля Вольпе. Он истинный сын святой нашей церкви и скажет всю нужную вашему святейшеству правду...

К этому времени, согласно ранее указанному папой часу, собрались все члены тайной консистории. Его святейшество, заметив это, обратился к Антонио Джислярди и сказал:

— Пока мы будем совещаться здесь, ты съезди и привези сюда своего дядю.

Подозвав знаком одного из слуг, папа добавил:

— Слуги мои дадут тебе одну из карет для почетных гостей...

Когда все кардиналы заняли места свои на совещании, папа, окинув взглядом собрание, произнес:

— Ваши преосвященства, на совете сем нам предстоит решить вопросы по иностранным делам и притом тайные, ибо связаны они с делами нашей святой церкви.

Папа помолчал, собираясь с мыслями, и продолжал:

— Ныне прибыло к нам посольство московитов от князя Ивана, государя Белой Руси, с двумя целями: дабы поздравить нас с восшествием на престол и дабы заключить брак с дщерью духовной нашей Зоей, дочерью покойного морейского господаря Фомы Палеолога. В сем деле прошу ваших советов.

Первыми выступили один за другим два кардинала: один немец, другой поляк.

— Да простит мне его святейшество,— сказал немец,—

у меня есть сомнения. Многие утверждают, что русские — упорные схизматики[1].

— Но не еретики[2],— возразил папа.

— Ваше святейшество,— воскликнул поляк,— но русские не признают главенства римской церкви!

Выслушав еще несколько различных мнений, папа заключил:

— Русские, как и греки, участвовали во Флорентийском соборе, и мы не видим канонических[3] препятствий к этому браку.

Папа покусал слегка свои сухие, тонкие губы и, нахмурившись, добавил:

— Нам, наместнику святого Петра, надлежит, как это и делали святые апостолы, хранить и увеличивать стадо Христово. Недавно почивший кардинал Исидор, будучи митрополитом московским, привел Москву к унии. Ныне его преосвященство кардинал Виссарион продолжил дело покойного раба божия Исидора и скрепляет еще более узы наши с Русью, доказательством чего и служит посольство к нам от могучего государя московского. Сие — перст господень, указующий, где нам черпать силы для крестового похода против турок за освобождение гроба господня.

Эта краткая речь его святейшества, произнесенная хотя и не совсем искренне, произвела впечатление, напомнив членам консистории политику папы Павла.

Полились горячие речи. Кардиналы приветствовали призыв его святейшества к новой борьбе с неверными, восхваляли Москву и высказывали уверенность в ее помощи. С деловыми предложениями первым выступил статс-секретарь по иностранным делам. Он блестяще доказал, что нужно воспользоваться таким благоприятным случаем, как брак царевны с королем московским Иваном, и привлечь в лоно римской церкви это могучее государство, а потом силами его сокрушить нечестивых турок.

— Сие — перст господень,— воскликнул он,— как сказано было его святейшеством! Сие — золотые слова его прозорливости! И мы сразу должны идти по двум путям. Приняв брак, послать с царевной, нашей дщерью духовной, легата[4] его святейшества, который укрепил бы унию в Москве и через будущую супругу государя внушал бы мысль о крестовом походе.

В развитие этих мыслей были предложены поправки и

[1] *Схизма* — раскол внутри церкви, не касающийся основных догматов, то есть учения веры, а только обрядов.

[2] *Еретики* — люди, отрицающие не только те или иные обряды господствующей церкви, но и догматы веры.

[3] *Канонический* — относящийся к законам церкви. *Каноны* — постановления вселенских церковных соборов.

[4] *Легат* — посол от папы, кардинал или епископ.

дополнеиия, и все было приията и одобреио его святейшеством. Решено было совершить обручение в базилике св. Петра при участии всех прелатов[1] и с большим торжеством. Избрать для поездки в Москву с царевиой папским легатом епископа Антонио Бонумбре. Папа при этом представил Боиумбре право выбрать для своей свиты монахов из какого ему угодно ордена. Постаиовлено было также выдать епископу иа дорожные расходы шестьсот дукатов[2], а царевие на те же цели папа хотел иазиачить свыше четырех тысяч дукатов.

Этот вопрос вызвал самые оживлеииые обсуждения. Нужно было определить количество денег, откуда их взять и как найти эти деньги под благовидным предлогом. Все прекрасио поиимали, что дело не ограиичится только пятью-шестью тысячами дукатов. Все знали также, что папа, даже при бóльшей расточительности, всегда сможет добыть деиег, ибо у его святейшества была в полиом распоряжеиии особая военная казиа, непрерывио пополняемая огромиыми доходами от продажи квасцов. Право иа эти доходы еще при Павле II было предоставлеио исключительио святому престолу для ведения войи против турок. Казиой этой заведовали главные агенты крестовых походов, любимые кардииалы его святейшества: Эстутевилль, Каландрина и Анжело Капрани. Казна эта ие подлежит общей отчетности и хранится у зиамеиитых банкиров, ныне уже и суверенных государей Флоренции — Лоренцо и Джулиаио Медичи.

Члеиы коисистории боялись крутого по характеру папы Сикста, но всегда были увереиы, что его святейшество, ие стесияясь никакими средствами и алчио загребая груды золота, некоторые, ие совсем малые крохи этого металла предоставит и своим кардиналам. Под сеиью такого могучего дуба, укрепившегося иа святом престоле, иемало также продавалось и дарилось церковных и светских доходных должиостей и творились всякого рода выгодные торговые сделки...

Папа, тоже отличио зиая своих слуг, и духовиых и светских, быстро закоичил заседание тайиой коисистории. Хитро и насмешливо улыбаясь только уголками губ, ои после иебольшой пышиой речи о служении святому престолу, о борьбе со всеми врагами веры христиаиской сказал очень просто и деловито, ио твердо, как государь, о своих планах:

— Итак, ваши преосвященства, все ясно. Мы повелеваем иашему вице-канцлеру изготовить приказ почтенным господам Лореицо и Джулиаио Медичи перевести в нашу особую казну

[1] *Прелаты* — представители высшего католического духовенства.
[2] *Дукат* — старинная золотая монета ценой около трех рублей золотом по курсу XIX века.

шестьдесят четыре тысячи дукатов в распоряжение агентов крестовых походов. Из этих денег агенты выдадут дщери нашей, царевне Зое, пять тысяч четыреста дукатов на путевые издержки при поездке в Москву и прочие цели; епископу Антонио Бонумбре — шестьсот дукатов. Завтра же здесь мы будем принимать послов московского государя. Все придворные наши и кардиналы с почетом должны приветствовать московитов.

Взглянув на входные двери и заметив стоявшего там Антонио Джислярди, он закончил:

— На сем закрываем мы заседание тайной консистории. Наша канцелярия уведомит вас всех о часе и порядке приема здесь же посольства великого князя.

Его святейшеству не было ведомо, что Джан Баттиста делля Вольпе изменил латинской церкви и снова крестился, приняв учение греческой церкви. Все же, зная достаточно людей своего времени, папа из осторожности решил хорошенько прощупать посла московского, видимо смелого и ловкого хищника, втершегося в доверие государя.

Когда Антонио Джислярди пригласил в зал консистории Ивана Фрязина, тот вошел гордо и независимо, но, увидев папу, тотчас же со смирением опустился на колени и поцеловал край его лиловой мантии.

Это не подкупило папу, и, благословив Ивана Фрязина, он обратился с улыбкой к статс-секретарю по иностранным делам и сказал по-гречески:

— Вижу сразу, что он из тех ловкачей, которых немало среди нашей паствы. Хочу знать только, умен ли он достаточно и может ли быть нам верным слугой. После разведайте о нем подробнее и мне доложите.

Затем, обернувшись к Ивану Фрязину, милостиво спросил:

— А как московский государь блюдет унию со святой церковью нашей?

— Государь мой чтит ваше святейшество, как истинного пастыря нашей святой веры!— почтительно и с искренней уверенностью, как все увлекающиеся лгуны, воскликнул Иван Фрязин и, зная основную слабость папы, еще убежденнее добавил:— Если бы не Филипп, митрополит московский и всея Руси, давно бы бесчисленное войско царя Белой Руси по воле вашего святейшества осаждало бы Царьград и било бы турок!

Папа благосклонно улыбнулся и заметил:

— Мы надеемся, что царевна Зоя, наследница Византийской империи, принявшей Флорентийскую унию, истинная дщерь церкви, будет верной опорой государю московскому в борьбе с митрополитом...

— Как верно,— с восторгом подхватил Иван Фрязин,—

и тонко задумано вашим святейшеством! У русских даже пословица есть: «Ночная кукушка дневную перекукует!» Царю же московскому, как сам я видел, царевна весьма понравилась... Кроме того, мне, как другу, говорил он сам...

Сикст усмехнулся и, с улыбкой оглядев кардиналов, переспросил:

— Как это насчет кукушки-то?

— Ночная кукушка дневную перекукует,— повторил Иван Фрязин, подчеркивая голосом разницу между ночной и дневной кукушкой.

Все присутствовавшие прелаты весело рассмеялись.

— Это в духе фáблио[1],— сказал вице-канцлер, усмехаясь во всю свою лисью мордочку,— в пословице есть достаточно аттической соли[2].

После этого папа, расспросив Ивана Фрязина о его скитаниях у татар, кизил-башей, о его морских и сухопутных путешествиях, отпустил с честью посла государя московского и, обратясь к своим кардиналам, сказал:

— Этот, как говорит Вергилий, «скиталец по морям и по суше» не глуп и ловок, но особого доверия не вызывает...

— Я бы, ваше святейшество,— заметил статс-секретарь по иностранным делам,— судя по тону ваших речей, так перевел бы слова великого поэта: не «скиталец», а «бродяга» по морям и по землям, и даже короче: «проходимец»! Это, мне кажется, ближе к действительности...

В этот же вечер у его святейшества была сугубо тайная беседа. Это происходило в покоях папы Сикста, так сказать, в его домашней обстановке. Его святейшество в лиловом бархатном халате и в лиловой же шелковой шапочке с белым кантом по низу непринужденно держал себя и беседовал совсем запросто. Мужчина лет шестидесяти, но крепкий и здоровый, он время от времени останавливал нежный взгляд на красивом кудрявом мальчике лет двенадцати, который весь вечер неотступно был при его святейшестве. Все знали, что этот мальчик, по имени Че́нчо,— сын папского цирюльника и наиболее любимый из всех мальчиков, служивших грехам папы. Придворные Сикста делали вид, что они ничего не замечают. В такой обстановке папа принимал и двух знатных греков, братьев Траханиотов, Димитрия и Георгия, близких и к кардиналу Виссариону и к детям Фомы Палеолога, покойного деспота морейского.

---

[1] *Фаблио* — мелкие бытовые сцены шутливого и двусмысленного содержания с меткими замечаниями; сочинены большой частью в XIII и XIV веках.

[2] *Аттическая соль* — откровенная, но изящная острота.

Греки эти были униатами и, как Виссарион, верными слугами папского престола. Оба брата по желанию папы должны были сопутствовать царевне Зое и папскому легату Антонио Бонумбре. Что касается Ивана Фрязина, то он не был приглашен, ибо папа, не доверяя этому ловкому человеку, хотел использовать только его пребывание в Риме, как доказательство своего влияния на самые далекие страны, возвышавшее его в глазах христианских государей Европы.

На этом заседании присутствовали вице-канцлер и оба статс-секретаря — по иностранным и внутренним делам.

— Московское посольство,— говорил папа,— должно дважды послужить нам. Первое — завтра, у нас на аудиенции, когда будут присутствовать и послы от государей Неаполя, Феррары, Венеции и Милана. С ними мы заключаем союз для крестового похода против турок. Пусть все государи увидят воочию власть святого престола над душами даже самых отдаленных от нас христиан. Второе — покажем это же посольство и нашим крестоносцам при благословении нами галер крестоносного флота, который вскоре отплывает к турецким берегам. Это увеличит мужество и рвение крестоносных воинов.

Папа слегка усмехнулся и продолжал совсем доверительно:

— Как во всех государственных делах, так и в этом деле нужно все подготовить так, дабы действие обращения нашего было сильно, воспламенило бы души, а нам принесло бы славу и прибыль...

Папа ласково обратился к братьям Траханиотам, но сказал настойчиво, заранее устраняя возможность возражений:

— Вы должны доказать свою преданность унии и помочь в этом святому престолу. Сегодня же идите к послу государя московского и помогите ему подготовить речь, как это нам нужно, «от лица всех русских славян» о признании ими главенства над собой наместника святого Петра...

— Выполним все, ваше святейшество, во имя истинной веры...

— В этом мы не сомневались,— благосклонно перебил их папа,— но мы хотим от вас и большего. Мы хотим, дабы вы вместе с легатом нашим и царевной Зоей поехали в Москву и там крепили бы дело унии все вместе. За сие будете спасены на суде божием в царстве небесном и весьма вознаграждены в жизни земной.

Греки радостно переглянулись. Зная тяжелый нрав Сикста, его скупость, мелкое тщеславие и жестокость, Траханиоты были давно готовы сменить этого духовного государя на любого светского.

После всех этих высоких речей беседа приняла деловой характер. Говорили о том, что в Швеции, недалеко от русской

границы, живет много образованных монахов из ордена доминиканцев и что искусством их проповеди и уменьем подчинять себе христиан инквизиторскими приемами можно будет воспользоваться во Пскове и Новгороде, найдя там себе сторонников среди русского священства.

— Короче говоря,— закончил папа,— нам надобно во что бы то ни стало подчинить Риму могучее Московское государство, но осторожно и тонко, дабы оно стало для нас надежным орудием борьбы с неверными. Для вас, греков, это важнее, чем всем прочим вместе. Как говорит его преосвященство кардинал Виссарион, Русь должна служить и Риму и Царьграду, а не мы ей. Это есть главная тайна, тем более не доверяйте ее послу московскому Вольпе, царскому денежнику.

Все приняли со смирением советы и указания его святейшества, но статс-секретарь по иностранным делам осмелился высказать некоторые опасения.

— Да простит мне ваше святейшество,— нерешительно заметил он,— меня несколько пугает то, что Казимир, король польский, будет раздражен нашим союзом с Москвой.

Веселый, раскатистый хохот папы прервал речь статс-секретаря.

— Казимир будет, страшно сказать, раздражен!— проговорил он сквозь смех.— Король Казимир! Королевство польское! Да нас и «Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae»[1] не устрашит более, чем летучая мышь или дикий кролик! Сам император Фридрих Третий, что со своим двором ныне кормится в наших монастырях, не посмеет пикнуть пред святым престолом, а его Казимир напугал!..

Посмеявшись вдоволь, его святейшество в самом хорошем расположении духа нежно потрепал за подбородок Ченчо и ласково спросил:

— Милый мальчик хочет ужинать и бай-бай?

Ченчо улыбнулся в ответ и развязно заметил:

— Ладно! На сегодня побольше мальвазии. Хочу напиться...

Не только Траханиоты, кое-что слыхавшие о сыне цирюльника, но и привыкшие ко всему папские придворные опустили глаза от смущения и стали поспешно выходить из покоев папы, пожелав ему доброй ночи...

Выехав за ворота Ватикана, греки заговорили вполголоса.

— Я забыл тебе сказать,— промолвил Георгий Траханиот старшему брату,— что в провинциях начались бунты крестьян...

— Слышал. Говорят, опять из-за зерна...

— Неслыханное мошенничество и бесстыдное ограбление на-

[1] «Священная Римская империя германской нации».

рода. Папа еще осенью скупил насильственно пшеницу во всей Церковной области по одному дукату за рýббио[1]. Зимой продал зерно генуэзцам, у которых был плохой урожай, по четыре и по пять дукатов за рýббио. Весной же, когда мужики Церковной области стали голодать, он скупил за малую цену у короля Ферранте неаполитанского прелое зерно, ссыпал его в свои склады и продает теперь...

— По милосердию своему,— насмешливо вставил Димитрий,— по...

— По цене,— возмущаясь продолжал Георгий,— не менее чем три дуката за рýббио! Хлеб из этого зерна выходит темный, воняет затхлостью, но его едят, чтобы не умереть с голоду.

— Страшный человек,— проговорил тихо Димитрий.— Он в одно время и наместник Христа и самого дьявола. Мы будем счастливы, если уйдем из-под его руки и будем жить подальше от святого престола. Из-за денег, нужных для страстей его, он свершит любое преступление, не щадя ничьей жизни...

— Да, это худший из злодеев,— прошептал Георгий.

На другой день, мая двадцать пятого, Иван Фрязин, бояре и дьяк в дорогих кафтанах прибыли в Ватикан с большой пышностью, на конях, украшенных великолепной сбруей с золотыми бляхами, самоцветными каменьями и султанами из перьев. Их сопровождали конные слуги и стража, которые везли ценные подарки от государя московского для папы и его двора, для царевны Зои и ее двух братьев.

Посольство это было встречено с великим почетом у лестницы папского дворца кардиналами и придворными Сикста. Время же было так подогнано, чтобы послы московские могли видеть торжественное возвращение папы из базилики св. Петра и лицезреть его святейшество во всем его величии и блеске.

Московские послы действительно были удивлены этим церковным зрелищем, но удивление их было не в пользу латинства. Москвичам казалось диким и нелепым все, что они видели. Они вполголоса говорили между собой и непрерывно задавали вопросы Ивану Фрязину.

Заметив впереди всего шествия высокого, крепкого мужчину без бороды, но с длинными черными усами, Беззубцев спросил у Ивана Фрязина:

— Кто сей?

— Камерарий,— отвечал тот,— дьяк и советник папы.

Камерарий нес жезл и был одет в черные башмаки с помпонами и в черные чулки до колен. Была надета на нем долгополая черная рубаха, застегнутая посередине груди от горла до

[1] *Рýббио* — по весу равняется 10,25 килограмма.

пояса круглыми большими пуговицами. На широком кожаном поясе с большой пряжкой висел длинный меч. Из-под низкого ворота рубахи, окружая шею белыми кружевами, как пеной, резко выделялся на черном другой высокий воротник. Поверх рубахи был черный полукафтан, а на голове черная же шляпа, лежавшая блином.

— А за ним кто сии двое,— спросил дьяк Мамырев,— кардиналы?

Денежник в ответ утвердительно кивнул головой.

Кардиналы шли в красных мантиях, волоча длинные подолы по земле. На плечи их были надеты белые безрукавные накидки, а поверх них, на золотых цепочках, у каждого на груди висело по золотому латинскому кресту с распятием. Их коротко остриженные волосы ничем не были покрыты, что придавало их бритым лицам совсем мирской вид.

— Как на божьи церкви их храмы не походят,— насмешливо заметил Шубин,— так и священство их не духовное, а мирское.

Шествие папы совершалось очень медленно, а по сторонам его и позади, поблескивая стальными латами и шлемами, величаво двигалась папская стража. В самом же конце шествия виднелось над головами идущих что-то вроде престола, изукрашенного золотом и каменьями, на котором сидел не то человек, не то идол, сделанный наподобие человека. На нем светлая мантия, богатая золотым шитьем и каменьями, а на голове высокая золотая шапка с крестом, сверкавшая самоцветами. Над шапкой этой, справа и слева, особые служители в красных рясах медленно покачивали опахалами из длинных перьев. Четыре здоровых мужика, тоже в красных рясах, несли на плечах своих носилки, на которых и был укреплен престол.

— Кто же сей, на престоле-то,— воскликнул Мамырев,— уж не папа ли?

— Он и есть, его святейшество Сикст,— вполголоса ответил Иван Фрязин и поспешно добавил:— Шапки сымайте, видите, нас благословляет...

Послы и слуги поснимали шапки, а Мамырев все еще не мог успокоиться.

— Пошто же его носят,— допытывался он у Фрязина,— ноги, что ль, у него посохли?

Но Фрязин не ответил, носилки уже приближались к самому посольству, и папа с острым любопытством смотрел сверху на бородатых людей в непривычных для европейского глаза одеждах. Папа насмешливо улыбнулся, но все же благословил их с большой благосклонностью...

— Поглядел на нас ласково,— молвил Беззубцев.

— Яко тать на чужой кафтан,— с досадой добавил дьяк Мамырев.

Встретив папу и следуя за его шествием, кардиналы и другие придворные чины привели московских послов в приемную папского дворца.

Здесь посольству было почтительно предложено отдохнуть в ожидании приглашения его святейшества к себе в тайную консисторию.

Иван Фрязин, когда послы остались одни в приемной, тотчас же достал грамоту государя Ивана Васильевича и приготовил ее для передачи его святейшеству, чтобы не замешкаться пред лицом папы. Потом, обратясь к боярину Беззубцеву, спросил:

— Как у тобя с дарами папе и царевне? Все ли приготовлено?

Беззубцев указал на слуг своих, стоявших гуськом друг за другом, держа в руках подарки, прикрытие шелковыми тканями: соболью шубу, большие связки собольих и куньих выделанных шкурок, золотые и серебряные вещи.

— Все наряжено,— молвил он,— как в наказах государя и государыни писано...

— А в запасе для других нужных людей подарки есть?— снова спросил государев денежник.

— И о сем в наказах есть,— ответил дьяк Мамырев,— обо всем точно писано...

Иван Фрязин недовольно поморщился.

— Сему запасу надлежит у меня в руках быть...

— Сего же вот,— с живостью возразил боярин Беззубцев,— в наказах нету. Мы сами давать все будем по надобности и кому ты укажешь.

Иван Фрязин вспылил, но сразу стих, когда вошел секретарь Сикста, сопровождаемый почетным караулом папской гвардии, и пригласил посольство в тайную консисторию.

Прием у папы послов московских был торжественный, с участием кардиналов, всех придворных чинов, при почетном карауле папской гвардии. Не менее торжественен был и приход посольства. Послы вошли в дорогих парчовых кафтанах и в собольих шапках. Во главе их шел Иван Фрязин, тоже в русском парчовом кафтане, украшенном самоцветами.

За спиной послов, лицом к папе, стояли большим полукругом слуги с подарками и стража из воинов в красивых кольчугах, с блестящим вооружением. Это производило на всех внушительное впечатление.

Иван Фрязин, будучи в русской одежде и представляя особу великого князя московского, на этот раз не вставал перед папой на колени, а отвесил ему, как и его русские спутники, глубокий поясной поклон, коснувшись рукой дорогого ковра, застилавшего пол перед папским престолом.

Слуги и стража стояли позади посольства неподвижно, не снимая шапок, что делало приветствия послов более торжественными и величавыми. После поклонов Иван Фрязин раскрыл тисненый кожаный ларец и вынул из него малый, прекрасно изготовленный лист пергамента с привесной золотой печатью на шелковых шнурах.

Это было краткое письмо государя московского, писанное по-русски. Увидев это, все послы сняли шапки, а Иван Фрязин громко и торжественно прочел письмо государя по-итальянски:

— «Великому Сиксту, первосвятителю римскому Иоанн Великий, князь Белой Руси, кланяется и просит верить его послам».

Краткость и сжатость содержания и некоторая холодность в обращении как будто обидели его святейшество, привыкшего не только к церковному фимиаму, но и к фимиаму лести и заискиванию больших и малых католических государей. Но дальнейшее выступление самого Ивана Фрязина, говорившего от имени московского царя, привело папу в отличное настроение.

— Царь Белой Руси,— начал посол, вдохновенно претворяя в речь государя московского недавнюю беседу свою с братьями Траханиотами,— и все русские славяне от души и сердца признают главенство первосвятителя римского и жаждут укрепить унию церквей, которую признали они во Флоренции...

Закусив удила и увлекаемый своим красноречием, Иван Фрязин, восхваляя до небес папу Сикста, говорил и о готовности царя Ивана послать войско против турок и о том, что царь, радостно принимая из рук его святейшества в супруги царевну Зою, тем самым подтверждает искренность своих намерений бороться с врагами веры христианской.

Статс-секретарь по иностранным делам, сложив снова в ларец грамоту государя московского, шепнул кардиналу, заведующему финансами папы:

— По числу слуг я вижу, что нашему преосвященству хотя и придется заплатить кое-что этому болтливому проходимцу, но все же казна папы будет в большой прибыли...

В это время, заканчивая свои славословия и лживые заверения якобы от государя московского, Иван Фрязин, повернувшись к слугам, державшим подарки, торжественно простер руку и воскликнул:

— Вот дары государя моего для его святейшества!..

Когда слуги послов московских стали подносить подарки папе, кардиналы, придворные и даже послы Венеции, Милана, Флоренции и герцога Феррарского окружили его престол, жадно осматривая каждую вещь.

Первой была развернута шуба на соболях с собольим же воротником и опушкой на широких рукавах, считавшихся короткими, ибо они доходили только до кистей рук, а не спускались пустыми чехлами до самого пола. Крыта шуба была дорогой золотой парчой дивного узора и блеска.

Когда слуги растянули шубу, взявшись за полы, парча заиграла переливами золотых узоров, как вспышками граненых самоцветов.

— La bellezza![1] — воскликнул Сикст, любуясь, дивной парчой, но русские слуги, зная, что главное достоинство шубы в мехе, медленно перевернули ее.

Перед зрителями открылся мех удивительной красоты, подобранный с большим искусством, густой и пышный. Он был так высок и нежен, что невольно хотелось погрузить в него руку, ласкать и гладить его.

Сквозь блестящую, местами серебристо-седую ость[2], приковывая взоры, проглядывал пышный дымчато-бурый подшерсток с синеватым отсветом. При каждом движении меха по нему пробегали волны разных тусклых оттенков.

— Это чудесно!— заговорили все кругом.— Это чудесно.

Его святейшество долго любовался молча, потом вздохнул и молвил:

— E proprïamente magnifico![3]

Такое же почти впечатление произвели и соболиные шкурки, и даже куньи, которые были много лучше самых лучших варяжских шкурок. Резные чарки, чаши и достаканы из золота с эмалью и драгоценными каменьями вызывали всеобщий восторг и красотой работы и своей ценностью.

Папа сам брал многие вещи в руки и, тщательно разглядывая их, с удовлетворением бормотал вполголоса:

— Come sono contento![4]

Последним поднесен был ему в подарок простой серебряный ларец, украшенный чернью[5]. На крышке этого ларца, будто тонким

---

[1] Красота!

[2] *Ость* — длинные блестящие волосы соболиной и всякой другой пушнины.

[3] Это действительно великолепно!

[4] Как я доволен!

[5] *Чернь* — финифть, эмаль черного цвета; вплавляется в поверхность серебряных пластинок.

пером, были начертаны лесистые горы, небо в облаках, а с гор стремительно несся бурный поток; около потока стояла убогая избушка, а возле нее сидел на пне старик отшельник и плел лапоть из лыка. По боковым стенкам ларца были узоры из листьев и сучьев.

Увидев этот ларец, папа слегка вздрогнул и нетерпеливо выхватил его из протянутых к нему рук русского слуги.

— E un ver capolavoro![1] — воскликнул он, разглядывая рисунок.

Папа был поражен искусством неизвестного ему художника. Наконец, он с живостью обернулся к Ивану Фрязину и спросил:

— Русское ли это творение и где на Руси таким искусством занимаются?

— Так, ваше святейшество,— кланяясь, ответил царский посол,— работают серебряники на Руси во многих местах, но наславен своею чернью Ростов Великий, откуда и это творение...

— Кто же этот великий художник?— воскликнул папа.

— В народе на Руси многие так творят, ваше святейшество ответил с улыбкой Фрязин,— но по невежеству своему художники имени своего нигде не обозначают...

— Великий художник,— презрительно взглянув на Фрязина, сказал папа,— не может быть невеждой...

Все рассматривали ларец, без конца его восхваляя.

— Да, да!— радостно соглашался папа и, передавая ларец своему камерарию, заключил:— Поставьте его мне на письменный стол...

После того как слуги разложили подарки перед папским престолом, а послы русские встали в том же самом порядке, как стояли ранее, папа благословил их и произнес ответную речь на обращение к нему посла московского, сказав так:

— Хвалю сына моего духовного Иоанна, царя Белой Руси, и благословляю за то, что он, как добрый христианин, не отвергает Флорентийской унии и не принимает митрополитов от цареградских патриархов, избираемых и утверждаемых турками. Хвалю и благословляю за то, что хочет государь сей сочетаться браком с христианкой, воспитанной в столице апостольской, и за то, что изъявляет он приверженность к первосвятителю римскому, к главе вселенской церкви...

Окинув взглядом разложенные возле своего престола московские подарки, он добавил:

— Благодарю московского государя за драгоценные его дары, которые положил он у святого престола римского. Эта

[1] Это поистине образцовое произведение!

Дружба наша с могучей Москвой весьма важна для христианских государств всего мира. Она необходима особливо теперь, когда мы готовимся к крестовому походу против турок в союзе со славными государствами Неаполем и Венецией, примеру которых, мы надеемся, последуют и другие итальянские государи...

На этом закончилась аудиенция у его святейшества, и послы русские с великими почестями отъехали в отведенную им виллу, где их ожидал торжественный обед, на который должны были приехать и представители папы и представители царевны Зои, и ее братья.

С этого дня начались в Риме торжественные зрелища и богослужения и в связи с крестовым походом и в связи с бракосочетанием царевны Зои с великим князем московским Иваном, так как оба эти события служили единой цели — укреплению власти святого престола над всеми христианскими государями.

Мая двадцать восьмого пригласил папа русских послов на торжественную литургию в базилике св. Петра и на благословение им галер крестоносного войска. Кроме русских, были приглашены и послы итальянских государей, которые только что подписали с папой военный союз против турок...

День этот выдался ясный, сияющий солнцем. Иван Фрязин торопил своих спутников выехать раньше, дабы занять в базилике лучшие места и лучше разглядеть царевну Зою, которая будет вместе с братьями и у обедни и на благословении галер.

Взяв своих стремянных и небольшую стражу, русские послы, разглядывая окрестности, медленно поехали к Ватикану. По обеим сторонам посольства следовал почетный караул конной папской гвардии.

Московские послы были довольны и веселы.

— Яз мыслю,— заговорил боярин Беззубцев,— что вборзе мы восвояси поедем с государевой невестой.

— Пора бы, Ларион Микифорыч,— воскликнул Шубин,— давно пора! Весна у нас на Руси в полном разгаре, да и по семейству скука...

— А мы и тут женок, сколь хочешь сыщем,— смеясь, вмешался Иван Фрязин,— токмо казны не жалей!

— Мне твоего сыска не надобно,— резко ответил Шубин,— собе ищи!

Иван Фрязин не обиделся и, рассмеявшись, только двусмысленно подмигнул Мамыреву, но и у того сочувствия не встретил.

— Гляньте на грозную крепость сию, стены и мост,— переменил разговор Иван Фрязин, указывая на Замок святого ан-

гела[1] — Строил ее император Адриан. Мы поедем после благословения галер к сей крепости, ежели вы не устанете. От Ватикана туда меньше версты, и нам по пути будет...

Подъезжая к базилике св. Петра, послы заметили, что на площади пред входом в церковь толпилось много народу. Спешившись, послы пошли к портику, где были встречены папскими придворными, и проследовали прямо в храм. Здесь им предоставили самые почетные места, откуда можно блыо видеть и все обряды богослужения и скамьи для царевны Зои Палеолог и ее свиты.

Царевна появилась вскоре между колонн, на возвышении, где стояли скамьи с мягкими сиденьями. Она была в пурпуровом платье, с красивой повязкой из крупного жемчуга в виде короны. Ее сопровождали Екатерина, жена Стефана, короля Боснии, бежавшая в Рим от турок, и боснийские придворные знатные сербки: Павла, Елена, Мария и Праксия...

— Царевна-то,— восхищенно воскликнул вполголоса дьяк Мамырев,— баска и лицом и телом!

Послы с жадным любопытством разглядывали невысокую полную девушку, довольно стройную, с небольшой головкой, обрамленной черными густыми волосами, собранными в пышную прическу. Лицо ее было приятно и освещалось большими красивыми глазами восточного типа.

Царевна тоже с большим любопытством смотрела на послов, помещенных против нее на почетном месте среди таких же боковых колонн базилики.

— Глаза у ней острые,— молвил тихо Беззубцев,— злые глаза и лукавые...

Папа Сикст, уже внесенный в храм, сходил с опущенных на пол носилок. Его святейшество был в тиаре[2] и в золотом облачении. Кардиналы почтительно держались за золотую бахрому его пышного одеяния, а брат Зои, царевич Андрей, смиренно взял в руки длинный подол папского облачения и приготовился нести его. В это время к кардиналам подошел церковный служитель с восковыми свечами на серебряном блюде. Раздав кардиналам белые свечи, служитель обернулся к царевичу Андрею и подал ему свечу красного цвета.

Послы видели, как красивое лицо царевича изменилось от обиды и гнева, длинные усы его задергались от волнения. Выпустив из рук подол папского одеяния, он резко отстранил от себя красную свечу.

---

[1] *Замок святого ангела* — бывший мавзолей императора Адриана, в средние века превращен в крепость.

[2] *Тиара* — папская митра (головной убор), имеющая вид тройной золотой короны с крестом на верхушке.

— Пошто и чем царевича изобидели? — спросил у Фрязина боярин Беззубцев, видя, как вдруг и царевна побледнела от гнева.

— Ему дают простую свечу, — ответил неохотно Иван Фрязин, — а он хочет белую, кардиналову, дабы ниже не быть кардиналов...

Послы московские одобрительно кивнули головами, а Мамырев молвил:

— Прав царевич-то. Пошто ему быть ниже кардиналов?

Папа, обеспокоенный замедлением шествия, оглянулся и, поняв в чем дело, подозвал знаком церковного служителя и что-то тихо, но сердито сказал. Царевичу Андрею подали белую свечу, и тот, сразу успокоившись, снова взял в руки подол папского облачения.

Шествие торжественно двинулось к алтарю...

— Не сладко им тут, — сокрушенно прошептал Шубин, — из милости, видать, живут...

Тотчас же по окончании мессы папа, благословив принесенные в базилику св. Петра знамена крестоносцев, отправился за город, к реке Тибру. Здесь, у церкви св. Павла, ожидали его святейшество четыре галеры папского крестоносного флота, стоявшего в гавани Остии, расположенной в низовьях Тибра, недалеко от впадения реки в Тирренское море. Сюда эти галеры, поднявшись вверх против течения, прибыли еще вчера, как им приказал начальник папского флота кардинал Караффа.

Вместе с поездом папы и его свиты двинулись за город все присутствовавшие на папском богослужении в базилике св. Петра и массы народа, присоединявшиеся к священному шествию в каждом квартале.

Часа через два папский поезд, окруженный посольствами с многочисленными свитами и сопровождаемый огромными толпами народа, прибыл под непрестанный звон во всех попутных церквах к храму св. Павла возле самого берега Тибра.

Русские послы еще издали увидели у пристаней четыре большие галеры со свернутыми парусами и опущенными сходнями. Суда празднично пестрели флагами папской области и флагами крестоносного войска. На берегу, перед галерами, выстроился один из лучших конных отрядов крестоносцев. Воины сидели на прекрасных конях, поблескивая боевыми доспехами и оружием. На их дорожных плащах, у правого плеча, были вшиты яркокрасные кресты из шерстяной ткани.

Как только поезд папы Сикста остановился, отряд крестоносцев под звуки военных труб отдал честь его святейшеству оружием. Папа, выйдя из кареты, взошел на носилки и сел на свой переносный престол. Когда он возвысился над головами толпы, крестоносцы вновь приветствовали его трубами и при бара-

баннoм[1] бoе снова отдали честь оружием. Папа торжествено благословил крестоносных воинов. Отделившись от отряда, подъехал к его святейшеству начальник папского флота н командующий сухопутным войском карднпал Караффа в одеяннн крестоносцев, сопровождаемый свитой из знатнейших рыцарей.

Кардиал сделал подробиый доклад о готовности флота отплыть в любое время.

— Ваше святейшество,— закончил он, возвысив торжественно голос,— нам нужно только ваше благословеине, дабы устремиться против неверных, броситься в смертный бой за освобождение святого гроба господня из их рук.

— Да ннспошлет господь-бог вам, вериые сыны святой церкви, победу иад турками!— громко воскликнул папа, благословляя воннов.— Да будет над вами благодать господня ныне н присно и во веки веков!

— Амины Амины!— гулом покатилось по всему берегу Тибра, и снова заиграли боевые трубы крестоносцев.

По сходням застучали копыта коней. Выбирая якоря, матросы загремели цепями. Преступники, прикованные к гребиым скамьям, по звуку трубы подняли длинные тяжелые весла, приготовясь грести. С каждой стороны у галер было по шестнадцатн таких весел — всего трндцать два весла на судне.

Русскне послы с любопытством н удивлением глядели на огромные лодки по тридцати сажен в длину н в трн сажени шириной. Галеры глубоко сиделн в воде, а дно их было сделано клином; по острию его ребром прибиты в один ряд толстые доски...

— Такое же строение, как у карбасов нашнх морских на Двиие н Печоре,— объяснил московским боярам Иван Фрязин.— На каждой галере по пять пищалей больших к настилу приковано. Под иастилом же коней ставят, груз кладут всякий для пропнтания, воду для питья в бочонках.

— Да как же они снми веслами великими да тяжкими грестнто могут?— с недоумением спросил дьяк Мамырев.— Под силу ли сие человеку?

— У них на каждом весле по пять, а то по шесть человек сидит — все враз подымают его н гребут, как едии человек.

— А борзо лн лодка такая ходит?— спросил Беззубцев.

— Верст четырнадцать за час проходит прн тихой погоде,— продолжал разъяснять Иван Фрязнн,— а прн попутиом ветре и боле того. Паруса у них треугольные, латыньскими зовутся; велики зело н сильны.

---

[1] Барабаны крестоносцы завели в своих войсках уже после первых крестовых походов, заимствовав их у восточных народов.

— Сколь же народу плыть иа сем судие может?— опять спросил Мамырев.

— Без коией может человек четыреста и полста, а с коньми — поболе двухсот и полста...

В этот миг все вздрогиули от иеожиданности: грянул пищальиый выстрел с первой галеры, потом со второй, с третьей и с четвертой. Темным облаком заклубился дым, а с окрестных церквей загудел колокольный звои.

Длиииые весла галер, выступая вдоль их бортов ровиой миогозубой гребеикой, иачали мерио опускаться в воду и так же мерио подыматься к бортам. Казалось, удаляющиеся суда мигают огромными ресницами, шлепая ими по воде...

Народ, стоявший иа берегу Тибра, сияв шляпы и береты, запел спутаииым, ио могучим хором торжествеиный гимн:

— Тебя, бога, хвалим.

Русские послы и стража тоже сняли шапки. Происходящее трогало их...

— Живот свой отдавать едут за веру Христову,— взволиованно проговорил Шубин и несколько раз истово перекрестился.

Когда галеры скрылись за крутым берегом при повороте реки, иосилки с папским троиом опустились, и к его святейшеству подъехала закрытая золочеиая карета. Отодвинулись шелковые заиавески, из-за которых выскочил красивый мальчик и стал придерживать их, чтобы папа мог свободно пройти в карету. Это был Ченчо, н лицо его святейшества озарилось ласковой улыбкой.

Русские послы умилились, а дьяк Мамырев спросил:

— Не сын ли его?

Иваи Фрязии, нагло улыбнувшись, развязио ответил:

— Он ему такой же сын, как всякому дочь любая иепотребная девка.

Русские просто остолбеиели от такой вести, а Мамырев растеряиио воскликнул:

— Неужто мужеложство?

— И содомский грех,— смеясь, добавил Фрязии.

Послы русские испуганно закрестились...

— И сей иас благословлял святым имеием господа-бога!— с гневом произиес Беззубцев и сплюнул иа землю.— Вот его благословеиие!..

— Мерзость латыньская!— воскликнул Шубии.— Кощунство имеием божьим...

Июля первого, в день, когда крестоиосный флот папы в составе двадцати четырех галер и флоты его союзииков покидали гавань Остии, отправляясь под общим начальством

кардинала Караффы против турок, было назначено торжественное обручеине цареградской царевны Зои Палеолог с государем московским великим князем Иваном.

Обрученне должно было происходить в базилике св. Петра, в Ватикане, с участием прелатов, в присутствии всего двора его святейшества и почетных гостей. Обряд должен был совершить архиепископ, настоятель базилики.

Послы московские во главе с Иваном Фрязиным выехали раньше всех, чтобы жених, по русскому обычаю, встретил невесту, будучи уже во храме.

День стоял серенький, моросил мелкий, словно осенний, дождичек. Было сыро, а из-за горных хребтов волна за волной нагоняло расплывчатые, клубящиеся, как туман, низкие тучи.

— Ишь непогодка-то!— молвил Беззубцев.— Как в октябре.

— Дожж на свадьбу,— вмешался Шубин,— к счастью, бают...

— Вот те и полуденные земли,— с усмешкой заметил дьяк Мамырев, дабы подразнить нелюбимого им Фрязина.— Ныне самое начало лета. У нас весенние цветы уж отцвели, а по опушкам иван-да-марья зацветает желтым и синим цветом, по лугам кой-где уж поповник белеет! Жара, солнце, а тут?

— Сие похолодание токмо на день-два,— важно заметил Иван Фрязин,— сие — трамонтáна, сиречь полунощный ветер. При нем всегда дожж и холод, ибо со снеговых гор он веет. А то еще есть сирокко, полуденный ветр, при нем духота и жар нестерпимые.

Выехав на площадь, московские послы увидели знакомый уж им портик[1] с колоннами, окружающими площадь, и прямо перед собой — вход в базилику, с лестницей во всю ее ширину из тридцати пяти порфировых[2] ступеней. С одной стороны лестницы была воздвигнута огромная статуя апостола Петра, с другой — апостола Павла...

Здесь послы спешились и, отдав коней своих стремянным, оставшимся на площади со стражей, стали подниматься на паперть, где их встретил ветхий священник, отец Евлампий, говоривший по-русски. Московские послы, кроме Ивана Фрязина, весьма ему обрадовались, особенно Мамырев.

Отец Евлампий, как оказалось, родом серб, был духовником у королевны боснийской Екатерины и отряжен ею в помощь римскому духовенству для встречи послов русских при обручеиии.

Более других обрадовался монаху Шубин, которого особенно занимали вопросы церковные.

— Пошто,— допрашивал он отца Евлампия,— у латынян вход

[1] *Портик* — открытая с одной стороны галерея с колоннами, поддерживающими ее крышу.
[2] Твердый, хорошо полирующийся камень.

во храм с восхода солнца? Пошто попы служат лицом к народу, а спиной к алтарю?

Дряхлый иеромонах объяснил ему, говоря наполовину по-русски, наполовину по-церковнославянски, что в первых веках христианства так строились все церкви, а в алтаре под престолом погребали мощи праведников. Так вот и в этой базилике находятся мощи апостола Петра. К алтарю лицом стоят молящиеся; священники же, служа над гробницей и стоя позади нее, всегда обращены лицом на восток и к молящимся.

Пока шла эта беседа, в храм св. Петра прибыл архиепископ, который должен был обручить царевну, а также стали прибывать кардиналы и другие прелаты разных степеней. Прибыли все придворные чины папы, и среди них летописец римский Джакомо Маффеи, секретарь кардинала Амманáти знаменитый ученый грек Феодор Газа. Все они стояли полукругом пред аналоем, спиной к алтарю. Далее, перед самыми колоннами, поддерживающими свод среднего нефа, встали придворные сановники папы. Тут же, но ближе к амвону, стояли все именитые греки, жившие в Риме, с братьями царевны Зои во главе, родственники их Димитрий Раль-Палеолог, князь Константин, братья Траханиоты и другие. Впереди греков стоял Иван Фрязин, несколько отдалившись от русского посольства. Важный, с гордой осанкой, в богатейшем русском одеянии, он ясно видел, с какой завистью следят за ним жадные глаза итальянцев и греков — его, видимо, считают ближайшим лицом государя московского...

Все, тихо переговариваясь, нетерпеливо ожидали царевну. Но вот архиепископ в полном облачении вышел из алтаря, и в это самое время произошло резкое движение в рядах почетного караула у входа в базилику. Папские гвардейцы расступились, и стоя лицом друг к другу, образовали широкий свободный проход. Вслед за тем, сверкнув оружием, они замерли, отдавая честь. В храм медленно входила царевна Зоя в таком же одеянии, в каком послы московские уже видели ее при первой встрече.

Сопровождали к обручению будущую московскую государыню королевна боснийская и ее соотечественницы, а также самые знатные дамы Рима и Флоренции во главе со знатнейшей из всех — герцогиней Клариссой Медичи-Орсини, объединявшей две самые громкие фамилии Италии.

Иван Фрязин, как полагалось, пошел навстречу невесте, вместе с диаконом. Потом, спровождаемые свитой царевны, они с невестой приблизились к аналою, где преклонили колена пред крестом и получили благословение архиепископа. Начался обряд обручения, и тут русские послы сугубо оценили присутствие среди них отца Евлампия. Сначала Шубин все его допрашивал насчет обряда и возмущался, что делается многое не по-

православному. Когда же настало время обмениваться кольцами, дьяк Мамырев довольно резко остановил Шубина.

— Помолчи-ка малость. Нам для пользы государевой главное примечать надобно,— сказал он и, обратясь к иеромонаху, добавил:— Ты же, отче, потрудись для ради православия нашего: сказывай нам, какие слова они баить будут, когда кольцами меняться почнут. Ведать хочу, не было бы умаления чести государевой...

Иеромонах одобрительно кивнул головой. Когда же царевна Зоя сказала по-латыни, повторяя слова архиепископа:

— Акципиам тэ ин мéум маритум Иоáннум, рэ́гэм Москóвие...

Отец Евлампий перевел:

— Обещаю взять к себе в супруги Иоанна, царя Московии...

Слова же Ивана Фрязина:

— Акципиет тэ ин уксóрем Иоáннус, рэск Москóвие...

Иеромонах перевел:

— Обещает взять тебя в жены Иоанн, царь Московии... Дальнейшее при совершении обряда послов московских занимало меньше, и они следили больше за поведением царевны цареградской, будущей своей государыни. Почему-то боярин Беззубцев, сразу невзлюбивший ее, чувствовал к ней недоверие. Вела она себя совсем по-латински: молилась и крестилась римским обычаем...

— Рымлянка,— невольно сорвалось с его уст впервые то слово, которым потом на Москве называли ее все недовольные новой государыней.

— Истинно так,— согласился дьяк Мамырев,— чужая нам.

— Хитра и зла,— тихо добавил Шубин,— нет у меня веры в нее. Не зря папа-то ее «дщерью своей духовной» зовет...

— Э, православные братья мои,— вздохнув, молвил старец Евлампий,— не судите строго. Тяжко жити в Риме, особливо бедным изгнанникам, которым, яко псам, токмо крохи бросают со святого престола...

На другой день, второго июня, папа дал торжественную аудиенцию обрученной государыне московской в великолепных комнатах новой части Ватиканского дворца, построенной папой Николаем. Будущую государыню на этот раз сопровождали в качестве личной свиты послы московские, братья и все знатные женщины, что были на обручении. На приеме присутствовали все придворные, прелаты и послы союзных итальянских государей.

В Риме от этой аудиенции ждали важных известий относительно заключения союза с государем московским против турок, надеясь на ближайшее его участие в войне с неверными.

Папа открыл прием горячими поздравлениями Зои Палеолог.

— Поздравляем от всего сердца,— сказал ои,— нашу любимую и верную дочь святейшего престола, будущую государыню великой Московии, желаем ей счастья и благословляем ее иа верное служение вере Христовой и за пределами апостольского Рима. Благословляем будущего супруга ее, царя Иоанна, призиающего уиию с римской церковью, призиающего первосвятителя римского главой вселеиской христиаиской церкви. Мы верим, что любимая дочь наша и могущественный супруг ее ие забудут об освобождении гроба господня от рук иечестивых.

Помолчав иемного и выразительио взглянув иа кардинала, заведующего казиой, папа ласково произнес:

— Провожая любимую дочь иашу в далекие земли, мы хотим оказать ей отеческую помощь и выдаем из средств святого престола шесть тысяч дукатов на путевые и прочие расходы. Просим также ее принять и ценные подарки на память о Риме...

Растрогаиная царевиа опустилась иа колени пред папой и со слезами благодарила его за воспитание, заботы и за помощь ей и братьям ее. Иван Фрязин, приблизясь к царевие, тоже преклоиил колена пред папским престолом, как слуга своей государыни. По знаку папы кардинал-казиачей, сопровождаемый слугами с подарками, почтительио подошел к его святейшеству, иеся довольно большой кожаиый мешок с золотыми дукатами.

Папа велел передать мешок с деиьгами поднявшейся с колеи Зое, у которой принял его Иваи Фрязин и отдал боярину Беззубцеву. Тот, когда Иваи Фрязии отошел, шепиул дьяку Мамыреву:

— Пересчитать все надобио и записать в опись, в которую включить и все подарки. Для вериости. Разумеешь?

— Как ие разуметь! Насквозь сего молодца вижу,— ответил также тихо Мамырев.

Вслед за деньгами передали царевие ожерелье алмазиое в ларце резиом, потом серьги и перстни с самоцветами, застежку алмазиую и ожерелье из золотых коваиых цепочек с крестиком прекрасиой работы.

Когда подарки были прииуты, в покоях его святейшества все иапряженно замолкли, ожидая, что скажет, иакоиец, Иваи Фрязин от имеии государя московского о союзе и воеииой помощи.

Поняв, что все ждут его выступлеиия, Иваи Фрязин сиова преклоиил колена перед папой и испросил разрешеиия говорить. Ои сам еще ясио ие представлял, что сказать, ио, вдохиовившись общим вниманием, иеожиданно для всех заговорил о могучем татарском хаие, который будто бы предлагал свою грозиую армию, чтобы иапасть иа турок со стороны Венгрии и разгромить их.

— Я берусь устроить это дело немедлен по возвращении в Москву. Я поеду к великому хану и, преподнеся от его святейшества дорогие подарки, ценою не менее на десять тысяч дукатов, потребую начать войну. Когда же хан откроет военные действия, ему нужно будет ежемесячно платить по десять тысяч дукатов. Таковы условия татар...

Вспомнив в этот миг о затее своей с Тревизаном и желая объединить оба эти дела, Иван Фрязин оживился и заговорил еще более пылко:

— Не смею утаить от вашего святейшества, что подобные условия хан предлагал уже через меня одному итальянскому государству, посол которого обратился ко мне за помощью. Это же я предлагаю и святому престолу. Все это я смогу легко выполнить, ибо царь московский разрешает мне вести эти переговоры...

На этом Иван Фрязин закончил свою речь, чувствуя, что его перестали слушать. Он поклонился его святейшеству и отошел ближе к московскому посольству.

В зале наступила тяжелая тишина и растерянность. Большинство было разочаровано в своих надеждах, некоторые обменивались насмешливыми и злыми улыбками. Папа был взбешен, но прекрасно владел собой, только глядел в упор на Ивана Фрязина. Вдруг губы его зазмеились ехидной улыбкой.

— Мы очень благодарим,— заговорил он ласково,— за предложение услуг со стороны посла государя московского, но мы отклоняем союз с неверными против неверных, мы не хотим брать величайшую святыню мира из нечестивых рук нечестивыми же руками. Мы более верим благочестивому сыну нашему, царю Иоанну, а посему поручаем будущей супруге его и легату нашему, его высокопреосвященству Антонио Бонумбре, лично вести переговоры с государем московским о делах церковных и о помощи против турок...

При этих словах папа сделал знак своему вице-канцлеру, который объявил прием у его святейшества оконченным.

Все стали прощаться с папой и расходиться под тихий гул разговоров, ведущихся, из почтения к его святейшеству, вполголоса. Папа, оглянувшись, увидел возле своего трона статс-секретаря по иностранным делам и знаком подозвал его к себе.

— Каков сей проходимец, а?— молвил он.— Вся его болтовня — сущая ложь, дабы выманить деньги...

— Несомненно, ваше святейшество,— рассмеялся статс-секретарь.

— Такие приемы,— насмешливо улыбаясь, продолжал папа,— годны для обмана дикарей, а не в Риме. Прошу, ваше преосвященство, дайте указания легату нашему Бонумбре, дабы он поставил

в известность государя московского обо всем, что его посол наболтал про татар. Может быть, это и правда, а государь о том не знает. Узнав же, будет благодарен нам, а сие поможет делу легата и царевны. Да пусть он скажет царю и об итальянском государстве, которое своего посла к этому проходимцу Вольпе посылало. Об этом же и нам не лишне будет знать.

После аудиенции у папы будущая государыня московская стала спешно готовиться к отъезду из Рима, где ей и братьям ее приходилось подчас очень тяжело. Теперь она особенно часто вспоминала слова их покровителя, знаменитого соотечественника, кардинала Виссариона.

— Я бегу из Рима с радостью,— говорила она Феодосию Кристóпуло, старому доктору семьи Палеологов,— убегу даже на край света. Помните, как через вас писал нам постоянно его высокопреосвященство кардинал Виссарион? Мы с братьями это наизусть выучили: «Вы сироты, изгнанники, нищие! Но у вас будет все, если будете подражать латынянам; не будете — ничего не получите!».

Старик печально улыбался и утешал:

— Теперь господь помог нам, но не забывайте все же и то, что народ наш говорит: «Всякий береги себя сам».

Но царевна теперь не плакала уже больше, а весело смеялась, и, когда братья из зависти злились, на нее, она самоуверенно отвечала им:

— Стану государыней московской, и вас в Москву вызову.

Получив от царя Иоанна подарки не менее ценные, чем получил сам папа, и видя почет и уважение от посольства московского, она упивалась в мечтах свободой и властью государыни. Придворная жизнь Ватикана научила ее всему.

— О, я сумею все повернуть, как захочу!— вполголоса воскликнула она.— Только были бы нужные люди.

Она брала с собой в первую очередь самых верных и преданных слуг: няньку свою Евлампию, бывшего дядьку царевичей Франциси, домашнего учителя и друга своего отца Христофора Стериади и, конечно, врача Феодосия Кристопуло. Брала своего повара Афиногена, верного из верных, двух старух гречанок — Меланию и Ксантиппу, знавших все яды и лечение от их действия, и горничную Гликерию. Для представительства и тайных политических дел она брала с собой греков: князя Константина, родом из Морен, братьев Траханиотов, Димитрия и Георгия, ездивших сватать ее к московскому государю, и представителя от царевичей — Димитрия Раля из рода Палеологов.

Такое избрала царевна себе тесное и верное окружение.

Остальные люди были от папского престола, но и они все даны ей на помощь. Зоя была спокойна и верила в свою судьбу, в свою молодость и умение пользоваться женским обаянием. Все тайны любви ей были известны по подробным рассказам замужних подруг, а о всех грязных кознях и происках властолюбцев Ватикана, именуемого папским Вавилоном[1], сообщали ей служанки со слов прислуги его святейшества.

В покои царевны вошла ее няня Евлампия и доложила, что привезли дорожные сундуки для одежды и прочих вещей.

— Начни сегодня же вместе с Ксантиппой и Меланией все укладывать, как я приказала. Его святейшество назначил нам через четыре дня выехать всем поездом в Москву. Через час же приедут царские послы, и я поеду с ними прощаться с его святейшеством...

Няня пошла к выходу, но Зоя остановила ее и, громко рассмеявшись, молвила:

— Слушай, что сказал старик доктор: «Всякий, мол, береги себя сам». Нам же, девицам, нужно не беречься, а только самим лучше продать то, что хотят продать без нас другие. Я хочу взять без посредников сама главный барыш...

Няня одобрительно хлопнула в ладоши и воскликнула:

— Хитра девка! Только сумей мужа лаской опутать...

— Сумею!— с самоуверенной улыбкой сказала царевна.— А теперь иди да пришли Гликерию одевать меня...

В ватиканский дворец Зоя приехала в карете, окруженная русской охраной. Послы государя московского в нарядных одеждах ехали впереди ее кареты верхом на татарских конях в богатой сбруе. В приемной дворца, куда Зоя скромно вошла в сопровождении только четырех московских послов, царевну уже поджидали ее именитые спутники —легат и нунций папы, архиепископ Антонио Бонумбре, со своим духовником и свитой из монахов доминиканского ордена, князь Константин и братья Траханиоты.

Отсюда они все двинулись во главе с царевной к галерее с изящными колоннами и по беломраморной лестнице сошли в дворцовый парк. Здесь придворные чины встретили гостей и повели их к огромной многовековой смоковнице, где его святейшество обычно отдыхал в тени деревьев.

Это был прием запросто. Папа в домашнем одеянии сидел в удобном плетеном кресле и читал книгу стихов Данте о молодой любви, обновившей жизнь поэта[2]. В конце этой книги Данте

[1] В христианской литературе Вавилон, столица древнего Вавилонского царства, употребляется как символ разврата, как «мать любодеиц и мерзостей земли».

[2] Название книги — «Vita nuova» («Новая жизнь»).

оплакивает смерть своей Беатриче — первой и последней любви. Он клянется, что не будет говорить о ней до тех пор, пока не создаст нечто достойное ее имени.

Сикст медленно закрыл книгу, а в мыслях его все еще мелькали отрывки взволнованной речи великого поэта: «Я надеюсь сказать о ней, как не было сказано ни об одной женщине, а потом — да сподобит меня бог увидеть ее, блаженную, уже созерцающую его лик».

Папа грустно вздохнул и закрыл глаза. Все мысли как-то вдруг ушли от него, и томик стихов выскользнул из рук к нему на колени: он задремал.

Поспешно подбежавший слуга почтительно коснулся руки его святейшества. Папа вздрогнул и проснулся.

— Ваше святейшество,— быстро заговорил слуга,— сюда идут царевна Зоя с послами и с его преосвященством Антонио Бонумбре...

Папа встретил гостей, подходивших к нему, весьма приветливо. Зоя, как истинная дочь латинской церкви и воспитанница святейшего престола, держалась смиренно и почтительно, но папа и его придворные все же заметили в ней некоторую перемену. В ее внешности и поведении чувствовалась уже будущая государыня московская, начиная с мантии без рукавов из драгоценной золотой парчи с пышной собольей оторочкой (подарок государя Иоанна) и кончая уже усвоенной величавой походкой.

Прощаясь, она снова благодарила его святейшество за свое воспитание и все заботы о ней, но сдержанно и с большим достоинством.

— Обещаю вашему святейшеству,— сказала она в заключение,— что, памятуя о всех благодеяниях святого престола, я и в далекой Москве буду служить на пользу нашей истинной вере...

Папа благословил ее и поцеловал в лоб. Он пожелал ей семейного счастья и милостиво сообщил, что им даны все распоряжения по снабжению ее конями и повозками, что лично ей дарит он одну, наиболее вместительную и прочную закрытую карету из всех, какие у него есть.

Затем в той же краткой беседе он повторил свое пожелание, чтобы невеста государя московского и его легат выехали не позднее чем через три дня, а именно двадцать четвертого июня.

— Сие весьма важно,— сказал он внушительно,— ибо уже в ближайшие месяцы наше крестоносное воинство может начать военные действия...

Папа помолчал и добавил, обращаясь к архиепископу Бонумбре:

— Ваше высокопреосвященство, помнnте все, о чем мы с вамн беседовалн так подробно. Мы ничего не желаем горячее, как видеть нашу вселенскую церковь объединяющей хрнстнан всего мира, а все народы идущими по путн к блаженству. Вот почему мы охотно изыскиваем все средства, прн помощн которых нашн желания могут быть осуществлены...

Папа благословил н отпустил всех.

В день Иоанна-крестителя, нюня двадцать четвертого, множество людей, отслушав праздничную мессу, устремилось к улицам, ведущим от Ватикана к Монте Марко, к северным воротам города, от которых начинается Триумфальная дорога. Все зналн, что по этому путн должна была выехать греческая царевна Зоя Палеолог, невеста могучего государя московского Иоанна.

Огромный поезд более чем нз ста подвод растянулся на несколько кварталов. Трудно было определить чнсло едущих, ибо царевна разрешила многнм итальянскнм н греческим мастерам, завербованным Фрязиным по приказу государя, присоеднннться к ее поезду.

Еслн счнтать всех коней, то вместе с конями московского посольства н его стражи их было более ста пятидесятн.

Русские послы ехали позади кареты царевны, охраняемой уже русской конной стражей. Впереди царевны ехал со своей духовной свитой архиепископ Антонио Бонумбре, а перед ним везли высокий латинский крест.

До выезда нз ворот Рима поезд сопровождала конная папская гвардия, сдерживая шумную н жадно любопытную римскую толпу. Крики приветствий н непрерывный шум оглушали н утомляли русскнх. Особенно шумелн женщины,— их высокие, звонкие голоса трескучимн скороговорками непрерывно наполнялн воздух.

— Ишь ведь как орут, стервы!— закричал Беззубцев, наклоняясь к едущему рядом Шубину.— Крику тут боле, чем у нас на торге пред праздником!

Шубин ничего не расслышал, но, догадавшнсь, о чем речь, только досадливо махнул рукой.

Неожиданно набежали тучкн и заморосил дождь. Настроение в толпе резко нзменилось: итальянцы начали быстро расходиться, заспешилн домой. Шум и крики сразу стали стихать.

— Трамонтáна!— недовольно воскликнул Иван Фрязнн н стал отвязывать от седла свой дорожный мешок.

— Опять с дожжом к жениху едет царевна-то,— сказал дьяк Мамырев, доставая кафтан.— Счастье ей.

— Ей-то счастье,— сурово ответил Беззубцев,— токмо государю-то будет лн от нее счастье?..

Глава 10

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

В тот же год, июня двадцать шестого, когда Зоя Палеолог торжественно въезжала в город Сиену, на Москву прибыли вестники из Перми Великой от воеводы князя Федора Пестрого.

Вестником был Леваш-Некрасов, давно уж знакомый государю, помещик из ближнего Подмосковья.

— Трофим Гаврилыч!— радостно встретил государь вестника, видя по лицу его, что вести добрые.— Сказывай!

Леваш, помолясь, низко поклонился великому князю.

— Да хранит бог тя, государь, на многие лета,— сказал он с чувством и, вновь поклонясь, продолжал:— Князь Федор Давыдыч повестует: «благослови господь тя, государь! По воле твоей пригнали мы на конях в Пермскую землю к устью Черной реки на Фоминой седьмице, в четверток. Оттуда же, коней на плоты поставив, приплыли под градец Анфáловский[1]. Тут сошли с плотов, и погнал яз на конях на Верхнюю землю, к городку Искору, а Гаврилу Нелидова отпустил на Нижнюю землю, на Урос, на Чердынь-реку да на Почку-реку, на пермского князя Михайлу. Сам же яз, когда шел к городку Искору, то от него недалеко встретил рать пéрмичей на реке Колве. И был бой меж нами, побил их яз и поймал воеводу их Качаима. Отсель дале пошел к самому Искору и взял его, а воевод поймал Бурмета да Мичкина, а Зынар сам ко мне по охранной грамоте пришел. Взял и пожег яз еще многие иные градки пермяцкие. Потом с полоном пошел яз на устье Почки-реки, которая в Колву впадает. Тут встретил рать Гаврилы Нелидова с полоном. Срубили мы городок крепкий, Почкой назвав, и силою ратной привели всю ту землю за тобя, государь. Отсюда же шлю тобе с Леваш-Некрасовым из полона нашего князя Михайлу, воевод Бурмета, да Мичкина, да Качаима, и все, что имал у них,— шешнадцать сорков соболей, да шубу соболью, пятнадцать поставов ипского сукна, да три панциря, да шлем, да две сабли булатные».

Вестник поклонился государю и добавил:

— Все сие, государь, во вьюках на дворе у тобя, а князь и воеводы за стражей твоей...

— А что князь Федор далее мыслит деять?— спросил Иван Васильевич.

— Чаю, государь, седмицы через полторы вслед за мной на Москву будет, в городке же Почке застава с Гаврилой Нелидовым оставлена...

---

[1] Древняя русская колония у берега Камы, на торговом пути в Пермь.

— Добре, Гаврилыч, добре все содеяно,— весело молвил великий князь и, обратясь к дворецкому, продолжал:— Ты же, Даиила Костяитиныч, угостье дай вестнику-то, да и князя с воеводами ие забудь. Сыми железы с пленников, помести по достоииству в избе просторной и корм давай добрый, по достоинству, токмо стража пусть будет крепкая...

Того же лета, ближе к Кузьме-Демьяиу, что первого июля праздиуют, слухи пошли: Большая Орда-де опять зашевелилась: царь Ахмат по зову короля польского и киязя литовского Казимира войска свои собирает.

— Есть ли о сем вести от наших дозоров из Дикого Поля?— спросил Иваи Васильевич у дьяка Курицыиа.— Есть ли вести и от Даниара-царевича?

— Нет, государь,— ответил Курицыи,— вестей иастоящих нет, токмо слухи разиые ползут.

Иваи Васильевич задумался, иахмурив брови.

— Бережеиого бог бережет,— тихо молвил ои, иакоиец.— Чаю, Федор Давыдыч, из Перми придя, отдохнул уж. Пусть ои утре же в Коломну гонит, а оттуда с коломичами иа реку Оку идет переправы стеречь. Июля же второго, мыслю, со миогими людьми князя Данилу Холмского и князя Ивана Стригу послать к Берегу, а потом и братию свою тоже к Берегу с полками ихиими отослать. Матерь же свою с кияжичем Иваиом вместе — в Ростов Великий. Сам яз у Коломны буду Москву бороиить...

Хотя государь говорил обо всем спокойио, ио было заметио, что руки его слегка дрожат, а голос стал хриплым. Ои прерывисто вздохиул и, обратясь к дворецкому, добавил:

— Покличь-ка ко мие князя Юрья, он сей часец у государыниматушки. Ты же, Федор Василич, при думе иашей будь тут, и твое слово годно будет.

Иван Васильевич опять замолчал, хмуря брови, и вдруг тихо произиес в раздумье:

— Даниара-то яз при собе оставлю вместе с главным полком. Верней миогих ои...

Государь еще что-то хотел сказать, ио вошел князь Юрий и сразу спросил с тревогой:

— Вести плохие, Иваие?

— Слухи токмо,— ответил Иваи Васильевич,— ио яз не хочу ждать, когда гром гряиет. После-то крестись ие крестись — ие поможет...

Началась долгая и подробиая беседа о военных делах, об обороие Москвы на берегах Оки со стороиы Дикого Поля, через которое испокои веков все ордыиские пути иа Русь

пролегают. Смотрели карты с указанием бродов и переправ на Оке, думали о разных обходах, но точно ничего не знали, ибо от дозоров никаких вестей не было. Слухи же, что было странно, шли не из степей татарских, а из Литвы.

— Полагаю,— сказал великий князь,— замысел ратный есть у Казимира, не зря Кирей Кривой, бежавший от нас, послом от короля в Орду ездил, зло нам уготовал.

— Сие возможно,— живо подхватил дьяк Курицын,— и слух литовский, мыслю, из Новагорода к нам идет...

Иван Васильевич заметил, что на лице брата на миг мелькнула тревога. Это удивило государя, но он ничего не сказал, подумав, что Юрий боится нападения новгородцев..

Прошло тринадцать дней с тех пор, как Иван Васильевич совещался с Курицыным и князем Юрием о возможном набеге Ахмата. За это время полки московские и полки братьев государя под началом князя Юрия Васильевича заняли по всему протяжению Оки те места, которые им были указаны самим государем. Марья Ярославна вместе с внуком своим была уже в Ростове Великом, а об Ахмате все еще не приходило из Поля никаких достоверных вестей. Немало беспокоило великого князя и то, что молчал Хозя́ Ко́кос, через которого он переслал челобитную грамоту крымскому хану. При этой грамоте было личное письмо от государя к Ко́косу с просьбой о том, чтобы он вместе с ханским наместником в Кафе, князем Мамаком, постарались бы склонить Менглы-Гирея скорее заключить союз с Москвой против общих врагов...

Но только сегодня, июля тринадцатого, прибыл на Москву посол из Крыма. Дьяк Курицын поспешил к государю. Сведав через Данилу Константиновича, что великий князь по обычаю пошел в опочивальню свою отдохнуть после обеда, побежал дьяк за ним следом. Не успела еще дверь затвориться за государем, как Курицын подоспел к опочивальне. Иван Васильевич, слыша, что бежит за ним кто-то, приостановился на пороге. Увидев дьяка своего, запыхавшегося, но сияющего радостью, он весело приветствовал его и пригласил к себе.

— Сказывай, Федор Василич,— говорил он неторопливо,— садись поближе ко мне и сказывай!..

— Кокос шурина своего Исупа прислал, тоже евреина. Ночесь пригнал он с купцами кафинскими. Тут на Москве у знакомцев своих на гостьбу стал Исуп-то.

— А сей часец где он?

— У тобя в передней, государь.

— Веди его в трапезную мою, да вели Данилушке угощенье, как для служилых царевичей, изготовить почетное.

Когда Курицын выходил, государь не выдержал и спросил:

— С чем он приехал-то?

— Ханский ярлык привез, грамоту князя Мамака да письма Кокоса...

— Добре, добре,— с веселой усмешкой молвил Иван Васильевич,— ну, иди, и яз вборзе буду в трапезной Прием-то будет тайный.

— Разумею, государь...

Когда великий князь вошел в трапезную, там уж все его ожидали, стоя перед входными дверями. Принимая низкие поклоны, Иван Васильевич, не задерживаясь, подошел к красному углу и сел за стол под образами.

Оглядев присутствующих и увидев дьяка Курицына, дворецкого Данилу, начальника своей стражи Ефима Ефремовича, стремянного Саввушку да несколько наиверных слуг, государь милостиво улыбнулся. Обратясь к Исупу, одетому по-итальянски, как одеваются купцы венецианские, но с пейсами и в ермолке, он приветливо спросил:

— Добре ли дошел?

— Дай бог тобе, государь, жить сотни лет! Милостью божьей дошел добре,— перевел Курицын слова Исупа, сказанные на итальянском языке.

Евреин же после сего поклонился великому князю в землю и, встав, сказал через переводчика:

— Хан Менглы-Гирей жалует тобя в ответ на челобитную твою грамоту. Хочет он иметь с тобой такую дружбу и братство, какие у него есть с Казимиром, королем польским.

Исуп снова поклонился великому князю и, передавая дьяку Курицыну ханский ярлык, молвил:

— Все сие в ярлыке сказано, и есть на нем печать и подпись хана.

— Истинно все так,— подтвердил Курицын, осмотрев ярлык.

— Сия же грамота,— продолжал Исуп, доставая другую грамоту,— от князя Мамака, наместника ханского в Кафе, который, в угоду зятю моему Кокосу, радеет за тобя, государь, пред лицом Менглы-Гирея для ради докончания против ворогов Москвы и Крыма, дабы вороги Москвы были ворогами Бахче-Сарая, а вороги Бахче-Сарая — ворогами Москвы. Токмо сие тайно хранить надобно до времени и от короля, и от хана, и от султана...

Исуп с поклоном передал эту грамоту дьяку Курицыну и продолжал:

— Есть еще у меня в столбцах письма зятя моего, которые писаны по-еврейски. Письма сии велики и долги, а без меня, мыслю, на Москве их прочесть некому. Как же, великий государь, с сим прикажешь?..

— Ты повестуй мне,— милостиво молвил великий князь,— о всем писанном кратко, о сути дела. После же переведи все дьяку моему Курицыну по-фряжски, а он сие запишет по-русски. Более же писем мне по-еврейски пусть Кокос не пишет, а токмо по-фряжски или по-татарски...

Исуп почтительно поклонился и продолжал:

— Кокос молит бога о многих годах жизни твоей и доводит: все, что от сил его, ума и хитрости зависит, все он изделал, дабы склонить хана на вечный братский союз с Москвой. В письмах сих хазрэт Кокос день за днем повестует, как шли у него дела и беседы с князь Мамаком и с самим ханом Менглы-Гиреем. Наиглавно же в сих письмах то, что при всех трудностях дело подвинуто вперед и есть у зятя моего упование благополучно учинить с ханом угодное тобе докончание.

— Пусть так и будет,— сказал великий князь.— Федор Василич, прими письма, уговорись с Исупом о днях и часах, а потом прочтешь мне все, что тут написано. Сей же часец перескажи ему свои слова по-фряжски.

Государь обратил лицо к Исупу и произнес:

— Спасибо тобе за добрые вести. Передай поклон мой Кокосу, скажи ему, что яз буду много его жаловать и казной и многими выгодами торговыми. И тобя пожалую. Без моего жалованья из Москвы не отъедешь...

Через три дня после того как Исуп выехал в Кафу с большими дарами и для зятя своего Кокоса и для князя Мамака, в Москве случилось несчастье. Июля двадцатого, на Ильюпророка, что грозы держит, загорелось в третьем часу ночи на посаде, у церкви Воскресения — на рву, и горело всю ночь и на другой день до обеда. Множество дворов погорело, церквей одних более двадцати пяти сгорело. Огонь пошел по берегу до церкви Воздвижения, что на Востром конце, и по Васильевскому лугу да по Кулишку. Вверх же от церкви Воскресения огонь пылал вдоль всего рва, а оттуда через Димитровскую улицу опять до Кулишки дошел...

Звон набатный всю Москву пробудил. Буря поднялась великая: метало пламя по воздуху за восемь дворов, а с церквей и хором верхи срывало. Посад же весь криком гудел, ибо горели многие живьем — и люди, и кони, и коровы, и овцы.

Горожане московские облепили все башни и стены кремлевские, а зарево так было сильно, что, будто днем, их всех видно, будто у костра стоят великого и страшного. Не только на стенах слепит и жаром палит, но и внутри града истомно. Хоть ветер и тянул от Москвы, а не на Москву, все же многие кровли деревянные

или соломенные тлели и во граде, а в иных местах даже пламенем полыхали...

Иван Васильевич, как и на всех пожарах, со стражей своей и со многими детьми боярскими скакал по всему граду, поспевая ко всем местам, где занимался огонь, гасил водой, а где залить нельзя уж было, разметывал мелкие постройки целиком или срывал затлевшие кровли с хором и с церквей деревянных.

Только с рассветом буря стихать стала, но спать никто не ложился: жар столь еще силен был, что огонь таился повсюду и каждый миг грозил разгореться. Лишь к обеду пожарище потухать стало, и курилось все только горьким дымом, ибо на посаде и гореть-то почти уж нечему было.

Государь, усталый, измазанный сажей, в закопченной и рваной одежде, возвращался в свои хоромы вместе с любимым своим стремянным. Но борьба с огнем все еще волновала великого князя, лицо его светилось радостью.

— Все ж Кремль отстояли, Саввушка!— весело крикнул он стремянному.

— Истинно, государь,— подтвердил тот, но грустно добавил:— Токмо народу-то сколь погорело, да скота, да именья всякого...

Тень на миг набежала на лицо государя, но, бодро тряхнув головой, он молвил:

— При пожарах, как и в бою, без того не бывает. Огнем и мечом нас за грехи господь наказывает.

Снова, как уж много раз то бывало, стучат вокруг Москвы топоры, снова рубят хоромы, избы и церковки деревянные в посаде за Москвой-рекой. Гонят по воде плоты из бревен к посадскому берегу. Лодки с кирпичом для печей, слюдой, гвоздями и свинцовыми переплетами к оконным рамам церквей и хором переплывают от московского берега в разные концы посадские. Перевозят товар и на телегах. Приплыло, приехало и пришло сюда множество плотников, печников и всяких других умельцев строительного дела.

Шум и гам с утра до ночи на строительстве, и тут же торговля бойкая съестными припасами: хлебом, пирогами, мясом, рыбой, маслом, овощами, молоком, крупами и прочим. Наскоро кругом выросли балаганы с напитками: медом, сбитнем, квасом пивом, брагой, бузой и водкой.

Слушая отдаленный гул, стук, грохот и шум строительства и крики с базара, Иван Васильевич сидел в своем покое у открытого окна и беседовал с дьяком Курицыным в ожидании раннего завтрака.

— Сколько мы ни строй,— молвил великий князь с досадой,— токмо новые костры готовим.

— Придет время, государь,— возразил Курицын,— исполнится хотение твое: из камня да из кирпича все будет...

Громкий конский топот заглушил слова дьяка: три конника во главе с начальником караула от ворот княжого двора во весь опор подскакали к черному крыльцу государевых хором.

— Вестник!— молвил взволнованно великий князь, выглянув из окна.— Федор Василич, вели Даниле Костянтинычу вестника сюда звать.

Дверь отворилась без стука. Из-за нее выглянул дворецкий.

— Прости, государь,— молвил он,— вестник тут спешно от князя Ивана Стриги. Пущать к тобе?

Государь утвердительно кивнул головой. Данила Константинович, войдя в покой, пропустил вперед за собой вестника и начальника караула при княжих воротах.

Едва вестник успел помолиться и поздороваться с государем, как великий князь резко спросил:

— Где князь Иван?

— У бродов, государь, меж Коломной и Каширой...

— А князь Холмский?

— У брега же, государь, за Каширой, ближе к Серпухову...

— Ну, сказывай, как князь Иван повестует?

— «От дозоров степных, государь, из-за Оки весть пришла июля двадцать девятого: царь Ахмат ордынский по Литве шел тайно без дорог с проводниками. Ночесь же с литовского рубежа к реке Оке пришел. Куды же оттоле идет, неведомо. Бают, ведет Ахмат с собой и твоего посла, боярина Волнина, Григорья Иваныча...»

Иван Васильевич многозначительно поглядел на дьяка Курицына и молвил:

— Недаром Казимир-то послом Кирея посылал в Орду, а тот Ахматова посла с собой привез.

— Разумею, государь,— сказал Курицын,— грозно испытует господь нас...

Иван Васильевич промолчал и, подавив охватившее его волнение, сказал вестнику:

— Благодари от меня князя Ивана за службу, да пусть лазутчиков шлет, дабы вызнать, куды хан-то пойдет и нет ли с татарами Казимировых полков и прочее. Впрочем, князь Стрига и сам сметит, что мне надобно. Иди отдыхай. Данила Костянтиныч угостит тя.

Когда все вышли, великий князь подошел к дьяку Курицыну, положил ему руки на плечи и сказал:

— Верно слово твое: испытует господь нас. Сие куда грознее московских пожаров. Ныне вся Русь в огневом кольце: Орда,

Казимир, Казань, Новгород, удельные и прочие вороги! Сама земля горит у нас под ногами...

Государь отошел к открытому окну и, некоторое время думая о трудных делах, смотрел невидящим взглядом на окрестности Кремля.

— Прикажи-ка, Федор Василич,— молвил он глухо,— Ефим Ефремычу: готовым быть сей же часец со всей конной стражей к отъезду со мной в Коломну. Пусть и запасных коней ведет с собой. Да вели попам обедню петь. Яз же, одевшись по-ратному, сей же часец приду, а от обедни прямо в поход...

Когда великий князь на полпути к Коломне обедал в селе Броннице, которое досталось князю Юрию по духовной бабки Софьи Витовтовны, прибыл к нему вестник от любимого брата.

Великий князь принял его немедля, во время трапезы. Вошел боярский сын Тит Семеныч Курылев, сотник из полка князя Юрия мужик лет тридцати, сухой, жилистый, черноволосый, с короткой, но густой бородой.

Помолясь, поклонился он Ивану Васильевичу и молвил:

— Будь здрав, государь, на многие лета. Князь Юрий Василич так повестовать повелел...

Тит Семеныч откашлялся зычно и продолжал:

— «Дай бог здравья и сил тобе, государь и брат мой! Дозоры заокские и лазутчики наши разведали про царя Ахмата. Шел он на Русь путями окольными через Литву, вдоль рубежей наших всей ордой. Оставя там кибитки цариц своих со слугами и обозами, а с ними всех старых, больных и малолетних, вышел нежданно-негаданно к Оке у Алексина. По нашей вине застава была в Алексине малая, и не токмо пищалей, но самострелов у ней не было. Еле успел воевода наш Семен Василич Беклемишев из градка сего с заставой выбежать и на лодках на левый брег переплыть. Татары бросились за ними вплавь на конях. Наши же, выскочив на берег раньше поганых и кроясь за лодками, зачали из луков бить татар стрелами. К сему времени подоспел по божией милости Василий Удалой, князь верейский с конниками. Хошь отряд-то у него невелик был, все же князь Василий так все нарядил борзо, что более трех часов не давал ни единому татарину на наш берег выйти. Лазутчики наши баили, что ждать тут должен был Ахмат короля Казимира, но, видя нашу неготовность, хан решил реку переплыть, дабы врасплох главные силы наши обойти. Князь же Холмский, который по приказу твоему уж от Серпухова к Тарусе шел, о сем от гонцов князя верейского сведал и приказал своим конным полкам гнать к переправе. Погнал туда же по указу моему с Козлова брода брат наш Борис со всем

двором своим. В сие же время конники князя Василья уже все стрелы свои расстреляли, и воеводы бежать помышляли. Все сие от гонцов яз сведал, нарядив по твоему обычаю одного за другим отсылать их по всем полкам. Мыслю еще более укрепить своих против татар. Видя такое упорство поганых, еще более сам уразумел яз, что хан Ахмат здесь учинит переправу. А по сему немедля отослал против татар воеводу Челядина Петра Федорыча с твоим Большим полком...»

Оборвался тут голос Тита Семеновича от волнения, и он вдруг замолчал. Великий князь застыл в неподвижном спокойствии, но руки его заметно дрожали...

— Да сказывай далее!— внезапно вскричал он хриплым голосом.

Курылев вздрогнул от неожиданности и, волнуясь, продолжал:

— Сие, государь, сам я уже видел. Ведомо тобе, вельми глубока Ока-то у Алексина. Не смогли татары переплыть ее с боем, хошь была у них там сила великая. Не успели поганые ништо с переправой содеять, со злобой лютой набросились на Алексин, желая его приступом взять...

Тит Семенович опять смолк от волнения, но, оправившись, продолжал:

— Алексинцы же, токмо ножи, топоры да копья имея, многое множество поганых избили, и тогда Ахмат в ярости повелел зажечь град со всех концов. Глядели мы с великой горестью и плачем, ибо алексинцам ничем помочь не могли. Видели мы, как мужи и отроки гибли в сече ратной, живыми не даваясь: слушали, как жены и дети, в огне погибая, вопили истошно и страшно. Тех же, которые, не стерпев огненных мук, выбегали из града, как безумные, татары в полон имали...

Вестник замолчал. Молчал и великий князь, но вскоре спросил:

— А полков Казимировых возле Алексина нет?

— Не было, государь.

Иван Васильевич усмехнулся. Подтверждался слух, еще в Москве до него дошедший, что король снова начал войну с练 уграми. И вновь набежала тень на лицо Ивана Васильевича.

— Скажи мне, Семеныч,— с тревогой спросил он,— здрав ли брат мой Юрий Васильич?

— Здрав князь-то,— спокойно ответил Курылев,— токмо кашель его томит. Такой гулкий кашель, как бы из бочки пустой...

— Боюсь, не сухотная ли болесть у него,— грустно произнес Иван Васильевич и добавил, крестясь:— как была у государя покойного, царство ему небесное!..

Подумав немного, государь обратился к своему стремянному, стоявшему возле него:

— Угости-ка, Саввушка, вестника, накорми, пусть с часок

поспит. От нас же пошли своего гонца вместе с Титом Семенычем к брату Юрьюшке. Да прикажи, дабы давали везде им сменных коней без задержки. Ты же, Семеныч, брату моему передай: «Милый мой Юрьюшка, спасибо тобе за службу добрую. Все право тобой содеяно. Токмо борони здоровье свое. Ратная же сила сложена у нас добре́, а наиглавное — добре́ вестниками связана и может она везде, где надобно, борзо пред врагом в нужное время лицом стать. Шли же мне вестников чаще. Вызнай, куда Ахмат идти хочет, да пошли лазутчиков. Татары же наши пусть обоз и цариц ханских так явно ищут, дабы Ахмат узнал о сем и за обоз свой имел страх. Будь здрав и храни тя бог...»

Великий князь верил воеводам своим и служилым царевичам более, чем удельным князьям. Из братьев же был ему близок лишь один князь Юрий, которого звал он «Юрьюшка — десница моя». Сказалось это отношение к людям и на размещении войск вдоль берега Оки. Двойной был учет у великого князя: первое — так силы расставить, дабы татарам все дороги на Москву закрыть и посылать в нужное время подкрепления к опасному месту, а другое — дабы не дать врагам окружить свою ставку великокняжескую. Посему сам он с большими силами из лучших полков стал в городке Рославле на Оке, возле устья реки Осётр, между Каширой и Коломной. В Коломну же поставил царевича Даниара с его татарами и воеводу князя Федора Давыдовича Пестрого, князя Андрея большого соединил в Серпухове с царевичем Муртозой, сыном Мустафы, царя казанского, а из воевод там же поставил князя Ивана Стригу-Оболенского и князя Данилу Димитриевича Холмского.

Всеми же силами ратными правил князь Юрий, «десница государева», по приказам только самого великого князя.

И Ахмат, ведя об этом через своих лазутчиков и доброхотов, понимал, что ни силой на Москву ему не пробиться, ни тайно какой-либо хитростью в обход пройти нельзя. На Казимирову помощь надежды у Ахмата уже не стало, ибо самому королю в борьбе с уграми впору подмоги просить. Более же всего боялся Ахмат, как бы обоз его не нашли царевичи татарские, жен, детей и богатство его не захватили, да и в улусах его, в юрте Батыевом, не все было спокойно.

Как всегда, неудачи поколебали дух татарских воинов и воевод, привыкших все брать смаху, с набега или силой ломить в лоб врагу и бить его, если побежит, не выдержав первого удара. Теперь же, находясь под угрозой русских сил и терпя неудачи, степняки стали роптать, боясь приближения осени, боясь бескормицы для коней в степях, где за лето травы выжжены солнцем, а путь татарского войска к зимовкам — не ближний свет.

Начались в войске татарском смуты и волнения. Не хватал продовольствия. Начался падеж коней от бескормицы, а достать продовольствия негде было: пробовали было татары грабить порубежные русско-литовские земли, но там встречали их стрелами да копьями, а в иных местах отгоняли налетчиков просто топорами да косами, да и сами жители литовских и русских деревень, боясь налетов татар, дальше и дальше уходили от рубежей вглубь своих земель...

Русские же силы тем временем все теснее подходят и подходят к берегам Оки, будто петлей охватывают войско татарское. Начали начальники ханского войска к отступлению втайне готовиться. По ночам с середины августа стали татары незаметно в Поле уходить небольшими отрядами, а потом уж и скрывать этого не стали. В последнюю же ночь весь стан всполошился, узнав, что хан со своими полками и уланами перешел литовский рубеж. Все рванулось следом за ним, словно лед по реке сразу понесло. Страх охватил татар, побежали они и мчались назад вдоль литовской границы, убивая, грабя, сжигая все на пути своем, превращаясь из войска в дикую орду разбойников.

Узнав о бегстве врага, великий князь приказал воеводам собирать добровольцев, чтобы пошли они татарам вслед для захвата отставших и для набегов, чтобы христианский полон у врага отбивать, и обещал за это награды. Затем собрал государь вокруг ставки своей всех братьев, князей, воевод и всех воинов своих. Свершил молебны многие по всем полкам за освобождение от мусульман безбожных и благодарил ратных людей за труды их от лица Руси православной. Потом распустил всех князей и воевод с полками их по домам. Сам же Иван Васильевич с верным своим Даниаром возвратился в Коломну.

Здесь, с глазу на глаз, о многом они говорили за трапезой, а прислуживал им только Саввушка. Когда о Новгороде и о Казимире беседа зашла, царевич Даниар заволновался.

— Ведомо нам точно от дозоров и лазутчиков наших,— заговорил он вполголоса,— Казимир и Ахмат две нитки, а в един узел вяжут их в Новомгороде.

— Истинно так,— подтвердил Иван Васильевич.

Царевич опять заволновался.

— Прости мя, государь, а мыслю яз, что господа новгородская вяжет в сей же узел и братию твою...

Великий князь нахмурил брови и насторожился, а Даниар оборвал свою речь. Заметив это, государь усмехнулся и, метнув на царевича ласковый взгляд, твердо вымолвил:

— Спасибо тобе за верность,— сказал он тихо,— о многом яз ведаю, токмо удельным плетью обуха не перешибить.

Желая пресечь разговор этот, он спросил о Менглы-Гирее:

— Как в Крыму-то?

— Менглы-Гирей мечется: не знает, кого султан из двух изберет в подручные свои: его аль Ахмата. Такие слухи по степи идут. Менглы-Гирей и Ахмата боится и султана.

— А из нас за кого он,— спросил великий князь,— за Москву аль за Казимира?

— Тобя более боится,— ответил Данияр,— значит, за тобя. И надежда у него есть, что, Ахмата побив, ты и Казимира почнешь бить.

Царевич помолчал и продолжал:

— Токмо ты, государь, султана держись более...

— Аз и сам о сем давно думу думаю. Спасибо тобе...

О многом еще говорил великий князь с царевичем дружелюбно и милостиво, а потом, дары ему дав многие, отпустил с лаской восвояси.

В этот же день государь и сам отъехал с полками своими к Москве и августа двадцать третьего, в воскресенье, въехал в стольный град свой, где встречен был всем народом, ликующим и радостным.

В Кремле же, у Архангельского собора, встретил великого князя митрополит Филипп со всем духовенством, и отпели попы молебны благодарственные всенародно за победу великую при малой крови...

Но все это не волновало и не радовало великого князя, как прежде. Думы съедали ему сердце и душу. Беседа с Данияром не выходила из головы, и видел он впереди одни трудности.

— Победа же сия,— произнес он вполголоса,— токмо передышка на миг единый...

Ему захотелось поскорее увидеться с Курицыным и, как только принял он благословение владыки Филиппа, поскакал в хоромы свои, повелев Саввушке позвать к нему Федора Васильевича.

В хоромах Данила Константинович сообщил Ивану Васильевичу тревожную весть из Ростова Великого.

— Государыня Марья Ярославна занемогла сильно. Хочет всех сыновей видеть...

— Давно ль сие?— спросил Иван Васильевич.

— Она и в Ростов-то ехала, больна была, а вот разболелась совсем...

— А Ванюшенька?

— Здрав он, государь,— быстро ответил дворецкий.— Слава богу.

Вошел дьяк Курицын и, поклонясь, молвил:

— Будь здрав, государь. Дошел по приказу твоему.

— Садись, садись, Федор Василич, садись. О многом сказать тобе надобно. Из Крыма новых вестей нет?

— Нет, государь.

— Пока непрочен Менглы-Гирей,— начал великий князь и, передав думному дьяку своему весь разговор с царевичем Данияром, закончил:— Видишь вот, Федор Васильевич, победа наша над Ахматом — это токмо передышка...

— Истинно, государь,— подтвердил дьяк,— запомнил яз слова твои: «В огневом кольце мы».

— Посему два дела тобе даю, Федор Василич,— продолжал великий князь.— Первое, передышку с Ахматом, елико возможно, продлить. С ним нынче легче мир заключить. Изберн-ка посла к нему, который и хану угодить может и нам выгоды все добыть...

— Яз, государь, Никифора Федорыча Басёнкова, племянника воеводы, пошлю. По-татарски он, как по-русски, говорит, знает жизнь татар и все их обычаи и сумеет, где нужно, и бакшиш и рушвет дать, а где и нужное ласковое слово молвить...

— Добре, посылай Басёнкова,— продолжал великий князь,— да и Кокоса с Мамаком из рук не выпущай и насчет даров не скупись, токмо обо всем доводи до меня. Сам же яз удельных крепче в кулак зажму. Есть у меня вера, что поможет мне в сем и матушка, хошь и не разумеет всех дел моих. Мыслю яз, не допустит она братьев моих до воровства с ворогами нашими против Руси православной. Мы же тем временем вместе с Юрьем еще более научим войско нашей долгой войной воевать с расчетом. Новгородскую же господу, как гадину, всю передавим...

Великий государь остановился, увидя на лице дьяка тревогу и растерянность.

— Прости, государь,— заговорил дьяк в ответ на вопросительный взгляд Ивана Васильевича,— прости, не упредил тя, что князь Юрий Василич в постелю слег, кровь у него горлом пошла...

Иван Васильевич побледнел и глубоко передохнул.

— Саввушка,— глухо позвал он и приказал:— коня мне, поедем с тобой сей часец к князю Юрью Василичу...

Князь Юрий лежал в своей опочивальне на широкой постели у открытого окна. Лицо его, выделяясь на белой наволочке высокой подушки, казалось прозрачным и восковым. Рот был закрыт ручником, на котором алела свежая кровь.

В опочивальне был духовник Юрия и ближние его бояры, а также стремянный князя и две старушки, ходившие за больным. Печальней всех был сотник из полка князя Юрия, который вестником приезжал к государю в Бронницу.

Все встали и низко поклонились великому князю, а Юрий улыбнулся, и лицо его оживилось.

— Здравствуй, Иване,— сказал он.

Иван Васильевич перекрестился на образа и подошел к брату.

— Здравствуй, Юрьюшка,— сказал он, волнуясь, и хотел было поцеловать брата в уста, но, увидя кровь на них, поцеловал в обе щеки.

Две крупные слезы выкатились из сияющих золотистых глаз Юрия. Иван сел у постели брата и ласково сжал его руку. Говорить было не о чем: всё всем было ясно, и лучше всех понимал это сам Юрий.

— Иване,— сказал он с трудом,— поедешь к матери, поклонись ей до земли и прими за меня благословение ее...

Юрий помолчал и продолжал с волнением:

— Чем грешен против тобя, Иване, прости, господь все рассудит. Есть у меня духовная на мелочи всякие сестре и братьям. Главное же — за государство: вотчину и проче...

Запотел Юрий от усталости, и волосы прилипли ко лбу, глаза томно закрылись.

Великий князь тихо поднялся, но Юрий услышал и открыл глаза.

— Прощай, Иване, благослови тя бог в делах твоих.

Он привлек к себе руку государя и поцеловал ее, оставив на ней алое пятно. Схватив ручник, закрыл он им лицо свое и заплакал.

Иван Васильевич склонился к нему и, целуя лоб и руки его, повторял жалобно, хриплым голосом:

— Прощай, славная десница моя, брате мой любимый...

Потом, овладев собой, выпрямился, постоял молча и, низко поклонясь брату, сказал:

— Прощай...

— Навеки прощай, Иване,— глухо произнес Юрий, провожая взглядом уходящего брата,— ни в чем не суди мя, Иване...

Княгиня великая Марья Ярославна еще болела, но уже вставала, а иногда и сидела на постели своей. Все младшие три сына — Борис и два Андрея были уже в Ростове, когда приехал туда и старший. Великий князь застал братьев около матери.

Помолясь, он спросил ее о здоровье и, приняв благословение, поцеловал ей руку, а потом и в уста.

Помолчав, он стал снова пред ней на колени и молвил:

— Молил мя Юрьюшка благословения твоего, дабы благословила его в лице моем, тяжко болен он...

Заплакала Марья Ярославна, охватила за шею Ивана и, крестя потом частым крестом, заговорила с рыданьями:

— Благословляю Юрьюшку моего именем божьим, всей любовью своей. Прости, господи, все грехи его, помоги ему, господи! Спаси, господи, роженое мое дитятко...

Получив благословение для Юрия заочное, поднялся с колен Иван Васильевич и заметил, что братья в стороне держатся. Понял он, что у них уже был разговор с матерью о завещании Юрия на случай смерти его.

В это время вошел дворецкий старой государыни спросить, куда обед подавать: в трапезную или в опочивальню.

Марья Ярославна, чувствуя себя лучше, приказала:

— В трапезной будем обедать...

Иван Васильевич, не видя сына, не вытерпел и спросил:

— Матушка, а где же Ванюшенька мой?

— Со стремянным своим, с Никифором Растопчиным, по полям на конях скачут, к обеду будут...

Дверь в этот миг шумно отворилась, и Ванюшенька, румяный, оживленный вбежал в опочивальню.

— Прости меня, бабунька, далеко мы заехали,— заговорил он, но, увидев отца, кинулся ему на шею, радостно выкрикивая:— Тату мой, тату!..

За трапезой много раз беседа братьев грозила перейти в ссору, изобилуя намеками и острыми словами, но присутствие умной и всеми сыновьями любимой и чтимой матери не допускало этого. Марья Ярославна умела вовремя найти строгое или ласковое слово, и братья сдерживались, не смея враждовать открыто.

Одно время младшие братья дошли до такого раздражения, что вот-вот могли оскорбить великого князя, несмотря на то, что старший брат был весьма сдержан. Государыня гордо и величаво поднялась со скамьи своей и, зная, что вражда меж братьями идет из-за владения вотчиной князя Юрия, сурово крикнула на младших:

— Что вы, яко враны хищные, над живым братом раскаркались! Князь великий ништо еще о сем не сказывал, а у Юрья духовная есть. Стыд и срам мне от таких речей. Яз матерь вам и великая княгиня и такого невежества не допущу пред лицом своим...

Великий князь, тоже встав из-за стола, подошел к матери с лаской.

— Прости нас, матушка,— сказал он,— яз не мыслю, дабы кто из нас забыл почет к матери своей, и первый прощенья у тобя прошу, ежели чем согрубил...

— Нет, Иване, токмо не ты!— воскликнула Марья Ярославна, протянув руки к великому князю.

Иван почтительно поцеловал руку матери и молвил тихо:

— Рад сему, матушка, что веришь мне. Мыслю, и братья ничем изобидеть тобя не хотели...

В это время вошел поспешно в трапезную дворецкий государыни и доложил:

— Вестник к великому князю с Москвы от владыки Филиппа. Где, государь, принимать будешь?

Иван Васильевич, обернувшись к матери и догадываясь, о чем весть, тихо сказал:

— Где прикажешь, матушка, там и приму вестника.

— Зови сюды,— дрожа и бледнея с трудом выговорила Марья Ярославна.

По зову дворецкого тотчас же вошел молодой послушник в запыленной одежде и с почерневшим от пыли лицом. Помолившись и отдав по-монастырски поклон, он торопливо заговорил:

— Преосвященный наш, владыка Филипп, повестует: «Великий государь, сын мой духовный, со скорбью великой уведомляю тя: божией волей днесь, сентября в двенадцатый день, в субботу, в десятый час дни преставился на Москве благоверный и христолюбивый князь Юрий Василич...»

При этих словах великая княгиня беспомощно опустилась на скамью и, пав головой иа стол, зарыдала, не подавая голоса, и только вздрагивая плечами.

— «Прошу тя, государь,— продолжал вестник,— извести мя, как повелишь: хоронити ли без тобя новопреставленного брата твоего или тобя ожидати? Благословляю тя, молитвенник твой, смиренный раб божий Филипп».

Среди иаступившего тягостного молчания Иван Васильевич, видя, что мать потеряла сознание, приказал вестнику:

— Повестуй владыке: «Отче святый и молитвенник мой, без меня и братьев моих не хорони князя Юрья. Взявши же тело его, положи во гроб каменный с почетом великим и поставь его среди церкви Михаила-архангела. Яз же к погребению с братией вборзе на Москве буду...»

Потом, обратясь к дворецкому, добавил:

— Угости вестника, пусть отдохнет, а после дай грамотку ко всем заставам: гонит-де он по приказу великого князя и давали бы ему коней сменных без замедленья...

Глава 11

ЦАРЕВНА ЦАРЕГРАДСКАЯ

Покииув Рим, караван царевны Зои шумным, блестящим и богатым табором пересек Италию, проходя города Витербо,

Сиену, Флоренцию, Болонью и Вигенау. Везде царевне устраивали торжественные встречи и празднества, как «наследнице кесарей», духовной дочери святого престола и невесте могучего государя московского. Особенно сильное впечатление производили на итальянцев богатейшие русские одежды царевны, отороченные мехом, осыпанные самоцветами, жемчугом и шитые золотом, а также вооружение воинов и кони их. Стража и папский легат, ехавший в полном облачении вслед за большим распятием, придавали каравану, несмотря на его шум и блеск, некоторую строгость.

Особенно пышная встреча была оказана царевне на родине Ивана Фрязина, в городе Виченце, принадлежавшем Венецианскому государству. Празднества здесь продолжались несколько дней, сопровождаемые торжественными шествиями молодежи, изображавшей в живых картинах разгром турок и возрождение византийской империи.

Во всех итальянских городах царевна Зоя вела себя, как преданная святому престолу католичка, а в Болонье даже отслушала мессу у могилы св. Доминика, основателя знаменитого ордена проповедников и инквизиторов...

Слухи об этом приходили в Москву через итальянских и немецких купцов, опережавших медленное и торжественное шествие каравана царевны, проследовавшего потом через Аугсбург на Нюрнберг, а потом в Любек, дабы плыть отсюда морем. Прибыв в этот город сентября первого, караван царевны задержался здесь из-за множества людей более восьми дней. Только сентября десятого удалось им подрядить немецкий корабль, отплывающий в Колывань.

Все вести эти докладывал великому князю дьяк Курицын, собирая их и в Москве, и во Пскове, и в Новгороде от разных чужеземных людей в разное время.

— Ныне, государь,— говорил он,— чужеземцев-то у нас вельми много стало.

— Вборзе их еще боле будет,— усмехнувшись, молвил великий князь и задумался.

Дьяк Курицын молчал, не осмеливаясь нарушать дум государя.

— Вижу ясно,— заговорил Иван Васильевич медленно, будто сам с собой,— как ползет от Рыма к Москве караван сей, змеей нарядной извиваясь, и ведаю, пошто он ползет. Не удалось латыньству через собор нас к унии принудить, через постель сие учинить хотят. Токмо не накинуть папе аркана на Русь. Татары в рабство ее мечом и огнем обратили, рабство сие мы зачинаем ныне свергать. Они же блазнят собя крестом латыньским нас под новое иго поставить.

Великий князь смолк, но вдруг, гневно топнув ногой, громко воскликнул:

— Токмо не быть сему, ни вовек!..

Курицын с некоторым недоумением посмотрел на Ивана Васильевича н нерешительно спросил:

— Пошто ж, государь, ежели так ты мыслишь, путь латыньству на Русь пролагаешь?

Государь усмехнулся:

— Но то сей путь пролагаю, дабы сама Русь по нему ходить могла, когда и куда ей надобно будет.

К середине сентября великая княгиня Марья Ярославна совсем от болезни оправилась н вернулась в Москву из Ростова Великого.

К этому же времени былн в Москве н все братья Ивана, н снова начались семейные совещания н разборы духовной князя Юрия Васильевича. На всех советах присутствовала княгиня Марья Ярославна и духовник ее, престарелый отец Александр, читавший и разбиравший духовную грамоту.

После долгих чтений и разборов духовной из нее прежде всего можно было узнать, что князь Юрий просит мать и брата своего, Ивана Васильевича, выкупить у заимодавцев Владимира Григорьева и Андрея Шихова золотые и серебряные вещи, а также постав сукна ипского, под которые было им взято взаймы четыреста десять рублей с полтиной, и обратить это имущество на помин его душн в церквах.

Далее, в духовной указано было, что золотое монисто, благословение Юрию бабки его, Софьи Витовтовны, он отдает сестре своей Анне, великой княгине рязанской, все же одежды свои и меха оставляет он матери своей, великой княгине Марье Ярославне: хочет она — себе возьмет, хочет — на помин души его раздаст...

Что же касается удела, полученного от отца и состоявшего из градов: Димитрова, Можайска, Серпухова, Медыни, Хотуни, из сел московских и из сел, завещанных бабкой, Софьей Витовтовной, то об этом князь Юрий совсем умолчал, как и о второй трети[1] «володимирской», которую должен он был на Москве делить пополам с Андреем большим и «держать по годам»...

---

[1] *«Треть»*— третья часть. Иван Калнта, разделнв Москву на трн неравные части, завещал каждому из трех сыновей право владеть одной третью, нз которых самая крупная часть отдана была старшему («старейший путь»), будущему великому князю. В дальнейшем треть старшего сына не делилась, даже увелнчнвалась за счет выморочных уделов, а трети младшнх дробнлнсь прн большом количестве сыновей на полтрети, на треть трети н т. д., пока все не перешлн во владение велнкого князя.

После многих споров Марья Ярославна просила великого князя позвать на совет дьяка Бородатого.

— Дьяк сей, Иване,— говорила она,— вельми сведущ в княжих обычаях. Молю тя, не откажи в сем мне для ради мира семейного...

— Содею яз по мольбе твоей, матушка,— улыбнувшись, ответил великий князь.— Сам же яз более чту не обычаи, а пользу для государства. Но для ради мира семейного уважу тобе, елико возможно.

После слов этих прекратились споры и крики, а Марья Ярославна вздохнула свободнее и веселей стала.

Когда дьяк Степан Тимофеевич внимательно читал духовную князя Юрия Васильевича, великий князь обдумывал положение дел, и думы его были ясны и тверды: не о себе он думал, а для государства дела решал.

Давно уж он заметил, что из братьев более всех против него восстает любимец матери Андрей большой. После разговора с царевичем Даниаром становилось многое ясней и понятней ему в поведении братьев. Неопределенная ранее тревога превращалась в определенные подозрения.

— Забыть мне надобно любовь свою к братьям,— горько шевельнулись его губы от неслышного шепота, но лицо было неподвижно и казалось задумчивым.

Только веки его слегка дрогнули, когда он услышал слова дьяка Бородатого:

— Разреши, государь, слово молвити?

— Сказывай, Степан Тимофеич,— вполголоса ответил великий князь.

— Государыня,— заговорил дьяк, оборотясь лицом к княгине Марье Ярославне,— московские государи исстари старшему сыну более, чем другим, вотчин отказывали, дабы молодшая братия к нему почет и уважение имела, а ежели надобно будет, и страх. Он им отца вместо. Так деяли и Иван Данилыч Калита, и внук его Димитрий Иваныч Донской. Так же приказал излишек на старейший путь и супруг твой, государь Василий Василич, отказав государю нонешнему одному шешнадцать городов, а четверым братьям его всем вместе — пятнадцать...

Братья Ивана Васильевича заволновались, особенно Андрей большой, сверкнувший на государя злыми глазами.

— А трети как?— громко выкрикнул он.— Трети на Москве?

Выждав, когда шум смолк, дьяк Бородатый продолжал:

— И трети так же. Первая, самая большая дана государю нашему со всеми путьми н жеребьями великого князя в единое владение. Вторая треть, сами ведаете, князьям Юрию Василичу и Андрею Василичу н меньшому Андрею Василичу...

— Ведомо все сие нам,— перебил дьяка князь Андрей большой,— ты о духовной сказывай. Как по духовной-то удел Юрья делить?..

— По княжому обычаю,— твердо ответил Бородатый.— Князь Юрий Василич не женат был, нет у него ннкаких наследников, опричь князя великого, государя нашего Ивана Василича...

Наступила тишина, н только опять Андрей большой хрипло спросил:

— А другая треть?

— Полтретн вместе с уделом за государя, а другая полтретн тобе, княже Андрей Василич, остается. Будет как у всех молодших, по полтретн...

Андрей большой скрипнул зубами и от бешенства ничего не мог вымолвить. Борис и Андрей меньшой переглянулись:

— А нз городов, матушка,— нерешительно спросил Борис,— он ничего нам не даст?..

Великий князь, сдвинув густые брови, молча смотрел на братьев неподвижным, тяжелым взглядом. Марья Ярославна испугалась, страшно стало и дьяку и братьям.

— Иване, молю тя, Иване,— дрожащим голосом заговорила великая княгиня,— помилуй братьев своих. Не обижай. Пожалуй, н яз пожалую...

Великий князь смягчился.

— Слово мое таково́, матушка,— медленно произнес он,— нз удела Юрьюшки никому ни града, ни села не дам. Дам от других отчин: Борису — Вышгород, Андрею меньшому — Тарусу, Андрею же большому оставлю его треть на Москве, ибо городов у него одного вдвое боле, чем у обоих младшнх.

— Не твоя о том гребта́,— вскипел опять Андрей большой,— так отец им н мне отказал!..

— Андрюша, молчи,— заволновалась снова Марья Ярославна,— молчи! Яз те Романов, городок свой на Волге, даю. Не перечь государю.

— Ин будь по-твоему, матушка,— улыбнувшись матери, сказал великий князь и продолжал:— Токмо о сем договоры меж собой заключим, дабы вам всем нн в чем в удел Юрья не вступаться...

В этот год осень была ранняя, страшные бурн свирепствовали на Балтийском море, н волнамн одиннадцать дней носило корабль

царевны цареградской. Только на двенадцатый день он пробился в Финский залив и двадцать первого сентября подошел к приморскому городу Колывани.

Муки великие терпели в пути морском не только царевна и прочие, кто с ней был, но даже и кони. С радостью и веселием сошли путники с утлого корабля, метавшегося, как скорлупка, среди хлябей морских, и ступили на твердую землю, но были так слабы, будто с постели лишь встали после тяжкой болезни. День стоял холодный, пасмурный, шел дождь вперемежку со снегом, и было так непривычно южанам видеть столь раннюю, как им казалось, зиму. Все они бросились в страхе скупать в лавках, кто и где мог, не только шубы разной цены, но и простые полушубки из бараньего меха. Многие были готовы даже ехать обратно, но жажда наживы и пример Ивана-денежника, «боярина и друга государя», как называл он себя, удержали их в Колывани.

Немцы встретили царевну и спутников ее холодно, более с любопытством, чем с почетом. Оказывалось некоторое внимание лишь папскому легату, и то лишь со стороны латинского духовенства.

Недовольный всем этим, Иван Фрязин отыскал в Колывани знакомца своего Николая Ляха и, дав ему малую толику денег и много обещаний, послал гонцом во Псков, Новгород и на Москву известить всех о приезде царевны, дабы готовились ко встрече ее.

На второй день октября Николай Лях прибыл из Колывани во Псков. В тот же час повелели посадники степенные звонить в вечевой колокол. Здесь, на площади пред собором св. Троицы, посадники, взойдя на степень, приказали гонцу царевны сказывать, и тот возгласил зычно на всю площадь:

— Переехав море, едет на Москву царевна цареградская Зоя, дочь Фомы, князя морейского, внучка царя Иоанна Палеолога, который был женат на родной тетке великого князя Ивана Василича... Сия будет вам великая княгиня, а великому князю Ивану Василичу — жена. И вы приняли бы ее честно. В шестой день сего месяца будет царевна в Юрьеве...

Сказав это, а после приняв угощенье и отдохнув, в тот же день поспешил Николай Лях к Новгороду Великому, а оттуда на Москву, с теми же извещениями.

Псковичи, решив на вече своем, где и как царевну встречать и какие дары ей дарить, послали спешно гонцов своих на Узменье[1]

---

[1] *Узмень* — пролив в пятнадцать верст длины и в три версты ширины, соединяющий Псковское озеро с Чудским, или Пейпусом.

где проходила граница псковской земли с немцами, для встречи. Сами же начали меды сытить и корма собирать для почетного и великого угощения царевны и всех спутников ее. В этих делах и приготовлениях прошло не меньше недели, когда октября десятого, в субботу, после обеда, прибыл псковский гонец от царевны из Юрьева, дабы встретили ее на другой день на Узменье, где будет она со всеми своими у берега.

В это же время псковичи снарядили быстро к отплытию шесть больших лодок, в которые сели посадники псковские и бояре, лишь место оставив гребцам. Как только они поплыли вниз по Великой к озеру, так со всех городских концов и посадских двинулось за ними множество лодок и больших и малых. Все суда эти бежали ходко, стремясь к утру одиннадцатого октября быть уже на Узменье. Да и путь-то не долог — всего тридцать верст надобно было идти на веслах до Узменья. Хотя царевна может и запоздать, отъезжая из Юрьева,— бабьи сборы всегда долги бывают, да и светает уже поздно, часов в сёмь,— все же они спешили.

Когда утро чуть забрезжило, потянул ветерок, разогнал все тучки, и глянуло сверху ясное небо, слегка розовея и золотясь у самой воды, из-за которой уже выбивались лучи солнца, уходя в самую высь и обжигая огнем убегающие тучки. То же самое, как в зеркале, повторялось в широко раскинувшемся озере. День начинался ясный и тихий. Прошло часа полтора, и вот уже с передовых судов можно стало различить дымку далеких берегов. Постепенно берега сходятся, приближаясь к узкому проливу.

— Узменье! Узменье!— слышатся кругом возгласы.

Вот с насадов посадники и бояре своих гонцов, высланных ранее, на берегу видят, а далее — табор из телег и коней, окруженный стражей великого князя. Время уж становилось ближе к обеду, когда все шесть насадов великих и множество лодок, плеща веслами, пересекли Узмень и стали все враз приставать к берегу.

Посадники и бояре псковские, войдя из насадов и наполнив медом и вином кубки серебряные и рога золоченые, пошли к табору, где встретил их Иван Фрязин, одетый в русскую боярскую шубу, и подвел их к царевне.

Степенный посадник подал ей на серебряном блюде золотую чарку с дорогим вином и молвил:

— Будь здрава, царевна!

Зоя улыбнулась ласково и, вспоминая русские слова, которым научилась в пути у Ивана Фрязина, замешкалась.

— Грацие,— подсказал незаметно ей Фрязин, и царевна радостно произнесла:

— Спасибо.

— Добре дошла? — спросил посадник, но иа это царевне было легче ответить, ибо она запомнила, что в ответ нужно только повторить утвердительно те же слова.

— Добре дошла,— ответила она и, выпив вина, протянула обратно посаднику блюдо с золотой чаркой.

Но посадник не принял чарку, сказав, что это ей в подарок.

— Спасибо,— опять с лаской сказала царевна и, подозвав к себе Ивана Фрязина, обменялась с ним несколькими словами по-итальянски и по-русски.

Потом, обратясь к псковичам, сделала знак рукой. Все смолкли.

— Хочу,— молвила она громко по-русски,— от немцев вборзе отъехать на Русь святой...

— Будь здрава, царевна православная! Будь здрава! — загремело кругом.

Когда снова все стихло, сияющая Зоя, положив себе руку на грудь, радостно воскликнула:

— Царевна правослявна!..

Это вызвало новые восторги встречавших ее псковичей.

Далее с посадниками говорил Иван Фрязин, которому они сообщили обо всем, что и как было решено на вече и что они рады сейчас же везти невесту государеву во Псков...

После этого псковичи с честью приняли царевну и свои ладьи со всей ее свитой и казной. Табор же царевнин со всем обозом и со стражей пошел берегом озера. Ехали медленно ради отдыха царевны. Первую ночь ночевали в Скретове, другую — у св. Николы в Устьях, а октября тринадцатого приехали к церкви Пресвятой богородицы, где игумен и старцы отпели о здравии царевны молебен.

Отсюда царевна, надев царские одежды, поплыла к Пскову и вышла из лодки на берег у самого града со всей свитой своей. Здесь она встречена была посадником и священством псковским и иконами и крестами. Приняв благословение протопопа соборного и приветствия посадника, пошла царевна к собору св. Троицы со всей своей свитой, и был с ней свой архиепископ, не по чину православному облаченный, се́я в народе смущение. Было на владыке том ярко-красное одеяние в виде плаща.

— Гляди, гляди, каков червлен весь,— говорили в народе,— и куколь-то на главе его червлен же...

— И перстатки на руках червлены...

— Не сымает их, даже крестом знаменуясь...

— И благословляет в них же...

— А крест-то его слева направо...

Не менее смущало православных и то, что перед владыкой несли латинский крест и литое распятие на высоком древке...

Все это заметила царевна и насторожилась. Она часто, напоказ всем, крестилась истовым православным крестом. Народ был доволен ее поведением, особенно после того, как принудила она легатуса папского перекреститься и приложиться в Троицком соборе к особо чтимой иконе божьей матери...

После этого, провожая царевну к Новгороду, посадники псковские и бояре и весь Псков чтили вином и медом и всякими кушаньями за великой трапезой и царевну, и свиту ее, и слуг, и стражу княжую здесь, у Пречистой, куда приведен был и обоз и все кони их.

Тут же и подарки дарили царевне и посадники, и бояре, и купцы, всякий по мере достояния своего. Град же Псков подарил ей пятьдесят рублей серебром и десять рублей Ивану Фрязину, как послу великого князя, дабы видел тот усердие их.

Всеми почестями этими, подарками и ласками псковичей царевна была весьма растрогана и, прощаясь, сказала краткое слово с поклоном.

Иван Фрязин так его перевел:

— Посадникам псковским и боярам и всему Великому Пскову кланяюсь на вашем почетном угóстье, на вашем хлебе-соли, на вине и на меду! Ежели бог мне даст на Москве быть у своего и у вашего великого князя, яз, когда вам надобно будет, хочу о делах ваших перед государем своим печаловаться...

По пути к Новгороду царевна Зоя была задумчива, Вспомнила все унижения и бедность при папском дворе, свои и братьев своих. Подарки во Пскове уже показали, как отовсюду, сами по себе, будут приходить к ней и великий почет и богатство. Истинная дочь римской церкви забывала папский престол, заслонялся он уж престолом царя московского.

Намеками и обиняками заводила она речи об этом и с греками, верными друзьями и слугами семьи Палеологов, особенно с умными, образованными братьями Траханиотами.

Братья ей объявили прямо, без всяких стеснений:

— Еще в Риме мы оба давно уж мечтали переменить своего духовного государя на московского. Ныне же случай у нас счастливый иметь царя московского и царицу из славного рода Палеологов.

Царевна Зоя милостиво улыбнулась, но промолчала. В душе она была согласна с Траханиотами, но все еще боялась Рима. Она решила пока послужи́ть его святейшеству. Ей еще не совсем ясно было, как сложится судьба ее на Москве.

Она приказала остаиовить поезд и пригласить к ией в карету для тайиой беседы папского легата, архиепископа Антонио Боиумбре.

— Простите за беспокойство, ваше высокопреосвящеиство,— сказала царевна легату, когда тот поднимался в ее карету,— ио мие иеобходимо переговорить с вами перед скорым въездом в Новгород. Там ожидает иас больше трудиостей, чем было во Пскове. Но там архиепископ Феофил, который склоиеи к унии и составлял тайный договор, как мы это слышали от его святейшества, с королем Казимиром.

— А при церкви на Немецком гостином дворе,— добавил Боиумбре,— живет моиах-домиииканец, который, по словам же его святейшества, зиает хорошо русский язык. Мы можем, мииуя Иваиа Фрязина, вести через этого монаха переговоры с архиепископом Феофилом и с иекоторыми боярами из господы иовгородской.

Царевна почувствовала себя снова между двух огней, но не выдала своей тревоги: ей помогли коварство и лживость, приобретеииые в Риме.

— Тем более, ваше высокопреосвящеиство,— заметила оиа с искреиией радостью,— это дает иам больше иадежд иа союз с Москвой против турок, как этого прежде всего угодио достигнуть его святейшеству.

Бонумбре, прищурив глаза, испытующе посмотрел иа греческую приицессу. Ои ие поиимал, действительио ли она не разбирается в том, о чем говорит, или иамеренно изображает иаивную девочку.

— Вы принцесса,— сказал ои,— забыли о пользах для святой римской церкви...

— Простите, ваше высокопреосвященство,— перебила его царевна,— вы забыли, как во Пскове не только простой иарод, но купцы и даже бояре смотрели иа вас, иа святое распятие и непочитание вами икон. Я боюсь, ваше высокопреосвящеиство, что если бы вы не приложились к чтимой ими икоие, то они могли бы иапасть на иас с оружием. Как бы мы тогда исполнили тайные поручения его святейшества папы?

Архиепископ Бонумбре ничего не ответил, что-то усилеиио обдумывая.

— Его святейшество в беседе со мной,— продолжала царевиа,— изволил рассказать мне анекдот о «ночной кукушке» и заверил, что, снискав любовь мужа, я преуспею в делах более, чем убеждеиия и красиоречие самых умных послов.

Тонкие губы Бонумбре искривились улыбкой.

— Его святейшество в сем разумеет более, чем я,— сказал легат,— и я думаю, что ои и более прав, чем я. Впрочем, во всем

этом мы вскоре убедимся сами. «Festina lente»[1], говорили древние. Что же касается меня, то я буду «дневной кукушкой» и завяжу необходимые нам связи среди русского духовенства, князей и боярства. Если не удастся союз против турок, может быть нам удастся влиять на русскую церковь через ее же служителей.

Некоторое время собеседники ехали молча, потом снова заговорил посол папы Антонио Бонумбре.

— Надеюсь, мы поняли друг друга,— сказал он,— цель у нас одна, хотя средства разные, но пользоваться ими нужно одинаково тайно...

Царевна почувствовала, что разговор окончен. Она приказала остановить караван. Архиепископ Антонио, благословив свою духовную дочь, вышел из ее кареты.

Слухи о приезде царевны и о дорожных происшествиях, опережая ее поезд, катились по всей Руси, но к Москве приходили в первую очередь. Передавали о том или ином прежде всего гонцы и вестники, а также и случайные люди, и, наконец, просто вести всякие переметывались от села к селу, от города к городу.

Собирая все это вместе и выбирая достоверное, дьяк Федор Васильевич ежедневно докладывал по утрам государю. Сведения были о Пскове теперь уже с приезда царевны и до выезда ее к Новгороду.

— И перед царевной, баишь, легатус все время распятие по латыньскому обычаю носит?— переспрашивал великий князь.— А что народ-то?

— В смущении, государь. Черные же люди и сироты ропщут...

— А царевна?

— Бают,— отвечал Федор Васильевич,— крестился по-православному. К иконам прикладывается, даже самого легатуса, архиепископа Бонумбре, приложиться к Пречистой понудила. Народ-то, бают, был ею доволен вельми!..

— А Иван-то Фрязин двурушничает?

— Даже по-латыньски крестом собя знаменует.

— Гадина,— молвил великий князь,— и нашим и вашим, где больше дадут...

Выспросив все подробности, великий князь после некоторого раздумья сказал:

— Мыслю яз, что и царевна едет к нам не без папского наказу, не без лести ко мне. Хитра, вижу, в лестито. Токмо ей неминуемо выбирать придется, которому престолу служить.

---

[1] «Спеши медленно».

— Истинно, государь,— согласился дьяк Курицын,— заведет семью свою с тобой, так все в пользу общую будет, а папа сюды рук не дотянет. Живя же за тобой, не прогадает. Видать, она сама разуметь уже сие начинает...

— А ежели душа ее к латыньству лежит...

— И, государь,— возразил дьяк,— у таких девок так бывает: кто ее взял, в его веру и пойдет, токмо бы власть да жить бы всласть...

Постучав, вошел дворецкий и молвил:

— Прости, государь. Вестник тайно из Новагорода пригнал...

— Кто?

— Афанасий Братилов, златокузнец от Федорова Ру́чья. Вести для тобя есть, баит, спешные. Тут он, в сенцах. Впущать к тобе?

— Веди сюды...

Снова предстал перед государем давний знакомец его Афанасий, худощавый и жилистый мужик с суровым лицом. Истово перекрестясь на иконы, поклонился он великому князю и сказал:

— Будь здрав, государь. Челом тобе бью вестьми тайными...

— Сказывай, Афанасий,— приветливо молвил Иван Васильевич,— сказывай...

— Октября двадцать пятого, государь, накануне великомученика Димитрия со́лунского,— начал Братилов,— приехала с караваном сво́им к Новугороду невеста твоя, царевна грецкой земли, со владыкой латыньским, Антоном звать. Владыка же в одеянии червленом, и куколь на нем червленый, и перстатки червленые на руках, яко бы руки его в крови. А перед ним несут большое распятие, из серебра литое, позлащенное сверху. Новгород встретил их с честью великой, и дары давали драгоценные владыка наш Феофил, госпо́да и все люди новгородские и царевне и легату папскому.

— А в народе-то что баили?— спросил великий князь.

— Смятение, государь, в народе-то. Особливо, когда Антон-то никого из толмачей русских не принял, а захотел токмо мниха латыньского из церкви, которая на Немецком гостином дворе. После же пошли у владыки Феофила с Антоном и царевной совещанья, а из бояр были одни Борецкие...

Иван Васильевич сдвинул брови и перебил речь Афанасия:

— А пошто от сего смятение?

— По то, государь, что всем нам ведомо, отец Феофил-то договор ранее писал с Казимиром, а Борецкие все за союз с латыньством и все против Москвы.

— Чего же народ страшится?

— Бают, царевну-де опутают. А иные бают, может царевна-то с обманом за государя идет, дабы ересь Исидорову на Руси сеять...

— Когда же царевна отъезжает из Новагорода?

— Царевна поспешает к одиннадцатому ноябрю, дабы до Филиппова заговенья на Москве быть. Я их на три дня опередил. Владыка наш Феофил на том пред царевной настаивал. На Руси-де постом не венчают. Не успеет, так до самого рожества в девках на Москве просидит...

— Ишь борзо время-то бежит,— слегка изменившимся голосом проговорил государь,— значит, через один-два дни она сюды будет...

— Да, государь,— подтвердил Афанасий Братилов.

Вдруг сжалось от боли сердце великого князя, и привиделся ему ранний рассвет, и Дарьюшка, прощаясь, стоит, а он, государь, на коленях, в ногах ее плачет.

Закружилась голова его, и бледность покрыла щеки.

— Идите,— говорил он спокойно,— позову после...

Все вышли, и, когда затворилась дверь, Иван Васильевич беспомощно пал головой на стол и беззвучно зарыдал. Как в сказке многоцветной и радостной, среди цветов, под пение птиц в весенних рощах, замелькали хороводами в душе его дни любви их с Дарьюшкой, все на миг осветившие радостью и тут же утонувшие в горести неизбывной. Чуть вот сверкают еще где-то осколки радуги, поет еще где-то в сердце ликующая песнь о счастье, и вновь — тьма, холод и пустота кругом.

— Дарьюшка, свет мой солнечный,— шепчет Иван Васильевич.— Душа моя чистая...

Превозмогает боль нестерпимую он и, шатаясь на ослабших ногах, медленно идет вдоль покоев к окну.

Глава 12

РУКА РИМА

На Ераста, на все гораздого, ноября десятого, разыгралась метелица. За окнами жарко натопленных горниц с утра до обеда сыпал сплошной крупный снег. Пред самым же обедом, будто кто оборвал — прояснилось сразу, и не летит более ни одной снежинки. Все тучи развеялись, и блестит на солнце под синим небом чистый, ослепительно белый снег.

Великий князь, разговаривая с дьяком Курицыным и дворецким Данилой Константиновичем, подошел к окну и загляделся на яркие сверкания среди наступившей тишины.

— Чаю,— сказал он, обернувшись к собеседникам,— царевна-то и фрязины ее николи погоды такой не видали.

— У них, государь,— заметил дьяк Курицын,— круглый год лето. Снежок иногда бывает, да попадает немного и тут же тает, грязь токмо разводит, а красоты такой зимней знать не знают...

— Зато морозов наших тоже не ведают,— молвил, усмехнувшись, великий князь.

— Обыкнут,— сухо заметил Данила Константинович,— фрязины все похваляются: рай-де у них, а сами на Русь, как мухи на мед, летят.

Но государь переменил разговор, перейдя сразу, как всегда, на главные свои мысли.

— Папа-то,— произнес он медленно,— на Ерусалим нас подмануть хочет, а нам Москва-то дороже Ерусалима. Да и султан ныне нам дороже папы рымского, ведь нам побить надобно и Орду татарскую и короля Казимира...

— Истинно, государь,— сказал дворецкий,— нечего нам соль в чужую кашу сыпать, когда своя несолёна...

— Верно, Данилушка,— весело блеснув глазами, молвил Иван Васильевич.— О сем и господа новгородская разумеет, недаром она к латыньству тянется.

— Да и Ватикан, государь, о сем ведает,— заметил Курицын,— тоже недаром и Бонумбре со владыкой Феофилом и с Борецкими в Новомгороде таимничает...

— Добре, добре разумеешь,— согласился великий князь,— свои меры принимай, Федор Василич...

Обратясь к дворецкому, он продолжал:

— Ты же, Данила Костянтиныч, о встрече царевны думай, дабы ни в чем огрешек у нас не было. Все сие ведь на глазах всего света деяться будет. С государыней Марьей Ярославной и владыкой Филлипом думай да у Федора Василича спроси, когда надобно: знает он чужеземные обычаи...

— Разумею, государь. Яз и за нашими обычаями и за фряжскими давно приглядываю. О посольстве же рымском, о почете и корме с Федор Василичем и со Степан Тимофеичем вместе подумаем...

Великий князь, вдруг о чем-то спохватившись, воскликнул:

— Забыл совсем! Скажи, Федор Василич, дьяку Жуку, пусть запишет наказ мой. Когда сводить законы почнет, то пусть укладывает их по гнездам. Собирает пусть в одно гнездо все сходные проступки и провинности, и при кажном таком гнезде точно указывает соответственные наказания...

— Разумею, государь,— сказал Курицын и, достав не-

большой свиток, перо и чернильницу, которые при себе всегда носил, продолжал:— Сей же часец запишу слова твои.

— Добре́,— похвалил великий князь,— да запиши еще для собя уж. Ныне же завести лари для грамот всяких посольских. Для каждой земли отдельный. Один — для Орды, другой — для Казани, третий — для Менглы-Гирея, и дале по ларю: Литве, Рыму, султану турскому и прочим, которые потом будут. Пусть сие под твоим началом будет, пусть посольским приказом будет. Не забудь, дабы при каждом ларе список был, в котором обозначь, что в ларе сем есть.

— По крымским делам, государь, ларь уж заведен,— молвил Курицын,— по рымским тоже...

В дверь постучали. Дворецкий выскочил в сенцы и тотчас же вернулся с гонцом, которого сопровождал начальник княжой стражи.

— Будь здрав, государь,— помолясь, сказал гонец.— Вести от царевны.

— Сказывай,— молвил великий князь.

— Бояре твои Беззубцев, да Шубин, и дьяк Мамырев повестуют: «Будь здрав, государь, на многие лета. Утре, на Федора-студита, бог даст, к вечеру в селе Мячкине будем. Тут заночуем, а с утра отъедем, дабы до литургии в стольный град поспеть. Токмо еще скажем, государь, не во гнев тобе: смущен народ-то распятием, что Антон пред царевной открыто возит по обычаю латыньскому. На все воля твоя, государь. Мы токмо упреждаем. Прости слуг своих, государь».

Великий князь, переглянувшись с дьяком Курицыным и дворецким, молвил:

— Ныне же после обеда думу созывайте у государыни с братией моей и со всеми боярами ближними и дьяками...

— И митрополита, государь, о сем спросить? — обратился к Ивану Васильевичу дворецкий.

— Ране на совете семейном подумаем. Дело тут не токмо церковное,— ответил государь и, обратясь к гонцу, спросил его:— Как путь-то? На колесах едете? Может, возки послать надобно? Ишь снегу-то немало!

— Нет, государь,— ответил гонец,— снег-то уж тает. Может, и до самой Катерины на колесах ездить будем. Ныне же, государь, кони на полозьях-то еще не вывезут...

После обеда великий князь, не раздеваясь, прилег на постель в своей опочивальне. В душе его была пустота непонятная, ничего он не чувствовал в сердце своем, а только все в мыслях своих обсуждал и обдумывал. Дела государственные более

и более овладевали им, а своя жизнь отошла куда-то в сторону.

Тихо вошел дворецкий и стал около государя.

— Присядь возле, Данилушка,— глухо молвил Иван Васильевич.

Данила присел в ногах великого князя.

— Знает она о сем?

— Знает, государь.

Иван Васильевич глубоко вздохнул и заговорил ровным, спокойным голосом:

— Любовь моя навсегда изгорела, Данилушка. Не бывать тому после Дарьюшки. Мужику же без женки не жить. Так сам бог сотворил. Токмо не хочу яз по неведомым блудливым женкам тайно ходить, детей своих по чужим дворам раскидывать. Пусть нелюбимая, а жена родовитая, законная, и сыны и дщери от ее всем ведомы будут и в своих и в чужих землях чтимые.

— А мне вот, государь, не дает господь сынов-то. Токмо одне девки,— с досадой сказал Данила.

— Божья воля,— возразил государь,— наследник-то у меня уже есть. Женю его на иноземной царевне. Дочерей же моих короли да государи чужеземные в жены возьмут...

В сенцах кто-то пробежал, дверь быстро распахнулась, и на пороге появился княжич Иван, высокий, крепкий, похожий и на отца и на мать. Иван Васильевич, поднявшись с постели, обнял сына и шутливо спросил:

— Ну, государь всея Руси, сказывай мне, пошто пришел?

Княжич Иван радостно улыбнулся шутке отца и весело ответил:

— У бабуньки все уж собрались. Тебя ожидают...

В покое государыни Марьи Ярославны было людно: были братья великого князя, из родни еще князья Патрикеевы, а из ближних бояр и дьяков — князья Ряполовские и Ховрины, Курицын и Бородатый, и еще духовник великой княгини, престарелый отец Александр, и дворецкий Данила Константинович.

Все встали и поклонились великому князю, когда тот вошел с сыном своим. Отдав поклон всем, отец и сын повернулись к иконам, пред которыми стоял уж в епитрахили духовник великого князя.

После краткой молитвы, крестясь, все стали садиться за стол пред великими князьями и княгиней.

— Государыня-матушка, братия и все ближние нам, которые тут есть,— начал государь,— почнем думу нашу о том, о чем вам сей часец поведаю...

Великий князь подробно рассказал, как легат папы архиепископ Антонио Бонумбре латинское распятие пред царевной несет, чем народ весьма смущает. Рассказал, что послов московских в Риме очень чтили и ласкали, что-де и нам на честь нужно честью ответить, но и веры своей не умалить.

— А ежели,— закончил великий князь Иван Васильевич,— сами сего разрешить не сможем, пошлем к богомольцу нашему, митрополиту Филиппу, дабы помог нам в сей трудности.

Первым выступил князь Андрей Васильевич большой.

— Яз полагаю,— сказал он,— честь за честь воздавать надобно, дабы чужеземцы не посмеялись на невежество наше...

Речь сия разволновала отца Александра.

— Не было сего у нас на Руси святой,— воскликнул он с гневом,— дабы почести отдавать латыньской вере! Учинил было то митрополит Сидор, да и погиб!..

Спор пошел жаркий, а время идет, и захотел князь Юрий Патрикеев помирить обе стороны, ибо о многом ином еще подумать надобно было.

— Мыслю яз,— молвил он,— что дело уже содеяно. Сколь пути-дороги с распятием проехала царевна. Народ-то весь уж про то ведает. Что ж нам за двадцать каких-то верст от Мячкина стоять, когда от Пскова-то много уж сот верст с распятием сим пройдено...

Но слова эти никого не умирили, и спор продолжал разгораться еще более. Видя это, великий князь послал дьяка Бородатого ко владыке Филиппу.

Пока же пошли речи о другом. Великая княгиня говорила с родней и боярами, как свадебный пир собирать и как самый пир пировать. Думали потом все, где обручению быть и когда, а венчать решили после литургии и таинство это совершать самому митрополиту, как для государей достойно.

Во время разговоров обо всех этих делах возвратился от митрополита дьяк Бородатый и возвестил великому князю:

— Владыка отвечает тебе: «Сын мой и государь! Недопустимо латынину не токмо войти в град наш с несением распятия, но нельзя и приблизиться ко граду. Если же позволишь так ему учинить, хотяще его почтите, то, как он во врата града,— аз, богомолец твой, другими вратами вон из града сего. Недостойно бо нам видеть сие. Всяк чужую веру похваливший, над своей надругался».

Выслушав ответ митрополита, великий князь обратился к дьяку Курицыну и сказал:

— Отъезжай борзо в село Мячкино со стражей малой. Ты добре баишь по-фряжски и передашь самолично мой поклон

царевне, а легатусу Антонию молви: повелел-де великий князь, дабы не шел пред ним крыж, дабы сокрыл он его в колымаге своей от всех. Скажи, в сем-де бесчестия нет, а токмо у нас не в обычае, и, опричь того, народ он смущает.

Когда Курицын вышел, Иван Васильевич обратился к матери:

— Государыня,— сказал он,— молю тя, возьми, как мати моя, всю гребу о свадьбе на собя, а меня отпусти. Яз все исполню по воле твоей и как владыка укажет...

Задержавшись в Москве, дьяк Курицын прибыл со стражей в Мячкино затемно. Царевна, стоявшая в хоромах боярина Мячкова со всей свитой своей, уж отужинала и ложилась спать. Однако, узнав от слуг своих о приезде важного дьяка, царевна приказала известить его, дабы он на другой день к раннему завтраку был у нее на приеме. Отказавшись от приглашения Ивана Фрязина, Курицын отправился к дворецкому боярина Мячкова, где застал всех трех русских послов за истинно русским ужином с водкой и медами крепкими.

После шумных объятий и лобызаний бояре Беззубцев, Шубин и дьяк Мамырев начали было с жаром сказывать о папе и его пакостях, о городах иноземных, про распутство и убийства в итальянских землях, но Федор Васильевич остановил их:

— О сем после великому князю все расскажите, и яз тогда вас послушаю. Сей же часец мне о другом знать надобно. О Пскове нам все ведомо, а о Новомгороде вести есть верные. Токмо еще кой о чем мне вызнать надобно для государя нашего. Посему сказывайте мне, как примечали о царевне: латынянка она или православная?

— Рымлянка она, как и Виссарион,— мрачно проговорил Беззубцев.

— Истино дщерь рымской церкви,— добавил Шубин,— токмо не сладко ей с братьями-то у папы в Рыме жилось.

— В нищете и обиде жили,— продолжал Беззубцев.— Когда же на Русь латыне царевну слали, то папа ей шесть тысяч золотых дукатов дал, токмо бы государя с турками за гроб Христов биться понудила...

Курицын досадливо усмехнулся и, обратясь к дьяку Мамыреву, спросил:

— А ты, Василь Саввич, как мыслишь?

— А в Рыме-то, Федор Васильевич,— ответил Мамырев,— и папы и кардиналы все, особливо Виссарион, Русь к собе примануть хотят, дабы чужими руками жар загребать: турок побить, а Цареград собе взять...

— Истинно, Василь Саввич, истинно, такие они все, чужеземцы-то, такие,— заметил Курицын.— А царевна?

— Рымлянка, как баил Ларион Микифорыч,— продолжал Мамырев.— И Виссарион и царевна с братией своей — все двоеверы, как и наш Иван Фрязин. Им как богу не креститься, токмо бы боле денег давал...

Все рассмеялись.

— Ну, а как в Новомгороде было?— опять спросил дьяк Курицын.— Пошто царевна и Бонумбре новгородских толмачей не брали и даже своего Ивана Фрязина ко владыке Феофилу не пущали?

— Баили нам доброхоты государевы в Новомгороде,— отвечал Илларион Никифорович Беззубцев,— что думы они тайно думали со владыкой и господой через Борецких, а толмачом латыньского мниха с Немецкого гостиного двора для сего брали. Баили, что и царевнин владыка латыньский бывал не раз на Немецком дворе. Обедню латыньскую служил там и пировал у немцев с управителями и старостами их торговыми.

— Ишь как и у них все сплелось,— усмехнулся Курицын,— у всех дела друг к другу нашлись...

— А ты пошто сюда пригнал? Царевну встречать?— спросил Мамырев.

— Поклон ей отдать государев да Бонумбре именем государя повелеть, дабы крыж свой в колымагу собе спрятал, не дразнил бы народ православный.

— Слава те, господи,— крестясь, разом заговорили все три русских посла,— дождались сего праздника.

Боярин Беззубцев встал из-за стола, радостный и довольный.

— Ну, Федор Василич,— сказал он Курицыну,— спать повалиться надобно. Ведь всем утром до свету вставать, а тобе еще и к царевне идти. Вельми спешит она, дабы к венцу вовремя быть...

Ранний рассвет широкими белесыми полосами тянулся от окон к накрытому столу и уже пересиливал огоньки восковых свечей, когда ввели к царевне дьяка Курицына.

Помолясь на иконы и отдав почтительный поклон царевне, Федор Васильевич заговорил с ней по-итальянски.

— Будьте здоровы, государыня,— сказал он, снова кланяясь,— великий государь поклон вам шлет, приказав мне спросить: хорошо ли вы ехали, довольны ли поездкой и встречей и нет ли у вас в чем-либо надобности. Все, что потребуется, немедля я доставлю и сделаю это именем самого государя.

При упоминании о поклоне государя и передаче его слов царевна встала и так, стоя, слушала до конца речь великого князя. Это понравилось Курицыну, и он понял, что царевна в

Риме хорошо была уж обучена придворной жизни и умела себя держать, как надобно.

— Благодарю государя моего,— сказала она почтительно,— за внимание и ласку. Везде на Руси встречали меня весьма почетно, чтили и дарили, как государыню, невесту великого князя. Еду я по Руси с великой отрадой, и одно, чего желаю,— это предстать пред очи государевы, быть женой которого судил мне господь-бог.

Произнеся эту речь и снова сев за стол, царевна пригласила к завтраку и Курицына. Тот поблагодарил и сел на указанное место. В это время вошел в покой в сопровождении братьев Траханиотов папский легат, архиепископ Бонумбре, в полном облачении, Курицын заметил, что за столом для него было заранее оставлено место по правую руку царевны.

Все встали, а царевна подошла к его благословению. Курицын почтительно поклонился легату, но под его благословение не подошел, сказав только:

— Приветствую ваше высокопреосвященство. Как вы доехали и не было ли в пути у вас затруднений?

Задав этот вопрос, дьяк придал ему не только обычный смысл, но и делал намек, что ему уже известно о некоторых затруднениях в пути у царевны. Легат и царевна быстро переглянулись. Бонумбре любезно ответил:

— Благодарю. Нас всюду встречали с почетом и лаской.

Царевна пригласила всех садиться за стол.

Во время завтрака Курицын, заботливо расспросив, хорошо ли пищей в пути снабжали поезд царевны, сказал как бы между прочим:

— Думаю, наш народ, видя необычное для него духовное облачение вашего высокопреосвященства, вероятно, надоедал своим любопытством...

Легат и царевна снова переглянулись, поняв, что в Москве уж все известно. Наступила маленькая заминка в разговоре, но Иван Фрязин, вошедший во время завтрака, развязно вмешался:

— Правильно вы заметили, именно из любопытства.

Царевна знаком приказала налить вина и, встав, предложила:

— Изопьем кубки за здоровье его светлости, великого князя, государя всея Руси.

Все встали и осушили кубки. Дьяк Курицын обратился к царевне и молвил:

— Разрешите, государыня, наполнить кубок, дабы испить за здравие его святейшества папы, первосвятителя римского...

Легат был весьма доволен этой здравицей, стал любезен, а Иван Фрязин просто сиял от удовольствия.

Когда началась уже за завтраком простая беседа, дьяк Федор Васильевич сказал:

— Дошли до Москвы жалобы от народа и духовенства нашего на смущение от торжественного несения по латыньскому обычаю святого распятия перед православной государыней нашей.

— Сие невежество народное!— пылко воскликнул Иван Фрязин.— У престола его святейшества нас чтили высоко, уважая все обычаи московские. Так и мы должны чтить обычаи римские из уважения к папе, ибо...

Дьяк Курицын строго поглядел на развязного итальянца и спросил его по-русски.

— А кто ты? Денежник ли государев, православный слуга его, или опять перешел в латыньство?

Иван Фрязин побледнел, но Курицын, не ожидая его ответа, встал и, обратившись к легату Бонумбре, произнес твердо:

— Ваше высокопреосвященство. Государь мой, великий князь, царь всея Белой Руси чтит и уважает его святейшество папу, но государь мой не может отказать народу своему и церкви русской. Он полагает, что лучше не вызывать народного волнения и не расстраивать то, что хорошо так устроилось и для Рима и для Москвы.

Губы легата задрожали, и, думая, что Курицын не знает греческого языка, как не знают его все светские люди Италии, за исключением только ученых, он быстро шепнул царевне по-гречески:

— Видимо, придется подчиниться, как сие ни тяжко.

Курицын, хорошо знавший не только латынь, но и греческий язык, сделал вид, что ничего не понял, даже не заметил сказанного, и, быстро встав, решительно произнес:

— Повелел мне государь мой просить ваше высокопреосвященство, дабы распятие пред вами более не носили, а сокрыли бы вы его от всех в повозке своей. При сем государь сказал, что бесчестия от сего нет, но это не в обычае у нас и смущает народ...

— Но папский легат без сего не может,— начал было Иван Фрязин и вдруг смолк, встретив злой взгляд царевны.

— Я принимаю заверения государя всея Руси, что сие не к умалению достоинства святого престола и святой римской церкви. Скажите государю вашему, что я исполню его желание, продиктованное государственной мудростью...

Бонумбре поклонился и сел за стол. Царевна весело улыбнулась и радостно добавила:

— После завтрака мы тотчас же выезжаем в Москву, дабы

задолго еще до божественной литургии быть перед очами государя и государыни-матери.

Ради скорого прибытия на Москву царевна, по совету дьяка Курицына, отделилась от каравана тяжелых подвод, шедших очень медленно, и на лучших конях и повозках с казной своей и со слугами поскакала вперед. За ней же, спрятав распятие, последовал и папский легат. Курицын ехал впереди них с малой своей стражей.

Навстречу им выезжали государевы вестники и гонцы, дабы указать Курицыну, как ехать и к какому часу быть на Москве, куда везти царевну и куда — папского легата.

Несмотря на эти краткие задержки, поезд царевны прибыл в Москву на третий час после того, как выехали из села Мячкина. Царевна так волновалась, что два часа с половиной мелькнули, как миг. Но за это время она многое испытала и передумала о многом: и о том, что она, бедная девушка, сегодня станет женой неведомого ей человека, что станет государыней огромного царства, что одна будет здесь среди чужого народа и что никогда уж отсюда не уедет...

Мгновеньями страшно становилось ей, но она напрягала все силы, стараясь держать себя в руках.

Когда ее карета остановилась у паперти деревянного временного собора Успения богородицы, построенного на каменном основании старого здания, она сама дрожащими руками раздвинула занавески кареты. Стоявший у подножки повозки Иван Фрязин подал ей руку, помог сойти на землю. Следом за ней вышли старая нянька и горничная.

Царевна робко остановилась возле входа в храм и испуганно оглядела серое, пасмурное небо и кремлевскую площадь, покрытую грязным тающим снегом. Увидела рядом каменную стройку в лесах и глядевших на нее с лесов каменщиков, увидела сбегающихся со всех сторон к храму мужиков и женок крестьянского звания. Тоска сдавила ей грудь, слезы подступили к горлу. Кругом было все незнакомое ей, совсем чужое...

— Одна, одна, как в пустыне,— прошептала она.— Господи, боже мой, помоги мне, рабе твоей!

Сдержав себя, она еще раз окинула взглядом площадь, церкви и деревянные хоромы, стоящие в отдалении...

— Где же его высокопреосвященство?— спросила она Ивана Фрязина о папском легате.

— Послы государевы,— ответил денежник,— вместе с дьяком Курицыным повезли его в хоромы, которые ему и отведены на время пребывания в Москве.

Царевна хотела узнать еще, зачем ее одну привезли к церкви.

но, увидев в дверях храма величавую фнгуру в пышном церковном облачении, быстро спросила:

— Кто это?

— Глава церквн русской,— ответнл Иван Фрязнн.— Сам Филипп, мнтрополит московский и всея Руси.

Царевна быстро пошла навстречу владыке и, подойдя к нему и став на колени, молвила по-русскн:

— Бляслови, отче.

Митрополит благословил ее:

— Во имя отца, н сына, и святого духа. Ныне н присно н во векн веков.

— Амэн,— тихо н благоговейно проговорила царевна по-латыни.

Введя всех во храм, владыка Филипп прочитал перед алтарем краткую молнтву и, обратясь лицом к прнсутствующим и поклонясь царевне, сказал:

— Поздравляю тя, государыня, со счастливым прибытием и молю господа-бога, дабы помог тебе счастливой быть навек с государем нашим. Сей же часец отведу тя, государыня, к великой княгине Марье Ярославне, к матерн государя моего Ивана Василича...

Речь это Иван Фрязин перевел царевне на итальянскнй язык и так передал владыке ответ царевны по-русски...

— Благодарю ваше высокопреосвященство за милость и ласку, которую оказали вы бедной снроте нз царской семьи Палеолог. Буду яз счастлива видеть государыню, матерь государя, которая н мне матерью отныне будет...

Хоромы государыни, как и государевы, былн деревянные и внутри их было тепло и уютно. Это сразу оценила царевна, вспомнив римские каменные дома без печей, в которых знмой было всегда холодно и сыро. От тепла в хоромах и самой ей теплее стало на душе, но слезный комок все еще подкатывал к горлу.

Войдя прямо в трапезную княгинн Марьи Ярославны, царевна увидела высокую, стройную женщину, лет за пятьдесят, несколько обрюзгшую и с седнной в волосах, но все еще красивую. Приняв благословенне от митрополита, княгиня стала внимательно слушать, что говорил ей владыка. Царевна же, крестясь на иконы по-православному, искоса взглядывала на старую государыню. Царевна заметила, что на государыне одежда простая, весьма красивая н богатая, и невольно у нее мелькнула мысль: «Они тут лучше римлянок одеваются».

Отмолясь, повернулась она лицом к государыне и встретила теплый взгляд больших темных глаз, опушенных густыми ресницами.

— Поди ко мне, милая сироти́нка бедненькая,— ласково проговорила Марья Ярославна.

Царевна хотя и не поняла слов, но взгляд и голос обволокли ее душу такой материнской нежностью, что слезный комок снова подкатился к горлу. Заплакав, она бросилась к Марье Ярославне, и, обнимая ее, целовала ей лицо и руки.

Когда у старой государыни окончили завтрак, приглашенный толмачом Иван Фрязин тотчас же встал из-за стола и почтительно спросил:

— Есть ли тобе, государыня, надобности в моих услугах?

— Спроси-ка у царевны-то, сыта ли она, и довольна ли,— молвила ласково Марья Ярославна,— не хочет ли сладкого меда она с сухим вареньем малиновым?

Царевна благодарила, говоря, что все было вкусно, что и сыта она, что и мед пила и более ничего не может ни пить, ни есть.

— А главное,— перевел Фрязин заключительные слова царевны,— была мне материнская ласка на чужой стороне...

Марья Ярославна обняла и горячо поцеловала свою будущую сноху, спросив:

— Как звать-то тобя, доченька?

— Зоя-София,— отвечала царевна, радостно улыбаясь.

— При венчанье же тобе лучше Софью избрать в память бабки великого князя, Софьи Витовтовны.

— Яз, государыня, согласна: Софья,— не без труда, но по-русски ответила царевна.

— Добре́, добре́,— обрадовалась Марья Ярославна,— вижу, ты уж и по-русски разумеешь.

— Ма́ля разумей, ма́ля...

Дверь в трапезную отворил дворецкий Данила Константинович и, поклонясь, громко возвестил:

— Святый владыка и великий князь...

Царевна Зоя заволновалась, на зная, вставать или не вставать перед государем, но ее выручила старая княгиня.

— Сыночек мой,— сказала она, вставая и идя навстречу великому князю,— Зоюшка-то уж по-русски разумеет...

— Ма́ля, ма́ля разумей,— прошептала царевна в смущении, встретив острый взгляд больших, таких же темных глаз, как у государыни.

Избегая этого взгляда, царевна робко оглядела великого князя. Он был высок, строен. Густая волнистая борода и кудрявые волосы красиво обрамляли его продолговатое лицо. Высокий лоб, прямой нос, а над глазами темные сросшиеся брови казались взмахом птичьих крыльев.

Иван Васильевич ласково усмехнулся и сказал:

— Будь здрава, царевна, невеста моя!

— Будь здрав, государь,— неуверенно ответила по-русски Зоя.

Великий князь опять улыбнулся, взглянул на царевну. Она ему понравилась теперь более, чем на рисунке, и при улыбке глаза ее казались добрыми, а лицо нежным. Телом она была хотя полна и пышна, все же очень приятна. Только вот ростом не велика — ниже плеча его будет.

Вновь улыбнувшись царевне, Иван Васильевич обернулся к митрополиту и к матери:

— Отче святый и государыня-матушка, готово ли все для обручения?

Марья Ярославна вопросительно взглянула на дворецкого, и Данила Константинович быстро ответил:

— В крестовой, государь, все уже готово. Там отец Александр, отец диакон и дьячок. Свадебный поезд тоже готов и во дворе ждет, как прикажет государыня...

— Мы сей часец в крестовую, Иване,— сказала Марья Ярославна,— а как владыка обручит тя, по обычаям государевым, отъедет он к Успенью обедню служить, а следом за ним, после моего благословения, и ты поедешь с тысяцким, дружкой и поезжáнами...

— А после обедни в соборе, сыне мой и государь, аз сам тя обвенчаю там с царевной,— молвил митрополит и первым пошел в крестовую...

Временный деревянный собор Успения пресвятой богородицы был переполнен. Служил сам митрополит со своим хором певчих, пополненным лучшими певчими из других кремлевских церквей. Иконостас сиял дорогими окладами икон в золотых ризах с дорогими самоцветами и жемчугом; на клиросах блистали золоченые хоругви, разноцветное узорочье, тканное шелками и золотом, с золотыми кистями и жемчужной обнизью висело у клиросов и на стенах под иконами. Горели все паникадила, сверкая синими, красными и зелеными огоньками лампад, а пред иконами у алтаря и у стен стояли серебряные подсвечники, пылая множеством свечей. В храме было тесно, жарко и душно.

Владыка и все священнослужители были в праздничных облачениях. Окутанные голубоватыми дымками ладана из звякающих кольцами кадил, они возглашали моления и пели, а певчие сладкогласно отвечали им песнопениями, наполняя храм низкими гудящими голосами, из которых иногда вырывались звонкие напевы высоких голосов и звенели, казалось, под самым куполом...

Царевна Зоя, приехавшая в церковь после жениха, к самому концу обедни, с удивлением слушала впервые русское богослужение. Оно было красивее латинского, проще, торжествен-

нее и строже, а голоса певчих были лучше итальянских, особенно низкие, густые и мощные, каких она никогда не слыхала.

Впрочем, она так волновалась, что пропускала многое и не могла во всем разобраться, все же среди торжественно передвигавшихся священнослужителей она сразу узнала митрополита.

Служба закончилась, и посередине церкви перед алтарем вдруг образовалось свободное место, куда церковные служки в стихарях принесли аналой с крестом и евангелием. У царевны от духоты слегка кружилась голова, все же она ясно разглядела в толпе приглашенных и своих спутников из Рима.

На почетном месте стоял легат Бонумбре со своей римской свитой. Тут же она увидела дядей своих Димитрия и Константина Раль, из рода Палеологов, из которых первый был послан представителем от родных братьев ее Андрея и Мануила, оставшихся в Риме. Поодаль от них поместились братья Траханиоты, сопровождавшие царевну Зою, ее воспитатель, врач и прочие из слуг, а кроме того, многие греки и итальянцы, приставшие к ее каравану.

Около самой царевны стояли молодые русские боярышни — подружки невесты, ее провожатые под венец. Из-за боярышень же выглядывали взволнованные лица ее няни и горничной.

Впереди себя, немного влево, она увидела великую княгиню Марью Ярославну с сыном великого князя Иваном, который сегодня после бракосочетания станет по мужу ее пасынком. Тут же стояли братья государевы, прочие именитые родственники, ближние бояре и дьяки...

Оглядев церковь, царевна увидела у правого клироса государя, окруженного разодетыми в парчу и шелка свадебными чинами. Великий князь на голову был выше всех, и его острый взгляд снова испугал и смутил царевну, но она сделала усилие и заставила себя улыбнуться счастливой улыбкой. Иван Васильевич ласково усмехнулся ей в ответ. Ему было приятно видеть свою невесту одетой в пурпурную царскую мантию по обряду венчания греческих цариц.

Взглянув на алтарь, царевна заметила, как седобородый лысый дьячок установил на подставке у северных врат алтаря икону божьей матери, и узнала, что это ее благословенная икона от посаженой матери. Увидев потом, что дьячок ставит икону Христа-спасителя у южных врат, догадалась, что это благословенная икона государя...

Но все это походило на странный сон: появлялось, исчезало, путалось и было, как в тумане. Волнуясь и трепеща, она стояла рядом с государем, говорила и делала то, что подсказывал ей по-гречески один из русских священников, живший долго на Афоне.

Более другого царевне запомнилось само венчание, когда пода-

ли митрополиту золотые венцы. Взяв один из них, владыка повернулся к великому князю и громко заговорил, осеняя его крестнакрест венцом:

— Венчается раб божий Иоанн, благоверный великий князь и государь всея Руси, рабе божией Софии, царевне православной.

Затем, дав государю поцеловать край венца, надел его ему на голову.

Тот же обряд владыка совершил над царевной и произнес:

— Раба божия православная София, дщерь Фомина, деспота Аморейского, сына царя Мануила цареградского, венчается рабу божию благоверному князю Иоанну, государю всея Руси.

Лобызаясь согласно обряду с мужем и желая более ему понравиться, София прибавила к поцелую ненужной и неискренней нежности, что несколько удивило великого князя, и томно улыбаясь ему, когда он с недоумением взглянул на нее...

Обратно оба поезда жениха и невесты, ныне уже «молодых», хотя и ехали рядом, но супруги все еще сидели в отдельных колымагах. Впереди всех ехали оба дружки с благословенными иконами Христа-спасителя и богородицы. За молодыми следовала великая княгиня со внуком. Далее ехали все чины свадебные. За ними тянулся длинный поезд поезжáн — повозки всех родных и гостей, приглашенных на свадьбу.

Вся площадь перед собором Успения и пути по направлению к государевым хоромам были наполнены народом, пришедшим не только из кремлевских концов, но и из посадских. Люди, оттесняемые пешей и конной стражей, жадно тянулись, вставали на цыпочки, взбирались на груды строительного камня и на бревна, дабы так или иначе, хотя бы в слюдяном оконце колымажных занавесок, увидеть цареградскую царевну.

Особенно любопытствовали женки, старые и молодые, и девки, толпясь у груды камней, подсаживая друг друга и влезая как можно выше на кирпичи.

— Гляди, гляди,— зашумели они, когда мимо них поехали княжие колымаги,— вон, вон, в оконце лик ее!..

— Да пошто зря языком-то трепать!— низким голосом, с досадой воскликнула старая Емельяновна, крепче запахиваясь кожухом.— Аль не видите? То государыня Марья Ярославна глядит. У ней коней-то четверня.

— Истинно, истинно,— шумно согласились другие женщины, говоря все разом.— У молодых-то по шесть коней...

— Вот, вот она!..

— Гляди, гляди — она!

Но ни в другой, ни в третьей колымаге никого не было видно,— занавески были задернуты, и никто в оконца не глядел.

— Бестолковые,— горячилась Емельяновна.— Да пошто ца-

ревна-то напоказ поедет? Вас не видала? И в оконце-то ей глядеть без надобности...

— Да какая же она?— слышались со всех сторон нетерпеливые возгласы любопытных.— Бают, мала вельми́, хошь и дебела телом-то.

— А ты, Емельяновна, сказывай!— воскликнула звонко молодая разбитная женка.— Не гордись. Твой сын на княжом дворе в поварне государевой, в хлебниках...

— Сказывай, Емельяновна, сказывай,— присоединились прочие женки.

Емельяновна приосанилась и важно промолвила:

— Днесь до обедни была я на княжом дворе у сына, Алешки мово. Сказывал он мне, что, когда обручали их у старой государыни, царевна-то ниже плеча ему. Бают, рядом с нашим-то соколом она словно гнида какая...

Звон во все колокола, шум и говор расходящихся толп народа заглушили все разговоры...

Когда свадебный поезд въехал на княжий двор и колымаги молодых и старой государыни остановились против хором у столовой избы для пиров, все чада, домочадцы и слуги роем высыпали оттуда навстречу новобрачным, говоря, с припевкой:

— Здравствуйте, здравствуйте, государь наш Иван Васильевич с государыней Софьей Фоминичной и со всеми честны́ми поезжанами!..

На крыльцо поднялся Иван Васильевич рядом с царевной. Он был задумчив, не разумея, что томит его, и хотелось ему сегодня пить много, забыть все, угореть от хмеля. Вспомнились вдруг слова Илейки: «Пьяная женка — не своя, а опчая». Вот и он сам ныне спьяна будет не свой, а царевнин, дабы в душе ничего человечьего не было, одно бы вино в крови плавало...

В дверях с песнями и добрыми пожеланиями обсыпали молодых овсом и хмелем, но это не трогало Ивана Васильевича, он только жадно поглядывал на стол, уставленный сулеями, жбанами и другими сосудами с водкой, винами и медами...

Когда пир был в полпира и весь гудел пьяным гулом, голова у Ивана Васильевича кружилась, и, хмелея, он слышал, как кругом всё чаще и чаще кричали:

— Горько, горько!

Иван Васильевич всякий раз в ответ на это по-пьяному размашисто обнимал царевну и целовал в уста, чуя, как она упирается в него излишне пышной, но по-девичьи упругой грудью и целует его все горячей и горячей, а от души иль без души, того он уже не разбирал...

Глава 13

ВОРОВСТВО ЧУЖЕЗЕМНОЕ

На другой день после свадьбы посол папы архиепископ Антонио Бонумбре и Димитрий Палеолог-Раль, посол от царевичей Андрея и Мануила, братьев Софьи, пришли с поздравлениями и подарками к великому князю, как это было решено у старой государыни на семейном совете.

Прибыв на княжий двор со своего подворья вместе с приставами, которые были приставлены к ним правительством московским, послы недалеко от хором государя вышли из своих повозок и пошли к красному крыльцу пешком, сопровождаемые свитой, спешившейся с коней.

Оба эти посольства встречены были особо почетно. Им были посланы три встречи из бояр: у красного крыльца, в сенцах княжих хором и при входе в переднюю, где великий князь уже сидел на своем резном престоле, над которым висела икона в золотом окладе с драгоценными каменьями в венце, сверкавшими райками от трепещущего огонька лампады.

После обмена поклонами великий князь поднялся с престола и спросил папского легата через дьяка своего Курицына, который так передал по-итальянски его вопрос:

— Государь всея Руси и великий князь Иоанн велел спросить, как здоровье его святейшества папы?

— Благодарю ваше величество. По милости божией, его святейшество папа здрав,— ответил Бонумбре через того же Курицына.

— Хорошо ли вы, ваше высокопреосвященство, и все, кто с вами, совершали путь по нашим владениям?

Легат снова благодарил великого князя и, обратясь к своей свите, велел представить великому князю папские грамоты. После просмотра грамот дьяком Курицыным и принятия их, Бонумбре преподнес великому князю огромное яйцо птицы страуса, дивно оправленное работой златокузнечной в виде прекрасного кубка. Верхушка у яйца была отпилена и тоже оправлена золотом в виде откидной крышки на кубок. Скорлупа яичная и в кубке и на крышке красиво просвечивала сквозь золотой узор, а внутри была выстлана сплошным тонким золотом.

Государю сей кубок весьма понравился.

— Ваше высокопреосвященство,— перевел его слова дьяк Курицын,— я изумлен тонкостью работы и восхищен красотой и легкостью этого замечательного кубка!

В ответ на это Бонумбре произнес от лица папы краткую речь,

поздравив великого князя с законным браком и ловко вплетя в приветствие супругам пожелания объединения Москвы и Рима. Заканчивая свою речь, архиепископ высказался еще определеннее, намекнул насчет объединения римской и русской церквей и выразил желание побеседовать об этом с его высокопреосвященством владыкой Филиппом.

Во время этой речи великий князь незаметно переглядывался с Курицыным, и веселая усмешка на миг скользнула на его устах.

От лица великого князя опять отвечал Курицын.

— Государь,— говорил он,— попросит отца своего и богомольца, митрополита, дабы он устроил собеседование о вере, как желает ваше высокопреосвященство. Пока же государь просит присесть здесь вот, на скамье, против него, на почетном месте.

Выступление Димитрия Раля, дяди Софьи, с поздравлениями от братьев ее Андрея и Мануила было скромное. Он поздравил великого князя от имени царевичей и преподнес на изящном серебряном блюде две золотые чарки.

Все это было скучновато и утомительно, и великий князь, пригласив послов к себе на обед, тотчас же отпустил их. Когда все вышли, Иван Васильевич весело рассмеялся и сказал:

— Чую, Федор Василич, будет сие прение о вере похоже на твое давнее прение о Володимире с теткой, когда яз в отроческих летах был...

— О молебнах святым и о дарах домовому?— смеясь, спросил Курицын.— Помню, государь. Чуть не прокляли мы с теткой-то тогда друг друга, споря, какой же святой лучше для коров, для коней, овец и кур и который выгодней для хозяйства...

— Домовой-то оказался выгодней всех; спеки ему всего одну «козюльку»— на его потребу, а он весь год будет тобе скот и птицу стеречь...

— Так и ныне будет, государь,— заметил Курицын.— Попы-то упрямы, ни в чем не уступят друг другу. Им ведь дела нет никакого до пользы государства. Токмо за слова да суеверия цепляются. Может, латыняне-то умней будут. Сей часец, яз мыслю, папе выгодней всякой унии союз против турок...

— Верно!— воскликнул великий князь.— Ежели уж легатус о государственном разуме заговорил и ради сего крыж спрятал, то и преть с попами нашими в ущерб Рыму зря не станет.

— И яз так мыслю, государь,— согласился Федор Васильевич,— хитер легатус-то. Найдет он увертку.

— Дабы волки были сыты и овцы целы,— весело молвил великий князь.— Сей же часец яз сам, яко волк, готов целого барана съесть. Идем к государыне-матушке. Она нас звала, у нее ныне семейная трапеза.

Беседа и прения о соединении русской и римской церквей вскоре состоялись у владыки Филиппа в подворье и окончились так, как предполагал великий князь,— ничем.

Папский легат весьма осторожно приступил к выполнению своей задачи. С первых же шагов он поставил дело так, что между обеими церквами будто бы нет никакой вражды, а, наоборот, Москву и Рим объединяет общая борьба с мусульманами за веру христианскую и за освобождение от турок Иерусалима и гроба господня.

Но уже из ответа митрополита Филиппа папский легат почувствовал, что все пути к объединению церквей отрезаны. Говорил митрополит внешне спокойно, но непримиримо. Он взял символ веры русской церкви и символ веры[1] римской и указал на восьмой член, где у русских говорится о боге-духе святом, что он происходит только от бога-отца, а у римлян — что дух святой происходит и от бога-отца и от бога-сына. Утверждение римской церкви митрополит объявил ересью. Когда после митрополита выступил в прениях известный на Москве книжник Никита Попович, папский легат ясно увидел, что не только соединения церквей, но и общего языка у Рима с Москвой не может быть.

Никита Попович говорил долго, гневно и пылко, торопливо перелистывая священные книги и читая из них длинные выдержки. Книг на столе около Никиты было так много, что великий князь, переглянувшись с дьяком Курицыным, собрался уже уехать из хором митрополита, где происходили прения. Но в это время архиепископ Бонумбре, воспользовавшись кратким перерывом в речи Никиты Поповича, встал и испросил слова у митрополита, а получив разрешение, сказал спокойно и вежливо:

— Я внимательно выслушал все существенные возражения вашего высокопреосвященства, а также отца Никиты, но не могу по сути дела подкрепить свои мнения чтением тех или иных мест из священного писания и от отцов церкви, ибо со мною нет нужных мне книг...

Уклонение папского легата от прений вызвало открытое ликование среди русского духовенства, объявившего свою победу в прениях...

Бонумбре все это принял весьма спокойно и, как показалось великому князю, был доволен мирным окончанием своей неудачной попытки...

Отъезжая от митрополита, великий князь позвал в свою колымагу и Федора Васильевича; хотелось ему побеседовать с дьяком своим с глазу на глаз.

[1] *Символ веры* — краткое изложение основных положений вероисповедания, обязательных для каждого члена церкви.

— Ловко ведь увернулся легат-то,— смеясь, заговорил Иван Васильевич,— умен, умен сей папский легат.

— Онн, государь, все умны,— заметил Курицын,— токмо ум-то на глупости тратят.

Великнй князь нахмурил брови и спросил:

— На какне же глупости, ежели они о снмволе веры баили?

— Не гневись, государь,— ответил Курнцын,— тобе нечто от грецкой фнлософни, сиречь любомудрия, скажу. Много яз изучал по-грецки великого мудреца их, Арнстотеля именем. Мудрец сей учит, как правильно мыслить, дабы не мешать истнну с ложью. Науку о сем Аристотель называет «логика», сиречь наука о том, как разумно мыслить...

Великий князь слушал весьма внимательно.

— А ну, скажи мне,— молвил он,— что-либо от его мудрости.

— Изволь, государь, слушай... Вот он что об истине сказывает: «Истина всегда н везде истина и не может быть ложью». Инымн словесами, в одном деле не может быть враз нстнна и ложь, а токмо одно: либо ложь, либо истина.

Иван Васильевич задумался.

— Правильно сне,— произнес он медленно,— так же вот: бог всегда и везде есть бог н не может быть не богом...

— Истинно, государь,— радостно воскликнул Курицын,— нстинно так!

— А как по науке сей утвердить бытие божие?— опять подумав, спросил великий князь.

— Бог есть, нбо мудрое устройство мира служит для сего основанием,— ответил Федор Васильевич и, подумав, добавил:— Из сего же ясно, что бог един, как и в священном пнсанин писано, ибо ни един волос не упадет с главы без воли его, все лишь единой его волей деется...

Великий князь задумался на миг н быстро спросил:

— А к чему ты молвил, что попы умны, а ум на глупостн тратят?

— Истинно так, государь,— смелей заговорил дьяк.— Попы вот бают: «Бог-то един», а сами его на трех богов делят: бога-отца, бога-сына и бога-духа святого... Как же может быть трн бога, ежели он един? В символе же веры сказано: «Верую во единого бога-отца», далее, «и во еднного господа Инсуса Хрнста», а далее: «н в духа святого, господа животворящего, иже от отца нсходящего...» А по логике-то выходит...

— Един бог,— быстро перебил дьяка Иван Васильевнч,— не может быть в одно и то же время тремя едиными богами...

— А от отца нсходящего?— заметил дьяк.

— И сего быть не может,— с увлечением продолжал великий

князь,— ибо вся троица вечна, из века веков есть, а потому и один бог от другого происходить не может...

— А как же сказано: «Иже от отца рожденного прежде всех век бога истинна от бога истинна...»

Великий князь ничего не ответил и задумался. Он как-то сразу многое понял по-новому, а мысли его будто вооружились и стали вдруг острее и глубже...

Он молчал всю дорогу и, только выходя из колымаги, сказал:

— Утре приходи к раннему завтраку. Вижу яз, что сия наука Аристотелева не токмо попам надобна, а более того — государям при государствовании ихнем.

Как только до Рязани дошли вести, что в Москву приехали из Рима царевна и папский легат со свитой, Джованни Баттиста Тревизан заволновался. Захватив с собой свою небольшую казну, ибо все ценности оставались на хранении в хоромах Ивана Фрязина, спешно поехал он в Москву в сопровождении толмача и двух слуг-венецианцев.

Иван Фрязин встретил его с досадой, опасаясь, как бы греки, приехавшие с царицей, чего бы не вызнали от своего соплеменника, тем более что Тревизан был родом из Мореи и знал Палеологов.

— Приехал ты преждевременно,— сказал Тревизану царский денежник,— лучше бы выждать, когда легат со свитой вернется в Рим. Ныне ты будешь у всех на глазах...

— Я думаю,— возразил Тревизан,— на людях, среди многих иностранцев, я буду менее заметен...

— Наоборот!— воскликнул Иван Фрязин.— И папский легат и прочие сразу тебя заметят и будут расспрашивать. В Риме известно, что дука Николо Троно послал тебя не в Москву, а в Орду. Лучше бы нам было после свадебных торжеств тайно выехать к хану прямо из Рязани...

Но все эти разговоры ничего уж изменить не могли, и то, чего Иван Фрязин так опасался, вскоре случилось.

Дня через два после приезда Тревизана как будто нарочно попался он навстречу папскому легату, ехавшему по русскому обычаю для высших духовных лиц в открытых санях в сопровождении пешей и конной свиты из итальянцев и греков, из которых многие знали лично посла Венецианской синьории[1].

— Добрый день, господин Тревизан!— послышались приветствия со всех сторон на итальянском и греческом языках.

Тревизан вынужден был открыться и, как униат, благоговейно подошел под благословение архиепископа Бонумбре. Легат был

[1]*Венецианская синьория* — правительство Венецианской республики.

крайне удивлен появлению в Москве венецианского посла и, благословив его, спросил:

— Вы уже вернулись из Орды, господин Тревизан?

Тревизан побледнел и, оглядевшись испуганно по сторонам, проговорил вполголоса:

— Ваше высокопреосвященство, в Одру я ие ездил. Разрешите поговорить обо всем у вас в доме, если вы соблаговолите приинять меня.

— Это затруднительно,— ответил папский легат,— ибо я со свитой стою иа посольском подворье за приставами царскими и иа прием гостей должеи просить разрешение у самого государя московского.

Однако, подумав некоторое время, он предложил:

— Идите, господин Тревизан, рядом с санями моими и поведайте мне, что с вами случилось.

Тревизаи, чувствуя безвыходность своего положения, ие стал таиться перед Бонумбре и рассказал все, как было у него с денежииком Иваном. Скрыл он только о корысти и своей и деиежника, а объяснил сговор свой желанием верней достигнуть цели, минуя государя московского.

— Джованни Баттиста делля Вольпе боялся,— сказал он,— что великий князь задержит меня и в Орду ие пустит. Вольпе клялся, что, привезя царевну, он будет в такой силе, что сможет и без государя, хотя и тайно, проводить меня до Орды, откуда я смогу поехать в Венецию уж другой дорогой, минуя Москву, через Дикое Поле и потом через Киев...

Легат был возмущен злоумышленьем Ивана Фрязина и, зная о нем мнение его святейшества папы, решил разоблачить его перед великим князем. Догадавшись об этом, Тревизан со слезами иа глазах стал молить легата, чтобы он заступился за него пред грозным государем московским.

Бонумбре обещал ему свое заступничество.

В шестнадцатый день иоября сидел у великого князя после завтрака дьяк Курицын, беседуя с государем о науке Аристотелевой.

— Меж «да» и «нет»,— говорил дьяк,— как учит Аристотель, ие может быть нешто третье, средина какая-либо. Ежели кто спросит: «Умер Петр или жив?», то можно ответить: «жив» или «умер», ибо середины тут быть не может. Ежели умер, то не живет; ежели он жив, то не умер.

Постучав в дверь, вошел в покой великого князя дворецкий.

— Государь,— доложил ои,— пришел некий фрязин от легата папского, а что баит, не разумею. Токмо к тобе хочет. Может, его Федор Василич наперед спросит?

— Ну, спроси, Федор Василич,— согласился великий князь.— Где он?

— В передней, государь...

Дьяк Курицын вышел.

— Как, Данилушка,— спросил великий князь,— моя княгиня без русского языка с хозяйством-то обходится?

— По-русски она разумеет, государь, а сказать мало может. Из сенных девок у ней одна болгарка есть, та понятно сказывает. Вот через нее-то царевна нашим слугам, что нужно, приказывает. Иеромонах же, отец Николай, который на венчанье толмачом ей был, разумея по-грецки, обучает ее по-русски...

Данила Константинович замолчал и глубоко вздохнул.

— Ты что вздыхаешь-то, Данилушка?— с легкой усмешкой спросил Иван Васильевич.— Жалеешь, что старина рушится?

— Эх, государь мой,— оглядевшись на всякий случай, заговорил вполголоса дворецкий,— новые-то порядки чудные вельми. Спроси я как-то болгарку, Цанкой звать, что-де две старухи у государыни деют? «Сии,— баит она,— травы всякие ведают, зелья варят».— «Пошто же сие деют?»— говорю, а она мне: «Вещие бабы сии: могут отраву смертную дать, сгубить незаметно, могут и ото всякого яда исцелить».

Иван Васильевич нахмурил брови и с сомнением сказал:

— На что ей вещие бабы, когда с ней лекарь есть?

— Тот,— сказывает Цанка-то,— в ядах ничего не разумеет. У них там, у фрязинов и греков, все знатные князи, духовные и мирские, при собе таких вещих людей доржат. Собя берегут и других травят, когда надобно...

Вспомнилось великому князю, как повар в Новгороде Димитрия Шемяку отравленной курицей накормил...

— Ишь чему святые папы дщерь свою духовную научили,— сказал он глухо.— Ты, Данилушка, молчи, но глаз не спущай. Любят люди зло наипаче всего...

— Яз, государь, Цанку-то помалу уж приручил. Она ныне...

Отворилась дверь, и в покой вошел дьяк Курицын, весьма расстроенный. Великий князь забеспокоился и резко спросил:

— Зло какое?

— Легатов вестник повестовал мне о воровстве пред тобой Ивана Фрязина. Обманом он объявил тобе, что Тревизан ему племянником доводится. Тревизан же не фрязин, а грек из Мореи и вовсе денежнику не родня.

— Да пошто же приехал к нам сей Тревизан?— нетерпеливо перебил Курицына Иван Васильевич.

— Государь,— ответил дьяк.— Легат-то повестует, что ведомо ему, пошто у нас Тревизан. Послан он к тобе, государь, от Венецейской синьории и от дуки венецейского Николы Троно

с челобитьем и подарками, дабы ты пожаловал Тревизана и к Ахмату, царю Большой Орды, со своим же послом отпустил. А везет Тревизан челобитье к Ахмату ото всех фряжских земель со многими дарами, дабы Ахмат им в пóмочь воссел на коня и шел бы великою ратью на султана турского.

Великий князь вскочил с места. Лицо его исказилось от гнева, стало страшным. Он быстро заходил вдоль покоя. Потом подошел к любимому месту у окна и стал смотреть в него, словно окаменел весь. Так же неподвижно позади государя стояли на своих местах и дьяк и дворецкий...

Но вот, не оборачиваясь, видимо сдерживая гнев, великий князь резко и беспощадно произнес:

— Федор Василич, наряди немедля обыск. Вызнай сам у легата все. Ежели правда сие, поимай Ивана Фрязина и Тревизана. В железо обоих оковать, а после розыску — казнить! Какой же казнью, о сем после. Иди. Все сие за два часа изделать...

Весть о гневе государевом всполошила всех чужеземцев в Москве. Бонумбре, узнав из разговора с дьяком Курицыным, что Тревизану грозит смерть, просил допустить его со всей свитой своей к великому князю челом бить за Тревизана. Курицын обещал, но пока, уверившись в правде донесения, велел заковать в цепи Ивана Фрязина и Тревизана, вести их обоих по улицам с великим бесчестием в оковах и пешими. Потом же посадить порознь в земляную тюрьму, как воров и разбойников...

Доклад дьяка великий князь выслушал спокойно, холодно, сказав в ответ:

— Ивана Фрязина возьми за приставы, пошли его на Коломну в тесное заключение. Хоромы его отобрать, а жену и детей за приставами держать. Тревизана же на Москве казнить нещадно, дабы обманывать нас чужеземцам неповадно было.

Видя великого князя более спокойным, дьяк Федор Васильевич осмелился сказать и свое слово.

— Государь,— молвил он осторожно,— может, лучше будет посла днесь же от нас снарядить к венецейскому дуке Троно. Тревизан же пока в заключении будет. Понадобится нам Венеция-то. Мастеров там всяких много...

В покои к великому князю вошел дворецкий и сказал:

— Прости, государь, повелела мне великая княгиня Софья Фоминична молить тя, дабы принял ты челобитье от легата папского о Тревизане...

Иван Васильевич усмехнулся и сказал Курицыну:

— Вовремя ты, Федор Василич, о венецейских мастерах вспомнил. Ну, Данила Костянтиныч, где легатус-то сей? Зови его.

— У княгини твоей. Сей часец приведу, государь.

— Токмо в переднюю мою,— сказал великий князь,— да пришли Саввушку с кафтаном нарядным. Избери сам, который побогаче.

Когда Иван Васильевич вместе с дьяком Курицыным вышел в переднюю, то ожидавший там архиепископ Бонумбре и сопровождающие его духовные и светские люди почтительно двинулись навстречу великому князю.

— Будьте здравы, ваше величество,— перевел слова архиепископа дьяк Курицын,— яз и все, кто со мной, челом бьем: пожалуйте посла венецейского и смилуйтесь над ним, сами же обошлитесь об этом с дукой венецейским и синьорией.

— Будьте и вы здравы, ваше высокопреосвященство,— ответил великий князь и, не желая брать благословения от иноверца, но в то же время чтя его высокий духовный чин, подал ему руку, как равному себе светскому человеку.

Усадив папского легата против себя и повелев подать лучших медов, великий князь сказал ему:

— Из уважения к его святейшеству папе,— как перевел дьяк Курицын легату слова государя,— я принимаю ваше ходатайство о Тревизане и сделаю так, как вы просите.

Потом великий князь собственноручно наполнил кубок архиепископа. Остальным подал кубки дворецкий.

Встав, с кубком в руках, государь произнес:

— За здравие его святейшества папы.

Легат, испросив разрешение испить здравицу за государя, провозгласил:

— Да здравствует многие лета могучий государь всея Руси, оплот борьбы христиан с мусульманством!..

На этом прием у великого князя закончился.

Января двадцать шестого состоялся в передней великого князя прощальный прием отъезжающих в Рим папского посла архиепископа Бонумбре и посла от братьев государыни Димитрия Раля-Палеолога.

При прощании присутствовали все семейство и вся высокая родня государя Ивана Васильевича. После одиннадцати недель пирований и чествований римских послов великий князь рад был отдохнуть от непривычного для него провождения времени.

После речей обеих сторон послам были переданы для папы и для братьев царевны такие богатые дары золотыми и серебряными изделиями, драгоценными мехами, самоцветами, шелками, парчой и сукнами, которые должны были не только Рим, но и все прочие государства привести в изумление. Подарки были от великого князя Ивана Васильевича, от сына и соправителя,

великого князя Ивана Иваиовича и от супруги, великой киягиии Софьи Фомииичны.

Все это великий князь исполнял, как скучную, но неизбежную повиниость, связанную с его положеиием и со свадебиыми обычаями. Когда же, иаконец, оба посла со своими спутниками отъехали с княжого двора, ои с великим удовольствием прошел в свою опочивальню и прилег на постель. Ему не хотелось спать, а только отдохиуть от постороиних людей и побыть одиому у себя со своими мыслями и чувствами.

Но Даиилу Коистантиновича, когда тот хотел выйти из опочивальни, ои удержал и сказал:

— Погоди, Даиилушка. Сядь возле, побаим малость...

Так как государь ии о чем ие спрашивал, позволил себе спросить дворецкий, чувствуя, что они оба в таких беседах просто друзья детства и близкие люди.

— Иваие, как же ты со своей княгииеи живешь?

Иваи Васильевич иасмешливо улыбиулся и ответил:

— Как полуиемые либо полуглухие. Ни сказать полиостью, ии разобрать всего, что другой говорит, ие можем. Она по-русски разумеет иемного более, чем яз по-фряжски. Для опочивальии сего довольио, а вот для души и для дум о государствоваиии слов-то у иас иикаких иет.

— Ништо,— успокоительно заметил Данила Коистаитинович,— царевиа-то научится. У тобе ж дум всяких и дел много и тревог. Ей же легче — зиай токмо учись, да и русская речь круг иее звучит, как ручей, иепрерывио льется.

В дверь постучал и вошел дьяк Курицыи.

— Прости, государь,— заговорил ои,— яз по приказу твоему. Антонио Фрязин, которого мы отсылали в Веиецию к дуке Николо Троио и к Веиецейской сииьории, сиречь к господе их, токмо что возвратился и привез два письма от сииьории. Оии мечены четвертым декабря сего лета. Одио к тобе, а другое к Тревизаиу.

— Утре приму яз его. Диесь притомился.

— Прости, государь,— молвил Федор Васильевич,— мысля о сем, дабы не утруждать тя, яз сам обо всем разведал у Антонио Джислярди и письмо к тобе взял. Ежели повелишь, яз вкратце о сем доложу тобе.

— Добре, добре,— молвил великий князь,— сказывай. Перво-наперво скажи, ие было ли обиды дуке от слов моих, которые писал ему: «Кто шлет послов через земли наши тайно, обмаиом, ие испросив моего дозволения, тот честные обычаи рушит»?

— Нет, государь. Ни дука, ни синьория обиды собе в том не видели, сказав, что иет их вины в сем, ибо писали тобе грамоту и дары посылали, но Тревизан, по наущению денежника, все скрыл.

— А в письме что?

— Синьория тобе пишет, что Тревизан послан к тобе за помочью, ты бы повелел сопроводить его в Орду. Была тобе от них челобитная и дары. К Ахмату же посылался Тревизан с богатыми подарками и от всех фряжских земель, дабы пожаловал их Ахмат своей пóмочью, воссел бы на коня против турского султана, а фряжские-де земли все военные траты щедро ему возместят, и ежели Ахмат на сие согласен будет, послов бы своих прислал для докончания...

— Добре, добре,— оживившись, заметил великий князь,— а о мастерах венецейских ништо нам не баил?

— Баил, государь,— ответил дьяк,— из-за сего яз и решил тобя потревожить. Дары тобе добрые синьория послала и охранную грамоту для твоих послов, которых захочешь послать ты в Венецию. Токмо имена их в сию грамоту вписать...

Великий князь быстро поднялся с постели.

— Сия грамота мне дороже всех даров!— воскликнул он с радостью и, обратясь к дворецкому, добавил:— Прикажи-ка, Данилушка, дабы нам сюды лучших медов подали. Выпьем за успех дела с мастерами хоромными, стенными да пушечными...

За беседой великий князь весьма развеселился и говорил с радостью:

— Ныне русское посольство в Венецию пошлю, а главою оного не иноземца, а своего боярина московского поставлю, Семена Иваныча Тóлбузина. Довольно мне воров всяких, подобных Ивану Фрязину. Как ты, Федор Василич, о Толбузине-то мыслишь?

— Мужик он с умом, государь,— ответил Курицын,— скорометлив и сведущ во многом.

— И яз его таким ведаю,— продолжал государь.— Антон же Фрязин токмо толмачом будет Семену Иванычу, под началом его. Хочу, дабы Толбузин нашел и привез мастера по строению церквей, стрелен и стен, да и огненный бы наряд добре ведал и пищали бы и пушки лить умел. Лучники да пушечники нам ныне вельми надобны и против новгородцев и против немцев, да и чтобы на Оке «Большую узду»[1] татарскую сильней крепить...

— А как быть, государь, с Тревизаном?

— Пусть пока у боярина Никиты Беклемишева остается, токмо не под стражей, а в почете. Оковы сыми с него немедля, корм положи добрый, как послу, и посольских приставов ему дай. Вборзе, скажи, повелю ему на очи свои прийти. Когда же придет случай в Орду кому ехать, отошлем и его туда с нашим послом.

— О сем, государь, мыслю и яз так же,— согласился дьяк

[1] *«Большой уздой»* в те времена называли боевые укрепления против степняков вдоль рек Оки и Угры.

Курицын,— токмо надобно спешно и дуку Троно известить, что все по его мольбе изделано...

Великий князь улыбнулся и весело молвил:

— Добре. Толбузин с Фрязиным к концу апреля, бог даст, воротятся. Люблю яз, когда круг меня дело кипит! А содеять-то много еще надобно, токмо бы живота хватило. Что же не доделаем, дети да внуки доконча т.

— Истинно так, государь,— проговорил Курицын,— нам бы токмо Орду сбросить!...

— Но прежде всего,— заволновался великий князь,— господу новгородскую и удельных, дабы ни Казимиру, ни Ганзе немецкой к Москве рук не дотянуть...

Иван Васильевич с живостью обернулся к дворецкому:

— Ты поди-ка, Данилушка, ко княгине моей и молви ей: государь-де думу будет думать в своей трапезной с дьяками и обедать с ними. Пусть не ждет к обеду-то, буду токмо к ужину.

Когда Данила Константинович уходил, Иван Васильевич крикнул ему вслед:

— Пошли за Бородатым. Скажи, государь, дескать, тя на думу к собе кличет. Пусть не мешкает старик-то. Сам тоже с нами обедай, ежели тобе можно от княгининой трапезы уйти...

— Прости, государь,— нерешительно спросил дьяк Курицын, когда дворецкий вышел,— который раз примечаю, неохотно ты со княгиней своей бываешь...

Великий князь нахмурил брови, но сказал с усмешкой:

— Сам бы мог о сем сметить. Как и о чем нам беседу вести? Говорим оба, как бы дети малые. Как она по-русски, а яз так же по-фряжски.

После небольшого молчания Федор Васильевич опять спросил великого князя.

— Разреши, государь, спросить тя. Ежели ты думу хочешь думать о Пскове, как смекаю, то яз доведу тобе: немцы ныне теснят их на рубежах. У псковичей всего одна пóмочь токмо от тобя, государь, ибо с Новымгородом у них неполадки...

Вошел дворецкий с дьяком Бородатым. Дьяк помолился на иконы и, отдав глубокий поклон великому князю, молвил:

— Будь здрав, государь. Рад яз, что в старости своей еще тобе надобен.

— Будь здрав и ты,— сказал Иван Васильевич,— будешь ты мне надобен, покуда господь живота тобе дает.

Государь обернулся к дворецкому и спросил:

— Как, Данила Костянтиныч, с обедом?

— Готово все, государь,— ответил дворецкий,— в твоей трапезной к обеду все собрано.

За трапезой была беседа долгая. После подробных докладов о Пскове н Новгороде обоих дьяков слово себе нспросил у велнкого князя Курнцын.

— Государь,— начал он,— из всего, что мне было ведомо, а боле нз того, что Степан Тимофенч нам сказывал, вот какое дело выходит. Твои слова возьму, государь: «Перво-наперво у ворогов трещнну сыскать». Во Пскове-то меж бояр, черных людей и смердов, как н в Новомгороде у бояр с чернымн людьмн, тоже есть трещина. Бояре псковские совсем хотят смердов к земле прикрепить смердьимн грамотамн, да н черных людей крепче за горло взять. Токмо ныне черные людн на вечах сами жмут псковскую господу, а новгородскне черные люди — свою. Силу берут ныне черные люди на обонх вечах-то. Посему смерды и черные людн на Москву глядят... Бояре же оплечье собе найтн хотят у Казимира, нбо все богатство свое от Ганзы немецкой добывают.

— Верно сне,— подтвердил дьяк Бородатый.— Господе новгородской дела нет до Руси, ей бы токмо барышн былн. Они приказчикн немецкие. И живут немецкнм обычаем, кафтаны носят немецкне н власы по-немецкн стригут.

— Истнnно так,— продолжал Курнцын.— Господа новгородская токмо торгом живет и немцам даже землн свои уступает, лншь бы прнбылн не терять. Готовы онн н всю Русь ограбить, как ушкуйннкн их все свои пятины грабят н добычу, как товар, продают Ганзе. Да и дань-то со всего Обонежья н Заволочья через Ганзу идет. Все у них немецкое: не токмо кораблей, а и лодок даже своих у них нет — у немцев внаем берут под свон товары...

— Они для ради корысти,— снова вставил слово свое Бородатый,— н веру латыньскую возьмут н Русь продадут немцам-то...

Велнкий князь молчал н внимательно слушал, только глаза его вспыхивали время от времени — ясней н ясней становилось ему положенне Руси н внутрн н среди чужнх земель.

Когда речи дьяков закончились, он некоторое время, нахмурившнсь, сидел молча. Потом, допив чарку меда, заговорил деловито, как пнсал обычно в наказах послам или сказывал воеводам: четко, скупо, без лншних слов.

— Наизлые ворогн нашн,— начал он,— Ахмат, Казимнр и немцы. Пособннки же снх ворогов — господа новгородская и совет старейшнн во Пскове. Да н удельные нашн то ж. Тверь еще н та поперек путн нам. Нанглавное же Новгород. Осиное гнездо, как его еще покойный мой родитель звал. Посему ты, Степан Тнмофеич, ищн и кормн доброхотов наших и во Пскове н в Новомгороде. Глядн на черных людей н смердов, дабы чуяли

помочь от руки Москвы. Вовремя все мне доводи, дабы одним помочь, других придавить...

— Разумею, государь,— встав и поклонившись, сказал дьяк Бородатый,— ныне же думу соберу с подьячими своими, дабы немедля все нарядить по приказу твоему.

Государь одобрительно кивнул головой.

— Садись пока, Степан Тимофеич,— молвил он и, обратясь к дьяку Курицыну, продолжал:— А ты, Федор Василич, на татар гляди да на Казимира, да опричь того Венецию не упущай и о Рыме помни: там нам тоже паутину плетут. Оба же помните, что на сей день друзья наши — турский султан и подручный его — хан крымский Менглы-Гирей, да вы, да воеводы наши с полками, да дети боярские сиречь дворяне, и черные люди...

В дверь постучал и вошел начальник княжой стражи вместе с вестником татарским, который, войдя в трапезную, пал ниц перед великим князем, упершись в пол подбородком.

— От царевича Даниара,— доложил начальник государевой стражи,— вестник разумеет по-русски.

— Встань,— молвил великий князь,— сказывай.

— Живи сто лет, государь!— воскликнул, подымаясь, татарин и продолжал:— Царевич Даниар, да хранит его аллах, повестует: «Многие лета живи, государь. Шлю тобе весть, что из Орды идет посольство, а с ним и наш посол Микифор Басёнков. Во многой чести Микифор-то у царя Ахмата, как доброхоты наши татарские из Орды доводят. К весне Ахмат снаряжает великое посольство к тобе. Послом же будет Кара-Кучум, а с ним поедут многие сотни купцов с товарами и множество косяков коней на торг приведут. Токмо снег сойдет, посольство сие со стражей многой на Москву пойдет через Дикое Поле. Ведай о сем, государь, упреждаю тя, слуга твой верный, и впредь о сем вести отсылать буду. Прими поклон мой».

Татарский вестник вновь распростерся на полу перед великим князем.

— Встань и слушай,— молвил великий князь.— Передай царевичу: «Буду здрав и прими от меня селя́м. Спасибо тобе за верную службу. Вестников же обо всем всегда мне шли».

Обернувшись к начальнику своей стражи, Иван Васильевич добавил:

— Дай доброе угостье вестнику, пусть отдохнет и едет восвояси.

Когда вестник вышел, пятясь задом к дверям, государь сказал:

— Думу продолжать будем, токмо ты, Федор Василич, не забудь наместнику моему московскому, князю Ивану Юрьичу Патрикееву, о посольстве сем довести и скажи от меня, чтобы все нарядил для такого множества людей и коней, да и о страже

доброй и крепкой не забыл. Не вышло бы зла ни нам, ни татарам. Передышка от татар нам еще надобна...

Глава 14

ПОКА ГРОМ НЕ ГРЯНУЛ

В лето тысяча четыреста семьдесят четвертое, мая восемнадцатого, родилась великому князю дочь от Софьи Фоминичны, всего за три дня пред Еленой и Константином, и в честь этого праздника наречена при крещении Еленой. Этот год с самой ранней весны дни стояли теплые и веселые, и время бежало незаметно. Двенадцать дней вот прошло, а словно вчера мелькнул Николин день с посевом яровых, потом прошли и Лукерья-комарница, и Сидор-огуречник, и Пахомий-теплый, а ныне вот, когда льны — Олене, а огурцы — Константину, именины уж настали новорожденной, поздравляй уж ее со днем ангела.

Отпраздновали и крестины и именины весело, но великий князь, уходя после обеда в свою опочивальню, снова стал мрачным. Вспомнил он несчастье великое, что случилось в Москве накануне: храм красоты чудной, Успения пресвятой богородицы, заложенный еще покойным владыкой Филиппом и ныне только что законченный, нежданно рухнул среди ночи со страшным грохотом и треском. Была, по словам зодчих, в строительстве этом ошибка в стеносложении допущена. Северная стена храма была высокая, но сложена в один кирпич, а изнутри отягчена каменной лестницей, переходящей на переднюю стену. От тяжести лестницы стена эта переломилась, упала и рассыпалась по самый алтарь. Упали вслед за ней и своды все ближние. Целыми остались южная и задняя стены, столпы же и своды над алтарем только сдвинулись и потрескались.

— Как, Иване,— обернувшись в дверях, горестно спросил великий князь,— разбирают ли своды и стены у Пречистой?

— Спешно сие деют,— ответил сын, юный соправитель.— Все каменщики на работу согнаны, а зодчие, бают, вборзе разберут своды и рушенья более не допустят...

Великий князь, взглянул на сына, заметил у него желание о чем-то спросить, и сказал:

— Яз, Иване, беседу днесь с тобой хочу вести.

Когда оба великих князя вошли в покой государя, Иван Васильевич сел за стол и сказал:

— Садись, сыночек, рядом. Хочу о многом с тобой баить: о друзьях и ворогах, о Новомгороде, о рубежах наших и прочем...

Глаза княжича Ивана загорелись.

— Рад яз!— воскликнул он.— Хоша о многом сказывает мне

Федор Василич, но тобя, государь-батюшка, более яз слушать люблю. Мысли твои вельми разуметь хочу...

Иван Васильевич улыбнулся и достал из ящика стола большую, свернутую в трубку карту, на которой начертаны были рубежи Московского великого княжества и его удельных княжеств, рубежи других русских великих княжеств с их уделами и границы всей Руси с соседними с ней иноземными государствами — латинскими и мусульманскими.

— Ведомо мне, Иване,— молвил великий князь,— что ты в приказах бываешь, делам там государственным обучаешься. Ведаю, что ты и дело ратное любишь и разумеешь. Хорошо деешь: все сие государю знать надобно. А как ученье твое?

— Яз разумею по-латыньски и по-фряжски,— живо ответил княжич,— люблю книги иноземные читать о ратном деле, о строении стен, стрелен, врат железных и мостов подъемных. Ведаю ныне, как пушки льют и как огненный наряд и для какой потребы наряжать надобно. Во всем воеводы мне помочь дают, а что яз по книгам уразумею,— они на деле мне кажут.

— Добре сие, добре,— сказал великий князь,— все государю ведать надобно. По-латыньски и по-фряжски и на иных языках разуметь также корысть не малая: без толмачей сам уразумеешь, что тайно ведать захочешь, а может, и жена у тобя будет из иноземных царевен или княжон...

Сын густо покраснел и опустил глаза перед острым взглядом отца. Иван Васильевич вспомнил свою юность и усмехнулся.

— Эх ты, девица у меня красная,— молвил он, ласково потрепав сына по плечу,— ну, да о сем в свое время. Гляди вот сюда и слушай.

Великий князь медленно развернул и расправил карту, положив на углы ее тяжелые дубовые кружочки, чтобы не коробилась.

Указав на запад, он повел перстом вдоль рубежей с иноземными государствами и начал:

— Отсель вот грозят немцы, и первое оплечье у Руси проти́в них — псковичи. Псковичам же токмо Москва может помочь. Новгородская же господа сама готова сожрать Псков, поделив его с немцами, дабы всю торговлю его собе захватить...

— А где ко Пскову нашим полкам проходить?— спросил молодой великий князь Иван Иванович.

— Через Тверское княжество, сыночек, ибо новгородцы и Торжок и Тверь рублем бьют. Захватили они все торговые пути вплоть до нашего Волока Ламского. С немцами ганзейскими у них докончания на сие есть. Га́нза-то через госпо́ду новгородскую до самого Каменного пояса[1] торговую паутину плетет. Посему

[1] *Каменный пояс* — Уральский горный хребет.

Тверь-то с нами дружит, как и псковичи. С нами им выгодней...

Поглядев на карту и помолчав, государь повел перстом от Псковской земли на юго-восток через Великие Луки к Волоку Ламскому, а отсюда вдоль южного рубежа Московского княжества до Рязанской земли.

— Здесь, Иване,— продолжал Иван Васильевич,— постоянно грозит нам Казимир, круль польский, он же и великий князь литовский. Тут мы с ним на рубеже лицом к лицу стоим, а он и татар сюды приманить может из-за Рязани, через Дикое Поле.

— Страшно сие,— воскликнул Иван Иванович,— сколь ворогов-то у нас! Да удельные!..

— Забыл тобе сказать еще о свéях и карелах, которые Руси грозят через Новгород с берегов Варяжского моря.

Великий князь замолчал, брови его сурово сдвинулись. Иван Иванович с тревогой глядел на отца, охваченный страхом: казалась ему гибель Руси неминуема.

— Государь!— воскликнул он сдавленным голосом.— Где же пóмочь нам, от кого?

— Токмо от бога, сыночек, да от нас самих, от Руси православной,— молвил Иван Васильевич и снова замолчал, рассматривая внимательно карту.

Княжич не смел ему мешать. Иван Васильевич решал какую-то задачу ратную или другую какую, сын о том не ведал, но с любопытством следил, как отец, что-то пришептывая, быстро водил перстом по разным местам карты.

Наконец, оторвавшись от этого занятия, он сказал сыну:

— Помни, Иване, что из всех бед избывать надобно ранее всего наибольшие, а меньшие и сами отпадут. Ныне у нас наиглавная беда — Новгород Великий: словно кольцом, он окружает нас своими землями. Вместе с немцами, Литвой, Польшей и татарами сломить Москву хочет, дабы хозяином быть на всей Руси, дабы торговать прибыльней и с немцами и с татарами. И наших удельных блазнит сие. Мыслят они: как московскую власть развалят, сами попадут в господу новгородскую, будут богаты и властны более, чем ныне...

Государь смолк и пытливо взглянул на сына. Тот понял взгляд отца и быстро ответил:

— Выходит, что вборзе надобно Новгород воевать...

Иван Васильевич радосто улыбнулся и продолжал:

— Истинно так, сыне мой, истинно так. Право ты разумеешь. На сей день задавить Новгород — наипервое дело. Токмо сломив новгородское боярство, сбросим мы татар! Станет тогда Русь вольным царством и почнет бить немцев и ляхов, почнет отымать и у них свои исконные вотчины: Юрьев и Полоцк, Смоленск и Чернигов, Киев и Холм, Львов и Черновицы...

Иван Васильевич свернул карту, положил ее обратно в ящик и, встав из-за стола, молвил:

— Ну, иди, сыночек... Курицыну скажи через часок зайти ко мне...

Затворяя дверь за сыном, увидел великий князь в сенцах дьяка Курицына, весьма встревоженного. Это обстоятельство обеспокоило государя. Кивком головы позвал он Федора Васильевича и впустил к себе в покой.

— Псковские доброхоты наши,— начал Курицын в ответ на немой вопрос Ивана Васильевича,— которых нашел там князь Холмский в последний поход против немцев, бают...

— Какого же рожна псковичам надо?— резко перебил дьяка великий князь.— Князь-то Данила, устрашив немцев, мир им на двадцать лет добыл!

— Прости, государь,— продолжал Курицын,— у них во Пскове опять смуты пока тайно, но идут из-за смердьих грамот, которые, якобы без ведома веча, господой псковской за печатями в ларь святой Троицы положены...

— Нам надо смердов и черных людей поддерживать против бояр...

— Бояре-то псковские, государь, с Новымгородом ссылаются да вместе с господой новгородской за рубежи поглядывают: тоже зло на Москву мыслят.

— Ништо! Не страшно сие!— усмехнувшись, сказал великий князь.— Псков-то сам меж двух огней. Рад бы он, яко и Новгород, без Москвы господином собе быть, да нельзя: немцы-то без Москвы сожрут его. Ты скажи вот Бородатому, дабы вник он в смуты сии со смердьими грамотами. Трещину меж бояр и смердов боле надо расширить. Ныне у них на вече кто засиливает?

— Черные люди, государь.

— Добре, черных и поддержать. Как в Новомгороде? О ратных делах с новгородцами яз уже думу думал с Данилой Холмским и с князем Иваном Юрьевичем. Князь Данила много всего разведал нужного для похода к Новугороду.

— В Новомгороде, государь,— отвечал Курицын,— снова зло творится. Дозоры царевича Даниара в Диком Поле и лазутчики его бают — снова новгородская господа с Ахматом ссылается и Казимировы гонцы и послы опять в Орду повадились...

— А как Беклемишев, посол наш?

— От степных дозоров ведомо: Ази-Баба, а с ним и Никита Василич Перекоп уже перешли благополучно. Мыслю, на днях оба уж в Бахче-Сарае будут у Менглы-Гирея.

— С Крымом у нас на лад идет,— заметил задумчиво великий князь,— токмо бы султан турский не сгонил бы Менглы-Гирея-то.

Осторожность блюсти в сих делах надобно. Султана как бы не раздражнить.

— Дружил яз, государь, с послом менглы-гиреевым и, опричь посольских речей, беседы вел дружеские. Поведал мне Ази-Баба, что хан крымский боится и султана и Ахмата. На Москву глядит ныне, а Казимиру не верит...

— Что тобе еще о Новомгороде ведомо?

— Степан Тимофеич злые вести имеет от доброхотов наших, особливо от подвойского Назария, который книжен и по-немецки баит, яко по-русски. Сказывает Назарий много важного безо всякой лжи. Также вечевой дьяк Захарий Овин, братья Пенковы, да игумен Николы-Белого монастыря Сидор, и купец Серапионов, Иван Семеныч...

— Какие же вести? — спросил великий внязь. — Какие меры принимать надобно, пока гром не грянул?

— Меры какие, сие ты сам ведаешь, государь, — ответил дьяк, — и, по обычаю своему, сам упреждаешь ворогов. Вести же истинно злые. Господа новгородская с Казимиром сносится и советом старейшин псковским и даже с братьями твоими и с Ахматом, а наиглавное — войско тайно снаряжают, стены крепят, от немцев доспехи да пищали привозят...

Дьяк замолчал. Молчал некоторое время и великий князь. Потом достал из своего стола карту Руси и молвил:

— Возьми вот чертежи ратные и днесь же созови думу: Бородатого, князей Холмского и Патрикеева, да из тех воевод, которых они сами похотят. Пусть по сим чертежам там другую начертят, с новым походом к Новугороду, и везде на ней пусть точно обозначат все, что нужно для ратного похода...

В трудах и тревогах, неведомых другим, кроме небольшого круга близких, потянулись дни, недели и месяцы для великого князя. Понимал и чувствовал Иван Васильевич, как нарастают и близятся грозные события, и сам он ускорял их, чтобы ключи к ним не попали в другие руки.

Мелькали порой среди хоровода будней отдельные более или менее необычные дни. Так, июня седьмого, прибыл из ордынских степей Кара-Кучук, большой посол царя Ахмата, с ним посольских чинов да телохранителей более шестисот человек было, которых всех по обычаю посольскому кормили из казны государевой. Да без корма на своем харче жило в Москве до трех тысяч татарских купцов, которые с Кара-Кучуком прибыли и привезли много разных товаров да коней из степей пригнали много тысяч голов.

Посол ханский был с миром и лаской от царя Ахмата, и это давало успокоение великому князю.

— Есть у нас передышка, Федор Василич,— радостно говорил он любимому дьяку, слушая долетавший с посадской площади шум бурного торга татарского.— Успеем укрепиться, как надобно.

Доволен был Иван Васильевич и своим послом в Орду Басёнком, Никифором Федоровичем. Слышал он о нем много похвал от Кара-Кучука и знал, со слов его, о похвалах самого Ахмата. Перемирия, передышки добился Никифор Федорович.

— Токмо посольства сии дорого нам стоят, государь,— заметил княжой казначей Ховрин, присутствовавший при беседе.

— Ништо, Димитрий Володимирыч,— с усмешкой молвил государь,— бог даст, за все нам татары сторицей отплатят. Не на собя ведь мы с Никифор Федорычем казну тратили, а на Русь православную...

Июня двадцать четвертого, в день Ивана Купалы, когда ночью костры жгут, отослал великий князь посла своего Семена Ивановича То́лбузина в Венецию, наказы ему дав многие, как кланяться, как здравицы говорить, как дары дарить и прочее.

— Впервой, Семен Иваныч,— говорил государь,— наш русский посол в чужую землю едет. Покажи чужеземцам-то, что русский посол так же искусен и вежлив, как они сами, а разум свой прячь. Пусть не ведают, как ты их разумеешь. Показывай разум-то токмо там, где явно им по рукам бить надобно. Пофряжски разумеешь?

— Малу толику, государь,— ответил, усмехаясь, Толбузин,— учусь еще, через пято-десятое разумею, и то более по догадке, а не по словам.

– Догадка всегда надобна,— заметил великий князь и, обратясь к сыну, сказал:— Сей часец яз хочу, дабы и ты, сыночек, слова мои слушал. Догадка — наиглавное тобе при речах с дукой и при речах господы венецейской. Гляди всегда в лицо тому, кто баит. О словах не думай, а следи, какие усмешки на лице: зло, ласка и прочее, все сие примечай. Что в голосе есть,— правда, ложь, лесть и прочее, тоже слушай. После, когда слова толмач растолмачит, тобе вряз ясно станет, что от сердца правдой сказано, а что ложь и обман. Сии ведь чужеземцы заносчивы, не берегутся. Мыслят, ежели мы их слова не разумеем, то и мысли их разгадать не можем.

— Верно, государь,— засмеялся Толбузин,— яз сам сие тоже примечал, токмо не подумал, как для дела на пользу обратить.

— Антон Фрязин тобе, Семен Иваныч, толмачом будет. О Тревизане поведаешь дуке Троно и господе их, как яз тобе сказывал. После же еще подробней с Федор Василичем подумаешь о сем деле. Да пусть на думе при вас сын мой будет, сие на пользу ему. Тревизана-то сего, скажи, в Орду вборзе отправим со своим послом Димитрием Лазаревым и с ханским — Кара-Кучуком.

Скажи, нсхарчили мы на Тревизана-то столь, сколь Димитрий Володимирыч тобе начислит. Главное же — про мастеров там церковных н для ратных дел не забудь. По то и дружбу н ласку с Венецией доржим. Не скупнсь на мастеров-то, токмо бы добры да искусны были...

Но отъезд Тревизана задержался до восемнадцатого августа, до дня Фрол-Лавера. Только на другой день после этого конского праздника Кара-Кучук отъехал со своимн татарами, взяв с собой Тревизана и Лазарева.

Татары были довольны: посольство — честью, кормом и подарками, купцы — прибылью на торге московском, где, кроме москвичей, было много иных конских скупщиков, приезжих из уделов разных.

Доволен был и великнй князь.

— Знай, Иване,— сказывал он сыну,— передышку мы еще собе на некое время закрепили...

— Как же, государь-батюшка, сие закрепление нзделано?

— А в какое время татары злодействуют?

— Токмо весной да ранним летом, а пошто, не ведаю,— ответил отцу княжич.

— Конем татарин жив,— сказал, улыбаясь, Иван Васильевич,— а зимой в степи коню есть нечего. Потому зимой Орда на нас не пойдет.

— А мы зимой,— поспешно подсказал Иван Иванович,— новгородцев одних побить можем!

— Одних, ежели ране Казимира готовы будем,— поправил сына великий князь,— н ежели ране его к стенам Новагорода придем. А прийти нам так надобно, дабы и господа не сразу уразумела, пошто мы пришли.

Осенью того же года новый митрополит, отец Геронтнй, закончил на своем дворе кирпичную палату на четырех подклетях белокаменных н поселился в ней ноября тринадцатого, накануне заговенья на Филиппов пост.

В тот же день вернулся из Крыма боярин Никнта Васильевич Беклемишев от царя Менглы-Гнрея, а с ним посол царев — Довлетек-мурза. На третий день по прибытии мурза правил великому князю с его разрешения посольство. Обещал от крымского царя государю московскому любовь н братство. Уверял Менглы-Гирей, что друзья великого князя — его друзья, враги великого князя — его враги. Клялся государю московскому в любвн и братстве за себя, н за детей, н за внуков своих и подарил ему дары многие.

Великий князь был весьма доволен этим посольством и,

отпустив Довлетек-музру на посольское подворье, сказал сыну своему, великому князю Ивану Ивановичу, и дьяку Курицыну:

— Хоша Менглы-Гирей не дал еще ярлыка и шерти о сем, но, мыслю, к тому идет.

— Государь,— спросил отца Иван Иванович,— яз разумею, что царь крымский нужен нам против Казимира, но какая же нам помочь от него против Ахмата? Никогда не дерзнет Гирей пойти на брата своего, Ахмата.

— Не дерзнет, сынок,— с усмешкой молвил Иван Васильевич,— но токмо един. Ежели мы заратимся с Ахматом, не посмеет и Ахмат долго у берегов Оки стоять, как сие и бывало уже. За улусы свои, за Сарай страх его будет грызть. Ведает он, что Гирей слабей его, но ведает и то, что татары и с малой силой изгоном в Сарай могут пригнать, разграбить улусы ордынские, жен и детей полонить и, прежде чем Ахмат о сем узнает, сокроются в степь с добычей своей без вреда. Сего пуще огня боятся ордынцы.

— Да еще и то, государи,— добавил Курицын,— чем более татар на татар натравливать будем, тем легче будет нам татар татарами бить...

— Помни, сын мой,— продолжал Иван Васильевич,— важней ворогов без рати бить. Надобно круг государств вражьих так все творить, дабы расшатать их, истощить и ослабить. Тогда они с одного удара ратного падут, а то и безо всякого удара трухой рассыплются...

Оборвал свою речь великий князь, вспомнив о ростовских князьях, и, живо обернувшись к дьяку Курицыну, спросил:

— Как, Федор Василич, ростовские-то? Продают свои земли аль все еще жмутся?

— Дожали мы их сами, государь, с порубежными делами-то,— ответил с усмешкой Курицын.— Разорились совсем. Не под силу им рядом с Москвой князьями великими быть. Сами уж спешат продать свою вотчину. Вторую половину Ростова отдают. Мыслю, к середине зимы размежуем все земли-то и купчую скрепим....

— Добре, добре,— весело рассмеялся Иван Васильевич,— растет Московское княжество, яко богатырь. Все Москве к рукам, что не к рукам другим.

Когда все, кроме княжича Ивана, вышли, великий князь, все так же весело усмехаясь, сказал:

— А тобе, сынок, боярин-то Никита Беклемишев сыскал кое-что в Кафинской Перекопи[1].

---

[1] *Кафинская Перекопь* — часть Крымского полуострова, занятая тогда греческими, венецианскими и генуэзскими колониями.

Молодой князь вспыхнул и смущенно потупился: он знал, что отец ищет ему невесту.

— Есть там,— продолжал великий князь,— княжество Мангупское[1], православное, и столица его так же Мангупом прозывается. Неприступен град сей никакому войску, ибо средь высоких скал он, как орлиное гнездо, построен. Правит сим княжеством православный же князь, Исайко именем. Был у него боярин наш Никита, евреин мой, Хозя Кокос, путь ему туды указал. Видал Никита дочку у князя — баская, баит, девка-то и молода, твоих лет, а то и помоложе годика на два. Может, отпущу вот к Менглы-Гирею посла его, Довлетека-мурзу, а с ним и своего посла, боярина Старкова, Алексея Иваныча. Пусть Старков-то, опричь прочих дел, поболее про девку вместе с Кокосом вызнает. Какое приданое с девкой, на сколько тысяч золотых. Каков прочий наделок за ней: одежда всякая, меха, сосуд из серебра и злата, каменья самоцветные и прочее. Велю Алексею Иванычу все то на список переписать и сюды привезти...

Иван Иванович, робея, возразил:

— А не рано ли сие, отец? Может, пождать еще малость?

Иван Васильевич пристально посмотрел на сына и ласково спросил:

— Может, у тобя люба какая есть?

— Нет у меня никакой любы. Ведаю все и скажу правду, любопытно мне сие, но токмо не очень-то блазнит. Когда на коне охочусь по лесам да за книжным чтением, забываю яз, что и женки-то есть...

Великий князь любовно посмотрел на сына и, положив руку ему на плечо, проговорил:

— Хочу яз, Иване мой, через тебя род свой укрепить и внуков от тобя до смерти своей видеть...

С весной вновь тревога охватила московского государя и его правительство — вспомнилась старая, века уж бывшая пословица: «Зазеленеет дикий лук в степи, так и татарин у Оки». Снова ждали в Москве весенних татарских набегов, а великий князь пуще всего боялся, как бы Ахмат не ворвался на Русь до того, как он успеет Новгород разгромить и отрезать пути на Русь главному ворогу своему — королю Казимиру.

В постоянном напряжении живет Иван Васильевич и, оставаясь один с сыном или Курицыным, только одно говорит:

— Успеем аль не успеем? Быть аль не быти Москве во главе вольной Руси...

[1] *Город Мангуп* — в VI—XV веках в Крыму столица княжества того же наименования.

От тревоги государевой были в тревоге и сын его и все ближние их советиики и соратиики, ибо все чуяли, что прав великий князь. Близится грозный час...

Непрерывио работал Иваи Васильевич и загодя всякие приказы и иаказы иа любой случай измышлял, дабы враги врасплох его ие захватили. Совершал ои и все срочные дела, которые государствеииая жизнь требовала, а с виду всегда был ои тих и покоеи.

— Ты, Федор Василич,— говорил ои Курицыну,— мне всяк день перво-иаперво повестуй о том, что из Дикого Поля идет. Царевича Даниара понуждай, дабы через лазутчиков своих и доброхотов в Орде вызнавал все об Ахмате. Дождать бы иам токмо осеии...

Среди тревог всех порадовался великий князь лишь иа пасху, марта двадцать шестого, когда вериулся из Веиеции посол его Семеи Иваиович Толбузии и привез с собой мастера-муроля[1] знаменитого, которого султан турецкий Магомет звал к себе в Царьград для возведеиия султанских палат.

Об этом иа докладе боярин Толбузин так сам государю докладывал:

— Когда прибыл яз, государь, в Венецию, дука Николо Троио уж преставился. Прииимал мя иовый дука, который из семейства Марчелла. Был ои ко мие вельми ласков, а к тобе вельми почтителен. Взял яз с господы их семь сот рублей за все, чем Тревизана ссудили на Москве, государь, из казны твоей.

— Добре, Семеи Иваныч,— перебил Толбузина великий киязь,— ты мне о мастере расскажи, которого привез. Утре же его приведешь. Пусть токмо ранее Успение осмотрит и все о падении стеи мне расскажет. Ну, а сей часец о ием самом сказывай.

— Сей мастер-муроль. Аристотель[2] имеием, ставит церкви и палаты,— продолжал Толбузии,— нарочит пушки лить и бить из иих, а также колоколы и все иное лить искусен вельми. Яз его у господы венецейской отпросил — для ради тобя, государь, согласился. Построил ои в Веиеции церковь великую и врата градские отменно баские.

— Видал ты их?

— Видал, государь, красно́ сие все и дивно.

Иван Васильевич был рад такому мастеру, ибо любил со страстью строительство всякое и хорошо понимал и зодчество, и ваяние, и живопись.

---

[1] *Муроль* — стеииой мастер.

[2] Под имеием Аристотеля в древией Руси был известеи зиамеиитый итальянский механик и архитектор XV века Альберти Ридольфо Фиораванти, родом из Болоньи.

— Сколько же запросил за работу собе сей великий мастер?— молвил с любопытством великий князь.

— Много, государь,— с некоторой тревогой ответил Семен Иванович,— более двух фунтов серебра чистого, сиречь десять рублев жалованья ежемесячно.

— Добре,— заметил государь,— ежели сей мастер свершит все, как яз от него жду, еще более его пожалую. Спасибо тобе, Семен Иваныч, утре, как отпущу боярина Старкова и Довлетека-мурзу к Менглы-Гирею, приведи мастера...

На другой день, хорошо выспавшись после обеда, принимал великий князь знаменитого итальянского зодчего запросто, как своего боярина или воеводу. На приеме были только великий князь Иван Иванович и дьяк Курицын, который во всех делах, больших и малых, был слугой, другом и советником государя.

Фиораванти своей внешностью, особенно своим почтительным, но исполненным достоинства поведением произвел на Ивана Васильевича самое благоприятное впечатление.

После обычных приветствий великий князь спросил:

— Скажи, как тобя по имени величать, дабы сие, по обычаю вашему фряжскому, тобе не обидно было? Жалую яз и чту разумеющих науки разные и хитрости всякие в рукоделиях.

— Из роду яз, государь,— перевел Курицын ответ мастера,— Фиораванти, по прозвищу Аристотель, а зови меня просто по имени: маэстро Альберти.

— Сказывай, маэстро Альберти,— молвил великий князь,— что разумеешь о падении Успенья-то? Да садись тут вот — прием у меня не посольский, а дела, которые яз с тобой не един день делать буду.

Фиораванти, поклонившись, сел на указанное место, достал бумагу и тонкий уголек, которым писал вместо пера. Быстро начертил он план рухнувшего собора, и, сделав расчеты стен его, столбов и сводов, Фиораванти сказал великому князю, что северная стена не выдержала тяжести сводов...

— Тонка, бают, стена-то была,— заметил Иван Васильевич.

— Не в сем дело, государь,— перевел толмач слова маэстро Альберти,— кирпич был мерой не полон, да и обожжен плохо, нужной крепости в нем не было. Глину для кирпича надо лучшую сыскать и обжигать лучше. Сие укажу яз. Укажу и как известь надлежаще растворять надобно, кирпич чтобы крепче вязала. А своды и стены надо железом крепить.

Иван Васильевич увлекся беседой, о многом в строительстве у Фиораванти выспрашивал и весьма доволен остался собеседни-

ком. Итальянский зодчий, видя такое внимание государя и будучи сам весьма поощрен, разгорячился страстью к делу своему и продолжал:

— Зодчие московские Кривцов и Мышкин — добрые мастера. Разумеют красоту строительства и меру частей строительства. Беда их токмо в том, что дробность камня, кирпича да извести ранее кладки не проверили. Белый камень, из которого своды клали, не тверд, как и кирпич ваш. Вместо сего белого камня сыскать надобно плитняковый камень. Он тверже намного и в сводах доржится лучше...

— Радостно мне,— прерывая маэстро, воскликнул Иван Васильевич,— что мастера наши красоту строительства разумеют! Вот яз и хочу, маэстро Альберти, дабы ты, прилагая всю науку и хитрость строительства, красоту храма придал бы нашу, русскую...

— Я сам, государь,— продолжал маэстро,— хочу строить тобе церкви не фряжские, а русские. Я токмо пути к сему еще не нашел, а ты, любя и разумея строительство, помоги мне...

— Утре же отъезжай, маэстро Альберти, в Володимир Суздальский. Погляди там Золотые ворота, погляди собор Успенья, пречистой богородицы и собор святого Димитрия. Сие откроет тобе глаза на русское зодчество.

Фиораванти быстро встал и поклонился.

— Весь я в твоей воле, государь, и не токмо по долгу своему, но пуще по охоте своей. Влечет мя сие великое дело.

На другой день маэстро Альберти в сопровождении подьячего, толмача, небольшой стражи и слуг выехал во Владимир Суздальский, где ему отведены были покои в хоромах наместника великого князя.

В Москве Фиораванти оставил сына своего Андрея да ученика, именем Петр. Они в тот же день стали разбивать таранами уцелевшие стены, столбы и врата рухнувшего храма, которые с грохотом и пылью великой осыпались, привлекая любопытных прохожих. Многие же нарочито на это смотреть приходили. Бывали на строительстве великие князья, любуясь ловкостью, с которой русские рабочие под руководством итальянцев рушили столбы и расчищали место от мусора. Ездили великие князья и за Андроньев монастырь, где, по наказу маэстро Альберти, русские зодчие нашли уже глину нужной добротности, начали добывать ее из оврага и стали под руководством сына Фиораванти класть печи. Все это должно было в готовности быть к приезду маэстро, который сам укажет, какой раствор для кирпича разводить, как месить, какую форму и размер придать кирпичу и как его обжигать.

Все это весьма радовало великого князя, и он, довольный, твердил всем:

— Ныне вполне яз веровать зачинаю, что не токмо церкви каменные строить будем, а весь град наш каменный сотворим!..

К двадцать восьмому мая, когда родилась великому князю вторая дочь, Феодосья, вернулся из Владимира маэстро Альберти, а из Дикого Поля, из Орды, пришли для Москвы радостные вести.

Случилось это среди ночи, когда ждали родов у Софьи Фоминичны, и великий князь, хотя и спокоен был, все же не спал. Лежал в опочивальне своей, не раздеваясь...

Вдруг, постучав, кто-то быстро вошел к нему вместе с дворецким Данилой Константиновичем.

— Родила?— спросил Иван Васильевич без той тревоги, от которой когда-то дрожал весь при рождении сына от юной своей Марьюшки.— Сын или дочь?

— Сие яз, государь— услышал он в ответ голос дьяка Курицына.— Весть об Орде от Даниара-царевича.

Увидев в полумраке, что великий князь вскочил с ложа своего, дьяк торопливо добавил:

— Добрые вести, государь, добрые.

Иван Васильевич глубоко вздохнул и, не говоря ни слова, трижды перекрестился на кивот, сел на постель свою и молвил:

— Сказывай.

— Сей токмо часец гонец пригнал от Даниара-царевича,— заговорил Курицын.— Заратился Ахмат с Крымом, и турки в сей рати замешаны...

— Услышал господь,— тихо произнес великий князь и опять перекрестился.— Снова есть передышка от татар. Токмо бы Казимира опередить!

— С Кафинской Перекопи слухи идут, что турский султан Магомет посылает из Царьграда рать свою в кораблях на Кафу против Ахмата.

— Верны ли вести сии?— спросил великий князь с некоторым сомненьем.— И пошто от Старкова о сем нам ништо не ведомо?

— Может, он отсиживается в некоем граде или обратно другим шляхом пошел. Может, в полон попал — дело ведь ратное, государь. Токмо Даниар-то до сего всегда вести присылал правые с вельми малыми огрешками...

Иван Васильевич задумался и, отпуская потом дьяка Курицына, заметил:

— Может быть, ты Федор Василич, и прав. Все же тогда в слухи сии поверю, ежели до августа Орда на нас не двинется. А ежели не двинется, то ждать надобно, что к осени и Димитрий Лазарев от Ахмата на Москву еще с миром воротится...

Снова постучали в опочивальню великого князя, и боярыня от великой княгини Софьи Фоминичны сообщила:

— Бог дал тобе, государь, дочь. Государыня здрава и радостна. Сей часец духовник ее и псаломщик будут молебен петь в крестовой...

Государь перекрестился перед образами и пошел за боярыней в хоромы Софьи Фоминичны.

За ранним завтраком великий князь был спокоен и весел. Он подробно рассказал сыну, завтракавшему с ним, о всех степных вестях.

— Главное же, сыночек,— говорил он Ивану Ивановичу,— промедление Ахматово. Поганые-то на нас ранней весной подымаются. Ныне же дни через два июнь начинается. Степные травы начнут скоро выгорать. Пропустил время Ахмат.

— А сборы-то у татар всегда долгие бывают,— заметил Иван Иванович.

— Истинно, сыночек,— одобрительно отозвался Иван Васильевич,— един круль Казимир дольше их в большой поход собирается. Татары же токмо на малый разбой борзы...

— Пошто же круль польский так на сборы тяжел?

— Шляхтой да сеймиками[1] он по рукам и ногам опутан. Без их согласия никакой войны начать не может, а главное — начать вовремя.

К концу завтрака пришел дьяк Курицын. Рассказал он великим князьям все, что от доброхотов новгородских собрано о разных «сильниках и захватчиках» новгородских из богатых и знатных бояр, из врагов московских.

— Из всего оплечья нашего новгородского,— говорил Курицын,— четверо есть наиглавные: вечевой дьяк[2] Захарий Овин, игумен Николы-Белого монастыря Сидор, подвойский Назарий да купец Иван Семеныч Серапионов. Книжней же всех и умней годами из них наименьший — Назарий. Учен многому, от немцев и по-немецки, яко по-русски, баит красно. Молодому государю добрым товарищем мог бы быть Назарий-то. Он и ратному делу добре обучен...

— Будет случай,— молвил великий князь,— покажи мне его, а сей часец поведай, как маэстро Альберти?

[1] *Сеймики* — местные сословно-представительные учреждения феодальной Польши, пользовавшиеся законодательной властью. Они представляли интересы шляхты (мелкопоместного дворянства). При Казимире и после, в XVI веке, сеймики имели право объявлять войну.

[2] *Вечевой дьяк* — лицо, ведшее все дела веча;— видимо, секретарь и правитель канцелярии, составлявший приказы от имени веча.

— С ночи приехал он, государь, из Володимира. Просит приема у тобя.

— Пошли за ним из стражи кого, а пока мне о новгородских сильниках наиглавное скажешь.

Когда Курицын вышел, великий князь сказал сыну:

— Есть еще у меня надежда, что некои от господы за Москвой пойдут: надо и в господе щель изделать, ежели сие возможно.

Когда вернулся Курицын, Иван Васильевич, продолжая разговор, спросил:

— Есть ли из сильников-то новгородских такие, которые к Литве тянутся?

— Да все, почитай, и богачи и знатные за Казимира, государь, и над прочими силу творят, разбоем грабят с убийствами и своих новгородских, да и ростовские земли грабят и прочее. Так вот князя ростовского Ивана Володимирыча вотчину по реке Ваге захватили новгородские бояре, братья Василий и Тимофей Степанычи. У другого князя ростовского, Федор Андреича, вотчину по реке Юмышу захватили бояре Яков Федоров да Василий Селезень. У Ивана Александрыча, у третьего князя ростовского, много вотчин похватали волостели[1] владыки новгородского по рекам Вели, Кулою и другим. Даже твои, государь, оброчные исстари погосты и слободы, как Велнкая Слобода и прочие, захвачены боярами из господы: Михайлой Тучей, Иваном Максимовым, Иваном Афанасьевым и Васильем Степановым...

Великий князь значительно крякнул и заметил сыну:

— Слышь, Иване, какие дела-то? Ну, а как безрядье, Федор Васильич, в самом Новомгороде? Что-то много отголь обидных людей мне жалобы, как и тобе ведомо, на беззаконных сильников шлют.

— Там, государь, явное беззаконие. Сам степенный посадник, Василий Ананьин, сговорясь с восемнадцатью боярами, приятелями своими, разбоем ходил со своими холопами и наемными пьяницами на две улицы: Сла́вкову и Никитину. Многих перебили, ограбили народ на тысячу рублей. Да староста Федоровой улицы Панфил с боярами Богданом Есиповым и Васильем Никифоровым напали разбойно на хоромы Полинарьиных, перебили людей их и все добро разграбили на пять сот рублей. Многие же богачи из бояр шлют своих ключников и приказчиков по ночам с разбоем в псковскую волость Гостятино...

— Ясно мне все,— перебил дьяка великий князь.— Вборзе соберу яз тайный совет. После скажу тобе, кого звать на совет.

---

[1] *Волостель* — начальник области у князя, боярина и у духовных лиц, владеющих землей.

К сему совету днесь же почни готовить мне вместе с Бородатым и подьячими список всех ворогов наших новгородских; все жалобы на них и все вины их от доброхотов соберите. Ищите вины со тщанием, дабы суда им не минуть. Помни, Федор Василич, надобно нам, опричь суда, еще страхом великим устрашить не токмо за живот свой, но и за богатства свои; страхом разорения и нищеты одних покорить собе, а других, которые за нас идут, богатством манить, а также сим и черных людей блазнить. Чем более трещин будет в Новомгороде, тем легче рухнет он, яко старая изветшалая стена...

Фиораванти явился к великому князю с большой радостью и благодарностью за совет съездить во Владимир на Клязьме. Он был в восторге от владимирского зодчества.

— Государи,— говорил он, обращаясь через толмача к обоим великим князьям,— благодаря вашего доброму совету яз уразумел красоту и мастерство русское. Я заготовил уж там все чертежи для нового строительства церкви Успения богородицы.

Иван Васильевич, со тщанием разобравшись в чертежах храма и много расспрашивая маэстро Альберти, одобрил их, сказав:

— Мыслю, не токмо сохранил ты русскую суть в храме сем и красоту его, но и много в нем улучшений изделал. Светлей храм-то у тобя будет. Удлинил ты собор на одну треть против володимирского — от сего стройнее он. Любы мне и барабаны, которые у всех пяти глав украшены небольшими столбиками меж окон, любы и карнизы узорчатые.

В покои великого князя вошел взволнованный дворецкий Данила Константинович, держа в руках какой-то ларец. Взглянув на него, Иван Васильевич сразу почувствовал что-то неладно. Протянув руку Фиораванти, он сказал милостиво:

— Вельми доволен тобой, маэстро Альберти. Утре буду у тя за Андроньевым, в Калитникове. Буду твои новые печи кирпичные глядеть и прочее, что там деешь...

Фиораванти, поняв, что прием окончен, поцеловал руку государя и вышел.

— Много учен и разумен сей мастер,— сказал великий князь.— Верю яз, сотворит он дивный храм.

— И польза от него,— добавил дьяк Курицын,— мастерам нашим будет великая...

Но Иван Васильевич перебил его:

— Беспокоит мя готовность наша. Не забудь, Федор Василич, дабы все у меня в руках было для суда и розыска грозного в Новомгороде. Потрудись со Степан Тимофеичем...

Великий князь судорожно вздохнул н добавил:

— Сошло бы все с Ахматом, да опередить бы нам круля Казимнра с его помочью Ахмату...

— У нас диесь пред обедом краткая дума со Степаи Тимофеичем...

— Государь-батюшка, отпустн мя на думу сию...

— Иди, сынок, иди,— устало, вполголоса пронзнес Иван Вавильевнч.

Когда все вышли, Данила Константиновнч нерешительно подошел к великому князю, разглядывавшему чертежи храма. Иваи Васильевич тревожно поднял голову.

— Прости, государь, челобитье к тобе от ииокиии Досифеи,— сказал дворецкий и добавил дрогнувшим голосом:— От Дарьюшки...

Иваи Васильевич резко отодвинул чертеж и глухо спросил:

— Худо ей?

— Соборовалась...

Даиила Коистантииович заговорил взволнованнно:

— Молила она. Таково она жалобно молила. Не смею токмо...

— О чем молила-то?

— Тобя повидать хочет, государь. Пусть, грит, токмо войдет, на миг, гляиу токмо в последний раз...

Дрогнули губы Ивана Васильевича, взгляд остаиовился. Потом встал ои н заходил вдоль покоя.

— Прнготовь, Данилушка, колымагу,— торопливо заговорил он,— токмо ие мою, а свою. И кологрива своего возьмн, дабы никто не знал, что яз с тобой еду...

Всю недальнюю дорогу от хором до монастыря думы, как тучи, иаплывали иа Ивана Васильевича. Но приходилн к иему не те думы, в которых сам он волен, а другие, которые идут без спроса, словио из далеких стран, когда-то во сне вндениых. Видения пред ним идут из прошлых лет, когда не только много было горького и тяжкого, но былн и светлые людн н светлые дни...

Вот н монастырь. Великий князь пошел по темным сеням следом за игумеиьей и Данилой Коистантиновнчем. Игуменья сама не вошла в келью Дарьюшки, а только впустила посетителей.

Дарьюшка лежала в том одеянии, в каком в гроб кладут, н на черной рясе особенно белым н прозрачным казалось лицо ее, будто умерла оиа. Только, когда государь подошел ближе к ней, опущенные ресиицы ее дрогнулн, глаза широко открылись, и, узиав его, засиялн н осветилн все лнцо ее. Столько счастья

и радости было в этом взгляде Дарьюшки, что показалась она ему здоровой и прекрасной.

Молча сел великий князь у изголовья и нежно положил руку на лоб Дарьюшки. Дрожащими, слабыми руками она схватила его могучую руку и, сдвинув ее к устам своим, припала к ней долгим поцелуем.

Они оба молчали. Но вот губы ее слегка зашевелились у ладони его, и государь отстранил свою руку, чтобы лучше слышать, что говорит она.

— Иванушка мой,— услышал он шепот,— спасибо, родной. Умру ныне с радостью в сердце. Не забыл ты меня, Иванушка...

И вдруг что-то сорвалось в груди Ивана Васильевича, и, всхлипнув, простонал он с тоской:

— Вовек тобя не забуду, свет мой милый...

Не отрывая глаз, жадно глядела на него Дарьюшка сияющим взором.

— А ты не горюй. Все мы к богу уйдем, а там, может, опять встретимся, Иванушка...

Она помолчала и продолжала так же ласково и умиротворенно, светлая и счастливая:

— Ну, иди, Иванушка. Много дел-то у тя. Государь ведь ты. Иди. Дай перекрещу...

Иван Васильевич наклонился к Дарьюшке. Она перекрестила его, а он поцеловал ее в лоб и стоял молча, одеревенев весь, чувствуя, как дрожат его руки. Видел он, как перекрестила Дарьюшка и брата своего Данилу и облобызала его. Потом, опять обратив глаза на великого князя, нежно, с глубокой верой промолвила:

— А мы с тобой встретимся в жизни вечной. Душеньки наши там встретятся, и враз узнаем мы друг друга...

— Прощай,— тихо сказал Иван Васильевич и, поцеловав ее в лоб, прошептал:— узнаю яз там твою чистую душеньку...

Великий князь медленно, тяжелыми шагами пошел к дверям, но у порога обернулся и снова встретил ясный, сияющий взгляд Дарьюшки. Взгляд этот, словно луч солнца, вошел средь тьмы в его сердце...

Дома великий князь сказался больным и обедал очень поздно. На другой день встал он в обычные часы и, узнав от Данилы Константиновича за ранним завтраком о смерти Дарьюшки, все же уехал, как было задумано, вместе с Иваном Ивановичем и Курицыным в Калитниково, за Андроньев.

Маэстро Альберти с сыном Андреем, подмастерьем Петром и русскими мастерами Кривцовым и Мышкиным ждали высоких

гостей. Завидев издали государя и стражу его, они, как и все простые рабочие, сняли шапки.

Великий князь по обычаю своему приветливо поздоровался со всеми, и в ответ раздались кругом крики:

— Будь здрав, государь!

Народ привык к великому князю, часто видел его на улице, а во время многих пожаров даже работал с ним плечо в плечо.

Сойдя с коня, государь подошел к маэстро Альберти и поздоровался с ним, подав руку, которую тот принял, встав на одно колено, и почтительно поцеловал. Остальным великий князь поклонился издали.

Ивану Васильевичу очень понравились печи для обжига кирпичей,— таких он еще не видал; истинное восхищение вызвал у него самый кирпич, приготовленный на пробу.

Кирпич маэстро Альберти был уже и продолговатей русского и много тверже. Когда ударяли по нему железной мотыгой, он звенел, и разбить его было трудно. Кирпич этот только ровно откалывался, словно топором отрубался, а не крошился и не рассыпался, как кирпич прежней работы.

— Мыслю яз,— сказал Иван Васильевич,— что узость и долгота сего кирпича дадут извести крепко связать его...

— Верно, государь!— радостно воскликнул маэстро Альберти.— Как сладостно творить, когда творенье твое разумеют!..

Показывали русские мастера великому князю и известь, приготовленную ими под руководством маэстро.

— Вишь, государь,— говорил Иван Кривцов,— сию известь, по приказу фрязина густо разведенную, мотыгами мешали, яко тесто. Ныне же утром она так взялась, что и ножом ее не расколупать! А вот два сии кирпича взялись, и отбить их нельзя...

Кривцов пытался отбить кирпич от кирпича, но кирпич откалывался кусками, а от другого не отделялся...

— Словно прирос!— весело молвил Иван Иванович.

— Да, Иване мой,— с удовлетворением подтвердил великий князь,— из такого кирпича да на такой извести стены не рушатся...

— Особливо, государь, важно такое строение,— восхищался Иван Иванович,— для градских стен и стрелен. Не пробь . их враз, ломовыми пушками бить, да и то месяцы...

Глава 15

ПОХОД «МИРОМ»

На похоронах Дарьюшки в монастыре были, по обычаю чтить слуг своих дворских, вместе с семьей Данилы Константиновича и

оба великих князя и великая княгиня Марья Ярославна. После похорон Иван Васильевич, утоляя тоску свою, еще ревностней занялся строительством собора Успения богородицы.

Иван Иванович не отставал в этом зодческом увлечении от родителя своего, но чаще беседовал с государем и маэстро Альберти о строении крепости и кладке крепостных стен, ибо отец дал ему задачу изучить это сторительство. Хотел великий князь в ближайшие же годы начать такую перестройку всего Кремля, чтобы стал он неприступным.

— Ванюшенька,— часто говорил он сыну в тайных беседах,— бог-то так судьбу Орды клонит, что конец ее мне уже виден. Токмо бы Новгород нам за Москву совсем взять. Не страшусь яз больше Орды — спета ее песня. Более вреда ныне жду, пока не покорили мы Новагорода, от Польши, Литвы да от немцев. Когда же новгородскую землю в московскую обратим, надо будет нам к морю выходить. Тут-то и заступят нам путь разные вороги: варяги, свеи, датчане, ливонские да ганзейские немцы, а с ними цесарь германский либо король рымский тоже на нас пойти могут. Все они не дикие степняки, и по Москве немцы будут с великой силой в стены бить из пушек ломовых и из других орудий...

— А пошто море нам?— спросил Иван Иванович.

— Дабы все, что нужно нам, все покупать и продавать своими руками, а не из рук Ганзы немецкой и приказчиков ее — псковичей да новгородцев...

В сентябре месяце Фиораванти, положив основание храму Успения, начал уж стены из кирпича возводить, а Иван Васильевич больше времени стал проводить в думах о Новгороде с дьяком в избе у Жукова, который судебные уложения и грамоты собирает. Об Ахмате великий князь давно не беспокоился: пришла уж осень с капустными вечерками. Ныне вот двенадцатое сентября, а через два дня воздвиженье креста господня — самый разгар капустного праздника.

В этот праздничный день Иван Васильевич по вызову великого князя Ивана Ивановича приехал на стройку смотреть колесца маэстро Альберти, которыми на стену кирпич подают.

Ставил в это время Альберти два столба четырехугольных в алтаре храма. Столбы доверху окружены лесами. Кирпич для кладки столбов не носят наверх, а десятка два их или даже более вяжут одним концом крепкой веревки, другой же конец ее надевают на крюк к колесцам малым: одни колесца неподвижны, а другие, как вешки, бегают меж них по веревочной основе. Этим приспособлением возможно сразу помногу кирпича подавать на высокие леса без особого труда и усталости.

Все это внове было обоим государям, и младшему и стар-

шему. Впервые же видели государи, что русские каменщики, по указанию маэстро Альберти, известь растворяли, как тесто, и, беря ее железными лопатками, мазали ею кирпичи. К кирпичам же и камню эта известь сразу липла, как клей.

Оба государя остались весьма довольны виденным, а Иван Иванович, говоривший по-итальянски, от себя и от отца похвалил знаменитого болонского зодчего и поблагодарил за усердие в работе.

После этого великий князь Иван Васильевич снова отбыл к дьяку Жуку, где ждали его на тайную думу дьяки Курицын и престарелый Бородатый.

— Ну, а теперь едем, сынок, со мной,— весело молвил Иван Васильевич,— там, у Жука, много тобе любопытного и учительного будет. Много ты уразумеешь из дел наших с Новымгородом...

Приехав к дьяку Жуку, великий князь с сыном прошел прямо в отдельный покой Андрея Ивановича. В проходных горницах на этот раз было вдвое больше подьячих, чем в обычное время при подборе судебных грамот для будущего уложения законов. Ныне же тут спешно составляли особый сборник для разоблачения измен новгородцев, которые крест целовали держать честно и грозно великое княжение московское и не утаивать великокняжеских пошлин.

Все подьячие и переписчики почтительно вставали при прохождении великих князей и, низко кланяясь, приветствовали их.

В покое дьяка Жука были дьяки Курицын и Бородатый и некоторые ближайшие их помощники. Приняв обычные приветствия, великий князь приказал доложить о том, что сделано для изобличения новгородцев и как подобраны нужные для того грамоты.

— Помня наказ твой, государь,— встав с места, заговорил князь Андрей Иванович,— мы совместно с Федор Василичем и Степан Тимофеичем точно шли следом за мыслью твоей.

— Мы, государь,— продолжал дьяк Бородатый,— в изборнике сем учинили такой порядок. Перво-наперво грамоту в него списали с докончания родителя твоего Василья Василича с Великим Новгородом в Яжолбицах...

— Обе грамоты?— перебил великий князь.

— Обе, государь,— поклонившись, продолжал Степан Тимофеевич.— Первая грамота, в которой то, что новгородцы дают нам. Другая же грамота — к ним от великого князя, какого мира он сам от Новагорода хочет. При сем списки приложены о том, что новгородцы княжое хотенье приняли и на вече в том крест целовали...

— А вписаио ли тут же,— опять прервал дьяка Иван Васильевич,— когда и в чем иовгородцы клятву свою рушили?

— Впнсано, государь,— ответил дьяк Курицыи,— токмо отдельно. Во всем нзборинке так писаио за все годы: сперва — в чем крест целовали иовгородцы великому князю, а потом — как измену творили.

— А вслед за сим,— сиова вступил в беседу дьяк Жук,— тут же пнсано: каков вред от сего Москве, как и карать за сие воровство.

— Добре, добре,— отметил Иваи Васильевич.— После мы кары сии отдельно иа думе иашей обмыслим, а сей часец продолжай, Степан Тимофеич, какие еще грамоты вы в сей изборник списалн н что наиглавиое в грамотах сих указано?

— В Яжолбицком докончании иовгородцами принято: первое — иа грамотах Великого Новагорода быть печати киязей великих, а вечевым грамотам не быть; второе — великокняжескому суду быть на Городище. От великих князей судьей быть московскому боярину и боярину от Новагорода, а при несогласии сих судей,— дело решит великий князь, будучи в Новомгороде, вместе с посадииком; третье — опричь того, в Новомгороде остается суд у иаместииков великого князя, которые судебиые позывы в Новомгороде и волостях правят совместио с новгородскимн; четвертое — дается право великому князю иа черный бор[1]; пятое — не принимать Новугороду к собе великокияжеских ворогов и лиходеев, и шестое — великий князь за все сие обещает доржать Великий Новгород в старииe, по пошлине...

— Добре,— молвил Иваи Васильевич,— а далее какие грамоты? Двинские-то грамоты[2] не забыли?

— Все есть, государь, как тобой раие было указаио,— ответил дьяк Курицын, а дьяк Жук передал по спискам изборника все, что там по порядку изложено.

Вслед за Яжолбицкой грамотой были списаны в нзборник все грамоты великих князей иа Двинские земли, иачиная с великих князей Андрея Александровича, Иваиа Калиты, Димитрия Доиского и кончая знаменитой уставиой грамотой великого князя Василия Димитриевича, сыиа Донского. Перед этими же грамотами — список земель князя великого иа Двине.

— И сие вельми нужно,— выслушав доклад о Двине, заметил Иван Васильевич,— по списку сему прямо перед очами все измены новгородские. Токмо добавнть сюды надобно список с

---

[1] *Черный бор* — единовременный, экстраординарный налог с населения. *(Прим. автора.)*

[2] *Двинские грамоты* — касающиеся княжеских промысловых угодий, писанные в конце XIII века.

отказной грамоты новгородской — об отдаче мне Новымгородом двинских волостей близ Пинеги и Мезени. Сие поставить после списка докончания моего с ними в Коростынн.

— Будет сие все списано, государь, в нзборник, где тобой указано,— поклонясь, сказал дьяк Жук.

Затем дьяк Андрей Иванович прочел договорную грамоту Димитрия Донского с Великим Новгородом. Это было соглашенне о совместной борьбе с общими врагами, в первую очередь с Лнтвой н затем с Тверью, где обе стороны обязуются: «Всести на конь, ежели будет обида (у Москвы) со князем литовским или тверским князем Михайлой». Договор заканчивается таким взаимным обязательством, подкрепленным крестным целованием обеих сторон: «Новугороду княженье бо мое великое держать честно и грозно, без обиды, а мне, князю великому Димитрию Ивановичу всея Русн, держати Новгород в старине, без обиды».

— Добре, сие добре!— воскликнул великий князь.— А после сего указать об изменах их святой Руси — вспомнить договор их с крулем Казимиром, великим князем литовским. Будут онн от сего извиваться, как змея под вилами!

— Крепко, государь, угодил нам князь Холмский, отбив спнсок сей грамоты на Шелони,— заметил радостно Бородатый,— их самую тайную грамоту у них же из рук вырвал. Неможно им от сего отпереться никак!..

Дума эта с дьякамн затянулась надолго, но по окончании ее оба великих князя отъехали к себе без всякого утомления, полные радости, что правда вновь на их стороне перед всей Русью православной...

С этих дней одолел Москву красный петух. Начались пожары с ночи двенадцатого сентября, когда загорелось в посаде за Неглинной рекой, меж церквей Николы и Всех святых, и погорело много дворов и те обе церкви сгорели. Того же месяца, в двадцать седьмой день, погорел на Арбате Никифор Федорович Басёнков: сгорели дотла и хоромы, н службы на дворе его, и даже заборы. Словно метлой все смело...

Но самый страшный пожар был на другой день после покрова, октября второго, загорелось к утру в самой Москве, внутри града, блнз Тимофеевских ворот. Заполыхал огонь среди тьмы еще ночной, забили в набат во всех церквях, всполошился народ н в Кремле и за стенами его. Сам великий князь сюда прибыл с дружиной из стражи своей, и много людей сбежалось со всех концов. Стих набат, как обычно, чтобы не мешать государю, когда прибывал он на пожар н начинал порядок наводить, указывая, кому, где, как и что делать. Одни по приказу его водой заливали, другие строения горящие разметывали, лишь бы огню ходу не

давать далее. Только к обеду с трудом загасили огонь, и великий князь воротился усталый в хоромы свои. Переодевшись и умывшись, сел обедать, но уже в половине стола снова загудел грозный набат по всему Кремлю: загорелось во граде близ Никольских ворот. меж церквей Введения богородицы и Кузьмы-Демьяна. Невесть откуда взялся ветер, поднялась буря, и страх охватил всех великий. Бросил обед государь и опять поскакал с дружиной своей, а с ними и Иван Иванович на подмогу отцу.

Это был страшный пожар, каких давно не было: выгорел почти весь город. В угли и пепел обратились все строения от самых Никольских ворот, откуда огонь верхом дошел почти ко двору великого князя, и до стен Спасского монастыря, и до двора князя верейского Михайлы Андреевича, а низом — по самый двор князя Федора Давыдовича Пестрого. Да и на этих местах огонь едва уняли в третьем часу ночи потому лишь, что сам великий князь на всех нужных местах дворы от огня отстаивал со многими людьми, к тушению пожаров навыкших.

Церквей двенадцать деревянных в пожар этот сгорело, да каменных более десяти обгорело, а у некоторых из них внутри все выгорело. Дворы же меж церквами все дотла погорели.

Тяжко было это Москве, а великому князю вдвое, ибо с пожаром этим слухи пошли, что жгут ее вороги через тайных доброхотов своих. Заставляло это государя спешить с походом в Новгород.

— Надобно,— гневом пылая, говорил он в тайной беседе с сыном и дьяком Курицыным,— надобно борзо, не медля, страх посеять в Новомгороде таков, дабы и удельным страшно стало. Пока государыня-матушка жива, удельные-то — оковы на руках и ногах моих. Особливо князь Андрей углицкий. Всех братьев моих за собой тянет. Знает он, что матушка его всегда заступит, а яз против матери никогда не пойду. Любимец он ее.

Он быстро заходил вдоль покоя, но вдруг, остановившись против Курицына, резко спросил:

— Какие вести из Дикого Поля о Лазареве?

Дьяк вздрогнул от неожиданности и, встав с места, молвил:

— Вести есть, что Ахмат отпустил Лазарева. Бают, более все Орда увязает в рати с Крымом и с турками. Бают еще, великий визирь султанов, Ахмед-паша, захватил Кафу и на Мангупское княжество идет...

— Добре,— прервал дьяка великий князь,— на сей часец довольно нам об Ахмате и сего ведати. Главное то, что ныне не помешает нам Орда обуздать господу новгородскую. Мыслю, Лазарев-то к концу сего месяца на Москве будет. Посему приказываю: быть тайной думе с дьяками и воеводами у меня в трапезной на четырнадцатый день сего месяца. Токмо потщись,

Федор Василич, дабы все у дьяков к тому дню готово было, а яз сам с воеводами все для похода обмыслю...

Великий князь, помолчав, добавил:

— Да подумай с Ховриным н другими, которых сам изберешь, как нам безо всякой дерзости, а иеприметно все даии-выходы более в Орду не платить.

— Содею все, государь,— горячо ответил Курицын,— содею все по воле твоей с великим тщанием. Ради славы и чести Руси православной не токмо силы, но и живот свой положу!

— За вольное царство русское н яз живота ие жалею,— молвил Иван Васильевич.— Не забудь токмо: думу тайную начнем после завтрака и думать будем до обеда, а после всем у меня в трапезиой обедать. Ну иди, и помоги тобе бог.

Октября четыриадцатого, на Прасковью-трепальницу, когда в деревнях все полевые работы кончаются, а бабы леи трепать начинают, собралнсь на тайную думу в трапезиой великого князя все бояре, дьяки и воеводы, которым государь быть у себя приказал. Хотел великий киязь, чтобы все для войны готово было к двадцать второму октября, когда у хозяев толстая мошна худеет, а у работников — пустая толстеет, когда мужицкие руки свободными стаиовятся, когда воинов можно набрать больше.

В этот же день, до завтрака, принял великий князь митрополита Героития, чтобы и церковь на стражу дел своих поставить. Боясь римской руки и козией папы через греков и латыняи, которые с царевной прибыли, Иван Васильевич тайно говорил владыке:

— Отец и богомолец мой, богом и собором святых отцов поставлеи ты блюсти церковь православную, храиить веру истиниую, яко зеиицу свою. Глядн же на униатов-чужеземцев: ие изделали бы онн в угоду папе рымскому зла иам, пока яз на походе буду. Помни, и духовные тоже могут ковы ковать. Гляди, отец мой, и за делами мирскими, в которые могут и духовные ввязнуть.

Накануие же вечером беседовал государь тайно с Курицыным и киязем Иваиом Юрьевичем Патрикеевым, воеводой зиаменитым, которого иаместником своим на Москве оставлял ои при молодом князе Иваие Иваиовиче. Клятву с них пред икоиами взял глядеть за удельиыми и за чужеземцами, да н за духовными отцами церкви православиой.

Раиее же говорил ои с сыном, давая ему указания и иаказы подробные, как н в каком случае вести себя и с бабкой, и с митрополитом, и с дядьями своими, и каким боярам, дьякам и воеводам верить и кого остерегаться.

— Помни, сынок, ворогов у нас более, чем друзей,— повторял ои,— ведай: мы доржимся силой токмо тех, кто в нас н в иаших делах видят для собя добро. Ныне же сила эта — дети

боярские, снречь дворяне, волей иашей помещики. Верные есть у нас н бояре, н дьяки, н воеводы. Онн нами, а мы ими крепки. Сим верным людям, как и тобе, от меня ведомо, что поход-то миром есть тайная война с Новымгородом, н будет она страшней ратн открытой...

Когда же в трапезиой великого киязя собрались все созваиные им бояре, дьяки и воеводы во главе с митрополитом, государь, не говоря им ничего тайного, пригласил всех помолиться в свою крестовую.

Здесь, обратясь к митрополиту Героитню, сказал он внушительно:

— Отче святый, богомолец мой. Примн от иас всех крестоцелование, что все честио н грозно послужим, живота не щадя, нашей Руси православной.

После этой клятвы великий князь снова возвысил голос и строго произнес:

— Сей же часец требую от стоявших пред иами тут бояр, дьяков н воевод крестоцелования в том: что все онн будут верны мне н сыну моему Ивану; что, не щадя живота своего, исполнят приказы мон н моего сына Ивана; что все дела н умыслы, как ратные, так и государевы, сохранят в тайие.

Прнсяга, прнннмаемая каждым отдельно н вслух, затянулась до самого обеда, а поэтому, когда она окончилась, великнй князь кратко сказал:

— Все, что для похода надобно, через седьмицу должно быть готово. Когда придет из Орды Лазарев, нам бы более ие готовиться, а ндти ратям прямо к Новугороду. Сей же часец митрополит Геронтий вознесет к господу молитву перед трапезой, а засим прошу всех к столу моему.

В последние дни, когда все уже к походу готово было, томился н волиовался великий князь, а с ним и его блнзкне, ожидая нз Орды посла своего Лазарева, Димитрня Елнзаровича. Ждали его самое поздиее иа пророка Иоиля, а он прнехал нз Дикого Поля на третий день, октября двадцать первого, к обеду, но все было к добру: Димитрий Елизарович подтвердил все вестн от царевича Даииара. Принял Лазарева великий князь тотчас же, пригласив к трапезе в своих хоромах. За столом были оба великих князя н дьяк Курицын.

— Радн тобе. Садись с иами, Димитрий Елнзарыч. Изопьем кубок за приезд твой, и сказывай, какие дела в Орде, что Ахмат деет и что против иас замышляет...

Прииимая кубок с крепким медом, Лазарев взволнованно заговорил:

— Будь здрав, государь, на многие лета! Да пошлет тобе господь успеха в великих делах твоих.

Сев за стол по знаку государя и наскоро закусив жирной жареной бараниной и куском горячего курника, посол столовым ручником тщательно обтер себе руки, рот, усы и бороду. Приняв от дворецкого второй кубок со сладким медом, он начал доклад свой:

— Повестую тобе, государь, что слышал от царя Ахмата и ближних его. Отпуск от него получил из Орды яз заочио, ибо он с войском своим воевал уж тогда в Поле, приближаясь к Перекопи крымской. И грамот от него у меня нету...

— Сие не суть важно,— заметил Иван Васильевич,— мне ныне самое главное — ведать, надолго ли Ахмат увяз в распрях басурманских? Можем ли мы рати свои без страху на ворогов послать, угрозы не боясь с тылу? Как о сем ты, Димитрий Елизарыч, сам мыслишь? Тобе в Орде-то видней было.

— Мыслю, государь,— ответил Лазарев,— хватит им грызни сей и безрядье всякого не менее, как года на два с Крымом одним. Далее же неведомо, что султан турский содеет, как у него дела с Ахматом пойдут. Бают, визирь султанов Ахмед-паша — воевода вельми хитр и грозен, а вои турские крепки и без страха...

— Ну, а как внутри Орды?— спросил великий князь.

— Беспорядок, неурядица, государь, и грызня,— ответил Димитрий Елизарович.— Ханы, мурзы друг на друга ножи точат. Есть и у самого царя в Орде вороги. Ныне, государь, в Орде нету прежней силы и крепости. В раздор идет все. Турки куды крепче татар...

— Добре, добре,— заметил великий князь,— как в Диком Поле?

— Так же, государь,— продолжал Лазарев,— грабеж и разбой. Всякие князьки татарские с уланами да казаками своими везде рыщут, а ныне и на самый Батыев улус[1] оглядываются. Блазнит их, что царь-то Ахмат на походе...

Окончив трапезу, великий князь поднялся со скамьи и перекрестился на образ. Довольный докладом, он милостиво молвил Лазареву:

— Ну, иди, Дмитрий Елизарыч, к собе. Отдохни с пути-то. Вечером же побай подробнее с Федор Василичем, а он мне все доведет. Утре-то ведь яз большим поездом иду к Новугороду, миром. И о сем тобе Федор Василич все скажет.

Обратившись к дьяку Курицыну, Иван Васильевич продолжал:

— Ты тоже иди. Воеводам яз дам приказ днесь же, а утре, к раннему завтраку, принеси мне изборник грамот об изменах

[1] *Батыев улус* — Сарай, столица Золотой (Большой) Орды.

новгородских и приведи дьяка толкового, который ведает все нужные нам грамоты и может со мной поехать. Яз его ранее сам испытать хочу...

На другой день, задолго да раннего завтрака, когда Саввушка, любимец великого князя, подавал умывшемуся государю утиральник, вошел молодой великий князь.

— А, Ванюшенька!— обрадовался Иван Васильевич.— Самый ранний, самый дорогой гость мой!

— А ведаешь, государь-батюшка, пошто я твой наиранний гость?— улыбаясь, спросил Иван Иванович, и сам же ответил:— Затем, дабы с тобой без чужих по душе баить!

Он крепко схватил руку отца и горячо поцеловал, а Иван Васильевич обнял его за плечи и повел в свою трапезную.

— Батюшка!— говорил по дороге Иван Иванович.— Помню яз все советы и наказы. Сколь сил хватит, буду их выполнять тобе в помочь,— буду на страже стоять дел наших!..

Государь взволновался, крепче прижал к себе сына и, вспомнив, как говорила ему когда-то бабка Софья Витовтовна, ее словами ласково молвил сыну:

— Любимик ты мой!..

За завтраком Иван Васильевич, положив руку ему на плечо, спросил:

— А ведаешь, сынок, пошто яз миром к Новугороду иду?

— Обидных людей защитить, наказать сильников,— ответил Иван Иванович,— ворогов наших смирить...

Великий князь усмехнулся с добродушной насмешливостью и молвил:

— Истинно, но сие токмо мелочь. Главное-то — земля новгородская. Вотчины святой Софии, боярские и монастырские земли брать надобно. Сие главный удар: у господы он все корни подрежет, а нам будет куда помещиков сажать за ратную их службу...

Иван Иванович задумался — он не совсем понимал отца. Иван Васильевич заметил это.

— Ты пойми, мой юный государь,— сказал он,— что при государствовании надобно во всяком деле, как при строительстве, ранее всего основу уразуметь. Ведать, что всякому строению, всякой власти и всему государству основой служит и на чем все držится...

Помолчав, государь продолжал:

— Ныне не Новгород господин, а великие бояре-вотчинники да архиепископ — господа Новугороду со всеми его землями. О сем и у нас удельные сны видят. Жадеют сего, яко волки голодные. Разумеешь?

— Разумею, государь.

— Боярство новгородское да и некои из купцов их богатых и житьих грабят земли сии, засылают ушкуйников в чудь, мордву, в чуваши, в Югорскую землю и в прочие места, даиь на них налагают медом, воском, дорогими мехами, серебром. Сирот же своих коиями пашенными деют, в крепость берут и хлеб, лен, пеньку, сало, скот, птицу их руками добывают во множестве. Все сии богатства несметные Ганза немецкая скупает через них и, яко пиявица, всю кровь из Руси высасывает. Новгородцам Ганза за сие златом платит, иноземные товары им шлет, а новгородцы сии товары втридорога нам перепродают...

— Приказчики немецкие!— сказал Иван Иванович, вспомнив слова отца.— Вороги наши и всей Руси!

— Так вот,— горячо продолжал Иван Васильевич,— основание-то новгородского государствования есть захват и грабеж земель, закабаление пашенных сирот. Сие-то у них и надобно отнять все и Ганзе руки отсечь.

Постучав, вошел Курицын с дьяком Василием Саввичем Мамыревым. После обычных приветствий Василий Саввич сказал почтительно:

— Государь, узнав о нужде твоей в дьяке, аз готов служить, ежели...

— Рад тобе, рад!— весело воскликнул великий князь.— Сам бы позвал тобя, да не хотел токмо утруждать тобя походом. Мыслил, и помоложе есть.

— Государь,— улыбаясь, возразил Мамырев,— не токмо аз, а и престарелый Бородатый возле тобя молодым деется!

— Иван Васильевич милостиво протянул руку Мамыреву со словами:

— Помню, как три года назад ты мя обрадовал тетрадями Афанасья Никитина, который воротился из Индии и, мало до Смоленска не дошед, преставился. Царство ему небесное!

— Купцы наши московские,— продолжал Мамырев,— тогда привезли мне тетради его из Литвы, и тогда же по велению твоему приказал аз списать тетради Афанасья в летописи наши московские полностью.

— Помню все сие,— задумчиво произнес великий князь, вспоминая читанное им в записках Никитина.— Уразумел аз от Афанасья, мужа вельми умного и сведущего, что надобна нам прямая торговля с чужеземными странами без посредников. Им бы всё пенки сымать, у всех барыши перехватывать!

Потом, обратясь к Ивану Ивановичу, добавил:

— Много в сем писании Афанасьевом есть дивного о землях заморских, любопытного вельми и учительного. Прочти, сынок. Государям-то некогда ездить в чужие края, а ведать о всем

надобно им более других. Федор Василич, найди тетради сии в книгохранилище моем, принеси потом великому князю. Сей же часец передай изборник грамот новгородских и наших Василь Саввичу...

Кто-то постучал в дверь, и Саввушка, стремянный государя, отворив ее, почтительно впустил воеводу и наместника московского, двоюродного брата Ивана Васильевича, князя Патрикеева, который входил к великому князю всегда без доклада.

Иван Юрьевич, помолясь на образа, молвил:

— Будь здрав, государь. По приказу твоему полкн твои уж на площади, пред Михаилом-архангелом.

Великий князь встал ему навстречу.

— И ты будь здрав,— ответил ему Иван Васильевич и троекратно облобызался со своим родичем.— Присядь-ка на малое время, а ты, Василь Саввич, иди борзо к собе, дабы готову быть в путь. Снарядившись, спеши ко князю Федор Давыдычу, дабы он тобя при шатре устроил, который для дьяков наряжен со всеми нужными им письменными надобностями.

Дьяк Мамырев вышел, взяв изборник и прочие грамоты у Курицына.

Иван Васильевич продолжал:

— Вот вы все трое здесь, которые остаетесь на Москве меня вместо: ты, Иван Иваныч, великий князь московский; ты, князь Иван Юрьич, наместник мой — судья и воевода; ты, Федор Василич, мой дьяк, глава посольского приказа.

Великий князь подумал немного и, как всегда кратко и ясно, приказал:

— Трое вы тут составьте с дьяками списки из боярских детей и прочих, наиболее разумных и годных к ратной службе. Пожалую им поместья, когда ворочусь на Москву. Вы же исчислите, сколь земли им дать, дабы добре кормились сами н крестьяне их, которым всем быть воями. Сим новым помещикам, сиречь дворянам, прикажите всем готовыми быть для рати. Все сие к возвращенью моему изделать.

Иван Васильевич замолчал, но, взглянув на князя Патрикеева, спросил:

— Был ты у старой государыни?

— Был, государь. Митрополит уж там...

— Ну, и нам пора,— сказал Иван Васильевич и пошел к дверям. Все двинулись следом за ним.

Войдя в покои Марьи Ярославны, оба государя приветствовали ее, а затем подошли к благословению владыки Геронтия. Примеру государей последовали сопровождавшие их.

Не садясь, Иван Васильевич сразу же обратился к матери:

— Тобя, государыня Марья Ярославна, и великого князя Иван Иваныча,— заговорил он,— оставляю на Москве собя вместо. Тобя же, отец мой и богомолец, и наместника московского князя Иван Юрьича, и дьяка Федор Василича прошу не оставить их советом своим и попечением. Яз же миром иду к Новугороду чинить суд и расправу над сильниками по челобитьям новгородских обиженных людей.

Помолчав некоторое время, великий князь добавил:

— Вои моей стражи ждут уж меня у Михаила-архангела, где яз с ними вместе приму благословение владыки.

Иван Васильевич приблизился к Марье Ярославне и продолжал:

— А здесь яз приму благословение матери своей и сам благословлю сына, супругу и малых детей своих.

Приняв благословение матери и простясь с ней, Иван Васильевич благословил сына, обнял и облобызал его троекратно.

— Помни,— сказал ему государь,— все наказы мои и чаще шли мне вестников.

Простился Иван Васильевич со всеми прочими и, уходя, спросил у князя Патрикеева:

— Известил ли ты Великий Новгород о поезде моем?

— На прошлой седьмице, государь, повестил, что едешь ты миром, токмо с полком своим.

— Добре, добре, Иван Юрьич, сей же часец гони к Новугороду гонца, пусть еще раз упредит господу и вече, что еду яз к ним миром.

Но до дверей не дойдя, великий князь снова подошел к матери и молвил:

— Челом тобе, государыня, бью: пригляди княгиню мою, ведь тяжела она...

Великая княгиня улыбнулась и, перекрестив сына, ласково проговорила:

— Будь покоен, пригляжу, авось господь на сей раз сынка тобе даст. Иди с богом, да поможет он тобе милостью своей...

Идя полутемными сенцами, вспомнил Иван Васильевич, сам не ведая почему, детство свое — прошло оно пред ним во мгновение ока. Вспомнились все близкие и дорогие, которые уж умерли; и соратники и слуги верные вспомнились — их тоже мало осталось. Думал великий князь и о новых верных слугах. Нужно было найти их и передать Ванюшеньке в помощь, чтобы он крепок на государстве был, Русь бы великую строил...

Взглянув вправо, увидел государь неожиданно дьяка Бородатого, Степана Тимофеевича, выступившего ему навстречу.

— Прости, государь, что без зова и без доклада дошел,— волнуясь, начал дьяк вполголоса.— Доброхоты новгородские прислали гонца верного, который мне добре ведом. Деиь и ночь он гнал иа Москву. Бают доброхоты наши, получив от князя Патрикеева весть на седьмице минувшей о приезде твоем миром, некие великие бояре зло на тя мыслить стали, как на отца твоего было в сем осином гнезде, и на воеводу его Басёнка. Бают доброхоты, не ездить бы лучше тобе, государь. Послать к ним собя вместо воевод знатных, князей Данилу Холмского, Стригу-Оболенского и Пестрого...

— Яз сам ведаю, что мне деять,— резко заметил Иван Васильевич,— указания их мне ие надобны!

Великий князь хотел было двинуться далее, ио Бородатый заступил путь ему и продолжал с мольбой и слезами:

— Бают доброхоты, что слуги некоих бояр, наиболее злых твоих ворогов, ищут злодеев среди голытьбы кабацкой, которые убить могли бы. Ищут и такое дело, где бы на пиру отравы тобе дать. Молю тя, государь, не езди сам. Ведь без тобя государству-то не быть!

Страх и тревога старого слуги троиули великого князя.

— Сладка мне гребта твоя о государстве,— сказал он дрогнувшим голосом,— дорога верность...

Обняв и облобызав престарелого дьяка, князь возразил ему:

— Бывает и так, Степаи Тимофеич, что надобно и самому государю живота своего не жалеть для пользы государства. Токмо ты не бойся, яз им живота своего не отдам. Ведаю яз, что для Руси православной живот мой надобней смерти моей.

— Да укрепит тя господь в делах твоих, государь! Велю доброхотам беречь тя...— глухо произнес старик и заплакал, горячо целуя руку великого князя.

Великую княгиню Софью Фоминичну государь застал в трапезной, где она с детьми завтракала.

Трапезную свою государыня обрядила по своему вкусу. Стены были обиты золотой парчой, а потолок — рудожелтым ипским сукном. Полавочники иа пристенных лавках, на застольных скамьях и на стольцах — из того же сукна, но шитого узорами, а по краям с золототканной оторочкой. Из дубовых столов с резными ножками только один, за которым завтракали, был накрыт белой скатертью. Остальные были покрыты бархатными и атласными подскатертниками.

В красном углу стоял большой кивот, заставленный весь иконами в золотых и серебряных окладах, сиявших драгоценными камнями, обвешанный всяким шитым узорочьем, унизанным жем-

чугом, блестками и самоцветами. Были тут и пелены, искусно шитые русскими и царьградскими швами под руководством самой богомольной княгини Софьи Фоминичны.

Крестясь на иконы, Иван Васильевич искоса взглядывал на подурневшую за время беременности жену, поднявшуюся со скамьи ему навстречу. Обе девочки: Елена, которой шел уже третий год, и Федосья, по второму уж году, сидели возле матери, занятые доеданием взварца на меду из чернослива, изюма да из корня имбирного.

Здороваясь с княгиней своей, Иван Васильевич поцеловал ее и весело обратился к детям:

— Клюют мои птички сладкие ягодки,— нежно молвил он.— А ну-ка, целуйте тату своего! Тату ваш с полками в поход идет...

Девочки потянулись к отцу, а Софья Фоминична невольно воскликнула:

— Ti krima![1]

Заметив, что великий князь не понял по-гречески, повторила то же по-итальянски:

— Che peccáto!

Иван Васильевич на этот раз понял и ответил:

— Ништо не подеешь — по княжим делам надобно. И то добре́, что не на рать еду, а миром. В гости на малое время. Не бойся. Матерь моя при тобе будет...

Софья Фоминична поняла и, улыбаясь, сказала:

— Хоросо́, а то меня страх...

Великий князь, поднял на руки свою любимую старшую дочку и повернув ее лицом к матери, радостно воскликнул:

— Гляди, как красна́ моя милая доченька!

— Non la capisko![2]— с огорчением ответила Софья Фоминична.

Иван Васильевич озорно улыбнулся и решился сказать по-итальянски:

— Mia cara figlia á molto bella! [3]

Софья Фоминична рассмеялась и, захлопав в ладоши, крикнула:

— Bravo, mio sovrano, bravo! [4]

Государь, тоже смеясь, опустив девочку на пол и, благословив ее и младшую, подошел снова к великой княгине. Перекрестив друг друга, супруги троекратно поцеловались.

---

[1] Какая досада!
[2] Не поимаю.
[3] Моя дочь очеиь красива!
[4] Браво, мой государь, браво!

Выходя из трапезной, Иван Васильевич сказал жене:
— Буду тобе и матери часто слать гонцов и вестников.

Выступив из Москвы в первом часу пополудни, поезд государев ехал медленно. Дорога была очень разъезжена: много обозов с новым зерном в верхние земли прошло, да и дожди, как на грех, зарядили надолго. Только к концу дня, когда уж подъезжали к селу Мячкину, прояснило, и осеннее солнце, огромное и красное перед закатом, глянуло из-за туч и осветило багровым светом весь огромный поезд великого князя.

Иван Васильевич вылез из своей повозки и сел на походного коня. Увидев его, и воеводы сели на коней и стали подъезжать к государю. Стали судить и рядить о погоде и по разным приметам решили, что завтра дождя не будет, а будет сильный ветер, от которого дорога за ночь и утро успеет немного провянуть, а днем-то и более того.

Выслушав всех, Иван Васильевич сказал с веселой усмешкой:

— Ин заночуем здесь: ведь не ратью идем, а миром. Да и людей и коней надо кормить и поить — измаялись вельми в грязи и сырости...

Опять ехал Иван Васильевич, сопровождаемый воеводами, по длинной улице села Мячкина к знакомым хоромам Федора Ивановича, казначея и конюшенного Марьи Ярославны.

Выслушав здесь, уже при свечах, краткие донесения воевод о сделанном переходе, государь отпустил всех. Быстро поужинал и велел Саввушке убрать все, кроме сулеи с заморским вином, и подать ларец с картой всей Руси и всех чужих земель, которые по соседству с ней.

Оставшись один, великий князь разложил на столе карту и ближе к ней придвинул свечи. Хотел он, не спеша, обдумать еще раз намеченные пути для полков своих, но мысли пошли шире и глубже. Ясней и ясней становилось ему, что у всего сущего в государстве есть свои пути. Своего хотят князья, своего хотят бояре, своего хотят купцы, смерды, крестьяне, сиречь сироты, холопы и черные люди. И все они идут по своим путям и к своей судьбе. Так же и все княжества и все царства идут, куда их события влекут неизбежно...

— И куды влекут,— сказал вполголоса государь,— непременно понять надобно. Не поймешь, пуще все развалишь...

Иван Васильевич снова задумался, окидывая взором на карте все земли новгородские и рубежи их. Понимал он, что ни победы московские на ратных полях, ни даже уничтожение веча и госпо-

ды ие покорят еще Новгорода. Нужно самые корнн государства этого вырвать...

— И яз иду правым путем,— подвел итог своим мыслям великий киязь,— надо поимать землн святой Софнн, вотчины великих бояр иовгородских и все монастырские! Бояр же, господу всю, а там н многих житьих н купцов нз Новагорода вывести с семействами в Рязаиь, Муром, Вологду, Пермь, Вятку н иные места. Земли же их на поместья разбить да московским дворянам раздать...

Иваи Васильевич мысленно видел ход этих предстоящих событий, н думы его иевольно обратились к тем живым людям, с которымн предстоит бороться ему.

— Борьба сия ие на живот, а иа смерть,— прошептал он и, вспомнив о непримнримости врагов своих, достал из ларца, где храиилась у иего карта Руси, список имеи.

Составлеи был этот список дьяками Бородатым и Курицыным при помощн главных доброхотов московских в Новгороде: братьев Пенковых, вечевого дьяка Захария Овнна, вечевого подвойского Назария, игумна Николо-Белого монастыря отца Сидора и купца иовгородского Ивана Семеновича Серапиоиова.

В этом списке указаио, где опора всех иноземных врагов в Новгороде: Ганзы немецкой, Казимира, короля польского и великого киязя литовского, и Ахмата, хана ордынского. Опора эта велика н сильна: господа новгородская, во главе которой сам архиепископ, владыка Феофил, а также посадник степенный Короб Яков и степеиный же тысяцкий Василий Максимов, боярство великое со всеми старымн посадниками и тысяцкими, купцы с их ратиымн дружинами, а также житьн и черные люди, которые от них завнсят.

— Вот оно, осиное-то гнездо,— молвил с усмешкой Иван Васильевич вслух,— а другое — у меня на Москве...

Тихо, дабы ие мешать государю, прошел в покой Саввушка и оправил государю постель. Иван Васильевич не обратил на него внимання, но когда Саввушка остановился в дверях н стал ждать, Иваи Васильевич, взглянув на иего, спросил:

— Ты что?

— Простн, государь, к тобе Михаил Яковлич. Пущать?

— Зови.

Через минуту вошел дворецкий походного государева двора, окольничий[1] Русалка.

---

[1] *Окольничий* — старинный придворный чин, второй после боярина, находился около особы государя в походах, устраивал путь н станы для государя. Окольничнн нередко назначались воеводами, наместниками, дьяками и послами.

Перекрестясь на иконы и поклонясь великому князю, он заговорил.

— Прости, государь, без приказа твоего. Видя огонь свечи в окне твоем, помыслил: может, надобно государю что-либо, и дошел к тобе. Может, приказ дашь какой.

— Добрé, Михал Яковлич,— молвил великий князь.— Окольничии Ощера Иван Василич да Андрей Михайлыч вместе с боярским сыном Леваш-Некрасовым нарядят и доржать будут в Новомгороде мою тайную стражу под рукой Федор Давыдыча Пестрого. Ты же вместе с дьяками Мамыревым, Беклемишевым и Полуехтовым заведи тайные связи с подвойским вечевым Назарием, купцом Серапионовым, Иван Семенычем, и с игумном Николо-Белого монастыря, с отцом Сидором, выведывая от них все о злодеях наших в Новомгороде. Под рукой вы будете у Китая, Василь Иваныч, которого из Торжка яз возьму с собой в Новгород.

— Разумею, государь,— почтительно кланяясь, сказал дворецкий.

— Ну, иди,— заключил великий князь,— да утре, после раннего завтрака, собери ко мне воевод всех приказы мои принять.

На Димитриев день, октября двадцать шестого, въехал великий князь на Волок Ламский, где его со всем двором своим встречал брат Борис Васильевич, князь волоцкий.

Иван Васильевич был обходителен с князем Борисом, с супругой его Ульяной Михайловной Холмской и малолетними сыновьями их Федором и Иваном.

За ужином беседы шли о безрядье новгородском, о многочисленных жалобах великому князю обидных новгородских людей на обидчиков из новгородской господы, на великих бояр и даже посадников и тысяцких, не только бывших, старых, но и настоящих, степенных. Ни у кого не возникало никаких иных мыслей о целях похода, кроме суда и расправы по призыву житьих и черных людей новгородских, не могущих управы в судах своих найти на сильных и богатых, которые делают наво́дки на суды, для чего собирают концы, улицы, сотии или просто нанимают пьяниц и бездельников, чтобы силой освобождать подсудимых...

— На другой день, выступая в поход после раннего завтрака, Иван Васильевич, смеясь, сказал брату:

— По тому, как меня встречать будут и как провожать, уразумею яз, кому в Новомгороде Москва — друг, а кому — ворог...

Борис Васильевич не обратил внимания на шутку старшего

брата и ие понял его намека, ио ответом своим дал велнкому киязю важные сведения.

— Ныне иа вече,— простодушио сообщил ои,— засилье житьих н мелких купцов, которых черные люди зело поддерживать зачали. Господа же более и более сильнычают, совсем разоряют слабых и бедных, а те, ратиой силы ие имея, красиого петуха к хоромам их подпущают...

— Поеду, сам погляжу, как оии там жнвут,— промолвил великнй князь и вышел вслед за стремянным своим, доложившим ему, что конь уже подан.

Все семейство киязя волоцкого и весь двор княжой с великнм почетом провожали Иваиа Васильевича до коня его, стоявшего у самых ступеней красиого крыльца, и далее провожали до самых выездных ворот со двора.

В среду первого иоября великий киязь въехал в Торжок. Новоторы встретили Иваиа Васильевича колокольным звоном, выйдя за городские ворота с крестным ходом ото всех церквей. Вече же иовоторжское пригласило государя московского остаться иа торжественный пир в честь его прибытня. Великий киязь горячо благодарил, ио от пира уклонился, ссылаясь иа то, что обидиые люди новгородские давио ждут суда и защнты у своего великого князя. В Торжке был только привал: войска иаскоро пообедали, покормили н напоили коней.

Иван Васнльевич обедал у наместнника своего в Новом Торге, у Василня Иваиовича Китая, и, чокаясь с иим чаркой водкн, молвил:

— Хочу взять тобя, Василь Иваиыч, с собой в Новгород.

— Рад служнть, государь!— воскликнул новоторжский наместиик.— Когда прнкажешь готовым быть?

— Днесь, Василь Иваныч, ежели управишься. В пути к Нову-городу успеть надобно тобе спнски злодеев наших прочесть, да н жалобы многне иа их от новгородцев же...

— Истнино, государь,— подтвердил Китай,— а еще все вести доброхотов наших сведать н прнсовокупить их к жалобам...

Иван Васильевич лукаво усмехнулся н молвнл:

— В тобе яз ие ошибся, Василь Иваныч. Враз ты разумеешь, что иадобно. А помннщь ты посадннка степенного Василья Ананьнна, который миого наших вотчнн захватил в Двинской земле?

— Помню, государь, хоша уж пять лет, как ои был с высокомернем великим на Москве н ни едниого слова покорного тобе ие правил...

— Да,— резко прервал собеседника великий князь,— высоко-

умия у них у всех много, токмо ума мало. Главное же в походе сем...

— Земля, государь.

— Истинно. Дворян с их воями кормить надобно, дабы у нас постоянное войско было, и стало бы оно сильней и лучше не токмо ордынского, но и Казимирова вместе с ним...

— Все ниточки, государь, в одну совью, да такую крепкую, какой кого хочешь, того и свяжешь...

— Добре, Василь Иваныч,— милостиво заметил Иван Васильевич.— Под твоей рукой будут дьяки мои и дворецкий Русалка, которые все дела сии ведают. А теперь иди собирайся в путь, а яз отдохну мало время после обеда...

— Все содею, государь, как приказываешь...

— Ну, иди с богом,— повторил Иван Васильевич,— да в пути все жалобы собирай, ежели жалобщики будут, и до меня их всех допущай, даже черных людей и смердов...

Пятого ноября, в воскресный день, прибыл великий князь в село Волочну, или Вышний-Волочок, с двором своим и сторожевыми полками, поспев к концу обедни.

При выходе Ивана Васильевича из церкви встретили его на паперти многие новгородцы с Кузьмой Яковлевым во главе, которые все здесь, в Волочке, приезда его ожидали. От них были и первые жалобы государю московскому.

— Государь,— земно кланяясь, говорил от лица всех Кузьма Яковлев,— челом тобе бьем: пожалуй, спаси, дай нам суд праведный и управу от богатых и сильных! От посадников, тысяцких и великих бояр защити! Заслони от грабежей их и сильничанья. И в судах и на вече теснят они нас дружинами своими, челядью, а то и наймают збродней, пьянчивых и кровопролитных людей, учиняя драки и кровопролития. Живота нетути, государь, от них в Новомгороде ни житьим и молодшим, ни черным людям! Токмо обиды, страх и грабеж.

— Истинно так,— пав на колени, заговорили разом все товарищи Кузьмы Яковлева,— истинно так, государь, в крайности живота своего живем, горше, чем рабы, в цепи окованные. Рассуди нас, государь, воздай сильникам кажному за зло их!..

Лицо государя загорелось от гнева.

— Встаньте,— грозно сказал великий князь и, обратясь лицом к церкви, продолжал еще грознее:— Запомни ты, Кузьма Яковлев, со всеми товарищами своими! Клянусь яз пред храмом сим сельским: заступником буду всем обидным людям от злодеев и сильников! Рассужу все право по-божьему. Всех винных казню по мере вины их и, ежели зло вельми великое сотворили.

казню даже и смертью! Идите все восвояси, ждите моего приезда и суда...

Когда жалобщики радостные отошли от государя, благодаря и славя его, приблизился к великому князю Василий Никифорович Пенков, боярин новгородский, и, приветствуя от имени владыка Феофила, поднес государю дорогие подарки.

Иван Васильевич благодарил владыку Феофила и приказал Пенкову:

— Повестуй богомольцу моему: рад-де великий князь за память и ласку его. Будет, мол, великий князь в Новомгороде, благословение от руки его примет...

Побыв малое время в Волочне, поезд великого князя московского двинулся далее к Новгороду, словно навстречу зиме шел. Седьмого ноября, во вторник, стоял уж станом великий князь на Виру́. Тут встретил его от Новгорода подвойский вечевой Назарий, а от господы — боярин Лошинский с племянником Федором. Тот и другой поднесли государю дары богатые. Назарий с первого взгляда понравился великому князю. Он молод — ему не более двадцати четырех лет, высок и строен. Его красивое лицо приятно освещается большими глазами. Взгляд этих прозрачных серых глаз открытый, смелый.

Государь ничего не сказал Назарию особого, но подумал, что прав, пожалуй, Курицын в похвалах своих этому юноше.

Китай же, Василий Иванович, беседу вел тайную с подвойским Назарием и потом доложил обо всем великому князю, зайдя по приказу его в горницу протоиерея, где отдыхал тогда Иван Васильевич.

— Сей младой подвойский,— говорил он государю,— вельми разумен не по летам. Разумеет он все твои замыслы, государь, а главное — радеет за вольную Русь и хочет единого государства русского за московским государем. И сие не из корысти какой, а по чистой совести, ибо хочет он освобождения Руси от агарян нечестивых...

Китай помолчал и продолжал, сам удивляясь Назарию:

— Более того дивит меня сей младой подвойский, когда сказывает обо всем, будто твои слова слышал: после татар, бает, Руси надобно с немцами и с Литвой биться за все исконно русские вотчины, которые отъяты ими от нас...

— Хвалил его также и Курицын,— заметил великий князь и спросил:— а что, не отъехал еще Назарий-то?

— Тут еще, государь, он токмо утре на рассвете отъедет,— ответил Василий Иванович,— Ночует здесь у купца...

— Добре!— молвил Иван Васильевич и, обратясь к своему дворецкому, приказал:— Пошли-ка, Михайла Яковлич, за подвойским Назарием да приготовь одну из шуб моих, которую

для даров везем. Сюды мне подашь ее до прихода Назария...

Вечевой подвойский явился к великому князю без промедления. Помолясь на образа, Назарий низко поклонился великому князю:

— Будь здрав, государь,— сказал он звучным голосом.

Иван Васильевич метнул на него острый взгляд и спросил:

— Пошто ты, новгородец, да еще подвойский на вече, а меня государем зовешь?

— По то, государь, что разумею замыслы твои,— смело ответил Назарий,— что хочу Русь видеть великой и вольной!..

Иван Васильевич пристально поглядел на подвойского, протянул ему руку и, когда тот целовал ее, милостиво коснулся губами лба Назария. Потом великий князь обернулся к дворецкому и, приняв от него шубу на соболях, сказал Назарию:

— Возьми шубу сию с моего плеча, а с ней и долю трудов государевых для вольной Руси...

— Клянусь, государь, возьму сих трудов, насколь сил хватит! Ведай, в Новомгороде житьи и черные люди, опричь купленных, все за тобя, государь...

Поезд великого князя не задерживаясь двигался все ближе и ближе к Новгороду. Во вторник, ноября четырнадцатого, встречали уж на Хориве в Ожегах государя своего наместник его Семен Борисов и дворецкий Роман Алексеев, а в среду пятнадцатого ноября встретили Ивана Васильевича на Волме посадники новгородские Феофилакт Захарьин, Яков Федоров и Кузьма Феофилактов, все родня меж собой, которые, как и прочие бояре великие, гнездами в господе сидят. Из житьих встречали: Ульян Плюснин, да Федор Иевль, да Матвей Деревяжник. Все они были с подарками и от себя и от Новгорода. Встречал тут же великого князя с дорогими дарами и великий боярин Федор Дурень, сын Марфы Борецкой, отдельно от прочих.

Когда боярин вышел, великий князь насмешливо улыбнулся и, обратясь к бывшему при нем Китаю, строго молвил:

— Чует беду, заранее соломки собе подстилает.

— Ну, ему от сего,— заметил Китай,— падать мягче не будет...

Идут события, идет и зима своим чередом: закончились ледоставы на болотах лесных и озерах, начали реки одна за другой ставать. Дожди холодные льют вперемежку с крупой, и все чаще с неба снежком посыпает...

Чем ближе подходит княжой поезд к Новгороду, тем более становится в этом осином гнезде суеты и суматохи, тем чаще выезжают новгородцы разных состояний на встречу великому князю, тем больше становится число встречающих и число подарков.

В четверг, ноября шестнадцатого, прибыл княжой поезд в село Васильево, где встретили великого князя: из старых посадников — Василий Казимир с братом своим, Григорий Тучин и самый богатый новгородский вотчинник Богдан Есипов; из тысяцких — Матвей Селезнев да Андрей Исаков; от житьих людей — Квашнин, Балакша и еще жалобщики многие.

На другой день великий князь был на устье Волмы и стоял во Влукоме. Тут его встретили из старых посадников братья Овиновы с сыновьями, а с ними старый тысяцкий Михайла Берденев да боярин Григорий Михайлов...

На том же стану были еще у великого князя многие из старых посадников и степенный тысяцкий Василий Максимов, который много злого Китаю, Василию Ивановичу, тайно на подвойского Назария наговорил. Были тут и житьи Васильев, Колесницын, Лотошновы и прочие, товарищи их из молодших и черных людей, которые на вече стоят за житьих, против бояр и посадников.

Ждал здесь великого князя после встречи на Виру́ и подвойский Назарий. Великий князь, зная от Китая о наговорах тысяцкого Максимова, приказал позвать Назария к себе в горницу, где ночевал во Влукоме, и принимал подвойского поздно, при ярко горевших свечах.

Назарий был взволнован, ибо знал уж, о чем будет речь у него с государем.

Иван Васильевич довольно сухо ответил на приветствие Назария и, помолчав, резко сказал:

— Тысяцкий Максимов сказывает, что ты оболгал его из-за княжны Серафимы Одо́евской.

Назарий вспыхнул, глаза его засверкали.

— Государь!— воскликнул он.— Для ради дела великого, которое ты творишь, я бы и Серафиму забыл... Нет, нет, не забыл бы! Я бы отказался от нее с горестью и мукой, а не забыл бы, и не забуду ее никогда!..

Что-то дрогнуло в углах губ Ивана Васильевича: почудилось великому князю свое, знакомое, дорогое и близкое в горячих словах Назария, прозвеневшее в звуках его голоса нестерпимой тоской и мукой...

— Она не любит тобя?— тихо спросил великий князь.

— Любит, государь,— глухо молвил Назарий,— но отец ее отказал мне. Отдает за Митрия, сына тысяцкого Василь Максимова. Митрию-то тридцать лет, а Серафиме уж двадцать. Каково сие, государь?!

— Пожди, Назарий,— неожиданно мягко сказал великий князь.— Кончим с Новымгородом, яз тобе ее посватаю у князя Одоевского...

Лицо Назария просветлело.

— Спаси тя бог, государь,— с чувством произнес он.— Токмо верь мне. Страшит Василь Максимова правда моя, хочет он правду мою в ложь обратить! Ты же, государь, не имей веры ни владыке Феофилу, ни Лошинскому, ни Афонасовым, ни Борецким, ни посадникам, ни тысяцким. Москва им — нож вострый! Онн токмо за вотчины свои боятся. Онн на всякую лжу пойдут и на всякое воровство!..

— Иди, Назарий,— молвил великий князь.— Яз верю тобе во всем...

День за днем наступает зима на Русь от Студеного моря. Вот уж и Федор-студит землю остудил и затвердил болота н топи, проехал уж и Гурий на пегой кобыле, замесил все дороги снегом и грязью: на колесах еле-еле едешь, а на санях и вовсе нельзя, еще хуже телеги — на каждом шагу застревают, кони из сил выбиваются...

Только на Платона да Романа — зимоуказателей, в субботу восемнадцатого ноября, ударили морозы н дорогн твердеть начали. В этот день великий князь из Влукома прибыл к Рыдыну, что на реке Холове, и стал здесь станом в ста верстах от Новгорода.

Встречали Ивана Васильевича в Рыдыне архиепископ новгородский, владыка Феофил, а с ним служилый князь новгородскнй Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, посадник степенный Василий Ананьин, тысяцкий степенный Василий Максимов, некоторые старые посадники и «князья церкви», сопровождавшие владыку Феофила. Встречали государя московского вместе с духовенством, посадниками и боярами и житьи люди во множестве н с ними подвойский Василий Анфимов.

Дары на сей раз были по обычаю вином: от владыки две бочки — одна с красным, другая с белым. От всех прочих — по одному меху вина с каждого.

В тот же день архиепископ Феофил, князь Василий Шуйский и посадники и бояре новгородские ели и пили на обеде у великого князя. После же того, как Иван Васильевич отпустил от себя гостей, пришли к нему старосты улиц: от Славковой — Иван Кузьмин да Трофим Григорьев, а от Никитиной — Григорий Киприяныч Арзубьев да Василий Фомин — с жалобой, но жаловаться на обиды не посмели, а только привезли от обеих улиц в подарок одну бочку красного вина. Боялись они властей городских — владыки, князей, степенного посадника и степенного, тысяцкого, которых вместе с боярами так милостиво принимал у себя за трапезой великий князь московский...

На другой день, в воскресенье, поезд великого князя, гремя тележными колесами по замерзшей грязи, прибыл в Лытню, что на реке Мсте, в пятидесяти верстах от Новгорода. Тут великого

князя встречал уж другой народ, победней и попроще: небогатые бояре, купецкие старосты и купцы многие и житьи люди. Встречали великого князя все радостно, по обычаю с вином, но жалобщиков и на сей раз не было.

В понедельник, двадцатого ноября, прибыл великий князь в Плашкино, где встречали его старые посадники и тысяцкие, бояре и житьи люди от Новгорода и поднесли ему в подарок каждый по меху вина.

Староста же городищенский, где хоромы великого князя, Ивашка Абакумов со всеми городищанами подарил государю своему бочку белого вина, полтораста яблок да блюдо винных ягод[1].

Из Плашкина поезд великого князя на другой день, во вторник, прибыл на Городище, возле самого Новгорода. На пути сюда встречали великого князя и сопровождали посадники и житьи и многое множество народа всякого звания.

У себя в Городище Иван Васильевич отслушал обедню у Благовещения и обедал потом в своих городищенских хоромах. Владыка Феофил прислал сюда к дворецкому и конюшенному великого князя слуг своих Никиту Саввина да Тимофея Лунина кормы давать для княжого двора. Князь же этим обижен был, и тех слуг не захотел, и корму принимать от них не велел. Узнав об этом, Феофил тотчас же довел до бояр великого князя, что кормы отдавать приказал он наместнику своему Юрию Репехову, а Никита Саввин да Тимофей Лунин будут только подручными ему...

Потом сам владыка в тот же день был у Ивана Васильевича и бил челом сложить гнев на милость и звал к себе великого князя хлеба-соли откушать, но Иван Васильевич его не пожаловал. С волнением и тревогой отъехал владыка Феофил, а к ночи собрал тайно у себя на думу великих бояр, посадников и тысяцких, старых и степенных. Собрались все заправилы господы: Василий Ананьин, Федор Исаков, сын Марфы-посадницы, да Богдан Есипов, Иван Лошинский, Василий Максимов, Марфа Борецкая и другие богачи из великих бояр.

Все были мрачны, понимали грозящую им опасность.

— Неспроста он «миром» пришел,— первым заговорил степенный посадник Василий Ананьин,— ништо спроста он не деет. Чую, ограбит он всех нас. За земли наши боюсь ведь...

— Встречал яз великого князя на Волме,— вмешался Федор,— жаден он на дары-то. Злата, сребра и каменьев вельми хочет. Может, сим да почетом великим откупимся, сохранив свои вотчины...

— Боюсь, тщетно сие,— заметил владыка Феофил,— токмо

[1] *Винные ягоды* — инжир.

мечтание. Получив много, захощет боле того. Огрешка наша великая в том, что после Шелони в докончании с Москвой верховный суд отдали князю московскому...

— Сего, отче святый,— возразил степенный тысяцкий Василий Максимов,— не вернешь; близок локоть, да не укусишь. Одно оплечье у нас — король Казимир да Ахмат...

— Может, и братья великого князя,— заметила Марфа Борецкая,— он и у них вотчины грабит, кровных своих не щадит.

— Истинно сие,— сокрушенно подтвердил владыка Феофил,— сущий он волк ненасытный...

— А что, ежели,— взволнованно и тревожно оглядываясь, заговорил один из старых посадников,— что, ежели содеяти, как против отца его мыслили...

Все испуганно переглянулись, а владыка Феофил задрожал и замахал руками.

— Неподобно сие,— зашептал он свистящим голосом,— не можно сего было сотворити и с князем Васильем, а с Иваном Василичем и помыслити страшно. На сажень он сквозь землю все видит. Им все уж решено, и меры, о которых мы и не мыслим, им уж взяты! Чую аз, грешный, что безумны те, что захотят сие содеять, токмо сами погибнут и гибель Дома святой Софии ускорят.

— Истинно, отче святый, рассудил ты,— проговорил твердо тысяцкий Василий Максимов,— силой против рожна не попрешь, токмо, как медведь, глубже рожон в брюхо собе всадишь.

— Что же и как нам деять,— послышалось со всех сторон,— как нам от Москвы спастись?

Наступило долгое молчание, которое прервал владыка Феофил.

— Дети мои,— заговорил он теперь спокойно,— откупаться надобно от князя Ивана покорностью и лаской, пирами чтить, дарить драгоценное. Алчность его утолять, а самим с королем и Ахматом сноситься тайно...

— Право сие,— подхватил степенный посадник Василий Ананьин,— надобно ему, как медведю, от которого бежишь, сначала рукавицы бросить. Пока косолапый их разглядывает, бежать. Настигать будет — шапку бросить, потом кушак, а напоследок и полушубок сбросить, лишь бы до подмоги добежать, с которой вместе и медведя убить можно...

Оживилось после этой речи все собрание, осмелело, согласились все с Ананьиным и, один за другим, стали предлагать, что делать.

— Пирами чтить великого князя,— говорили одни,— яств, питий и даров многих и дорогих не жалеть...

— Бросим, как медведю, золота, серебра, самоцветов,— поддерживали другие,— сукон ипских, зуба рыбьего...

— Парчу, бочки вин заморских давать будем,— кричали третьи,— золотые корабленники, коией, лошаков и всякое ино добро...

Развеселились все, и слуги владычные по приказу архиепископа заставили столы сулеями с дорогими виииами и чарками к иим, подав иа закуску яблоки, изюм, винные ягоды и прочие лакомства, что ввозились в Новгород с Востока и Запада.

Беседа пошла ровней и спокойней. Первым выступил Богдаи Есипов, который предложил владыке Феофилу начать чествование великого киязя.

— Ты, отче святый,— сказал он,— глава церкви нашей иовгородской и глава господы. Ты — первый в Новомгороде, от тобя и первая часть великому князю и наибогатые дары.

— А главиое и то,— добавил Иваи Лошинский,— что все земли святой Софии ране были за князьями иовгородскими...

— Истиино сие,— продолжал степеиный посадиик Василий Ананьии,— авось князь-то Иваи насытится добровольными дарами и земель за собя брать ие будет...

Говорили теперь уверенней меж собой, успокаивая друг друга, что великий князь московский не поиимает, как, где и какую дань собирать в Кареле, у чуди и води, у чуваш и мордвы, в Югорской земле и прочих местах; что ие ведает Москва, чем и как торговать с Ганзой, что Ганза все равно покупать все будет, как и прежде, только у Новагорода.

— Да и ие разумеет великий князь,— закоичил Федор Исаков,— как даиь собирать, как из ее потом золото выжимать надобно. Легче ему готовое получать из иаших рук. Пока же сие будет, успеем мы, как владыка сказывает, новые докоичаиия добыть и с королем и с хаиом.

На другой деиь после совещания тайиого, иоября двадцать второго, были у великого князя на обеде в Городище владыка новгородский, князь Шуйский-Гребеика, посадиик степенный Василий Анаиьии, а также многие старые посадиики и тысяцкие с боярами.

Пир был торжествеиный, и все иа ием совершалось так, будто обе стороиы в полном мире и согласии радостный праздник празднуют. Но в тот же деиь, после пира у князя, когда стали приходить во множестве, одии за другими, жалобщики иовгородские, сразу все обериулось по-иному. Приходили к великому князю и сами иовгородцы и многие житьи люди из окрестиостей Новгорода — из Старой Русы и других поселков и моиастырей. Одни били челом великому киязю, прося приставов, дабы не грабили их воины московские; другие жаловались киязю московскому на своих же новгородцев.

— Государь,— говорили они, кланяясь низко,— наша земля много лет по своей воле живет, и о великих князьях не помнит, и не слушает их. А много зла было и есть в земле нашей: убийства, грабежи и целых хозяйств внезапные и беззаконные разорения ото всех, кто сие свершить силу имеет. Спаси, государь, прекрати неисправления сии и зло от них великое.

Дьяки и подьячие великого князя все жалобы от жалобщиков принимали и все их записывали.

Слухи и разговоры о жалобах великому князю, который был уж у себя на Городище, взбудоражили все концы и улицы Новгорода. Резче пошли трещины вширь и вглубь меж богатыми и бедными, меж сильными и слабыми, и ясно увидел Иван Васильевич, что бояре новгородские, хотя и таятся, а все против Москвы, и захотел он поскорей нанести боярству могучий удар. Ведомо было великому князю и то, что все слабые и бедные следят за каждым шагом его и с волнением и радостью ждут удара по насильникам...

Ноября двадцать третьего въехал великий князь в свою вотчину, в Новгород.

Архиепископ Феофил со всем духовенством в праздничных ризах встретил великого князя крестным ходом с иконами и хоругвями, в сопровождении всех клиров церковных и монастырских. За духовенством шли густой толпой посадники, тысяцкие, бояре, житьи люди, купцы, всякие мастера, старосты концов и улиц и все черные люди.

Пред церковью св. Софии великий князь принял благословение от владыки Феофила и вошел в храм вместе с клиром церковным. Здесь просил он отслужить молебен и приложился к образам Спасителя и божьей матери. После этого сам владыка торжественно совершил литургию. Великий князь, усердно молясь, отслушал ее до конца. После же окончания службы церковной поехал он со всеми своими князьями, боярами и воеводами обедать к архиепископу и был за столом владыки Феофила весел, охотно пил и ел у него. Многими дорогими дарами одарил его глава новгородской церкви и, окружив Ивана Васильевича великим почетом, проводил его на Городище с вином, а даров повез: три постава ипского сукна, сто золотых корабленников и зуб рыбий, да проводного — бочку вина красного и бочку вина белого...

На другой день, в пятницу, ноября двадцать четвертого, когда зима окончательно на санях приехала, повалили со всех сторон на княжой двор в Городище посадники, тысяцкие, бояре и житьи люди, и всяких сословий изветники и доводчики о злых делах челом ударить великому князю с вином и подарками посильными, жалобы принося на обиды и притеснения.

Продолжалось это н всю субботу. Миожество новгородцев пришло с жалобами разными, среди ннх жалобщики от двух улиц — от Славковой и от Никитииой.

Обе эти улицы били челом государю о иебывалом разбойничестве богатых и сильных Новгорода Великого.

— Не бывало сего, государь, от века,— говорили жалобщики,— иеведомо такое от стаиовления света и нигде не слыхаио, чтобы власти градские народ свой били и грабили.

— Кто же сильникн сии н грабители?— сурово спросил великий киязь.

— Сии суть, господиие, бояры великие: посадиик степенный Василий Ананьин, Богдан Есипов, Федор Исаков, Григорий Тучин, Иван Лошинский, Василий Микифоров, Матвей да Яков Селезневы, Андрей Исаков, сын Телятьева, Лука и Семен Афоиасовы, Мосей Федоров, Константин Бабкин, Лексей Кваш-иин, Василий Тютрюм, а с иими и люди Евфимьи Горшковой да люди, Савелкова, наехав со всеми своими людьми на улицы иаши, людей перебили, иных же и до смерти убили, а животов на тыщу рублев ограбили...

Жалобщики замолчали, ожидая, что скажет великий киязь. Иван Васильевич ничего не ответил и грозным взглядом оглядел бывших возле него — владыку Феофила, посадников Якова Короба, Василия Казимира с братом Яковом, иных бояр н житьих людей. Те перемеиились в лице от страха, но тоже молчали...

В это время Василий Иванович Китай ввел в переднюю князя иовых жалобщиков.

— Государь,— сказал он,— сии бояре Лука да Василь Исаковы, дети Полинарьина, челом бьют на обиды...

— Сказывайте,— сурово молвил Иваи Васильевич.

— Челом тобе бьем, господине,— начали братья,— иа Богдаиа Есипова, на Василь Микифорова да иа Памфила, старосту Федоровской улицы. Наехалн они на двор наш, яко разбойиики, со збродиями пьянчивыми, людей у иас перебили, а животы разграбили, взяли на пять сот рублев...

Великий князь опять грозио оглянулся иа владыку и приказал:

— Хочу, чтобы ты, богомолец иаш, и вы, посадникн нашей вотчины, так рекли Великому Новугороду: «Дайте н вы своих приставов на тех самоуправцев, иа коих великий князь своих приставов пошлет». Хочу яз дела сии сам разобрать. Пошлю яз бояр своих Федор Давыдыча да Ивана Борисыча к Новугороду, дабы дали им своих приставов на обидчиков н могли бы приставы их утром тут вместе с обиженными и обидчиками пред лицом моим стать...

В воскресенье, двадцать шестого ноября, после раннего завтрака прибыли на Городище в переднюю великого князя вместе с московскими приставами вечевые подвойские Назарий и Василий Анфимов, которых вече новгородское нарядило приставами, помогать во всем приставам московским.

Когда же великий князь вышел в переднюю свою в окружении знатных бояр, служилых князей, окольничих, детей боярских и дьяков, все обидчики и обиженные уже стояли перед ним.

На поклоны и шум приветствий Иван Васильевич ответил сурово и сдержанно. Он сознавал всю силу свою, зная, что его воеводы обступили уже Новгород Великий со всех сторон, заняли самые важные и крепкие места его обороны.

«Воеводы мои,— подумал он,— растянули господу, как борзые волка. Шевельнуться она не может и токмо ждет, куда ее ударят: кистенем ли по носу, или кончаром под сердце...»

Прищурясь, великий князь поглядел на самого надменного из посадников, на Василия Ананьина, который на Москве был с ним дерзок и груб. Теперь этот богач новгородский хотя и был озлоблен, но, видимо, почуял, что земля из-под ног у него уходит, и потерял всякую уверенность и надменность.

Степенный посадник, как и все бояре великие, понимал хорошо, что силой господа ничего не возьмет. Нужно, как на тайном совете у архиепископа Феофила решено, обмануть Москву, выиграть время, найти союзников сильных. Взглянув на стоявших тут же уличанских старост Славковой и Никитиной улиц со своими почетными уличанами и на бояр Полинарьиных, понял он, что Великий Новгород ослабел, понял и то, что Москве ведомо, кого ей надобно поддержать в Новгороде, кого утопить...

Еще горше показалось ему присутствие на этом суде владыки Феофила и посадников. С ненавистью взглянул он на великого князя и беззвучно прошептал:

— Заставляет он нас самих на себя петлю накидывать...

Допрос обвиняемых, опрос жалобщиков вели дьяки государевы и Василий Иванович Китай, а Иван Васильевич, суровый и грозный, управлял следствием и порой только задавал резкие вопросы, словно стрелы вонзал.

Когда старосты Славковой и Никитиной улиц, а потом и Полинарьины подробно и точно, называя имена погромщиков, рассказали при всем собрании многолюдном о грабежах, убийствах, избиениях и хищении имущества, многие обвиняемые злобно пререкаться начали, укоряли старост во лжи и клевете...

Великий князь слушал молча, сдвинув брови, но вдруг сделал знак рукой, и все сразу стихло, и в тишине этой он грозно спросил:

— А где же при безрядье таком и беззакониях власти новгородские были?

Тишина в передней от сего совсем мертвой стала, и ответа ни от кого не было.

Великий князь остановил гневный взгляд страшных глаз своих на Василии Ананьине и заговорил четко и медленно:

— Посадник Новагорода, степенный, сам с дружиной своей разбойничал, а тысяцкий новгородский Василий Максимов в нетях был, о сем не ведал!

Иван Васильевич смолк на один миг и, более возвыся голос, продолжал:

— Зато господа о сем ведала, и златопоясники, приятели посадника степенного Василья Ананьина, с ним вместе разбойничали.

Государь встал и молвил страже своей:

— Сей же часец Василья Ананьина, Богдана Есипова, Федора Исакова да Ивана Лошинского в железы заковать, яко разбойников и татей.

Зазвенев оружием, окружила виновных стража великого князя и дети его боярские: Ананьина взял Иван Товарков, Богдана Есипова — Русалка, Федора Исакова — дьяк Микита Беклемишев, Лошинского — князь Иван Звенец.

Увели их всех в цепи ковать, а с товарищей их повелел великий князь своим приставам взыскать по иску ограбленных полторы тысячи рублей, отдав их на крепкие поруки,— поручился за них архиепископ Феофил.

Князь великий, оглядев собрание, увидел изменников Руси православной Ивана Афонасова да сына его Елферия. Воспалился государь гневом великим и воскликнул:

— Поймать сих обоих немедля, увести вон отсюда и оковы на их наложить за воровство их, понеже мыслили от великого князя Новугороду датися за короля Казимира.

Взял Ивана Афонасова Василий Иванович Китай, а сына его Елферия — Юрий Шестак...

Еще три дня после этого великий князь судил обидчиков и многих осудил, а обиженных жаловал и оборонял.

На третий день, во вторник, прибыли к великому князю на Городище владыка Феофил и все посадники бить челом от всего Новгорода о взятых под арест боярах, чтобы пожаловал, смиловался он, казни им отменил и на поруки бы их дал.

Иван Васильевич принял ходатаев милостиво и с почетом, но, челобитья их не приняв, сказал резко:

— Ведомо тобе, богомольцу нашему, да и всему Новугороду, вотчине нашей много от бояр тех лиха чинилось, а и ныне еще

что ни есть лнха в вотчине нашей, то все от них чинится. Как же мне их жаловать?

Тут же простясь с челобнтчиками, ушел нз передней Иван Васнльевич в покон свон н вызвал к себе князя Пестрого.

— Днесь же, Федор Давыдыч,— приказал он начальнику своей охраны,— ночью тайно пошли всех пойманных бояр в оковах н за крепкой стражей на Москву с приставами. Приставам же наказы борзо взять от Китая, Василь Иваныча. Прикажи сей же часец прислать его ко мне вместе с дьяком Беклемишевым. С нимн яз о наказах сих подумаю. Вотчины же их все идут за меня, великого князя.

Декабря первого снова пришел к великому князю на Городище архиепископ новгородский со многими посадникамн — Василнем Казимиром и братом его Яковом, Феофилактом Захарьиным н прочими боярами н житьими людьми челом бить о тех, кто владыкой на порукн взяты, о Григории Тучнне, Василин Никнфорове, Матвее Селезневе и о товарищах их...

— Жалую нх,— ответствовал велнкий князь на челобитье,— отменяю казни им за вину их, а убыткн истцам возместить н полторы тысячн рублев за них приставам взыскать.

На этом завершились главные судебные дела у великого князя, а далее пошли мелкне челобнтные мелкнх людей, но эти меньшие людн, поддерживающие на вече житьих, враждебно настроенных против великих бояр, теперь нскренне верили в помощь и справедливую защиту Москвы от произвола новгородских верхов.

Это понял хорошо Иван Васильевич н указал Василию Ивановичу Китаю на необходимость укрепить эту веру.

— Вижу ныне в Новомгороде,— заметил он с настойчивостью своему окольничему,— оплечье наше утверждать надобно средн молодших. В господе доброхотов мы токмо купить можем или страхом на службу к собе принудить. Молодшим же сама трудность жизнн их на нас указывает. Уразумей сне, дабы править дела к нашей выгоде.

Сам же великий князь, наказав тех, кто лихо чинил Новгороду, делал вид, что он охотно ходит на все пиры. Пирует он у архиепископа и у всех прочих с Николина дня почти непрерывно. Князь Василий Шуйский поднес на пиру у себя дары Ивану Васильевичу: трн постава ипского сукна, три постава шелковой камкн, тридцать золотых корабленников, двух кречетов да сокола. Так же щедро и другие дарилн великого князя.

Видя, что Иван Васильевич без отказа на пирах бывает, заправилы господы верили все более в свон замыслы и радовалнсь.

Мягкость же великого князя, простившего вины товарищам главных виновников грабежей и бесчинства, взыскавшего только убытки в пользу истцов, еще более утвердила веру их, что от него можно так же откупиться, как откупались русские князья и города от татарских ханов. Господа, жившая только рублем, ликовала, и пиры шли за пирами.

Четырнадцатого декабря великий князь второй раз пировал у владыки Феофила и даров получил: двести золотых корабленников, пять поставов ипского сукна, жеребца породистого, а на проводы — две бочки вина и две бочки меду.

На другой день пир был у посадника Василия Казимира, который поднес Ивану Васильевичу ковш золотой весом в две гривенки[1], сто золотых корабленников и двух кречетов.

Декабря семнадцатого пировал Иван Васильевич у Захария Григорьева и получил в дар: двадцать золотых корабленников, четыре постава ипского сукна, а сын Захария, Иван, дал десять золотых корабленников да два зуба рыбьих.

Декабря же двадцать четвертого, в самый сочельник, на Городище у Ивана Васильевича была радость великая: прискакал вестник из Москвы от великого князя Ивана Ивановича и от великой княгини Марьи Ярославны.

Вестник Сергей, Саввушки стремянного брат, парень ражий, веселый и смышленый, словно Москвы кусок с собой привез — всех обрадовал при княжом дворе.

Принял вестника великий князь у себя в опочивальне, с глазу на глаз, только при брате его Саввушке.

— Ну, сказывай борзо!— нетерпеливо воскликнул Иван Васильевич, лишь кивком головы ответив на приветствие.— Сказывай, не томи, Сергеюшка.

— Государь Иван Иванович и государыня Марья Ярославна повестуют: «Живы и здравы есмы, и княгиня твоя Софья Фоминична и доченьки твои здравы. Княгиня ране мая рожать не будет. Бог бережет ее, и все у нее слава богу. Будь здрав, государь, да поможет господь тобе в делах твоих...»

Сергей замолчал, а Иван Васильевич разочарованно вздохнул: ждал большего, хотя и рад был несказанно вестям семейным.

Вестник откашлялся и заговорил снова, и лицо великого князя расцвело улыбкой.

— Государь же Иван Иванович,— продолжал Сергей,— повестует тобе в особину: «Государь мой, декабря десятого привезли на Москву новгородских бояр, тобой пойманных. Мы с Федором Василичем и князем Иван Юрьичем все по приказу твоему содеяли. Старик Бородатый ныне весь свой страх за тобя

[1] *Гривенка* — мера веса в 200 граммов.

забыл, радуется, яко дитя малое. Руку целую твою, государь».

Иван Васильевич, довольный и радостиый, хотел было иачать расспросы о Москве и семье, но Сергей продолжал:

— Слуги твои, иаместник Иван Ильич и дьяк Федор Василич, повестуют тобе: «Великий государь наш, рады мы делам твоим и бога молим о здравии твоем. Разумеем все деяния твои и разумеем, что сие зиачит для Москвы и для всей Руси православной. От Орды страху иет — все еще вязиет Ахмат в басурмаиских делах своих с Перекопью и турками. Дай тобе бог здоровья и силы. Земно кланяемся тобе оба за великие дела твои...»

Иван Васильевич, взволиованный всеми вестями этими московскими, сам наполнил чарку дорогим заморским вином и подиес ее Сергею.

— Пей за здоровье,— ласково молвил ои,— да иди отдохни. Ты же, Саввушка, веди к собе брата, напои и иакорми его. Да пришли ко мне сей часец Китая, Русалку и Мамырева. Скажи, думу, мол, государь с ними хочет думать. Взяли бы с собой все, что поиадобиться может...

Рождество Христово великий князь встретил у себя на Городище весело, радуясь и вестям из Москвы добрым и успехам своим иовгородским. Приказал он дворецкому Русалке, пригласить к себе иа праздничный пир архиепископа Феофила, кязя Василия Шуйского-Гребенку, всех посадников и тысяцких, многих житьих людей и купцов.

— Принимать всех, Михайла Яковлич,— говорил он дворецкому,— вельми почетио и ласково. Угощай досыта всем, что у нас есть лучшего.

Иваи Васильевич двусмыслеиио улыбнулся и иасмешливо добавил:

— Пусть ведают, что яз казию токмо за лихие дела, а никакого зла Новугороду не мыслю. Им же во всем верю. Пить же с ними мы будем до позднего вечера. О страже и охране нашей пусть гребту крепкую имеет князь Пестрый и боярский сын Леваш-Некрасов со своими людьми...

После этого пира на Городище, у великого кязя, снова пошли пиры у посадников, тысяцких и бояр новгородских — непрерывно с тридцатого декабря по шестое января, иа которых великий князь получал дорогие дары во миожестве: и поставы заморских шерстяных и шелковых тканей, и золотые корабленники, и золотые и серебряные сосуды, и каменья драгоценные, и соболи, и рыбьи зубы, и коии и лошаки, и бочки виия, и ловчие птицы для княжой охоты — кречеты и соколы...

Явваря же одиннадцатого степенный посадник Фома Андре-

евич Курятник, избранный вместо пойманного Василия Ананьева, и тысяцкий Василий Максимов, придя к великому князю в хоромы его на Городище, били челом ему от всего Новгорода тысячью рублями новгородскими серебром в отвес.

На другой же день Иван Васильевич принимал посла из Швеции, Орбана, родного племянника наместника шведского Стен-Стура. Посол этот привез великому князю подарки от короля и в их числе бурого жеребца.

Посол бил челом великому князю от наместника о продлении перемирия еще на двадцать лет между Швецией и Новгородом. Иван Васильевич челобитье Стен-Стура принял и повелел господе и вечу перемирие взять со шведами по старине, а посла отпустил с почетом.

На прощальном же пиру на Городище, в тесном кругу, шведский посол завел речь о том, что у короля датского есть дочь Елизавета, молодая и красивая, что он, по своему разумению, считал бы за честь для короны шведской породниться с государем московским.

Иван Васильевич принял намеки эти благосклонно и молвил в ответ:

— Сие родство и яз бы считал за честь, но пусть о сем напишет сам король. Мы же с сыном подумаем вместе, ибо надобно ведать и волю великого князя Ивана Иваныча.

После отъезда шведского посла Орбана был пир для великого князя у Кузьмы Григорьева, а девятнадцатого января был третий и последний пир у архиепископа, на котором владыка Феофил поднес в дар Ивану Васильевичу: триста золотых корабленников; ковш золотой с жемчугом весом в две гривенки; два рога, окованных серебром; мису серебряную весом в двенадцать гривен; пять сóроков соболей да десять поставов разных ипских сукон.

Января двадцать третьего, за три дня до назначенного великим князем отъезда, вошел во время раннего завтрака к Ивану Васильевичу дворецкий Русалка и доложил:

— Дары-то все еще шлют, государь. Старые посадники и тысяцкие не успели пиров тобе нарядить и все ныне приходят сюды, на Городище, со всеми теми дарами тобе, которые на пирах дарить хотели. Опричь бояр, дары несут во множестве и купцы, и житьи, и лучшие люди. Мыслю, ни един в Новомгороде не остается, кто бы даров не принес. Будешь их принимать, государь?

— Всех принимать буду и, как ранее, дарами же в ответ жаловать буду, особливо молодших. Но объявляй всем, что яз принимать буду токмо до обеда двадцать пятого, а с ночи отъеду на Москву...

— Значит, государь, дары для твоего жалованья приносить в переднюю?

— Прикажи о сем, Михайла Яковлич, как и ранее было. Яз же вборзе в переднюю выйду...

Три дня великий князь, не ведая отдыха, принимал дары и челобитья и сам отдаривал всех, по достоинству каждого, и дорогими одеждами, и камкой, и чарками золотыми, и кубками серебряными, и соболями, и конями...

К вечеру двадцать пятого января доложил дворецкий Ивану Васильевичу:

— Государь, одних самых драгоценных подарков набралось на тридцать больших возов с лишком...

Великий государь сухо рассмеялся и резко сказал:

— Мыслят они, яз им хан татарский! Мыслят казной да дарами богатыми откупиться. Невегласы! Того не разумеют, что мне не корысть надобна, а токмо Русь единая, сильная и вольная держава!

Января двадцать шестого рано утром выехал великий князь из Новгорода в Москву, и первую остановку сделал у Николы на Волоке.

День стоял ясный, морозный и веселый. Иван Васильевич радостно дышал свежим воздухом, а думы его как-то самовольно разбегались. На душе было спокойно, и хотелось в родную, с детства дорогую ему Москву. Великий князь отдыхал и был доволен успехами в делах своих, хотя предвидел, что много ему еще предстоит трудов и забот.

К обеду приехал владыка Феофил и преподнес Ивану Васильевичу на проводы бочку красного и бочку белого вина. С архиепископом приехали князь Василий Шуйский, посадник Василий Казимир с братом, Захарий Григорьев с братом же, Лука и Яков Федоровы и прочие посадники и бояре, привезя проводных каждый по бочке вина.

Великий князь пригласил всех к себе пить и есть и дал подарки владыке и князю Василию Шуйскому.

Поезд великого князя тронулся из Волока после обеда, когда солнце уже стало склоняться к закату, а белые, словно застывшие в небе облака начали розоветь, бросая отсветы и на снеговые поля, окаймленные темными хвойными лесами.

Владыка Феофил, князь Шуйский и прочие проводили великого князя до самого возка его и стояли несколько поодаль. Владыка и все посадники, хотя были понуры и печальны, видимо скрыто радовались отъезду грозного государя.

Василий Иванович Китай, почтительно усаживая великого

князя в возок и поглядывая на новгородцев, шепнул Ивану Васильевичу со злорадством:

— Конец Великому Новугороду...

Великий князь слегка усмехнулся и поправил:

— Токмо еще начало конца...

Глава 16

КОНЕЦ НОВГОРОДУ

Февраля восьмого, въехал князь великий в Москву утром, перед обедней. Было у него на душе так, что не хотелось ему заезжать в хоромы свои, и поехал он прямо к старой государыне. По всему по родному, по московскому он соскучился, жаждал он поговорить с матерью свободно, по-русски, и пить и есть по-русски, а не ломать язык по-итальянски и тем самым мысли свои ломать, лопотать, как дите малое. Главное же — сыночек его, великий князь Иван Иванович, у бабки своей всегда завтракает, обедает и ужинает. Сыночка своего государь прежде всех хотел видеть.

На этот раз, после долгой разлуки, Ивану Васильевичу заметней было, как постарела Марья Ярославна. Пополнела очень, и все еще красивое лицо ее обрюзгло, исчертилось паутинками тонких морщинок. Под шестьдесят уже было Марье Ярославне, и глаза ее смотрели грустно, не светились, как ранее.

Нежная печаль шевельнулась в сердце великого князя, и, принимая материнское благословение, он поцеловал руку матери долгим поцелуем. Рука ее дрогнула. Скрывая навернувшиеся слезы, Марья Ярославна нежно поцеловала сына и тихо промолвила:

— Время-то, Иванушка, яко птица, летит...

Бурно и радостно обнимал и целовал отца молодой великий князь.

— Отец,— говорил он весело,— все мы тут изделали по воле твоей.

— Добре, добре, сыночек,— остановил его отец,— днесь у меня перед обедом думу будем думать с дьяками и воеводами, и ты нам все доложишь...

Потом, обратясь к матери, молвил почтительно и ласково:

— Много яз подарков привез из Новагорода, хочу тобе дары дать по хотенью твоему: есть у меня и златые и серебряные сосуды, и камни драгоценные, и поставы сукон ипских и камки всякой...

Марья Ярославна слегка улыбнулась и молвила:

— Ныне, Иванушка, более яз уж о душе своей пекусь и о жизни будущей. Помоги лучше мне обитель Вознесенскую

достроить — малое дело осталось. Токмо надобна мне помочь строителей твоих фряжских...

— Не крушись о сем!— воскликнул Иван Васильевич.— Ванюшенька к тобе самого маэстро Альберти приведет, будет тобе знатным толмачом, добре разумеет он по-фряжски.

— Спаси бог тя, сынок, за доброту твою и ласку,— продолжала Марья Ярославна,— чтишь ты и любишь матерь свою. Из прочего же подари мне постав сукна черного, токмо русского, московского для иноческого одеяния да жемчугу и самоцветов для украшения икон святых монастыря сего, в котором аз и дни живота своего окончу...

— Все исполню, и днесь же все просимое тобой прикажу в хоромы твои принести...

Подали завтрак. Помолясь, все сели за стол.

— Ну, как, сынок, дела с Новымгородом,— спросила княгиня Марья Ярославна, разрезая на блюде горячий курник и подвигая куски его на блюдцах сыну и внуку.— Кушайте во здравие. У тобя, Иванушка, курник-то любимое кушанье, да и внучек его тоже любит...

— Какие днесь у тя дела, Иване?— спросил Иван Васильевич сына, не желая отвечать на вопрос матери.

— Сей часец после завтраку,— ответил Иван Иванович,— прием у меня: будут в передней моей Иван Юрьич да Федор Василич...

— Добре,— весело сказал великий князь и шутливо попросил:— токмо молю, ты уж прием-то свой днесь отмени и сам вместе с Курицыным и Патрикеевым приходи ко мне думу думать, часа за два до обеда...

Когда молодой великий князь ушел после завтрака, Иван Васильевич заметил, что Марья Ярославна заволновалась, хотя и старалась скрыть это. Наконец, не выдержав, она заговорила с горечью:

— На что руку свою ты подымаешь, Иванушка? Владыка Геронтий сказывал, от святых обителей вотчины отторгаешь ты...

— Отторгаю, матушка, от излишков их,— почтительно и спокойно ответил Иван Васильевич.— Государству сие надобно. Монастырям же государство — защита от разорений татарских и еретических нестроений.

Старая государыня только глубоко вздохнула, но ничего не ответила. Помолчав, она спросила:

— А у Софьюшки был?

— Нет, еще не был. Тобя ранее видеть хотел да сыночка. Сей часец иду к ней...

Иван Васильевич встал из-за стола и простился с матерью.

Когда великий князь вступил в хоромы супругн своей, Софья Фоминична, хотя и отяжелела еще больше, все же выбежала ему навстречу с обеими дочками. Она радостно улыбалась, н лицо ее загорелось румянцем.

— Ах, какое счастье!— воскликнула она.— Какое счастье!

Иван Васильевич обнял ее и трижды поцеловал, потом приласкал дочек и понес их обеих на руках, следуя за женой в трапезную.

Здесь встретил его дворецкий Данила Константнновнч.

— Данилушка,— молвил великий князь,— Русалка Мнхаил Яковлич здесь?

— У казначея твоего, государь,— ответил дворецкий,— подаркн новгородскне твон на хранение ему сдает по описи...

— Сходн к нему со слугой государыни, попросн от моего имени небольшой короб один, он ведает какой, да прннесн его сюды.

— Что ты велишь нести Даниль?— спросила Софья Фоминична, сияя улыбкой н догадываясь, что это подаркн.

— Сей часец увидишь,— смеясь, ответил великий князь и налил чарку заморского вина себе и жене.

Когда великая княгиня взяла свою чарку, Иван Васильевич чокнулся с ней, молвил:

— Твое здоровье!

— И твой здорофь!— ответила она н, обняв мужа, снова трижды поцеловала его.

Вошел дворецкий, а следом за ним слуга с лубяным коробом.

Сорвав с короба крышку, Иван Васильевич достал нз сена большой золотой ковш весом в две гривенки, украшенный самоцветами, потом большую серебряную мису весом в двенадцать гривенок, а в ней — золотые обручи, перстни н серьги с алмазами, изумрудами, яхонтами и жемчугом. Были в коробе н золотые чарки и кубки.

Каждую вещь Софья Фоминична встречала с восторгом н радостью, восклицая, как всегда, по-итальянски:

— Спасибо, мой государь! Я вне себя от радости!

Когда все было извлечено из сена, а дворецкий и слуга ушли, унося пустой короб, великая княгиня, восхищаясь подарками, стала расставлять посуду на полки поставцов, а серьги, перстни н обручи укладывать в ларцы.

Иван Васильевич, довольный искренней радостью жены, подошел к ней н сказал:

— Мне надобно думу думать пред обедом в моей трапезной...

Увидя, что Софья Фоминична огорчилась и нахмурилась, добавил ласково:

— Яз отдыхать после обеда приду в твою опочивальню...

Она сразу просветлела и, обняв мужа за плечи, проговорила со смехом ему в самое ухо:

— Я в вашем распоряжении, мой государь!

В одиннадцатом часу дня Иван Васильевич был уже в своей трапезной, где его ожидали великий князь Иван Иванович, князь Иван Юрьевич Патрикеев и дьяк Федор Васильевич Курицын.

Встреча была сердечной и радостной, но после обычных приветствий государь сразу же приступил к делу.

— Хребет змее новгородской перебили,— начал он весело,— токмо жало еще не вырвано. С божьей помощью и сие вборзе содеем.

— Великие дела творишь ты, государь,— радостно отозвались и дьяк и наместник,— крепишь Русь православную.

— Не забывает бог, не забывает нас своей милостью!— воскликнул великий князь и, обратясь к стремянному своему, сказал:— А ну-ка, Саввушка, прикажи вина подать нам и белого и красного из новгородских подарков...

Помолчав немного, государь спросил:

— Готовы ли списки служилых дворян, которых в ратных помещиков обращать будем?

— По мере сил, государь, изделано,— ответил князь Патрикеев.

— Вот, государь, списки,— продолжил Курицын.— В них указаны токмо годные к ратному делу. Мы с князем Иваном Юрьичем тех выбирали, кто в ратях бился и многим воеводам ведомо, яко добрые вои.

Федор Васильевич разложил на столе два объемистых списка, но не равных: один был во много раз толще другого.

— В сем списке, государь,— проговорил дьяк, указывая на меньший,— разные ратные люди: коло ста человек из бедных служилых князей, более воев из Ярославского и Ростовского княжеств, а сверх того разные ратные люди из московских боярских и служилых родов. Их более двух сот...

— А в большом списке?— спросил Иван Васильевич, хмуря брови, но тотчас же просиял, получив ответ:

— Токмо дети боярские,— ответил Курицын.— От многих городов тут они собраны: от Москвы, Ростова, Звенигорода, Юрьева Польского, Суздаля, Устюжины, Переяславля, Володимира, Костромы, Димитрова, Ярославля и прочих мест! Всего, государь, коло двух тысяч!..

— Добре, добре сие!— радостно воскликнул великий князь.— Обратим мы государство господы новгородской в государство московских помещиков! Выпьем за новое государство, наливай кубки, Саввушка!..

Но князь Патрикеев и дьяк Курицын онемели от удивления.

поразил их неожиданный поворот мысли Ивана Васильевича. Первым пришел в себя дьяк Курицын, встал и, отдав низкий поклон государю, сказал взволнованно:

— Великое дело, государь, тобой придумано! Вся Русская земля тобе за сие поклонится. Ты более, чем Святогор-богатырь,— землю ты святорусскую переворачиваешь!..

— Пока токмо пробую,— усмехаясь, возразил великий князь.— Взял яз для помещиков вотчины токмо у шести златопоясников, которых сюды в оковах прислал, да у двух монастырей богатейших: у Юрьева — семьсот двадцать три о́бжи[1], а у Аркажского — триста двадцать три о́бжи! Не хочу пока гусей дразнить. Бог даст, так дело сие доведем, что сам плод в руки падет, без пролития крови!..

Иван Васильевич, как это бывало с ним часто, задумался на краткий миг и забыл обо всем вокруг себя. Вдруг он неожиданно поднялся с места и стал ходить крупными шагами вдоль трапезной.

— Нет, сего не убоюсь!— резко произнес он, остановясь перед собеседниками.— Ежели детей боярских не хватит, наберу лучших из холопов новгородских да из холопов московских, посажу их на землю служилыми людьми! Особливо вдоль рубежей наших! И сии помещики служилые будут во всем равны дворянам и сами потом дворянами станут.

Этим новшеством, которое путало взаимоотношения всех сословий, изумлен был не только родовитый князь Патрикеев, но даже и Курицын, выходец из простого служилого рода. Это грозило развалом всех обычаев, разорением порядка всей жизни государственной...

Выслушав все опасения и возражения, великий князь весело усмехнулся и молвил:

— А вы смелей о сем сказывайте. Чем же сие новшество дивит и пугает вас?

— Государь!— горячо воскликнул князь Патрикеев.— Да как же тогда всем вотчинникам быть? Ведь все наши холопы и послужильцы дворянами быть захотят. Кто же в слугах у нас останется...

Иван Васильевич громко рассмеялся и продолжал:

— Сего не страшитесь! За время живота нашего токмо в Новомгороде и землях его сотворить сие успеем. На Москве же сие сотворят дети и внуки наши. При единодержавстве — в государстве не может быть вотчинных государей, а могут быть токмо слуги государевы...

Накрыли стол для обеда и стали подавать кушанья. Проголо-

[1] *Обжа, о́бжи* — мера земельной площади. Новгородская обжа равна 5 десятинам, а старинная обжа равна 15 десятинам.

давшийся Иван Васильевич с удовольствием потер руки и заметил, смеясь:

— Сне вовремя. Ну, прошу всех за стол. Мыслю, вы так же голодны, как и яз. Для началу же выпьем за всех послужильцев, которых испоместим в новгородской земле!..

За столом беседа повелась о другом.

— Прости, государь,— заговорил Курицын,— не повестил тобя о взятии Бахче-Сарая Ахматом, новые вести о сем пришли...

— Добре,— отозвался великий князь,— яз веровал в истину сего и ранее, когда посол наш Марко Руффо[1], от шаха кизил-башей Узун-Хасана возвратясь, мне о сем сказывал. И посол господы венецейской Контарини, который с Руффом приехал, тоже о сем ведал. Главное то, что могучий шах посла нашего с почетом великим принимал и, помни, Федор Василич, обещал Узун-Хасан помогать нам против Большой Орды. У Хвалынского моря он ведь в соседстве с Ахматовым улусом. Стар он, за семьдесят ему, но, бают, могуч еще. От третьей жены сыну его семь лет...

— Посол-то Узун-хасанов сказывал мне,— добавил дьяк Курицын,— что во младые лета много терпел обид от ханов татарских...

— Верно,— молвил Иван Васильевич,— почет надо великий оказать послу Узун-Хасана. Борзо яз приму его с почетом в передней и отпущу восвояси. Подумай с Ховриным, какие дары достойно дать шаху сему от государя московского. А Хасан нам какие подарки прислал?

— Камка, государь, камни драгоценные — алмазы, изумруды и яхонты, а также добрые сабли булатные в ножнах золотых с каменьями, халаты шелковые китайские, кубки и прочее. Все великой цены.

— Добре,— остановил дьяка Иван Васильевич.— Так же и отдарить надобно...

Великий князь встал из-за стола и, перекрестившись на образа, милостиво молвил:

— Утре после завтраку будьте все у меня. Подумаем и решим, как в новых поместьях, кому из помещенных и сколь обжей земли давать.

У себя на Москве великий князь покоя от Новгорода не ведал. Марта тридцать первого, когда дня уже на два часа прибыло, а лед на реках подтаивать стал, готовясь к подвижке, в Москву прибыл в ночи архиепископ Феофил, чтобы челом бить великому князю от всего Великого Новгорода, все за тех же шестерых

---

[1] *Марко Руффо* — итальянец греческого происхождения; приехал, вероятно, с царевной Софьей. Был на службе у Ивана III. (*Прим. автора.*)

сосланных великих бояр новгородских, которые и поныне сидят еще и на Коломне и в Муроме. Со владыкой же были и посадники: Яков Короб, да Яков же Федоров, да Акинф Толстой и многие от житьих.

Привезли новгородские сановники из господы дары великому князю многие и дорогие.

Повелел Иван Васильевич Курицын пригласить их к себе на обед.

— Зови всех, Федор Василич, наутре, в понедельник. Ожгу яз на Марью-то-зажги-снега,— зло молвил он и, смеясь, добавил:— Чаю, подарков опять навезли! Все еще меня купить мыслят, яко хана татарского. Они изолгать мя хотят, яко дите малое, сами же королю Казимиру пороги обивают, да и от Ахмата ждут помочи!..

Великий князь был взбешен, видя упорство господы новгородской, хотевшей любой ценой освободить вождей своих. Ясно чуял он упорную крамолу и знал, будет еще много распрей и даже крови, но что было сил у него сдерживал себя...

На другой день, апреля первого, был Иван Васильевич за обедом весьма милостив с новгородцами, хотя гнев все еще кипел в сердце его.

В ответ на челобитье владыки Феофила о заключенных боярах, государь как бы заколебался и делал вид, что не знает, как отвечать.

— Яз, отец мой и богомолец,— говорил он архиепископу новгородскому,— не хочу зла Новугороду. Страшусь токмо, что народ-то будет против нас. Осудили мы с тобой злодеев его, а ныне вот мы же миловать будем сильников и беззаконников! Дать время надобно народу, дабы гнев его остыл.

За этим и за прощальным обедом седьмого апреля, в вербное воскресенье, одни и те же ласковые речи говорил челобитчикам великий князь, прощаясь с ними и щедро их отдаривая за дары их. Проводил он их восвояси с великим почетом, но никого из заточенных вельмож новгородских не выпустил.

Мая девятнадцатого, за день до праздника Константина и Елены, в воскресенье, после заутрени родилась великому князю третья дочь, которую, как и первую Еленой же назвали в честь праздника.

В конце же этого месяца, как пошутил Иван Юрьевич Патрикеев, еще «была прибыль» великому князю: прибыли, оставив своего князя тверского, бояре и дети боярские со всеми своими дворами и людьми: Григорий да Иван Никитичи Жито, Василий Данилов, Василий Бокеев, Димитрий Кондырев и многие другие.

— Чуют, что из Москвы сильным ветром подуло,— усмехнувшись, ответил Патрикееву Иван Васильевич, а Курицын добавил:

— Сим ветром не токмо господу новгородскую, а и князя тверского снесет...

— Как бог даст,— сказал великий князь,— так и станет. Ежели господь по благости своей Орду до времени от нас отвратит, а Казимир еще более у чехов и угров завязнет, то лучшего и не надобно...

Иван Васильевич хорошо знал, что из-за всех рубежей злобно глядят на Москву враги ее, да и на самой Руси многие из своих на нее зубы точат. Он понимал, что всякая победа московского князя, всякий успех его по укреплению Руси крепче объединяет врагов Москвы, которым Новгород, Тверь и даже свои удельные с охотой великой дорогу откроют...

— Круг Москвы народу много,— молвил Иван Васильевич своим собеседникам,— и за спиной у всякого нож острый спрятан...

Июля восемнадцатого, перед самым Ильиным днем, когда конец косьбе приходит, а жнитву — начало, прибыл на Москву к великому князю из Большой Орды от царя Ахмата посол, именем мурза Бочю́ка.

Изгнав Менглы-Гирея из Крыма, Ахмат возгордился, поверил в свою силу, решил, что наступило время наказать непокорного великого князя московского, напомнить ему времена Батыя, когда татары жгли, грабили, заливали кровью всю землю русскую, уводили огромные полоны, обращая русских людей в рабов своих или продавая их в рабство на восточных рынках.

Мурза Бочю́ка въехал в Москву с большой пышностью: находилась при нем дружина из пятидесяти отборных конных воинов в богатом вооружении и на дорогих конях, пятьсот пятьдесят купцов со множеством коней для продажи, с огромным обозом из различных товаров...

На приеме у великого князя гордо вручил мурза Бочюка Ивану Васильевичу дерзкую и надменную грамоту Ахмата. Великий князь, приняв посла по обычаю с честью, внешне спокойно слушал из уст татарского толмача перевод грамоты:

— «Ярлык Ахмата-царя. От высоких гор, от темных лесов, от сладких вод, от чистых полей Ахматово слово к Ивану. От четырех концов земли, от двунадесять поморий, от семнадесять орд, от Большия Орды.

Ведай. Был у меня недруг, который стал на мое царство копытом, так яз сам на его царство стал всеми четырьмя копытами, и убил бог его своим копьем, а дети его по чужим ордам разбежались. Четверо из них от меня в Крыму отсиделись. Вас же еще царь Батый покорил, а чрез него и яз государь ваш. Посему собери мне в сорок ден дани шестьдесят тыщ алтын, да двадцать

тыщ вешней, да шестьдесят тыщ алтын осенней. На собе же носи знак покорности, как при Батые,— колпак с вогнутым верхом. Если же подати мне в сорок ден не сберешь и не будешь носить знамени Батыева, то дворяне мои в сафьяновых сапогах с парчовыми колчанами у тобя будут.

Укрепленные пути твои по лесам мы видели, броды по рекам сметили. Меж сих дорог яз нашел один город твой. Так вот, сведи оттоле царевича Даниара, а ежели не сведешь, то, его ищучи, яз и тобя найду. Яз от Алексина ушел, ибо мои люди были без зимней одежи, а кони без попон. А минет сердце зимы — девяносто ден,— и яз опять на тобя буду, и пить тобе тогда у меня мутную воду».

Великий князь был бледен, лицо его словно застыло с легкой улыбкой на губах, а глаза смотрели мимо людей. О содержании ханской грамоты ему было известно дня за два до приема, а устный приказ великому князю приехать в Орду был понят Иваном Васильевичем как угроза за отказ платить Ахмату дани-выходы, которые Батыем еще установлены были.

Требование же свести, отпустить от себя царевича Даниара, который с конными полками своими всегда мог отрезать Ахмата от Орды или, хуже всего, сделать набег на самый Сарай и даже полонить жен и детей царя ордынского, показало великому князю, что Ахмат весьма боится его служилых царевичей. Ивану Васильевичу ясно стало, что Ахмат без короля Казимира войны с Москвой не начнет, причем и хан и король надеются только на ту войну, которая может начаться сразу с двух сторон, на двух рубежах, а сверх того в том случае, когда внешних врагов поддержат изнутри Новгород, Тверь и удельные князья московские. Все это еще накануне приема Иван Васильевич продумал и принял свои меры и теперь, слушая оскорбительную грамоту, думал о том же.

Неожиданно для всех он вдруг весело улыбнулся, а в мыслях его промелькнуло: «Улита едет, когда-то будет! Пока же время у татар купить надобно. Блеснуть золотом в жадные глаза их...»

Он сделал знак Ховрину, и тотчас же, выйдя из-за рядов стражи, слуги внесли лубяной короб с драгоценностями, потом другой такой же короб, после того стали вносить соболей и поставы ипских сукон и камки. Когда все составили на полу перед троном государевым, великий князь встал и молвил:

— Все сие — дары великому царю Ахмату, да живет он сто лет, и слугам его с почетом и любовью от великого князя московского.

Дьяк Курицын перевел эти слова татарам, которые все в знак удовольствия пощелкали языками и, прижав правую руку сначала к сердцу, потом ко лбу, опустили ее к полу и низко поклонились, на шаг отступив назад.

— Живи, княже,— заговорили татары все разом,— многие тобе лета!

Когда великий князь снова сел на трон, казначей государев Димитрий Владимирович велел поставить на скамью первый лубяной короб и, держа в руках опись содержимого в этом коробе, велел вынимать вещи и ставить на стол.

В это время великий князь, склонясь к сыну, шепнул ему с усмешкой:

— Гляди, как дары новгородские отторгают новгородцев от их же союзников!..

— Дары царю Ахмату,— произнес Димитрий Владимирович и стал перечислять все драгоценные вещи из золота и серебра, украшенные финифтью, чернью, резьбой и чеканкой, сверкающие самоцветами и жемчугом. Тут были золотые чарки весом в гривенку, достаканы и кубки весом от двух до четырех гривенок, блюда, сулеи и мисы серебряные от шести до двенадцати гривенок, сабли в золотых и серебряных ножнах, усыпанных каменьями драгоценными...

— Десять поставов сукон ипских разных цветов, три постава камки, рыбий зуб,— продолжал читать казначей, а слуги приносили называемое, ставили на стол и возле стола с подарками Ахмату...

Среди посольства татарского все это вызывало оживленные разговоры с причмокиванием губами и прищелкиванием языком от восхищения.

— Подарки женам царя Ахмата,— стал читать Ховрин второй список, а слуги стали вынимать из короба украшения женские: перстни и серьги с дорогими каменьями, обручи золотые, булавки с пружинами, гребни из черепахи и прочее, для красы женской нужное.

Потом принесли слуги пять поставов дорогого разноцветного шелка и два постава парчи золотой и серебряной.

Еще более оживления вызвала разборка второго лубяного короба. Вся передняя великого князя загудела, как улей.

Великий князь сам выбрал красивую золотую чарку с бирюзой и жемчугом и подарил из рук своих мурзе Бочюке. Тот прижал ее к груди и ко лбу, низко поклонясь великому князю.

Иван Васиельевич, сидя на высоком троне, с презрением щурил глаза на толпу жадных степных хищников и ясно видел всю Орду, которую «господь уже переменил»:

— Орды не будет,— беззвучно прошептал он...

Великий князь московский в Орду не пошел: Ахматова же посла отпустил он шестого сентября, сказав ему такие слова:

— Велнкому царю Большой Орды Ахмату-хану, да продлит бог годы живота его, повестуй: «Отец и повелитель наш! Мы подчинены н послушны вам, а нам на пороге государства важна ваша милость. Дабы вспомнили нас добрым словом, шлем вам в нзобилии драгоценные подаркн, а покорив врагов своих, посылать еще более даров будем, ибо верны вам, как было сне прн Саине-царе, при самом Батые. У нас врагов много, н мы боимся, как бы они не содеяли нам злой западнн, сказывая ложные вестн. Вы не верьте словам их, пока не получите правдивых вестей от нас. Веруем в вашу благожелательность, посылаем с вашим послом своего посла, боярина Матвея Бестужева».

В этот же день вечером был вызван к государю боярин Бестужев на думу с обоими государями, старым н молодым, н дьяком Курнцыным, который со слов Ивана Васильевича уже наказы составил и по утверждении государем послу их вручил при обоих великих князьях.

Прощаясь с Матвеем Бестужевым, Иван Васильевич троекратно облобызал его и благословил.

— Да поможет господь тобе н в путн и в делах с Ахматом,— проговорил он.— Трудно сие будет, но порадей для Руси православной. Ласкай хана, обещай все, что он похочет. Всякой ценой нам время у Орды купнть надобно. Опричь даров, которые хану, ханшам и мурзам предназначены, даст тобе Димитрий Володимирыч корабленников золотых, чарок, кубков, перстней и прочего из мелочи на «бакшиш и рушвет» ханским вельможам. Долго в Орде не будь, ворочайся борзо. За подарки вельможи татарские тобе в сем помогут...

В то же самое лето тысяча четыреста семьдесят седьмое, с великого поста, февраля двадцать третьего, началось меж Москвой и Новгородом никогда не бывалое. Приехал на Москву посадник Захарий Григорьев со многими новгородцами челом бить великому князю, чтобы дал он им от себя пристава: одним — как ответчикам, другим — как нстцам. Докладывая о сем Ивану Васильевичу, престарелый дьяк Степан Тимофеевич Бородатый говорил ему с великим удивлением:

— Не бывало, государь, у них обычая до самого сего дни к великому князю на суд ездить...

Но Иван Васильевнч все же принял всех челобитчиков, судил их и своих приставов им дал.

Вслед за ними, на второй неделе поста, еще более новгородцев в Москву понаехало. Были тут посадникн Иван Кузьмин да Василий Никифоров и другие, множество житьих людей, много иных новгородцев, и горожан и поселян, были даже вдовы и

чериицы н вообще все судом новгородским обиженные. Все онн челом били великому князю: однн — обиды нскать, другие — ответ держать...

Было среди этих жалобщиков много доброхотов московских, особливо из «молодших» н черных людей, которые преданы Москве были по совести, желали быть под рукой великого князя, а не под рукой господы н короля Казимира.

От этих людей через дьяка Бородатого н по донесениям наместников своих новгородскнх узнал Иваи Васильевич, что в Новгороде на вече силу взялн молодшие люди, которых все чериые людн поддержнвают, что господа уже самовластно распоряжаться не может, что даже сам архиепнскоп новгородский уж протнв веча ие идет.

Все же, по осторожностн своей, великнй князь не предприннмал никаких решительных действий. Он виимательно приглядывался и терпеливо ждал, что будет дальше.

И вот в марте иового года, иа пятой неделе великого поста, прибыли на Москву к обоим великим князьям, к Ивану Васильевнчу и Ивану Ивановичу, послы от архиепископа Феофила и от веча новгородского: Сидор, игумен Николо-Белого монастыря, вечевой подвойский Назарий н вечевой дьяк Захарий Овин — били челом великим князьям, были бы онн Новгороду не господамн, а государямн.

Снова пред великими князьями предстал знакомый уж им Назарий, красивый юноша с сияющими глазами.

— Мы, государь,— сказал он великому князю,— все доброхоты московские, ныне объеднниль крепко со всеми против господы. Ныне на вече сила у иас. Все молодшие за еднн сталн. Нонечко вече все, без господы токмо, к тобе нас послало звать тобя государем Новугороду, потому живота в Новомгороде иикому нет, опричь господы. Мы, государи, рукн к вам простираем, ко владыкам иашим: протяните и вы нам руку помочи. Содейте сие, государи, пока еще в силе мы, а господа в страхе великом, не видя собе помочн ни от царя Ахмата, нн от короля Казимира...

Такие же речн говорилн н два других посла, подтверждая слова Назарня. За это старание и помощь Москве великий князь наградил дьяка н подвойского вотчинами, а Сидору обещал через митрополита устроить его игумном в большом монастыре иа Москве или блнз Москвы.

Великий князь был доволен н решнл закрепить это изустное решение веча, иа котором в этот раз сила оказалась за молодшими и чериыми людьми...

— В сих,— молвил он сыну,— оплечье наше против господы. Поддержать их надобио.

— Как же поддержать-то?— спросил отца Иван Иванович.—

Ведь у господы полки есть, а у доброхотов наших вся сила — токмо они сами...

— Их в свое время московские полки поддержат,— усмехнувшись, заметил Иван Васильевич,— а пока мы вот подумаем, кого в Новгород отпустить послами ко владыке и вечу новгородскому. Мыслю, дьяка да двух воевод с крепкой стражей...

— Яз мыслю, государь,— сказал Курицын,— из дьяков послать Василья Далматова, а из воевод кого — тобе самому лучше ведомо...

— Мыслю, князь Федора Пестрого да Ивана Борисыча Жито,— молвил великий князь.— Далматов тоже тут к месту: разумен и хитр. Пусть пытают они у новгородцев, какого хотят государства от нас? Послов же их пока яз на Москве задержу. Не след им теперь в Новомгороде быть. Чую яз, там нестроения и смуты господа почнет после запроса нашего.

К концу мая месяца, когда нежданно морозы ударили и лужи по ночам замерзали и только к концу дня успевали оттаивать, послы московские прибыли в Великий Новгород. Всю дорогу они словно поздней осенью ехали, видя, как овощь огородная побита стужей этой необычной и как погибло все обилье садовое...

На другой день после приезда в Новгород, двадцать восьмого мая, послы московские в сопровождении стражи своей, согласно уговору с владыкой и посадником, прибыли на вече, как только зазвонил вечевой колокол.

Они увидели, что народ уже весьма возбужден доброхотами господы, снова поднявшей голову. Видели послы и московских доброхотов, но их было мало. Воеводы московские переглянулись и знаком подозвали начальника стражи.

— Аким Ипатыч,— тихо молвил князь Федор Давыдович,— будь начеку на всяк недобрый час...

— Истинно,— ответил Аким Ипатович,— я от Новагорода николи добра не жду, а токмо худа...

Появились члены господы на помосте «степени» и пригласили туда послов московских. Когда послы воссели на скамьи, посадник степенный Фома Андреевич Курятник после обычных приветствий народу при открытии совещания закончил свою речь так:

— Сей часец слово за послами господина великого князя Ивана Василича.

Крики толпы прервали его.

— Да живет господин великий князь!— закричали со всех сторон.

Когда же шум начал уж затихать, вдруг явственно послышались голоса небольшого числа людей:

— Да живет государь наш, князь Иваи Василич!..

Неожиданно эти жидкие голоса были подхвачены мощным ревом великокняжеской стражи:

— Да живет много лет государь наш!..

Это произвело большое впечатлеиие, и толпа сразу стихла. Пользуясь этим, посадник Фома Курятник продолжал:

— Послы скажут слово великого князя...

Поднялся со скамьи и дьяк Василий Далматов, встали вслед за ним и воеводы московские, поднялись со скамей и члены господы...

— Государь Иван Василич сказывает: «Были у меия послы от богомольца моего, владыки Феофила, и от веча иовгородского, челом били и звали государем Новугороду. Какого же государства вы от меня хотите?»

После мгновенной тишины, охватившей всю вечевую площадь, понеслись со всех сторон вопли и крики:

— С тем мы не посыловали!..

— Сие есть ложь!..

— Сие переветники[1] тайио от иас содеяли!

— Бей всех, кто на Москву ездил!

Послы видели с высоты степени, что в толпе началась свалка. Сторонники господы напали на сторонников Москвы.

— Бей их! Переветники все!

Часть толпы бросилась к степени, и дьяк Далматов увидел, схватили Захария Овинова, которого он по Москве знал, слышал сквозь шум и рев, как Овинов кричал:

— Сие боярин Василь Никифоров содеял! Он князю крест целовал от Новагорода...

Толпа оставила Овинова и бросилась искать Василия Никифоровича Пенкова. Овинов скрылся, а через некоторое время с браиью и побоями приволокли к степени Василия Пенкова и, поставив лицом пред всеми, закричали:

— Ты — переветник! Ты был у великого князя! Ты целовал ему крест иа нас!..

Пенков же, собрав все свои силы, закричал громко:

— Целовал яз крест великому князю, дабы служить ему правдой и добра хотеть! На государя же, на Великий Новгород, ни иа вас, ни на господу свою и братию ие целовал!.. Оговор сие...

Но пьяный бродяга какой-то, взмахнув топором, рассек ему голову. С ревом подскочили другие и, размахивая топорами, изрубили его в мелкие куски.

[1] *Переветник* — перебежчик, предатель, шпион.

Вспомнили тут, что и Овинов на Москве был у великого князя, толпой бросились искать его, а оставшиеся, сгрудившись около самой ступени, избивали московских доброхотов и кричали:

— По старине всему быть! Лучше Литве поддадимся!..

Некоторые же явно и дерзко кричали:

— Да живет король Казимир!..

Послы, видя такое безрядье великое, мятеж убийства и грабежи, дали знак страже своей. Московские конники по примеру начальника своего, Акима Ипатовича, блеснув обнаженными саблями, стройно развернулись и лавой направились к степени, стоящей посередине площади. Никто не посмел заступить им дороги, очищая место. Очутившись у помоста, конники обернулись лицом к толпе, образуя ход, по которому стремянные подвели коней воеводам и дьяку к самой степени.

Сев на коней, послы в сопровождении стражи спокойно поехали к себе на Городище, где стояли у наместника великого князя.

Безрядье, убийства и грабежи продолжались по всему Новгороду. Убийцы настигли и убили Захария Овинова с братом его Кузьмою на владычном дворе, убили еще некоторых доброхотов московских, а у тех, которых не нашли, дворы разграбили. Многие из сторонников Москвы — бояре, житьи и прочие — разбежались, а иных из них настигли и, схватив, посадили в темницы. Послам же московским и страже их никто из народа никакого зла не сделал: одни не хотели, другие не смели.

Господа чтила послов, но долго не давала ответа, ибо дьяк Далматов по наказу государеву требовал ответ писаный, чтобы всякая измена новгородская вошла бы в изборник новгородских провинностей.

Наконец, послов отпустили именем веча с такой грамотой, обращенной к обоим великим князьям. Главное из нее прочел дьяк Далматов обоим воеводам:

— «Вам, господам своим, челом бьем, а государями вас не зовем; а суд вашим наместникам на Городище по старине; а вашему суду великих князей и ваших тиунов у нас не быть; Дворища Ярославля вам не даем. На чем на Коростыни мир кончали, по тому докончанью хотим с вами и жить...»

Старый воевода князь Федор Давыдович, выслушав это, покачал головой и со вздохом сказал:

— Сами собе смерть подписали...

Только июля тринадцатого послы государевы воротились в Москву и привезли с собой ответную грамоту господы новгородской.

Иван Васильевич, хотя давно уж знал все о делах новгородских от наместников своих и бежавших доброхотов московских,

был весьма рад этой грамоте. Передавая ее дьяку Курицыну, Иван Васильевич сказал:

— Пусть дьяк Жук переписать велит грамоту для изборника о воровстве новгородском. Моим судом судились, государем звали, а тут от всего отрекаются...

На другой день после этой беседы, когда грамота была переписана, дьяк Курицын за ранним завтраком снова принес ее государю. Великий князь повелел Саввушке немедля заложить колымагу.

— Поедем мы с Федор Василичем к митрополиту,— сказал он,— и ты с нами, взяв малую стражу...

Владыка Геронтий встретил государя у красного крыльца в сопровождении духовных чинов, которые при митрополичьем дворе служат ему.

Приняв благословение от митрополита, государь и дьяк Курицын поднялись в переднюю владыки. После краткой молитвы Иван Васильевич сел на государево место и сразу начал беседу о деле.

— Отец мой и богомолец,— обратился он к владыке,— новгородцы крамолу куют, как перед Шелонью, мятежи зачали и под короля Казимира идти хотят. От всего, в чем крест целовали, отрицаются, а на нас лжу положили и всякое бесчестие...

Митрополит Геронтий, пораженный словами государя, крестился и говорил скорбно:

— Аще кого господь наказать хощет, лишит первей всего разума. Сии же бесы богоотступники совсем без разума стали...

— Отче святый,— продолжал Иван Васильевич,— прочти сию дерзкую грамоту.

Митрополит взял новгородскую грамоту из рук Курицына и, читая ее, восклицал:

— Воровство у них на уме, воровство!.. Не токмо в словах своих отрицаются, а и в том, что было! В судах твоих, государь, отрицаются. К Литве захотели, а Рым к ним руку тянет через короля Казимира.

Сокрушенно качая головой, владыка Геронтий возвратил грамоту дьяку Курицыну.

— Истинны слова твои, отец мой и богомолец!— воскликнул Иван Васильевич.— Помощи твоей и церкви святой жду яз ныне! Русь православную спасать надобно от скверны латыньской! Клянусь пред богом радеть о сем, живота не щадя!..

Государь встал и, несколько раз перекрестясь на образа, продолжал:

— Отче святый! Молю тя, скажи утре во храме слово о сем, хочу меч карающий обнажить на веры отступников и крестного целования преступников...

0 - 1505

— Да поможет те господь в сем деле святом, сыне мой!— воскликнул митрополит.

— Аминь,— отозвался великий князь и добавил:— Ныне же молю тя, подумай малое время с Федор Василичем, которого тут тобе оставляю. Он тобе, отче, все подробно о зле новгородском расскажет. Яз же за благословением на рать великую к матери своей поеду.

На другой день вся Москва, посады и пригороды загудели церковным звоном, от всех церквей пошли крестные ходы в Кремль к собору Михаила-архангела, где должен был служить обедню сам митрополит Геронтий и сказать слово о зле новгородском.

В Кремле все площади, улицы и переулки около церквей были полны народом. Стояли плечо к плечу, а в церкви и войти уж нельзя — столько людей там.

Гул колокольный и шум толпы был непрерывный, и только после обедни вдруг везде тихо стало: колокола смолкли, пения церковного не слышно, и на улицах в толпе тишина, словно вымерло кругом все. Это слово свое о зле новгородском начал митрополит Геронтий, но слово его слышно было только в соборе. Все же на улицах было тихо, говорили вполголоса, ибо слова владыки передавали по рядам от Михаила-архангела во все стороны.

Митрополит горячо призывал всех на защиту Руси и веры православной, говорил, что великий князь снова становится карающим мечом в руке божьей против латыньства господы новгородской.

В конце слова своего владыка Геронтий повелел всему духовенству по всей Руси православной — во всех церквах и монастырях призывать народ на рать с новгородцами, от веры отступающими и крестоцелование преступающими.

После этого митрополит и служившие в ним епископы и священники в полном облачении вышли из собора вслед за великим князем, но государь вместе со всем семейством своим остался на паперти. Они же, сойдя на площадь, отслужили молебен о даровании победы московскому воинству.

Под звон колоколов, принимая благословение крестом от священников, стоявших на паперти, народ, взволнованный и возмущенный новой изменой новгородцев, в суровом молчании медленно стал расходиться по домам.

Иван Васильевич, все семейство его, старая великая княгиня Марья Ярославна и братья государя Андрей меньшой да Борис в колымагах своих поехали в хоромы великого князя.

Когда народ узнавал ехавших впереди обоих великих князей, Ивана Васильевича и Ивана Ивановича, громкое «ура» потрясло кремлевские улицы, прорываясь сквозь гул колоколов. Иван Васильевич, склоняясь к уху сына, прокричал ему:

— С сего дни проповедь митрополита пойдет по всей Руси. Слова его, яко незримые воины, почнут бить новгородцев за измены их. Народ за нас будет, а в сем главная сила для полков наших...

В ближайшие же дни после молебствия на площади принялся великий князь за приготовления к войне. Прежде всего послал он гонца к великому князю тверскому Михаилу, брату покойной Марьюшки.

— Узрим вборзе, что и как дядя твой родной для нас содеет,— сказал он сыну,— он тоже от нас в зарубежную сторону глядит...

— Не посмеет, чаю, в помочи нам отказать,— неуверенно произнес молодой великий князь.

Иван Васильевич усмехнулся.

— Днесь с часу на час жду ответа,— сказал он, нетерпеливо потирая руки.— Первая ласточка будет...

Дверь в покой государя отворилась, и начальник княжой стражи Ефим Ефремович ввел боярского сына Леваш-Некрасова, которого Иван Васильевич посылал в Тверь.

— Сказывай!— приказал великий князь.

— Великий князь тверской тобе повестует: «Будь здрав, брат мой, подай бог тобе успеха. Шлю яз тобе воеводу своего знатного, князя Михайлу Федорыча Микулинского, со многими полками. Будешь идти землей моей, везде полкам твоим корм готов будет: и людям и коням. Яз же сам рад буду за столом у собя брата моего видеть...»

— Добре!— воскликнул радостно великий князь и, налив кубок вина, подал его вестнику.

— Пей, Трофим Гаврилыч, во здравие да иди отдыхать. Вижу, вельми устал...

— Будьте здравы, государи,— проговорил вестник и, выпив, вышел с поклоном...

— Теперь, Иване, других твоих дядей звать буду,— весело продолжал Иван Васильевич,— Андрея большого да Бориса. Андрей-то меньшой и сам пойдет. А о старших братьях придется мне бабке твоей челом бить. Ее послушают — она их опора...

В хлопотах этих предвоенных и август прошел, и в последний день его журавлиный отлет начался. Наступил и сентябрь-ревун, и встретила Русь на первое число праздник Семена-летопро-

водца. Начались уж в деревне посиделки и осенние хороводы, а великий князь все еще не начинает похода, давно уж решенного. Все с воеводами думает и всё карты, которые чертили еще для шелонского похода семь лет назад, снова разглядывает. Воеводы же волнуются и, не смея сказать Ивану Васильевичу, сыну его, Ивану Ивановичу, докучают, что время зря государь упускает, новгородцам дает к войне подготовиться...

Не выдержал молодой великий князь и сентября десятого сказал осторожно об этом родителю своему, якобы от себя...

Рассмеялся великий князь и спросил, глянув в лицо сыну:

— Воеводы подучили?

Иван Иванович вспыхнул от смущения и признался отцу.

— Докучали, государь,— ответил он, смеясь,— но и яз сам промедления сего страшусь...

— Эх, сыночек,— сказал Иван Васильевич с ласковым упреком,— поспешишь — людей насмешишь, а то и хуже — сам наплачешься. Вот сей часец придут воеводы на думу, яз с ними и поговорю.

Увидев тревогу на лице сына, он весело добавил:

— Не бойся, сговор ваш не открою...

Часа за два до обеда собрались воеводы в трапезной великого князя, где уж по всем столам были разложены военные карты.

— А ведаете, воеводы,— неожиданно среди начавшейся беседы спросил Иван Васильевич,— днесь сынок меня попрекнул, что медлю идти к Новугороду?

— А что ж, государь,— откликнулся воевода Иван Димитриевич Руно,— право молодой-то государь баит. Изгоном на ворогов пасть надобно, сам ты нас сему учил...

— Каюсь, Иван Митрич, учил сему,— с усмешкой ответил великий князь,— да, видать, не всему выучил...

— Изгон-то изгоном,— заметил князь Федор Давыдович,— на таком дальном пути мыслить о нем рано. Нечаянность дóбра, когда уж бой идет, но все же, государь, пошто ворогам время давать. Сам ведаешь, город крепят, с королем Казимиром сносятся всяк день...

Видя, что все воеводы согласны с князем Федором и готовы поддержать его, Иван Васильевич насмешливо сощурил глаза и спросил:

— А с царем Ахматом они сносятся? Тыл-то у нас есть аль нет?

Воеводы смутились, а Федор Давыдович хлопнул себе ладонью по лбу и воскликнул:

— Ах, яз, старая колода! Прости, государь,— о малом, об

Орде забыл! Орде ведь, чем ближе к зиме, поход-то на нас трудней, а нам — легче...

— Истинно,— смеясь, одобрил Иван Васильевич,— ведь сам Ахмат о сем в ярлыке своем пишет, баит там о сердце зимы, о девяноста днях. Мыслю, зимой-то тыл спокоен у нас будет. В крымских же степях, да и у Хвалынского моря тепло и зимой, и там турки, а может, и Узун-Хасан с Ахматом заратятся. Посему хочу ждать до конца сентября. Может, вести какие пришлет еще нам Матвей-то Бестужев. Будет все крепко в тылу, можно будет и царевича Даниара с его полками к Новугороду взять. Хватит на Оке-то и одного царевича Муртозы...

— Когда же идти-то, государь, намечаешь?— спросил князь Данила Холмский.

— На всяк день готовыми быть надобно,— ответил великий князь,— а наипоздне — в самый конец сентября, в самый Маремьянин день...

Сентября двадцать пятого прибыл из Торжка на Москву гонец от наместника государева, от Василия Ивановича Китая.

Вестник этот обоим государям в присутствии воеводы князя Патрикеева и дьяка Курицына поведал:

— Повестует наместник твой, государь, Василь Иваныч Китай: «Будьте здравы, государи. Днесь пригнал ко мне от Новагорода Федор Калитин, староста с Данславской улицы, бил челом об опасе ему на Москву к вам, государи, ехать. Баил, челом вам бить будет от архиепископа Феофила, дабы дали вы опасную грамоту владыке, богомольцу своему, яко послу новгородскому, у вас с челобитьем быть...»

Великий князь весело усмехнулся и молвил:

— Из сего уразумел яз, что нету у Новагорода помочи ни от Казимира, ни от Ахмата. Оба они вязнут в своих делах.

Потом, обратясь к гонцу, приказал:

— Повестуй наместнику моему: «Будь здрав, Василь Иваныч! Опасчика, старосту того, держи у собя в Торжке до прихода моего». Иди отдыхай, а утре в Торжок гони...

— Ну, пиши, Федор Василич, складнýю грамоту[1] Новугороду. Добре обмысли, да в Маремьянин день и пошлем. Токмо с кем грамоту отсылать?

— Мыслю, государь,— сказал Курицын,— с подьячим Родионом Богомоловым...

— Добре,— согласился государь,— пущай Богомолов едет.

— Как у тобя, отец, всегда все точно исчислено!— востор-

---

[1] *Складнáя грамота* — грамота с объявлением войны.

женно заметил Иван Иванович.— Так как воеводам наметил Маремьянин день, так и выходит...

Наступил октябрь-свадебник. С покрова уж богородицы девки свои косыньки на две расплетают, головы бабьим повойником кроют. Зазимье начинается, пастухам расчет дают, а скот в хлева на зимний корм ставят.

Целую неделю совещается с воеводами своими великий князь, вызвав к себе и Даниара-царевича, определяет, кому, как и какими дорогами идти. Девятого же октября великий князь оставил на Москве при митрополите Геронтии и дьяке Курицыне вместо себя только сына своего, ибо Марья Ярославна постриг принять собиралась и в монастыре затвориться, воеводам приказал в поход идти.

После краткого молебна пред полками у собора Михаила-архангела Иван Васильевич в тот же день выступил из стольного града Москвы к Новгороду, чтобы казнить войной от веры отступников и клятвопреступников.

За четыре же дня до этого по повелению государя вышел в поход царевич Даниар. Ему приказано было идти на Клин, потом к Твери и Торжку и вестниками с великим князем непрестанно ссылаться.

Сам великий князь с братом Андреем меньшим пошел на Волок и октября четырнадцатого остановился там, слушал обедню, ел и пил у брата Бориса, князя волоцкого.

В Волок же пригнал по приказу князя тверского боярский сын, именем Хидырщик, с людьми своими, дабы кормы отдавать войску московскому.

Иван Васильевич был доволен: чувствовал он силу свою.

Отсель через град Микулин Иван Васильевич пошел к Торжку, повелев Андрею меньшому идти туда же, но через градец Старицу.

На первом же стане от Волока, в селе Лотошине, встретил государя с великой честью князь Андрей Микулинский, посланный великим князем тверским «звать его хлеба ести».

Полки великого князя двигались весьма быстро: день в день, час в час приходили, куда им было указано. К Твери подъезжал великий князь октября шестнадцатого, когда около полудня прискакал вестник из Торжка с известием о приезде нового посла, Маркова Ивана Ивановича, от владыки и от веча челом бить о даровании охранной грамоты для самого архиепископа новгородского.

Иван Васильевич рассмеялся и воскликнул, обращаясь к ехавшим рядом воеводам:

— Слабеет духом господа новгородская! Нету им ниоткуда помочи! Сказывал яз, высокоумия у них много, а ума мало.

Великий князь помолчал, слегка хмуря брови.

— Скажи Китаю, Василь Иванычу,— обратился он к вестнику,— пусть сего Маркова вместе со старостой Федором Калитиным до меня держит. Вборзе сам буду. Иди...

Великий князь заметил вдали собор св. Спаса, в котором он обручался с Марьюшкой и который с детских лет не видал. Вспомнились ему ночные факелы, гром пушек, гремевших во тьме зимней ночи привет его слепому отцу, бежавшему с семьей из вологодской ссылки. Но все в этом городе, когда теперь он ехал по его улицам, казалось ему маленьким, скучным и серым.

На миг только защемило сердце, когда вдруг привиделись снежные горы, которые Илейка с Васюком им делали, и потом ярко так вспомнился обряд обручения, когда он, еще маленький, и рядом ласковая девочка, еще меньше его, а кольца у них на руках большие обручальные, внутри воском облеплены, чтобы с пальчиков детских не падали...

— Марьюшка,— шепнул он со вздохом и насильно забыл свое детство, такое радостно-печальное для всех, давно переживших его.

За трапезой у великого князя Михаила, так же как прежде у отца его, великого князя Бориса, много пили и ели, и слуги в таких же парчовых кафтанах подавали и разносили кушанья.

Неизвестно отчего, Ивану Васильевичу становилось все скучней и тоскливей, он с радостью вышел из-за стола, как только обед кончился. После обычных обильных благодарностей, пустых разговоров и прощаний, с пьяными уже объятиями и поцелуями, Иван Васильевич, провожаемый хозяином, сошел с красного крыльца. Здесь, садясь на коня, он взглянул нечаянно в глубину двора и вдруг ясно вспомнил то место, около большого сарая, где когда-то строил он снеговую гору. Вот он один на верхушке горы садится в санки и видит внизу грустное личико Дарьюшки и слезы и обиды в ее милых глазах...

Медленно, не оглядываясь, выехал Иван Васильевич со двора тверского князя, словно хоронил здесь дорогие призраки детства, на миг воскресшие в его сердце...

В воскресенье, октября девятнадцатого, въехал великий князь в Торжок при звоне колокольном во всех церквах. Встречен был он крестным ходом и своим наместником, а также послами псковскими, которые ожидали здесь его приезда.

В тот же день прибыли в Торжок знатные бояре новгородские — братья Лука да Иван Клементьевы и челом били государю в службу со всеми людьми своими и вотчинами.

Во вторник, октября двадцать первого отпустил он во Псков, по просьбе веча псковского, князя Василня Шуйского наместником своим и воеводою.

Октября же двадцать третьего выступил великий князь со всеми своимн силами н пошел через Волочок дорогой меж Яжолбицами н рекой Мстой к Новгороду.

Царевнчу Даннару приказал он идти рекой Мстой, по правому ее берегу, а с ним послал воеводу своего Образца-Симского, князя Василня Федоровича.

По своей стороне, вдоль левого берега Мсты, повелел идти князю Даниле Холмскому, а с ним многим детям боярским от своего двора, со всеми владимирцами н костромичамн. Там же велел идти боярам своим, тверичам Григорию да Ивану Никитичам с димитровцами н кашинцамн.

По правую руку, меж своей дорогой н Мстою, велел ндтн князю Семену Ивановичу Ряполовскому с суздальцами н юрьевцами.

По левую руку от себя, из Торжка на Демань, приказал он идти брату, князю Андрею меньшому, а с ним воеводе Василию Сабурову с ростовцами и ярославцами, да воеводе княгинн Марьн Ярославны Семену Пешку со всем двором государынн.

Меж Деманьской и Яжолбицкой дорогами повелел великий князь идтн князю Борнсу Оболенскому с можайцами н волочанами да князю Александру Оболенскому с калужанами, москвичами н глуховцами...

Всю землю новгородскую от Волочка н от берегов Мсты до Яжолбицкой дороги н Демани должны занять войска великого князя н почтн сплошным валом катиться к Русе и Новгороду, все затопляя собой, словно река в половодье.

Страх охватил новгородцев перед этой силой великой, н с двадцать седьмого октября, когда в селе Волочне встречал н бил челом в службу великому князю старый посадник новгородский Григорий Тучин, пошли потом такие же встречн н челобитья на всем путн, особливо от молодших н черных людей.

В субботу второго ноября, когда в деревнях начинают топку печей в овннах, прнбыл в Турны, в стан государев, посол от Пскова Харнтон Качалов и привез с собой грамоту.

Узнав об этом, сказал великий князь дворецкому своему Русалке, Михаилу Яковлевнчу:

— Грамота, баишь, есть? Знать, молить будут отсрочкн походу. Зовн Качалова.

После весьма почтительных поклонов и приветствий псковский посол спросил:

— Могу ли яз, государь, читать тобе грамоту?

— Читай,— с улыбкой ответил Иван Васильевич.

Посол достал из плоского деревянного ларца небольшой кусок пергамента и прочел: «Господину, великому князю Иван Василичу, государю всея Руси. Посадник псковский степенной, старые посадники и сынове посадничьи, и бояре, и купцы, и житьи люди, и весь Псков, вотчина ваша, своим государям, великим русским государям, челом бьем. По вашему государеву велению мы складну́ю грамоту послали Новугороду, и наши взметчики в Новомгороде взметную положили, да и во Псков приехали. Ноне же за наши грехи весь город Псков выгорел, н мы вам, своим государям, со слезьми являем беду свою, а возлагаем упование на бога да на вас, своих государей. Вотчина ваша, добровольные люди, весь Псков челом бьет».

Иван Васильевич, зная, что устно посол будет просить об отсрочке выступления псковичей в поход, молвил:

— Добре, иди отдыхай. Далее со мной поедешь.

Государь протянул послу руку, которую тот почтительно облобызал...

Ноября четвертого, когда Иван Васильевич в Бобловых станом стоял, пришел туда в помощь ему князь Михаил Федорович Микулинский. Принял его государь с великим почетом н повелел ему вслед за собой тем же путем идти к Новгороду.

Восьмого ноября в стане своем в Еглине у Спаса, повелел Великий князь дьяку своему Василию Далматову привести новгородских послов Федора Калитина и Маркова Ивана Ивановича.

Войдя к великому князю, оба новгородца степенно на образа помолились и, обратясь к Ивану Васильевичу, низко поклонились и не господином, а государем назвали.

— Будь здрав, государь, на многие лета,— сказали они,— челом тобе бьем от владыки и от Новагорода.

Государь чуть заметно усмехнулся и спросил:

— О чем челом бьете?

— Пожалуй, государь, дай охранную грамоту для владыки Феофила и послов новгородских,— отвечали послы,— дабы могли приехать к тобе и отъехать добровольно...

Великий князь пожаловал их, велел Далматову выдать грамоту и отпустил послов к Новгороду. Далматову же приказал, если будут еще послы от Новгорода, отвечать им, что опасная грамота уже выдана, н давать им приставов, дабы, пройдя войско государево, могли восвояси возвратиться.

Ноября девятнадцатого, не доходя ста двадцати верст до Новгорода, стал станом великий князь на Па́линах. Здесь решил Иван Васильевич, созвав всех воевод, походный порядок войска своего в боевой перестроить.

Собрались в шатре государя, как заранее было указано, три брата родных его да два брата двоюродных — князь Иван Патрикеев н князь Василий верейский — н все прочие воеводы.

— Сейчас позавтракаем и к делу приступим,— сказал Иван Васильевич, крестясь н садясь за стол,— берите все самн. По-походному. Не ждите.

Во время завтрака государь только сообщил кратко, что боевые действия начннать он хочет отсюда, неожиданно для новгородцев.

Воеводы спешили с едой, и, когда кушанья были съедены, государь повелел Саввушке убирать все со стола н разложить пред ним большую карту, на которой начертан был Новгород н его окрестности.

Глядя на карту, Иван Васидьевич заговорил громко н властно:

— Брату моему Андрею меньшому в Передовом полку быть. Воеводы под его рукой: князь Данила Холмский с костромичами; князь Федор Давыдыч Пестрый с коломичами; князь Иван Василич Стрига-Оболенский с володимнрцами.

Брату моему Андрею большому быть в правой руке у меня. Воеводы под его рукой: князь Михаил Федорыч Микулинский с тверичами; воевода Григорий Никитич Жито с димитровцамн; воевода Иван Никитич Жито с ка́шинцами.

Брату моему Борнсу в левой руке у меня быть. Воеводы под его рукой: князь Василь Михалыч верейский со двором своим; Семен Пеше́к, воевода княгини Марьн Ярославны, с двором государыни.

У собя в полку велю быть: князю Ивану Юрьнчу Патрнкееву; Василью Федорычу Образцу-Симскому с боровичами: князь Семену Ряполовскому с суздальцами н юрьевцами; князь Александру Василичу Оболенскому с москвичами н новоторжцами да князь Борису Михайлычу Оболенскому с можайцами, волочанами н звенигородцами.

Великий князь помедлил некоторое время и спросил:

— Добре ли запомнили, братья мои и воеводы, кому у кого и с кем быть?

— Добре, добре, государь,— ответили со всех сторон.

Великий князь опять стал глядеть в карту, нзучая заново окрестности Новгорода. Потом встал нз-за стола, перекрестился на икону, что внсела в шатре возле полкового знаменн, н молвил громко:

— Ну, воеводы мои, зачинаем с божьей помочью. Отпускаю всех вас прямо со стана сего на Па́линах к Новгороду. Займите там Городище н все монастыри, дабы новгородцы не пожглн их. Воеводам же: князь Холмскому, Пестрому н Стриге-Оболенскому, а также Григорью н Ивану Микитичам Жито идтн к

Броииицам, что возле Городища, и ждать там приказов моих. Прочим же всем стать у полуденного берега Ильмень-озера иа Взва́дие и иа Ужи́не н также вестей от меия ждать...

Ноября двадцать первого стоял великий князь в Ту́холе н послал оттуда во Псков посла своего Пете́лю Паюсова, а с ним отпустил посла псковского Харитоиа Качалова.

Призвав к себе в одио время Паюсова и Качалова, государь гневио сказал послу своему:

— Гони ямским гоиом и посла псковского с собой везн. Оба вы во Пскове иаместнику моему, киязю Василь Василичу, скажите: «Приказываю тобе, княже, немедля вести полки псковские к Новугороду ратию с пушками, пищалями и самострелами, со всей приправою, с чем ко граду приступать. Пришедши же иа устье Шелоии, ты бы в тот же час весть мие прислал, и яз тобе укажу, где тобе быть. А ие учинишь сего, как мне иадобио, сам ведаешь, что всем сие бывает в ратное время».

Отпустив послов во Псков, Иваи Васильевич в тот же день пошел в Сы́тиио, что в тридцати всего верстах от Новгорода, расположился там стаиом и стал ждать послов, для которых охраииую грамоту выдал.

В воскресеиье, ноября двадцать третьего, прибыли в Сытиио владыка Феофил, а с ним посадники: Короб, братья Федоровы, Полииарьин; житьи: Климеитов, Медведнов, Арзубьев, Кильский да купец Царищев.

Иваи Васильевич прииял всех их у себя в походном шатре в присутствии брата своего Андрея меиьшого, князя Патрикеева, братьев Морозовых, дьяка Василия Далматова н воеводы Ивана Руио, который был прн иовгородцах в войске московском приставом от государя.

Виовь увидел великий князь всех заклятых своих врагов. Смущены оии были и покориы, но чуялась в иих скрытая злоба, таилась хитрость, дабы сиова обмаиуть.

Первым говорил архиепископ от всего духовенства новгородского, называя Иваиа Васильевича «государем своим и великим князем всея Русн». Говорил ои простраино н киижно, моля государя, «меч бы свой уиял и огнь утолил, и кровь бы христиаиская ие лилась...»

Великий князь, стискивая зубы от гнева, слушал все лицемерные слова эти и взывания к нему о жалостн, ио молчал, и суровое лицо его было неподвижно.

Затем владыка Феофил неожиданно для великого киязя с горестью и жалобой воскликнул:

— Аз, господиие государь, с архимандритами и игумнами

и со всеми священниками тобе, государю своему, со слезьми челом бьем. Разгиевался ты иа бояр иовгородских первым приездом, свел их иа Москву из Новагорода. Молим тя, государь, ты бы пожаловал, смиловался, тех бы бояр великих отпустил в свою вотчину, в Великнй Новгород...

Поднял высоко брови великий князь, удивляясь глупости и несообразиости этой просьбы, будто ие знали и не ведали иовгородцы, что вокруг них делается. Не сказал он и тут ни единого слова.

После владыки Феофила говорил от посадников, от житьих людей и прочих старый посадник Яков Короб.

— Господине государь, князь великий Иван Василич всея Руси,— начал он.— Богомолец твой владыка Феофил пред тобою стоит. Посадник степениый Фома Андреич и старые посадники, тысяцкий степеииый Василь Максимов и старые тысяцкие, бояре и житьи, купцы и чериые люди, весь Великнй Новгород, вотчина твоя, все мужи вольные челом бьют тобе, своему государю, дабы ты, государь, пожаловал, смиловался...

Иван Васильевич насторожился, думая услышать что-либо новое от светских властей новгородских, от самой господы и веча, но этого ие случилось. Яков Короб повторил все то же, о чем просил архиепископ,— об освобождеини бояр — вождей господы.

Когда все речи иовгородские коичились, Иван Васильевич долго сидел молча, а иовгородцы растерянно меж собой переглядывались. Накоиец, выступил вперед посадник Лука Федоров и бил челом ото всех государю, дабы пожаловал он, повелел им «поговорить с боярами его».

— Добре,— усмехнувшись, ответил великнй князь,— говорите. Пока же говорка сия идти будет, пейте и ешьте у меня.

Поблагодарили государя послы иовгородские и вышли из шатра, сопровождаемые своим приставом Иваном Руно и Русалкой, дворецким великого киязя. Следом за ними вышла и стража государева.

Как только послы вышли, великнй князь в гиеве вскочил с места и стал быстро ходить вдоль шатра. Андрей меньшой, Патрикеев, братья Морозовы и дьяк Далматов с тревогой следили за ним.

— Разумею яз,— заговорил, поборов гиев свой, Иваи Васильевич,— хотят они затянуть время, все еще блазият собя помочью Казимировой. Нам же надобио с Новымгородом борзо кончить, и ие словами, а делом.

Успокоившись, великий князь сел на свое место и продолжал:

— Говорку мы им дадим, хоша все сие будет токмо словоблудие.

Иваи Васильевич рассмеялся и добавил:

— Вам всем, опричь князя Андрея, с иими, скоморохами, в словесиую игру играть придется, дабы в Сытине их задержать подоле, дабы Новгород эти дни, хоша без плохой, а все ж без головы был бы...

Иван Васильевич задумался, и все сидели молча, чтобы ие мешать ему, ио великий князь через самое малое время продолжал:

— Андрей-то у меня останется, а ты, Иван Юрьич, со всеми, кто тут, иди в шатер для дьяков. Там яз велел для говорки почетиый обедеиный стол собрать. Угощайте их там от моего имеии с честью.

Когда все ушли, великий князь сказал брату:

— Диесь самое трудное иаступает в нашем деле, Аидрюша. Надобио нам, пока словоблудие сие будет идти, все полки подвести к Новугороду, а потом с каждым днем крепче петлей затягивать. Скажи о сем братьям и с иими вместе прикажи воеводам всем быть у меия после обеда на ратной думе...

На другой деиь, в понедельник, иачалась «говорка» с послами иовгородскими киязя Патрикеева, братьев Морозовых и Далматова.

Опять длинно и пространно говорили послы, иачиная с владыки, то же самое, что в первый раз говорили пред лицом великого князя. Называя его государем, просили о прекращении войны, об освобождении иовгородских великих бояр из заточеиия, настаивали на отказе великого князя от судов в Новгороде и от вызовов иовгородцев к себе иа суд в Москву. Предлагали ему ездить в Новгород каждые четыре года для суда и сбора податей. Просили все то, чем в Коростыии семь лет назад мир заключили...

Последним говорил Яков Короб и, понимая, что новгородцы требуют того, чего требовать теперь иевозможио, окончил речь свою словами:

— Пожаловал бы государь свою вотчииу, как бог положит ему на сердце...

С усмешкой выслушал великий князь вести об этом от князя Патрикеева после обеда, когда уже воеводы его собрались иа думу.

— Слышите, воеводы,— молвил жестко Иваи Васильевич,— бают оии с нами, яко победители. Подкрепляю днесь приказ свой: Городище и моиастыри заиять все. Повелеваю воеводам: князьям Даииле Холмскому, Федору Пестрому, Ивану Стриге-Оболеискому да Ивану и Григорию Жито, с полками своими

идти из Бронниц прямо к городу. На другую же сторону Новагорода, к Юрьеву и Аркажу монастырям, идти повелеваю воеводам — князьям Семену Ряполовскому, Александру Оболенскому, Борису Оболенскому и боярам Василью да Елизару Гусевым, а с какими полками, приказано будет...

После этого начались подробные беседы с рассмотрением чертежей Новгорода и окрестностей, чтобы лучше приказ государя выполнить. Иван Васильевич одобрил все решения воевод своих, но требовал выполнения этих решений к утру ноября двадцать пятого...

— Хочу,— сказал он строго,— чтобы завтра за ранним завтраком об исполнении сего мне было ведомо...

На другой день, когда государь сел завтракать, примчался гонец от князя Данилы Холмского и вслед за ним другой — от князя Ряполовского. Сообщили они, что воеводы с той и другой стороны всю ночь переходы делали вдоль берега Ильмень-озера, а где нужно, и по льду озера идя, заняли к утру Городище и все монастыри вокруг Новгорода.

Иван Васильевич перекрестился и, велев дать гонцам по чарке крепкой водки и пирога на закуску, весело воскликнул:

— Передайте поклон мой всем воеводам и воям их! Да скажите, велит-де государь во всех полках днесь праздничный обед изготовить!..

— Ныне главное-то добре изделано,— молвил Иван Васильевич, отпустив гонцов и обращаясь к Патрикееву, который вместе с другими ожидал его приказаний для беседы с послами новгородскими.

— Лучше того и быть не может,— весело подтвердил князь Иван Юрьевич,— петля на шею накинута. Уже затягивать, чаю, можно...

— Пождем малость,— возразил Иван Васильевич,— не все еще полки подошли наши, да и псковичи с пушками надобны. Может, осаду поведем...

Помолчал великий князь и продолжал насмешливо:

— Владыка, богомолец мой чрезмерно усердный, да господа его, вишь, ответа все ждут. Так спросите днесь их о посольстве Назария да Захария, которые от них в Новгород государями нас звали. В сем бы посольстве не запирались, а повинились и челом били, а яз их пожалую. Ну, да сами вы ведаете, что от них нудить надобно. Скажут пусть, какого государства от нас хотят. От меня же передайте: «Молвил-де великий князь, что вотчина наша новгородская ведает, как надо ей челом бить».

На этот раз «говорка» была с послами недолгая. Прослышали новгородцы о передвижениях полков государевых и стали бить челом Ивану Васильевичу, отпустил бы их в Новгород поразмыслить, и попросили для ради охраны приставов им дать. Государь пожаловал их, повелел Ивану Руню проводить послов до города. Сам же через день, ноября двадцать седьмого, времени не теряя, взяв с собой брата, князя Андрея меньшого, пришел с полками своими под город и, перейдя Ильмень-озеро по льду, стал станом в селе Лошинского, у Троицы на Паозерье, в трех верстах от Новгорода. За день раньше сюда же пришел князь Василий верейский и стоял тут же поблизости в монастыре на Лисичьей горке. Князю Андрею меньшому Иван Васильевич велел стать в монастыре у Благовещенья, прочим же воеводам своим так велел встать вокруг города: князю Ивану Патрикееву — в Юрьеве монастыре, князю Даниле Холмскому — в Аркаже монастыре, Василию Сабурову — в монастыре у Пантелеймона, князю Александру Оболенскому — в монастыре у Николы на Мостищах, князю Борису Оболенскому — в монастыре у Богоявления на Сукове, князю Семену Ряполовскому — на Стипе, по левой стороне реки Пидбы. На Городище же повелел Иван Васильевич стоять князю Федору Пестрому, князю Ивану Стриге-Оболенскому да Ивану и Григорью Никитичам Жито.

Ноября же двадцать девятого пришел с полками своими брат государя Борис Васильевич, которому великий князь велел стать во владычном селе на Кречневе, вниз по Волхову.

Таким размещением полков кольцо вокруг Новгорода замкнулось, и великий князь вновь, со вниманием проглядев карту Новгорода и его окрестностей, повелел с тридцатого ноября всем воеводам только половину людей своих при себе держать, а остальных по корм посылать для полков. Срок на это дал государь десять дней. Все воины на местах своих были под городом на одиннадцатый день, в четверг после Николина дня. В этот же день Иван Васильевич весть получил от гонца своего Севастьяна Кушелова, что наместник государев во Пскове, князь Василий Шуйский, уж Сольцы прошел и ведет полки псковские вниз по Шелони с пушками и со всею приправою к Новгороду.

Иван Васильевич всем этим был весьма доволен и говорил шутливо с воеводами:

— Могут ныне новгородцы баить по-всякому, молить и грозить сколь им угодно. Все едино податься уж им некуда...

Словно в ответ на шутку государеву, декабря четвертого владыка Феофил, все с теми же послами, с которыми ранее

бывал, прибыл к Троице на Паозерье. Били челом послы государю, чтобы пожаловал, дозволил с боярами своими говорить.

Великий князь выслал им на «говорку» князя Ивана Патрикеева, князя Федора Пестрого и князя Ивана Стригу-Оболенского, которые оба на вече были в Новгороде, да братьев Морозовых. Опять шли те же разговоры, что и перед этим, и опять послы просили, указал бы великий князь своей вотчине все, как бог положит на сердце свою вотчину жаловать.

Иван же Васильевич ответил им то же, что и ранее:

— Сами ведаете, как и о чем челом мне бить...

Понимал государь, что новгородцы не хотят говорить первыми об условиях. Как на торге, они боятся продешевить, запросить меньше, чем может дать им он сам.

Поняли и новгородцы, что великого князя не переупрямишь, и просили «поволить им» ехать в город да опять к государю вернуться с той же охранной грамотой, и он «поволил».

— Того не разумеют,— сказал Иван Васильевич дьяку Далматову,— что с каждым полком, который к Новугороду подходит, их дела хуже, а наши лучше...

Дверь отворилась, и в покой вошел дворецкий Русалка.

— Государь,— сказал Михаил Яковлевич,— полки Даниаровы и боровичи воеводы Василь Федорыча Образца под городом...

— А где сами — царевич и воевода?— спросил радостно великий князь.

— Туточки, государь, во дворе твоем, а с ними и приставы царевичевы — князь Петр Оболенский и князь Иван Звенец...

— Зови всех!

Иван Васильевич сердечно встретил прибывших воевод и, выпив вместе с ними по кубку вина, тут же назначил им места под городом.

— Рад вам, вельми рад,— говорил он,— вот станы ваши: Даниару стать в Кириллове монастыре да в монастыре у Андрея на Городищенской же стороне, а обоим приставам его стать в монастыре на Ковалеве. Воеводе же Василь Федорычу Образцу стать в монастыре на Волотове. Идите же по местам своим и пока отдыхайте с пути...

Не прошло после этого и часа, как пришел под город брат государя князь Андрей Васильевич большой вместе с воеводой тверским князем Михаилом Микулинским. Еще более рад им был Иван Васильевич, чем Даниару-царевичу.

Повелел он стать брату своему князю Андрею большому с угличанами в монастыре у Воскресения на Деревянице, а тверскому воеводе князю Михаилу с тверитянами велел стать в монастыре у Николы на Островке.

Видя в войске своем полки всех братьев своих и полки великого князя тверского, Иван Васильевич был доволен более всего тем, что те, которые должны были быть союзниками против него, будут ныне действовать как раз наоборот: будут, ослабляя силы друг друга, укреплять его мощь,— мощь великого князя московского...

В самый канун Николина дня, декабря пятого, приехал из Новгорода в Паозерье к великому князю владыка Феофил все с теми же посадниками и житьими, что и ранее с ним были.

Иван Васильевич принял посольство в присутствии всех трех братьев своих, у него в этот день обедавших.

— Господине государь,— говорил владыка Феофил,— князь великий всея Руси, челом тобе бьем от всего Новагорода.— Виновны мы пред лицом твоим, молим: пожалуй, помилуй. Винимся мы, посылали к тобе и к сыну твоему Назария и дьяка Захарию в государи Новугороду тобя звать, а потом от сего отрицались. Прости и помилуй. Скажи, государь, сам, какого государствования ты хочешь.

— Рад яз,— ответил великий князь,— что вы покаялись в вине своей. Обмыслив, днесь же ответ вам с боярами своими пришлю.

Взглянув на братьев, заметил Иван Васильевич, что у них страх, который передался им от новгородцев, а у Андрея большого и зависть к себе великую увидел.

Новгородцы ушли удрученные и покорные, горести своей не скрывая.

— Иван Юрьевич,— сказал Иван Васильевич князю Патрикееву,— ответь им от моего имени: «Хочу-де государствовать в Новомгороде, как на Москве государствую. Пусть с вечем о сем размыслят. Срок же яз им даю — от сего дни на третий день дать мне ответ».

Иван Васильевич помолчал и добавил:

— Да поищи, Иван Юрьевич, толмача собе по-фряжски баить и прикажи маэстро Альберти, которого яз с собой из Москвы взял, добрый мост построить под Городищем к Новугороду для приступа. Да таков мост-то дородный, чтобы и пушки по нему возить было можно и конным скакать слободно. Вишь, Волхов-то какая река: и в морозы не вся замерзнет...

Только ушел Патрикеев, как вошел дворецкий Русалка и доложил:

— Полки псковские, государь, подходят к Новугороду. Пригнал к тобе от войска и наместника твоего посадник псковский Василь Епимахов.

— Зови!— крикнул радостно великий князь, вставая с места.— Сие сугубо нам важно и ради стрельбы огненной и ради кормов из Пскова!..

Посадника Епимахова государь встретил весьма приветливо, спросил имя и отечество и звал его Василием Сидоровичем.

— Ну, сказывай, Василь Сидорыч,— молвил государь,— садись с нами за стол попросту, по-походному.

Испив кубок за здравие великого князя, посадник доложил ему:

— Яз, государь, к тобе от наместника твоего князя Василья Шуйского и ото всего войска псковского.

Посадник встал из-за стола, поклонился Ивану Васильевичу и продолжал стоя:

— Пришли мы все на твое государево дело с пушками и со всем, с чем велел нам к тобе быть, со всею приправой ратной. Где повелишь нам у Новагорода стать? Полки свои разместив, наместник твой князь Василий сам тобе обо всем челом бить будет...

Отпуская посадника псковского, великий князь повелел:

— Князю Василью стать в Бискупицах, а посадникам с лучшими людьми стать в Федотьине, в селе вдовы Полинарьина. Прочим же псковичам стать в монастырях: у Троицы на Варяжки да на Клопске...

Декабря седьмого архиепископ Феофил возвратился в стан великого князя у Троицы с теми же послами, что были и ранее, но взяв еще с собой выборных от черных людей от всех пяти концов города.

Когда на этот раз вышли от государя к посольству князь Патрикеев, князь Стрига и братья Морозовы, заметили они, что новгородцы сильно пали духом, особливо владыка Феофил. Бледный, удрученный, стоял он все время в скорбном молчании, говорили только посадники.

Они били челом о том, как судить наместнику московскому в Новгороде, предлагали ежегодную дань со всех волостей новгородских, по гривне с двух сох. Суд был бы по старине и не звал бы государь никого судиться в Москву, из новгородских земель людей не выводил, а в вотчины и земли боярские не вступался. Не звал бы на службу, а поручал бы им только оберегать рубежи Руси, северные и западные, от иноземцев.

Выслушав эти челобития, государь нахмурил брови и резко сказал боярам своим:

— Повестуйте им так: «Что, богомолец наш и весь Великий Новгород, меня с сыном государями своими признали, а ныне хотите мне указывать, как у вас государствовать?»

Архиепископ, посадники и тысяцкие, испугавшись своей дерзости, отвечали:

— Мы государям своим не указываем, а токмо хотим государева указаиия, ибо обычаи и пошлины московские ие ведаем...

Получив такой ответ, Иван Васильевич смилостивился и велел передать иовгородцам:

— Мы государство свое држать так будем по обычаю московскому: вечу ие быть, посаднику не быть, а все государство держит государь — великий князь, которому для господарства, как на Москве, волости и села надобны. Древние же земли великокняжеские, которые Новгород неправо взял за святу Софию, иыне за собя, великого князя, беру. Яз же по мольбам вашим обещаю: ие выводить людей из Новагорода, ие вступаться в вотчины и земли боярские, а суд по старине оставить...

Прошла целая иеделя и в течение ее изо дня в день гудел Великий Новгород, как улей, неистово споря, крича от обиды и ярости, хватаясь за оружие и сиова смиряясь пред силой, оковавшей железным кольцом весь город, лишившей его граждан свободиого выхода, лишившей пищи и тепла. А под самыми стенами города великокняжеский стан шумел праздничным торжищем, утопая в изобилии пирогов, калачей, рыбы и мяса, меда, караваев хлеба и прочей сиеди, привезеииых сюда псковскими купцами и торговцами...

Декабря десятого пришел к Ивану Васильевичу после раннего завтрака князь Патрикеев и доложил:

— Государь, фрязин-то мост уж изделал. Зело дородеи и баской мост-то.

Великий князь тотчас же велел подать коней и вместе с Иваиом Юрьевичем поскакал к Городищу.

Деиь был морозный, ио солиечный, бодрил и радовал. Со льда Ильмеиь-озера пред всадниками во всей красе своей открылся Новгород с высокими стенами и камеиными башнями, из-за которых блестели кресты миогочислениых церквей и, ослепляя глаза, сиял огромиый золочеиый купол св. Софии.

— Краса великая в граде сем,— воскликнул Иваи Васильевич,— а зла более того!

У Городища уже ждали великого князя. Впереди толпы плотников, собранных из воинов всего войска государева, стоял сам маэстро Альберти.

— Будь здрав, государь! Ура, государь наш!..

Великий князь приветствовал всех движением руки и, подъехав к маэстро Альберти, без толмача крикнул по-итальянски:

— Спасибо, маэстро, спасибо!

Потом приказал дать маэстро и толмачу коией и ехать всем к мосту, простершемуся величествеииой широкой дорогой через могучую реку, которую бессильиы сковать льдом даже самые крепкие морозы. Только у берегов ее образуются ледяиые кромки, а посредине реки темные воды ее текут иепрерывио...

Подъехав ближе, Иваи Васильевич понял, как устроеи мост. Лед у городищеиского берега и иовгородского был вырублеи в ширину моста вплоть до воды, и в проруби этой, иачиная от самого берега, устаиовлеиы большие плоскодоиные лодки на мертвых якорях поперек всей реки до другого берега. Лодки же скреплеиы меж собой цепями и двойным иастилом из толстых досок.

Проехав до середины моста и полюбовавшись иа красоту Новгорода, государь вериулся иа берег и, подозвав к себе Маэстро Альберти, громко воскликнул:

— Браво, маэстро, браво!

Потом сняв с руки своей перстень с дорогим алмазом, передал его маэстро Альберти.

— Gliene sone molto tenuto, sovrano![1] — с восхищением крикнул маэстро по-итальянски и, поцеловав перстень, иадел его иа указательный палец правой руки...

Наконец, декабря четырнадцатого, когда неждаиио морозы ударили, прибыл в Паозерье владыка Феофил со всеми новгородцами, что были с иим в последний раз у великого князя.

Сам государь Иваи Васильевич ие принял их, говорили они только все с теми же боярами государевыми.

От лица всего Новгорода произнес краткую речь только одии владыка. В речи этой сказал ои, что иовгородцы навсегда отказались от веча и посадника, и бил челом о том, что уже государь сам обещал Новгороду. Все же прочие, бывшие с ним, втайне боясь, как бы великий князь ие отперся потом от обещаний своих, просили, чтобы он поклялся. Великий князь дал слово.

Послы стали просить крестоцелования. На это государь кратко ответил:

— Не быть моему целованию.

Тогда послы челом били, чтобы государь приказал крест целовать боярам своим или наместнику своему в Новгороде. Иваи Васильевич и в том отказал. Просили послы еще «опасной грамоты», ио и того им ие дали, а бояре московские объявили им, что переговоры закоичеиы, и отпустили их в город.

---

[1] Очень благодарен вам, государь!

Опять начался шум и распря в Новгороде. Встрепенулся народ новгородский, видя гибель старых обычаев и вольностей, которые, хоть на словах только, были все же близки сердцу его. Внушал страх и отказ великого князя крест целовать. Более же всех волновались бояре-вотчинники: не стояли они ни за вечевой колокол, ни за посадника, но стояли крепко за вотчины свои. Выпускали они на площадь по-прежнему горлопанов своих наемных и с ними кричали на вече.

— Силой пойдем на великого князя! Биться будем, пока помочь нам подоспеет! Умрем за вольность и за святу Софию!..

Но черные люди на собственной шкуре знали заботу бояр о вольностях и не верили им.

— Ишь каким вороньем разорались тостопузые!— говорили они меж собой.

— Оно, может, и не хуже будет за государем-то,— надеялись другие, а третьи, более озлобленные, шипели с досадой:

— Держи карман! Меняем кукушку на ястреба!

Воевода же новгородский, верный защитник веча и господы, видя развал кругом полный и не дела́, а только крики и вопли, сложил перед вечем звание воеводы новгородского, сказав, что ему в Новгороде служить некому.

После этого случая еще больше пошло все вразвал, а двадцать девятого декабря вновь прибыли к Ивану Васильевичу послы от веча — владыка Феофил, знатнейшие граждане и черные люди, хотя никакой охранной грамоты у них не было.

Все они молили допустить их пред лнцо государя, чтобы сам он, из уст своих, сказал, чем он жалует вотчину свою, землю новгородскую.

Великий князь повелел их пустить пред свон очн н, встав, сказал торжественно:

— Что яз обещал вам, когда ты, богомолец мой, посадники, житьи и черные люди челом били, то и ныне то же вам обещаю. Не буду звать вас судиться в Москву, а суд вам по старине. В земли и вотчнны ваши вступаться не буду. На службу в Ннзовскне землн к себе нн брать, ни выводить людей не буду из новгородской землн...

Послы ударили челом и вышли довольные, с верой в слова великого князя.

Бояре же московские, выйдя следом за ними, напомнили им, что государю надобно дать волости и села.

Новгородцы предложили Луки Великие и Ржеву Пустую, но Иван Васильевич этих земель не приял. Тогда предложили они десять волостей архиепископских и монастырских, но государь и тех не взял.

— Избери же, что тобе самому угодно,— сказали наконец, послы,— полагаемся во всем на бога и на тобя.

Великий князь потребовал половину всех волостей владычных и монастырских. Новгородцы согласились, но просили у некоторых бедных монастырей земли не отнимать.

Иван Васильевич потребовал тогда точной описи всех волостей, что и было исполнено. Государь, просмотрев со своими боярами все описи, взял в знак милости из владычных только десять волостей, половину монастырских и все новоторжские, кому бы они ни принадлежали.

Что касается дани, то великий князь установил, по соглашению с новгородцами, по одной полугривне на каждого земледельца в год с сохи как в новгородских волостях, так и на Двине и в За́волочье.

Затем великий князь потребовал немедленно очистить двор Ярослава и привести весь народ на верность государю крестным целованием.

На третий день бояре ответили:

— Двор Ярослава — наследие государей. Могут они взять его вместе с вечевой площадью, когда им угодно. Народ же готов целовать крест государям своим.

С тринадцатого по пятнадцатое января длилось приведение к присяге государям всех граждан, от бояр до черных людей, с их женами, детьми и слугами. После сего вече навсегда прекратилось.

Января восемнадцатого все бояре, дети боярские и житьи люди новгородские били челом великому князю, дабы взял он их в свою службу.

Государь принял их челобитье, взяв дополнительную присягу, дабы берегли государево дело и все, что будут их братья-новгородцы говорить и делать, до государей доводили, а государевы слова и дела хранили втайне.

В этот же день приказал Иван осаду с Новгорода снять и гражданам разрешил свободно из града выходить во всякое время.

Января двадцатого послал великий князь из Новгорода на Москву вестником князя Ивана Слыха к матери, ныне инокине Марфе, к митрополиту и к сыну своему, великому князю, сказать им от лица государя:

— Яз вотчину свою Великий Новгород привел во всю свою волю. Учинился на ем государем, как и на Москве...

Весть эту князь Слых привез в Москву через неделю, января двадцать седьмого, и во всех церквях кремлевских и посадских в этот день служили молебны и гудели колокола.

В Великом же Новгороде на другой день после отправки

посла, января двадцать первого, Иван Васильевич допустил к себе бояр, житьих людей и купцов, со многими дарами в стан его пришедших, как было это и в прошлый приезд государя.

В этот же день приказал государь князю Ивану Стриге-Оболенскому занять двор Ярослава и жить в нем, как наместнику великого князя московского.

В самом конце января, в четверг на масленой, великий князь с тремя своими братьями и с князем Василием верейским впервые въехал в Новгород, где у св. Софии отслушал обедню, которую служил сам архиепископ Феофил.

Возвращаясь к себе на Паозерье, государь пригласил на обед архиепископа и всех знатнейших новгородцев.

В трапезной великого князя, перед тем как сесть за стол, поднес владыка Феофил в дар государю панагию[1], обложенную золотом и жемчугом, кубок, чарку сердоликовую, окованную серебром, и хрустальный бочонок да мису серебряную весом в двенадцать гривенок и двести золотых корабленников. За обедом государь был разговорчив и весел.

От бояр же и прочих сословий подарки, словно река, лились всякий день непрерывно в стан государя.

Тихо и мирно становилось все в Новгороде, но февраля первого пошли опять тревоги. Приказал в этот день государь схватить купеческого старосту Марка Панфильева, а на другой день — Марфу Борецкую с внуком Василием Федоровым, отец которого умер в темнице муромской в заточении, а из житьих людей — Григория Киприянова, Ивана Кузьмина, Акинфа с сыном Романом и Юрия Репехова да отвезти всех задержанных на Москву в оковах, а вотчины и все имущество их отписать в казну государеву.

Никто не посмел вступиться за них, ибо явные были они сторонники короля Казимира и враги Москвы.

В эти же дни наместник государев князь Иван Стрига-Оболенский по приказу Ивана Васильевича нашел и доставил ему все договорные грамоты новгородцев с Казимиром.

Снова после этого все стало тихо и спокойно в Новгороде, но государь еще двух своих наместников прислал — Василия Китая, бывшего наместника своего новоторжского, да боярина Ивана Зиновьева для соблюдения еще пущей тишины, повелев им занять владычные палаты каменные...

Февраля восьмого великий князь поехал опять в храм св. Софии к обедне с братом князем Андреем меньшим и пригласил к обеду в Паозерье владыку, многих бояр и житьих людей.

---

[1] *Панагия* — круглая икона божьей матери, носимая на груди как знак архиерейского достоинства.

А за обедом владыка, угодить желая великому князю, позвал его в св. Софию к обедне февраля двенадцатого, в день памяти св. Алексия, митрополита московского. Государь был весьма доволен и обещал быть непременно.

В этот день встретили государя в храме торжественно, всем клиром, с крестами и с почетной стражей из владычного полка. Сам владыка стоял посредине церкви в полном облачении, готовый к служению.

Благословив великого князя, владыка сделал знак софиянам, слугам своим, и сей же час подали заготовленные дары.

— Поздравляю тя, государь,— торжественно произнес Феофил,— со днем святого Алексия, митрополита московского, защитника и хранителя твоего стольного града, чудотворца и угодника божия...

И повелел владыка слугам своим подавать подарки, а государь страже своей — принимать: цепь золотую, чарки золотые, большую кружку серебряную золоченую, кубок складной золоченый, мису серебряную, пояс золоченый, всего серебра весом шестьдесят четыре гривенки да сто золотых корабленников...

Рано утром, во вторник февраля семнадцатого, оставив у наместников своих крепкие заставы, выехал великий князь из Новгорода к себе на Москву. Наместникам повелел он снять с башни вечевой колокол и следом за ним послать на Москву же.

Ехал Иван Васильевич медленно, так как шел за ним огромный обоз, почти из трехсот саней, груженных золотом, серебром, каменьями, дорогими сукнами, хрустальными изделиями и прочим.

Первый стан у великого князя был в Ямнах, и приехал сюда проводить его владыка Феофил с боярами, а проводного дал бочку вина да жеребца дорогого. Бояре же дарили ему проводного — по меху вина и меда. Все ели и пили у государя, и, одарив владыку и бояр, отпустил он их всех с честью.

Через семнадцать дней, в марте, на пятый день нового тысяча четыреста семьдесят восьмого года, подъезжал Иван Васильевич к Москве, миновав уже село Мячкино. Как после похода миром, так и теперь встречали по пути его везде колокольным звоном, а перед Москвой толпы народа из столицы и от всех подмосковных.

Версты за две от столицы, когда по ветру слышен уж был гул колоколов московских, примчался навстречу государю великий князь Иван Иванович со стражей своей. Обнимая и целуя отца, он восторженно крикнул ему в ухо:

— Нет уж ныне осиного гнезда!

Глаза Ивана Васильевича засияли от этого взрыва сыновней любви и преклонения пред отцом.

— Да, сынок, осиного гнезда нету, да осы остались. У каждой из них надо жало вырвать,— сказал государь, но вдруг, отмахнувшись рукой, воскликнул:— Да ну их пока к бесу! Сказывай, как бабка твоя, как девки мои малые, княгиня...

С жадностью слушал он все семейные и московские новости, и становилось ему теплей и уютней, и так он въехал в Кремль, с детства любимый.

Вскоре после приезда великого князя на Москву прибыл из Новгорода и вечевой колокол, сердце вольности новгородской, и взнесли его на звонницу Успения соборного, дабы с прочими колоколами московскими звонил он согласно.

Глава 17

УГРА

Иван Васильевич, повидавшись с матерью, инокиней Марфой, и два дня отдохнув в семье своей после возвращения из Новгорода, беседовал сегодня у себя за ранним завтраком в самом тесном кругу, только с сыном да с дьяком Курицыным.

— Примечайте ныне все с особым вниманием,— говорил государь,— что, как зачинаем мы рать, так со всех сторон вороги, словно грибы, из-под земли лезут и нас обступают.

— Верно, государь,— горячо отозвался Иван Иванович,— ты еще в Новомгороде был, когда пришла в Казань ложная весть, будто побили тобя новгородцы, будто токмо сам-четверт бежал ты от града их зело израненный...

— Обрадовались?— усмехнувшись, спросил Иван Васильевич.

— Более того,— продолжал молодой великий князь,— царь-то Ибрагим, клятву тобе нарушив, полки наспех собрав, погнал на Вятку, а в пути татары много грабили и полон великий собрали. Токмо на третий день гонцы из Казани догнали царя Ибрагима на некоем стану в поле и, на конях еще сидя, кричали: «Побил князь Иван новгородцев! На Москву ворочается со всей силой великой!»

Иван Иванович рассмеялся и продолжал:

— Повскакали в страхе татары, к коням кинулись и помчали в Казань за стены прятаться. Полон же весь и даже котлы с ествой в поле бросили.

— Собаки!— гиевно воскликнул Иван Васильевич.— Покажу им ужо! Станет им, псам поганым, небо в овчинку!..

Успокоившись, великий князь приказал Курицыну:

— Ты, Федор Василич, скажи потом воеводе Борису Матвеичу Тютчеву, дабы, ближе к обеду, был у меня. Укажу ему, когда ему с конными полками на Казань идти, дабы с судовою ратью воеводы Образца Василь Федорыча у Твери встретиться и вместе под Казань идти левым берегом Волги. Гонца днесь же пошли в Новгород, дабы Василь Федорыч плыл со своей ратью судовой к Твери же, где к началу мая ждать его Тютчев будет и все приказы мои передаст...

Подумав, государь добавил:

— Мыслю, и немцы в сне же время на псковичей напали. Пригнали псковичи ко мне за помочью. Отпустил яз с ними охочих людей из воев своих на немцев идти. Более полка набралось. Придя, ударили изгоном они на ливонцев и, встретив самого магистра, гнали его войско, многих воев порубили, много полону взяли и воротились все живы.

Иван Васильевич опять задумался.

— Видна мне в делах сих единая рука,— проговорил он вполголоса,— и не басурманская рука, а христианская...

— Истинно, государь,— живо отозвался дьяк Курицын,— христианская рука, из Рыма. А первый подручник у ней — круль Казимир, которого господа новгородская государем своим хочет, а может и греки-униаты.

— Она, рымская-то рука,— продолжал задумчиво великий князь,— перстом манит и Ганзу, а может, и свеев...

— Истинно, государь,— подтвердил опять Курицын,— тайные вести у меня есть о сем. Назарию от его немецких знакомцев ведомо, что Ганза-то заедин с рыцарями ливонскими, магистр коих Бернгард фон дер Борх против нас такую силу собрал, какой ни один магистр еще не собирал...

— Верно ли сие?— спросил Иван Васильевич.— Мог ли сие сведать Назарий?

— Его, государь, и в Дерпте и в Ревеле своим считают,— ответил Курицын,— в школе немецкой он там учился, не мыслят, что за Москву он. Разведал там Назарий-то, что Ганза за счет своей казны набрала для магистра уж много полков из немецких наемников, ландскнехты по-ихнему прозываются...

— Вот, сынок,— хрипло проговорил Иван Васильевич,— разумеешь, через кого вороги сии на Москву путь метят?

— Не владыка ли Феофил?— ответил Иван Иванович.— Бают, на тобя у него зло великое: взял ты у него и монастырей половину волостей и сел...

— Истинно, сыночек! Не богомолец он за Русь, а пособник и переветник Казимиров, как и господа, которая с ним заедин,— подтвердил Иван Васильевич.— Казимир же с Ахматом ссылается. Есть у меня мнение, что и на Москве рымские доброхоты есть, токмо кто сии, точно не ведаю. Ну, да шила в мешке не утаишь. Рано ль, поздно ль, само собя покажет...

Государь встал и протянул руку дьяку Курицыну.

— Спасибо тобе, Федор Василич,— сказал он,— вести от Назария мысли мне просветлили во многом...

Дьяк поцеловал руку великим князьям и, выходя, спросил:

— Когда быть прикажешь?

— Утре, в сии же часы.

Когда Курицын вышел, Иван Васильевич, обняв сына за плечи, молвил ему:

— Братьям своим не верю, особливо Андрею большому. Федор Василич следит за ним, но всего не узнает. Следи за ним и ты сам. У бабки бывай. Бабка тя любит. Меня боится она, а при тобе много скажет того, что при мне утаит. Разумеешь?

— Разумею, государь-батюшка,— тихо ответил сын,— яз и за чужеземцами слежу, разумею ведь и по-итальянски и понемецки.

В этом году весна ранняя: до середины еще апреля все в полях радостно зазеленело и золотится от желтых головок мать-мачехи. В лесах и перелесках красивыми лиловыми цветами усыпаны еще безлистые кусты волчьего лыка, а на лесных опушках и на светлых лесных полянах, сверкая на солнце яркими красками, цветет лиловая хохлатка, голубая перелеска, зацветает уже ярко-розовая медуница. Повсюду жужжат пчелы, порхают бабочки, а в лесах и кустах немолчно свистят, поют и чирикают певчие и непевчие птички.

Оба великих князя, обскакав на конях в сопровождении небольшой стражи разные подмосковные усадьбы, побывав и в подмосковной Марьи Ярославны, в селе Воробьеве, что на Воробьевых горах, полюбовались оттуда Москвой и вернулись в Кремль, в прежние ее хоромы, где ныне живет молодой великий князь Иван Иванович.

Дворецким остался у него Данила Константинович, сохранивший здесь свою должность и после ухода Марьи Ярославны в монастырь.

Иван Васильевич с удовольствием вступил в знакомые с детства хоромы. В ожидании обеда он сидел, как особенно ему нравилось, у отворенного окна и глядел в голубое небо, следя

за редкнми белымн облачками, медленно тающимн в лазоревой глубине.

— Иване,— тихо сказал он сыну,— более уж двух седьмиц, как яз вспомнил ходатайство твое о Назарии. Мыслю, оклеветан он ворогами, наиглавно тысяцким Максимовым, богатым вотчинником. Поверили тогда ему да князю Михайле Одоевскому, вельми скупому и жадному. Сказывали тогда бояре мои, князь Пестрый и Василий Китай, когда в Новомгороде измену выводилн, что оболгал Назарий-то владыку Феофила н тысяцкого Максимова. Сперва яз не поверил сему, велел розыск вести. Как н тобе, по душе мне был Назарий. Честен и смел, разумен вельми и начитан. Привелн к розыску и князя Одоевского и дочь его Серафиму, которую Назарий любил и сватал, и она любила его...

Вошел дворецкий, за которым слуги несли обед к столу, и остановился, не смея нарушить рассказ государя. Заметив это, Иван Васильевич сказал:

— Ну-ну, Данилушка, давай обед-то. Мы и за столом побаим, а ты нам не помеха.

Помолясь, оба государя селн за стол, прнгласив и Данилу Константнновича, а слуг отпустили.

— Они, отец и дочь, как будто подтвердили слова клеветавших на Назария. Князь Михайла говорил, что он отказал Назарию выдать за него свою дочь...

— А Серафима что?— волнуясь, спросил Иван Иванович.

— Сия вельми баская девка, грамотная даже, но без большого разума. Плакала и скорбела иа розыске о душе Назария, называя его еретиком и безбожником, обвиняя в едино время и за то, что он идет против Новагорода, н за то, что ради безбожия восстал на владыку Феофила, что бесы его на сей грех подвигнули. Далее же все молила, отпустилн бы ее в монастырь постриг принять...

Иван Васильевич задумался и долго пил вино маленькимн глотками. Взглянув же на сына, проговорил с досадой:

— Сня Серафима в конце розыска покаялась, что Назарий токмо из ревности оболгал тысяцкого Максимова и пошел против Новагорода и владыки...

— А Назарий что на розыске сказывал?

— Прямо и честно сказал: «Я за вольную Русь под рукой государя московского, токмо не хочу я гибели вольности новгородской. Заедин я с житьими и черными людьми, токмо против господы и владыки Феофила». Видел яз ярость бояр новгородских и зло своих бояр московских против Назарья. Хотели они казни его смертной, но яз велел заключить его в церковную подземную темницу до времени.

Иван Васильевич опять задумался, но вскоре сказал сыну:

— Баилн мне, что, когда стали руки в оковы ковать Назарию, заплакал он н воскликнул: «Сне — перстни венчальные, которые ты подарила мне, Серафима!»

— Государь-батюшка,— дрогнувшим голосом попросил Иван Ивановнч,— отпусти Назарию вину его, ежели она есть. Яз верю, что он Москве служил для Руси, безо всякой корыстн...

Иван Васильевич улыбнулся.

— С тем, Иване,— ответил он сыну,— яз н послал гонца в Новгород, к Федору Давыдычу, дабы оковы с него снялн н, ежелн здрав, на Москву ко мне привезлн, яко безвнного. Дни три жду все гонца обратно...

Постучав, вошел начальник стражи н доложил:

— Гонец твой, государь, воротился. Пущать?

— Пусти.

Вошел Трофим Гаврилович Леваш-Некрасов.

— Будь здрав, государь,— сказал он, низко кланяясь,— наместник твой князь Пестрый повестует: «Живн много лет, государь. Прости, что на два дня запоздал с ответом тобе. Назария нз подземелья у церквн святого Николы, во нсполнение воли твоей, приказал в тот же час вынять и расковать. Но люди нашли его мертвым. Старый же слуга, именем Кузьма, который ему пищу и питье носил, сказывал, что накануне сего жив был и здрав, нбо крепок телом и духом. Может, сам на собя руку наложил, может отравлен был. Слуга сказывает, милостыню Назарню многие носили пирогами, мясом и медом. Может, кто и яду положил. Два дни потом слуга возил тело Назария по монастырям, прося похоронить, но нигде его не принималн. Приняли токмо в девичьем Рождественском монастыре, где Серафима Одоевская постриглась. В сем монастыре Серафима, пав к ногам игуменьн Милитины с плачем великим, упросила ее похоронить Назария в церквн у святых врат».

Отпустнв вестника домой, Иван Васильевич, видя огорченне сына, хотел отвлечь его от горьких мыслей и спросил дворецкого:

— А есть ли еще в саду у нас, Данилушка, те часы самозвонные, которые нам Илейка показывал?

— Нетути, государь,— с грустной усмешкой ответил Данила Константинович.— Ишь какую старину вспомнил. Перержавело, сгнило все в них. Яма одна там, вся крапивой да лопухом поросла...

В конце мая пришел обоз нз Новгорода с немецким железом кровельным, посланным наместником князем Стригой-Оболенским по приказу государеву. Сообщал князь Стрига, что и кро-

вельщиков хороших нашел среди новгородских черных людей,— отменные крыши кроют, лучше даже, чем мастера немецкие...

— Как понадобится государю,— велел он обозным сказать,— так немедля отпущу на Москву.

Доволен был Иван Васильевич, особливо же Иван Иванович, не менее отца полюбивший зодчество, поняв многое из бесед с маэстро Альберти.

— Храм-то,— говорил он отцу с восхищением,— вельми чуден величеством и высотою, светлостью и звонностью, всякое слово звенит в нем, яко в трубу, и во всех концах слышно!

— Истинно,— соглашался Иван Васильевич,— наихитр и велик наш маэстро Альберти во всяком строительстве и рукомесле.

Отдыхая от походов и трудов государственных, Иван Васильевич увлекался зодчеством, росписью стен и хором, живописью на кипарисовых досках, всяким литьем — от пушечного до златокузнечного. Число мастеров разных вокруг него увеличивалось, и был даже в Новгороде печатник Федор из духовного звания. Федор этот книги церковные не списывал, а резцом на гладких досках деревянных, букву за буквой, слово за словом, по целой странице вырезывал. Потом резьбу эту крыл черной краской, а где нужно, красной и зеленой, и весьма искусно и красиво на бумагу переводил. Митрополит Геронтий сего не порицал. Среди же иереев и архиереев были такие, что волшебством это искусство считали, но, боясь государя и митрополита, только шептались меж собой со злобой:

— Таких кудесников заодно с ведьмами на кострах сожигать надлежит!..

Узнав об этом, государь выдал Федору охранную грамоту со своей подписью и золотой печатью, и печатник уехал из Москвы.

В то же время прибыл на Москву гонец от воевод Тютчева и Образца, что они соединили полки свои там, где им было указано государем, а ныне, идя левым берегом Волги, Казань уже видят.

Дня через три после вести этой прибыл из Новгорода хорошо известный государю боярский сын Леваш-Некрасов из подмосковных дворян.

— Будьте здравы на многие лета, государь,— приветствовал он обоих великих князей, и по голосу его Иван Васильевич угадал, что весть неприятная.

— Худо в Новомгороде?— спросил он тревожно.

— В Новомгороде, государь, до тех пор худо будет, как баит твой наместник Китай, пока там Феофил и пока есть хвосты от господы...

— Какие же вести?

— Повестует тобе наместник твой Китай: «Будь здрав, ве-

ликий государь, на многие лета! Скорбная весть тобе. Слуга твой верный, воевода знаменитый и наместник твой в Новомгороде князь Иван Василич Стрига ночесь преставился, во гроб уже положен. Назавтрие же, после панахиды, по завещанию отпускаю гроб его со стражей ко граду старому Суждалю, где положат князь Ивана у Спаса в Ефимьевом монастыре...

Иван Васильевич опечалился сильно, встал и, перекрестясь, молвил:

— Царство тобе небесное, верный слуга Руси православной! Упокой, господи, душу его...

Все безмолвно крестились вместе с великим князем. Мелькнуло на миг в мыслях Ивана Васильевича далекое прошлое. Суздаль, в котором был он в детстве, еще с владыкой Ионой. Вспомнил он и князя Ивана Оболенского, одержавшего немало больших и трудных побед и на службе у великого князя Василия Василича и у него самого...

Стряхнув воспоминания, Иван Васильевич обратился к вестнику:

— Ну, а ты как, Трофим Гаврилыч?

— Отпустил меня наместник твой в подмосковное мое село по хозяйству управиться.

— Ну-ну, помогай тобе бог. Иди.

Когда вестник вышел, Иван Васильевич сказал сыну:

— Бабка твоя мне некогда молвила: «Время-то летит, яко птица». Вот и яз сии слова днесь вспомнил...

Он глубоко вздохнул и, вдруг печально улыбнувшись, сказал:

— Поедем, сынок, к бабке твоей в монастырь. Баил кто-то мне, прислали ей вельми добрый список с иконы Вознесения, Дионисьева письма...

Старая государыня, инокиня Марфа, встретила сына и внука очень приветливо, но им обоим было все еще непривычно и странно видеть ее в монастырской келье и в черной монашеской одежде. Лицо бабки, выглядывавшее из черной повязки, казалось бледнее и строже, но большие темные глаза в густых черных ресницах светились лаской, а полные губы чуть-чуть улыбались.

В келье ее было светло, как-то по-особому, не по-светски все прибрано, все уютно и опрятно. Чуть пахло ладаном и восковыми свечами. Перед кивотом теплились лампады.

Она благословила сына и внука и, когда они целовали ей руку, поцеловала того и другого в лоб.

— Ну, садитесь, гости дорогие,— сказала она и, вдруг улыб-

нувшись, спросила внука, словно маленького:— А ты, Ванюшенька, взвара имбирного...

Она махнула рукой и тихо рассмеялась. Рассмеялись и великие князья.

— Матушка,— проговорил весело Иван Васильевич,— был да прошел наш Ванюшенька маленький, усы уж ныне у него и борода пробиваться стали. Теперь он — Иван Иваныч, князь великий...

Инокиня Марфа вздохнула.

— Эх, Иване,— сказала она,— и ты сам-то иной раз мне не государем, а токмо сынком моим видишься. А вот скажи, ты ведь в писании икон добре разумеешь? Подарили мне Ряполовские икону Вознесения господня, письма некоего Дионисья. Баили, вровень с Рублевым Андреем стоит он. Яз же в сем мало разумею...

— Ведаю яз сего мастера. Сыновья его ныне в Москве трудятся, стены Успения расписывают. Токмо и сам яз не совсем еще уразумел, в чем сила письма его, которая сердце и печалит и радует...

— А яз и ризу-то с иконы не сымала. Ряполовские сказывали, что сие малый список, который Дионисий изделал со своей же большой иконы. Вон там, погляди слева на верхней полке, в кивоте стоит...

Иван Васильевич подошел к кивоту и оглянулся на мать.

— Ничего, сынок, сымай, не свячена она еще.

Великий князь снял икону, но рассмотреть живопись было нельзя: серебряная риза закрывала ее, и только чеканом и резьбой обозначала тело Христа, возносящегося в небо, и вершину горы, на которой были апостолы и богоматерь, а из живописи видны были в прорези серебра лишь лица, кисти рук да ступни ног.

Иван Васильевич сделал движение, чтобы снять ризу, но остановился и опять взглянул на мать.

— Сымай, сынок, сымай,— молвила Марья Ярославна,— не прибита риза-то.

Иван Васильевич замер от волнения, когда грубая серебряная кора отпала от иконы, открыв нежную игру красок. Он увидел апостолов, смотрящих вверх на летящего в воздухе Христа. Все положения людей, повороты их тел и голов как-то согласовались с уступами и наклонами горных скал. Но не это волновало великого князя,— его влекло к лицам, обращенным к Христу. Каждое по-своему выражало разлуку навек с учителем, но не чувства учеников волновали Ивана Васильевича, а что-то еще другое, чего он не мог еще осмыслить...

Вдруг внутри его все затрепетало. Справа, поодаль от других, стоит богоматерь. Она глядит вслед возносящемуся сыну. На

лице ее оживают глаза, знакомые так, дорогие ему глаза Дарьюшки — прощальный ее взгляд в предсмертной разлуке...

— Встретимся в жизни вечной,— звучат ему ясно слова Дарьюшки,— узнаем там друг друга...

Вот и в этих глазах видит он любовь и светлую печаль, а сквозь них — сияющую радость веры в скорое свидание...

«Понял все сие Дионисий»,— подумал Иван Васильевич и добавил вслух.— Умеет сей живописец приметить все горести и радости в чистоте их душевной...

В конце мая, когда яровой посев кончился, собрались под стенами Казани многочисленные полки московские: конные сушей, а по воде в лодках — пешие с пушками и прочим снаряжением для осады и приступа.

Воеводы Василий Федорыч Образец и Борис Матвеевич Тютчев спокойно, без помех всяких, дошли до самой Казани, нигде татарского войска не встретив: не смели татары на русских идти, в Казани все затворились, надеялись там отсидеться в осаде.

— Ишь стервецы поганы,— говорил воевода Образец,— блудливы, яко кошки, трусливы, яко зайцы...

— Верно, Василь Федорыч,— подтверждал Тютчев,— такая уж ухватка татарская: плохо лежит — хватает, палку поднял — бежит...

Обложили Казань воеводы, посады разграбили, посекли саблями татар не мало, а более того в полон захватили. Хоромы же, избы и службы все на дым пустили. Разослали гонцов по всем порубежным русским волостям — «охочих людей» на татар подымать, земли казанские воевать и грабить. Словно по ветру, вести об этом полетели, дошли не только до Вятки, но и до Устюга.

Поднялись устюжане и вятчане и, собрав конные «охочие» отряды, погнали к берегам Камы. Нежданно-негаданно налетали на богатые татарские деревни и села, грабили, жгли, уводили в полон, мстя татарам за набеги. Вести о разорении таком проникали в Казань через лазутчиков, выходивших из города тайными подземными ходами, и сеяли среди осажденных тревогу и страх.

Воеводы же московские все тесней и тесней окружали столицу татарскую. День и ночь готовились к приступу: строили подвижные щиты от стрел для пеших воинов, осадные башни с могучими таранами, подвозили пушки ближе к стенам и воротам. Стрельба же татар из пушек и пищалей по этим сооружениям мало наносила вреда и не мешала подготовке к приступу. Делать же вылазки казанцы не смели...

Приготовив все, как нужно, к приступу, русские полки ближе к обеду, когда на всех мечетях звонко закричали азанчи, призывая к полдневной молитве, быстро бросились к стенам Казани. Одни воины, прикрываясь подвижными щитами, тащили за собой стенные лестницы, другие катили стенобитные башни, третьи наряжали пушки, чтобы по граду и стенам его бить...

Но, прежде чем татары заметили наступающих, налетела вдруг страшная буря. Тучи пыли потемнили сразу дневной свет. Ветер загудел с неистовой силой, повалил все башни осадные и щиты, а в самой Казани он рвал и срывал целиком крыши с домов. Вслед за тучами пыли ураган пригнал черные грозовые тучи, хлеставшие дождем и градом, блиставшие непрерывно огнем молний и оглушительно грохотавших...

Воеводы остановили приступ, и часть конных воинов погнали к берегу Волги оттаскивать лодки судовых отрядов дальше от воды в береговые кусты, куда не доплескивались огромные волны забушевавшей реки. В это время, после нескольких особенно сильных ударов молний, над Казанью заметался черный дым в багровых отсветах.

Только к концу дня стихла буря, и русские всю короткую летнюю ночь приводили в порядок свой разметанный стан, а на поле битвы собирали подвижные щиты и вновь ставили башни, повергнутые бурей.

Татары же всю ночь тушили пожары во граде Казанском и рано утром, после первой молитвы, когда лучи солнца озолотили в небе тихие, спокойные облака, выслали на стены трубачей, призывавших к переговорам.

К стене подъехали русские воеводы. К ним вышел на стену сам сеид, окруженный карачиями, биками и мурзами. Сеид, как глава казанского духовенства, сказал через толмача от имени царя Ибрагима, взяв себя за бороду:

— Так говорит царь Ибрагим царю Ивану, отцу и государю своему: «Да слышит аллах истину слов моих — согрешил яз пред государем своим и ныне челом бью: пожалуй, нелюбье сложи. Яз же на всю волю твою предаюсь, твори со мной, яко аллах тобе в сердце положит...»

Начались переговоры об условиях и порядке сдачи Казани, а в середине июня в Москве, в передней великого князя Ивана Васильевича, лежали ниц пред его троном карачии, мурзы и бики и, приветствуя его от имени царя Ибрагима казанского, молили о прощении и пощаде.

После полного смиренья казанского царя зарубежные враги затаились и тоже, казалось, притихли, но Иван Васильевич этому

не верил. Тайные вести, которые приходили из разных стран через доброхотов московских, разоблачали миролюбие врагов, служившее только прикрытием заговоров и подготовки Казимира и немцев для нападения на Русь в союзе с Ахматом, при поддержке Новгорода, удельных и живущих в Москве сторонников римского папы.

— Казимир,— говорил Иван Васильевич дьяку Курицыну,— главный ворог наш. У Казимира же главный ворог, мыслю, Матвей Корвин угорский, который сына его Владислава, ныне круля чешского, победил. Ты бы, Федор Василич, о сем подумал. Как бы нам бы дружбы с Матвеем поискать...

— Истинно, государь,— ответил Курицын,— яз начал ссылаться, хоша и не с крулем, а с некоими при дворе его. Есть у меня из дворян его Мартын, доброхотом он нам стал. Яз же с угорскими купцами беседы веду, учусь по-угорски и уже разуметь начинаю...

— Учись, учись, Федор Василич,— весело молвил государь,— может, яз тя и в Угорскую землю пошлю. Каков язык-то у них?

— Язык-то, государь, у них, как у наших камских булгар: добре разумеют они друг друга без толмачей. Угорские-то купцы на Каму ездят, а булгары наши — к ним на Дунай...

— Добре, добре,— заметил Иван Васильевич,— Казимир нас меж двух огней поставить хочет, а может, мы его сами с двух сторон жечь будем. Токмо бы нам у собя все на Руси укрепить...

Как будто затихло все вокруг рубежей русских, и московская земля в тишине и покое. Все лето и зиму было мирно за грозной мощью государевой, как за стеной каменной.

Сам же государь Иван Васильевич жил в трудах и волнениях, неусыпно следя за удельными, за Великим Новгородом, за немцами и Казимиром, за татарами. Были отовсюду вести худые, да еще огорчила великих князей кончина второго их наместника новгородского, славного воеводы князя Федора Давыдовича Пестрого.

Чаще и чаще думал тайные думы Иван Васильевич, в хоромах своих затворясь сам-четверт с сыном своим и двумя дьяками: Федором Васильевичем Курицыным и Василием Далматовым, который заменил ныне совсем состарившегося дьяка Бородатого. Государь старался за это время укрепить союз свой с ханом крымским Менглы-Гиреем, снова занявшим свой престол. Получив известие об этом от самого Менглы-Гирея, немедля послал государь ему свои поздравления. Курицыну же повелел принять все меры, дабы как можно скорей добиться клятвенной грамоты

хана крымского, что он нападет на короля Казимира, когда укажет ему Москва...

Но ближе к весне Иван Васильевнч стал все чаще совещаться с воеводами.

— Чую,— сказал он как-то сыну с глазу на глаз,— подымаются братья. Ты от бабкн ничего не слыхал?

— Приметил недавно яз,— смущенно проговорил Иван Иванович,— когда застал у нее дядю, князя Борнса Васильича. Он говорил о чем-то, а она бровями сделала знак н на меня указала взглядом. Горько мне стало, словно яз ей ворог какой...

Иван Васильевич нахмурил брови.

— Разумею,— произнес он сурово,— Борнс-то посол от Андрея большого. Он у старшего на поводу...

Иван Васильевич оборвал речь н задумался.

— Помнншь, Ванюшенька, баил яз тобе,— заговорил он снова,— все против нас и все помочн ждут: братья — от Новагорода н Казимнра, Новгород — от Казимира же да от Ганзы и немцев ливонских, а Казимир и немцы — от Ахмата...

— Помню, государь-батюшка!— воскликнул Иван Иванович.— Нам же помочь токмо от бога да от самнх собя, как ты сказывал. А для сей помочн главная опора — ты сам, государь-батюшка, с постоянным храбрым войском нашнм н со своими славнымн воеводами.

— Верно, сынок!— усмехнулся Иван Васильевич.— Менглы-Гирей-то не в счет. Крымцы не борзые, а токмо выжловки: гонят зверя, но не берут. Главное-то — постоянное войско наше!

Глаза великого князя засверкали гордой радостью.

— Постоянное же войско-то наше,— продолжал он с увлечением,— яз же семнадцать лет выращивал, лучших воевод подбирая. С Юрьем же мы и с воеводами вместе воев службе ратной училн, все военные хитрости им мы толковали и строгостью привелн их к послушанню ратному и к вере в воевод своих! Нигде такого войска нет. Ништо оно дуром не хватает, а все разумея деет,— ведает, что н зачем деет! А посему храбро и твердо в боях, никакого числа ворогов не боится!.. Твердо говорю: бог не выдаст, свинья не съест!

Иван Иванович с горящими глазами следил за словами и движениями отца и восторженно повторял вполголоса:

— Истннно так, нстинно так...

— А главное,— продолжал Иван Васильевич,— ведает войско наше, и народ наш ведает, что на смерть ндут не из суетной корысти князей, не для суетной славы их, а за Русь святую, за весь народ православный...

Долго потом ходил Иван Васильевич вдоль покоя своего. Он

был взволнован, и руки его слегка дрожали. Остановившись против сына, он положил ему руки на плечо.

— Пойми, сынок,— заговорил он глухо,— каково мне! Боюсь яз одного, о чем никому не сказывал, да и опричь тобя никому не скажу. Боюсь яз одним шагом неверным погубить все, что для Руси великой содеял и ныне творю с трудом и мукой...

— Разумею яз все, государь-батюшка, верю во все дела твои,— тихо сказал Иван Иванович, поцеловав руку отца.— Клянусь пред богом, буду служить Руси так же, как и ты.

С наступлением весны пошли в народе тайные вести, одна тревожней другой, из-за всех рубежей московской земли и из степей появились слухи, что Ахмат на Русь собирается.

Видимо, обо всем, что за рубежами готовится, ведали и Новгород и братья государевы и тоже готовили втайне измену великому князю и отечеству. Сманили братья Андрей большой и Борис некоторых из служилых людей великокняжеских, что стали доброхотами их: одни вести им передавали, другие учиняли поборы незаконные, казну их пополняли, себя не забывая, подобно князю Ивану Оболенскому-Лыко, наместнику государя в Луках Великих.

Велел Иван Васильевич дьяку Курицыну за всеми делами этими установить наблюдение неусыпное, а сам все с воеводами думал о том, откуда враги и как идти могут, какая оборона от них выгодней для Москвы.

— Нам, воеводы,— говорил Иван Васильевич, стоя пред картой с чертежами московских рубежей,— с главным боем спешить не надобно. Нам токмо никак не пущать Ахмата через Оку переходить. Надо нам татар все время от берега отбивать и вдоль Оки манить к Угре-реке. Пусть лучше там они с Казимиром соединятся, чем в тылу нам у собя татарские полчища оставлять, а спереди лицом к лицу встретиться с такими же полчищами Казимира да и с правой руки сдерживать полчища магистра Борха и наемников Ганзы. Наихудо, воеводы, сами ведаете, ежели нам в боях придется от передовых полков кидаться в тыл, а от тыла отрывать полки, то для левой, то для правой руки. Не будет нигде опоры у нашего войска, а у воев будет токмо тревога и страх — не обошли бы нас вороги с одной аль с другой стороны. На спину Казимира в первые же дни полки посажу яз Менглы-Гирея крымского, а когда Ахмат до Угры дойдет, мы и его оглянуться заставим. Пошлем по Волге в Сарай служилых царевичей татарских, подговорим разных степных уланов. В дружбе мы с Иваном,

хаиом иогайским, который во вражде с Ахматом. Ну, не будем вперед загадывать. Главиое же — ие допускать того, дабы нам меж двух огней быть...

Далее говорил великий князь и совещался с воеводами о размещеиии воевод и полков для обороны берегов Оки, чтобы иа Москву пути ие открыть татарам.

— Ныие же, не откладывая,— приказал Иваи Васильевич,— сиарядить вам, воеводы, полки свои всем, что надобно для походов и долгой войны. За сие, воеводы, головой ответите...

Наряду с военными совещаниями, думал государь думу и с дьяками, изучая все тайные вести из-за рубежей, чтобы хорошо зиать отношеиия иноземных государей друг с другом и с Москвой.

Дни и иочи был занят Иваи Васильевич, забывая и в семье своей побывать, и вдруг узнал, что сегодня, двадцать пятого марта, рожает княгиня его Софья Фоминична. Когда после долгой думы с дьяками шел ои сегодня в трапезную свою к ужину, ему об этом доложили.

Иван Васильевич, после пострижения старой государыни, почти каждый день приглашал сына к себе обедать. Узиав за столом подробией о роженице у боярыни, присланной к иему с вестью от великой княгини, государь ответил:

— Да поможет бог государыне. Верю яз в милость божию, и, когда господь разрешит ее от бремени,— извести. Приду к молебиой. Да уведомь о сем преосвящениого Вассиаиа,— просит-де великий князь о здравии великой княгини помолиться.

Почему-то после этого сообщеиия отец и сыи оба задумались и ии о чем ие говорили. Ели и пили молча, обмениваясь только одним-двумя словами. Когда поужинали и, встав из-за стола, стали креститься, поспешно вошла та же боярыня и, кланяясь, весело сказала:

— Поздравляю тя, государь с сыном! Государыня его по деду Васильем иазвать...

— Добре, добре, спасибо,— ответил государь,— сей часец к молебиой придем в крестовую...

Он взглянул иа сына, тот ответил ему невеселой улыбкой и, когда боярыня вышла, сказал тихо:

— Василеус — по-гречески обозначает: «царь»...

Лицо Ивана Васильевича омрачилось печалью.

— Все, сынок, в руках божиих. Ты же князь великий и прямой мне иаследник.

— Верио сие, государь,— молвил Иван Иванович.— но мы не

единоутробные братья. Живот и смерть наши не токмо в руках божиих, но и в руках человечьих...

Иван Васильевич посмотрел на сына, и нехорошо на душе его стало. Он вздохнул и сказал ласково:

— Идем, сынок, к молебной. И не будем до времени искушать волю божью.

В хоромах Софьи Фоминичны Иван Иванович бывал весьма редко, всего раз пять за все годы с самого ее приезда. Все здесь у мачехи было чуждо ему и неприятно. Казалось, будто зло и опасность для него таятся здесь по всем углам. Более же всего не любил он глаза мачехи: они казались ему хищными пауками, жадно следившими за ним из густой паутины ресниц...

Кругом говорили только по-гречески и по-итальянски.

— Не русское все здесь, не наше,— шепнул он при входе отцу на ухо,— не от Москвы все, а от папы...

Слова эти поразили Ивана Васильевича. На миг мелькнула жизнь его с княгиней Марьей, потом Дарьюшка, отец, мать, Илейка, владыка Иона, Васюк, Ермилка-пушкарь, народ весь. Все это будто молнией блеснуло в его мыслях. И показалось ему, что ошибся он, привезя на Русь кусок чужой земли с чужими людьми, которым на Руси ничто, кроме себя, не дорого...

Но пересилил себя государь и, подойдя к великой княгине, поздравил ее. Потом взглянул равнодушно на новорожденного и, поцеловав супругу, пошел в крестовую, где уже стоял в облачении духовник его, архиепископ Вассиан, ожидавший только государя, чтобы начать молебен.

В середине лета, июля четвертого, когда овес уж в кафтан рядиться начинает, пришли вести плохие из Лук Великих.

Прибыли к государю жалобщики челом бить на наместника государева князя Ивана Оболенского-Лыко: грабит-де народ немилосердно и обижает людей всякого звания.

— Озорничает твой наместник, государь,— жаловались луцкие жители,— своевольничает, отымает товары у купцов, у смердов скот, хлеб, масло, кур и гусей, и прочее сверх пошлины государевой. Ежели разведает, что серебро у кого есть, и то возьмет, яко разбойник. Обижает всех по-всякому, особливо, когда он упившись.

Выслушав все жалобы на обиды наместника, о которых он ведал и ранее, Иван Васильевич сурово сказал:

— Дам яз вам дьяка своего, который подсчитает все ваши убытки от наместника, а князю Ивану прикажу серебряным

рублем за все заплатить. Токмо ежели кто солжет н покажет убытку больше, чем потерпел,— втрое с жалобщика повелю взять. Идите.

Жалобщики замялись н, видимо, что-то хотелн сказать.

— Что еще?— спросил великнй князь.— Сказывайте.

— Наместннк твой отъехал со всем семейством, а куда, не ведомо нам.

— Найдем его,— усмехнувшнсь, заметил Иван Васильевич,— на небо не улетит, сквозь землю не провалнтся...

Когда жалобщики ушли, Иван Васильевич спросил Курнцына:

— Сне тобой проверено?

— Проверено, государь,— ответил Курицын,— подьячий наш Хрисанф, который у наместника по пнсьменной частн был, о многом сведал, сам князь-то Иван Лыко нн читать, ни писать не умеет...

— Что же сей Хрнсаиф сведал?

— Хрнсанф баил, что ссылается князь Лыко с Новым городом, который близко от Лук Великих, а н чаще с самим королем Казимиром. Сказывал Хрнсанф, что н князь Борнс Василич через князя Ивана с Новымгородом ссылался н с крулем Казнмиром...

Иван Васильевич вскочил с места н крикнул:

— А ежелн лжет он? Где сей подьячий?

— У Саввушки он, государь, с моим человеком.

Иван Васильевнч сверкнул глазамн на стремянного своего н молвил:

— Приведн подьячего!

Саввушка вышел, а Иван Васильевич сказал сыну:

— Видишь, Иване, куда дядн твон родные зашли?

Молодой великий князь был бледен и ничего не ответил отцу, а только судорожно вздохнул.

Государь в волнеиии стал ходить из угла в угол.

Подьячий робко вошел в покой н, увидя взгляд государя, задрожал от страха.

— Пошто ты лжу про князь Борнса Василича сказываешь?— резко спросил его государь.

Подьячий упал на колени.

— Богом клянусь, государь,— прерывающимся голосом заговорил он,— руку даю на отсечеиие...

— Помни,— перебил его Иван Васильевич,— не токмо руку, и обе за ложь отсечь велю, а потом н главу твою...

Государь метиул на него грозный взгляд н спросил:

— Пошто до сих пор молчал?

— Не разумел зла, государь, до сего времеии,— ответил подьячнй.— Грамотки нх, которые читал н которые в ответ

писал, невразумительны были: прямо там ни о чем не говорилось, заковыки все разные. В последнее же время грамотки за рубеж пошли, не от тобя, государь, а от князя Бориса Василича. Устрашился яз и Федор Василичу обо всем довел...

— Добре,— тихо молвил великий князь, сдержав гнев свой.— Ты, Федор Василич, оставь его при собе. А ты, Хрисанф, встань. Пойдешь к стремянному моему, Саввушке...

Когда Хрисанф, встав с колен, пошел за Саввушкой, государь окликнул его:

— А кому в Новгород грамотки посылали?

— Тысяцкому Василью Максимову...

— Назария сей погубил, оболгал его перед покойным Федором Пестрым. Прав ты был, сынок, что за Назария печаловался. А еще кому?..

— Владыке Феофилу.

Великий князь побледнел и тихо молвил:

— Ну, иди.

Обернувшись к дьяку Курицыну, государь повелел:

— Прикажи немедля искать князя Ивана Оболенского-Лыко, поимать и в оковах на Москву привезти...

Князя Ивана Оболенского-Лыко нашли в Волоке Ламском у князя Бориса Васильевича, куда он бежал, боясь, что откроется его измена государю.

Князь же Борис Васильевич не выдал князя Лыко старшему брату, ссылаясь на древнее право бояр московских переходить от великого князя на службу к удельным.

— Князя Ивана не выдам,— ответил он старшему брату,— а ежели виноват он, пришли бояр своих, нарядим вместе суд над ним...

Иван Васильевич не ответил Борису Васильевичу, а, призвав приехавшего в Москву своего наместника из Боровска, повелел ему:

— Тайно поймай князя Лыко борзо, где бы то ни было! О оковах привези на Москву и дай за приставы. Меня же о сем уведоми немедля...

Через неделю князь Иван Оболенский-Лыко был уже в тесном заключении, в подземной темнице.

Взбешенный от обиды и бессильного гнева, князь Борис Васильевич написал брату Андрею большому, князю углицкому, жалуясь на своеволство беззаконное великого князя, попирающего древние уставы. «Долго ли нам зло от него терпеть,— писал он,— нас, родных братьев своих, презирает и бесчествует, яко последних слуг своих. Не дал он нам должного ни из удела

покойного князь Юрья, ни из волостей новгородских! А захватил он немало земель и животов с нашими вместе полками, мы же ему честно пособляли во всех ратях. Он же, яко волк злобный, токмо на нас зубами щелкает. Токмо собе хватает с жадностью великой. Нет моей могуты более под его рукой жить! пора приходит и нам из московской земли в другое место податься...»

Андрей большой отвечал брату: «Рад яз ныне, что и ты в разум пришел. Яз же давно не могу терпеть высокоумия его. Надобно нам тайно на совет съехаться. Подумаем, как нам наидобре перейти к друзьям нашим, а ранее того полки свои собрать и стоять у рубежей чужеземных, дабы лучше укрыться от злобы его...»

Иван Васильевич не знал ничего об этих письмах, но понимал, что братья его хорошо знают о грозе, которая идет на Русь из-за рубежа ее.

— Ведают гниды сии,— говорил он сыну,— замыслы ворогов наших, а может, и сами на нас зовут, помочь им свою обещают...

Снова созывать он стал на тайную думу сына и двух дьяков: Курицына и Далматова, а из воевод — князей Семена Ряполовского да Ивана Юрьевича Патрикеева, брата своего двоюродного.

Все четверо, бывающие на тайных думах у государей, знали хорошо его план войны при иноземном нашествии, при нападении литовцев, немцев и татар сразу. Все они верили в государеву хитрость военную, которая не раз, как они сами видели, к великим победам приводила, с большим ущербом врагу и почти без всякого ущерба для своего войска... Посему, видя волнение государя, понимали, что страшит его.

— Всякому государству,— говорил он, как всегда разглядывая карту Руси со всеми ее рубежами,— дабы бить ворогов по краям, на рубежах своих, надобно середине государства быть цельной и крепкой, яко железо. У нас же зловредная ржа крепость железную переесть хочет! Разумеете, про что сказываю?

— Разумеем, государь, разумеем,— отвечали все.

— Ржа сия,— продолжал он,— Новгород да удельные, и ржу сию яз сам своеручно сотру. Вборзе пойду яз к Новугороду «миром» при малом войске. Вы же здесь с великим князем Иван Иванычем, которого оставлю на Москве собя вместо, наряжайте все полки наши так, дабы наготове стояли и могли бы, как надобно будет, занимать все броды и переправы по берегам Оки. Мне же в тыл пришлите отборные полки для осады и приступов, особливо добрых пушкарей с маэстро Альберти, и с самыми большими пушками ломовыми, которые сей мастер отлил нам. Подробней же о всех делах будем много раз еще думать, ибо будем ждать конца лета,— видней тогда станут нам татарские умыслы...

Такие напряженные дни, когда думы с воеводами сменялись тайными думами с дьяками, были и весь июль и весь август. Готовясь к борьбе не на живот, а на смерть, Иван Васильевич отдыхал только тогда, когда вместе с сыном своим и маэстро Альберти бывал на строительстве храма Успения богородицы.

В начале августа прибыли из вотчины государевой, Великого Новгорода, отменные русские мастера, чтобы крыть крышу новой церкви. Сначала они покрыли весь верх весьма добротно деревом, а по дереву — железом немецким. И когда снаружи храма все было сделано и храм, блистая крестами золочеными, стал пред очами великого князя во всей дивной красоте своей, обрадовался Иван Васильевич и в радости великой позвал с собой и митрополита Геронтия оглядеть Успение. Владыка не менее восхищен был храмом и стал почти каждый день ходить вместе с обоими государями в новую церковь, где маэстро Альберти еще украшал царские и боковые врата перед алтарем и клиросом резьбой и позолотой, а живописцы уже заканчивали роспись на стенах.

Августа одиннадцатого думали уже новый собор освятить, чтобы в день Успения, на пятнадцатое число того же месяца, отслужить в нем торжественную обедню. Но с уборкой лесов и с перенесением мощей и гробниц митрополитов московских из старой церкви задержались и освятили собор Успенский двенадцатого августа.

На другой же день после праздника Успения пришли из Новгорода тайные тревожные вести от государевых наместников новгородских и от доброхотов московских о том, что в Новгороде снова готов вспыхнуть мятеж, а немцы ливонские с магистром своим Борхом подымаются на Псков.

Государь немедля созвал общую тайную думу из воевод и дьяков. На этом заседании, длившемся от обеда до ужина, пересмотрены были карты всех мест у рубежей, дорог и рек, со всеми их особенностями — бродами, болотами и городцами с заставами. Даны были приказы всем наместникам и болярцам[1] разных городов корма запасать для полков к их походу — и коням и людям. Установлены сроки всех передвижений войск и сроки выполнения всех военных подготовок. Намечено было, каким, где и когда городам в осаду садиться...

В начале этой необычной думы все были растеряны и взволнованы, только сам государь казался совсем спокойным, даже более спокойным, чем раньше, но был суровей и резче.

По мере того как Иван Васильевич давал ясные и краткие

---

[1] *Болярцы* — провинциальные чиновники, ведающие снабжением войск во время войны (интенданты).

приказы, собраиие успокаивалось, будто из неверных зыбей морских выходили все иа твердую землю.

— Все же яз мыслю,— закоичил государь,— что ныне, в конце лета, Ахмат иа нас не пойдет. Казимир же, у которого распря и вражда с угорским королем Матвеем Корвиным, воевать с иами без Ахмата ие посмеет, да и Менглы-Гирея боится. Токмо иемцы одни, ливоиские и ганзейские, могут иа Псков иапасть. Посему яз хочу все корни воровства иовгородского вырвать, пока сразу сему помочи дать иикто ие может. Выбив сие звеио из цепи погаиой, разорвем мы и всю цепь ворогов иаших...

В Димитров день, октября двадцать шестого, ие опасаясь более иашествия Ахматова в этом году, Иван Васильевич сиова выступил в Новгород, взяв с собой только тысячу отборных коииков, дворецкого Русалку, дьяка Василия Далматова, стражу свою и личных слуг.

Дня же за три до этого он послал гонцов иаместиику Василию Иваиовичу Китаю, дабы повестил владыку Феофила и весь Новгород, что идет великий князь к ним «миром». В деиь же выступлеиия своего долго беседовал ои за раииим завтраком с сыном, Иваиом Иваиовичем, с глазу иа глаз.

— Заставы расставлены?— спросил Иван Васильевич.

— Расставлеиы, государь-батюшка, по всем путям к Новугороду. Никого ие пропустят.

— Сымают же заставы пусть передовые главиого войска, а жителям бают, что Пскову на помочь идут, против иемцев.

— Помню яз, государь-батюшка, все иаказы твои. Все у меия записаио так, как на тайиой думе ты сказывал. Ведаю яз, каким воеводам, с какими полками идти и в каком порядке. Воеводы у собя иа ратиых чертежах пометили, какими путями идти им. Маэстро Альберти с двумя толмачами поедет и ломовые пушки с пушкарями повезет. Токмо, когда собирать и слать к тобе полки, ты ие сказывал...

— Прикажи воеводам диесь же. Пусть идут следом за мной, иа третий день после отхода моего из Москвы. Идти же им, как указано, дабы иастичь меня в день моего прихода к Новугороду близ его, у яма Бронницкого.

Государь встал из-за стола, благословил сыиа и поцеловал.

— Следи, сыиок, за братией моей. В случае чего, тайно от всех пошли ко мне Трофим Гаврилыча. Сей для самых тайиых вестей. Прочих же вестников шли чаще, через день, а будут вести — и всяк день...

Когда князь великий Иван Васильевич прнбыл в Сытнно, что в тридцатн верстах от Новгорода, его ннкто не встречал там, н даже наместники его к нему не приехалн. Это удивило государя н встревожило. Хотел он уже слать разведчиков к Новгороду, чтобы узнать, нет лн на пути его войска какого чужеземного, но коиники его нз передового отряда нн о чем подозрительиом ему не доносилн.

В это время пришел к государю дьяк Василий Далматов вместе с дворецким Русалкой, а с нимн был иовгородец Афанасий Братилов, которого Иван Васильевич сразу узиал.

Афанасий истово молился и, низко кланяясь государю, сказал:

— Будь здрав, государь, многне лета.

— Здравствуй, Афанасий,— ответил государь,— верный ты слуга мой, и чую, вести приιес мне.

— Истинио, государь,— ответил Афаиасий, недоверчиво косясь по сторонам,— токмо вестн сии тайны вельмн.

— Ннчто. Не бойся, Афанасий, сказывай все, что ведаешь.

— Тайно я к тобе нз Новагорода третий день как бежал,— заговорил Афаиасий.— По рукомеслу своему златокузнечному я ко многнм боярам н даже в палаты самого владыкн вхож. Посему много всего слышу и ведаю. Владыка же, государь, н блнзкие его, средь которых и бывший тысяцкий Максимов, с королем Казнмиром ссылаются н с иемцами...

— Ведомо нам сне, Афанасий,— разочарованно заметил Иван Васильевич.

— Сне токмо начало, государь,— заволновался Афанасий,— а дело в том, что король обещал владыке полкн свон сиряднть против тобя н сам войско свое вестн хочет. Многне же из бывшей господы, еще более неразумные, прн всех хвастают: король-то Казимир зовет-де Ахмата иа Москву. Все-де онн за еднн ныне, докончание у иих против Москвы есть. Опричь того, король-то, бают, в Рым посылал, моля у папы вспоможеиия деиежного иа ратные дела. Обещал унию еретичную погаиую во всех землях иовгородских ввести, а православне гнать, как древние рымляие в языческое время христиан гиали н мучилн...

— Ну, а папа?— перебил Братилова Иван Васильевич, боясь, что тот увязнет в церковиых делах...

— Папа внял Казимиру, разрешил ему особый сбор — «десятину» — во всех костелах польских н литовских на ратные дела...

— А новгородцы что деют?

— Готовятся вече н господу с посадником поставить. Казимир нм всю старнну обещает вернуть...

— Ну, спасибо тобе, Афанасий, иди отдыхай у дьяков моих.

— Нетути, государь,— живо заговорил Братилов,— молю отпусти меня, дабы не видели в войске твоем. Сам разумеешь, почто...

— Иди, иди,— улыбнулся великий князь.— Саввушка выведет тобя из стана нашего.

— Тут у свояка своего заночую. Никому приметно не будет...

Когда Афанасий Братилов ушел, Иван Васильевич сказал дьяку Далматову:

— Запиши сии вести. Ну, идите же отдыхать. Утре до свету пойдем к яму Бронницкому.

На другой день, в Бронницах, узнал государь от доброхотов, перебежавших к нему, что новгородцы за стенами затворились и миром не хотят пускать к себе великого князя, что вече есть у них снова и новый посадник Ефим Медведнов.

— На вече сем, государь,— говорил один из перебежчиков,— токмо Москву и тобя лают, а Казимира хвалят, которого зовут к собе государем вместо тобя.

— Един же старый тысяцкий,— добавлял другой,— со степени так возгласил: «Добре знаем, пошто волк сей к нам идет в овечьей шкуре. От мира-то его горше нам, чем от злой рати». А кругом кричат: «Истинно сие, истинно! За Казимира хотим!»

Иван Васильевич перестал слушать перебежчиков и не допускал их к себе, ибо все они говорили одно и то же. Для него все уже было понятно, и он только с нетерпением ждал прихода своего войска.

И вот в один из декабрьских вечеров, когда северная багровая, долго не гаснущая заря пылала еще у края неба, прибыл из Бронницы передовой отряд главных сил великого князя московского.

Начальник отряда доложил Ивану Васильевичу:

— Государь, все полки твои идут токмо в пяти верстах от твоего стану. Что воеводам своим повелишь?

Государь приказал в ту же ночь окружить Новгород тесной осадой, установить пушки и с рассветом бить по стенам, башням и городу со всех сторон.

Сам государь занял со своей тысячей Городище. Ночью в своих хоромах он сквозь сон слышал, как непрерывно цокали копытами кони, гулко отдавались шаги многих тысяч пеших воинов, как гремело колесами множество телег, на которых тройки коней везли тяжелые ломовые пушки работы Альберти Фиораванти, строителя Успенского собора...

Когда на следующий день утром такая же багровая заря, как и накануне вечером, начала обжигать противоположный край неба, страшный грохот потряс окрестности Новгорода и разбудил и перепугал его жителей.

Проснулся от грохота выстрелов и великий князь. В окна уже белело раннее утро, и в покое быстро светлело. Государь встал с постели, умылся, потребовал холодной баранины, крепкого меда и велел седлать себе коня.

Когда Иван Васильевич вышел на крыльцо, уже совсем рассвело, и первые лучи солнца сверкали на куполах и крестах церквей Новгорода. Окруженный стражей, великий князь поскакал ближе к осажденному городу. Недалеко от пушек он остановился, так как конь его, пугаясь непривычно больших орудий и выстрелов, не шел дальше, вставая на дыбы. Маэстро Альберти со своим толмачом подскакал к великому князю.

— Добрый день, государь!— воскликнул Фиораванти, снимая шапку.

— Будь и ты здрав,— ответил Иван Васильевич, внимательно следя за действием пушечного огня.

Он наблюдал, как огромные каменные ядра ломовых пушек, стянутые крест-накрест железными полосами, забивались в дуло орудий и с громом незримо вылетали, а на городских башнях осыпались верхушки каменных зубцов бойниц и слетали черепицы с крыш. Он видел, как содрогались и с яростным гулом изгибались полотнища железных ворот. Он видел ясно, что в проездной башне над воротами из большой ее бойницы время от времени вылетало облачко порохового дыма, внутри которого на миг сверкал огонь.

Подозвав к себе маэстро Альберти, государь, указывая рукой на башню, крикнул:

— Гляди, там пушка у них. Надобно бойницу пробить и пушку сию сбить.

Толмач перевел слова государя, а маэстро Альберти уже хотел скакать к своим пушкарям, но Иван Васильевич знаком остановил его.

— Такая стрельба, как ныне у тобя идет, маэстро,— снова закричал толмачу Иван Васильевич,— будет токмо перевод ядер и зелья. Поставь-ка ты рядом три пушки, цель все на сию бойницу и стреляй разом изо всех!

— Добре, добре, государь!— получил он ответ через толмача.— Уразумел мысли твои! Сам же о сем не догадался...

Фиораванти поскакал к пушкарям, и через полчаса три пушки, установленные рядом и нацеленные самим маэстро, загремели разом. Бойница в башне окуталась облаком пыли, и, когда пыль рассеялась, вместо бойницы оказалась широкая,

будто рваная пробоина, сквозь которую видно было большое окно в противоположной стене.

Маэстро Альберти, радостный и возбужденный, снова подскакал к великому князю, что-то восторженно выкрикивая.

— Благодарит тобя, государь, маэстро Альберти,— перевел толмач слова итальянца,— баит, научил ты его новому в пушкарской хитрости...

— Скажи ему,— прервал толмача Иван Васильевич:— отыдем подальше от грома сего. Малость побаить с ним хочу, пока не забыл о чем. Стену же башенную пусть пушкари его ломают...

Отъехав подальше от пушечного грохота, где можно было говорить обычным голосом, государь остановился и сказал через толмача:

— Маэстро Альберти, запомни, что скажу тобе: научи наших пушкарей такой же стрельбе на поле при пеших и конных ратях. Когда ворог наступает, конным ли, пешим ли строем в поле, надо пушки тесней ставить и бить в самую гущу. Особливо сие добре будет на переправах и бродах, а пушки при сем вдоль берега ставить. По отдельным же воям прикажи токмо стрелами бить и из ручных пищалей...

— Вборзе же, государь, обучу сему пушкарей твоих. Любо мне у тобя служить. Все ты разумеешь враз и сам других многому учишь.

Всю неделю с небольшими переправами, то днем, то ночью, пушки громили Новгород, приводя жителей его в страх и смятение. С каждым днем все более и более перебежчиков появлялось в московском стане. Они говорили, что берут их в полки насильно, что Новгород еле держится...

Вскоре же явились и послы от владыки Феофила к государю челом бить об охранной грамоте для архиепископа. Великий князь принял послов, не прекращая стрельбы из пушек, и сурово молвил:

— Отворите ворота. Яз сам охрана для невинных и верных мне...

Послы ушли, а осада становилась тесней, разрушение стен и башен не прекращалось. Внутри же города, как сообщали перебежчики, после многих ссор и свалок наступило отчаяние.

Житьи и черные люди стали хозяевами города, осилили боярство, весьма ослабевшее за последние разгромы Новгорода Москвой. По решению веча освобождены были оба наместника московских, которым разрешено было выйти из города и пере-

дать государю, что отдается, мол, весь Великий Новгород на всю государеву волю.

Иваи Васильевич в сопровождении воевод, бояр и иаместников, окружеиный стражей и своей тысячью конников, подъехал к главным городским воротам, которые медлеиио отворялись ему иавстречу.

Из ворот показался владыка Феофил, посадиик, тысяцкий, старосты пяти иовгородских концов, бояре, купцы, духовеиство, весь народ иовгородский.

Не доходя шагов на десять до Ивана Васильевича, все, начиная от владыки, пали ниц на землю.

Великий князь сделал зиак, и трубач его тысячи затрубил отбой. Приказ принял трубач ближайшего отряда — звоикий серебряный звук побежал вокруг всего Новгорода, и там, где его слышали, прекращалась стрельба из пушек, смеияясь полной тишиной.

В этой тишиие слышался только тихий гул молений толпы о прощеиии и пощаде и глухие рыдаиия. Одии из иовгородцев были охвачены страхом и злобой, другие горестио оплакивали свои вольиости, теперь уж иавек погибающие...

Несколько мгиовеиий Иван Васильевич молча смотрел иа беспомощно распростершихся пред иим людей, потом громко воскликнул:

— Встаиьте!

Задвигались и зашумели глухо ряды подымающихся новгородцев. Государь, сойдя с коня, передал поводья стремянному Саввушке. Медлеиио подошел ои к владыке, молча принял от него благословеиие и, снова сев на коня, громко произиес:

— Яз, государь ваш, даю мир всем иевинным. Ништо же да ие страшит вас.

Народ расступился, и владыка, посадиик, тысяцкий и старосты пяти концов иовгородских пошли обратио в город. Государь, двор его, стража и его тысяча двииулись следом. И как только Иваи Васильевич вступил в город, загудели колокола иа звоиинце св. Софии, а за ней и колокола всех церквей иовгородских.

Пока великий князь ехал к Софийскому собору и по обычаю слушал там молебеи, во все открытые теперь ворота вступали полки московские, которым указаио стоять в самом Новгороде. Москвичи занимали все главные укрепления, снимали повсюду стражу новгородскую и ставили свою. Прочие полки разместились по окрестным моиастырям, как еще в Москве было указаио.

Сам государь остаиовился со стражей своей и слугами в хоромах каменных Медведнова. Вокруг же этого владеиия, у хозяев соседиих хором, разместил ои свою тысячу.

В этот же день, призвав к себе иаместников своих Василия Ивановича Китая и Ивана Зиновьева и взяв у дьяка Далматова список новгородских крамольников, повелел схватить их немедля и взять за приставы. К иочи были уже схвачены, закованы в железо и сидели в заключении пятьдесят новгородцев. Вокруг же сеней владыки Феофила, где помещался и наместник Китай, была расставлена тайная стража и велось иаблюдение.

Допросы и пытки начались с этой же ночи в Городище. Государь уехал туда по вызову Китая. Окованных заговорщиков приводили прямо после пыток к великому князю по одному, по два или по три сразу. Истерзанные и душевно измученные, оии по-разиому относились к государю московскому: одни в страхе глядели на него, и глаза их просили милости; глаза других воровато бегали, и казалось, так же и мысли их бегают и мечутся, как мыши в ловушке, тщетно отыскивая выход; третьи, застыв в отчаянии, смотрели на Ивана Васильевича тупым, неподвижным взглядом; иакоиец было два-три человека, глаза которых, пылая злобой и иенавистью, прямо глядели в глаза государю...

Слушая записи показаиий допрошенных, великий князь видел те же различия между этими людьми: одни проклинали и всячески поиосили своего московского врага; другие изворачивались, оправдывались, выдавали соучастников, клеветали, говорили о своих заслугах, льстили великому князю; третьи только каялись и просили пощады; четвертые ничего не говорили сами, а только отвечали на вопросы тупо и односложно, казалось, равнодушно, словно заживо умершие...

К рассвету было допрошено десять человек из иаиболее крупных вожаков заговора. Все, что Иван Васильевич услышал и увидел на этом грозном розыске, подтвердило и превзошло его догадки о самом худшем.

Великий князь внутренне весь затрепетал, и руки его задрожали, когда он ясно представил то, что могло произойти, если бы ои опоздал сюда приехать. С иесомненной точностью обиаружилось на розыске этом, что весной король Казимир, опираясь на Новгород Великий, должен был ворваться со своими войсками в русские земли, перейдя Угру, и вместе с новгородскими полками встать у рубежей московских.

В это же время, под воеводством магистра Бернгарда фон дер Борха, ливонские рыцари вместе с иемецкими наемниками и с крестьянским ополчением, составив огромное, более чем стотысячное войско, должны были захватить все псковские земли.

С юга же, по договору с Ахматом, перейдя Оку, должны были двинуться на Москву полчища Большой Орды.

Таким образом, приковав все военные силы московского

великого князя к рубежам его государства, враги давали возможность братьям великого князя — Андрею большому и Борису захватить Москву и великокняжеский стол старшего брата...

Это было все хорошо обдумано королем Казимиром, одобрено папой, а через него — и с римскими доброхотами в Москве.

Обо всем этом думал Иван Васильевич, возвращаясь к своему стану в хоромах Медведнова. Небо уж чуть алело, но улицы Новгорода были еще в белесых сумерках. Огромный город крепко спал.

Потухшими, запавшими глазами глядел государь куда-то вдаль, ничего не замечая, только губы на окаменевшем и осунувшемся лице шевелились и беззвучно шептали:

— Земля горит под иогами. Токмо и сие поборю. Привык яз тушить пожары-то не токмо на московских улицах...

Десятеро допрошенных заговорщиков в это же утро по приказу государеву были повешены.

Так еженощно, почти до середины января, непрерывно длился грозный государев розыск. За это время сто главных заговорщиков и изменников было допрошено, и все сто были преданы смертной казни.

Против владыки Феофила получены были неопровержимые улики, особенно указание на переписку с королем и самые грамоты архиепископа и короля. Государь решил покарать Феофила за измену вере православной и отечеству, повелев взять владыку за приставы и держать его во владычных палатах. Приказал он опечатать казну Феофила и все кладовые с серебром и золотом и всякими драгоценностями, начиная с подвалов св. Софии и всех тех, что были под его каменными палатами. Владычный же полк, охранявший богатства архиепископа, был разоружен и распущен. Место его заступила тысяча государева, встав на стражу у кладовых.

Января девятнадцатого великий князь повелел созвать всех именитых представителей Новгорода, гражданских и духовных, в Грановитой палате владычных хором, где архиепископ новгородский творил суд свой, принимал послов иностранных и председательствовал на заседаниях господы новгородской.

Поднимаясь сюда, на второй ярус, по каменной лестнице, Иван Васильевич снова увидел знакомый уже ему поясной образ Христа-спасителя с евангелием в руках, открытым на словах: «Суд судите им же судом сýдите, судиться и вам...»

Отсюда вошел он в огромный покой Грановитой палаты, посредине которой столб поддерживает опущенные на него четы-

ре отдельных свода, блистающих яркими красками и узорами из треугольных разноцветных кирпичиков.

Народ уже заполнял всю палату, а у архиепископского престола выстроилась полукругом великокняжеская стража. Воины из государевой тысячи стояли у входных дверей, и двойные ряды их тянулись отсюда до самого престола, образуя широкий проход.

Государь, войдя в сопровождении своих воевод, дьяков и обоих своих наместников новгородских, быстро прошел к престолу и сел. Воеводы и дьяки стали вокруг него. В палате все затихло и замерло.

Иван Васильевич сделал знак рукой. У входных дверей произошло легкое движение, и оттуда к подножию престола подвели, поддерживая под руки, ослабевшего архиепископа Феофила. Он был бледен, голова его время от времени вздрагивала.

Государь устремил на него острый, пронизывающий взгляд. Голова у Феофила стала вздрагивать чаще.

— Святитель,— резко начал Иван Васильевич,— но не отец и не богомолец наш, а богомолец латыньского короля Казимира. Не иерарх ты церкви православной, а слуга еретической церкви рымской. Предал ты, как Иуда Христа, и церковь нашу святую и Русь православную, и так же, как Иуда, за сребреники, из корысти и жадности своей.

Государь смолк и глубоко вздохнул от волнения, потом опять заговорил:

— Тут, в палате сей, при входе в которую образ Христов написан со святым евангелием в руках, открытом на словесах божиих о суде праведном, ты судил; ныне же яз тобя тут судить буду.

Он сделал знак дьяку Далматову, и тот выступил, держа в руках договоры и грамоты, которыми пересылались Казимир и Феофил.

— Ведаешь ли сии грамоты за твоей печатью и Казимировой?— спросил великий князь, когда Далматов развернул списки и показал печать.

— Ведаю,— тихо ответил владыка.

— Предлагал ты в них Казимиру вместо меня государем быть в Новомгороде, а людей всех новгородских земель в унию привести, а от греческой веры старой, истинной их отклонить?

— Грешен в сем, государь,— так же тихо произнес Феофил,— и пред богом буду молить о прощении грехов своих, ибо чую, вборзе конец живота моего наступает и время ответ мне пред господом держать...

Владыка ослабел совсем и бессильно опустился на скамью.

— Люди православные, люди русские,— громко заговорил Иван Васильевич,— ныне все вы видели своими очами, слышали своими ушами измену великую, какой у нас на Руси от века не было.

Обратясь к Василию Ивановичу Китаю, государь сказал:

— Днесь, когда измена и крамола установлены, когда архиепископ новгородский и псковский Феофил заедин стал со всеми ворогами Руси и церкви нашей, яз повелеваю тобе взять его за крепкие приставы и держать до нового приказа моего. Все же имение его, казну и вотчины взять за государство Московское, дабы тем пресечь всякую помочь ворогам иноземным...

Еще вскоре после прибытия Ивана Васильевича к Новгороду, ближе к концу декабря, приезжали к великому князю пять псковских посадников и бояр от всех концов Пскова с наместником государевым князем Василием Шуйским, принеся в дар шестьдесят пять рублей серебряных новгородских старых.

Иван Васильевич принял псковичей благосклонно и обещал помощь, если немцы нападут на их землю.

— Токмо вы сами не спите,— добавил великий князь,— ведомо мне, немцы идти на Русь хотят...

Псковичи отъехали и вернулись домой к двадцать пятому, к самому рождеству, праздники праздновать. Пока же псковичи веселились, немцы тридцатого числа напали на Вышгород и, застав его жителей врасплох, многих побили, многих увели в полон, а город зажгли.

Слух об этом дошли до Ивана Васильевича в конце второй недели января, а числа двадцатого того же месяца он распорядился собрать сто человек второстепенных заговорщиков из купцов и детей боярских и к двадцать четвертому января со всеми их семействами и людьми служилыми выслать навсегда из Новгорода в московскую землю и расселить по разным городам.

В это же время приказал государь отправить под усиленной стражей и владыку Феофила на Москву в сопровождении приставов и заточить в Чудовом монастыре.

Дней через семь после отправки в Москву Феофила, примчался к Ивану Васильевичу гонец из Пскова, довел до государя об осаде Вышгорода немцами и добавил, что к концу января было еще нападение на Гдов, который взять немцы не смогли, но выжгли вокруг него все волости и посады.

— Бьет челом тобе, государь, твоя вотчина Псков, молит у тобя против немцев проклятых помощи твоей...

Иван Васильевич понимал, что это только вылазки немцев, которые разведывают, где находятся русские силы, и что немцы хотят поддержать дух осажденных новгородцев.

— Кулаками после драки машут,— усмехнувшись, сказал воеводам своим Иван Васильевич на созванном по этому случаю совете.— Нетути уж Новагорода! Из сего учитесь, воеводы, ка́к всегда все ведать надобно. Немцы же, не зная броду, лезут в воду. Татары в сих делах умней их. У татар яртаульные хороши и лазутчиков много.

После долгих обсуждений похода великий князь повелел князю Андрею Никитичу Ногтю-Оболенскому на другой день спешно выступать к Пскову с большими силами.

Князь Андрей Никитич, прискакав со своими конными полками к Пскову, пробыл там только ночь. Утром же вместе с псковичами выступил к Дерпту, который вдвое ближе ко Пскову, чем Новгород Великий. Немцев застали врасплох, много разграбили и сожгли немецких и чудских сел и городков, захватили огромный полон чуди — мужчин, женщин и детей. Немцы были так напуганы быстрыми действиями русских полков, что нигде не успели оказать никакого сопротивления. Русские же как быстро пришли, так же быстро и ушли, уводя и увозя за собой в Псков небывалую добычу.

В этот же день в Новгород прибыл из Москвы к великому князю боярский сын Трофим Гаврилыч Леваш-Некрасов с дурными вестями от молодого князя.

Иван Васильевич взволновался, побледнел, когда Саввушка сообщил о прибытии Трофима Гаврилыча.

— Зови,— молвил он,— да никого потом не допущай, опричь ратных вестников.

Оставшись один, он перекрестился на образа и воскликнул:

— Не допусти, господи, межусобья на Руси!..

Когда вошел Леваш-Некрасов и стал молиться, а Саввушка вышел, Иван Васильевич, прервав молитву вестника, глухо спросил:

— Братья?

— Да, государь,— ответил Трофим Гаврилыч, кланяясь великому князю.

Наступило тяжелое молчание. Государь, пройдя несколько раз вдоль покоя, сел на скамью и молвил:

— Сказывай, Трофим Гаврилыч.

— Великий князь Иван Иванович здравия тобе желает на

многне лета, государь. Повелел тобе довести, что братья твон Андрей большой н Борис отступилн от нас, к ворогам нашим перешлн. В середине января князь Андрей-то на Москве был у старой великой княгинн, а вборзе в Углич к собе воротился. Наши же доброхоты весть подалн дьяку Курицыну, что н князь Борис тоже в Углич прнехал, а княгнню свою Ульяну со всем емейством н двором ко Ржеву отпустил. След сего оба князя с полками своими пошлн ко Ржеву через тверскую землю; князь Андрей тоже взял с собой княгиню свою Елену со всем семейством н двором.

— Ну, а далее куды?— перебил велнкий князь.

— Далее, государь, неведомо. Вестей не было, а от сего да от страха перед татарами на Москве смятение. Москва и все грады в осаду селн, а нз деревень н сел людн, полона боясь, по лесам бегают, от глада и студа мрут...

— В Орде как?— задал вопрос Иван Васильевич, перебнвая рассказ Леваша.

— Великий князь Иван Ивановнч велел тобе довести, что русские беглецы, пригнав нз Орды, упредили: собирает-де Ахмат поход на Русь ранней весной. Баилн беглецы-то, зовет его н помочь обещает ему король Казимир.

— А как княгиня моя,— снова спросил, весь насторожившись, великий князь,— как митрополит и бояре? Как здравне старой великой княгини?

— Матерь твоя, государь,— успокоительно ответил Трофнм Гаврилыч,— во здравин. Обе княгини ждут приезда царевича грецкого, Андрей Фомнча. Он великой княгине Софье Фоминичне уведомление прислал, что вборзе на Москве будет со дщерью своей Марьей Андреевной...

— Ишь, Рым-то одну руку к Новугороду протянул,— невольно проговорил вслух великнй князь,— другую — к Москве тянет...

Трофнм Гаврилович ничего не понял н, недоуменно вскинув глаза на государя, продолжал:

— Прн дворе-то твоем бают, что великая княгиня Софья Фоминнчна хочет племянницу свою за князь Василья Михалыча верейского сватать...

Иван Васильевич усмехнулся и, перебив рассказчика, молвил:

— Добре, Трофим Гаврилыч. Спаснбо тобе. Чаю, устал ты с пути, и яз ныне притомился. Выпьем вот по чарке водкн боярской, да и спать. Жнвн пока при мне. Дворецкому Русалке скажи, он тобе все нарядит...

Государь сам налил две чарки водки.

— Бери, Гаврилыч,— сказал он,— испьем за великую Русь православную.

— И за здравье твое, государь!

Срочно вызванный, дьяк Василий Далматов, с пером и чернильницей, с бумагой и воском для печати, поспешно вошел в горницу великого князя.

— Будь здрав, государь,— сказал он, кланяясь.

— Садись, Василь Далматыч, за стол сей и пиши тайную грамотку во Псков, воеводе князь Андрей Никитичу.

Иван Васильевич несколько раз прошел вдоль горницы и, встав около стола, приказал писать:

— «Мой тайный приказ тобе, Андрей Никитич. Как получишь сию грамотку, немедля иди со всеми полками на Москву ближней дорогой. Яз пойду за тобой следом. Вести дурные о татарах, да и братья мои, Андрей большой и Борис, крамолят. Москва и города в осаду сели, в селах и деревнях люди в страхе, в леса бегут. Встретишься с братьями миром, пусть и не мыслят, что о всем ты ведаешь. Ежели ратью на тобя пойдут, разбей их и в полон обоих возьми. Вести пересылай чаще, токмо тайно, великому князю Ивану Ивановичу на Москву. Вборзе и яз там буду. Грамотку сию сожги, дабы никому о ней ведомо не было».

Иван Васильевич стоял возле дьяка и читал, что пишет он. Когда Далматов написал все, государь молвил:

— А теперь растопи воску, дабы яз положил печать свою.

Дьяк достал из ящичка, где была чернильница, толстый огарок восковой свечи, зажег его и накапал небольшой кружочек воска под написанным.

Иван Васильевич снял с пальца большой золотой перстень, на котором была вырезана его личная печать, лизнул ее и туго вдавил в горячий воск. Когда Иван Васильевич отнял печать от воска, на нем четко обозначился вдавленный круг, по краям которого тесно было написано: «Печать великого князя Ивана всея Руси». В середине же кружка был изображен лев.

Полюбовавшись на печать, Иван Васильевич проговорил вполголоса:

— Золотые руки у маэстро Альберти...

Но, вернувшись к делу, строго сказал:

— Грамотку сию в холст зашей при мне сей же часец, а яз и на него печать положу.

Когда все было сделано, государь добавил:

— Ныне же изберн подьячего помоложе и покрепче. Скажи воеводе Ивану Руно, дабы нз конников своих дал небольшую, но добрую стражу гонцу. За сне, мол, головой отвечает. На рассвете пусть гонят во Псков, к воеводе. По два коня на каждого взять, да кормы добрые людям, а коням овес. Как воротится подьячий-то, днем лн, ночью ли, ко мне бы немедля дошел...

Весна тысяча четыреста восьмидесятого года ранняя, но неверная, сырая, дождливая, то с теплыми днямн, то со снегом н крупой. Едва просыхать начинает, дороги провянут немного, вдруг метелн снежные завернут. Стает все, опять солнце припекает, трава зеленеет, мать-мачеха кое-где распускается, мухн лесные на солнечном припеке сонно жужжат, а кругом грязь непролазная. Ни на санях, нн на колесах, да и верхом ехать весьма трудно, нстомно н для коней н для людей.

Князь Андрей Никитович Ноготь-Оболенский, отягченный большим обозом с добычей н пешим полоном, шел медленно и, вместо того чтобы опередить великого князя, был еще в путн. Только гонцы от него часто приезжали к великому князю Ивану Ивановичу с разными вестями, среди которых былн и тайные. Последняя весть от него была о братьях государевых, что из Ржева они пошли вверх по Волге в новгородские волости. Идут они весьма медленно нз-за колымаг для семей своих н из-за множества веяких подвод с кладью.

Иван же Васильевич поспел с коннымн полками своими прнехать в Москву по хорошей дороге — земля еще твердая была, н по утрам крепко подмораживало.

Повидав семью свою н старую княгнню, Иван Васильевич не получил успокоения. Многое в догадках его н тут подтвердилось, и первый день прнезда от обеда до ужина провел он с сыном и с дьяком Курицыным в хоромах молодого князя: втроем думали они о многих делах н о разных известнях.

— Все ворогн наши,— сказал Иван Васильевич,— еднным кольцом обступили нас со всех сторон, как волки, да не сожрать нм Руси. Токмо хуже всего межусобье...

— Отпустить на них надобно, мыслю яз,— горячо воскликнул Иван Иванович,— отпустить князь Андрея Никнтыча Ногтя-Оболенского. Он борзо их в полон возьмет...

Иван Васильевич усмехнулся н возразил:

— Можно сне, Иване, можно. Верю, князь-то Андрей Оболенскнй разобьет их н полонит. Так н яз ранее думал, да бог уберег. Ныне же мыслю челобитную нм слать о мире, посулю городами их жаловать, вотчину Юрьеву поделить с нимн обещаю...

Молодой великий князь с недоумением взглянул на отца, впервые почувствовав разочарование:

— Боишься их, государь-батюшка,— с некоторым вызовом спросил он отца.

Курицын заволновался, опасаясь гнева государева.

Но Иван Васильевич рассмеялся.

— Боюсь, Иване,— проговорил он просто,— токмо не братьев, а ворогов чужеземных. Помысли сам. Отзовем мы с тобой от татар князь Ногтя-Оболенского с полками, и заставим биться с братьями, а пошто русским русских же воев бить?

Иван Иванович понял, и от смущения густой краской вспыхнули его щеки. Иван Васильевич заметил это и сказал:

— Пошто же двум русским ратям друг на друга идти? Лучше пусть вместе татар бить будут.

— Прав ты, государь,— с удовлетворением согласился дьяк Курицын.

Следом за братьями послал Иван Васильевич духовника своего, архиепископа ростовского Вассиана с боярами. Владыка нагнал обоих братьев в Молвятицах. Они приняли архиепископа, выслушали его и отпустили обратно в Москву с боярами своими, князьями Петром и Василием Оболенскими.

Сами же, узнав о разгроме Новгорода и о грозном государевом розыске, смутились, повернули к литовской границе, грабя и пустоша волости новгородские, и остановились в Луках Великих. Оттуда же били челом Казимиру, королю польскому, прося помочь им в борьбе с великим князем. Казимир отказал им во всякой ратной помощи и только дал им из своих вотчин в Литве город Витебск на прокормление семейств своих и дворов.

Вассиан воротился с послами братьев на Москву во вторник, двадцать восьмого марта, через пять дней после рождения у великого князя сына Георгия.

После празднования пасхи, что была второго апреля, архиепископ Вассиан снова был послан государем к братьям в Луки Великие. На этот раз Иван Васильевич послал с ним бояр Василия Федоровича Образца, Василия Борисовича Тучу да дьяка Василия Мамырева.

— Посылаю вас, трех Васильев,— сказал с улыбкой Иван Васильевич,— сиречь трех царей, на двух братьев своих. Скажите сим отступникам, дабы шли они в свои вотчины. Яз же во всем жаловать их хочу, а князю Андрею даю два города на Оке — Калугу да Алексин...

Выехали из Москвы послы с архиепископом Вассианом

только апреля двадцать седьмого, а прибыли в Луки Великие на двадцать пятый день мая двадцатого, из-за весенней распутицы, какой много лет на Руси не бывало.

Братья и второй раз приняли посольство великого князя, но крайне высокомерно и дерзко, чувствуя себя в безопасности рядом с литовской границей. Думая думу со своим боярами перед ответом старшему брату, они говорили меж собой, что великий князь в страхе, не знает, куда ему деться...

— Со всех сторон полки иноземные идут на него,— со злорадной улыбкой шипел князь Андрей большой.

— Обложили его кругом чужеземцы-то,— хихикали бояре,— яко зверя охотники.

— Куда ни ткнись,— громко гудел князь Борис,— везде напорешься то на меч, то на копье, а из Дикого Поля идут на него кривые сабли татарские с тучами стрел...

— Пождем,— сказал князь Андрей,— еще ниже со страху кланяться будет, даст нам вотчины выбирать на нашу всю волю...

Владыке же Вассиану сказали:

— Пусть Иван государыню-матушку нашу о том молит, а мы еще подумаем.

С тем послы великого князя и на Москву отъехали. Вернулись же назад владыка и бояре скорее, чем в Луки ехали, ибо местами дороги подсохли уже, и только у рек и лесных озер от половодья еще топи и болота стояли. Все же в конце мая послы уж предстали пред государем.

Выслушав ответ братьев, великий князь усмехнулся и молвил:

— Добре. Узнают еще и они, как новгородцы мне челом били!

В этот же день степные дозоры, а потом и гонцы царевича Данияра прибыли к воеводе и наместнику московскому князю Ивану Юрьевичу Патрикееву с вестями о татарах. Все они, хоть из разных мест, одно и то же в страхе говорили:

— Татары Ахматовы!

— По всей степи, яко саранча!..

— Всеми ордами идут!..

У Ивана Васильевича задрожали руки, но, овладев собой, сказал он:

— Гонцы здесь? В сенях, баишь. Позови двух-трех, что потолковей.

— Как дороги? — спросил государь вошедших, не давая им даже до конца докреститься.— Кто из дозора? Ты? Ну, сказывай. И то еще сказывай, как возле рек, у Оки-то как?

— Дороги-то в поле провяли,— сипло заговорил здоровый мужик с седеющей бородой, обрамляющей красное обветренное лицо его.— Токмо в рощах и лесах, как к Москве ближе, зачинаются топи по колено, болота. Коло рек поймы еще после половодья не высохли, а берега-то Оки— глина больше, долго держит воду она...

Великий князь слушал и становился все спокойней.

— Травы какие?— спросил он снова.

— Травы-то, государь,— заговорил гонец Даниара,— плохи еще для коня. Мокры очень. Такая трава брюхо раздувает коню, болеет от нее конь-то...

— Ну, идите, Саввушка даст вам водки выпить и закусить.

Великие князья, задержав у себя князя Патрикеева, послали за дьяком Курицыным и князем Андреем меньшим. Оба они явились немедля в хоромы великого князя Ивана Ивановича, у которого сегодня обедал и сам государь.

— Нам ведом обычай татарский,— начал Иван Васильевич.— Прямо с походу, изгоном они бой зачинают. Посему днесь же и всю ночь будем полки отсылать к Берегу...

Стук в дверь прервал слова государя. Вошел начальник стражи в сопровождении трех русских конников, с ног до головы забрызганных грязью. Один из них — сотник.

— Будьте здравы, государи!— в один голос воскликнули они.— С Берега мы, государь!

— Сказывайте.

— Лазутчики наши, государь,— начал сотник,— вызнали, что идут ордынские татары, а у Берега токмо дозоры их были...

— В каких местах?— спросил Иван Васильевич.

— Меж Коломной и Каширой — против Озер, а меж Каширой и Серпуховым — против Турова. И в иных местах на правом берегу Оки. Токмо тайно были, хоронились, где можно, а коней на поводу за собой вели али в кустах прятали.

— Так дозорные, баишь, были?— переспросил великий князь.

— Истинно, государь!— ответил сотник.— Токмо разведчики да лазутчики. Наши дозорные ближе к Венёву лазутчиков из наших татар Даниаровых видели. Баили Даниаровы-то, что несметная сила ордынская токмо еще к Дону подходит. Ведомо им от некоих уланов степных, что Ахмат-то всей Ордой идет, а с ним братанич, царь Касым, с шестью сынами-царевичами, и татар с ними множество...

— Скажи мне, Иван Юрьич,— оборвав рассказ, обратился великий князь к Патрикееву,— есть на Береге пушкари и пушки?

— Есть, государь,— ответил князь Иван Юрьевич,— по числу полков, а полков там мало...

— А ты, сотник, от какого места с Берега-то?— спросил Иван Васильевич вестника.

— От Каширы, государь.

— Есть у вас пушка?

— Мало, государь. У нас более старые пищали...

— А ведаете, как по-новому по бродам и переправам бить?

— Ведаем. По шесть пушек и пищалей вряд ставить. Из трех первых враз бить, другие наготове доржать. Когда же татары опять густо пойдут, из готовых бить...

— Добре,— похвалил государь.— А скажи, как наши и Даниаровые мыслят: будут ордынцы броды брать или плавиться?

— Сего не мыслят, государь,— ответил сотник,— нетути для войска подступа к реке-то. Половодье не сошло еще совсем, а ночесь дожжа много было, до утра лил. Беспута, не дай бог, какая — ни пройти, ни проехать.

— Видать,— заметил Иван Васильевич,— что ждать будут ордынцы.

— Истинно, государь.

— А сами цари-то с главной силой своей? Как идут, борзо иль тихо?

— Тихо вельми, государь, а все же к Дону подходят...

— А кто тобя отослал ко мне?

— Воевода каширский. Семен Вас...

— Ведаю, ведаю его. Доволен яз им. Да будет здрав он и все вои его. Идите. Да скажи: приказа не даю, а пушкарей и пушек пришлю.

Вестники поклонились и вышли, сопровождаемые начальником государевой стражи.

— Ну, а мы думу свою продлим,— сказал Иван Васильевич и, обратясь к князю Патрикееву, спросил:— Чаю, отдохнули полки князя Андрея Никитича Оболенского. Осьмой день, как на Москву пришли. Пусть утре с рассветом идут к Берегу, куда князю Ряполовскому было назначено.

— Слушаю, государь.

— Ты же, брат,— приказал великий князь Андрею меньшому,— как тобе ведомо, иди в Тарусу, в вотчину свою, против татар же, по уговору нашему, крепи Берег. Ну, днесь довольно, а утре — что бог даст. Идите, а яз к собе поеду...

— Разреши, государь,— вставая, сказал дьяк Курицын,— довести тобе. С ночи послы из Лук Великих пригнали от братьев твоих с челобитной к тобе о твоем пожаловании.

— Видать,— раздраженно перебил его Иван Васильевич,— с Казимиром-то они каши не сварили. Мыслят, улита едет, когда-то будет...

— Истинно, государь,— подтвердил дьяк.— Журавль-то в небе, а синицу в руки дают. Матушка, инокиня Марфа, к тобе собирается, хочет просить милости и прощенья братьям твоим.

— Ладно,— ответил великий князь,— к матери утре яз сам поеду, а братних послов принимать не буду.

— Еще, государь,— продолжал Курицын,— днесь приехал с дщерью своей шурин твой, царевич Андрей Фомич. В Мячкине ночует, а где им утре в Москве быть прикажешь?

— Государь,— предложил великий князь Иван Иванович,— пусть у меня будет царевич Андрей. Яз ведь один в бабкиных хоромах остался, да и по-фряжски разумею...

Иван Васильевич многозначительно поглядел на сына, довольный его предложением.

— Добре, сынок,— согласился великий князь,— а племянницу мы у княгини моей в хоромах устроим. Там, у своей тетки, девке веселей будет.

Все вышли. Отец и сын остались одни. Взглянув на сына, Иван Васильевич молвил с улыбкой:

— Разумно ты придумал. Пусть у тобя живет царевич-то, на твоих глазах. Вишь, рымский папа к нам руку протягивает. Ты не все, а токмо суть дела дворецкому своему Данилушке доверь, накажи доглядывать, кто и когда бывать у Андрея-то будет. У тобя ведь, как у Курицына, дар божий иа чужеземные языки. Яз же сего не могу. Ты по-грецки разумеешь?

— Хуже других языков разумею. И баить добре, как по-фряжски, не могу еще.

— И сие ладно, сынок,— заметил Иван Васильевич,— ты о сем молчи, бай же токмо по-фряжски, дабы не боялись при тобе некои тайности кратко меж слов сказывать по-грецки наши-то греки, из двора моей княгини. О Рыме и о папе могут, что нужно для нас, сказывать, о Казимире, о ливонских немцах и прочее. Вороги, сынок, круг Руси хороводом кружат, все оии друг с другом крепко за руки держатся...

Иван Иванович с благоговением глядел на отца. Поражали его зоркость и ясность мысли государя. Все непонятное и трудное он вмиг делает простым и ясным.

— Днесь яз спокойней, Иване,— продолжал великий князь,— помогает мне бог...

— Ты сам богу-то помогаешь Русь устроять!— вырвалось невольно у Ивана Ивановича.

— Благо, Иване, что не слышат тобя ни бабка, ни митрополит,— сказал он шутливо,— а то почли бы тобя за еретика, яко дьяка Курицына почитают. Так вот, баю, ныне яз покойней. Первое — то, что Новугороду не подняться больше, другое — челобитье братне показывает, что у них нету нигде никакого оплечья, была одна надежда на Казимира, и той нету; третье — ежели король упускает сей случай, то воевать ныне с нами не может. Немцы же, сколь бы их ни было, далее Пскова не пойдут: они в государствовании совсем неразумны. Остается на сей день токмо Орда с Ахматом. Сие же не страшит меня, токмо бы нам самим огрешек не содеять...

Июня седьмого, накануне выступления своего в Серпухов, на берег Оки, против татар, великий князь Иван Иванович обедал у отца с дьяком Курицыным и князем Иваном Патрикеевым.

— Утре,— заговорил за столом государь,— великого князя яз отпускаю на Берег с воеводами и многими полками. Посему вы доведите нам все наиглавные ратные вести.

— Ведомо мне, государи,— заговорил наместник московский и воевода, князь Иван Юрьевич,— идет Орда по Дикому Полю медленно. Лазутчики бают, ждет царь Ахмат вестей от Казимира и от братьев твоих, которые вместе звали царя на Москву, а вестей ему ни от короля, ни от братьев нету. Бают, уговор у короля с ханом Ахматом, дабы к Оке царю-то идти. Выбрав же место, реку перейти и на Москву гнать. Ахмат на сие согласие дал, молил токмо, дабы король ранее его Угру-реку перешел и весть о сем немедля ему дал, он же за спиной нашей к Москве погонит с братьями, а племяннику своему, царю Касыму, со всей силой его повелит ударить в спину русским ратям...

— Добре,— остановил своего наместника государь,— а у тобя, Федор Василич, о сем что ведомо?

— Такие же и мои вести, государь,— ответил дьяк,— которые шлют мне доброхоты новгородские и псковичи. Опричь того, ведомо мне от Даниара, что Менглы-Гиреевы татары пустошить хотят у короля Казимира киевские земли и по самый Киев. Даже...

— А пошто, Федор Василич, король-то медлит?

— Смута у него в Литве. Там православные князья и бояре, особливо те, вотчины которых у рубежей наших, к Москве тянут. Хочет литовская Русь с нами воссоединения. Боится сего Казимир.

— Добрые вести сии,— обрадовался Иван Васильевич,—

ныне наиглавные вороги наши — немцы да поляки, которые по уговору с папой первыми на нас напасть хотят, но не решаются...

— Токмо ляхам, государь, и хочется и колется,— ныне, государь,— заметил дьяк Курицын,— как тобе ведомо, король угорский, Матвей Корвин, Казимира теснит и в Чехии Казимир-то еще вязнет. Да сеймики ему мешают, во всех делах вяжут.

— Верно!— воскликнул Иван Васильевич с усмешкой.— Сеймики сии, яко псы, на каждом шагу его за полы зубами хватают...

Дума о всех делах ратных затянулась надолго. Князь Иван Юрьевич и дьяк Курицын ушли поздно, почти перед ужином, который в этот день ранее обычного, в седьмом часу, еще при полном солнечном блеске долгих июньских дней. Иван Иванович же выступал утром с рассветом...

— Ныне рассвет, Иване,— сказал великий князь сыну,— и поспать не даст. Заря с зарей сходится. Пока мы ужинаем, скажу еще тобе: пусть воеводы бодрят воев всем тем, что на думе ты слышал...

— Яз, государь, все помню, что ты сказываешь. Пишу даже,— устало ответил Иван Иванович.

— Спать повались ты ныне пораНе, притомился, вижу...

— Да, государь-батюшка, токмо скажу про Андрея Фомича. Не люб он мне. Давно хотел о нем с тобой побаить. Напоминает он мне Ивана Фрязина — денежника.

— Истинно,— засмеялся Иван Васильевич,— в нем токмо и есть, что корысть, пьянство да блуд. Иван-то Фрязин деньги бить умеет, а сей ничего не может, токмо деньги да подарки у сестры выманивать. Сестре, вижу, завидует сей лазутчик рымский. Все блазнит меня, дабы яз у него наследье царей цареградских купил. Папа-де коронует меня заочно, и буду носить яз титул и венец царский. А пошто? Видя богатства наши, казны собе хочет великой, а Рыму слугу купить для походов крестовых, связать нас унней. Мне же токмо Русь дорога, а посему ныне даже дружба с Менглы-Гиреем и с султаном турским дороже мне, чем пустой венец сей без царства, которым детям играть токмо.

— Сватают бабка да княгиня твоя Андрееву дочь за сына князя верейского. Снова грецкая кровь в род наш впадет,— молвил Иван Иванович.

— Пусть деют, что хотят,— отмахнулся Иван Васильевич,— пустое все.

— Нет, государь-батюшка,— возразил Иван Иванович,—

бог даст, воротимся мы из походу, поведаю тобе, что яз слышал и уразумел из бесед грецких и фряжских.

— Добре, сынок,— нахмурясь, молвил государь.— Днесь скажи, токмо кратко.

— Не с Рымом одним, а и с Новымгородом, и с Казимиром, и с удельными двор-то княгини твоей ссылается...

Глаза государя загорелись грозным огнем.

— Не гневись, государь-батюшка, яз не могу тобе солгать...

Иван Васильевич вдруг крепко обнял сына и поцеловал.

— Все сие ведаю, Иване,— проговорил он дрогнувшим голосом,— токмо ты един верен мне. Баить же о сем, как ты право сказал, будем после похода...

К концу июня князь Иван Патрикеев с тревогой великой доложил государю Ивану Васильевичу, что Ахмат с верховьев Дона на Оку двинулся.

— По каким местам идут?— спокойно спросил Иван Васильевич, преодолев охватившее его волнение.

— Передовые отряды их — яртаульные, государь,— ответил князь Иван Юрьевич,— как наши дозорные приметили, одни гонят на Венев, другие — вниз по Осетру, по левому его берегу, не то на Озеры, не то на Коломну. Может, и другими путями еще к Оке норовят...

— Добре!— воскликнул Иван Васильевич.— Раз Ахмат к тому берегу близится, мне надобно поближе к своему быть. Бью челом тобе, Иван Юрьич. Сей же часец поди приказы всем воеводам полков моих разошли, дабы утре, после раннего завтрака, к походу готовы были. Яз сам поведу войско свое на берег у Коломны. Великому же князю Ивану Иванычу, князю Андрею и всем воеводам, которые с полками вдоль Оки стоят, гонцов пошли, что яз с главной силой своей на Коломну иду. Тобя же, матушку свою, владыку Геронтия, дьяков Федора Курицына и Василья Мамырева собя вместо оставляю. Нарядив все, яко тобе сказывал, приходи утре к моему раннему завтраку.

— Слушаю, государь,— проговорил, кланяясь, князь Иван Юрьевич и вышел.

Вскоре после ухода воеводы Патрикеева пришел к великому князю дьяк Курицын.

— По приказу твоему, государь,— сказал он, входя в покой.

— Садись, Федор Василич, за стол,— приветливо молвил великий князь.— Налей мне и собе по чарке фряжского. Утре в Коломну иду с полками своими.

— Худые вести, государь?— с тревогой спросил Курицын.

— Ахмат от Дона на Оку двинулся. Ну да, бог даст, отгоним, не страшат меня татары. Полки наши конные не хуже их. Пешие же полки в обороне вельми крепки, а пушкари все сокрушат...

— Дай бог победы тобе, государь! Доброе у нас войско, ты его сам таким сотворил. Какие же твои приказы будут?

— Князи Михайла Андреич да Иван Юрьич, матерь моя, владыка да ты с Васильем Мамыревым на Москве будете вместо меня. Какие у тобя вести о моих братьях?

— Более всего, государь, у них страху-то перед тобой, а король-то, кажись, большого добра в них не видит...

— Ладно,— перебил государь речь дьяка,— молю тобя, Федор Василич, внушай инокине Марфе, что-де великий-то князь, Ахмата прогнав, смертью накажет изменников, ежели не исправятся, не пойдут на татар под рукой великого князя. Пусть вызывает меня с Берега, печалуется предо мной за сынов своих, пусть молит и Геронтия, дабы он помог ей печалованием своим. Да и ты сам ведай, не пустые мои слова! За исправление пожалую, а за неисправление — казню. Токмо ныне никаких докончаний с братьями! Не до того мне. Пусть ведает матушка моя, что в угоду ей все сотворю, токмо бы вреда от сего Руси не было.

— Ведает она сие, государь, и мы все ведаем, у смертного одра родителя своего ты клятву ей дал,— подтвердил Курицын...

Он замолчал, дожидаясь, что скажет еще Иван Васильевич, но, не имея от него более вопросов, сказал:

— Разреши, государь, молвить о псковичах. Молят о помочи им. Немцы-то после ухода князя Ногтя-Оболенского слишком часто на их земли набегать зачали.

— Вот, может, братьев-то и пошлю на помочь Пскову,— раздумчиво произнес великнй князь, но тотчас же поправился:— Не буду загадывать. Боюсь, от татар нельзя будет ни единого воя отвлечь. Ну, иди. Утре все вкупе при отъезде моем увидимся. Ну, а попы как?

— У многих иерархов, государь, зло против тя растет,— страх у них за вотчины свои и за земли монастырские. Особливо после Новагорода из-подо лба они на тобя смотрят...

Иван Васильевич рассмеялся.

— Скажи им при случае,— шутливо заметил он,— пошто маловеры боятся? Сказано ведь, ни един волос с главы не падет без воли божией, а такие великие вотчины, яко монастырские, и подавно...

Едет Иван Васильевич с войском своим, а вокруг него зеленеют луга и поля хлебные, а просторы их охватывает зубчатое кольцо далеких лесов. Парит. Туча медленно ползет из-за леса, а в небе звенят жаворонки.

Знакомы места эти государю. Здесь он ехал когда-то с князем Юрием защищать Коломну от татар. Первую свою победу вспоминает он, когда сам в первый раз главным воеводой был, правил один всей битвой.

— Какая победа-то была! Какая радость великая,— шепчет он, улыбаясь.

Вспоминается Юрьюшка, и воевода Басенок, и старый Илейка, который за воеводу его ругал, сдержав от неразумного гнева. И казалось Ивану Васильевичу, что едет он не только в Коломну, а и в глубь времен, едет к своей юности, которая уж далеко отошла. Юрьюшку видит он смелым, скорометливым воеводой, а потом ему бледное лицо померещилось Юрьюшкино и кровь у рта его. Будто сейчас вот он все видит, и вдруг злой стрелой вонзилось в сердце ему то, что на грозном розыске в Новгороде было, будто молнией связалось с последними словами Юрьюшки, которыми он словно каялся, а в чем, не сказывал...

— Так вот в чем каялся,— стоном вырвалось из уст государя,— прощения просил он перед смертью своей за измену!..

Но не хотел поверить в это Иван Васильевич.

— Думу с братьями, может, по неразумению своему в государствовании и думал,— быстро шепчет он пересохшими губами,— а против меня не пошел бы. Нет, нет, не пошел бы Юрьюшка, дай ему, господи, царство небесное...

Прибыв в Коломну Иван Васильевич застал там много гонцов: от сына, от князя Андрея меньшого и всех других воевод. Усталый с дороги, он на все доклады дворецкого Русалки отвечал:

— Буду обедать, потом спать, а проснусь — сперва гонцы от сына и брата, а за ними прочие. Чертежи ратные приготовь, где весь Берег начертан...

Через два часа государь проснулся. Первый гонец от великого князя Ивана Ивановича, ничего не докладывая, передал только небольшой свиток. Государь, сидя за столом, передал его дьяку Василию Далматову и, когда гонец вышел, приказал:

— Читай, а яз по чертежам буду следить.

Сын писал о расположении своих войск, указывал, как и где охраняются переправы, где расставлены пушки, где засады, ка-

кие заставы и дозоры его и соседних воевод с левой и с правой стороны.

— Добре, добре,— покрякивая, хвалил государь,— сын-то мне князя Юрья напоминает: смел и скорометлив. В дядю из него воевода выходит...

Такие же краткие грамотки прислали и князь Андрей меньшой и другие воеводы. Слушая все эти доклады о положении дел на Береге и следя в то же время по карте, более часа просидел за столом Иван Васильевич, потом встал, потянулся всем телом и молвил дворецкому:

— Зови всех гонцов.

Вошли все девять человек, которые привезли доклады воевод и, поклонившись, стали ждать приказаний.

— Каждый передай своему воеводе, что яз скажу сей часец всем воеводам зараз. «Все добре содеяно, токмо дозоры далее выставлять, лазутчиков чаще посылать и вести друг другу, от соседа к соседу, передавать, также ко мне пересылать. Буде же татары на кого нападут у переправ, ближний сосед с левой руки подмогу даст, и пополнять его будет тоже сосед с левой руки, и так до Коломны, где яз стою с великой силой. Так же деяти и великому князю Ивану Иванычу — ему тоже подмогу давать, токмо с правой его руки, от Серпухова. Сие к тому ведет, воеводы, что подмога всегда у вас рядом будет. Не пустим на Москву мы татар, воеводы! Будьте здравы, и помогай вам бог! Вести чаще мне пересылайте...»

Весь июль Иван Васильевич провел в Коломне. За это время татары посылали только разведчиков к Берегу, а сами, разорив и сжегши Венев, стали станом на берегу Осетра, в шестидесяти верстах от Каширы. Передовые их отряды то и дело появлялись в разных местах на правом берегу Оки.

Поведение татар обнаруживало нерешительность и неуверенность. Видимо, они еще не были связаны с главным своим союзником, королем Казимиром, и, не зная его умыслов, хотели выиграть время для связи медленным передвижением...

Иван Васильевич усмехался и говорил воеводам своим:

— Уж не смеет Ахмат идти на нас един! А то, что медлит он, то ему хуже: лето уходит, а зима близится...

Во время этого стояния татарского присылала старая княгиня Ивану Васильевичу две грамотки в разное время, печалуясь о молодших братьях его, дабы он их пожаловал, принял бы послов их с челобитной. Но великий князь отказывал...

В середине августа у Ивана Васильевича был духовник его, архиепископ Вассиан ростовский. Печаловался владыка перед го-

сударем от себя и от старой княгини о младших братьях, просил о прощении их и пожаловании.

— Как же мне их жаловать,— спрашивал великий князь,— когда измену творят?

Но Вассиан настаивал, много говоря от писания и от проповеди святых отцов. Наконец, Иван Васильевич, якобы убежденный духовником своим, молвил:

— Случись, поеду куда по ратным делам, буду и у матушки в Москве.

— Докончание тогда, государь, соверши с братьями своими...

— Никаких докончаний не сотворю,— резко возразил великий князь.—Что ж, иуды они, токмо ради вотчин святую церковь и Русь защищать? Нету, отец мой! Пускай они ранее исправятся, измену свою искупят боем с погаными. А исправятся, буду их жаловать...

Вскоре после отъезда архиепископа Вассиана из Коломны обратно в Москву, сентября двадцать шестого, прискакали к Ивану Васильевичу гонцы от воевод со всего Берега. Они сообщили, что Ахмат, нигде не приближаясь к Оке, а только разведчиков посылая из своих яртаульных отрядов, нежданно снялся со стана и пошел к литовским рубежам. Никто из воевод причин не указывал, только великий князь Иван Иванович в конце грамотки нерешительно приписал: «Мыслю, государь, не получил ли Ахмат вести от короля? Может, король-то к Угре идет».

Эта приписка поразила Ивана Васильевича, и он прочел ее вслух ближним воеводам своего войска, разглядывавшим вместе с ним карту берегов Оки от Коломны до Калуги.

— А ведь соправитель твой право мыслит!— воскликнул знаменитый воевода Данила Димитриевич Холмский.— Ты же сам, государь, баил нам: не посмеет Ахмат един на един с нами биться...

Среди воевод начались разные догадки и предположения. Некоторые думали, что Ахмат сам пошел в Литву Казимира звать, чтобы потом вместе с королем Оку обойти...

Иван Васильевич сделал знак, и разговоры сразу оборвались.

— Воеводы,— заговорил великий князь,— причин ухода Ахматова искать нам нечего. Просто будем мыслить самое худое для нас. Может, и Казимир пришел, может, другие вороги с ними. Кто-то из вас баил, что Оку они обойдут. И в сие поверим. Может, и на Москву пойдут за спиной нашей. Самое наихудшее возьмем и будем о сем думать. Поглядите-ка...

Все подошли к столу государя и почтительно остановились возле разложенной карты.

— Устье Угры-то всего в десяти верстах от Калуги,— начал Иван Васильевич.— Перейдя литовские рубежи против Воротынска аль Одоева, татары без помех в Литве через Оку переправятся.

— Истинно, государь,— согласились все.

— Из Литвы же,— продолжал государь,— Ахмат и Казимир по левому берегу Оки пойдут к устью Угры, станут переправы искать...

Иван Васильевич внимательно смотрел в карту, что-то вычисляя.

— Яз мыслю,— заговорил он снова,— мы упредить их можем. Ахмату идти вдоль Оки. Потом войско через нее переправить. Князь же великий Иван из Серпухова, а князь Андрей меньшой из Тарусы напрямки к Калуге погонят. Следом же за ними и все полки отсель, опричь застав, пойдут: одни — к Угре, другие — в Кременец, что на реке Луже. Идите. Утре приказы получите, кому куда идти. Сей же часец к походу готовьтесь...

Отпустив все войска свои к устью Угры и к селу Кременцу, что всего в пятидесяти верстах от речных переправ, Иван Васильевич спокойно выехал на Москву, чтобы уладить дела с братьями, погасить смуту за своей спиной, а самих смутьянов заставить бороться за Русь. Расположение сил Большого своего полка у Кременца считал он наилучшим, ибо отсюда не только легко помощь береговым полкам подавать, но и путь татарам на Москву заслонять.

Иван Васильевич понимал, что узкую Угру много легче перейти врагу. Посему считал он неразумным держать все свои силы у самой реки, где из-за тесноты нельзя быстро их перестраивать и развертывать.

Из Кременца же легче и быстрей присылать подкрепления в то или иное место у Берега, где татары теснить начнут.

— Видней с Кременца-то,— говорил он воеводам при отъезде своем,— да и спокойней мыслить, где нужней и как лучше по ворогу бить. В Кременце же и яз наши полки догоню. Мыслю, может и в одно время с вами туда приеду...

Тридцатого сентября великий князь Иван Васильевич уже въезжал со своей тысячей в Москву. Здесь, как в разворошенном муравейнике, в посадах и в Кремле, суета была великая. Люди везли на подводах, тащили на своей спине узлы и сундуки — переправляли все наиболее ценное из добра своего за кремлевские стены каменные и готовились в осаду крепко садиться.

Узнав о прибытии государя, народ бросился к нему, крича «ура» и обступая его. Иван Васильевич остановил коня на Ивановской площади впереди своей тысячи, а народ, сбегаясь со всех сторон, густо вставал кругом так, что нигде и мостовой не было видно.

Великий князь сделал знак рукой, а все кругом стихло.

— Будьте здравы, православные!— громко крикнул он.

— Будь здрав, государь!— загремела толпа.

Иван Васильевич, сделав знак, продолжал в наступившей опять тишине:

— Люди православные! Злоименитый царь Ахмат всю весну и все лето простоял у Берега. Яко волк лютый к стаду, рвался он на Москву, но, видя полки наши, не смел к реке подступить. Ждал все короля Казимира на помочь, а король не пришел...

Иван Васильевич на миг остановился, зорко оглядывая толпу, и, возвысив голос, произнес:

— Ныне же в Литву ушел...

— Помог нам господь!— крикнул кто-то из толпы, но голос его тотчас же потонул в радостных восклицаниях и криках «ура».

Великий князь досадливо махнул рукой и, когда все смолкли, сказал:

— Ушел Ахмат за помочью и, может, с королем вместе воротиться. И не на Оку они, а на Угру пойдут...

Толпа замерла от волнения, радость ее сама собой потухла. Государь продолжал:

— Яз же послал свое войско навстречу им. Бог даст, и через Угру мы ни татар, ни латынян не пустим...

— Ур-ра!— вырвалось из толпы и сразу оборвалось, когда Иван Васильевич вновь отмахнулся.

— Дни через три-четыре и яз на Угре буду с полком своим. Вы же в осаду на всяк случай садитесь. Бают, на бога надейся, а сам не плошай...

Государь повернул коня и под приветственные крики поехал, окруженный стражей, к своим хоромам.

После покрова, октября третьего, выехал Иван Васильевич из Москвы на рассвете. Он спешил очень, так как по его расчетам Ахмат мог подойти к Угре седьмого. Снег еще не выпадал, но земля уже затвердела — кони бежали легко. Ехал государь великим гоном и на третий уж день к обеду был у берега Угры. Войска встретили государя радостно, оживились и духом окрепли. Уверенней стали и воеводы. Государь, назначив

сегодня же осмотр войск и расположения их, пошел обедать к сыну в его шатер.

За обедом Иван Иванович спрашивал отца о его братьях, о бабке и прочем.

— Есть ли страх в Москве?— спросил он.

— Есть, сынок, как и у нас с тобой. Русь на весы кладем. Ежели вдруг Казимир придет с Ахматом-то? Токмо не верю в сне. Федор Василич баил мне, что вязнет все более и более Казимир в литовских усобицах.

— А как дяди?

— Сие тоже, сынок, указывает, что Казимир о нас не думает. Одолели меня челобитными братья. Нет у них на него надежды. Матушка моя и митрополит приказали им за Русь стоять, а от меня обещали, что-де пожалую их.

— А другие дела как?— нерешнтельно спроснл Иван Иванович.

— Москва в осаде.

— Нет, не о том яз, о дворе...

— Разумею, сынок. Все гнездо греко-латыньское убрал яз на время подалее от ратных полей. В Белоозеро отослал казну свою, отпустил туда и княгиню Софью с детьми н двором ее, а при них бояре: Василь Борисыч Туча н Андрей Михайлыч Плещеев, Василий Ромодановский да дьяк Василий Далматов.

— Добре, государь,— улыбнулся Иван Иванович,— все ты удумал. Будем ныне биться без оглядок назад.

— Истинно, сынок. Братьев-то вборзе яз жду в Кременец, куда повелел им спешно идти...

После обеда Иван Васильевич с сыном и братом Андреем меньшим, окруженный воеводами, поехал вдоль левого берега Угры вверх по теченню ее. Полки московские бок о бок стояли здесь от устья Угры почтн до Юхнова, растянувшись верст на тридцать, как и по Оке от устья же в сторону Алексина.

Великия князь считал оборону Угры важнее.

— Днесь же,— сказал он воеводам,— сколь прн свете еще успеем, оглядеть хочу Угру. А что из огненной стрельбы маэстро Альберти привез? Много ль?

— Много, государь,— ответил Иван Ивановнч,— и есть пушки легкие, пищалн разные. Последние для полевого боя особливо добрые, как яз и все воеводы о сем мыслим. Переносить их нетрудно, а бить можно из десяти зараз.

— Истинно, государь,— подтвердили воеводы.— У татар же ни пушек, ни пнщалей нет. Разве Казимнр привезет...

Дотемна Иван Васильевич осматривал берег, но и в темноте все же до конца обороны доехал. Понимал он, что всем полкам своими глазами видеть его надобно, а не со слов только других знать. На другой день объехал он и всю оборону левого берега Оки, которая растянулась тоже на тридцать верст.

Подумав потом с воеводами за картой Оки и Угры, выслушав доклады их, как они оборону намечают, одобрил все великий князь, хотя и внес кое-где поправки.

— Добре, воеводы, все добре удумано,— говорил он бодро и весело.— Спокоен еду от вас. Токмо дозоры доржите крепче, изгоном не пали бы на вас татары...

Иван Васильевич простился со всеми воеводами и, облобызавшись с сыном и с братом Андреем меньшим, сел на коня.

— Помогай вам бог!— крикнул он.— Токмо каждый час, а надобно будет — и каждые полчаса гонцов мне шлите. Да хранит вас и всех воев господь!

Окруженный своей стражей поскакал в Кременцы.

Октября восьмого, задолго еще до позднего теперь рассвета, стремянный Никиша Растопчин разбудил молодого великого князя Ивана Ивановича.

— Государь,— говорил он в тревоге.— Татары, государь!

Иван Иванович вскочил с постели, на которой спал в боевом одеянии.

— Гонца зови, гонца сюды!

Откинув полость шатра, вошел гонец.

— Сказывай.

— Татары двинулись, государь. По всему полю идут к берегу...

— Казимир с ними?— перебил гонца молодой великий князь.

— Нетути его, государь.

Иван Иванович перекрестился широким крестом.

— Слава те, господи! Прозорлив государь-то наш, угадал сие...

Вдруг снова тревога охватила его.

— А может, король-то следом идет за ними, а то с левой руки у них?

— Нетути его, государь. Лазутчики наши бают, совсем сюды король не приходил и полков не присылал...

— Никиша, покличь борзо сюды из стражи моей Алешу да воевод прикажи созвать ближних, а перво-наперво князя Данилу Митрича Холмского...

Обратясь к гонцу н вздрагивая от утреннего холода, спросил:

— Далеко ль от нас татары-то?

— Гонцы-то вестовым гоном гнали, государь.— Я — последний, пятый.

— Значит, верст за сорок от нас...

— Будь здрав, государь,— приветствовал Ивана Ивановнча вошедшнй Алеша.— По приказу твоему.

— Гони немедля, Алеша, в Кременец, к государю,— сказал великий князь,— и доведн ему от меня, что татары к нам на Угру пошли, сей часец верст сорок от нас. Казимир же к Ахмату не прнходил и полков своих не дал. Скажн государю, каждый час гонцов слать ему буду. С богом, спешн!

Из дверей шатра стремянный Ннкнша доложил:

— Князь Холмский.

— Зови.

Князь Данила Димитриевич вошел.

Гонец, когда знаменитый воевода проходил мимо него, ннзко поклонился н почтительно молвил:

— Будь здрав, княже.

Князь Холмский приветливо кивнул ему и, обратясь к Ивану Ивановичу, воскликнул:

— Будь здрав, государь! По приказу твоему.

— И ты будь здрав!— ответил ему великий князь.— О татарах ведаешь?

— Ведаю, государь.

— Король-то с нимн?

— Нетути. У собя король-то; бают литовцы, хоша н полкн он еще собнрает, но сидит у собя: то в Троках, то в Вильне.

— Много раз отец мне сказывал: не будет король ныне воевать,— молвил княжнч Иван.

Увидя, что Алеша уж к дверям подошел, Иван Иванович крнкнул ему:

— Стой, Алеша! Скажн еще государю, что, мол, лазутчнки князя Холмского в Литве узнали, что король-то хоша н собирает еще полки, но все время у собя: то в Троках, то в Внльне. Данила Мнтрич, еще у тобя ннчего нет?

— Нет, государь. Яз уж послал гонца в Кременец.

— Ну, с богом, Алеша,— сказал Иван Иванович н, обратясь к гонцу от своих дозоров, добавил:— И ты иди...

В шатер, один за другим, стали входить ближние воеводы Ивана Ивановича на думу с ним.

Позднний октябрьский восход солнца начался прн холодной, но ясной погоде. Солнце подымалось быстро, н лучн его били в небо, освещая уж н верхушки деревьев на соседних холмах. Солнечные лучи опускалнсь все ниже н ниже н, наконец, брызнув

огнем в глаза воинам, осветили луга и поля, засверкали на кустах и на травах.

В это время четко стали видны вдали темные, колеблющиеся линии скакавших татарских полков. Русские воины замерли, крепче сжимая в руках луки и стрелы. Пушкари стали у пушек и пищалей, заранее расставленных так, чтобы на переправах, куда стрелы не достанут, бить из них на середину реки. Из новых же пушек бить — по самому правому берегу, откуда татары переправу начнут.

Иван Иванович и воеводы его на конях въехали на холм позади полков своих и внимательно следили за всем, что происходило в заречье. Они молчали и громко, взволнованно дышали.

Вот уж слышны знакомые им крики и вопли татарской конницы. Конники мчались прямо к переправе.

— Ведомо им, где есть переправы,— молвил Иван Иванович,— но сие для них хуже.

Первый татарский полк вдруг остановился. Конники были поражены, увидев на левом берегу неподвижно стоявших русских воинов — и прямо перед собой, и вправо и влево вдоль реки, насколько глаз хватит!..

— Не ждали!— злорадно крикнул князь Холмский.

Но татарам более стоять было нельзя: вслед за ними мчались другие полки...

Вот со своего берега бросаются конники ряд за рядом в холодную воду, бродом идут, а русские, к удивлению их, ничего не делают. Вот уж полк, густо сгрудившись, плывет посередине реки...

Вдруг перед рядами русских сверкнули огоньки в серых клубочках дыма, грохот прокатился вдоль берегов, а в гуще плывущих татар, словно в котле, все закипело. Люди и кони сразу поредели, вода окрасилась кровью, и вот уже несет течением убитых и раненых людей и коней, не успевших еще затонуть.

Но вот опять смыкают ряды татары, следующий полк соединяется с ними, и опять густо плывут они посередине реки. Опять гремят пищали и пушки, опустошая ряды татарских полков. Все же часть татарской конницы переплыла и уже бродом идет к берегу. Тут русские пустили в ход ручные пищали и частой стрельбой били справа и слева по людям и коням.

Уже четыре полка бились так в холодной воде, стараясь выйти на русский берег, и два часа уже гремят русские пищали, свистят стрелы из луков и самострелов. Есть убитые и раненые и от татарских стрел, но это не помогает степня-

кам, и вдруг их охватывает страх. Как стадо овец, шарахаются они иазад, к своему берегу, и, выходя иа сушу, густо скопляются у пологого подъема.

Иваи Иванович иаходит, что наступило время для иовых, дальнобойных пушек, которые отлил маэстро Альберти после похода к Новгороду. Ои делает условный знак пушкарям, и тяжкий густой рев раздается с русского берега, а в гуще отступающих воинов, на конях и пеших, выходящих из воды, образуются, словио просеки, кровавые полосы. Вот опустел уж татарский берег, пустеет и заречье.

Иван Иваиович с воеводами едет по рядам своих полков, поздравляет с победой. Гремит «ура», и весть «об одолении поганых» бежит и вдоль берега Угры и вдоль берега Оки. Гоицы с подробными донесениями мчатся к селу Кременцу от всех воевод...

Все же иапор степных орд ие ослаб, и после обеда сиова прискакали татарские полки, ио на десять верст выше по Угре, к другой переправе, где стоял брат государя Андрей меньшой. Бой длился четыре часа, и помогали там друг другу соседние воеводы и с левой и с правой руки: пушкарей с пищалями присылали князю Андрею меньшому. И там татары были отбиты, а остатки их сотеи бежали к Ахматову стану.

На другой деиь Ахмат почти вплотиую подошел к берегу Угры со всей своей силой. Еще три дня татары упорно пытались пробиться иа левый берег, ио русские отбивали все отчаянные натиски степняков с большим уроном для них.

На пятый день Ахмат, потеряв иадежду захватить левый берег Угры, отошел от реки, остановился в двух верстах от нее и распустил татар грабить литовские земли...

Снова началось стояиие двух враждебиых станов друг против друга.

Иваи Васильевич вызвал к себе в Кремеиец сына и брата Андрея меньшого, киязя Данилу Холмского и своих ближних воевод на думу.

Начал ои совещание сразу с самой сути дела:

— Неведомо нам точио: пойдет иа помочь Ахмату король или ие пойдет. Посему иам силы свои ие токмо беречь иадобно, ио и прибавить, откуда можно. Яз ведаю, что братья Аидрей большой и Борис, семьи отослав в вотчины, с полками идут в Кремеиец. Ахмат же, сами видите, пушек страшась, более ие смеет на Угру идти без Казимира, у которого тоже огненная стрельба есть. Так на сей часец у нас с татарами.

Сыи государя, брат и все воеводы согласились с этим.

— Можно было бы биться с татарами,— продолжал государь,— токмо яз не хочу победу в кости выиграть. В кости-то и всю Русь за ништо проиграть можно. Яз жду, опричь братьев, отряды некои конные с дальних мест московской земли. Ведомо мне, что казаки из татар тюменских и ногайских о набегах на Сарай мыслят. Слух сей надобно днесь же через Литву пустить. Ведомо мне еще, что Менглы-Гирей набегал уж на литовскую землю.

Иван Васильевич помолчал и заговорил снова:

— Против меня могут еще сказать: время теряем, зима идет суровая.

— Да, сие, государь,— воскликнул Иван Иванович,— токмо татарам во вред! Лазутчики наши бают, наги и босы татары, ободрались все. Кормов у них не хватает ни собе, ни коням, а мы ведь у собя, на родной земле...

— Истинно, истинно сие,— подтвердили воеводы.

— Все сие так, государь,— молвил князь Андрей,— токмо скажи, что деять-то нам надобно, дабы время нам выиграть?..

Иван Васильевич усмехнулся и сказал:

— Деять? Трудное дело нам деять надобно. Хочу яз татар миром блазнить. Сим новгородцы мыслили мой поход остановить. Яз-то не остановился, Ахмат же, может, и ждать будет...

Все недоуменно переглянулись, не зная, что сказать, и возражать не смея.

— Государь,— заговорил Иван Иванович,— на Москве некои, не разумеющие ратного дела и ратной хитрости, скажут: страшимся мы...

— Пусть, сынок, московские собаки лают, что хотят,— заметил великий князь.— Мы же, слыша, что и как ответит Ахмат, знаем, какие дела у него. Яз не хочу мира, а токмо хочу переговоров...

Все молчали в смущении.

— Добре,— сказал Иван Васильевич,— яз один за все ответ беру на собя...

Призвав к себе боярина Ивана Федоровича Товаркова, великий князь послал его к хану Ахмату со слугами многими, которые должны были на конях подарки везти хану и любимому князю его Темиру.

Ни хан, ни князь его Темир даров не приняли и от послов челобитной не слушали.

Ахмат сказал гневно:

— Не за дарами я пришел, а ради Ивана, что ко мне не идет и даней-выходов мне пятый год не дает. Пусть сам ныне

придет, станет у моего стремени и молит прощения, а я его пожалую, приму челобитье...

Все же с боярином Товарковым хан Ахмат прислал послом мурзу Ахмеда с двумя своими конниками.

Государь вновь пригласил к себе сына, брата и воевод, которые были на думе у него, и повелел Товаркову перевести ответ Ахмата. Ответ был столь оскорбителен, что все смутились еще более, чем на первом собрании.

Иван Васильевич улыбнулся и молвил:

— Слушайте мой ответ. Ты же, Иван Федорыч, толмачом будь, скажи так мурзе Ахмеду: «Яз, великий князь Иван, к тобе, Ахмату, не иду. Не бывать сему!»

Все переглянулись между собой, ожидая гнева татарина, но тот почтительно поклонился и вышел в сопровождении боярина Товаркова из поповской избы, в которой стоял к Кременце государь.

Через неделю вновь прибыл в Кременец мурза Ахмед и просил допустить его пред очи государевы.

Иван Васильевич снова вызвал сына, брата и воевод, которые были у него в первый приезд посла Ахматова. Когда все собрались, боярин Товарков привел в горницу мурзу Ахмеда. После обычных приветствий, на этот раз более почтительных со стороны татарина, государь через Ивана Федоровича повелел мурзе:

— Сказывай.

Мурза поклонился и произнес, а Товарков перевел:

— Царь Ахмат говорит тобе, князь Иван: «Сам не едешь, так пришли ко мне сына».

Иван Васильевич усмехнулся и молвил:

— Тому не бывать.

Лицо татарина вытянулось, он заволновался и поспешно добавил:

— Ежели ты, государь, сего не можешь, пришли брата своего, князь Андрея.

— Иван Васильевич сказал:

— И сему не быть.

— Может, ты, государь, Никифора Басёнкова пришлешь, сына воеводы Басёнка. Вельми в Орде Никифора любят...

— Никого не пришлю,— нахмурив брови, перебил Иван Васильевич,— а вборзе пошлю ему, опричь полков своих, которые здесь стоят, и те, которые сюда идут...

Когда посол удалился, государь, смеясь, спросил:

— Уразумели то, что сейчас видели и слышали?

— Уразумели, государь!— с гордостью воскликнул соправитель государев Иван Иванович.— У тобя все и всегда нам на пользу оборачивается...

— А пошто?— спросил Иван Васильевич.— По то, что в делах яз не в кости играю, не спешу рубить и резать, а ранее наиточно все примеряю.

— А какие, государь, новые полки идут?— спросил князь Андрей меньшой.

— Братья наши идут,— весело ответил Иван Васильевич.— Днесь вестник от них ко мне пригнал. Сказывал, утре здесь будут. На полпути от Боровска они...

После прибытия братьев в Кременец, октября двадцатого, начались морозы, а двадцать шестого встали все реки так крепко, что по ним целыми полками переходить можно.

Но татары, однако, не двигались, а в войске татарском пошла смута и страх. Люди страдали от холода и голода, и более всего пугало татар голодание коней, которые худели и слабели. Все это вызывало ропот среди воинов. Лазутчики доносили, что меж ханом Ахматом и племянником его Касымом опять началась вражда, но воины обоих требовали одного и того же: пищи, тепла и добычи.

Вести же о неудачном походе Ахмата уже облетели поле, и шайки разных уланов ждали случай пограбить и Орду и обозы расстроеиных татарских войск. Но Ахмат все еще стоял перед замерзшей Угрой, не зная, что делать, на что решиться.

Так тянулось до первых чисел ноября, а в ночь на одиннадцатое число царь Касым, стоявший за версту от стана Ахмата, тайно ушел с сыновьями и со всей своей ордой в Литву.

Лазутчики доложили об этом великому князю Ивану Ивановичу, а рано утром, когда воеводы и воины московские собрались на берегу, заметили начавшуюся суматоху и в стане Ахмата. В белесых сумерках смутно было видно, как сворачивался стан, как бегали люди, как запрягали верблюдов в кибитки, как склыдывали шатры, вьючили и седлали коней. Видно было, как темными пятнами стремительно уходил полк за полком, расплываясь в серой предрассветной дымке.

— За Касымом гонят,— смеясь, сказал Иван Иванович,— видать, конец Орде пришел...

Он послал гонцов к отцу в Кременец и приказал передовым отрядам своим следить, куда двинутся татары.

Когда же медленно стала разгораться багровая заря, от бывшего стана Ахмата уходили уж последние полки.

К восходу солнца разведчики из передового отряда донесли, что Ахмат подходит к литовским рубежам, а к обеду пришел приказ от государя Ивана Васильевича:

— Днесь же всем полкам идти к Кременцу.

Взволновались полки московские, повсюду гремело «ура»; как муравьи, засуетились воины и не менее поспешно, чем бежавшие татары, собрались к выступлению.

— Дал бог,— радостно кричали во всех концах стана,— восвояси идем!..

В Кременце сам государь с воеводами своими встретил войска, защищавшие берега Оки и Угры, и устроил им смотр.

Веселый и радостный, объезжал великий князь выстроившиеся пред ним полки и кричал:

— Здравствуйте! С победой! Сняла Русь ярмо свое!

— Будь здрав, государь!— громыхали в ответ боевые полки.

Потом служили молебен, а во всех полковых поварнях готовили праздничные обеды...

Из-за тесноты поповской горницы государь пировал у себя только с сыном, братьями и пятью воеводами своего государева полка.

К вечеру прискакали новые гонцы. Последний из них докладывал государю:

— Пустошат поганые на Литве вотчины верховских князей православных, грабят, жгут, полон хватают.

— А станом надолго стают?— спросил Иван Васильевич.

— Токмо на ночь, государь, а с рассветом сымаются. Видно, в поле вельми спешат.

— А где царь Касым?

— Неведомо, государь. Среди стана всегда один токмо белый шатер для Ахмата ставят...

— Добре, добре,— смеялся великий князь,— скатертью дорога!

Но сей вечер пришла и плохая весть: сын Ахматов, царевич Амуртаза, примчался с полками из Литвы к рубежам русским и идет на Конин и на Юхнов, придет к вечеру. Иван Васильевич немедля, за пиром же, приказал братьям — обоим Андреям — и Борису гнать со своими полками навстречу Амуртазе.

— Гоните спешно и прямо с похода, изгоном, падите на ордынцев, секите и бейте без милосердия,— сказал государь.— Пусть ведают тяжесть руки русской.

Прямо из-за стола братья сели на коней.

Из похода братья государевы вернулись на третий день, к раннему завтраку.

— Ну и скорый поход,— шутил Иван Васильевич, усаживая братьев за стол,— уехали с ужина, а через день к завтраку воротились. Ну, садитесь да сказывайте...

— Гнали, государь,— начал князь Андрей большой,— всю ночь и утро. К обеду селян, в леса бегавших, встрели. Пытали, куда, мол, едете, а они бают: «К Юхнову, к собе, в деревню...»

Брата перебил князь Борис:

— Да ведь татары там, кричу им...

— А они в ответ нам,— продолжал князь Андрей:— «Какие татары? Сами из лесу на ранней заре видели, как они, словно взбесясь, гнали к литовскому рубежу». Узнав, где стан Амуртазы, наехали мы на него в самый полдень. А по стану их не токмо добыча брошена, а и котлы над кострами.

Братья рассмеялись.

— Пошто ж так?— с удивлением спросил Иван Иванович.— Ведь ежели напал кто, добычи бы не оставил.

— Истинно,— согласился князь Андрей.— Сказывали так нам, что ночью пымали селянина некоего, именем Иван Черемуха, и пытают, где великий князь. А тот ништо не ведает. Они мучить его начали, он же, муки не могущи терпеть, изолгал: «Близко вельми князь-то великий. Сюды идет». Татары же враз всполошились да на коней. Тут токмо их и видели...

Все рассмеялись, а Иван Иванович заметил:

— Так же татары казанские бежали, сведав, что московские полки от Новагорода к Москве с победой ворочаются.

— Да, переменил господь Орду, погубил, яко Новгород,— сказал великий князь, искоса взглянув на братьев.

Те поняли и смутились.

Помолчав, государь сурово добавил:

— Бог даст, и немцев и Казимира смирим...

На другой день Иван Васильевич вместе с сыном выехал в Боровск, куда велел и всем полкам постепенно подходить, чтобы там лучше и скорей нарядить порядок роспуска воинов по домам. С собой он взял постоянную свою тысячу. Братья с полками своими следовали за великими князьями.

Роспуск войск задержал великих князей в Боровске на целую неделю, и перед самым отъездом в Москву были получены вести, что царь Ахмат, ограбив порубежные земли Литвы, вышел в Поле с большой добычей и пошел к Малому Донцу, где решил зимовать в приазовских степях.

— Пала Орда, не встать ей уж более,— сказал по сему случаю Иван Васильевич сыну.— На высокую гору взошли мы с тобой, сыне мой. Токмо с высоты сей еще видней, сколь много врагов у нас. Лицом к лицу стали ныне мы с немцами, с поляками, литовцами, свеями...

Оставив в Боровске некоторых воевод своих для окончания роспуска полков, Иван Васильевич с сыном во главе своей тысячи двинулся к Москве.

День стоял не особенно морозный, но солнце ослепляло своим блеском, и глаза уставали от яркой белизны снега. Оба государя ехали рядом позади своей стражи, а за ними шла на рысях государева тысяча, растянувшись длинной темносерой змеей.

Кругом по окраинам полей и за перелесками виднелись зубчатые стены лесов. Попадались среди лугов и полей и отдельные сосны, ели и дубы. Они стояли здесь, словно заблудившиеся путники, утопая в снегу — одни по колена, другие по пояс, и белые огромные шапки были нахлобучены на их вершинах.

— С ночи шел снег,— глубоко вдохнув свежий морозный воздух, сказал Иван Васильевич.— Люблю яз, Иване, нашу зиму.

— Яз тоже люблю,— задумчиво отозвался Иван Иванович.— Словно из сказки прилетает она к нам, яко царевна — лебедь белая.

Иван Васильевич с лаской взглянул на сына и сказал:

— Молвил ты сие, Иване, словно песню пропел. Напомнил ты мне Илейку нашего.

В это время где-то среди тишины зимней зазвякали колоколы малые. Слыхать, три-четыре их всего было, но звонили они весело, пасхальным звоном.

Переглянулись оба государя. Слезы блеснули в глазах Ивана Васильевича, и спросил он дрогнувшим голосом:

— Разумеешь, Иване, пошто ныне, в пост рожественский, звоном пасхальным звонят, как в праздников праздник в воскресение Христово?

— Два ста и полста лет народ-то сих дней ждал. Под игом-то

сны о сем видел. Гляди, государь,— указал Иван Иванович кивком головы на стражу.

Воины и в страже и в государевой тысяче торопливо снимали шапки и долго крестились. Сняв шапки, крестятся и государи и воеводы, а перед ними малое сельцо Нарское, что у Нары-реки, из семи дворов, и церковка убогая деревянная на погосте стоит, и, правда, на звоннице ее из двух бревен дубовых с перекладиной висит малых четыре колокола.

Увидав князей, воевод и воинов московских, веселей задергал веревками молодой дюжий звонарь, а из всех изб, надевая на ходу полушубки, выскакивают мужики и женки, парни и девки, старики и старухи выползают, а дети, оставив ледянки и коньки деревянные, разинув рты, стоят неподвижно. К государям подъехал начальник стражи, старый Тимофей Кондратьевич, склоняясь к ним, прокричал под звон:

— Ныне, видать, государи, по всей Руси сии звоны пасхальные! Помню яз иго-то, государи. В полоне сам был, в самом Сарае был...

Так же встречал народ полки московские в селе Петровском и в селе Троицком, что в двести верстах от Москвы. Отсель уж без приказа конники на больших рысях погнали — сами государи со своей стражей первые почин сделали...

Вот и Москву видать стало, сначала с холмов только, а через полчаса и все стены открылись, и звоном пасхальным вся она гудит; гудят и посады ее, и все окрестные монастыри, и села подмосковные.

Толпы идут навстречу государям, а у ворот кремлевских уже стоит митрополит Геронтий со всем собором духовным. Не смолкают крики приветствий, громом перекатываются по всей толпе.

У ворот сходят с коней государи и воеводы. Подходит Иван Васильевич, а за ним и Иван Иванович под благословение владыки, идут государи в ворота Кремля, а митрополит, подняв высоко крест, общим благословением благословляет войска и воевод и следует за государями.

Пришли все к собору Михаила-архангела, и духовенство с митрополитом вместе взошли на паперть. Увидев там свою мать, инокиню Марфу, Иван Васильевич, сопровождаемый сыном, быстро поднимается по ступеням и восклицает:

— Будь здрава, матушка Марфа! Богомолец наш, митрополит Геронтий, благословил мя. Благослови и ты, яко матерь моя...

У всех на виду государь встал перед матерью на колени,

а она, благословив его, заплакала и, обняв, облобызала. Благословила потом и внука.

На площади в народе тихо, и колокола не звонят. Начался молебен и окончился, и враз зазвонили колокола, но в этот миг государь подошел к краю паперти и сделал знак рукой. Колокола постепенно затихли, замер и весь народ на площади.

— Люди православные!— громко воскликнул государь.— Два ста лет и полста были мы данниками ордынскими. Ныне по воле божьей пала Орда! Стала Русь святая свободной, и нет у ней никакого царя, опричь единого государя, православного!

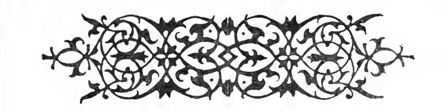
— Ур-ра! Да живет вольная Русь наша!..

Но крики сразу потонули в рокотании гулких московских колоколов, и радостно было слушать весенний пасхальный звон среди зимних снегов, и люди объятиями и троекратными поцелуями приветствовали освобождение Руси, сбросившей иго татарское.

Конец четвертой книги

книга пятая

ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ



Глава 1

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Вскоре после бегства татар от берегов Угры установилась на Руси зима, хоть и морозная, но тихая, без ветров, с яркими светозарными полднями. С середины же января, когда Петр — Павел дня прибавил, переменились суровые зори вечерние: не багряные они уже, а золотисто-прозрачные, и снега от них отсвечивают ласковым янтарным блеском, бросая синеватые тени.

Государь Иван Васильевич и сын его Иван Иванович в такие ясные студеные дни, надев простые полушубки, меховые ушанки и длинные пимы, любили скакать по твердым наезженным дорогам и слушать, как морозный снег скрипит и взвизгивает под копытами коней.

Взяв своих стремянных и небольшую стражу, часто ездили они за город, на левый берег Неглинной, где под наблюдением маэстро Альберти заканчивалась стройка Пушечного двора. Там уже второй год русские мастера отливали медные пушки по образцу болонских, а иногда лили большие колокола.

На Пушечном дворе постоянно дымились в разных местах сыродутные горны с ручными мехами для выплавки меди и небольшие печи-домницы для выплавки железа.

Оба великих князя уже видели все эти печи не раз, но сегодня, января семнадцатого, позвал их маэстро Альберти на окончание выплавки железа в большой круглой домне, построенной самим маэстро. Государям показали, как эту огромную печь, подобно малым домницам, наполнили почти доверху древесным

у́глем, а сверху засыпали смесь «гороховой» железной руды[1] с известняком, сильно облегчающим плавку.

— Хороша эта руда,— говорил тогда маэстро по-итальянски молодому государю,— железо из нее ковко и тягуче, а из иных руд оно хрупко, легко разбивается и мало на что годно...

Узнав об этом, Иван Васильевич велел сыну спросить, откуда такая хорошая руда.

— С Железного поля, государь,— передал Иван Иванович ответ маэстро.

— Истинно добрая там руда,— подтвердил государь,— ве́дом мне сей край. Лежит он при устье речки Ижи́ны, которая в Мологу впадает. Железное-то поле от сих рек до самой Дубровки идет...

— Днесь, государь, плавка из железопольской руды,— продолжал Иван Иванович переводить объяснения маэстро Альберти,— надобно вот крицу[2], пока она не остыла, мягка и вся ноздриста, ковать у малых домниц; крицы куют вручную двойным молотом. В сей же домнице крица-то будет пудов на двенадцать. Посему я водяной молот придумал. Вот он...

Маэстро показал на наковальню раз в десять больше обычной и укрепленную между двух толстых бревен, врытых в землю, а наверху стянутых железной полосой. На наковальне — тяжелая железная кувалда. От нее идет вверх толстый крепкий канат, перекинутый у са́мой скрепы бревен через глухое дубовое колесо с желобом по краю. Скользя по желобу колеса, канат этот снова спускается к земле к деревянному валу. Этот вал, соединенный с особым мельничным колесом, может вращаться с большой скоростью силой воды, отведенный от Неглинной реки в узкий, но глубокий и быстрый ручей.

Государи еще не успели подробно ознакомиться со всем устройством водяного молота, как маэстро, сняв шапку и делая глубокий изящный поклон, громко заявил через своего толмача:

— Прошу, государи, отступить сюда вот, в сторону, ибо мы будем сейчас у домны ломать переднюю стенку, которая сложена всухую, дабы легче и быстрее вынуть крицу и не остудить ее...

Последовательно несколько ударов железными ломами, и кирпичи, не скрепленные глиной, посыпались к ногам рабочих. В глубине печи отчетливо обозначилась огненно-красная глыба

---

[1] «Гороховая» руда или «болотное железо», добывалась в древней Руси очень легко — ее собирали со дна озер черпаками, стоя на плотах. На болотах руду добывали сверху лопатами, предварительно снимая покрывающий ее слой дернины.

[2] *Крица* — глыба губчатого железа, вываренного из руды.

железа. Длинными кочергами рабочие вытащили крицу, навалив ее на железные носилки.

В это время деревянный вал стал со скрипом вращаться, и железная кувалда пошла вверх. Рабочие торопливо поднесли крицу к наковальне и свалили на нее раскаленное железо, на котором темные отверстия и щели ясно показывали его ноздреватое строение. Рабочие едва успели отскочить от наковальни, как сверху мелькнуло что-то темное, и в тот же миг земля слегка дрогнула под ногами от глухого удара, а с наковальни полетели во все стороны большие и малые искры и с коротким шипением исчезли в снегу...

Удары кувалды следовали один за другим все чаще и чаще, и темнеющая глыба железа на глазах у всех превращалась в толстую плиту. Тогда рабочие, ухватив ее огромными клещами с длинными ручками, передвинули ближе к краю наковальни. Потом, когда оставшийся под ударами край плиты стал несколько тоньше, железную плиту снова втолкнули толстым краем под кувалду, а более тонкий край вышел немного наружу с другой стороны наковальни.

Водяной же молот все бил да бил без устали по тяжелой шершавой плите, все более и более уплотняя железо, отбивая посторонние примеси и окалину. Выкованная полоса теперь уже заметно остывала, принимая вид настоящего поковочного железа с его обыкновенным блеском.

Когда работа водяного молота прекратилась, маэстро Альберти снова обратился через своего толмача к государям:

— Это железо будет ковко и тягуче. Из него можно ковать сабли, копья, ножи, топоры, серпы и косы, а потом закалить твердо, придав им великую крепость и остроту. Из этого же железа хорошо лить и малые пищали-рушницы, из которых с рук можно бить огненной стрельбой...

Оба государя, весьма довольные работой Пушечного двора, благодарили маэстро Альберти, а тот, сияя от радости, обратился к молодому государю по-итальянски:

— Прошу вас пожаловать сюда через шесть дней. Увидите, как я лить буду колокол для Чудова монастыря...

Когда государи в сопровождении своей стражи выехали с Пушечного двора, Иван Иванович сказал отцу:

— Верю, будет ныне у нас так много своих пушек и пищалей, что сможем снарядить мы пушкарские полки для нашего постоянного войска.

— И яз хочу сему верить, Иване,— задумчиво ответил государь.— Токмо одного мастерства и Пушечного двора еще мало. Надобно много нам железа и меди, а руды мы добываем мало, особливо медной, которой, почитай, нет совсем. Мало у нас

о меди разведано. Надобно нам рудознатцев поболее из-за рубежей набрать. Немцы же нам всякие препоны чинят...

Осмотрев домницы, в этот день великий князь обедал у сына вместе с Курицыным, дьяком Посольского приказа.

К концу обеда начальник стражи молодого государя Ивана Ивановича доложил:

— От хана Ивака Шибанского вестник из Поля пригнал. Разумеет он добре́ по-русски. С ним конников человек десять, на дворе они остановились.

— Данила Костянтиныч,— сказал государь дворецкому,— принимать вестника буду в передней, а пока пусть пождет в караульне. Угости его и конников. После, судя по вестям, укажу тобе, где на посольском дворе отдыхать им, какой корм давать и на какое время. Идите к татарам.

Дворецкий и начальник стражи вышли, а Иван Васильевич, обратясь к Курицыну, молвил:

— Мыслю, вести сии о распрях ордынских...

Разговор перешел на слухи о смутах и развале в Большой Орде, причем дьяк заметил:

— О сем токмо слухи, прямых вестей нет даже от Данияра-царевича.

Окончив трапезу и вставая из-за стола, Иван Васильевич проговорил задумчиво:

— Может, шибанские да ногайские татары более об Орде ведают?

— Яз мыслю, государь-батюшка,— быстро сказал Иван Иванович,— хан Ивак ведает о чем-то...

— Верно,— подтвердил Курицын,— может, к безрядице-то ордынской и хан Ивак руку приложил и ныне помочи у тобя, государь, ищет.

— Пошто гадать нам о сем,— усмехнувшись, прервал государь дьяка.— Сей часец вестник ханский сам все подробно расскажет. Идем в переднюю, а ты, Данилушка приведи с нашей стражей вестника ногайского...

Ногаец, войдя в переднюю, распростерся ниц на ковре перед престолами государей, оперся на подбородок и воскликнул:

— Живите сто лет, государи — царь Руси Иван и великий княз Иван!

— Встань,— приказал Иван Васильевич,— и повестуй.

Вестник вскочил, приложив руку ко лбу, к сердцу, поклонился и стал говорить:

— Повестует хан Ивак-Ибрагим, сын Шейбани-хана, младшего брата Батыя, из великого рода Чингиза: «Да живи сто лет, царь Руси Иван! Из всех ханов и мурз, которые кочуют в Джаицких степях[1] от Каменного пояса до берегов Хвалынского моря, яз един наследник Сарая, юрта Батыева, шлю тобе селям, яко брат брату. Сведав о победе твоей над Ахматом и бегстве твоего и моего ворога, яз с казаками своими, шибанскими и ногайскими, погнался за ним по Дикому Полю, настиг в степях приазовских, возле устья Малого Донца. Здесь Ахмат уланов своих распустил и на зимовку становиться стал. Яз же ночью подкрался, окружил с казаками царскую Белу вежу, а на рассвете ворвался к Ахмату и своими руками заколол насмерть его спящего. Всех жен его и дочерей захватил, всю казну, животину и полон великий с собой повел; девок и женок молодых, мужиков и парубков. Помню яз о дружбе отца моего с Русью и шлю тобе радостную весть — злодей твой в могиле».

Татарин замолчал, а Иван Васильевич, переглянувшись с сыном и дьяком Курицыным, спросил:

— А как ныне в Большой Орде?

— Сыны Ахмата и братья его,— ответил вестник,— за Сарай и Цистрахан[2] спорят...

— Добрé,— остановил его государь,— дворецкий мой отведет тобя и конников твоих на постой при посольском дворе и даст вам полное угостье. Брату же моему, хану Иваку, да живет он сто лет, грамоту пошлю и подарки. И тобя пожалую. Вборзе призову, а топерь иди...

Вестник снова пал ниц, затем встал и, почтительно пятясь до дверей, вышел, сопровождаемый дворецким и стражей.

— Неспроста, государь, сие вежество и ласки татарские,— сказал Курицын.

— Ведомо!— подтвердил Иван Васильевич.— Вишь род-то свой вспоминает от Чингиз-хана. Един, мол, наследник на Батыев стол. Орду воскресить хочет. Нам сего не надобно. Стены у Ахмата остались, пусть их делят Орду надвое. Помóчь им в сем придется. Потом и хан Ивак, даст бог, с ними заратится. Пусть...

— Значит, всем троим добра желать,— весело воскликнул Иван Иванович,— а перережут они друг друга сами? Пусть все яко бы без нас под горку катится...

[1] *Джаицкие степи* — Уральские степи. В древией Руси река Урал называлась Джаиком, потом Яиком. После восстаиия яицких казаков во главе с Пугачевым Яик по указу Екатерины II переимеиовали в 1775 году в Урал.

[2]*Цистрахан* — г. Астрахаиь.

— Угадал ты, Иване,— усмехнувшись, молвил Иван Васильевич,— мы еще о сем подумаем, а ты пока, Федор Василич, приготовь грамоту Менглы-Гирею с уведомлением о победе нашей и гибели Ахмата. Хитро все составь, дабы алчность была у Менглы-Гирея к захвату разбитой, но все еще богатой Орды...

Вскоре вьюги да метели под февраль полетели, но ненадолго. Как-никак, все же февраль — «бокогрей»— последний месяц зимы. В начале двадцатых чисел этого месяца война с Ливонией была уже в полном разгаре. Иван Иванович ожидал в своей трапезной прихода отца, жившего пока еще у него в хоромах в ожидании возвращения Софьи Фоминичны из Белоозера. Нужно было думу думать о немцах.

Молодой князь на этот раз был необычно печален, и порой губы его кривились болезненной улыбкой.

Данила Константинович, следя, как слуги накрывают стол для трапезы, изредка взглядывал на молодого великого князя, еле заметно покачивал головой и слегка вздыхал.

— Вот, вот государь-то батюшка уйдет от нас в свои хоромы,— не сдержавшись, сказал дворецкий.

— А что, уж вести какие есть?— быстро спросил Иван Иванович.

— Да, по времени так выходит,— ответил дворецкий,— еще третьёводни сказывал мне дьяк Курицын, что утре гонец должен быть из Белоозера...

В дверь постучали, и вошел дьяк Курицын. Перекрестясь на образа, он поклонился.

— Будь здрав, государь,— сказал он,— по приказу батюшки твоего...

— Гонец пригнал?— перебил Иван Иванович дьяка, протягивая ему руку.

Курицын, сев на указанное ему место, внимательно посмотрел в лицо молодого государя и все понял. В груди его дрогнуло — он любил этого доверчивого и чистого сердцем юношу, уже понимающего замыслы мачехи...

— Гонца от государыни со дня на день ждем,— тихо произнес он,— а за ним, чаю, и сама она будет. Две сотни конников к ней давно посланы...

— У ней там стражи есть поболее того,— перебил Иван Иванович,— пошто ей еще две-то сотни? Да слуги всякие, да греки и фрязины...

— Вся казна государева с ней там,— разъяснил Курицын.

На этом речь оборвалась. Посмотрев друг на друга, княжич

и дьяк поняли, о чем обоим им говорить по душе хочется совсем тайно.

— Заеду к тобе, Федор Василич, на краткое время перед обедом. С прогулки...

— Душевно рад буду, государь,— горячо промолвил Курицын.

— Хочу вот тобя спросить, а как у попов новгородских после отъятия у них земель монастырских?— помолчав, спросил Иван Иванович.— Нового-то есть что?

— Думаю, много зла от сего стяжанья поповского будет,— начал Курицын,— вижу...

Широко распахнув дверь, вошел Иван Васильевич. Все поднялись ему навстречу. Государя сопровождал его воевода московский, князь Иван Юрьевич Патрикеев. Государь был весел, видимо чем-то весьма доволен.

«Ишь как приезду-то мачехи радуется!»— с горькой досадой подумал Иван Иванович, но отец перебил его мысли, громко воскликнул:

— Ну, и добрые же вести нам из Новагорода!

Он поцеловал сына и, размашисто перекрестясь, сел за стол завтракать.

— Садись и ты с нами, Иван Юрьич,— продолжал он радостно,— выпьем по доброму кубку за воевод и за воев наших — добре они немцев поганых бьют. Сам-то магистр ливонский еле-еле полона избёг! На Москве у нас сему истинной цены не дадут, а для псковичей победа сия все едино, что татарское иго скинули...

Государь сказал дворецкому, чтобы подали разных заморских вин и чтобы кубки за столом пустыми не были. Потом, обратясь к Патрикееву, добавил:

— А ты, Иван Юрьич, ежели баишь, что завтракал и сыт, доведи пока молодому великому князю и Федору Василичу все, что тобе от вестников ведомо. Яз тоже послушаю еще раз, а после подумаем все вместе. Токмо кубка своего ты не забывай.

— Слушаю, государь,— почтительно кланяясь, ответил князь Патрикеев.

Зная обычай Ивана Васильевича, князь Патрикеев сначала изложил весь ход событий войны с немцами. Кратко напомнил, как при нашествии Ахмата все враги государя московского обещали хану свою помощь: и папа римский, и Казимир, король польский, и немцы, и новгородцы, и даже князья русские, братья его родные. В самое же трудное время, когда государь не пускал Ахмата через Оку и Угру к Москве, немцы ливонские ворвались в псковские земли, пустоша их нещадно и уводя полоны великие. По тайному требованию папы римского король

Казимир стал поддерживать новгородцев и сговор их с братьями Ивана Васильевича.

— Сокрушив иго татарское, ты, государь,— продолжал князь Патрикеев,— перво-наперво немцев наказал, наместников своих новгородских — князя Шуйского да боярина Зиновьева — с особыми полками ко Пскову послал...

— А с Москвы,— добавил государь Иван Васильевич,— отрядил яз ко Пскову же двадцать тысяч конников наших московских с воеводами — князем Иваном Булгаком-Патрикеевым да князем Ярославом Стригой-Оболенским. Но о сем довольно. Топерь сказывай новые вести.

— Слушаю, государь,— продолжал князь Иван Юрьевич.— Воеводы доводят, пошло наше войско тремя путями к городам ливонским Мариенбурху, Дерпту и Валку. Лыцари же ливонские в поле и носа не кажут, в осадах сидят либо бегут. Наши хотят уж к Риге идти, дабы там немцев, латышей и чудь белоглазую зорить...

Государь нахмурил брови и снова прервал речь Патрикеева.

— А пошто сие творят? Каков у них ратный умысел?— досадливо молвил он.

— Бают, хотят больше всего разорить немцев до весенней распутицы, ибо велика она будет. Снег-то там человеку в пазуху, а ежели у кого конь с дороги свернет, то двое его с трудом выволокут.

— А где силы великого магистра? Где войско епископа дерптского?

— О сем, государь, воеводы не наказывали, а самим вестникам ведомо, что магистр и епископ дерптский отказались по́мочь подать ливонским лыцарям. У всех у них ныне великий страх пред Москвой...

— Добре,— усмехнулся Иван Васильевич и, обратясь к дьяку Курицыну, спросил:— а ты как, Федор Василич, о сем мыслишь?

— Прости, государь,— спохватился набольший воевода,— забыл тобе довести. Сказывали вестники, что воеводы мыслят меж собой просить летом у тобя еще полков, дабы всю Ливонию вторым ударом враз под Москву взять...

Иван Васильевич гневно воскликнул:

— Не своего ума дело вершить хотят! Нет у них в мыслях того, что Новгород еще змеей шипит, что Пермь и Вятка нам непокорны. Забыли, что под боком у нас Тверь, что за спиной Казань и Ногайская Орда? Нет в уме, что король польский и князь литовский Казимир против нас? Что папа рымский и короля и магистра ливонского обеими руками поддерживает...

Государь встал из-за стола и по привычке своей стал ходить

вдоль покоя, что-то обдумывая. Все замолчали, но через некоторое время Курицын сказал с осторожностью:

— Право ты мыслишь, государь! Пока хватит нам и того, что самый лютый наш ворог лет двадцать с нами воевать не сможет.

— Верно сие, Федор Василич, верно!— отозвался государь.— Надобно немцев бить так, дабы не всех их испугать и не ополчились бы они на нас все разом. По прутику-то мы переломаем легко весь веник. Целый же веник за един раз сломить нам пока, может, и не под силу будет...

На другой день князь Иван Иванович не сразу решил ехать на прогулку — встреча с Курицыным волновала его, чем-то тревожила.

— А может, сего и не надобно?— громко сорвалось у него с уст.

Иван Иванович быстро оглянулся,— возле него никого не было. Он успокоился, только пальцы слегка дрожали, как и у старого государя, выдавая его волнение.

— Тяжко мне меж отцом и мачехой,— прошептал он.

Вошел дворецкий и, взглянув на Ивана Ивановича, сказал со вздохом:

— Оженил бы тя скорей государь-батюшка, не то побаить-то тобе, опричь меня, не с кем, а лаптю сапог не товарищ. Не книжен я, не все и понять могу...

Молодой великий князь ничего не ответил на это, но, вспомнив о Курицыне, сразу принял решение.

— Прикажи-ка, Данила Костянтиныч, коня мне оседлать,— молвил он.— Из стремянных пусть один со мной едет — Никита Растопчин.

Дьяк Курицын встретил великого князя у ворот своей усадьбы, дабы особо почтить сына своего государя. Это тронуло Ивана Ивановича. Доехав до середины двора, он спешился, передал поводья Никите и пошел рядом с дьяком к красному крыльцу.

Курицын принимал высокого гостя один в своей трапезной с великим почетом, угощая лучшими заморскими винами из подаренных ему самим Иваном Васильевичем.

— Вельми счастлив твоим доверием,— сказал дьяк молодому государю,— яз уразумел все думы и тревоги твои. Очами и ушами буду следить за греками и рымлянами твоей мачехи...

Иван Иванович невольно с опаской оглянулся.

— Не бойся,— продолжал дьяк,— слуг моих нету. Мы одни с тобой тут.

Иван Иванович смущенно улыбнулся, а Курицын, перекрестясь на образа, воскликнул:

— Богом клянусь, буду хранить тобя от зла всякого...

Иван Иванович сильно заволновался и тихо проговорил:

— Государь-батюшка за меня, а мачеха — за Василья: его на престол хочет. Батюшка ведает о зломыслии папы и короля Казимира, но верит и в свою силу. Яз же, ведая рымские обычаи, боюсь больше за отца. Она ведь рымлянка и, как супруга моего батюшки, легче иных может злодейству всякому путь открыть...

Иван Иванович оборвал свою речь, но тотчас же, склонясь к уху дьяка, зашептал:

— Более всего, Федор Василич, следи за греками, за Траханиотами. Сии первые ее доброхоты и советчики. Они, да и прочие царевиины земляки, все за рубежи ездят и через орден святого Доминика с папой связаны, да опричь того с некоими владыками и попами новгородскими дружáт.

— Таких много,— согласился дьяк Курицын.— Им хошь с бесом в болоте, токмо бы ризы в позолоте. Чую яз, что и меня они живьем сожрать хотят.

— Истинно сие,— подтвердил Иван Иванович.— Злы они на тобя, токмо руки у них коротки...

— Пока государь жив!— добавил Курицын со вздохом.— Ныне церковь не та, что при владыке Ионе. Тот за государство был, за народ. Нонешние-то владыки токмо за свои барыши стоят. Мыслю, что пакости поповские будут злее удельных.

Иван Иванович встал и забеспокоился.

— Пора мне к обеду,— сказал он, протягивая руку Курицыну.

Тот поцеловал ее и молвил:

— Помни, государь, клятву мою! Верен яз буду батюшке твоему и тобе до самыя смерти...

Давно уж воротились в Москву из Белоозера со всеми детьми и двором своим Софья Фоминична. Началась в семье государя обычная жизнь, да и вокруг них люди безо всякого страха живут. Вообще после свержения ига татарского смирились и затаились все вороги иноземные — тишина повсюду: и в Москве, и по всей Руси до самых крайних рубежей ее, и никто на Русь нападать не смеет. Наоборот, грозный государь московский сам карает немцев без милости за их помощь Ахмату. Привозят на Москву гонцы из Ливонии от воевод государевых весть за вестью о победах над магистром ливонским.

Казалось бы, все хорошо кругом, но не верит Иван Васильевич в благополучие это. Чует он, что за мнимой тишиной зло повсюду прячется. Хитросплетения разные крадутся исподтишка

путями неведомыми, тайно складываются темные дела человеческие.

Весна же, светлая и ясная, победно идет своим чередом, как ей от века назначено, веселя и радуя все живое. На первое марта мелькнул теплый, солнечный день «весновки Евдокеи», принеся мужику свои затеи: соху точить, борону чинить. Вскоре вот и Конон-огородник прошел и тоже крестьянам заботы прибавил, а сегодня, марта семнадцатого, и для государей московских забот прибавилось: раскрылись некоторые тайные замыслы, и снова тревоги пошли.

Великий князь Иван Иванович был в хоромах у отца за ранним завтраком, когда доклады государю делали дьяк Курицын и дьяк Далматов о делах новгородских и прочих.

— Неспокойно и в Твери, государь,— закончил доклад свой Курицын,— все вести о князе тверском, которые от доброхотов ведаю, правы. Ясно мне, что иного и быть не может. После падения Новагорода Тверь окружена со всех сторон московскими владениями. Задыхаться уж начинает она в пе́тле московской...

— Истинно так,— одобрительно молвил государь,— уразумел сие и князь Михайла. Хватит ли у него разума покорным нам стать? Ведь токмо два пути у Твери: либо Москва, либо Краков. Мыслю, гордость и высокоумие завлекут Михайлу к измене. Что ж, пусть! Не дите малое. Худо все мои сродники уму-разуму учатся. Вот и братья мои, Андрей большой да Борис, ума не набрались, и после смерти Андрея меньшого крестоцелованье забыли. Снова из-за его удела ропот подымают. Досада их точит, что мне единому свой удел он отказал по духовной-то...

— Уж они у государыни Марьи Ярославны на тобя плакались,— заметил Курицын.

— Ведаю,— усмехнулся Иван Васильевич.— Ведаю и то, что победы наши ливонские страшат короля и папу. Чую, снова ве́тер-то из Рыма дует.

— Из Рыма, государь, из Рыма,— подхватил дьяк Курицын.— Ныне рука папы через царевича Андрея Фомича Палеолога и к верейскому уделу тянется!

— Ведаю,— сказал Иван Васильевич.

Иван Иванович, подозревая и тут разные происки мачехи, воскликнул с раздражением:

— Не зря Андрей-то Фомич дочь свою за сына князя верейско́го, за Василь Михайлыча, спешил выдать и государыню Софью Фоминичну к сему весьма понуждал!..

Государь вдруг нахмурился, глаза его потемнели. Это испугало всех — за последнее время был Иван Васильевич особенно

суров и резок. Однако на этот раз он легко овладел собой и приказал дьяку:

— Ты, Федор Василич, пригляди за верейскими. Не сшиты ли они какими нитками с Тверью и с братьями моими единоутробными...

— Слушаю, государь,— ответил Курицын и хотел еще что-то добавить, но замялся.

Государь метнул на дьяка острый вопросительный взгляд.

— Еще не разумею всего,— начал тот нерешительно,— но мыслю, государь, что, опричь князей и бояр, некие и от «князей церкви» к сему пришиты. Токмо концов сих нитей еще не разведал.

Иван Васильевич взглянул на другого дьяка, на Далматова, тот понял.

— Какие нити от князь Михайлы тверского к Новугороду идут,— разъяснил Василий Далматов,— и где концы их, мне от доброхотов наших ведомо. Все тверские бояре, которые в Новгород приезжают, всегда стоят у старых посадников, особливо же у Луки Федорова, у Василья Казимира и у брата его Якова Короба, да у старого тысяцкого Михайлы Берденева...

Постучав в дверь, вошел начальник стражи.

— Воеводы твои, князи Оболенский и Булгак-Патрикеев, воротились, допустить их молят.

— Веди их сюды,— сказал Иван Васильевич.

Воеводы вошли и, перекрестясь на образа, одновременно воскликнули:

— Будь здрав, государь! Прости, что к тобе прямо с похода, во всем дорожном. Спешная грамота есть, добыча и полон великий...

— Будьте здравы и вы,— приветливо прервал их государь.— Садитесь за стол. Пейте и вкушайте. Добре ли дошли?

— Добре, государь! Пьем во здравие твое!

— Ну, сказывайте,— молвил Иван Васильевич, когда воеводы выпили, закусили.

— Как гонцы наши доводили тобе, государь,— начал князь Оболенский,— тремя путьми пошли мы в Ливонию: на Мариенбурх, Дерпт и Валк. Взяли мы грады Тарваст, Феллин и большой город Велиад, откуда сам магистр-то Бернгард еле успел убежать. Наместник твой псковский, князь Василь Федорыч Шуйский, гнался за ним верст пятьдесят, да не мог догнать. Вельми резвы они в беге-то. Все же обозы магистровы почти целиком в наши руки попали. Шли мы, где хотели, пустоша земли и полон беря, а немецких полков нигде не видали. Загодя от русских их гнало, яко бесов от ладана. Всяк день мы обозы тяжелые во Псков отправляли с серебром, золотом церковным,

дворянским и купецким, с оловянной посудой, с пивом и вином в бочках, с сукном ипским, а псковичи даже восемь колоколов великих посымали. Коней мы и прочий скот на Русь гнали да тысячи мужиков, дворян и купцов с женами и детьми. Колокола же, государь, которые в Велиаде с церквей сняты, псковичи в дар тобе везут. У Волока Ламского мы обогнали их. На дровнях везут по одному колоколу, а в каждые дровни по шесть волов впряжено и то еле тянут. Зажор много, мякнут дороги-то...

— Ну, а как спешная грамота?— резко задал вопрос государь.— От кого?

— Грамотка от наместника твоего новгородского, от Василь Иваныча Китая. Его крепкая стража привезла с нами пятерых старых посадников новгородских, в железо окованных...

Государь переглянулся с дьяком и, обратясь к стремянному своему, стоявшему у дверей, сказал:

— Поди-ка, Саввушка, с начальником стражи моей да прикажи от моего имени взять за приставы новгородских бояр в тесное заключение, да позови дворецкого.

Саввушка вышел, а князь Булгак-Патрикеев достал весьма малый столбец, закатанный и зашитый в холст с восковой печатью наместника государева в Новгороде, и передал его дьяку Курицыну. Пока тот проверял целость упаковки тайного письма, пришел дворецкий. Увидев его, государь молвил воеводам:

— Идите с дворецким к казначею моему Димитрию Володимирычу, уговоритесь, когда и как добычу и полон ему сдавать будете. Утре же, через час после раннего завтрака, придете ко мне вместе с ним на малую думу.

Когда воеводы ушли вслед за дворецким, дьяк Курицын сказал Ивану Васильевичу:

— Тайная грамотка сия в полной целости.

— Дай прочесть Василь Далматову,— ответил Иван Васильевич.

Дьяк Далматов, достав перочинный ножичек, быстро распорол швы и, вынув из холста столбец, стал читать:

— «Великий государь, да ниспошлет тобе бог многие лета и здравия. От доброхотов наших мне ведомо было, что Михайла тверской через бояр своих ссылается с новгородскими боярами Василием Казимиром, с братом его Яковом Коробом, с Лукой Федоровым да с Михайлой Берденевым. Вборзе же после сего порубежная наша застава уследила литовского лазутчика, который хотел назад в Литву убежать. Стрелами убили его, а на нем грамотку нашли от короля Казимира к тверскому князю. Грамотку сию, писанную по-латыньски, прилагаю. Она кратка вельми.

Повели ее, государь, ранее прочесть, а после того снова мою грамоту читай...»

Дьяк Далматов взял небольшой кусок пергамента с королевской печатью и передал его Курицыну.

— Читай ты, Федор Василич,— сказал он.— Яз токмо по-польски и по-литовски разумею, а латыни не ведаю...

Курицын перевел и прочел вслух:

— «Великому князю тверскому. Государь, готов тобе быть союзником против Москвы. Ссылайся со мной через ведомых тобе новгородских бояр, через которых все твои письма яз получил.

Круль Польский и великий князь Литовский Казимир».

Курицын, прочитав перевод королевской грамотки, замолчал. Молчали и оба государя и Далматов.

— Неужто из родных никому верить нельзя?— с горестью воскликнул Иван Иванович.

— Никому, сынок,— сухо ответил государь,— опричь тех слуг верных, у которых вся корысть их — токмо в службе государевой.

Обратясь к Курицыну, Иван Васильевич добавил:

— Читай, что еще пишет сам-то Василь Иваныч.

— «Из письма сего,— продолжил чтение дьяк,— яз уразумел ясно, кто сии вéдомые князю Михайле бояре новгородские. Оковал яз их твоим именем и шлю в железах на суд к тобе, государь. Слуга твой Василий Китай».

Иван Васильевич взглянул на дьяка Далматова и сказал:

— Ты, Василь Далматыч, днесь же препроводи злодеев новгородских на двор к боярину Товаркову и вместе с дьяком Гречновикóм[1] розыск наряди по сему делу.

— Разреши мне, государь, по другому делу тобе слово молвить,— обратился Далматов к Ивану Васильевичу.— Когда ты посылал меня с князем Михайлой Андреичем верейским и Василием Борисычем Морозовым в Белоозеро сопровождать твою княгиню с казной и двором ее много приметил яз худого.

— Что ж ты приметил?— спросил Иван Васильевич.

— Где бы станом в селе или деревне мы ни становились со двором государыни, всюду на них, на дворских ее, особливо из чужеземцев, простой народ в горькой обиде был, и всегда одно и то же баили: «Для нас, христиан, пуще татар они — сии кровопивцы! Воздай же им, господи, по делам их!»

---

[1] *Гречновик* — служилый человек греческого происхождения. В данном случае подразумевается подьячий Иван Гречневик, ведавший у Товаркова допросом и пытками арестованных.

— Скажи, Василий Далматыч, дабы о сем через людей своих боярин Товарков тайно разведал и до меня довел. Идите все с богом!..

Оставшись с сыном с глазу на глаз, Иван Васильевич глубоко вздохнул и ласково положил ему руку на плечо.

— Видишь, Иване,— сказал он вполголоса,— как тяжко и горько государствовать.

Иван Иванович нежно взглянул на отца, но вдруг загрустил и сказал с болью:

— Неужто и мне пить от сей же горькой желчи и боли?

Государь усмехнулся.

— Пить, сынок,— дрогнувшим голосом ответил он,— захлебываться, а пить. Тобе, может единому, поведаю потом и о душе и о сердце своем.

Иван Васильевич задумался и, вдруг улыбнувшись, сказал:

— Днесь же яз хочу баить токмо о тобе, Иване. О радостях жизни баить, о молодости и любви твоей, о сватовстве нашем к дочери Стефана, господаря молдавского, Елене. Ныне яз от него грамотку получил. Пишет он мне шуткой, что яз дома сижу, на перинах нежусь, а всех ворогов на поле бью и чужие государства крепко и навек в свои руки беру или в прах, как Орду, разоряю. Он же весь век свой на коне, с саблей в руках полки свои на ворогов водит, бьет их, а задавить до конца не может. Одних едва лишь разобьет, как другие им помогают. Пошто так? Что разумеешь ты о сем?

Иван Васильевич рассмеялся.

— Стефан-то более воевода, чем государь,— весело ответил Иван Иванович.— Ты же — первей всего державный государь. Да и когда воеводой бываешь, то с государевым разумом, а не токмо с саблей.

Иван Васильевич обнял сына и поцеловал.

— Верно!— воскликнул он.— Ежели ты после меня так же деять будешь, спокоен яз за Русь нашу. Никакие вороги разорить ее не смогут...

Старый государь прошелся несколько раз вдоль покоя и спросил:

— Ну, а как показался тобе образ Еленин, что на доске писанный нам прислан?

— Баска она,— краснея, ответил Иван Иванович.— Вельми, видать, ласкова и желанна...

Государь похлопал сына по плечу и молвил:

— Не зря же ведь матерь ее, Евдокия, дочь великого князя

киевского, красой своей славилась. Ну, дай бог вам совет да любовь! Топерь будем сватов засылать спокойно.

В тысяча четыреста восемьдесят втором году, вскоре после рождения у государя Ивана Васильевича сына Димитрия, прибежал на Москву из Литвы от короля Казимира князь Федор Иванович Бельский.

Случилось это во дни самой спешной и кипучей работы Посольского приказа, когда Иван Васильевич сносился явно и тайно с могущественным королем венгерским Матвеем Корвином, со знаменитым воеводой и великим господарем молдавским Стефаном и с ханом крымским Менглы-Гиреем, ища в них союзников против короля Казимира и против папы римского. Помимо этих дел, думал он и о Литве и о князьях верховских, православных, которые живут в верховьях Оки и ее притоков и в подданстве у Литвы со своими русскими порубежными вотчинами, а ныне, будучи Казимиром недовольны, о Москве мыслят и Руси поддаться хотят...

Обо всем этом, прежде чем беседу вести с князем Бельским, решил Иван Васильевич подумать с думой своей: сыном Иваном Ивановичем, с дьяком Курицыным и помощником его, дьяком Андреем Федоровичем Майко, да с казначеем своим, боярином Димитрием Ховриным.

Все были уж в сборе, когда торопливо вошел Федор Васильевич Курицын в сопровождении дьяка Майко, весьма толстого, но малого роста, и своего подьячего Алексея Шенина.

— Прости, государь,— низко кланяясь, сказал дьяк Курицын,— задержались мы. Некоих доброхотов наших литовских принимали. Вести их, мыслю, будут для днешней думы вельми надобны...

— Добре, добре,— ласково молвил Иван Иванович и, обратясь к дьяку Майко, шутливо сказал:— а ты, Андрей Федорыч, не ждал бы Филиппова-то заговенья, топерь бы заговел, а то вздувает тобя, как опару, а лекарь мне сказывал, что дебелость для здравия — великое зло...

— Худо мне от сего, государь,— ответил дьяк.— Хочу вот пешком идти в Сергиеву обитель и пеш назад воротиться. Может, чудо тамо надо мной случится, а может, и само хождение мне дебелости сбавит...

Все рассмеялись.

— А ты после обеда не спи,— деловито посоветовал боярин Ховрин,— да за ужином ешь самую малость...

— Федор Василич,— перебил государь своего казначея, обратясь к дьяку Курицыну:— сказывал вести литовские.

— Ныне, государь,— начал Курицын,— как и при Ахмате на Угре, во всех порубежных вотчинах князей литовских простой народ православный идет против унията, короля Казимира, и норовит православной Москве...

— Помню,— живо вмешался великий князь Иван Иванович,— как в боях с Ахматом у Берега много православных крестьян, черных людей и даже служилых с верховьев Оки в тыл Ахмату заходили, били отставших татар, обозы их с кормом зорили.

— Верно, верно, государь,— воскликнул дьяк,— так и ныне! Хочет простой народ под Москву, хочет от Казимира отсесть...

Обернувшись к своему помощнику Майко, Курицын молвил:

— Читай-ка, Андрей Федорыч, от каких городов литовских народ к нам тянет!

— Как доброхоты нам баили,— начал Майко,— двенадцать городов православных вотчин князей верховских по Березину реку хотят за государей московских поддаться. Города сии суть: Мценск, Одóев, Белев, Перемышль, Старый и Новый Воротынск, Старый и Новый Залидов, Опаков, Серенск, Мещевск и Козельск.

— Сии князи верховские с вотчинами,— заметил государь,— еще при родителе нашем вольны были и служили по докончаниям Литвы и нам, а более к Руси тянули, ибо все там православные: и народ и князья. Да и выгодней им быть за Москвой, а не за Польшей и Литвой. Как ты о сем, Федор Василич, мыслишь?

— Выгодней им с нами, государь,— ответил дьяк Курицын,— нонешнее-то безрядье там — токмо продолжение тех прежних усобиц, которые и Казимиру мешали послать Ахмату на Угру ратную пóмочь.

— Истинно,— заметил молодой государь,— не зря же Ахмат на Литве зорил токмо порубежные вотчины князей православных...

Государь, как это бывало с ним, задумался. Все замолчали, но он неожиданно усмехнулся и сказал:

— Теперь всем ясно, как добре все нами удумано было против Ахмата. Казимир-то тогда с трех сторон горел: война за престолы для сынов своих с чехами и с уграми; непрестанная драка с сеймиками польскими; в Литве же усобица с князьями православными. Не до Ахмата ему было...

Иван Васильевич опять помолчал и продолжал:

— Сие помните и далее так же деять тщитесь. Как воеводы

на войне, лазутчиков всюду шлите, доброхотов слушайте. Помните, что с Литвой у нас нету войны, но н мира тоже нету, Василь Иваныч Китай в сем нам зело поможет. Ну, пока идите. Мы с великим князем Иван Иванычем токмо вдвоем будем баить с князем Бельским о его делах, дабы видел он тайность сугубую и сам обо всем открытей нам сказывал. Ты же, Федор Василич, вместе с Андрей Федорычем и Димитрием Володимирычем идите к послам короля угорского, которому потом грамоту, как мы думали, составьте и утре к раннему завтраку мне принеси...

В тот же день за час до обеда боярин Димитрий Ховрин в сопровождении стремянного Саввушки привел в государев покой князя Федора Ивановича Бельского. Это был еще совсем молодой человек в нарядном польском кафтане, стройный и красивый.

Перекрестясь на иконы по-православному, он поклонился обоим государям.

— Будь здрав, велнкомочный государь и повелитель,— сказал он по-русски, но слегка с польско-литовским выговором, и затем, кланяясь Ивану Ивановичу, добавил:— Будь здрав и ты, государь, великий князь московский...

— Будь здрав и ты, Федор Иваныч,— ответил старый государь.— Саднсь вот тут, ближе к нам. Да не осуди, что при тобе на мало время некоим срочным делом займусь.

Обратясь к боярину Ховрину, государь спросил, подчеркивая тем самым, что у него нет тайн от князя Бельского:

— Как у нас, Димитрий Володимирыч, с тайными послами короля угорского, Матвея Корвина?

— Могу тобе, государь, довести, что в дружелюбии н любви они с нами. О чем же беседы велись, не ведаю. Курицын-то баил с ними по-угорски, а Майко по-латыньски, а яз тех языков не разумею...

— Ну, и добре содеял, что дошел к нам с князем Федором,— усмехнувшись, перебил боярина Иван Васильевич.— После дьякн-то сами обо всем мне доведут. Ты же поди к дворецкому, побай, как стол-то собрать, дабы гостя дорогого встретить нам по-московски, с честью великой. Опричь нам, токмо вы еще оба будете, а более никого, н слуг самое малое число...

— Слушаю, государь,— сказал Ховрин и, поклонившись, вышел, а Саввушка, высокий, шнрокоплечий и могучий воин, стал позади обоих государей, наложив ладонь на рукоятку кончара.

Князь Бельский с большим любопытством следил за всем,

что происходило перед ним. Это было так не похоже на то, что делалось при дворе Казимира, великого князя литовского и короля польского. При Казимировом дворе было больше пышности и роскоши, но государь там был только первый среди равных и только совещался со своими вельможами. Здесь же государь — повелитель, и не говорит он, а приказывает, и не может быть ему ослушания...

Иван Васильевич на краткий миг остановил свой властный взгляд на князе Федоре, но, заметив, что тот оробел и смутился, ласково улыбнулся ему и молвил:

— Сказывай, княже, что и как на Литве у вас?

Федор Иванович заволновался и не сразу смог начать свою речь.

— Не можно, государь,— заговорил он,— жити на Литве православным. Льготы и воля во всем только латыньскому паньству. Даже заможные[1] холопы-католики мают более льгот, чем многие православные паны. Хочет Казимир снова унию укрепить, дабы Литву крепче с Польшей связать, а в верховских землях князья, главное же холопы,— все православные и все против унии. Церкви же наши православные митрополиту московскому норовят, а князи — тобе, великому князю московскому...

Федор Иванович вспыхнул от гнева и взволнованно продолжал:

— Круль же польский со всеми верховскими князьями православными, яко со своей челядью дворовой, расправы чинит! Прошлое лето сразбойничал он — приказ дал: новые православные церкви не строить и старые не обновлять...

Иван Васильевич не сводил острого испытующего взгляда с князя Бельского, но тот, охваченный гневом и обидой, не замечал этого.

— Было горше того, государь, для гонору паньского. Князья, северские православные, сведав, цо круль в Вильне, борзо пригнали туда. Хотели видеть круля, но стражи не пустили их в крулевски палаты и перед ними так двери захлопнули, цо ногу единому пану зело повредили! Как назвать бесчестье такое?

— А кто, опричь тобя, Олельковичей и Ольшанских, к Москве тянули? — тихо спросил Иван Васильевич.

— Князи Хотетовски, Белевски, Новосильски и прочие князи православные от Черниговщины...

[1] *Заможный* — зажиточный.

— Сии,— молвил государь,— и при родителе моем, великом князе Василь Василиче, к Москве тянулись.

— Истинно, государь,— горячо подхватил князь Федор Иванович,— так было!

— Ты мне все о князьях баишь,— заметил Иван Васильевич,— а как народ-то?

— О нем тобе, государь, самому ведомо,— ответил Федор Иванович,— ведь из-за смут в порубежных землях литовских круль и Ахмату во́йска не слал. В Вильне да Троках в своих замках отсиживался. О сем и хану тайно писал, а Ахмат-то потом все наши земли порубежные пустошил и полоны брал...

— Значит, народ-то тогда сам из Литвы шел биться за Русь на Угре,— вмешался Иван Иванович,— а князья как?

— Князи сему препон не деяли. Сами тогда замышляли, как и ныне, под московскую руку перейти, отсесть от Казимира...

— А ныне сельские и черные люди как мыслят?— спросил Иван Васильевич.

— Холопы наши православные, елико возможно им, бегут в московскую сторону,— ответил Федор Иванович,— бают, что все помалу из Литвы на Русь перебегут...

Государь многозначительно переглянулся с сыном.

— За веру православную крепко сии стоят,— продолжал князь Бельский,— родная, бают, нам московская земля, и народ ее родной, единоверный...

Воодушевленное лицо молодого Бельского неожиданно поблекло, голос оборвался, в глазах блеснули слезы. После казни главных заговорщиков — Михайлы Олельковича и Юрия Ольшанского — казнь грозила и Бельскому, но, вовремя предупрежденный, он бежал, оставив любимую супругу свою, на другой день после свадьбы...

С великой тоской и надеждой впились глаза литовского князя в суровое лицо Ивана Васильевича. Вдруг губы его задрожали.

— Государь,— с трудом произнес он,— спаси супругу мою. Отпроси счастье мое у круля. Заключена она в замке моем...

В дверях появился боярин Ховрин. Государь встал и ласково положил руку на плечо князя Федора Ивановича.

— Беру тя, княже, к собе,— сказал он тихо,— и жалую тобе Дема́нь и Мо́реву с их селами, а за супругу твою буду челом бить крулю Казимиру.

Князь Федор слегка всхлипнул и, схватив руку государя, поцеловал ее. Иван Васильевич взглянул на сына и продолжал:

— Топерь же идем, княже, к столу. Димитрий Володимирыч пришел звать нас.

— Истинно, государь,— подтвердил боярин Ховрин,— стол собран.

Иван Васильевич заметил, как князь Бельский мгновенно овладел собой и преобразился снова в вельможного гордого пана. Это понравилось государю. Он опять переглянулся с Иваном Ивановичем, и тот понял отца.

— За обедом, княже,— сказал Иван Васильевич,— мы поговорим с тобой о делах литовских и о твоих новых вотчинах. О прочих же делах побаишь с сыном моим тайно, а после он мне все доведет.

На другой день за ранним завтраком оба государя принимали с докладом дьяка Курицына, дьяка Майко и подьячего Щекина и тут же при участии боярина Ховрина думу думать стали о грамоте королю угорскому, Матвею Корвину, и о послах к воеводе и господарю молдавскому Стефану, чтобы сватать дочь его Елену за великого князя Ивана Ивановича.

— Князя Федора Бельского яз взял под свою руку,— молвил Иван Васильевич.— Мыслю, сие добрый почин: за ним прочие смелей к нам переходить будут.

— Верно сие,— согласился дьяк Курицын,— токмо ведай, государь, что в епистолии, сиречь в грамоте, к нонешнему папе Сиксту еще в марте шесть тысяч девятьсот восемьдесят четвертого года[1] князи литовские православные били челом и молили папу о милостях, об уравнении их с латынянами и о приведении их в унию с Рымом. Меж подписей под сей челобитной была и подпись князя Федора Бельского. Двурушники искони все сии князи русско-литовские...

— А пошто у вас очи да уши,— усмехнувшись, молвил Иван Васильевич,— на то вы и дьяки, дабы все слышать и видеть, дабы самим обманщиков всех обмануть государству нашему на пользу. Что ж до князь Федора Бельского, то ему ныне лет двадцать семь, а то и менее. При подписании же грамоты папе было ему лет двадцать с чем-то. Не сам тогда мыслил, за чужим разумом шел.

— Верно, государь,— поддержал Ивана Васильевича боярин Ховрин,— грамоту же сию подписывали родственники короля, князья Слуцкие. Они же старшие родственники князь Федора Бельского. Подписали и такие вельможи, как князь Димитрий Вяземский, Ян Ходкевич, великий гетман и маршалок князя литовского, и Якуб, главный писарь князя литовского и прочие, да и архипастыри православные: епископ Мисаил, ки-

[1] 1476 год.

ево-печерский архимандрит Иван и свято-троицкий архимандрит Макарий из Вильно.

— Такие вот,— вмешался дьяк Андрей Федорович,— не токмо юного, но и старого обдурить смогут, но тем паче нам за князь Федором наблюдать надобно, дабы еще кто не смутил его...

Иван Васильевич весело усмехнулся и молвил, глядя на толстого Майко:

— Дебел-то ты дебел, а как борзо и ловко петлю закинул, всех нас охватил и к тому, что Федор Василич о двурушничестве сказывал, неприметно притянул...

Все рассмеялись, а государь продолжал:

— Ин быти по сему! Теперь же читай, Федор Василич, грамоту нашу к королю угорскому, Матвею Корвину, которого ты нам явил не токмо великим воеводой, а и государем вельми острого ума, ревнителем наук и художеств.

— Сие так, государь,— сказал дьяк Курицын,— и мы с Майко, составляя королю грамоту, тщились быть достойными ему собеседниками...

— Читай,— приказал Иван Васильевич.

Курицын прочел вступительную часть грамоты, где безо всякой лести, но весьма почтительно упоминается о могуществе короля венгерского и о могуществе государя московского, свергнувшего татарское иго и уничтожившего Большую Орду.

— Еще напиши тут,— перебил дьяка государь,— что в давние, дотатарские времена, у Киева с Угорской землей было докончание о дружбе, к великой и к взаимной их выгоде торговля велась.

— Впишу, государь,— молвил дьяк.

Далее Курицын писал от имени государя московского, что ныне необходимо как можно скорее утвердить договор, заключенный в Москве между обоими государствами, и разменяться грамотами, ибо обе державы уже договорились начать вместе войну против Польши в удобное для того время. Кроме того, русский государь требовал за свою военную помощь, чтобы король Матвей доставил ему: «художников, умеющих лить пушки и стрелять из оных»; размыслов[1], а также серебряников для делания больших и малых сосудов; зодчих для строения церквей, палат и крепостей...

— Впиши тут,— опять перебил государь своего дьяка:— «У нас есть сребро и медь, но мы не ведаем, как выгодней очищать руду. Услужи нам, пришли рудознатцев и умельцев по сим делам. Мы же услужим тобе дорогими товарами...»

[1] *Размыслы* — инженеры.

Заслушав чериовую грамоту до коица и виеся еще некоторые поправки, Иваи Васильевич приказал к ужину переписать ее иа пергамеит.

— Помощников же собе ты, Федор Василич, уж сам избери да возьми добрую стражу и поезжай вместе с послами угорскими в столицу их Бу́ду к королю Матвею с большим поклоиом от моего лица государева...

Позавтракав, государь продолжал свою беседу:

— Окоичим с посольством в Уигарию и будем баить о посольстве в Молдавию, и о сем, Димитрий Володимирыч, ты сугубо с иами подумаешь, как казиачей иаш. Помнишь, есть у иас черный соболь, цены ему иет...

— Помню, государь,— живо отозвался Ховрин,— у него коготки все золотом кованы, обсажены иовгородским крупным жемчугом...

— Добре,— остаиовил его Иваи Васильевич,— сего соболя королю Матвею и всякое изделие ему из злата и серебра с камеиьями: кубки, блюда, чарки и прочие — подбери, дабы по красоте и цеие в масть были дивиому соболю...

— Подберу, государь,— воскликиул Димитрий Ховрин,— подберу так все, что ахиет король от подарков твоих, а слух о них по всем землям пойдет...

— А ты, Федор Василич,— улыбаясь, заговорил снова государь,— так в руках все посольство иаше держи, дабы все гладко было, а пили бы иаши весьма бережно. Оно, что у трезвого иа уме, у пьяного — иа языке. Во всем бы собя берегли, ино ни нам, ни вам чести ие будет, а токмо посрамление всей Руси. Остальное: речи и обхождение с вельможами королевскими и с самим Корвиным — иа твое усмотреиие. Мысли мои ты ведаешь...

Государь замолчал и, поглядев благосклоино иа своего имеиитого боярина Михаила Андреевича Плещеева, из рода тех Плещеевых, из которых был и зиаменитый митрополит московский Алексий, торжественно произнес:

— Ты же, Михайла Андреич, послужи мие в самом дорогом моему сердцу. Поедешь ты за невестой сына моего, государя великого Иваиа Ивановича. Поедешь к воеводе великому и господарю молдавскому Стефану, победителю самого Махмета, султана турского! Государь сей могуч, славен и чтим во всем мире. Вера же у него и у иарода молдавского — иаша, греческая, православная, и все обычаи наши. В церквах служат и в делах государствеииых пишут единым с нами языком. Вороги его — круль Казимир и турки с Менглы-

Гиреем. Сие уразумей. Казимира мы с ним вместе бить будем, а при дружбе и мире нашем со Стефаном ни султаи, ни хаи вредить ему ие захотят. Все сие в грамоте моей есть, а ты запомии еще: жена его, матерь иевесты Елены, Евдокия,— русская княжиа великая из Киева. Вишь какое сплетение во всем у меня со Стефаиом: и в роде-племени, и в вере, и в государствовании.

Иван Васильевич помолчал и, обратясь к Ховрину, сказал:

— Ты же, Димитрий Володимирыч, и тут подарки готовь. Пошли господарю Стефану такое же все баское и ценное, как посылал папе рымскому, а невесте — такое же, как моей невесте, царевне, посылал. Ты же, Михайла Андреич, там за государя своего, великого князя Ивана Ивановича, обручись и невесту сюда привези с почетом великим, яко государыню...

Иван Васильевич смолк и сделал зиак рукой. Все вышли, а государь растроганно и радостио обиял сына и крепко прижал к груди своей. Иваи Иваиович дрогнул в объятиях отца, почувствовав, как горячая слеза капнула ему на шею.

Прошло недели две, как оба посольства выехали из Москвы. Дьяк Курицын с послами короля Матвея иаправился в Венгрию через Ливонию, от Колывани — морем до Любека, в объезд Польши, дабы не впасть в руки общего врага — короля Казимира. От Любека сушей поехал ои к Нюрибергу, а оттуда по долине Дуная к Буде, где жил тогда король Матвей. Столько же времени прошло и со дня отъезда в Молдавию боярипа Михаила Андреевича Плещеева с братом Петром и со знатными провожатыми и крепкой стражей. Плещеев поехал к воеводе и господарю Стефану через Литву и Польшу, ибо король Казимир в это время ие был во вражде с Молдавией.

Последиие вести пришли от послов: от одного — из Колывани, от другого — из Смолеиска. Государь Иваи Васильевич был спокоен.

— Пока бог храиит,— сказал ои сыиу, сидевшему у него за раиим завтраком,— все благополучио.

Иван Иваиович иичего не ответил. Усердно пережевывая кусок горячей бужеиины, он думал о чем-то другом и сосредоточенно щурил глаза. Отец весело усмехнулся.

— Какая у тобя гребта?— спросил ои.

Иван Иванович тоже улыбнулся и, потянувшись за другим куском буженины, шутливо ответил:

— Какая гребта? Буженины еще хочу взять.

Но, взяв кусок, он снова задумался и медлеиио произнес:

— Мие един фрязин из наших зодчих сказывал, что родной

дядя мой, князь Михайла тверской, резчикам своим денежные чеканы заказывал, дабы новые деньги бить для торга с басурманами. Будет среди них серебряная деньга, на которой с одной стороны орел двуглавый выбит и надпись круг него: «Михаил, божией милостию царь и самодержец тверской».

Иван Иванович, замолчал, принимаясь за еду, а Иван Васильевич нахмурил брови.

— Сие еще деда твоего Бориса Лександрыча блазнило,— сказал он и, засмеявшись, добавил:— Одно — хотеть, а другое — иметь. Да и всякое хотение есть терпение. Михайле же не терпится, спешит вишь...

Государь снова задумался:

— Токмо верно он мыслит, что на деньгах орла выбивать хочет. Ведает, что Тверь не мечом, а рублем сильней Москвы. Ведь по всей Волге и по всему Хвалынскому морю Тверь с басурманами торгует. Афанасий же Никитин, как ведаешь, до самого Индустана дошел...

— Мыслил яз, государь батюшка, о сем,— заметил Иван Иванович.— Сие все вяжет Тверь с Новымгородом и Ганзой.

— Верно, сынок!— воскликнул государь.— Более того! Тверь, бают, в Москву дверь. Ежели с Тверью заодно и Казимир, и папа, и фрязины с немцами будут, то, яко стена неодолима, все пути нам заколодят. Москве торговать не дадут...

— И нужных людей нам на Москву не пропустят...

— Грозно сие, сынок! Скинув Орду, станем мы ныне лицом к лицу с папой рымским и с кесарем германским. Надобно нам и у них трещин искать, друзей и ворогов уметь находить, дабы грызли друг друга до самой смерти, яко псы лютые. Пусть там разные государи друг друга разоряют, а нам надобно торговать прибыльней их всех и силой ратной всех их превзойти...

Стук в дверь перебил речь Ивана Васильевича, и в покой вошел князь Иван Юрьевич Патрикеев, набольший воевода и наместник московский, в сопровождении дьяка Майко.

— Прости, государь,— перекрестясь на образа и поклонившись государям, сказал Патрикеев,— не в обычный час и без зова...

— Садитесь,— насторожившись, промолвил Иван Васильевич.— Чую, вести-то злые...

— Злые, государь,— продолжал Патрикеев.— Круль Казимир, опалясь на тобя, что его князей литовских принимаешь под свою руку, поставил в Смоленске десять тысяч воев и в порубежных с нами градах заставы умножил...

— И что ж ты содеял?— перебил государь.

— Все пути от Смоленска конными полками прикрыл. По

всем польско-литовским рубежам вестовым гоном приказы разослал дозоры усилить и в градцах в осаду сесть...

— Добре,— заметил государь,— повели всем воеводам готовыми быть к походу. С маэстро же Альберти о размещении в войске пушечников вместе подумай...

— Слушаю, государь...

— Ну, а ты, Андрей Федорыч, что сказывать будешь?

— И у меня, государь, вести злые,— проговорил дьяк.— Круль Казимир в распрях Пскова с Литвой вельми ласков был со псковичами и все по мольбе их учинил. В то же время сыновьям Ахмата — Сеид-Ахмату и Муртозе — приказал землю нашу, где можно, пустошить и грабить...

Дьяк на миг смолк, но Иван Васильевич нетерпеливо повел бровями и воскликнул:

— Еще что? Вижу, есть у тобя и хуже того!

— Есть, государь, слух из Поля, что ссылается круль с Менглы-Гиреем, а крымскому князю Именеку[1] подкуп послал дабы склонить хана к миру с Литвой...

— Добре,— молвил государь Иван Васильевич,— перед обедом придешь ко мне, скажешь, куда и каких еще гонцов посылали за вестями и в Поле и к рубежам польским. Может, еще вести какие будут. Идите...

Когда наместник и дьяк вышли из государева покоя, Иван Иванович, взглядывая на задумавшегося отца, несколько раз хотел заговорить с ним, но не решался. Он знал, что государь не любит, когда прерывают его мысли.

— Итак, сынок,— заговорил сам Иван Васильевич,— путь к заморским странам нам пролагать надобно.

— Как же сие деять нам,— спросил Иван Иванович,— когда меж ними и нами стеной стали Польша, Литва, немецкая Ливония, а дальше Варяжское море[2].

— Пожди,— перебил сына Иван Васильевич,— и Москва не в один день строилась. Токмо первые шаги ступаем. Ищем токмо за сей стеной вражьей сильных и славных государей, которым сия же стена есть помеха на путях, им нужных. У татар мы нашли собе друга, царя Менглы-Гирея,— от нас он не уйдет, а бог даст, найдем таких же и в короле Матвее угорском и в господаре Стефане молдавском.

---

[1] *Именек* — представитель рода князей Ширинских, доброжелательных московским князьям. *(Прим. автора.)*

[2] *Варяжское море* — Балтийское.

— Но ведь Менглы-Гирей-то уж с крулем ссылается?— возразил Иван Иванович.

— Пусть ссылается,— усмехнувшись, сказал государь.— Сие — токмо жадность татарская. Хочет он двух маток сосать, да сего не будет. Вразумлю его, напомню ему братьев его да сыновей Ахмата. Да и султану турскому не по нутру будет дружба его с Казимиром...

— Верно,— подхватил Иван Иванович.— Казимир-то с рымским папой крестовый поход на Царьград готовят.

— Право мыслишь,— одобрил Иван Васильевич сына.— Ну, да мы еще подумаем с тобой, Иване, когда Майко новых вестей принесет. С ним вместе подумаем.

— А сей часец, государь-батюшка,— весело сказал Иван Иванович, доставая ящик с шахматами,— давай в шахи до обеда повоюем.

— Ну давай,— смеясь, согласился государь,— поиграем в деревянные шахи. Позабавимся. Устал яз с настоящими-то царями да королями на кулачки биться.

Положив доску на стол, стали они расставлять шахматы.

— Вот ежели бы у государей были такие главные воеводы, как сей ферзь[1],— молвил Иван Васильевич.— Куда хочет, туда он и идти может, а где надобно, то и конем через других перескочит.

— Батюшка!— воскликнул громко Иван Иванович.— Ведь истинно ты сказываешь. Ты с королями и царями словно в шахи играешь! Ведаешь, кого куда поставить, а главное, ведаешь, когда сию перестановку деять надобно. Все у тобя — ни рано, ни поздно, а всегда в самый раз...

Иван Васильевич рассмеялся и, сделав ход пешим воином, примолвил шутя:

— Живые-то государи и воеводы их хуже деревянных сих шахов, ферзей, хуже руков и слонов. У всех деревянных ходы все заранее ведомы, как игрой установлено, токмо цели сих ходов угадать надобно. У живых же, хошь и цели ведомы, а для ходов никакого правила нету...

Иван Васильевич смолк, обдумывая ответный ход сына, двинувшего вперед слона.

К концу игры, разыгранный, к великой радости Ивана Ивановича, вничью, что было для него уже некоторой победой, пришел дьяк Майко.

— По приказу твоему, государь,— сказал он, кланяясь.

— Добре, добре,— приветливо обратился к нему Иван Ва-

---

[1] *Ферзь* — шахматная фигура, в старину могла делать ходы всех фигур.

сильевич,— а мы тут с великим князем отдохнули за шахами малость. Ну, садись, Андрей Федорыч, сказывай.

— Князь Иван Юрьевич,— начал Майко,— всяк час получает вести ямским гоном от рубежей польско-литовских. Никуда король своих войск не отпускает, а в Смоленске все десять тысяч при заставе доржит. Мыслю, токмо для ради страху нам, а ратью идти не посмеет...

— А в Крыму как?— перебил государь дьяка.— Сие важней нам всех войск Казимировых...

— От царевича Данияра вести пришли о посольстве Казимировом. Подтверждает сие и Данияр.

— Не мыслю яз,— опять прервал речь дьяка Иван Васильевич,— чтоб Менглы-Гирей весь свой разум утратил. Сам знаешь, Андрей Федорыч, султан-то и круль — вороги непримиримые из-за гроба господня. Сие разумеет, чаю, и Менглы-Гирей. Мало ему, что Ахматовы сыновья на него, яко кошки на мышь, глядят. Мало того, что братья его кровные, царь Нурдовлат и Айдар, у меня, яко соколы в колпаках, на цепочке сидят. В любой час на него спустить могу. Опричь того, ногайские татары есть, которые с ордынцами за един будут, абы Крым разграбить...

— Истинно так!— воскликнул дьяк Майко.— Токмо, мыслю, надобно посла толкового да крепкого к хану в Крым отослать, дабы лоб-то ему продолбил и глаза открыл. Ослепли мурзы и князья Гиреевы от золота и подарков Казимировых, от жадности ум потеряли.

— Верно!— молвил государь.— Враз мысли мои ты уразумел. Днесь будь у боярина Юрья Иваныча Шестака. Мужик он крепкий. Ведаю его по делам новгородским и псковским, когда там при розысках наших приставом был.

— Сей силу московскую показать сумеет,— согласился дьяк.— Видал его и яз в делах-то...

— Так и содеешь. Подумайте оба о грамоте от меня, дабы Менглы-Гирей о присяге своей помнил и нас о своей не понуждал забыть. Мы же ему верные союзники. Пусть злей и злей земли короны польской зорит, дабы все время круль в тревоге и страхе был. Сие же пусть посол-то наш сказывает и всем князьям и мурзам, которым дары даем. Сказывает пусть, что государь московский друг хану и пользу его бережет, а забудет он присягу свою, и яз все забуду.

Марта пятнадцатого с грозной грамотой государя Ивана Васильевича скакал уж из Москвы с сопровождении крепкой

стражи московской и отряда служилых татар касимовских боярин Юрий Иванович Шестак. Мая же четырнадцатого на подмогу Шестаку выехал из Москвы к Менглы-Гирею Михаил Васильевич Кутузов, дабы царь крымский немедля присягу королю Казимиру сложил и земли его — Подольскую и Киевскую — воевал нынешним летом.

Послы эти так сильно и грозно говорили с Менглы-Гиреем, что царь крымский уразумел в страхе положение свое и к осени того же года собрал все конные полки и по слову государя московского сам появился внезапно у берегов Днепра. Здесь со всей силой ударил он на державу польскую, взял приступом город Киев и зажег его с двух концов. Люди там, обезумев, метались по горящим улицам, и многие сгорели, а те, которые выбежать успели из пламени, все татарами в полон были взяты. Захватили татары и пана наместника короля, воеводу Яна Ходкевича, с женой и детьми. Полонили и архимандрита печерского, а чтимый во всей Руси Киево-Печерский знаменитый монастырь разорили дотла.

Этот разгром Киева и разорение еще одиннадцати польских порубежных городов делались руками татар в наказание королю Казимиру за то, что приводил он Ахмата, царя Большой Орды, со всей силой его на государя Ивана Васильевича, чтобы Русь всю погубить навсегда...

Сказывая о грозном походе этом, вестники царя Менглы-Гирея преподнесли обоим государям московским в дар святыни Софийского собора в Киеве: церковные сосуды — чашу для причастия и блюдо для просфоры, литые из чистого золота.

На другой день за ранним завтраком в присутствии Ивана Ивановича дьяк Майко докладывал великому князю Ивану Васильевичу.

— Государь,— говорил он,— на Москве много лают о Менглы-Гирее. О зле его над Киевом...

— Попы корят?— спросил дьяка великий князь Иван Иваиович.— Удельные, чаю, тоже ра́ди.

Иван Васильевич нахмурился.

— Все вороги ради сему,— молвил он,— и народ мутят, а не разумеют, что сие горько, а нужно. Надобно по державе польской ударить так, дабы Казимир, яко волк в западне, заметался. А бить-то его пока нечем, опричь как татарами...

Лицо государя омрачилось.

— Вернуть церковные сосуды храму святой Софии не можем, дабы свидетелями Казимиру не стали, что яз татар на его наслал,— начал раздумчиво Иван Васильевич, но вдруг резко закончил:— Претерпеть надобно самые горькие отдельные обиды и горести для ради общей пользы Руси!..

Он повелел дьяку Майко приготовиться и записать со своих слов наиглавное для грамот к Менглы-Гирею.

— О Киеве и подарках ни единого слова не пиши,— сказал Иван Васильевич,— благодари токмо за верность нам против Казимира, за то, что присягу к королю сложил и земли его воевал. Сие первое. Другое пиши: «Государь-де московский Иван дела твои оберегает, а и впредь, бог даст, как яз тобе на чем молвил, на том и до живота хочу стоять и добра твоего везде смотреть. Третье пиши. Дары тобе, царю крымскому, всегда от меня будут и всем вельможам, которые служить будут мне верно». Начало ж и конец грамоты пиши, как всегда. Когда крымские-то послы обратно едут?

— Бают, весной,— ответил дьяк.— Казаков татарских много в Поле понаехало. Чуют добычу Менглы-Гирея. Награбили басурманы в Киевской и Подольской землях всего множество, ополонились без меры и числа, в Кафе полонян продавать будут. Борзого ответа Менглы-Гирею не надобно, а послов блазнит на московских харчах на слободе пожить, от царя своего подалее.

— Добре,— молвил государь,— спешить не будем, а теперь сказывай, какие вести о посольствах наших.

— Добрые вести, государь,— ответил Майко,— токмо, как ты и приказывал, вельми кратки. Курицын сказывает, король-то угорский принял его с великим почетом и тобя много чтит. Плещеев сказывает: господарь Стефан рад вельми, пиры за пирами идут. Снаряжает он любимую дочку Елену в дальний путь, на Москву. Более сего ништо послы не пишут...

— Добре,— улыбнулся Иван Васильевич,— иди, не спеша готовь грамоту Менглы-Гирею, да и тоже не спеша помысли, кого и как с грамотой сей послать в Крым, дабы не слеп был и не глух, а видел бы, что за спиной у него, и слышал, что без него бают на совете у хана. Яз же Димитрию Володимирычу прикажу не жалеть подарков для ради татарской жадности. Князя Именека пусть покупает первей всего. Умней он своего царя, и слушает его Менглы-Гирей. Послам же угостья и почета не жалей, но за стражей держи, яко ворогов. Ну, бог с тобой, Андрей Федорыч, иди...

Когда дьяк Майко вышел. Иван Иванович воскликнул с тоской:

— Горько мне, отец! Казань мы и Большую Орду разорили, царей их покорили собе, яко данников. Улусниками нашими стали, как допрежь сего мы у них были. Токмо вот третье гнездо басурманское цело и крепко у Перекопа стоит, церкви русские православные огнем палит, христиан православных в полон берет, а мы им, татарам, земно кланяемся...

Иван Васильевич ласково обнял сына за плечи.

— О стене вражьей забыл ты, сынок!— сказал он.— Пробивать еще нам ее надобно. Бить ее надобно, пока не упадет она прахом... Для сего Крыму и турской державе кланяться будем. Токмо тем же временем и в обход стены сей рымсконемецкой пойдем, дабы Варяжское море захватить, дабы за стеной сей кораблям нашим торговать, да и оттуда ворогов рублем бить и зорить...

Иван Васильевич вдруг смолк и отошел к окну.

— Да и все еще, сынок,— снова заговорил он,— Русь-то изнутри крепить надобно, силу ее ратную копить, злоумышления всякие пресекать...

— Батюшка, заботами твоими у нас уж постоянное войско есть!— воскликнул Иван Иванович.— Все рубежи ты укрепил, испоместил все новгородские порубежные земли детьми боярскими, дворянами и даже холопами опальных бояр. Что ж до порядка, то князья Патрикеевы не покладая рук Уставные и Судные грамоты единые для всей Руси творят...

Иван Васильевич улыбнулся.

— Молод еще ты, Иване,— сказал он с добродушной усмешкой.— Сие все, яко посольства наши на Запад,— токмо первые шаги. Нам же надо ранее того Тверь захватить. Помнишь, яз тобе сказывал: Тверь — на Москву дверь для всех ворогов иноземных. И Рязань до конца урядить и всякие мелкие княжества: чувашское, черемисское, вятское, пермяцкое и прочие. Все и всех надобно на службу Руси поставить, дабы вместе общих ворогов бить, вместе торговать и богатеть...

Иван Иванович долго молчал, обдумывая слова отца, но вдруг радостно улыбнулся.

— Все же, как богаты наши земли, батюшка!— воскликнул он, обращаясь к Ивану Васильевичу.— Особливо те, что у нас после присоединения к Москве новгородских пятин, хотя бы вот у финских берегов,— одного железа там уйма, доброго железа для сабель и разных пушек и рушниц, нужных ныне нашему постоянному войску.

— Все сии богатства,— с грустью заметил Иван Васильевич,— надобно умело и выгодно добыть, а умельцев-то у нас мало...

Государь замолчал и задумался. Умственным взором окидывал он земли, прилегавшие к берегам заливов Варяжского моря, вспомнил Копорскую губу и Лужскую на побережье Финского залива, куда впадали многочисленные речки, текущие с торфяных болот.

Он давно знал северные земли Руси. Еще в первом своем походе, когда был на Кокшенге-реке, увидел он север. Потом многое узнал он и о добывании болотной руды в вотчинах московских государей по рассказам бояр, управителей-тиунов и о выплавке железа своими оброчными крестьянами в малых домницах, и о ганзейских и шведских скупщиках криц. Знал он многое и о житье-бытье русских крестьян на севере, но чем больше думал он о добывании железа, тем яснее представлялись ему вся неискусность его добывания и незначительность пользы для государства от этих промыслов. Все же нравился ему север, нравился и облик и обычаи крепких и сметливых северян. Вспомнил, что как-то летом, когда задумал он построить крепость против шведской Нарвы, заплыл он на парусном карбусе в устье Луги в Ямском погосте.

По всей огромной торфяной равнине этого погоста, среди постоянной мокрети болот виднеются кое-где довольно обширные плоские возвышения, поросшие жалкими карельскими березками с толстыми наростами, наплывами на неуклюжих, корявых стволах. И только местами кое-где маячат более высокие холмы, на которых, вознося к небу свои вершины, стоят красноствольные сосны, а от их комлей, словно змеи, расползаются в разные стороны длинные крепкие корни, сплетаясь в могучую сеть для поддержки лесных великанов. Около них темнеют густые заросли вереска и можжевельника; на одном из таких холмов заметил тогда Иван Васильевич посеревшую от времени тесовую крышу большой избы на подклети и со взвозом. Увидел и весь двор. На дворе разглядел высокий восьмиконечный деревянный крест, колодец с деревянным валом для веревки и черную баню, а совсем на задворках дымилась небольшая домница. Это — деревенька Боро́вка, или Одноизбянка, числящаяся за Ямским погостом, что в устье реки Луги, впадающей в Лужскую губу Финского залива.

С трудом добравшись до Боро́вки, Иван Васильевич познакомился здесь с ее обитателями, и дед Никита Васильевич Калёкин рассказал ему о своем житье, о добыче руды и сдаче криц сборщикам в городе Ям.

— Всего мужиков, женок и детей у меня — душ тридцать, а работников душ двадцать,— говорил старик.— Подростки собирают ягоды: морошку, бруснику, голубику и клюкву. Два зятя, кузнецы Буйлов и Савино́в — мужики из большого села Никольско-Толдомского — у меня, по обычаю нашему, по найму работают при домне на выплавке руды.

Ивану Васильевичу понравился могучий старик, который держался с большим достоинством и независимостью, говорил не

спеша сочным, выразительным языком, и государь с удовольствием продолжал с ним беседу.

— А сколь железа добываешь?— спросил он.

— Добываем руду с болот и выплавляем около ста и полста криц поковочного железа, сиречь прутов пятнадцать. Из них, мил человек, пять прутов в казну, а десять на разные издержки по рукомеслу, на снасти, на прокорм и одёжу...

— А где все нужное вам покупаешь либо меняешь?

— За харчами, одёжой, за обувью, рукавицами и за всякой нужной нам снастью ездим к верховьям реки Луги: зимой — на собаках, а летом — на лодках, а оттуда спускаемся к ее устью, к городу Ям, где сдаем железные крицы государевым приемщикам по оброку либо в обмен, за деньги или на любые товары. За деньги же и за пиво продаем железные крицы скупщикам от Ганзы, которые и доставляют железо морем в Ригу и в Висби; Висби-то на острове свейском Готланде. Там у них главная контора. Так нам пятнадцать прутов на все надобности хватает, а внуки мои промышляют сверх того для нас рыбу и водяную птицу — лебедей, гусей и уток.

— А часто в Ям-то ездишь?— спросил государь.

— Да вот утре со светом на карбусах поедем.

— Довези меня к Яму-то, яз сам дороги отсюда не найду, а те, что привезли меня сюды, вряд ли лучше тобя дорогу ведают. Яз тобе хорошо заплачу.

— А сам ты откуда будешь,— спросил Калёкин,— купец али кто?

В это время к деду Калёкину подошел один из слуг государя и шепнул ему:

— Сам великий князь московский с тобой разговаривает.

Калёкин снял шапку и, встав на колени, воскликнул:

— Будь здрав, государь! Прости, невдомек мне, с кем баю. Ведь мы тобя николи не видали. Ежели не погребуешь, зайди в избу-то, а утре вместе поедем.

— Спасибо, дед! Но ранее того хочу твою домницу оглядеть, узнать, как велики у вас крицы-то.

Старик, быстро обернувшись к избе, зычно закричал:

— Эй, сыны мои, ну-кась, идите сюды, принесите крицу государю.

У избы заметались молодые мужики и парни. Взвалив на носилки железную плиту, два рослых, крепких мужика быстро поднесли крицу к великому князю.

— Изволь, государь, погляди!— сказал почтительно дед Калёкин.

Иван Васильевич подошел к ним, снял с носилок крицу, подержал ее в руках и, кладя опять на носилки, сказал:

— Пуда три будет!

Калёкин переглянулся с сыновьями и воскликнул:

— Ну, и вельми же ты дородный мужик! Одарил тобя господь силой. Пойдем топерь домницу смотреть...

— А ты, старина, когда мы в Ям приедем, своди мя к государевым сборщикам, токмо не проговорись, что яз — государь московский. И парни твои пусть язык за зубами держат.

— Пошто, государь, им язык-то распускать. К тому не приучёны,— ответил дед Калёкин.

В это время в дверях избы на взвозе показалась старуха и крикнула, прикрывая глаза рукой:

— Отец! Вишь солнце-то уж где? И стол давно собран, полдничать идите...

— Сейчас придем. С дорогим гостем придем. Ты там медку получше достань, а мы еще домницу поглядим...

— А кто гость-то?— спросила бабка.

— Дорогой гость, баю. За столом узнаешь!— ответил Калёкин.

Глава 2

ПРОТИВ ПАПЫ И ЦЕСАРЯ

Прибыв в Ям по воде, Калёкин с Иваном Васильевичем направились прямо к лавке государева скупщика Александра Окладникова, родом из Мезени. Это был высокий жилистый чернобородый мужик без единой сединки в волосах. В его лавке собралось уже много мужиков-доменщиков, и они о чем-то недовольно галдели. Окладников стоял молча и глядел на них исподлобья и вдруг резко сказал:

— Вот вы галдите, будто каждого из вас я изобидел...

— Изобидел, что и говорить, изобидел!— крикнул кто-то из мужиков.

— Того же в разум не берете,— продолжал Окладников,— что дело-то мое — государево. Надоть же мне и государев оброк полностью собрать...

— И собя не забыть,— выкрикнул другой мужик.

Окладников досадливо усмехнулся и буркнул:

— Лопата! А из вас когда кто о собе забыват? Не о том я баю, трудное мое дело-то! Мне и с оброка малую толику сощипнуть не грех, да и с вас некую мзду взять надо. Конечно, без особой обиды. Сие вельми трудно! Не к рукам всякому-то. Тут, други мои, помозговать много надоть, да и меру твердо знать. Иной-то и собе и другим напортит, токмо у него добра и выйдет.

— Истинно, Афанасьич!— согласился старик Калёкин.— Добра все хотят, да не все его содеять-то могут. Ты же вот сам живешь н другим жить даешь, а что до прибытка, так ведь токмо дурак-человек деньги не в свою, а в чужую мошну класть будет.

Эти слова вызвали смешки среди мужиков.

— Верно! Не бывает таких дураков,— сказал кто-то из них.

— Что ж,— поддержал его другой.— Афанасьич-то, конечно, в чужую мошну не положит, но и из чужой тащить без меры не станет. И воопче ннкого зорить не будет. Правильный мужик. И с умом.

— Оно, конечно, с умом, коли н с нас тянет и с государева оброка щиплет,— ехидно вставил третий мужик.

Окладников поспешил возразить говорившим:

— Я, чай, не приказчик от Ганзы немецкой, а свой, руськой. И кажнюго знаю, как живет, какое у кого хозяйство, какне семьн. Я все нужды ваши знаю, а потому сверх вашей силы ничего н не оторву. Немцы же, опричь товара, нн о чем не разумеют н силы вашей не берегут, а что сорвал, то н ладно. Ничего на развод не оставят. Особливо ежели за пиво берут! Немцы вас поят, а пьяных-то стригут, как овец, да так стригут, что шерсть и через год не отрастет снова. Вот так н ходите полуголые до другого года.

— Верно, Афанасьич!— со смехом крнкнул кто-то из мужиков.— Стригут, сукины дети! До самой кожн стригут, словно бреют.

— Истнно!— важно сказал старик Калёкин.— Немец-то разорит, закабалит, а потом за долги-то девку аль парубка возьмет. С большой лихвой возьмет, а сверх того от хозяйства пару рабочих рук отымет.

— Немцу-то наплевать, чужую землю зорит!— продолжал Окладников.— Я же н государеву и вашу пользу берегу. Потом ежелн хозяйства под корень подрезать, то некому будет и одной даже крицы выплавить. Государь же наш ведь против супостатов постоянное войско завел, и ему немало пушек да пищалей надобно. Пушечный двор в Москве ведь построил. Сохн да топоры и нашн ннкольско-толдомские кузнецы с грехом пополам скуют, сколь нужно, а пушек-то, опрнчь Москвы, негде нзделать.

— Умен н хитер ты, Афанасьич,— заметил старик Калёкин.— Все правильно не токмо баишь, но и творишь. Не как по другим погостам чиият государевы сборщикн.

— В товарах-то у него обману нет,— добавил высокий чернобородый кривой мужик,— не обмерит, не обвесит, и все добротно, а ценой обндит...

— Не за зря бог-то его в купцы выводит,— с усмешкой сказал Калёкии.

Великий князь поманил к себе старика и сказал ему тихо:

— Открой, Василич, тайно Афаиасьичу-то, кто яз есмь. Скажи: «Диесь с тобой к нему в избу придем. Ждет пусть».

Великий князь пришел к Окладникову поздно вечером, когда в далекой Москве слуги обычию огонь вздувают: зажигают уж в горницах свечи, а в подклетях — лучину. Здесь же, в городе Ям, солнце только начинало чуть склоияться к пучине бескрайнего Варяжского моря, а по земле от каждой кочки, от каждого прутика тянулись слабые, едва заметные зеленоватые теии. Время приближалось к полуиочи. Комары, злея, звеня и поблескивая иа солнце, тучами толклись иад скотиной и даже иад людьми, на которых были иадеты смазанные дегтем сетки.

Окладников без шапки встретил государя у взвоза своей избы.

— Будь здрав, государь мой!— сказал он вполголоса, низко клаияясь.— Вишь как у иас в сетках все тут ходят. Нонешио лето гнусу всякого, мошкары, комара и овода столь, что и в досельные времеиа николи ие было.

— Верио, Лексаидра, всю шею мне и руки искусали.

Окладииков быстро снял с себя сетку и почтительно молвил:

— Дозволь, государь, я тобе свою сетку надену. Токмо и руки-то под сетку спрячь.

Иваи Васильевич рассмеялся и шутливо сказал:

— Ишь какую шапку Мономаха и бармы на меня возложил! Ну, идем в избу-то. Хочу малу толику с тобой побаить. Слышал тобя в лавке-то. Вижу, кое-что разумеешь ты из государевых дел.

— Удостоил господь мя видеть труды твои, государь, иа пользу Руси православиой, и чту я тобя сердцем и разумом. Ведаю я, государь, не токмо все зло татарское для Руси и все зло варяжское и иемецкое, ио ведаю много зла княжеского и боярского против тя. Токмо един ты, помоги тобе бог, за всю Русь ратуешь...

— Верио сие, Лександра Афанасьич!— воскликнул стоявший почтительио возле стола Никита Васильевич Калёкин.— Главно-то, силу мужицкую ты собираешь, государь. Не гляди, что ёи бедеи. Мужик-то содеять может то, что без иего са́мому пресильиому царю ие по плечу. Мужик для тобя много сноровит и иа ратном поле, и на оброках, и иа торге. Недаром бают: «Мир-то по слюике плюиет — море будет».

Великий князь усмехнулся и сказал:

— Истинно, истинно! Токмо добре знать надобно, куды плевать-то и где море деять. А для сего надобно укрепить наше государство, защитить его не токмо от полков иноземных ворогов, но и от ганзейских купцов. Сильней всех и богаче должно быть наше Русское вольное государство.

Иван Васильевич насупил брови и остро взглянул на Окладникова. Тот быстро встал со скамьи и сказал:

— Приказывай, государь. Всё, что по силе нашей, для тобя изделаем, на самом краю Руськой земли мы туточка живем. Видим, как иноземцы-то через наши рубежи тянутся.

— Во всем помогнем, государь,— подтвердил Калёкин.

В это время в горницу вошла с подносом жена Окладникова, Степанида Лукинична, и поставила перед государем жбан с немецким пивом и три стакана.

Она налила пива, поклонилась гостям и молвила:

— Не обессудьте, гости дорогие, кушайте во здравие!

Великий князь взял стакан.

Окладников и Калёкин чокнулись с великим князем, воскликнув:

— За тобя, государь!

Степанида Лукинична, достав из поставца еще стакан и налив пива, сказала:

— И я за государя выпью.

Государь встал из-за стола, перекрестился на образ и строго молвил:

— Спасибо за угостье! Пора мне на Москву отъехать. Вы же мне тут разведайте о землях, о градках свейских, о Ганзе, Лифляндии и о наикратких путях морских в Свею и Данемаркию. Будьте все время на стороже́: не напали бы на нас свеи и ливонцы нечаянно. Прибыв на Москву, яз вборзе к вам наряжу младого подьячего с воеводой, дабы вы с ними думали и по их приказам все, что им надобно, деяли. Токмо ранее спросите от них мой государев наказ и пред моими посольниками присягу в верной мне службе примете.

Собираясь уходить, великий князь резко произнес:

— За службу же буду не токмо щедро жаловать, но и грозно взыскивать.

Окладников и Калёкин встали на колени.

— Живот за тобя, государь, положим!..

В тот год ранние морозцы ударили, в конце ноября сковали сразу все дороги и дорожки осенние, застыли их грязи непролазные — где из чернозема, где из глины, и все снегами пушистыми засыпались, а дровни мужицкие, возки боярские да люд

всякий, конный и пеший, утоптали, укатали их до скрипучей твердости.

Ко дню же Екатерины-санницы вся Русь православная уже принарядилась белизной снежной, забелела вся чистотой необозримых полей, замелькала снежными шапками дремучих бескрайних лесов. И среди красоты этой зимней быстро, легко и покойно, продвигаясь по огромным просторам, прибыл в Москву богатый и пышный поезд Елены Стефановны. Каждый шаг приближения ее к столице был строго рассчитан. Чтобы оказать больше почета дочери знаменитого господаря Стефана молдавского, невесте молодого государя Ивана Ивановича, были оказаны многие встречи из почетнейших бояр и князей московских, а при приближении ее к Москве выехал ей навстречу сам юный государь. Был он в драгоценной шубе собольей, крытой тончайшим ипским сукном, и ехал верхом, окруженный боярами, нарядно разодетыми, и со стражей в блестящих, красивых доспехах. Он должен был встретить свою невесту, сопровождать ее до хором своих родителей и точно приехать к молебну и торжественному обеду.

При встрече с женихом на широкой просеке среди старого бора, за полверсты от Москвы, поезд невесты государевой остановился. Иван Иванович подъехал к большой красивой тапкане[1], обитой снаружи золотой парчой, сверкающей яркими искрами на предполуденном солнце. Одна из дверок тапканы отворилась, от порога ее откинулась лесенка. Две служанки вынесли и разложили на снегу перед выходом темномалиновый бархатный ковер. Елена Стефановна, стройная и высокая, сойдя со ступенек на ковер, остановилась. Иван Иванович, а за ним и все сопровождавшие его бояре, не снимая шапок, торжественно поклонились ей в пояс.

— Будь здрава, государыня!— радостно воскликнул Иван Иванович, сразу узнавший свою невесту, так похожую на коренную русскую русокудрую, голубоглазую красавицу.

— Будь здрава, государыня!— повторили за ним бояре.

— Будь здрав, господарь,— ответила Елена, улыбаясь, и, вспыхнув румянцем, стала еще красивее.

Невеста и жених, видимо, понравились друг другу, но смущенно замолчали, обмениваясь ласковыми взглядами. Иван Иванович нашелся скорее и спросил:

— Добре ли дошла, государыня?

— Добре, господарь,— ответила Елена, и они снова смолкли.

---

[1] *Тапкана* — зимняя повозка. Закрытая колымага, хорошо утепленная и поставленная на полозья.

В это время боярин Михаил Андреевич Плещев, стоявший возле тапканы Елены Стефановны, воскликнул:

— Да здравствуют государь и государыня!

— Будь здрав, государь! Будь здрава, государыня!— раздалось со всех сторон среди могучего зимнего бора. И под радостный гул голосов казначей Ховрин подошел к государю и подал ему маленький серебряный ларчик под чернью. Государь поднял крышку, из-под которой сверкнули яркие краски узоров шерстяной шали. Это была сложенная в несколько раз драгоценная кашмирская шаль[1], тонкая, как шелк, легкая и нежная, как пух. Привезена она была из далекой Индии, где ткали ее несколько ткачих целых четыре года.

— Мой первый тобе подарок, государыня,— с радостным смущением проговорил Иван Иванович,— доподлинно кашмирская шаль из Индустана.

Елена Стефановна зарделась от удовольствия и почему-то, хотя знала хорошо русский язык от матери, смущенно ответила по-польски:

— Моя большая благодарность.

Она взяла ларчик и, приложив его к груди, поклонилась.

Государь, а за ним и бояре его отдали поклон, и Елена Стефановна вошла в свою тапкану.

Поезд снова двинулся к Боровицким воротам в сопровождении молодого государя, ехавшего со своими боярами и с блистающей латами стражей позади повозки будущей государыни московской.

Поскрипывая полозьями, пышный поезд невесты медленно въехал на великокняжий двор. У самых ворот молдавские именитые бояре Ланк, Синк и Герасим, сопровождавшие дочь своего господаря, вышли из повозок вместе с женами и скромно пошли позади тапканы невесты, оказывая тем самым глубокое почтение государю московскому. Когда же тапкана остановилась перед красным крыльцом государевых хором, боярыни помогли невесте выйти, взойти на ступени крыльца и, взяв ее под руки, повели вверх по нарядной ковровой дорожке к дверям, где ожидали их государь Иван Васильевич с супругой своей Софьей Фоминичной. Иван Иванович следовал за невестой в сопровождении именитого боярина Михаила Андреевича Плещеева и таких же именитых молдавских бояр.

У входа в переднюю будущие свекор и свекровь благосло-

---

[1] *Кашмирские шали* в тогдашнее время, цветные, из козьего пуха, были редкостью и ценились от 300 до 2 тысяч московских рублей.

вили Елену Стефановну, а она поцеловала им руки и пошла вместе с Софьей Фоминичной, со своими боярынями и служанками в отведенный ей покой.

— Вы устали,— любезно сказала по-итальянски Софья Фоминична, останавливаясь перед дверью покоя, ближайшего от передней,— вот здесь вы можете умыться и переодеться с дороги, чтобы по обычаю нашей страны отслушать молебен и потом разделить с нами трапезу.

— Благодарю, государыня,— тоже по-итальянски ответила Елена Стефановна.— Меня трогают и волнуют ваши заботы. Скажите только, будет ли удобно и не нарушу ли я ваших порядков, если задержусь на полчаса?

— Нет, нисколько,— ответила государыня.— Я тоже приду не ранее этого времени со своими дочками...

Ласково кивнув головой, Софья Фоминична удалилась в свои покои.

Тем временем государь Иван Васильевич с сыном, с боярином Плещеевым и боярами молдавскими прошел в крестовую, ибо в передней уже начали собирать столы для торжественной трапезы в честь невесты и доверенных именитых бояр ее отца.

Иван Васильевич сел на пристенную лавку и милостиво пригласил всех садиться поблизости.

— Добре ли дошли, бояре?— приветливо обратился он к боярам молдавским.

— По милости божией, добре дошли, государь,— встав и поклонившись, ответили послы господаря Стефана и по знаку Ивана Васильевича снова сели.

— Ну, сказывайте,— молвил он.

— Разреши мне, государь,— заговорил Михаил Плещеев.— Славные и многочтимые послы вельми разумеют по-русски, но сказывать мне все же легче, чем им...

— Сие истина. Молим, сказывай,— обратился к Плещееву боярин Ланк.— Мы более по-словенски млувити можем, альбо по книгам церковным!..

— Опасались мы, государь, зла и грубости от Казимира,— продолжал Плещеев,— когда невесту на Москву везли, но король был вельми учтив, а в Смоленске ожидали нас послы его, которые приветствовали невесту от имени короля, чтя и господаря Стефана и тобя, государь. Прислал король и подарки невесте: двойное ожерелье из багряных и синих яхонтов[1] и серьги золотые с такими же каменьями драгоценными.

Слушая Плещеева, Иван Васильевич с усмешкой поглядывал на сына, а тот не утерпел и шепнул ему:

— Вовремя, батюшка, передвинул ты ферзя на Киев-то!

Послышался шум шагов, и в крестовую вошли духовники

Ивана Васильевича, Софьи Фоминичны и Ивана Ивановича, каждый со своим дьяконом и дьячком, все в богатых облачениях. Следом за духовенством вошла Софья Фоминична с двумя дочерьми, сопровождая старую государыню Марью Ярославну, приехавшую в монашеском одеянии из своего Воскресенского монастыря. Все почтительно встали, а государь поспешил навстречу матери и, приняв ее благословение, поцеловал ей руку. Государыня поцеловала его в лоб. Потом она также благословила и внука Ивана Ивановича, и глаза ее подернулись влагой:

— Не дожила Марьюшка, моя милая, до сей радости,— тихо молвила она и отошла к Софье Фоминичне.

Вновь зашумели шаги, и в крестовую вошла невеста в сопровождении молдавских и русских боярынь. Высокая, стройная, в простом, но изящном наряде, девушка была красива и обаятельна. На ней было мало драгоценностей, только в серьгах и в ожерелье серебристой влагой поблескивали крупные жемчужины.

Не зная, куда идти, она смущенно остановилась, вспыхнув нежным румянцем. Все невольно загляделись на юную невесту. Низенькая же, сильно располневшая Софья Фоминична как-то сразу померкла перед Еленой Стефановной, и только две дочки государя: восьмилетняя Оленушка и семилетняя Федосенька, как две звездочки ясные, сияли удивительной, хотя еще и детской красотой. Почувствовала это и сама Софья Фоминична. У Елены Стефановны, встретившей в этот миг острый взгляд суженных глаз «царевны цареградской», доверчивая улыбка мгновенно замерла на устах. Наступило неловкое замешательство...

— А ты подь ко мне, красавица,— неожиданно прозвучал громкий ласковый голос Марьи Ярославны,— яз тя благословлю и обыму, внученька...

— Бабка жениха твоего,— шепнула Елене скороговоркой одна из русских боярынь,— матерь самого государя Ивана Васильевича.

Елена снова заулыбалась и, быстро подойдя к Марье Ярославне, опустилась перед ней на колени. Та благословила ее и, подымая с колен, увидела на пушистых ресницах девушки чуть заметные слезинки.

— Ах ты милая, милая,— ласково и нежно молвила старая государыня, обнимая и целуя ее, и потом, обернувшись ко всем, громко сказала:— Ну, а топерь будем о счастье молодых богу молиться и молебныя петь...

Иван Иванович молча переглянулся с отцом. Оба они видели взгляд Софьи Фоминичны и вспомнили всё то, о чем, даже меж собой, говорили только намеками.

---

[1] *Яхонт красный* — рубин, *яхонт синий* — сапфир.

Собранные в передней столы, накрытые белыми камчатыми скатертями, блистали хрусталем, серебром и золотом солониц, перечниц и горчичниц, сосудов для уксуса, для макового, конопляного и орехового масла.

На фарфоровых торелях и оловянных блюдах лежали паровые нежные сельди двинские, паровая стерлядь шекснинская, холодец из заливной осетрины: на одних блюдах — с тертым хреном, а на других — с подливкой из горчицы с уксусом и ореховым маслом; холодные щучьи головы с подливкой из чеснока и хрена с конопляным маслом, рыжики в уксусе с гвоздикой и корицей, икра стерляжья и осетровая: паюсная, свежая и варенная в уксусе с маковым молоком.

Когда все семейство государя Ивана Васильевича и родня его, а также все именитые князья и бояре московские с митрополитом Геронтием во главе собрались в передней и встали у заранее указанных им мест, вошла Елена Стефановна со своими боярами и боярынями. Молодой государь вышел навстречу невесте и, проведя к столу, поставил ее справа от отца, около бабки Марьи Ярославны, а сам встал рядом с другой стороны.

Митрополит, обернувшись к образам, прочел краткую предобеденную молитву. Все молча сели за столы, а слуги начали торжественно вносить дымящиеся серебряные мисы с шафрановой щучьей ухой, с лапшой гороховой и со штями из кислой капусты, приправленными красным венгерским перцем и чесноком.

Начались здравицы за воеводу великого и господаря молдавского Стефана, за невесту и за бояр молдавских, сопровождающих ее, а Елена Стефановна и ее бояре отвечали здравицами за государей и государыню московских, за старую государыню Марью Ярославну и, по подсказке именитого боярина Михаила Плещеева, за особо чтимых родственников государя.

Во время этих здравиц митрополит Геронтий, поев щучьей горячей ухи с шафраном да любимой им икры, варенной в уксусе с маковым молоком, извинился пред семейством государевым и, сославшись на неотложные дела церковные, благословил всех общим благословением и отъехал восвояси.

Здравицы еще продолжались, а слуги после штей, ухи и лапши подали на длинных блюдах горячих стерлядей — паровых и жареных, паровую осетрину шехонскую. От здравиц же за столами теперь все веселей становилось, шутки пошли разные, смех...

Предвидя еще больший разгул и всякие вольности, старая государыня Марья Ярославна заспешила к себе в монастырь, но по просьбам сына и внука осталась. Послала она только послушницу свою к игуменье — испросить благословения ее на опоздание и еще просить благословения отвести для невесты государевой особую келью, где бы прожить ей со служанками до конца

рождественского поста, а потом некоторое время по самый день ее свадьбы...

После лакомств разных: сухого варенья из малины и вишни, после фиников, винных ягод, рожков сладких, изюма и урюка, в конце подали оладьи сахарные в ореховом масле.

Пригу́бив вина заморского и отведав оладий, старая государыня и Елена Стефановна отъехали в Воскресенский монастырь. Вскоре ушла с пира и государыня Софья Фоминична со своими девочками, но и после этого за столами все еще продолжал шуметь пир и произносились, хотя и не совсем твердо, все новые и новые здравицы...

Оба государя были приветливы и веселы, но только один Иван Васильевич заметил, как медленно погасали сияющие глаза сына после отъезда невесты и как медленно стали они оживать после ухода мачехи. Горькие, тревожные предчувствия отягчили душу его, и, подавляя их, прошептал Иван Васильевич с тоской:

— Господи, помоги ми и сыну моему в служенье Руси...

Зима стоит мягкая, радостно мелькают солнечные дни, и время незаметно бежит в круговорот лет. Вот уж почти и половина декабря прошла, опять наступил день Спиридона-солнцеворота, когда солнце идет на лето, а зима на мороз.

Чаще Иван Иванович стал бывать в Воскресенском монастыре у своей бабки, Марьи Ярославны. Всякий раз застает он у нее в келье Елену Стефановну за пяльцами с узорным шитьем. Старая княгиня не очень-то поощряет наезды внука, а за последние дни, когда он зачастил, невесту вместе с пяльцами отсылает в смежную келью, говоря с лукавой улыбкой:

— Поди-ка, Оленушка, распорядись подать нам холодной осетрины, груздей соленых да яблочков моченых.

Это предвещает, что Ивану Ивановичу пора уже уходить...

Собирая с келейницей стол, Елена обменивается с женихом понимающими улыбками. Перехватывая случайно их улыбки, улыбается весело и бабка.

— А ты, Иване, блюди обычай-то жениховский. Меньше гляди на невесту...

— Все сие темное суеверие, бабунька...— пробует возразить Иван Иванович.

— Суеверие лие сие, али нет, а токмо народ-то осуждает за такие вольности...

— А яз мыслю, бабунька, тяжко ей все в келье сидеть без вольного воздуха...

— Пошто без воздуха?— перебила внука старая государыня.— Чай, у нас и кони есть, и возок есть, и свой кологрив. Оленушка

после раннего завтрака всегда к Воробьевым горам погулять ездит...

— Яз вот и утре поеду,— вспыхнув, добавила Елена Стефановна и жалобно взглянула на Марью Ярославну, а та, будто ничего не понимая, сказала с простодушной улыбкой:

— Поезжай к бору близ моего Воробьева, токмо к обеду не запаздывай...

В старом бору, среди сугробов, по лесным просекам и тропкам, у подножий могучих сосен и елей, накрытых тяжелыми снеговыми шапками, слышен то резкий сорочий крик, то звонкое карканье ворона, пролетающего иногда где-то высоко над снежными вершинами. Оленушка после завтрака должна приехать сюда в монастырской тапкане Марьи Ярославны. Иван Иванович нетерпеливо ждет ее, спешившись у опушки и отдав коня стремянному Никите Растопчину.

Прикрывая глаза от солнца, молодой государь жадно глядит на снежную дорогу. Время, как нарочно, тянется нестерпимо долго. Но вот показались лошади. Справа, на передней из них, сидит сухонький маленький старичок, монастырский кологрив Потапыч. Вот тапкана старой княгини. Ивану Ивановичу хочется бежать им навстречу, как мальчику, но он стоит неподвижно и важно, только лицо его все сияет и расплывается в счастливой улыбке.

Тапкана останавливается. Молодой государь поспешно подходит к отворившейся дверке и видит такое же сияющее лицо своей Оленушки. Подав ей руку, он помогает выйти из тапканы.

— Здравствуй, солнышко мое ясное,— говорит он вполголоса.

— Здравствуй, мой Иван-царевич,— отвечает она нежно и ласково, и они, взявшись за руки и слегка пожимая друг другу пальцы, нарочито спокойно и неторопливо идут по первой лесной тропке в бор.

Неведомо кем проложенная, тропка эта змейкой вьется вокруг снежных сугробов между лесными великанами. Жених и невеста молчат и переглядываются, как счастливые заговорщики. Сделав два-три поворота, они оглядываются назад, на лесную опушку, но ее уже не видно. Не видно и возка и никого из людей. Почти бегом проходят они еще крутой поворот.

— Лебедь моя чистая,— шепчет Иван Иванович, и, прижавшись плечом к плечу, они тихо бредут по скрипучей снежной тропинке.

Весь мир, кажется им, существует только для них и только они двое во всем мире.

— Крунк, крунк!— звонко кричит ворон, пролетая где-то в

высоте, там, где сквозь вершины сияют голубые окна в небо.

— Мы в сказке, Иван-царевич,— шепчет Елена.

— Истинно, в сказке,— отвечает Иван Иванович,— в нашей сказке, моя Василиса прекрасная...

И вдруг лицо его темнеет.

— Что с тобой, Иванушка?— слабо вскрикивает Елена.

— Есть в сказках,— тихо отвечает юный государь,— Иван-царевичи, Василисы прекрасные, но есть и злые мачехи и ведьмы...

Дрогнули губы Елены, заволновалась она, но потом взглянула жениху прямо в глаза и твердо промолвила:

— Твоя Василиса будет всегда с тобой, беречь и спасать будет своего Ивана-царевича...

Голос ее оборвался, и, теснее прижавшись друг к другу, они некоторое время шли молча.

— У тобя ведь тоже мачеха,— тихо сказал Иван Иванович,— и ты добре разумеешь меня...

Елена тяжело вздохнула.

— Горько мне, Иванушка,— шепнула она,— не можно мне забыти покойную мамуню мою...

Они долго гуляли по тропинкам бора, и поведал Иван Иванович Елене Стефановне обо всех коварных и злобных замыслах мачехи, о разговорах со старым государем, о греках и итальянцах, которые на услугах у Софьи Фоминичны, и о многом другом...

Выходя к опушке из бора, они были немного грустны, но оба чувствовали, что стали ближе друг другу, родней и дороже.

Приближались уж рождественские праздники, а вместе с тем увеличивалась и суматоха приготовлений к свадьбе наследника и соправителя государева, великого князя Ивана Ивановича.

— Свадьбу играть наметили, Оленушка, вборзе после рождества,— говорил молодой государь своей невесте, снова повстречавшись с ней у Воробьевых гор.— Токмо сие, наверно, замедлят, ибо сборы у нас всегда долги и мешкотны бывают.

— Хочу, Иванушка, скорей с тобой вместе быть средь верных слуг наших, подальше от всякого зла.

— Главное же зло нам, Оленушка,— подхватил Иван Иванович,— рымское гнездо в Москве, и другое — малое гнездо в верейском княжестве. В главном-то мачеха сети плетет: через греков своих и фрязинов с папским двором ссылается, а через князя Василь Михайлыча верейского, за которого она родную племянницу свою Марью Андреевну замуж выдала, с Польшей и Литвой связь держит. Братья государевы, дяди мои родные, туда же глаза косят, да и великий князь Михайла тверской — тоже. Все они, а с ними многие другие вотчинники: князи, бояре и даже

«князи церкви»— на сие же московское гнездо уповают. В Новомгороде же не все еще корни врагов наших вырваны. Есть там из прежних златопоясников, которые с Тверью, Литвой и немцами путаются...

Пока говорил все это молодой государь гневно и взволнованно, Елена Стефановна широко раскрытыми глазами смотрела на жениха и, как только он смолк, нетерпеливо воскликнула:

— Что ж вы с отцом медлите? Почему щадите врагов своих?

Иван Иванович усмехнулся и ответил спокойно:

— Батюшка ведает обо всем. Покарает ворогов, как всегда, беспощадно и вовремя...

— А мачеха?— тихо спросила Елена, останавливаясь посередине лесной тропинки за высоким сугробом.

Иван Иванович вздохнул, пожав плечами, и тихо проговорил:

— Мыслю, пока мачеха близ отца, ему самому зло непрестанно грозит. Токмо он будто ведать сего не хочет, хотя, вижу, в некоем бережении с ней живет...

Елена Стефановна крепко сжала его руки и горячо заговорила:

— Смелей, мой Иван-царевич! Найдем и мы себе слуг верных и преданных. Буду яз тебе ангелом хранителем!

Иван Иванович порывистым движением привлек ее к себе и впервые поцеловал смелым, горячим поцелуем, и она вся затрепетала в его объятиях, но, овладев собой, отстранилась и пошла рядом.

— Что ты наделал таким своим поцелуем!— смеясь, воскликнула она.— Теперь надо охладить щеки. Я чувствую, как они пылают огнем, и все поймут, что мы целовались.

— Нет,— сказал с улыбкой Иван Иванович,— подумают, что от мороза твои щеки пылают алой зорькой. Но все же пора тебе в монастырь — бабка, наверное, заждалась... Знаешь, батюшка сказал, что на первый день рождества у него будет праздничная трапеза в передней. Будет вся семья и все родичи наши, князи, бояре и все чтимые иноземцы из двора отца и из двора мачехи.

Иван Иванович прижался плечом к невесте и прошептал ей на ухо:

— Будет и бабка наша, и ты, моя Оленушка, лебедь моя белая.

Он снова жадно приник устами к ее устам.

Когда они торопливо подходили к лесной опушке, где ждал их монастырский возок, Иван Иванович заговорил с невестой по-итальянски:

— На обеде, пока мы еще жених и невеста, по обычаю мы не будем сидеть рядом и разговаривать меж собой, но это нам на пользу. Ты прекрасно понимаешь и по-русски, и по-итальянски, и по-латыни. А я разумею добре и по-гречески. Слушай внима-

тельно и примечай все в стаие ворогов наших. Это нам пригодится, когда возвратится из Венгрии Курицын...

— Кто ои?— спросила по-русски Елеиа Стефаиовиа.

— Дьяк посольский и первый советник моего батюшки, а мне он друг и так же предан, как и отцу. После яз о ием поведаю тобе подробней, а потом и мы с тобой вместе с ним будем о многом думу думать...

На рождество столы были накрыты для праздничной трапезы в передней государя Ивана Васильевича так же, как и при встрече Елены Стефановны, только вместо постных кушаний подавались скоромные. Были на блюдах и торелях, наряду с икрой, семгой свежей и соленой, с паровыми стерлядями и осетриной, зайцы, жаренные на сковородах, баранина печеная, бужеиина, полотки гусиные, языки копченые, студень, а из горячего подавали: уху «курячью» из потрохов да шти со свининой, пироги с рыбой, пироги подовые с бараниной. Лебедей и гусей жареиых подавали горячими, уток и кур — на вертелах, над углями верченных; зайцев, тушенных в репе и в лапше, курники, оладьи, кисели, каши разные, сливки сырые битые, короваи ставлеиные и короваи блинчатые, всякие сласти из сухого варенья, винных ягод, рожков и прочего.

Приглашенные сидели за столами на заранее указаниых местах, как и при первой встрече иевесты, ио, в отличие от прежнего, в передней государя были поставлены еще дополнительные столы, за которыми сидели особо чтимые итальяиские зодчие, среди них первое место занимал маэстро Альберти и немецкие размыслы, а также образоваиные греки и итальяицы, служившие при московском дворе в качестве послов в иностраиные государства. Общим языком у них был итальяиский, иногда латинский.

Разиица между первым и этим обедом была еще в том, что говорили здравиц не много и пили все за столом очеиь мало. Чувствовалось, что государь Иван Васильевич не хотел, чтобы допущенные на этот раз к столу слуги его вели себя развязио, и это все понимали, поэтому-то и митрополит и старая государыня до конца обеда оставались за трапезой.

За обедом государь Иваи Васильевич был весел и радостеи, но у Софьи Фоминичны, хотя она и казалась ласковой с пасынком и невестой, губы время от времени сжимались от досады и раздражения.

Праздничный обед был недолог, ио Елена Стефановиа с трудом досидела до конца его. Тщетио скрываемая враждебность будущей свекрови и выразительные переглядываиия ее с греками Тра-

ханиотами измучили молодую девушку, почти исчерпали все ее самообладание. Она обрадовалась, когда вслед за государем все встали из-за стола и, отмолясь, начали прощаться.

Софья Фоминична, расставаясь со старой государыней, была чрезмерно почтительна, а с невесткой чрезмерно ласкова. Однако, отходя от свекрови, Елена Стефановна вновь почувствовала ее злобу. До ее ушей донеслись слова одного из Траханиотов, сказанные по-латыни:

— Inter arma, silent leges[1].

Его прервал раздраженный возглас Софьи Фоминичны:

— Habeat sibi![2]

Это были последние слова, которые унесла с праздничного обеда Елена Стефановна.

Иван Иванович проводил ее и бабку до самой повозки и, усаживая вслед за бабкой свою Оленушку, шепнул ей по-итальянски:

— Видела рымское гнездо, радость моя?

— Видела,— ответила она тоже по-итальянски.— Прав ты во всем, мой Иван-царевич...

Как и говорил невесте своей Иван Иванович, приготовления к свадьбе затянулись. Из-за множества обрядов свадьбу справляли только января двенадцатого, того же тысяча четыреста восемьдесят второго года.

Бракосочетание торжественно совершалось в соборе Михаила-архангела вечером самим митрополитом Геронтием по тому же чину, по которому венчался здесь и сам Иван Васильевич с Софьей Палеолог.

В хоромах старого государя встречали Ивана Ивановича уже затемно, при свечах, его родители, а невесту — ее посаженый отец и посаженая мать из молдавских именитых бояр.

Наблюдая за всеми обрядами при встрече молодых, слушая величания новобрачных, пожелания добра и счастья, государь Иван Васильевич вспоминал свою молодость и был необычно нежен и растроган.

Вспомнилась ему его свадьба с Марьюшкой, и с особой силой воскресал в его сердце милый образ юной княгини, их первые признания в любви и рождение Ванюши...

— Ныне ж остарел душой яз совсем,— беззвучным шепотом шевелятся его губы,— ушло все, что сердцу было мило...

Но светлая печаль о прошлом сливается со светлою радостью

[1] Когда гремит оружие, законы молчат.

[2] Держи язык за зубами!

молодых. Сердце его еще более размягчается — он чувствует себя счастливым отцом.

Молодые, переглядываясь с Иваном Васильевичем, понимали его чувства и радовались, забывая о присутствии мачехи. Видели это и приглашенные, и праздник молодых превратился в праздник для всех и шел весело, но скромней и сдержанней, чем обычно, без всяких грубых намеков. Только присказки гостей то о кушаньях, то о напитках, что они горьки, чаще и чаще превращались в общий крик:

— Горько! Горько!

Молодые, краснея до корней волос, застенчиво целовались и потом стыдливо потупляли глаза от взглядов гостей.

Даже после отъезда митрополита и старой государыни на брачном пиру все было пристойно в угоду молодым, дабы не смущать их невинности. Когда же один из охмелевших гостей сказал что-то охальное о браке, Елена Стефановна с пылающими щеками гневно встала из-за стола, а Иван Васильевич так поглядел на пьяного, что тот сразу отрезвел. Все подтянулись, и только Софья Фоминична с еле заметной язвительной улыбкой небрежно оглядела невестку.

Заметив это, Иван Васильевич сказал громко и ласково:

— Садись, садись за стол, невестушка. Прости грубости наши, еще много у нас есть невегласов.

Елена Стефановна благодарно улыбнулась свекру и, поклонясь ему, снова села рядом с мужем.

Иван Иванович, приказав слугам наполнить вином кубки, провозгласил:

— За здравие нашего государя и родимого моего батюшки!

— Пьем до дна!— раздалось со всех сторон.— Пьем до дна!

А когда все осушили свои кубки, вдруг наступило неловкое молчание, но его, вся побледнев, прервала молодая государыня.

— За здравие государыни нашей Софьи Фоминичны,— произнесла она слегка дрожащим голосом.

— Пьем до дна!— отозвались гости.

Иван Васильевич одобрительно улыбнулся словам снохи. С веселой усмешкой он промолвил:

— Вижу яз, устали за день-то молодые наши, да и время уж позднее. Бают же, в гостях хорошо, а дома лучше, посему изопьем последний кубок за здравье и счастье молодых наших, да и восвояси...

Иван Васильевич разом осушил кубок и добавил:

— Совет да любовь!

— Совет да любовь!— зашумели гости.

Потом, осушив свои кубки, стали, крестясь, выходить все из-за стола.

Провожая родителей, молодые спустились по красному крыльцу к зимней колымаге их. Иван Иванович задержал на миг отца, шедшего позади мачехи.

— Государь-батюшка, приезжай к нам утре с княгинией своей обедать. Бабка будет, братья твои да князья Патрикеевы,— быстро сказал Иван Иванович и добавил шепотом:— а на ужин останься с нами едины...

Иван Васильевич пристально поглядел на сына, крепко обнял его за плечи и, поцеловав, молвил:

— Останусь...

На другой день, начиная с раннего завтрака, как полагается, навещали молодых родственники и всякие именитые люди с поздравлениями и подарками.

К обеду первыми приехали братья государя с женами и детьми, потом бабка, старая княгиня Марья Ярославна. Поздравив и расцеловав молодых, она подала им подарки.

— Не взыщите, по-монастырски дарю,— сказала она.— Сие тобе, Оленушка, милая моя. Носи на память обо мне, внученька.

Она подала Елене Стефановне золотой перстень с дорогим крупным алмазом, окруженным изумрудами.

— А тобя, Ванюшенька, благословляю,— продолжала она,— сей иконой вознесения. Писана она самим Дионисием. У батюшки твоего любимый иконописец, Дионисий-то.

Приняв благословение и образ от бабки, Иван Иванович поставил его тут же в трапезной, вместе с другими иконами, на нижнюю полку кивота.

В это время приехали посаженые родители молодой с богатыми дарами от Стефана молдавского, а вслед за ними и сам государь Иван Васильевич со своей княгиней и старшими дочками, тоже привезя с собой дорогие подарки.

Встречать государя вышли все на красное крыльцо и после раздеванья прямо провели в трапезную, где уже стояли давно собранные столы и все ждали только приезда великого князя с семейством. На особом столе, возле большого поставца, лежали все сегодняшние подарки молодым от гостей.

Когда духовник Ивана Ивановича читал молитву перед обедом, Иван Васильевич заметил на полке кивота знакомую икону. Он узнал ее сразу, хотя лиц на ней разобрать за дальностью нельзя было.

Его руки слегка дрожали, но более ничем не проявил он своего волнения. За столом он был весел и приветлив и, стараясь не говорить при братьях о государственных делах во избежание споров, заговорил о живописи.

— Виссарион-то ростовский,— сказал он, обращаясь к матери,— расписывать повелел у собя в Ростове новую церкву пресвятыя богородицы. Пишут у иего поп Тимофей да знаменитые иконописцы Дионисий и Конон. Сии оба уже «деисуса»[1] написали. Бают, вельми чудно...

— Яз же, сынок,— ласково ответила Марья Ярославна,— внуку своему образ вознесения Дионисьева письма подарила. Вон он, в кивоте стоит.

— Добре, матушка, добре,— улыбаясь, сказал государь.— Дивен сей образ, и Ванюше драгоценен подарок.

— Им что, духовным-то,— заметил с досадой князь Борис Васильевич волоцкий,— богатеи! Вот ростовский-то владыка, Виссарион, токмо за деисуса сто рублев дал, а за роспись всей церкви более того заплатит...

Князь Андрей Васильевич зло рассмеялся и громко сказал через стол брату:

— На то они и «князи церкви». Твой-то Иосиф волоцкий тобя самого скоро много богаче будет, а ведь на тобе же богатеть стал...

Великий князь Иван Васильевич слегка нахмурился, чувствуя, что не избежать споров, а младший Патрикеев, Василий Иванович, по прозвищу Косой, образованный и начитанный, заметил с горячностью:

— Не все такие духовные, яко сей Иосиф волоцкий. Среди святых старцев заволжских есть Нил Сорский, благочестивый Христов воин, нестяжатель и супротивник сих богатеев церковных, поборник он древнеапостольской церкви, ибо сказано во святом евангелии: «Не можете заодно богу служить и богатству...»

Василий Иванович говорил с возмущением об огромных земельных владениях богатых монастырей, где монахи мучают крестьян голодом и тяжким трудом, сами же постоянно пребывают в роскоши, праздности и блуде. Братья государевы и бывшие за столом именитые бояре из двора Ивана Васильевича и сына его Ивана Ивановича горячо восхвалять стали «нестяжателей», сторонников Паисия Ярославова и Нила Сорского, и всячески поносить сторонников Иосифа волоцкого.

Иван Васильевич, слегка усмехаясь, слушал князей и бояр. Он понимал их горячность, так как знал, что нестяжатели против усиления власти великого князя и стоят за отнятие земли у монастырей. Сторонники же Иосифа волоцкого хотят иного. Писал же ему Иосиф: «Великий князь московский всем госу-

[1] *Деисус* (греч.) — три иконы: Христос, божья матерь, Иван-креститель — ставились в церкви рядом.

дарям Русской земли — единый государь, те же — токмо слуги его».

Государь нагнулся к уху Марьи Ярославны и сказал ей вполголоса:

— А яз, матушка, мыслю, ежели Иосифу с его сторонниками руки малость укоротить и зубы жадности их притупить, то с ними спокойней государствовать можно...

— Заволжские-то старцы могут и народ смутить! Вот твой-то любимый бывший игумен Паисий всю Сергиеву обитель вверх дном поставил, да и сам ныне от паствы снова за Волгу бежал,— тихо ответила старая государыня сыну и, обратясь ко всем, громко сказала:— Будя вам несвадебные речи вести, да и мне, инокине, невместно слушать...

Шумные разговоры об отцах духовных прекратились, а Марья Ярославна спросила:

— Правду ль бают, что новый-то турский султан еще более лют, чем был отец его Махмет. Второй год уж злодействует он. Еще более, чем ране, христиан мучит, казнит всякими муками на смерть, а малых сыновей их собе в ени-чери[1] хватает и в свою веру поганую обращает...

— Истинно, государыня,— ответил боярин Ховрин,— дьяки из посольского приказа мне сказывали о сем. Зело лютует еще с позапрошлого лета. Токмо лишь умер отец его, сей же часец Баязет всю свою родню перебрал: кого отравил, кого зарезал, кого удавить велел, кого — в оковы, кого — в ссылку...

— Зверь лютый,— сказал князь Андрей Васильевич, исподлобья взглянув на старшего брата.— Из князей же своих и вельмож отцовских многих живьем в котлах сварил, а с иных и ныне еще кожу сдирает...

— Басурманин и есть басурманин,— сказал кто-то из бояр.

— Фрязины сказывают,— продолжал Ховрин,— папа рымский паки о крестовом походе на Царьград мыслит вместе с цесарем, а лазутчики его христиан мутят в турских землях. Султан же вельми ярится и, дабы устрашить свою раю́[2], льет кровь христианскую, яко воду. С крестовыми-то походами, бают фрязины, как всегда, идет дело мешкотно. Баязет же не ждет, а собирает силу великую. От сего страх у всех: и у Казимира польского, и у Стефана молдавского, и у Матвея, короля угорского, и у фрязинов. Все боятся его...

---

[1] *Ени-чери* (более известное, искаженное название «яны-чары») — по-турецки новые войска, особые полки из христиан, введенные у турок с 1328 года. В них христиане с детства воспитывались для войны в духе мусульманского фанатизма. Войска эти упразднены в XIX веке.

[2] *Ра́я* (турецк.) — покоренные рабы.

Иваи Васильевич усмехнулся и молвил:

— Токмо нам не страшен султан. Будет нам Баязет другом, каким был и отец его Махмет...

— Ну, а иным государям новый-то султаи страшеи,— сказал киязь Иваи Юрьевич Патрикеев.— Ведь Махмет-то умер за сборами к походу на Рым. Сим ои сыну своему Баязету для начала войны добрую подготовку изделал.

На этих разговорах обед закончился. Первой отъехала восвояси старая государыия, а за ней уехали со своими семействами и братья государевы. Иван же Васильевич, пойдя вместе с молодыми провожать свою супругу и дочек до возка и прощаясь с ними, ласково молвил жеие:

— Отъезжай с дочками. Яз же отдохну у сына после трапезы и потом у собя буду думу думать с дьяками. Не жди меня днесь.

Вернувшись в трапезную, Иван Васильевич улыбнулся и сказал молодым громко и весело:

— С вами яз снова во младости своей. Пришел к ией через радость юиых лет ваших. Ну, идите отдохиите, а мне тут, в трапезиой, Даиила Костянтиныч постель постелет. Через часок побудите...

Когда молодые вышли, государь сказал дворецкому:

— Ты, Данилушка, слуг сюда ие присылай, а принеси-ка мне сам токмо две подушки: подремлю малость возле печки...

Дворецкий вышел, а Иваи Васильевич подошел к кивоту, взял икону вознесения и дрожащими пальцами снял с иее золотую ризу. Заиграли пред ним снова чудесные краски великого художника. Вдруг, как в первый раз, все затрепетало в груди. Видит ои сиова богоматерь, что смотрит вслед возносящемуся сыну. Видит иа лице ее знакомые, дорогие ему глаза, и прощальный взгляд их томит его сердце горькой, но светлой печалью.

Позади послышался шорох и осторожные шаги.

— Ты, Данилушка?— тихо спросил Иван Васильевич, ие оглядываясь.

— Я, государь.

— Подь сюда.

Великий князь приблизил икону к Даииле Константиновичу и прошептал, указывая пальцем на лицо богоматери:

— Глаза-то! Как глядят!..

Дворецкий слегка вздрогнул и, перекрестясь, сказал тоже шепотом:

— Господи! Никак, Дарьюшка. Как последний раз у ей были...

— Будто с нее писал Дионисий-то,— промолвил государь со

светлой улыбкой и, надев ризу на икону, поставил на прежнее место.

Молча, сделав знак рукой, отпустил государь дворецкого.

Государь Иван Васильевич дремал, но не мог заснуть от грустного и сладостного волнения и был как бы в полусне, когда мысли сами приходят в мгновенных видениях. Он иногда открывал глаза и долго следил, как лучи склоняющегося за полдень низкого зимнего солнца играют на стене все выше и выше, подбираясь совсем к потолку.

Вся жизнь великого князя промелькнула пред ним, и невольно он прошептал громко:

— Остарел яз, и сердце мое очерствело, словно корой покрылось жесткой...

Он глубоко вздохнул, сел на постели своей и добавил тихо:

— Токмо вот Ванюша мой живит мя...

Дверь, чуть зашуршав, отворилась, и из-за нее осторожно выглянул Иван Иванович. Встретив взгляд отца, он рассмеялся и радостно воскликнул:

— А мы с Оленушкой все у двери стоим, боимся побудить тя. Мыслим, спишь еще...

Он быстро вошел в трапезную, за ним весело впорхнула Елена, за которой почтительно следовал дворецкий с двумя слугами. Они несли на серебряных подносах любимые вина Ивана Васильевича, чарки и разные лакомства.

Когда сели за стол, а Данила Константинович ушел по делам своим, приказав слугам захватить подушки, Иван Иванович наполнил чарки душистым виноградным вином. Молодые, чокнувшись с государем, возгласили:

— За твое здоровье, государь-батюшка!

Иван Васильевич улыбнулся и ответил:

— И за ваше счастье, дети мои!

— Ведаешь, государь-батюшка,— оживленно заговорил Иван Иванович,— днесь Оленушка мне сказывала, со слов отца своего, что в досельные времена вельми велика торговля была у Новагорода с приднепровскими княжествами русскими...

— Ведомо о сем мне, сынок,— слегка позевывая, добродушно заметил Иван Васильевич.— Туда же и псковичи тянулись, но после злого пустошения Батыем Киевщины и Черниговщины вся торговля новгородская и псковская отошла от пустырей и пожарищ ближе к польским и литовским владениям. Завели новгородцы и псковичи свои торговые дворы и даже целые слободы и здесь, в Смоленске, в Вильне и в других литовских городах...

Иван Васильевич замолчал, задумчиво потягивая красное заморское вино.

— Дьяк Бородатый мне, еще юному, о сем сказывал,— начал он снова.— Ганзейцы же немецкие из лета в лето теснили и новгородских и псковских купцов, становились хозяевами русской торговли. Изделали Псков и Новгород своими подручными. Совсем уж они на поводу ходить начали и у Ганзы и у Польши с Литвой.

— Ганзе-то и Польше мы, государь-батюшка, по рукам дали!— воскликнул Иван Иванович.— Главные корни поотрубили, а новых пустить не дадим! Новгород-то наш теперь, да и Псков-то под нашей рукой живет!

— Пскову-то ныне деваться некуда,— заметил государь Иван Васильевич,— теснят его ливонские немцы, а помочи псковичам ниоткуда нет, опричь Москвы. Псковичам-то — либо к нам, либо совсем ополячиться или онемечиться надо. Мы же Пскова Казимиру не дадим, сами возьмем. Такие же дела, дети мои, и у тверского великого княжества. Надо его, яко ростовское и рязанское великие княжества, с Москвой воедино крепко связать и всю торговлю тверскую, которая больше нашей, за собя взять...

Слушая отца, Иван Иванович с гордостью поглядывал на молодую княгиню свою и, не выдержав, заговорил с увлечением:

— Вот что скажу яз. Покорил ты, государь, Новгород Великий, тем самым отсек руки Ганзе немецкой — будет отныне торговать она из-под московской руки. Крамолят еще Вятка и Пермь, но токмо товары-то от них и к ним через Москву идут. После того, как Орду мы скинули, все Дикое Поле, Волга и Дон открылись для вольного государства московского! Видится уж мне то близкое время, когда по всем шляхам степным, что на Крым идут, будут стеречь нас гра́дцы с заставами крепкими, с пушками да ручными пищалями против басурман, да и против всякого люда разбойного! По шляхам сим пойдут караваны купецкие от заставы к заставе со своей крепкой стражей и отрядами служилых татарских царевичей. Водой же московские, тверские, новгородские, казанские и прочие караваны купецкие поплывут по Оке и по Каме да по Волге-матушке до самого моря Хвалынского. Торговать они будут с Шемахой, Грузией, Арменией и кизил-башами. Провожать же их будут сторожевые насады государевы с пушками да с грозными воями московскими. Оборонять они будут купцов от разбойников на воде, у берегов и на волоках. По Дону же провожать их будут до Сурожского моря[1] и морем сим до Крыма, к городу Керчеву, а оттоль

[1] *Сурожское море* — Азовское.

сухопутьем или берегом Черного моря до Кафы, до сего знаменитого торга со всем светом. Видится мне здесь, как на торге том среди узорных шатров и караван-сараев, застланных многоцветными коврами, в шуме от непрерывного говора людского, от ржанья коней, крика ишаков и рева верблюдов суетятся купцы иаши русские, бухарские, фряжские, немецкие, татарские, турские, шемахинские, кизил-башские, арабские, китайские, индустанские и другие. Всё на торжище том валом валит, яко в котле кипит...

Оленушка заслушалась своего юного супруга. Слушал его с улыбкой и сам государь Иван Васильевич.

— Добре, добре, сынок,— ласково проговорил он,— так и будет, а опричь того, наши купцы в карбусах больших под парусами к немцам по Варяжскому морю поплывут, немецкие же, свейские и данемаркские купцы к нам на кóггах[1] своих плавать станут. Вся торговля на Руси в наших руках будет!..

— Богатеть почнет наша держава,— подхватил Иван Иванович,— множиться будут из лета в лето наши торговые и гостиные дворы на Москве и во всех землях заморских...

Вдруг переменился государь Иван Васильевич и проговорил сурово:

— Так, дети мои, так и будет! Токмо все сие не даром дается. Зрю яз кругом злодеев и ведаю: реки крови надобно перейти нам вброд, может, по самый пояс...

Побледнела Елена Стефановна. Показался ей московский государь некоим демоном с горящими страшными глазами. Грозней он, чем отец ее Стефан, перед которым все трепещут в Молдавии.

Дрожащей рукой схватилась она за руку мужа. Иван Васильевич заметил это, улыбнулся и ласково молвил:

— Прости, сношенька, напугал тя нечаянно. Страшит тя кровавая борьба...

Елена Стефановна взяла себя в руки и, смело взглянув на свекра, молвила:

— Не страшат мя слова твои, а токмо волнуют правотой своей. Отец мой все дни свои живет, кровь проливая за правду...

— Истинно,— одобрил сноху Иван Васильевич,— вижу, что ты дочь наиславного государя. Верю, сыну моему опорой будешь...

Послышался нерешительный стук в дверь, и дворецкий впустил в трапезную дьяка Майко.

— Прости, государь, без зова,— начал дьяк,— вести худые из Поля. Турские паши с войском великим по приказу султана Баязета сушей и морем пошли от Царьграда через влахов и

---

[1] *Кóгги* — ганзейские корабли, вооруженные пушками.

болгар к Белугороду, который в устье Днестра стоит. Бают к тому еще гоицы-то, что степные казаки басурманские, зимуя возле Крыма, караваны стерегут и Муравскую сакму[1] совсем от Поля отрезали. Посему, мыслю, и нет вестей от Федора Василича. Ворочаться же хотел он через Молдавию...

Руки старого государя слегка задрожали.

— А Федор-то,— воскликнул он,— о нем самом какие вести есть?

— Нету, государь, вестей,— глухо ответил дьяк,— токмо слухи есть, что турки в Белгороде, а по-ихнему — Аккермане, угорских послов полонили...

Иван Васильевич побледнел, ио с виду оставался совершеино спокоен.

— Наряди все, дабы из Поля всяк день вестовым гоиом вести были обо всем,— сказал он,— что иашим и татарским дозорам ведомо будет о Курицыне. Поговори еще с князем Иваном Василичем Ноздреватым. Хочу его раиней весной к Менглы-Гирею послать. Пусть готов будет да все от тобя о крымских делах добре вызнает...

Иван Васильевич помолчал и вдруг резко спросил:

— А как во Пскове?

Дьяк оживился.

— Все изделаио, как ты, государь, приказывал,— ответил он.— Посадники вкупе с твоим наместиком, князь Ярославом Василичем Стригой-Оболенским и его дьяком Ивашкой Микитиным тайно от веча написали иовую грамоту о смердах, и, печати привесив, вечевой ларник Есип положил ее в ларь собора пресвятыя троицы.

— И что?— опять спросил государь.

— Чериые и жи́тьи люди ныие заедии. Оии псковское вече в своих руках доржат и о грамоте сей сведали. Пошли смуты во Пскове. Черные люди восстали на посадников за их самоуправство и дворы их посекли и разграбили. Смерды же против чериых идут...

— Пошли вестовым гоиом вестиика князю Ярославу,— перебил дьяка государь,— пусть он смердов поддерживает, дабы черных людей ослабить, а житьих устрашить. Чем более трещин у веча будет, тем он, наместик мой, сильней станет. Да скажи Ярославу-то, смуту пусть сеет, токмо кровопролитья да грабежа ие допущает...

— У киязя Ярослава,— заметил дьяк,— под рукой полки наши в Новомгороде...

---

[1] *Муравская сакма* или *Муравский шлях* — древняя наезженная дорога; шла из Крыма, от Перекопа, через Поле на Ливны и к Туле.

— Сего не надобно,— сказал государь.— Псковичи не новгородцы. У них крепости меж собой более. У них обычай такой: всякий боярин или воевода черных людей, воев и даже смердов «господами» величают, как бы ровней с собой доржат. Не зря сие чинится: народ у них дерзок и смел. Да и стены у них крепче новгородских и наряд у них зельный хорош[1]: добры вельми пушки и пищали. Главное же, нам не надобны над ними ратные победы, а надобны земли их неразоренные, да руки их крепкие и до работы и для рати...

— Право ты мыслишь, государь,— возразил почтительно Майко,— но смуты и грабежи уже начались...

— Ништо,— остановил Иван Васильевич дьяка.— Будем на две руки играть: одной — смердов ласкать и поддерживать, другой — совет старейшин и житьими мирить. От сего черные люди ослабнут, будет на вече раскол, будут все силы псковские на вече равны, и все мне челом почнут бить об устроении Пскова. Не будем сучья зря ломать из-за яблоков. Пождем, пока не созреют, а там тряхнем чуть яблоню, яблоки сами с сучьев посыплются. Да вели князь Ярославу вестовой гон нарядить: на всяк бы день ко мне вестник от него был. Да пусть явно смердов ласкает, помнит пусть, и у нас крестьяне есть. Чаю, и до них вести сии дошли. Они, поди, уж глаза и уши на Псков навострили. Тверские же еще более московских о сем мыслят. Разумеешь?

— Разумею, государь,— ответил дьяк,— разумею и то, что воевать Тверь-то вборзе будем...

— Добре,— остановил его Иван Васильевич,— о сем после. Сей же часец иди к моему наместнику московскому князю Патрикееву, дабы нарядил он вестовой гон с татарами касимовскими, со степными дозорами, с донскими степями, с Крымом через Калмиусскую сакму[2] для ради вестей о Федоре Василиче. Да крепко о Крыме-то еще подумай с князем Ноздреватым. Иди.

Глава 3

ТВЕРСКИЕ ЗЛЫЕ УМЫСЛЫ

В последний месяц того же тысяча четыреста восемьдесят третьего года, в день сорочин[3] великого князя рязанского Ва-

[1] *Зельный, огненный, наряд* — артиллерия.

[2] *Калмиусская сакма* — самый восточный шлях, шедший из Москвы в Крым через город Оскол до реки Калки, далее — вдоль берегов Азовского моря к Перекопу.

[3] *Сорочины* — сорок дней после смерти.

силия Ивановича, февраля шестиадцатого, была отслужеиа митрополитом Героитием у Михаила-архангела торжественная панихида.

На печальиом служении присутствовали оба государя московских и старая государыня, инокиня Марфа. Народу во храме было иемного, и оттого заупокойиые молитвы звучали, казалось, печальней н жалостней. Старая государыня усердио молилась, часто стаиовясь иа колени, и горько плакала.

Глядя на нее, оба государя волновались, а Иваи Васильевич иесколько раз прослезился, вспоминая и князя Василия, друга своей юности, и сестру Аннушку, тогда еще совсем юиую, и княгиню свою, покойную Марьюшку...

По окоичании службы все трое некоторое время стояли еще по-прежиему на своих местах молча. Потом иинокиня Марфа сиова стала иа колени и, крестясь, молвила:

— Упокой, господи, раба твоего Василья, прости его прегрешеиья.

Потом с трудом встала и, всхлипиув, добавила шепотом:

— Царство тобе иебесное, Васенька...

Перед самым выходом из храма оиа остаиовилась н сказала Ивану Васильевичу:

— Сыие мой милый! Покойиый князь-то Василий и отцу твоему и тобе верен был и послушен более, чем сыи и брат. Помни, молоды-то князи рязанские — внуки мои родные, а тобе — родные сестричи[1]. Не обидь их, а тем н сестру свою, доченьку мою, Аннушку...

— Благослови мя, матушка,— ответил ей государь,— яз сам, после тобя и Ваиюши, более всех родных сестру люблю...

На пятый день после этой заупокойной службы прибыли иа Москву дети преставившегося великого князя рязаиского: старший — Иван Васильевич с княгиией своей Агриппиной Васильевной, урожденной княжной Бабич-Друцкой, и младший — Федор Васильевич.

Молодые люди, выросшие вдали от шумного московского двора, с его большими делами во внутренней жизни государства, воеиными и торговыми переговорами с чужеземными государствами, с частыми приемами и проводами посольств, испытывали здесь неловкость, были застенчивы и робки. Москвичам же оии казались захолустными по своим одеяниям н иеумелыми в обращении с людьми.

Свершив все обряды при встречах с обоимн государями и семействами их, позавтракав с нними в хоромах Ивана Васильевича, оии с облегченнем душевиым поехали к бабке своей Марье Ярославие в Воскресенский моиастырь. Здесь, в мона-

[1] *Сестрич* — племянник по сестре.

шеской келье, обогретые сердечной простотой и родственной лаской, юные князья и княгиня рязанские сразу почувствовали себя, как дома.

— Ишь какие молодцы внуки-то мои,— говорила нежно старая княгиня, благословляя обоих братьев,— и ты, Аграфенушка, любезная сердцу моему. Дай и тя благословлю да поцелую свою внученьку...

Она обняла княгиню Агриппнну, усадила всех за накрытый уже стол н окликнула свою старшую пбслушницу:

— Домнушка, распорядись о трапезе нашей, как яз тобе приказывала.

Обед был так же обилен и вкусен, как и великокняжеский, когда Марья Ярославна еще в миру принимала знатных родственнников, только все было постное, а из напитков — лишь мед да сладкие заморскне вина.

После кратких здравиц н закусок, когда подали горячую уху стерляжью, Марья Ярославна спросила:

— А где же вам гостить приказал государь?

— У младого государя Ивана Иваныча,— ответил старший внук.

— Верно сынок-то мой порешил,— одобрила она приказ Ивана Васильевича,— у Ванюши-то все по обычаю русскому. Хоша там пока еще живут молдавские бояре, провожатые Оленушки, но и онн, как и молодая государыня, добре разумеют поруескн. Круг же Софьюшки, почитай, токмо греки да фрязины, а бают все более по-иноземному. Не по душе мне сие, грешнице. Прости мя, господн!..

Потом разговор перешел на рязанскне дела. Марья Ярославна спрашивала о здоровье дочери Анны и о внучке, тоже Аннушке, названной так в честь своей матери, н даже по отчеству тоже Васильевне.

— Матерь наша,— отвечал старший внук Иван Васильевнч,— болеет ныне малость, но все же бог хранит ее, а сестра Аннушка здрава н растет, вборзе отроковицей станет...

— Ах, забыла опросить вас,— перебила его бабка,— какие же подарки молодым-то везете?

— Яз — кубок златой с яхонтами для князя Ивана Иваныча,— ответил старший из внуков,— а княгине его — чарку златую.

— А яз молодой княгине — крест из жемчуга на цепочке златой,— добавила княгиня Агриппина.

— Яз же,— сказал Федор Васильевич,— молодому н молодой — по златой чарке...

— Ценные, добрые сии подаркн,— молвила старая государыня,— но самое дорогое у нас в семье нашей — любовь н вер-

ность друг другу. Помните: дочь моя — родная матерь ваша, а вы — родные сестричи государя московского.

— Клянемся, бабунька!— воскликнул Иван Васильевич.— Дед и отец наш верны были Москве. Верны и мы ей будем!

— До конца живота нашего!— добавил Федор Васильевич.

Целую неделю прогостили князья рязанские на Москве, живя в хоромах у великого князя Ивана Ивановича. Молодому государю полюбились его юные родичи. В пылких речах своих он увлек их мыслью о создании независимого могучего государства московского, которое объединит в себе все русские православные земли. Они много говорили об одержанных уже победах над татарами ордынскими и казанскими и над ливонскими немцами, мечтали о победах над Литвой и Польшей, мечтали о воссоединении всех ныне зарубежных, но искони русских земель, дабы никто уж не смел потом воевать Русь...

Старый государь весьма был обрадован таким оборотом дел с Рязанью.

— Поручаю тобе, Иване,— говорил он,— подготовь договор-то с родней рязанской. Княжество их разделим пополам меж братьями. Старший будет великим князем. Вижу, с детства привыкли они Москву и Рязань за един считать...

— Верно, государь-батюшка,— с горячностью подтвердил Иван Иванович.— Право бабка-то мыслит: верней и послушней они братьев твоих единоутробных.

— В договоре-то не забудь помянуть о Литве, дабы за един Рязань с нами против Литвы воевала. Дьяк Майко поможет вам составить докончание по правилу. За Рязань яз спокоен, яко за родное гнездо свое. Сие — не Тверь...

— А что Тверь-то?— возразил Иван Иванович.— Слаб он, дядя-то мой Михайла...

Иван Васильевич рассмеялся и зло молвил:

— Зато на дуде игрец вельми добрый. Вот и продудит он свое княжество-то, а как, того и сам не приметит. Михайла-то по неразумию своему непременно потянет, как яз тобе и ранее сказывал, не к нам, а к Казимиру...

Дня через три договор о дружбе и взаимопомощи между Москвой и Рязанью был подписан и в день отъезда рязанских князей отпразднован в хоромах старого государя. В крестовой Ивана Васильевича был отслужен благодарственный молебен самим митрополитом. Потом, на прощальном торжественном обеде в государевой передней, великие князья московские и рязанские пили здравицы друг за друга и за всех близких своих. Пировали с великими князьями и семейства обоих государей, и старая

княгиня Марья Ярославна, и почти все родичи, и ближние бояре, и митрополит Геронтий.

За беседой застольной государь Иван Васильевич, веселый и приветливый со всеми, часто шутил и смеялся, а перед глазами его четко стояли строки из договора с Рязанью, в которых великий князь рязанский ему обет давал:

«А от вас ми, от великих князей, к литовскому никоторыми делы не отступати, а быти с вами, с великими князьями, на литовского везде за един...»

Еще тесней, чем с Рязанью, кровные узы с Тверью у государей московских, но искренней дружбы нет между обоими великими княжествами. Не один век богатая Тверь с Москвой борется за барыши да за пути торговые от западных стран к морю Хвалынскому. К тому же привыкли князья тверские опоры искать у князей литовских да у королей польских, а от Москвы новгородскими землями огораживаться да на Орду надеяться. Ныне ж, сверх того, пошли ссоры между тверскими и московскими князьями и боярами из-за вотчин своих, ставших порубежными. Захватывают они всеми правдами и неправдами друг у друга деревни и села, а князья великие из-за них спорят. Споры же эти всегда не в пользу тверичей кончаются — не под силу князю тверскому один на один копья ломать с Иваном Васильевичем. Окружен князь Михайла, стеснен отовсюду московскими землями, и нет нигде ему прочной опоры.

— Рано ли, поздно ли, а сожрет Москва нашу Тверь,— говорят меж собой тверские бояре и дети боярские.

— Кто из них поизворотливей, тот уж спешит стать поскорей московским подданным, переходит к великому князю Ивану, «отсаживается с вотчиной» от князя своего Михаила.

К концу же этого, тысяча четыреста восемьдесят третьего года дьяк Майко на утренних докладах обоим своим государям чаще и чаще стал сообщать о переходах тверичей под московскую руку.

Иван Иванович весьма этому радуется и, оставаясь с юной княгиней своей наедине, всякий раз весело говорит ей о Твери:

— Ежели так от дяди моего будут и далее отсаживаться князья, бояре да дети боярские, то и двух лет не пройдет, как от его княжества ничего, опричь удела тверского, не останется!..

— Пошто же так он деет?— удивлялась Елена Стефановна.— Ты же сам мне сказывал, что князь тверской может «сорок тысяч» войска собрать. Пошто он князей своих силой не держит?

— У моего государя-батюшки с дядей моим Михайлой докончание есть,— с улыбкой ответил Иван Иванович,— и по нему князья и бояре их могут от одного государя к другому отъезжать с вотчинами своими по своему хотенью.

Иван Иванович рассмеялся и добавил:

— Токмо от нас никто в Тверь не смеет отъезжать, а из Твери к нам чуть не всякую седьмицу едут. Когда сие докончанье писали и крест целовали, не мыслил Михайла-то, что Москва его кольцом окружит.

Елена Стефановна задумалась и, прижавшись к Ивану Ивановичу, тихо молвила по-итальянски:

— Страшен отец твой. Исподтишка, незаметно и долго опутывает он врага, словно паук. Зорко следит, чтобы тот шевельнуться не мог, и все оплетает его, оплетает...

Она вздрогнула всем телом и прошептала:

— Пока не задушит совсем...

К концу февраля, недели за полторы до нового года, дьяк Майко, делая доклады обоим государям, сообщил:

— Ныне паче прежнего умножаются переходы к нам тверичей. Доброхоты же наши сказывают, что князь-то Михайла с девятого сего месяца, с погребенья княгини своей Софьи Семеновны, совсем в малодушие впал. Бояре же, слабостью его пользуясь, так и прут к нам один за другим...

— Добре сие,— перебил дьяка Иван Васильевич,— токмо сам-то Михайла не к добру затаился, яко мышь в норе. Не нравится мне затаенность его и нарочитое смиренье. Глубже в сие вникать надобно.

Старый государь смолк и задумался. Молчали и дьяк и молодой государь, боясь нарушить ход мыслей Ивана Васильевича.

— Нету с нами Федора Василича,— заговорил тихо старый государь,— трудно без него думу думать.

Дьяк Майко заволновался, хотел что-то сказать, но государь продолжал с едва заметной усмешкой:

— Оба вы подумайте, все ли бояре и князи от Михайлы отсесть хотят? Нет ли иных, которые другие пути ищут? Не ходят ли они на тайную думу к своему князю?..

— Непременно есть такие!— воскликнул Иван Иванович.— Даже среди наших удельных и других вотчинников такие есть, которые и к нам и от нас тянут...

— Будем, сынок, токмо о тверских думать,— резко остановил государь своего соправителя,— о наших же мы с тобой после побаим.

— Мыслю, государь,— осторожно заговорил дьяк Майко,— есть на Твери много людей за нас, но много и за Литву...

— Ну, слава богу,— смягчился Иван Васильевич и, помолчав, добавил:— Значит, Тверь-то не одна решает дело. Есть круг нее и мы и круль Казимир. Тверь-то доска, на ней нам с крулем

в шахи играть, а может, и в ратную игру. Подумать нам надобно и о том, что ведает и мыслит сам круль польский, он же ведь и князь литовский. Ведает, мыслю, он и про псковские нестроенья со смердами, ведает и о злоумышленьях наших удельных, ведает и о распрях церковных, помнит о вражде нашей с ливонскими немцами и Ганзой, помнит, что Рым десятину с костелов ему давал на войну с Москвой. Ведает и о том, что хоша Орды нет, но есть еще остатки ее. Разумеете? Может, нам хотят новую Угру изделать?..

— Разумеем, разумеем, государь,— ответили и сын и дьяк, но по-разному отнеслись к тому, что теперь поняли.

Иван Иванович стал мрачным и задумался, а дьяк Майко радостно засуетился.

— Государь,— заговорил он,— просветил ты мысли мои! Сватовство ведь в Твери идет. Баили доброхоты наши, что-де некои из бояр тверских, сносясь с Казимиром, спрашивали близких вельмож Казимировых, отдаст ли он внучку свою за князя Михайлу, ежели он сватать будет ее? О сем ты ведаешь. Ныне ж яз не успел тобе довести еще новый слух, который до нас дошел. Бают, Казимир-то дал уж согласие на брак сей. Михаил-то мыслит, что ты будешь считаться с Казимиром и станешь меньше теснить Тверь...

— Добре,— перебил дьяка Иван Васильевич.— Ныне тобе два дела: одно — следи за Тверью, и как оженится Михайла, так пошлем поклоны и подарки молодым с Петром Федорычем Заболотским. Побай с ним, дабы разумел, что ему вызнать надобно. Глаза у него и уши умны на виденье и на слышанье...

— Пасха-то, государь, нонешний год апреля восемнадцатого,— заметил дьяк Майко,— значит, красная горка двадцать пятого, а с нее и свадьбы начнутся. Мыслю, известит о сем нас князь-то Михайла...

— Ну, значит, время у нас еще есть,— сказал Иван Васильевич.— Другое дело — пусть князь Василь Иваныч Ноздреватый собирается в Крым. Курицына из полона выручать надобно. Сие наиглавное. Да гляди, Андрей Федорыч, не токмо на тверских бояр, а и на московских, да на князей наших удельных гляди. Снова Казимир-то захочет, дабы Тверь стала на Москву дверь. Разумеешь?

— Разумею, государь. Разреши в сие трудное время всяк день вести тобе доводить без зова твоего...

— Добре, приходи, а сей часец иди с богом, Андрей Федорыч...

После ухода дьяка Иван Васильевич, ласково усмехнувшись, обернулся к сыну и спросил:

— Как здравие сношеньки?

— Лучше. Не так уж тошнит...

— Сие пройдет, сынок, вборзе, а осенью, бог даст, внука мне подарит...

Иван Иванович просветлел на миг, но тотчас же лицо его снова померкло.

— Вот приказал ты дьяку глядеть за нашими князьями да боярами,— заговорил он,— а яз через своих людей ведаю: грек из семьи Траханиотов, именем Петр Димитриев, приехал на службу из Венеции к молодому князю верейскому, к Василь Михайлычу. Женился он на дочери княжого человека по имени Яков и часто ездит из Верен в Тверь, а из Твери в Литву...

Иван Васильевич нахмурился, а молодой государь продолжал:

— Ведомо мне, что некоторые из греков, да и из наших бояр и боярских детей, тоже в Верею ездят. Мыслю яз, большое гнездо латыньское из Москвы через малое гнездо верейское нити свои во все концы тянет, ко всем нашим ворогам: своим и зарубежным...

Иван Иванович замолчал и вопросительно поглядел на отца. Тот, задумавшись, долго смотрел на морозные узоры слюдяных окон, сверкавшие в лучах утреннего солнца, а потом вдруг спросил:

— Ты со мной будешь обедать?

— Нет, государь-батюшка, Оленушка меня ждет.

— Ну, иди. Токмо о наших ратных приготовлениях против князя тверского добре поразмысли. После все подробно мне доложишь, и подумаем вместе. Жаль, Федора Василича все нет. Тверь надобно нонешним летом покорить, яко Новгород, а Верею за Москву взять...

— Истинно так!— воскликнул Иван Иванович.— Дабы Казимир не успел на нас ополчиться...

После марта семнадцатого, когда с гор вода бежит, а рыба с зимовья трогается, спешно отъезжал в Крым воевода князь Василий Иванович Ноздреватый, и дорожный поезд его еще затемно стал у двора государевых хором, окруженный сопровождавшей его крепкой стражей из московских конников и Даниаровых татар.

Светало, и ранняя заря багровила печной дым, обжигала огнем быстро бегущие тучки, золотила кресты кремлевских церквей и высокие крыши княжих и боярских хором, смелей и смелей, сверкая в слюдяных окнах светлиц и вышек, солнечный луч играл и вспыхивал на золоченых петушках и рыбках, ветрящихся по ветру над башенками-смотрильнями.

Москва не спала, в церквах после утрени уже звонили к

часам. В трапезиой Иваиа Васильевнча только что накрылн стол для раииего завтрака. За столом сиделн оба государя, воевода князь Василий Иванович Ноздреватый и дьяк Майко. Дворецкий, князь Петр Васильевич Великий, служивший государю еще в походах против Ахмата, распоряжался застольиыми слугами. Иваи Васильевич был приветлив с князем Ноздреватым и милостиво из своих рук иаливал вина в его чарку.

— Дай бог тобе пути, Василь Иваныч,— говорил государь, чокаясь с князем Ноздреватым.— Впрочем, за сие яз не беспокоюсь и советов тобе не даю. Лучше меия Поле ведаешь. Помню походы твон, особливо к Сараю во время войны с Ахматом...

— Рад служить тобе, государь, и ныне,— отвечал Ноздреватый,— как ранее служил.

— Добре служил и как боярни и как воевода,— сказал Иван Васильевич и, обратясь к дворецкому, продолжал:— Холодиое-то все приели мы, прикажи-ка горячую уху подавать, да и стерлядок горячих на противие. Василь Иваныча в путь-дорогу посытней покормить надобио. Да к медам и водкам добавь фряжского.

— Василь Иваиыч,— заговорил молодой государь,— порадей ты в Крыму-то о Курицыне...

— Верио,— подтвердил Иван Васильевич,— мы о сем в грамотах не пншем Менглы-Гирею, но сие наиглавное. Потом тобе грамоту пришлем, когда более о полоие его ведать будем...

Иван Васильевич замолчал, о чем-то вспоминая, и потом продолжал:

— О том же, что в грамоте царю Менглы-Гирею иами писано, ты и ему и вельможам его в мыслях добре утверди. За великие услуги царя против Казимира, которому он клятву сложил и земли ворога моего воевал, яз дела менглы-гиреевы сам крепко берегу. Скажн ему от меня: брат, мол, твой Нурдовлат по ярлыку твоему и приказу хотел к тобе пойти. Яз же, тобя оберегаючи, не отпущаю его, как н прочих братьев. Убытки и трудности для земли своей чиию тобя ради, ибо худо от братьев тобе будет. Сиова из-за царства с тобой воевать будут. По собе сие ведаю...

Иваи Васильевич горько усмехнулся и смолк.

— Государь,— напомнил отцу Иван Иваиович,— еще в грамоте есть о иедаче подарков...

— Истинно,— поддержал дьяк Майко,— а грамоту Ска́рие евреиму яз, государь, переписал начисто и принес листики злата и чекаи, дабы печать свою привесить...

— Добре,— молвил Иваи Васильевич и, обращаясь к Ноздреватому, добавил:— Еще, Василь Иваныч, уясни Менглы-Гирею, что Барашу, сыну князя Именека, за иебрежение его к делам моим н к царевым яз подарков ие шлю. Приказал Менглы-Гирей проводить моего боярина до Мерла, а Бараш, не хотя

боярина проводить, пошел прочь. За то ионеча и подарка ему нет. Да еще скажи Менглы-Гирею: «Послал он ко мне своего человека Сарыку — без дела. Яз его на сей раз пожаловал тобя ради, а впредь бы ты ко мне бездельных людей не посылал...»

— Такие послы, государь,— усмехаясь, сказал князь Ноздреватый,— токмо волю им дай, всю казну твою разорят.

— А мы им руки отобьем,— весело продолжал Иван Васильевич.— Ты же не забудь, прикажи еще моим именем Хосе Асану и Кокосу, дабы купили мне лалы, да яхонты добрые, да и зерна жемчужные, какие наивеликие и баские у купцов есть. Прислал бы их мне, а цену яз заплачу, да и сверх того своим жалованьем пожалую.

Обернувшись к сыну, он сказал с оживлением:

— Ты помнишь, Иване, Гуил-Гурсиса, который письмо прислал по-латыни, а ты перевел его мне?

— Помню, батюшка,— ответил Иван Иванович,— купец наш Гаврила Петров письмо его привез. Баил он, что по-другому Гурсиса звать Захария или Скария, что евреин он...

— Хотел сей Скария на Москве у нас жить, и яз того хочу. Ну, читай, Андрей Федорыч, мою грамоту.

Дьяк Майко достал из ковчежца небольшой кусок пергамента и стал читать:

— «Божиею милостию, великий господарь Русской земли, великий князь Иван Василич, царь всея Руси, Володимерьский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Югорьский, и Вятский, и Пермяцкий и иных Скарие Евреину. Писал к нам еси с нашим гостем с Гаврилой с Петровым о том, чтобы тобе у нас быть. И ты бы к нам поехал. А будешь у нас, наше жалованье к собе увидишь. А похочешь нам служить, и мы тобя жаловать хотим. А не похочешь у нас быть, а всхочешь от нас опять в свою землю поехать, и мы тобя отпустим доброволько, не издержав».

— Добре,— сказал государь Иван Васильевич, выслушав всю грамоту.

Дьяк Майко, взяв хорошо очиненное гусиное перо, осторожно обмакнутое в чернила, на обороте грамоты написал: «По велению государя грамоту от его имени подписал духовник государя Митрофан».

Просмотрев еще раз внимательно грамоту, Иван Васильевич возвратил ее дьяку, молвив:

— Скрепи моей золотой печатью.

Дьяк достал тонкий шелковый шнурок алого цвета, продел сквозь нижний конец пергамента, соединил оба конца его и обернул с обеих сторон тонкими золотыми пластинками. Потом положил между двух створок стального чекана, сильно ударил по нему и вы-

бил золотую печать государя с изображением Георгия-победоносца на коне, копьем поражающего дракона. По краю печати, вокруг этого нового герба московского, были выбиты все титулы Ивана Васильевича.

— Знатно изделана,— похвалил государь, любуясь печатью.— Ну, ныне все закончено. Ко времю успели. Вишь солнце-то как весело встает, играет на морозе! Ну, давайте помолимся, потом посидим малость и проводим с богом князя Василь Иваныча в путь-дорогу...

Московский посол Петр Федорович Заболотский вернулся из Твери в самое соловьиное время, мая второго, когда соловьи, угнездясь среди кустов боярышника, бузины и орешника, поют от зари до зари.

Весна началась сразу и прочно. Дни еще с конца апреля стоят погожие и теплые. Отцвели уж и осина и вяз. Теперь же, как зацвела береза, сразу, будто по волшебству какому, все кусты и деревья ласково зазеленели, покрываясь нежной, душистой листвой. Светло, тепло кругом и радостно. Окна в трапезной Ивана Васильевича растворены, и солнечные пятна от них ярко горят на стенных узорочьях и вспыхивают в поставцах на золотой, серебряной и хрустальной посуде. За окнами пролетают бабочки, жужжат пчелы и мухи.

Государь Иван Васильевич сидит, как всегда, около окна, Иван Иванович стоит возле него. Слуги убирают со стола после раннего завтрака. Вскоре должен прийти вместе с дьяком Майко и боярин Петр Заболотский, возивший от обоих государей московских свадебные поздравления и подарки великому князю тверскому Михаилу Борисовичу.

— Побыл он в Твери-то немало,— сказал Иван Иванович,— видать, было ему там на что глядеть и что слушать...

— Да,— усмехнувшись, заметил Иван Васильевич,— хочешь увидеть и услышать тайное, не бойся тратить время. Сие есть целая наука. Разумеет по-польски и по-литовски князь Михайла, а как наш Заболотский?

— Разумеет и он оба сии языка,— ответил Иван Иванович.— Мыслю, не зря сидел он там...

— Послушаем, узнаем,— молвил старый государь и задумался, глядя в окно.

В сенцах послышались шаги, и дворецкий Петр Васильевич, постучавшись, отворил дверь, пропуская боярина и дьяка.

— Будьте здравы, государи,— приветствовал великих князей Заболотский, помолясь на образа.

Дьяк молча поклонился обоим государям; он был уже сегодня у них, докладывая о приезде посла из Твери.

— Будь здрав и ты,— сказал Иван Васильевич, протянув

Заболотскому руку для поцелуя, и, обратясь к дворецкому, приказал:— Велн-ка, Петр Василич, слугам небольшой стол к окну поставить, ближе к духу весеннему, который сюда к нам из сада доходит. Да медов и хмельных стоялых и сладких подай, а к ним нешто снедомое, по своему разумению...

За столом боярин Заболотский рассказывал о вельможных панах польских н литовских, бывших на свадьбе, н возмущался их надменностью н презреннем ко всему русскому.

— Наших православных обычаев и духовенства нашего не чтили совсем,— говорил он с возмущеиием,— да и с великим князем тверским н со внучкой своего круля были, яко с ровней своей...

Иван Васильевич усмехнулся и молвил:

— Нет у них ни уваженья, ни послушанья к государям своим. Привыкли на сеймах королям приказывать, яко своим слугам. Всяк там пан-вотчинник собя государем мнит.

Иван Васильевнч метнул острый взгляд на посла своего н спросил:

— А ты лучше скажи, куда дело-то зашло у Михайлы с Казимиром?

Заболотский покраснел н слегка заволновался.

— Далеко зашло, государь,— внешне спокойно ответил он.— Тайно видясь с самим владыкой тверским Вассианом и другими доброхотами нашими...

— С кем?

— С князьями Микулинским н Дорогобужским,— продолжал боярин.— Бают они, докончанье у князь Михайлы с королем уж подписано...

— В чем?

— Докончанье с тобой князь Михайла порушил, а круль за то ему крест целовал идти войной на тобя, ежелн ты с Тверью заратншься... По обычаю-то епископ Вассиан за великого князя докончанье сне подписывал...

— Добре!— воскликнул Иван Васильевич, резко встал н зашагал вдоль покоя.

Заболотский тоже поднялся со своего места н стоял, тревожно следя за государем. Иван Васильевич неожиданно остановился протнв боярина и, пронизывая его взглядом, спросил:

— А из наших московских удельных кто к сему руку свою приложил?

Боярин Заболотский смутился н чуть замедлил с ответом. Глаза государя стали смотреть подозрительно.

— Из наших?— торопливо заговорил Петр Федорович.— Не ведаю. Все же нити есть, а из зарубежных дети князей можайского Ивана, Димитрия Шемяки и Василья Боровского...

— А из наших, московских? — настойчиво повторил государь.

— Бают... от молодых верейских грек един, именем Петр, в Тверь ездит...

Иван Васильевич переглянулся с сыном. Это заметил Заболотский и, смутившись еще более, замолк в волнении.

— Пошто у тя язык-то отнялся? — подозрительно взглянув на боярина, резко спросил Иван Васильевич.

— Страшусь, государь, — бледнея, ответил Петр Федорович, — не смею близких тобе называть...

— Сказывай.

— Через Петра грека князь Василь Михайлыч верейский сносится с великим князем тверским и с крулем Казимиром, а княгиня Марья Андревна, родная племянница супруги твоей, через круля вести от отца своего, Андрея Палеолога, из Рыма получает.

Иван Васильевич опять переглянулся с сыном, но суровый взгляд его заметно смягчился. Он понял, что Заболотский не скрывал ничего от государей своих, а только боялся обвинять родню их.

— Яз мыслю, государь, — добавил Заболотский, — что рымские и польско-литовские вести за Вереи и к московским грекам доходят...

На этом замолк Заболотский из почтения к государям, но меж слов его, по выражению его лица и голосу, можно было догадаться, кого хотел бы он еще назвать в Москве. Иван Васильевич на уточнении не настаивал и продолжал:

— А ты мне самое главное-то обскажи. Какие там у них в Твери трещины? Как тверские гости-купцы, черные и сельские люди?

— Как и у нас в московской земле, как и в новгородской и псковской, так и в тверской. В городах там черные люди кишмя кишат и все с лавок на площадях торгуют. В Твери их, пожалуй, столь же, как на Москве...

— На Москве-то не менее двух тысяч, — заметил дьяк Майко.

— Не ведаю числом-то, — продолжал боярин Заболотский, — но много их там. Более чем в Туле, чем в Коломне или Можайске. Бают, у них, как и у нас, с кажным годом более и более возле сел и деревень «рядки»[1] разные строятся. В тверской земле яз сам видал возле сел у торговых дорог такие торжки. Живут там кузнецы, сапожники, бондари, шубники, кожевники, ножовники,

[1] *Рядки* — поселки кустарей ремесленников и мелких купцов в сельских местностях, являвшиеся уже в XV веке районными центрами внутренней торговли.

замочники, гончары, колесники и другие. А которые из них тароватей, то, как и у нас, в города идут, в посады, наймаясь в работники по рукомеслу или на промыслы...

— Верно сие,— заметил Иван Васильевич.— Ныне по всей Русской земле, по всем градам и весям так и есть. За деньгами все тянутся: и оброки[1], и боры[2], и мыт, и прочие пошлины все ныне хотят деньгами брать...

— Истинно, государь,— продолжал Заболотский.— Посему везде, яко грибы, растут в больших городах ряды и рядки, а у дорог сельских — рядки, торжки и торжишки. Все ныне за деньгой гонятся, и многие из них вельми богато живут.

— А все ж более таких, у которых, что денег, то все в кармане,— усмехнувшись, молвил дьяк Майко,— а что одежи, то все на собе!

— Всякое бывает,— заметил Иван Васильевич,— а все ж ныне соха больше кормит, а поит, одевает и обувает — торг да промысел.

— Истинно, государь,— подтвердил Заболотский,— токмо не к рукам сие князю Михайле. Силы у него нет настоящей, дабы своих торговых людей от татьбы и разбоя оградить и у собя и у соседей.

— Почему тверичи к Москве и тянут,— молвил Иван Васильевич и, улыбнувшись, спросил:— А как принимал тя князь Михайла?

— С честью великой,— оживился Петр Заболотский, понимая, что угодил государю и что беседа их заканчивается.— Благодарить просил меня государей обоих, весьма дарам радовался. Ответные дары дал, которые яз боярину Ховрину с описью князя тверского привезу днесь же. Узорочье там разное, шелк китайский, килимы[3] шемахинские, жемчуг и прочее. Вот опись сему...

— Добре́,— заметил Иван Васильевич и, обратясь к своему дворецкому, приказал:— Прими, Петр Василич, опись от Петра Федорыча. Потом вы оба с Димитрием Володимирычем дары в свою казну вложите. А что и какое все там поглядим мы после.

Государь вдруг весело рассмеялся.

— Дарам, баишь, нашим радовался?— воскликнул он.— Поди, радовался им, яко черт ладану! Ну, бог с тобой, Петр Федорыч. Спасибо за добрую службу. Иди, отдыхай.

Когда Заболотский вышел, Иван Васильевич сурово спросил дьяка Майко:

---

[1] *Оброк* — обложение крестьян в пользу помещика или государя.
[2] *Бо́ры* — подати.
[3] *Килим* — ковер, тканный из разноцветной шерсти.

— А ну-ка, сказывай, кто из наших князей и бояр-вотчинников на Литву и Польшу глаза косит?

— Есть такие,— ответил Майко,— вот ежели верейскнй узел развяжем, то многие нити будут в руках у нас.

— Истинно,— усмехнувшись, согласился Иваи Васильевич,— токмо бы хоть одну нитку в узле сем поймать. Худо нам с тобой без Курицына-то!

— Бают,— смутившнсь от государевой усмешки, заговорил Майко,— шепчут по углам, что племянница у твоей государыии выманивает много из княжой казны. А на что? О сем бы иам вместе с Ховриным подумать надобно.

Для Иваиа Васильевича весть эта была неожиданной. Взглянув на сына, он увидел его злорадную улыбку и иахмурился, ждал, что скажет Иван Иванович, но тот молчал. Государь рассердился было на сына, но оцеиил тотчас же его сдержанность и спросил дьяка:

— Есть ли вести какие о Курицыне?

— Слухи токмо из Дикого Поля через Даиияровых татар. Бают, Федор-то Василич вместе с послами короля Матвея и господаря Стефана и с многими умельцами фряжскими в Царьграде у султана Баязета в полоне.

— Так,— молвил государь,— собери все, что по сему делу собрать можно. Подумай, составь две грамоты: Менглы-Гирею и князю Ноздреватому, дабы тщилнсь ослобонить Федора-то из полона. Да подумай, как бы короля Матвея и господаря Стефаиа к сему привлечь. После втроем мы о сем подумаем. Топерь же иди, устал яз, хочу отдохиуть...

После ухода дьяка Иван Васильевич обратился к сыиу:

— Видел яз по лицу твоему, что ты уразумел все, что Заболотский сказывал, совокупив с тем, о чем сам ты более его ведаешь.

Государь неожиданно сдвннул брови и сурово пронзиес:

— Ныне же слагаю с собя крестное целоваиие к Михайле за неправду его, за иеисправленье и злые умыслы.

— Другому решеиью и быть нельзя,— твердо сказал Иваи Иванович.— Токмо помни, государь-батюшка, есть у иас два гиезда греко-латыиьских: большое и малое, но оба согласно поют рымские песни. Жаль мне, что нет иа думе иашей Курнцына. Вельми ясны и борзы мысли его, а предаи ои нам обоим более, чем все прочие вместе...

Старый государь молчал.

— Тяжко тобе, батюшка,— тихо молвил Иван Иваиович, целуя руку отцу.— Разумею яз все, как н ты все разумеешь.

Иваи Васильевич печально улыбнулся и подошел к окну.

Он долго глядел в светлое весеннее небо, потом, обернувшись к сыну, заговорил тихо, будто думал вслух:

— На переломе живем мы, сыночек. Старое все рушится, яко трухлявый терем, а новое идет и старое ногами растаптывает. Слабеют удельные, вотчины разоряются, а московское государство крепнет. Не надобно государству вотчин княжих и боярских, нужны ему дворяне служилые. Хлеб-то первей всего нужен, и ремёсла нужны, и торговля нужна, а для сего и деньги. И вои нужны, и воеводы, и дьяки, и прочие люди. Государство требует то, что ему нужно, а государи-то иной раз и не разумеют, что именно нужно-то. Народ идет своей дорогой и на собе государство везет, яко кони везут колымагу. Государь же токмо кологрив, который дорогу сию ведать должен и разуметь, где и как по ней лучше колымаге сей проехать. Вот топерь у нас стали бояться, чтобы так с ними не случилось, как с новгородцами. За Казимира цепляются, а тот и сам не ведает, за что ему цепляться-то надобно!

Государь громко рассмеялся, подошел к сыну и, весело похлопав его по плечу, сказал с упрямой усмешкой:

— Может, и будет на земле когда-нибудь рай, как ты баишь, но мы и в аду сем кромешном должны назло ворогам нашим крепить свою Русь.

Буйно в рост пошли овсы. Наступил жаркий июнь. Иван Иванович с воеводами своими все время составлял карты военных действий против князя тверского, а пятнадцатого к вечеру закончил их.

Проводив воевод, молодой государь прямо пошел к Елене Стефановне. Любуясь красивой и все еще стройной супругой своей, хотя и беременной уж на пятом месяце, он заботливо спросил:

— Добре ли собя чуешь, Оленушка?

— Добре,— с улыбкой ответила та,— мук не чую и не тошно мне. Токмо во дни такие светлые скучно мне в хоромах одной читать уже читанные книги...

Иван Иванович шутливо прервал ее речь поцелуем, сел рядом с ней на скамью, обнял и весело заговорил:

— Днесь уж поздно, вишь, солнце-то к земле клонит, вборзе за леса спрячется. Хочешь, утре с тобой на рассвете по грибы поедем?

— Нет, нагинаться мне тяжко,— ответила Елена Стефановна.— Лучше поедем на Воробьевы горы. Хочу яз с тобой вспомнить, как мы зимой тайно в бору том встречались. До свадьбы еще...

— Ах ты, радость моя светлая!— воскликнул Иван Иванович,

целуя ее в уста, глаза и щеки.— Поедем, а оттуда яз сопровожу тя к Воскресенью, к бабуньке. Что-то недужится ей. Сам же к батюшке к раннему завтраку с чертежами ратными поеду.....

— К обеду токмо домой будь,— заговорила она громким шепотом, прижавшись к лицу мужа пылающей щекой,— а днесь ужинать будем в опочивальне, яз уж там сама все для трапезы нарядила...

На другой день на рассвете со двора молодого государя выехала колымага Елены Стефановны с задернутыми шелковыми занавесками, в сопровождении небольшой стражи во главе с Никитой Растопчиным, любимым стремянным Ивана Ивановича.

Столица только еще просыпалась. На улицах было совсем пустынно. Воро́ны и голуби спокойно ходили посередине дороги, копаясь в навозе и подбирая просыпанные зерна. Около них резво скакали, громко чиликая, старые и молодые воробьи. На дворах же за высокими заборами с запертыми воротами уже закипала жизнь. Громко кудахтали куры, гоготали гуси, скрипели колодцы, звякали цепи на ведрах. Сонно, а иногда злобно перекликались голоса дворовых слуг, мычали коровы, но, несмотря на все эти крики, стуки, шумы и лязги, город, казалось, все еще дремал в прохладной тишине раннего июньского утра.

Ворота Боровицкой башни были уже растворены — в город въезжали обозы с продовольствием: с мукой, зерном, разными крупами, со всякой съедобной живностью, с мясными тушами, молоком, маслом, яйцами, медом и прочим — и со множеством сельских изделий: сапогами, лаптями, ложками и чашками деревянными, глиняными мисками, плошками, жаровнями, кафтанами, шапками, колесами, дегтем, смолой, воском, овчинами, кожей и другими товарами.

Княжеские сборщики взимали «весчее» при взвешивании товара и другие торговые пошлины.

Крестьяне, узнавая государеву колымагу и стражу, снимали шапки и низко кланялись, на время прекращали споры и перебранки со сборщиками.

— Глянь, Оленушка! Сколь народу из деревень понаехало,— тихо проговорил Иван Иванович жене, склонившей голову к его плечу.

Взглянув искоса в слюдяное оконце, она приникла к мужу и нежно прошептала:

— Ты со мной, на тобя и смотреть хочу, Иван-царевич мой милый...

Молодой государь поцеловал ее и крепче прижал к себе. Колымага, отъехав от ворот и прогромыхав колесами по пересохшей гати, выехала на мягкую лесную дорогу, к берегу Москвы-

реки, и сразу из глубины бора дохнуло особой свежестью, запахло грибами, цветущим белым донником, свежей листвой и хвоей.

— Дух-то, дух-то какой легкий!— радостно воскликнула Елена Стефановна.

Колымага в это время остановилась на той самой полянке, куда они еще женихом и невестой приезжали зимой. Выйдя из колымаги на опушку бора, они сразу узнали могучие столетние сосны, недавно еще стоявшие под снеговыми шапками среди огромных сугробов, нанесенных метелями выше кустов бузины и орешника.

Оглядевшись кругом, Елена Стефановна остановилась в изумлении. Вся лесная поляна желтела пятнами густой золотистой пыли. Такой же пылью были покрыты кусты у подножий лесных великанов, вершины которых уже обжигали нежно-алые и золотисто-желтые лучи восходящего солнца...

— Боже мой — невольно воскликнула Елена Стефановна,— сколько золота? Словно мы в сказке чудесной!

— Сосны, Оленушка, отцветают,— молвил Иван Иванович,— цветом их все тут обсыпало...

Они замолчали, слушая, как в лесу повсюду звенели, посвистывали и стрекотали разноголосые птички, а где-то недалеко томно куковала кукушка...

Вдруг в бору прозвучал звонкий женский голос:

— Ау!

— У-у-у,— покатилось по лесу и стихло, а в ответ с разных сторон, то тише, то громче, раздавались женские, мужские и даже детские голоса:

— Ау, ау!

— А сие что?— снова с удивлением спросила Елена.

— Народ-то грибы собирает, государыня,— почтительно проговорил старый cologрив.— Тут и девки, и женки, и стары, и малы. Такая сила грыбов-то ноне, что и старики такого не помнят,— к войне, бают...

Иван Иванович вспомнил о сегодняшней ратной думе с отцом и слегка заволновался.

— Пойдем гулять, Оленушка, а то мне к батюшке ехать надобно,— молвил он и, нежно улыбнувшись, добавил:— Не успеем мы с тобой оглянуться, как сюда ездить будем втроем: либо с сыном, либо с дочкой...

— Жду сего, мой Иван-царевич,— закрасневшись, сказала Елена,— и мнится мне, словно все сказка...

Возвращаясь из бора, Иван Иванович всю дорогу до Воскресенского монастыря говорил с Оленушкой о войне, о злоумышлениях папы и короля Казимира, о заговорах мачехи. Выходя

из колымагн у монастырских ворот н прощаясь с женой, он сказал ей по-итальянски:

— Думаю, война эта раскроет глаза отцу н на мачеху. Передай бабке поклон мой, пожелай здоровья, скажи: люблю ее. Вместо матерн она мне...

Стремянный Никита подвел молодому государю его верхового коня. Иван Иванович поскакал к хоромам отца, спеша застать его еще за ранним завтраком.

Поздоровавшись с сыном, Иван Васильевич шутливо сказал:

— Запоздал к столу-то. Яз уж кончаю...

— Догоню!— весело воскликнул Иван Иванович.— Совсем оголодал с вольного-то воздуха. В бор с Оленушкой ездили.

— Как сношенька-то?

— Добре. Сама в бор-то захотела,— ответил Иван Иванович и, заметив, что отец хочет еще о чем-то спроснть, быстро добавил:— Чертежн для ратных дел составил н точный список с них для тобя приготовил.

— Сие, сынок, дар мне добрый,— весело проговорил Иван Васильевич.— Ты все так норовишь нзделать, как н яз сам бы сделал...

После завтрака Иван Иванович, разложив на столе возле окна карту с чертежами, надписямн н вычнслениями расстояний в верстах н днях путн, давал объяснения, а Иван Васильевич, следя по списку, делал поправки и замечания.

— Яз так нсчнслил,— говорил с увлечением молодой государь.— Первому выступать с полками на Зубцов н Ржеву дяде моему, князь Борнсу Василичу нз своего Волока Ламского. За день, как ему к Зубцову прийти, дяде моему, князь Андрею Василичу нз Углича на Кашнн идтн. Мыслю, в одно время они на свон места придут. Яз же много ранее дядн Андрея выйду, когда дядя Борис токмо нз Волока тронется. Он ко Ржеве придет, а яз у Клина буду. Протяну отряды свон от левой рукн по берегу Шоши, к истокам ее, оттуда всего верст двадцать до града Старицы на Волге, где н встречусь на правом и левом берегу с отрядами дяди Борнса.

— Добре,— заметил Иван Васильевич.— Казимиру путь из Литвы на Тверь перережешь н далее к Торжку пойдешь. Ну, а как с правой руки?

— С правой-то, государь-батюшка,— горячо продолжал Иван Ивановнч,— протяну свои отряды вдоль Шошн до устья ее, а там по Волге к устью Медведицы конную стражу расставлю, дабы с конной стражей до дядн Андрея вестовой гон наряднть, когда он Кашин обложит...

— А далее?— нетерпеливо перебил сына Иван Васильевич, угадывая план.

— Далее, заслонясь полками дяди Бориса и полками своей левой руки, погоню иа Тверь!..

— Добре!— воскликнул Иван Васильевич.— Добре!

Государь встал из-за стола и, шагая вдоль покоя, продолжал:

— Вельми разумно замыслено. От Клина-то до Твери верст восемьдесят, и пока Михайла-то направо, да налево, али назад оглядываться будет, ты его в лоб бей, нечаянно иа Тверь напади...

— Яз, государь-батюшка,— подхватил Иван Иванович,— обоз пушечный с конным полком иа день ранее вышлю, дабы через сутки они под стены тверские пришли и к приходу всех сил, перед самым рассветом, по граду из пушек ударили...

Иван Васильевич поцеловал сына.

— Хитро сие!— воскликнул он.— А ведаешь ты, что новые-то наши медиые пушки на полтора перестрела далее тверских ядра мечут?

— Ведаю, посему так и замыслил, дабы тверичи со стен пушкарей наших отогнать не могли, ио сами урон иесли бы и духом слабели...

— Ну, сынок, да благословит тя господь. Через пять дией тайно выходи на Тверь,— молвил Иван Васильевич,— дабы никто о сем до срока сведать не мог. На рассвете токмо ко мне проститься заедешь. Вестовой гои наряди.

— Всяк день вестник будет, а иио два и три раза в день, яко с Угры тобе посылал,— свертывая бумаги, проговорил Иван Иванович.

Но, собираясь уходить, он опять подошел к столу, указал отцу на княжества можайское и верейское, расположенные рядом, и молвил:

— Вишь как дружно рядком стоят у самых рубежей литовских?..

Иван Васильевич ничего не сказал на это сыну, но, благословив и поцеловав, тихо произнес:

— Ну, иди... Помогай тобе бог...

Июня двадцать третьего, на Аграфену-купальницу, вещие старики и старухи впервые идут собирать коренья и травы целебные, а все москвичи иачинают купаться в реках и озерах. В эту жаркую пору прибыл к государю Ивану Васильевичу первый вестник от сына.

Грамотка Ивана Ивановича была тайная, и привез ее сам Леваш-Некрасов, Трофим Гаврилович. Подгадал он свое прибытие к раннему завтраку, когда государь особенно любит заниматься делами.

Иван Васильевич радостно встретил Леваша и в ответ на его приветствие сказал:

— Будь здрав и ты, Гаврилыч, садись за трапезу, а ежели сыт, то выпей вот фряжского, а мы посмотрим, что пишет нам молодой государь.

— За твое здоровье, государь, живи многие лета!— принимая кубок от дворецкого, воскликнул Леваш, но, выпив его, от трапезы отказался.

Сев на обычное место свое и расправив карту, Иван Васильевич молвил:

— Ну, Гаврилыч, давай грамоту.

Великий князь сам принял из рук вестника небольшой столбец, зашитый в кусок холста, с восковой печатью сына. Подрезав шов ножом, поданным дворецким, он не стал подпарывать его, а безо всякого усилия разорвал могучими руками крепкий грубый холст.

Нетерпеливо развертывая столбец, он быстро прочел про себя:

«Отец мой любимый и государь, да хранит тобя бог на многие лета! Все, как тобе доводил, так и сделано. Яз в Клину. От дяди Андрея весть была — у Кашина, у стен он стоит. Дядя Борис — у Зубцова и Ржевы. Пушкари же еще за час до полуночи ушли. По расчету моему, ровно через сутки перед рассветом они у Твери будут. Мы их здесь и нагоним, ибо утре в обед яз выхожу со своими полками. О всем ином Трофим Гаврилыч на словах тобе скажет. Токмо молю тя, государь, вели частые заставы поставить от Вереи до рубежей литовских и до Москвы.

Руку твою, государь, целует сын твой».

Иван Васильевич вздохнул и тихо сказал:

— Подай-ка, Петр Василич, свечу мне зажженную, а ты, Гаврилыч, сказывай, как дела идут у нашего великого князя.

— Лучше и не надобно, государь!— воскликнул Трофим Гаврилыч.— Все у него, как у покойного князя Юрья Василича,— борзо и крепко! Князи Андрей Василич и Борис Василич ни в чем не перечат. Один — под Кашиным, другой — под Зубцовым и Ржевой...

Дворецкий подал зажженную свечу и глиняное блюдце. Государь, смяв грамотку, зажег ее от свечи и положил на блюдце. Язычки бледного желтого пламени заметались над блюдечком и в один миг превратили бумагу в серый пепел.

— Ну, а как и что тверичи деют?— спросил Иван Васильевич, придавливая остывший пепел к дну блюдца.

— Токмо от войска бегут да ищут, где бы от нас схорониться им...

— А полки-то тверские где?

— Неведомо, государь. Не видали еще мы их. Воеводы-то наши бают, города-де в осаду садятся, а князь-то, верно, подмоги от короля Казимира ждет. Токмо великое безрядье по всей земле.

Иван Васильевич презрительно рассмеялся.

— Воевать-то — не на дуде играть,— резко проговорил он.

— Истинно так,— подхватил Леваш-Некрасов.— Бают, Ржева-то задаться за Москву хочет. Да и в других местах люди под твою руку хотят.

Иван Васильевич, глядя неотрывно на военную карту, задумался, вычисляя расстояния и время передвижения войск московских. Вспоминая поход свой на Новгород через Торжок и Вышний-Волочо́к, он определял, в какое время можно известить московского наместника в Новгороде и послать оттуда большое войско к Торжку, чтобы ударить по левому крылу Казимирова войска, если король пойдет на помощь князю Михаилу. Нужно ему было знать точно и время, когда загремят московские пушки у стен тверских. Неточность сведений об этом раздражала его.

— Ну, а как вестовой гон?— спросил государь.

— Вестовой гон-то добре наряжен,— с уверенностью ответил Трофим Гаврилович,— мыслю, к обеду вестник будет...

В дверь постучали, и дворецкий впустил дьяка Майко.

— По приказу твоему,— сказал тот и после обычных приветствий сел на указанное ему место.

— Трофим Гаврилыч, иди с богом,— сказал государь,— отдыхай с пути, а утре к концу раннего завтрака будь у меня.

Обратясь к дьяку, он продолжал:

— Хочу яз, Андрей Федорыч, сыну для думы боярина Малечкина, Костянтин Саввичы, отослать, а ты бы дьяка и подьячих подобрал, которым с ним ехать. Мыслю, новое докончанье великий князь-то с князем Михайлой подписывать будет.

— Дай бог сие,— радостно отозвался дьяк Майко.— Боярин же Костянтин Саввич издавна ведает все наши дела с Тверью.

Помолчав немного в ожидании вопросов великого князя, дьяк нерешительно произнес:

— Есть у меня одна не совсем добрая весть из Пскова.

— Сказывай,— молвил государь.

— Смуту псковичи начали...

— Передавали мне о сем. Смерды против бояр и черных людей...

— До смертоубийства дошло, государь. На самом вече у них...

Иван Васильевич нахмурил брови.

— Что ж наместник наш, князь Ярослав, не пресек сего?

— Смуты начались во Пскове, государь. Гонцы князя Ярослава путями окольными вместе с посадниками псковскими Степаном Максимычем, Левонтием Тимофеичем и Васильем Коростовым на Москву прибежали. Сказывают беглецы, заставы круг Пскова со всех сторон расставлены. В граде же все дни звонит вечевой колокол у святой Троицы. Все из-за подложной смердьей грамоты. Июня же тридцатого, всего десять ден тому назад, убили посадника Гаврилу Картачева, всем Псковом его на вече зарезали. Искали убить и других посадников, которые новую грамоту в ларь клали, но те схоронились. За то самого ларика Есипа били и мучили. Токмо сбежал он в монастырь и в монахи постригся. Не найдя же посадников, псковичи дворы их посекли и разграбили, а сокрывшихся вече из заповеди закликало[1] за обман и нарушение Судной грамоты[2].

— А смерды что?— спросил Иван Васильевич.

— Смердов, государь,— продолжал Майко,— которые в те же дни ходили на вече, черные и жи́тьи люди кулачным боем били, а главных из них — Стехну, Сырню и Лежню посадил на крепость в погребе.

— А что после сего меж псковичей стало?— нетерпеливо перебил дьяка Иван Васильевич.

— Князь-то Ярослав пригрозил им твоим именем за брань и мятеж,— продолжал Майко,— и жи́тьи, устрашась тобя, от черных людей отстали, у наместника твоего ищут опоры. Видать, покорны будут тобе во всем. Из-за смердов по всему вечу трещина прошла...

Великий князь улыбнулся...

— Береди, Андрей Федорыч, сию трещину,— молвил он,— не давай зарастать ей. Да пусть князь Ярослав чаще гонцов нам шлет. Иди...

Когда дьяк Майко, простившись, пошел к дверям, Иван Васильевич остановил его и сказал:

— К тому, что мы в наказе в Крым князю Ноздреватому с Костей Севрюком наказываем, добавь: «Костю своди в хоромы к царю Менглы-Гирею. Костя же от меня царю челом ударит за посла моего Федора Курицына, за посла короля угорского и за посла воеводы великого Стефана, они с Федором вместе на Москву едут ко мне, и подарки от меня царю пусть Костя подаст. Ты же Костю в сем поддоржи, дабы царь всех послов сих отпустил ко мне с тобой вместе». Еще припиши князю Ноздреватому-то: «Государь всея Руси Иван тобе, царю, сказы-

---

[1] *«Вече из заповеди закликало»*— означало: «Вече объявило вне закона», то есть лишило всех прав и даже права жизни.

[2] *Судная грамота* — псковские уставы о производстве суда и расправы по делам уголовным и гражданским.

вает: вернулись к нему люди его из Орды с вестьми, что были при них в Орде у царя Муртозы и у Сеид-Ахмата послы короля Казимира, по имени Стреть да Ивашка Рагозин, смолянин, и ходят те послы королёвы близко Перекопа. Вборзе опять пойдут из Литвы в Орду сии послы. Постерег бы царь-то Менглы-Гирей королёвых послов, ежели сие пригодно ему для дел его, а будет то пригодно, ино сам о том ведает». Ежели Менглы-Гирей спросит, как нынеча у меня посол от короля Казимира был, то пусть князь Ноздреватый ответит: «Был-де от короля посол Ян Забережский о порубежных делах, а иных дел за ним никоторых не было». Спросит царь, о сем так вот и сказать, а не спросит сам, ничего о сем и говорить не надобно... Иди с богом...

Ночь на двадцать пятое июня выдалась темная, сырая и холодная. Роса густо лежит на дороге, на травах, на яровых и озимых злаках, а над мокрыми ложбинками и болотцами смутно сереет туман. Обоз пушечников Ивана Ивановича двигается медленно. Усталые лошади, слегка пофыркивая, равномерно шагают и в шаг покачивают головами, будто кланяются. Чувствуется, что они идут уж давно и втянулись в ходьбу, как и люди, молча и угрюмо бредущие за телегами, тяжело груженными пушками, ядрами и прочим военным снаряжением.

Тьма и тишина кругом. Вот холодеть начинает заметно, и люди ежатся и неожиданно вздрагивают всем телом, но все же не могут сбросить с себя ночной оцепенелости.

Вдруг звонкое ржанье коня в хвосте обоза, и гул встревоженных голосов волной катится ближе и ближе.

— Что такое?

— Свои? Вороги?..

— Где сторожевой полк?

И снова все сливается в глухой шум, но в этом шуме нет уж тревоги, и вполголоса радостно все передают друг другу:

— Великий князь Иван Иваныч с полком своим догнал нас.

Остановили обоз пушечников, приказали всем стоять тихо, разведчиков разослали повсюду, чтобы точно узнать, как близко к Твери подошли и с какой стороны.

Тьма вдруг дрогнула и бледнеть начала, а где-то, не поймешь, не то справа, не то слева, явственно разобрать можно — петухи в тишине предрассветной запели.

— Тверь...

— К Твери подошли...

Зашептали кругом, словно от ветра трава зашелестела, а

тьма все редеет, н видно невдалеке Волгу средн полей н лугов; видно, как пухлой стеной стонт над ней туман; тоньше все становится эта стена, н видно уж сквозь нее большое темное пятно, нз которого смутно торчат колокольни. Вот чуть-чуть зарозовела сверху туманная стена, н бледным золотом обозначилнсь кресты на соборе св. Спаса.

Иван Иванович въехал на ближний холм н, окруженный воеводамн своимн, молча сидит на коне, нетерпелнво поглядывая за Волгу выше Твери. Он взволнован, но старается держать себя в руках.

— Остается всего един час, как солнцу взойти,— глухо проговорил он.

— Прикажешь, государь, подступать ко граду?— тнхо спросил один из воевод.

Иван Иванович досадливо отмахнулся рукой и снова жадно впился глазами в заволжье. Он ждет гонца с левого берега Волгн, вдоль которого пошли от Старицы его главные обозы пушечников н все полкн левой руки.

Прямо же перед глазами, опираясь южной стеной на волжский берег, а с боков прикрываясь речками Тверцой и Тьмакой, крепко стоит старая богатая Тверь.

Иван Иванович досадует теперь на себя, что сам раньше не переехал за Волгу. Но вот из тумана вынырнула вдруг черная точка н быстро растет, приближаясь. Из княжой стражн вырвались в поле пятеро конников и помчались навстречу. Вот окружилн неизвестного всадника н скачут с ним к великому князю.

— Государь,— кричит начальник стражи,— вестник от воеводы с того берега!..

Но Иван Иванович сам узнал в гонце сотника Галкина, боярского сына.

— Будь здрав, государь!

— Будь здрав, сказывай.

— Пушки-то, государь, все расставлены как надобно. Для тобя н полка твоего плоты тверскими мужикамн нзделаны, от Старнцы сюды прнгнаны. Ждет тя воевода-то...

— Ну, прнступайте ко граду!— весело кричнт Иван Ивановнч окружающим его воеводам.— И как услышите гром пушек от нас, так бейте по градским стенам н башням. Помогай вам бог! Гонцов н вестнноков всяк час мне шлнте...

И вот все кругом бесшумно пришло в движенне. Конный полк н обозы пушечников двинулнсь прямо к правому берегу Волгн н стали под прикрытием речного тумана ставить пушки у самой воды, против тверских стен, видимых все еще смутно...

Иван Ивановнч, понаблюдав недолгое время за этими действиями, сделал знак окружавшей его страже и, сопровож-

даемый свонм полком, крупной рысью поскакал к Волге выше Тверн, к устроенной там для него переправе.

Туман, стенами стоявший над Волгой, Тверцой и Тьмакой, распался на розовые тучкн н таял, медленно подымаясь к небу, когда Иван Иванович, свершив переправу, остановился против главных ворот северной стены. Воеводы один за другим подъехали к нему за приказаниямн. Молодой государь зорко оглядел ряды самых больших медных пушек, выставленных впереди него против стен и проездной башни.

Спит еще Тверь, и тишина кругом такая, что слышно, как где-то далеко, в лугах, на заросших ивняком н водяными травами болоте громко крякают уткн.

Иван Иванович еще раз оглядел войска свон н, перекрестясь широким крестом, приказал:

— Начнем с богом!

Звонко запела труба, сразу густой дым окутал пушки, дрогнула земля, и оглушительный грохот грозно покатился во все стороны, отдаваясь средн холмов и в ложбинах.

Молодой государь заметил, как от ударов тяжелых ядер полетели от стен н от башни куски дерева н камня. По стенам забегали и заметалнсь люди, не зная, что делать. В это время докатился такой же грозный грохот из-за Волги. Это московские пушечники стреляли по южной стене Твери. В городе поднялся шум, крикн и вопли, забили в набат во всех церквах.

Иван Иванович с презрнтельной улыбкой смотрел на тверские стены, где все еще бестолково метались воины. Наконец, сверкнули из бойниц огнн, окутали их дымом, и пушечный грохот потряс воздух. Молодой государь, жадно впнваясь глазамн в ряды своих пушек, погнал к ним коня.

— Как тверичи-то бьют?— крикнул он.

— Нн едино ядро, государь, до нас не достигло,— смеясь, отвечали пушкарн,— ближе к нам, чем за сто шагов, нн одно не попало...

— Добре,— весело воскликнул Иван Иванович,— наши же медные дятлы и стены и башни их насквозь продолбят!..

— Токмо ранее мы, государь,— со смехом ответилн пушкарн,— все пищали и пушки их, яко бабки, со стен посшибам!

— Ну, будь по-вашему,— согласнлся Иван Иванович н отъехал назад, на свое прежнее место.

Снова грозно грохнули московскне пушки, окутываясь дымом, снова от стенных н башенных бойннц полетели в разные стороны обломки камня и бревен.

После этого залпа Тверь долго не отвечала. Уж давно затихли в окрестностях все отголоски пушечного грома, когда

неожиданно с крепостных стен раздался недружный и довольно жидкий залп.

— Москва!— закричали московские пушкари.— Москва!!

Иван Иванович, обернувшись к воеводам, воскликнул с довольной улыбкой:

— Видать, наши-то немало уж посшибали пушек со стен...

— Истинно, государь,— заговорили воеводы,— а у нас все пушки целехоньки!

— Наши-то медные дятлы знай собе долбят да долбят,— продолжал молодой государь.— Мыслю, ежели не нынеча, так утре дядя Михайла-то миру запросит, ворота...

Новый рев и грохот пушек заглушил его слова... Со стен снова полетели обломки, а внутри проездной башни сверкнул в дыму багровый огонь, и все содрогнулось от страшного грома...

Когда рассеялся дым, в середине башни зазияла огромная пробоина, а верхушка ее слегка скривилась набок.

— Видать, зелье пороховое в башне-то взорвалось,— сказал один из воевод.

— Много было зелья,— добавил другой,— вишь как все разворотило...

Прошло достаточно времени, но Тверь не отвечала. Это обеспокоило Ивана Ивановича. Подозрительно поглядывая на осажденный город, он молвил:

— Не блазнитесь, воеводы, легкой победой. Мыслю, тверичи, видя превосходство наших пушечников, на отчаянность некую решиться могут. Выбегут из стен своих, и их конники посекут наших пушкарей...

Началась дума с воеводами, как лучше отодвинуть пушкарей подальше от главных и боковых ворот, и о том, куда ближе и выгодней продвинуть конные полки к тверским стенам...

— А может, нам самим ночесь приступать будет надобно,— задумчиво молвил один из воевод.

— Может, и так содеем,— ответил государь.— Токмо нам начеку надо быть все время. Береженого и бог бережет...

Нынешнее лето, начиная с июня четырнадцатого, по всему северу Руси, от Пскова, Луги, Копорья, Олонца и в новгородских землях по всему За́волочью, вплоть до Перми Великой и устья Печоры, лили дожди непрерывно весь пост по самый Петров день. Ручьи и реки и даже озера из берегов вышли, словно половодье весеннее там началось. У ржи тогда смыло дождями почти весь цвет, и пошло много ее на пустую метлу и на солому. При такой непогоде все там дороги сухопутные испор-

тились, и не стало никаких путей на север, кроме как на лодках по рекам и озерам...

Это все крайне заботило государя Ивана Васильевича. Боялся он, как бы не прекратилась теперь, в самое нужное время, доставка железа от берегов Копорья и Луги и с Железного поля, а с Усть-Печоры — доставка меди...

— Не верю яз князю Михайле,— говорил он дьяку Майко,— хоть и на полную волю мою добил челом мне и сложил крестное целованье Казимиру. Днесь вестник был у меня от князя Ивана. Сказывает сын-то, что и у него и у боярина Малечкина сумленье есть от великого послушания князя Михайлы. Согласен он на все, о чем мы с тобой в докончанье писали. Меня и сына моего Ивана почитает старшими братьями, не будет ни в чем без моего ведома ссылаться ни с Казимиром, ни с детьми его, не будет принимать никого из детей князей можайских, галицких и боровских...

— И у меня, государь, веры сему нет,— сказал дьяк Майко,— заставы же наши от Верен к литовскому рубежу двух конников заприметили и погнались за ними. Один-то ускакал, другого с коня стрелами сбили. Перед смертью успел он сказать — провожал-де человека князя верейского к Казимиру с вестями из Москвы.

— Пошто не разведали больше?— нахмурясь, спросил Иван Васильевич.

— Кровью изошел. Две стрелы в нем было, да когда брали, саблей еще рубнули. Заставы же от Москвы до Верен сказывают, проезжали мимо них вестники от княгини твоей. Бают, посылала она их к родной племяннице своей, ко княгине верейской Марье Андревне.

Поднявшись со скамьи, Иван Васильевич медленно прошелся вдоль покоя.

— Да, много еще зла и в уделах и в самой Москве таится,— мрачно проговорил он.— Курицына нам бы скорей вызволить! Да вот еще гребта: путей-дорог во псковских и новгородских землях совсем не стало, неведомо, как обозы оттоль идут. Поеду днесь на Пушечный, сведаю там о сих делах.

Государь помолчал и спросил:

— У нас погода-то, кажись, везде хороша? А как дороги? Ведь июль настал. Макушка лета — самый жар да сушь должны быть!..

— У нас, да и в Твери, государь, благодать божья!— ответил Майко.— Теперь, бают, все уж озими в налив дошли, а батюшка-овес до половины дорос. Четвертое июля уж...

— А как здравие старой государыни?

— Сказывал мне отец архимандрит от Воскресенья, ослабла-де совсем, но днесь лучше ей...

Лицо государя просветлело.

— Слава богу,— молвил он, перекрестясь.— Тогда поеду-ка яз сей часец на Пушечный. Помню яз твердо, что Казимир-то не токмо с Тверью, но и с Ордой ссылается...

На Пушечном дворе Иван Васильевич застал работы в полном разгаре. Днем и ночью работали здесь сам маэстро Альберти и несколько десятков русских мастеров, им обученных, да сотни две простых рабочих. Все они это время жили безотлучно около домниц, кузниц и литейных, трудясь и отдыхая посменно.

Государь часто приезжал сюда и сегодня был особенно рад, узнав, что непогода не помешала маэстро увеличивать огненный наряд для московских войск. Выплавленное железо в крицах и прутах ежедневно прибывало в Москву на лодках от Копорского залива и Лужской губы, из погостов Копорского, Ямского, Никольского и Каргальского, где у Красных горок, у Ковоши и в соседних местах крестьяне государевых и крестьянских волостей добывали руду и переплавляли ее в своих домницах.

— Ежели в крицах считать, маэстро, то сколько нам железа с весны по сие время прислано?— спрашивал Иван Васильевич у итальянца.

— Много шлют, государь,— отвечал тот через толмача.— Из Копорского и Ямского погостов — с тысячу криц, а из одного Каргальского погоста, где сорок девять домниц,— гораздо более, чем тысячи криц...

— Добре, добре,— весело говорил государь,— а как с медью у вас?

— Трудней, государь, с медью-то,— ответил маэстро,— все же из Югорской земли привозят. Токмо мало. Медную руду разведывать надобно по всему Поясу каменному. Мастеров русских ныне у меня много, а руды мало...

Услышав на дворе конский топот, Иван Васильевич обернулся и узнал в скакавшем коннике боярского сына Никиту Сурмина, из слуг митрополита Геронтия. Государь заволновался.

— Должно, из монастыря Воскресенского,— сказал государю стремянный Саввушка.

Гонец соскочил с коня и поклонился Ивану Васильевичу.

— Сказывай!— крикнул ему великий князь.

— Владыка зовет тобя, государь, ехать немедля к Воскресенью. Матерь твоя кончается.

Иван Васильевич побледнел и, обратясь к Саввушке, приказал:

— Коня...

В монастырь Иван Васильевич прибыл, когда все были в сборе

и обряд приятия схимы государыней уж заканчивался. Сам митрополит Геронтий совершал его. Издали еще, в сенях монастырских, Иван Васильевич услышал глухое церковное пение и почувствовал запах ладана. Сняв торопливо шапку, но не раздеваясь, он вошел в келью матери.

Старая государыня лежала, уже облаченная в схиму. Она совсем ослабела, осунулась, но была умиротворенно спокойна. Улыбкой она встретила своего старшего сына, окутав сердце его особой теплотой душевной, которую знал он с самого детства.

— Матушка моя милая,— тихо сказал он, становясь около нее на колени,— благослови мя, дите свое...

Она положила руку ему на голову, и грозный государь почувствовал себя снова малым ребенком, и вспомнилось ему, как гневливый и вспыльчивый отец его сразу смирялся от ее ласки и называл ее нежно «сугревушка моя теплая»...

Сердце Ивана сжалось, а с уст само собой горестно сорвалось:

— Матушка, души моей сугревушка в трудной жизни государевой...

Она тихо и ласково улыбнулась ему, но благословить уж не смогла, и глаза ее медленно закрылись.

Митрополит, начав читать отходную молитву, приблизился к ней. Иван Васильевич поцеловал холодеющую руку матери, встал и, не замечая, как слезы текут по лицу его, отошел к окну. Суровые глаза его застыли, устремясь в одну точку.

Так простоял он до самого прощания с усопшей. Потом, не сказав ни слова, один уехал к себе в хоромы.

В самый разгар деревенской страды, когда пшеницу жать начали, воротился на Москву со двором своим великий князь Иван Иванович. Победу привез он и новый договор, покорно подписанный великим князем тверским Михайлой и скрепленный крестоцелованием обоим государям московским. Все это и торжественные встречи и молебны по дороге к Москве и в самой столице радовали Ивана Ивановича. Еще более льстили его самолюбию похвалы отца, но в глазах у него все время таилась печаль, и Иван Васильевич заметил ее.

— Какая у тобя горечь, Иване?— ласково спросил он сына, когда они остались вдвоем.

— Скорблю яз, батюшка,— тихо ответил тот,— по бабке, яко по матери родной. Царство ей небесное. Есть у меня и другие горести, единые для нас обоих. Токмо прости, изнемог яз, отпусти меня к семейству моему. Утре буду у тобя к раннему завтраку и обо всем, мною содеяном и разведаном, тобе доведу...

Иван Васильевич быстро взглянув в лицо сыну и грустно улыбнувшись, промолвил:

— Иди с богом. Утре будь до прихода дьяка. Одни мы о многом побаим...

Когда Иван Иванович, спеша и волнуясь, вошел в свою трапезную, Елена Стефановна вскочила со скамьи из-за стола и радостно воскликнула, словно глазам не веря:

— Ты? Ты, мой царевич!

Повторяя эти слова, она, отяжелевшая еще более, побежала навстречу мужу мелкими шажками и, обняв, приникла к нему всем, так пышно расцветшим, телом. В нежной теплоте этой ласки Иван Иванович сразу забыл о всех тревогах и горестях...

Обед и, по обычаю, послеобеденный отдых промелькнули для них в поцелуях и ласках, среди сладостных слов, тихих и нежных, среди неудержимо счастливых улыбок — будто сказочный сон им наяву виделся...

Летнее солнце уже склонялось к западу и, встав вровень с окном опочивальни, горячим снопом света осветило лицо задремавшей Елены Стефановны. Открыв глаз, она быстро зажмурилась и, отвернув голову, осторожно подняла густые ресницы. Иван Иванович спокойно спал рядом. Лицо его показалось ей печальным. Горькие складки легли в уголках его губ. Это тревожит ее, она готова разбудить мужа, но он сам просыпается и улыбается ей. Все же и теперь в глазах его она видит печаль.

— Что-то случилось у тобя неприятное?— спросила Елена Стефановна.— Скажи мне все, мой Иван-царевич...

— Ничего нового,— ответил Иван Иванович, нахмурив брови.— Все то же. Мачеха с папой рымским через верейских и через Тверь сносится. Плетут паутину против отца и нас с тобой. Будь осторожна.

— Всегда яз настороже, царевич мой. И за тебя и за дитя наше трепещу,— взволнованно проговорила она и с досадой воскликнула:— Что ж отец твой глядит? Видит он или не видит, какое зло вокруг нас и вокруг него самого копится?

— Видит он все,— угрюмо молвил Иван Иванович,— а медлит и выжидает да все с делами государства согласует...

— А пока он примеряется, они и его и нас погубить успеют, Говорил ты с ним?

— Буду баить с ним,— вдруг нежно улыбнувшись, сказал Иван Иванович.— Утре беседа до завтраку с отцом мне указана. Днесь же коло тобя душой и сердцем хочу отдохнуть, люба моя, зоренька моя ясная...

На другой день разговор Ивана Ивановича с отцом был долгий и трудный. Молодой государь говорил осторожно, не подчеркивая

семейной вражды. Отец поимал это н тоже скрывал свон чувства, но существо дела само выпирало иаружу.

— Разведал яз, государь-батюшка,— говорил Иван Иванович,— о постоянном вестовом гоне из Верен в Тверь, а из Тверн в Литву и Польшу. Владыка Вассиан мне тайно сказывал: бывалиде в Тверн н некон греки-униаты от двора государынн Софьн, которых ты к чужеземным государям посылывал...

— Ты узнал их имена?— спросил Иван Васильевич.

— Траханиоты, полагает владыка-то, а нмен их ие ведает. Послы сии таились вельми. Сам же киязь Михайла их никому ие объявлял, прииимал один, токмо со своим дворецким.

— Добре,— задумчиво произнес государь.— Ну, далее сказывай.

Ои был внешне спокоен, но руки его стали заметио дрожать. Видя это, Иван Иваиович поспешил продолжить свое повествованне.

— Когда из Тверн мы сюда ворочались,— говорил ои,— нашн дозоры в лесу литовском, ближе к рубежам нашим, нашлн в чащобе одной обглоданный зверями костяк коиский, а на ием седло. Возле коня лежал костяк человечий, на котором портище все нстерзано в клочья, а лицо и тело тоже звери объели. Кто сей, прнзиать не могли. Меж костей стрелы былн, а на человеке через плечо сумка. В сумке же, в малом совсем ларце липовом, была вот сня грамотка...

Иван Иванович протянул отцу небольшой исписанный кусок бумагн и добавил:

— Олеиушке про сию грамотку яз не сказывал. Боюсь, встревожит, на сносях ведь...

— Не по-русскн здесь писано,— медлеино проговорил Иваи Васильевич, рассматривая буквы,— а и с иашим пнсьмом сходио...

— По-грецки сне писаио,— глухо произнес Иван Иваиович н, взяв у отца бумагу, прочел: «Агапитό пати́р кай василéвс. Та эхасá тин харáн му...»

Он оборвал чтенне и добавил:

— А все, что тут написано, по-русскн означает: «Любезный батюшка н царь. Яз не чую собя от радости, сведав о твоем полученин купно с моей грамоткой н грамоты из Москвы. Его святейшество папа будет весьма доволен.

С любовью руку твою целую. Верная дочь твоя Марья».

Иван Иваиович взглянул на отца н слегка дрогнул, увидев его белое, как мел, лицо. Помолчав, Иван Васильевич тихо сказал сыну:

— Тяжко нам без Федора Василича. Вборзе изыму его из рук басурмаиских. Ныне же ты, Иване, един со мной. Не спущай глаз своих с сего великого зла...

Старый государь в раздумье медленно пошел было к окну, но тотчас же обернулся. Он снова стал таким, как всегда, и спросил бодро и твердо:

— Князю Михайле и его крестоцелованью веришь?

— Ни на един миг, государь-батюшка,— быстро и уверенно ответил Иван Иванович.

— Как же мыслишь?— снова спросил Иван Васильевич.

— Все время яко на ратном поле быть с Тверью...

— Истинно!— сказал Иван Васильевич.— Михайла-то Казимиру под руку пойдет, а нам Тверь не отдаст...

— Сами возьмем!— пылко перебил отца молодой государь.

Иван Васильевич ласково взглянул на сына.

— Оба мы для ради Руси порадеть должны,— сказал он и добавил многозначительно:— Зорок будь и со всех ее ворогов, какие бы ни были, глаз не спущай... Ну, иди с богом, надежа моя...

Глава 4

ВЗЯТИЕ И ВОССОЕДИНЕНИЕ ТВЕРИ

В сентябре пришла весть на Москву о смерти папы Сикста IV.

— Сие точно и достоверно,— докладывал обоим государям за ранним завтраком дьяк Майко,— ранее-то были токмо слухи, а нынче из Колывани купцы весть привезли: «Преставися папа Сикст в четверток на двенадцатое августа в пять часов нощи, а нового папу звать Иннокентий осьмой».

— А что о новом-то папе бают чужеземцы?— спросил Иван Васильевич.

— Бают, он много будет хуже усопшего. Тоже великий, бают, разоритель будет. Пьяница, женок всяких и девок круг него невесть числа, детей от них великое множество...

— До сего нам дела нет,— перебил Иван Васильевич,— сие его гребта. А вот как он с Польшей и с Литвой, как с басурманами?

— О сем бают разно,— продолжал дьяк.— Смута везде. Одной рукой, бают, новый папа деньги на крестовые походы собирает, а другой рукой тайными грамотами с султаном Баязетом о дружбе ссылается...

— При таких делах,— заметил Иван Иванович,— крулю Казимиру есть о чем думу думать...

— У круля-то и так борзости мало было с Москвой биться,— добавил насмешливо Иван Васильевич,— а нынче и того менее будет. Ежели вот наместник Христов и разоритель гроба господня лобызать друг друга учнут, то Казимир-то меж двух огней окажется.

— Истинно!— смеясь, воскликнул Майко.— У Казимира-то, опричь всего, неполадки с уграми и чехами. Блазнят еще круля сии два престола — сынов у него много...

— Нынеча мыслю,— продолжал Иван Васильевич,— Казимир-то намного к Михайле в Тверь запоздает, да мы все едино ждать не будем. Придем, бог даст, еще поранее его!..

Государь с веселой усмешкой взглянул на сына, но быстро отвернулся, заметив, что тому не терпится что-то сказать.

— Андрей Федорыч,— обратился он к Майко,— как все содеяно по приказам нашим в Новомгороде? Есть у тобя вести от наместников?

— Оповестил меня наместник-то новгородский, Яков Захарыч, что задержал он много старых посадников и тысяцких, вдов их и других именитых бояр и боярынь, которые разные сговоры вели с крулем ныне или в прежнее время. Задержанных пытал и про всю крамолу у них вызнал.

— А казну и села их?— спросил Иван Васильевич.

— А казну и села их — всё на тобя, государь, велел отписать,— ответил дьяк Майко.

— Извести Яков Захарыча,— молвил старый государь,— что добре им все содеяно. Пусть всех задержанных с семействами их шлет в Москву, ко двору боярина Ивана Товаркова, а в Новомгороде еще коромольной землицы поискал бы. Иди с богом.

— Днесь же, государь, вестовым гоном весть пошлю о сем наместнику,— вставая и кланяясь, проговорил дьяк.

Когда государи остались одни, старый государь подошел к отворенному окну. Осенний денек стоял погожий. Тишь и теплынь кругом. Иван Васильевич молчал и задумчиво смотрел на кремлевские сады. Вдруг густой, мельтешащей в воздухе тучей пронеслись неподалеку скворцы.

— На пролете,— беззвучно прошептал он и, неведомо почему, вспомнил о Марьюшке.

Сидели они вдвоем на лесенке возле башеики-смотрильни и так же вот на Москву и на скворцов глядели. И было это все будто давным-давно, будто и весь мир тогда был иной, на нынешний совсем не похожий. Нежно улыбнувшись, он оглянулся на сына, но, встретив его гневный взгляд, вместо ласковых слов сказал деловито и сухо:

— Ну, сказывай, Иване, как обо всем мыслишь?

— Мыслю, государь-батюшка,— взволнованно заговорил Иван Иванович,— что нельзя нам зло копить круг собя. Мы ведаем все и о большом и о малом гнезде! Все злые хитросплетенья их на глазах наших...

— Да. Сие все нам ведомо, Иване, и яз...— начал было Иван Васильевич, но, не кончив речи, спросил:— Скажи, как ты о

новом папе мыслишь и о переменах, которые быть могут?

Молодой государь овладел собой,— стало жаль отца, которому тяжко бывает, когда говорят с ним о мачехе. Помолчав, он ответил отцу спокойно и почтительно:

— Мыслю яз двояко. Может, папа и Казимир купно со своими доброхотами московскими и верейскими зло творить будут попрежнему, как при Сиксте. Может, Иннокентий-то о крестовых походах токмо в трубы трубить будет, а сам Баязета вместе с Менглы-Гиреем на нас подымет. Может, и Литву с Ливонией на нас уговорит.

— Право мыслишь, Иване,— одобрил государь своего сына,— разумеешь, что все дела наши: государственные, военные и торговые — с таковыми же делами иноземных царств ныне сплетаются. Помни, чем более расти и крепнуть Русь будет, тесней еще станут сии сплетенья. От сего же все богатство наше, цена и сила денег наших...

Иван Васильевич задумался, а Иван Иванович с некоторым недоумением глядел на отца. Казалось ему, что отец намеренно отводит разговор в другую сторону.

— Батюшка,— сказал он с легкой досадой,— яз тобе о руке Рыма, о гнездах рымских и польских у нас на Руси, о зле, какое на нас в Москве мыслят...

— Иване, Иване,— ласково перебил сына Иван Васильевич,— сие все едино. Ты молвил, двояко мыслишь, а надобно трояко. Третье-то и есть главное. Токмо помысли, Иване, тверезо, а обиды и горечь ото зла забудь. Не будь в делах государствования гневом пьян. Помни, мы с тобой умрем, и внуки наши умрут, а Русь останется... Вот мы Новгород собе мечом покорили, казнили и казним многих, заставы в Новомгороде крепкие доржим, а покоя и мира нет...

— Что ж нам деять-то? Руки сложить, зло против собя копить?

— Переменить все надобно на Руси, дабы злу места у нас не было. Не страшны нам хищные враны и волки — передавить их враз можно. Надобно так содеять, дабы негде было ворогам корни у нас пустить, дабы сами завяли, а люди, нужные нам, процвели. Сие главное дело наше, а разных злых мух и других мелких гадов разрядный приказ и Товарков с прочими слугами нашими истребят.

Иван Васильевич помолчал и твердо сказал:

— Надобно нам, Иване, не токмо руль от ладьи государственной в своих руках доржать, а и все весла, которыми ладья движется, в нужные нам руки передать. Сие главное. Разумеешь?

— Разумею, батюшка,— ответил Иван Иванович.— Вижу

давно, что ты не из тех государей, которые из-за деревьев леса не видят. Токмо лес-то все-таки из деревьев слагается...

— Добре сказано,— рассмеялся старый государь,— а посему приезжай ко мне после обеда. Мы един на един с тобой и о деревьях побаим, и о гнилых и здоровых. Ну, иди с богом. Ждать буду...

После обеда оба государя сидели в опочивальне Ивана Васильевича и почти полчаса вели тайную беседу. Оба были взволнованы, бледны, но говорили тихо, вполголоса.

— Тяжело мне, батюшка,— говорил Иван Иванович,— баить о сем. Токмо ведь сама же пишет Марья Андреевна и радуется, что грамоту отец ее из Москвы получил. От кого ж и что получил сей папский слуга Андрей Палеолог, короной своей торгующий?! Его же брат родной, Мануил-то, и того хуже. Сам ты ведаешь. Он и отечество и веру продал, дабы на султанской дочке жениться. Греки-то ныне, батюшка, всё продают, не токмо чужое, а и свое отечество. Ничего не стоит таким и Русь-то продать, за которую мы с тобой живот положить готовы. Татары верней их. Касим и Данияр были и есть верные нам слуги: они клятвы своей не рушили...

— Сии татары-то верней нам не токмо греков, а и братьев моих родных,— молвил Иван Васильевич.

— То-то вот греки и в дружбе великой с удельными нашими да со всеми боярами-вотчинниками. Вольный и самодержавный государь на Руси им не надобен — ни тем, ни другим. Вместе они кашу варят.

— Пусть варят!— воскликнул Иван Васильевич.— Котел сей с кашей кипящей им же на главу опрокинем! Пока мы с тобой живы, вороги...

— Ведаешь сам, государь,— взволнованно прервал отца Иван Иванович,— в животе нашем не токмо бог волен, но и люди...

Иван Васильевич с любопытством посмотрел на сына и спросил:

— А как ты о воровстве и зле таком мыслишь?

— За тобя страшусь, а первое для сего зла — рука папы. Папские-то слуги в твоих хоромах живут, пьют и едят с тобой за единым столом...

Иван Васильевич нахмурил брови. Заметив это, молодой государь продолжал:

— О сем, батюшка, ты больше меня ведаешь. Яз же тобе еще молвлю токмо о слугах круля Казимира. Вот днесь ты мне сказывал о ладье государственной, а у самого-то руля у нас и фрязины есть, и греки, и ляхи, и татары, и литовские выходцы разные...

— Назови, кто?— приказал Иван Васильевич.

Иван Иванович заколебался сначала, но потом сказал твердо и резко:

— Волю твою, государь, смотреть за иноземцами исполняя, яз и слуги мои много лжи всякой приметили. Первое — не верю яз князю Лукомскому. Хошь и отъехал он к нам от Казимира, а веры ему нет. Греки с ним в большой дружбе и ляхи, которые у нас служат, бывают у Лукомского. Есть еще братья Селевины, выходцы из Литвы, которые мытниками у ляхов возле нашего рубежа служили. Сии, яко псы, всё везде нюхают. Верейский князь с Марьей Андревной...

Иван Иванович замолчал в волнении, но пересилив себя, добавил:

— В хоромах же у княгини твоей, как ты ведаешь, врач есть и две вещие бабы, которые всякие зелья варят...

Иван Васильевич утомленно закрыл глаза.

— Устал яз, Иване,— сказал он тихо.— Все вот Федор Василича жду. Мыслю, вборзе он из полона воротится. Тогда втроем мы думу о всех злоумышленьях подумаем. Днесь же нам наиглавное — с Тверью кончать. Следи посему за каждым шагом князь Михайлы. Пымаешь саму малость какую, и сей же часец мы на Тверь свои полки поведем... О верейских же яз сам не забуду. С них начинать надобно...

Иван Иванович улыбнулся и, поцеловав у отца руку, вышел из его опочивальни.

В день бабьих именин, сентября семнадцатого, государыня Софья Фоминична обычно праздновала день ангела по второму своему имени, оба государя — Иван Васильевич и Иван Иванович — прибыли к Софье Фоминичне после завтрака с дарами и поздравлениями. Отслушав молебен и поздравив еще раз мачеху, Иван Иванович извинился нездоровьем жены и тотчас же отъехал к себе домой. Старый государь остался на обед. Услышав об этом, Елена, старшая из детей его, захлопала в ладоши, бросилась с радостным криком к отцу:

— Остался, остался, остался!

Государь поднял Елену на руки и нежно поцеловал в обе щеки. Почему-то ему вспомнилось, как в дни детства маленький братец его, Юрий, так же вот заплескал руками от радости, а бабка Софья Витовтовна строго остановила его, сказав:

— Не подобает так княжичу...

Иван Васильевич ласково поглядел на свою любимицу и подумал, что теперь другие уж времена и другие обычаи.

— Девятый годок уж Оленушке нашей,— проговорил он

вслух, любуясь дочкой.— Мыслил яз, будет она в мать, маненькая, а она вишь как поднялась, будто сосенка в бору...

— В тобя пошла,— лаская девочку, сказала Софья Фоминична и продолжала, коверкая слова.— Родился так вот: Элен, Феодосия, другая Элен, сего лета в апреле Эудоксия, а ныне яз паки тязёла стала, пятн месяс...

Иван Васильевич рассмеялся.

— Чем более детей, семейство крепче,— сказал он шутливо.— Токмо ты девок уж не родн, а то девок-то у нас с тобой четыре есть, а сынов — токмо три...

— Тут не наса воля, а бозья,— смеясь же, ответила Софья Фомнннчна.

Иван Васильевич окинул жену быстрым взглядом н заметил, что к тридцати пяти годам она еще больше потолстела, но все же была свежа и моложава.

— Просвирка,— шепнул он одними губамн и добавил вслух:— После обеда яз отдохну не более часа, мне надобно...

— А ми на полёвин час ране обед соберем,— смеясь, лукаво перебила его Софья Фоминична н, увидев вошедшую кормилицу с пятимесячной Евдокией на руках, пошла ей навстречу, радостно бормоча:

— Миля моя, миля...

Слушая нерусский выговор жены, Иван Васильевич вдруг почувствовал около себя все чужим, кроме маленькой Оленушки. Особенно чужой показалась ему сама Софья — женщина небольшого ума, но хитрая, льстивая, чувственная н злобная святоша. И в этот день было для него особенно убедительным все, что говорил ему о мачехе сын его любимый...

Октября десятого, в пятницу, на третий день, как зима начала становиться, прискакал к отцу перед самым обедом крайне взволнованный Иван Иванович.

— Батюшка,— с трудом выговаривали его дрожащие губы,— бабка-повитуха баит, Оленушка-то моя родит... Вборзе, баит, родит...

— Ништо, Иване, ништо,— с улыбкой перебил сына старый, государь,— так уж от бога поставлено. Все женкн рожают, на том н род человечий держится...

Иван Иванович схватил отца за руки.

— Батюшка,— горячо говорил он,— един ты у меня родной. Молю тя, приезжай обедать ко мне! Приезжай. Колымага моя у твоего крыльца. Легче мне с тобой!..

Когда они приехали в хоромы Ивана Ивановича, там хотя и не было никакой суматохи, но стояла особая тревожная тишина,

и слугн исполнялн свон обязаниостн как-то ускоренно, будто спешилн куда-то.

У красного крыльца ожидал государей дворецкий Ивана Ивановича, все тот же Данила Коистантинович, которого, заменив греком, давио уже отпустила от себя Софья Фомиинчиа.

Молодой государь опять заволновался и, побледнев, спросил дворецкого:

— Как с государыней-то?

— Все слава богу,— с улыбкой ответил Данила Коистантннович и, поклонившись старому государю, поцеловал протянутую ему руку.

— Ну, пойдем, батюшка, токмо взглянем на княгиню мою,— весело проговорил Иван Иванович,— да сей же часец обедать будем...

— Стол-то уж собран, государь,— доложил дворецкий.

— Добре, добре!— воскликиул Иван Иванович и быстро побежал вверх по ступеням.

Иваи Васильевич с улыбкой переглянулся с дворецким.

— Младость сие, Данилушка,— со вздохом сказал ои н добавил:— После обеда, как всегда, приготовь постель мне в трапезной...

— Слушаю, государь,— тихо молвил дворецкий.

В покоях Елеиы Стефаиовиы Иваи Иваиовнч стоял возле постели жены, когда вошел туда старый государь. Здесь же былн бабка-повитуха н две старые боярыни из приближенных покойиой Марьн Ярославны. Все оин иизко поклоиились государю, а он, узиав старых служаиок матери своей — Ольгу Тимофеевну да Степаииду Федотовну, поздоровался, назвав их по имеии и отчеству.

Встретив взгляд сиохи, он улыбнулся и ласково спросил:

— Как тобе, доченька, можется?

Елеиа Стефаиовиа была тронута приходом свекра.

— Благодаря богу, добре,— радостно молвила она.— Молю тя, государь, благословн мя, отца вместо...

Как только Иваи Васильевич благословил сноху н та поцеловала его руку, к иему приблнзилась старая боярыня Степанида Федотовиа и, низко кланяясь, молвила:

— Иднте, государи, к собе в палаты. Надоть иам роженнцу готовить...

За трапезой беседа зашла о разных делах государственных.

— Не успел яз сказать тобе, Иваие. Был у меия до твоего приезда дьяк Майко, за раииим завтраком,— начал Иван Васильевич,— вестн принес из Пскова. Смерды там пуще прежиего мутят, а на вече снова нестроенья идут и смуты. Повелел яз

тайный приказ послать наместнику, дабы масла в огонь подливал...

— Разумею сие!— воскликнул Иван Иванович с усмешкой.— Хочешь ты, дабы Псков сам в руки Москвы пошел, а возьмем Псков-то, можно и на смердах так узду затянуть, что не пикнут...

— Сие все так, Иване,— заметил старый государь,— запомни главное: государю надобно зрить не токмо днешнее, а и то, что через многие лета будет. Посему мыслю яз и до взятия Пскова и после многие льготы смердам дать. Сии мужи — крепкие хозяева и торговцы,— не что ведь иное, а лен сеют. Годны они, дабы и из них порубежных помещиков изделать, яко изделали мы помещиков из холопов опальных бояр новгородских. Они и ныне первые из псковичей немецких ворогов на собя принимают. Нам, а может детям и внукам нашим, они главным оплечьем еще долго будут против Ливонии. Может, уж тобе даже придется испомещать их, то ты землѝ им поболее прирежь, дабы работников и холопов еще более собе завели. Они же тобе и воями будут...

В это время, слегка скрипнув, отворилась дверь. Боярыня Степанида Федотовна, радостная и взволнованная, вскочила в трапезную.

— Бог сына дал!— воскликнула она.— Государыня здрава, благополучна. Когда же, государи, молебен петь будут в крестовой, забегу покличу вас.

Иван Иванович, побледневшнй сначала и окаменевший, вдруг ожил и, радуясь и плача, бросился обнимать отца.

— Батюшка, сын у меня!— восклицал он.— Сын ведь, батюшка! Сын!..

Отец, отерев ладонями слезы со щек, перекрестился и проговорил:

— Продлил господь род наш. Да горит свеча от свечи, да не угаснет вовек!..

На четвертый день после рождения сына, октября четырнадцатого, Иван Иванович сидел у отца за ранним завтраком и, в ожидании дьяка Майко, весело беседовал.

— Хочу тобе и сношеньке,— говорил старый государь,— подарить нечто «на зубок». Хочу, что матерь твоя получила в наделок, вернуть сыну и внуку ее.

Иван Иванович с благодарностью поцеловал руку отца и молвил:

— Сие будет великой радостью Оленушке, ставшей ныне через сына моего кровной родней нашей...

В это время вошел и поздоровался с государями дьяк Майко.

— Будь здрав и ты,— ответил ему государь,— садись. Как новгородцы-то?

— Ночесь токмо привезли их. Мужья на дворе боярина Товаркова, Ивана Федорыча, а жены их с детьми малолетними в иных местах за приставы посажены. Начальник стражи весть привез от наместника твоего. Воротился из бегов в Литву боярин новгородский Иван Савёлков токмо сам-третей! Король его не пожаловал, не принял, а опричь того свои же челядинцы ограбили да бросили его...

— И добре изделали!— смеясь, заметил Иван Васильевич.— Ты вот, Андрей Федорыч, вестовым гоном оповести Якова Захарыча, дабы вотчины его к коромольной землице прибавил, а летуна сего поймал...

— Сей птице Яков Захарыч соли на хвост насыплет!— воскликнул Майко.— Более никуда уж не полетит...

Все слегка рассмеялись.

— Ну, иди с богом, Андрей Федорыч, да пришли-ка мне сей же часец Димитрия Володимирыча.

Когда дьяк вышел, Иван Васильевич оживленно прошелся несколько раз вдоль трапезной и, остановясь у стола, налил до краев два кубка самым дорогим заморским вином и молвил:

— Пью за тобя, сын мой, за сноху мою и за внука моего, нареченного Димитрия...

— И за тобя, батюшка мой и государь!— чокаясь, воскликнул Иван Иванович.

Поставив пустой кубок на стол, Иван Васильевич с радостной и в то же время немного печальной улыбкой смотрел на сына, допивавшего вино. Когда же тот поставил тоже пустой кубок на стол, сказал ласково:

— Хорошо тобе, Иване. Позади тобя — яз, впереди тобя — Димитрий.

Помолчав, он добавил:

— Впереди же меня — ты, а позади — токмо смерть...

Дверь отворилась, и вошел казначей государев, боярин Ховрин.

— По приказу твоему, государь,— сказал он, поклонился и поздоровался.

— У меня к тобе, Димитрий Володимирыч, недолга беседа. Прикажи принести сюды все из саженья[1] покойной великой княгини моей Марьи Борисовны, царство ей небесное!

Ховрин растерялся, побледнел и со страхом глядел в лицо

---

[1] *Саженье* — парадное женское убранство, усаженное драгоценными камнями, унизанное жемчугом, шитое золотом: платья, головные уборы, пояса, воротники стоячие, нарукавники, обувь и пр.

государю. Иван Васильевич почуял что-то неладное. Брови его сдвинулись, руки стали слегка дрожать...

— Сказывай,— глухо произнес он.

— Все сие взяла собе княгиня твоя Софья Фоминична...

— Как ты, злодей, смел позволить?— закричал Иван Васильевич в бешенстве.— О голове своей забыл?

Глаза его горели беспощадной злобой. Ховрин упал на колени.

— По приказу твоему, государь,— с трудом, дрожащим голосом выкрикнул он, теряя соображение.— По приказу твоему...

— Лжа сие! Сказывай правду, а то будет тобя Товарков спрашивать.

— Помилуй, государь, дай мне слово. Забыл ты, государь, как было...

Иван Васильевич, преодолев гнев свой и не спуская глаз с Ховрина, тихо проговорил:

— Встань и сказывай.

Ховрин оправился от страха.

— Сие было, государь, в лето шесть тысяч девятьсот восемьдесят второе[1], когда царевич Андрей Фомич дочерь свою, Марью Андревну, из Рыма привез...

— Ну?— нетерпеливо молвил государь.

— Сие можно по описям проверить,— продолжал увереино Ховрин.— Супруга твоя, желая дарить брата и племянницу, приказала имением твоим дары для выбора ей приготовить...

— Помню,— тихо молвил государь.

— О сем яз тогда довел тобе, а ты мне приказал: «Из камней, злата и серебра токмо по четвертому списку и ниже». Яз спросил тобя: «А из женска портища?» Ты же мне приказал: «Сие по ее выбору». Она и выбрала все из наделки светлой памяти покойной княгини твоей.

— А ты не давал бы...— сказал Иван Васильевич.

— Как же мне было государыни и тобя, государь, ослушаться?

Иван Васильевич помолчал, потом ласково обнял боярина Ховрина и поцеловал.

— Прости мя,— проговорил он,— повинен в том, что не упредил тя о саженье княгинюшки моей милой...

Вдруг снова нахмурил брови государь и приказал:

— Немедля иди ко княгине Софье Фоминичне, истребуй от нее моим имением оное саженье. Принеси его сюды сей же часец...

— Слушаю, государь!— воскликнул Ховрин, направляясь к дверям.

---

[1] 1474 год.

Софья Фоминична завтракала у себя в трапезной, стены которой были обиты дорогой золотой парчой. Около нее сидел красивый грек средних лет, ныне ее дворецкий, один из Траханиотов, Димитрий Эммануилович, главный ее советник.

Пред ними почтительно стоял старший из братьев Селевиных, Захарий, торговавший в Москве драгоценными камнями.

— Недобрые вести,— говорил он с трудом, наполовину по-латыни, наполовину по-итальянски,— недобрые вести, государыня, Гонец с грамотой княгини верейской пропал без вести. Ни в Литве его нет, и назад он не воротился...

Чтобы быть лучше понятым, Захарий шепотом повторил сказанное на ломаном русском языке, припутывая польские слова. Потом снова перешел на латинско-итальянский язык.

— Извини меня, государыня,— сказал он,— плохо я знаю чужие языки, говорю же хорошо только по-еврейски и по-польски, а этих языков ты не знаешь...

В это время вошла служанка Софьи Фоминичны и тревожно прошептала по-итальянски ей на ухо:

— Пришел казначей государев с толмачом...

Софья Фоминична многозначительно переглянулась с дворецким и указала глазами на Селевина. Дворецкий понял.

— Пойдем, Захарий, ко мне,— сказал он,— к государыне пришли важные люди...

— Побудь с ним, Димитрий, у себя,— взволнованно добавила государыня.— Впрочем, оставь его лучше у доктора, а сам скорее приходи обратно.

Когда они вышли из трапезной, Софья Фоминична велела служанке скорей принести ей волосник, а также и летник, чтобы прикрыть им сверху свое иноземное платье. Едва она успела переодеться, как вернулся Траханиот и пошел за Ховриным.

Войдя в трапезную, государев казначей, чтобы успокоиться, дольше обычного крестился на образа.

— Будь здрава, государыня,— сказал он,— на многие лета.

— Будь и ты здрав, боярин,— ответила Софья Фоминична и добавила по-итальянски:— Пусть теперь толмач переводит. От кого и зачем ты ко мне пожаловал?

— От имени государя моего, великого князя Ивана Васильича,— все еще волнуясь, ответил боярин Ховрин,— дабы взять у тобя, государыня, сей же часец саженье покойной княгини его...

Софья Фоминична побледнела, потом лицо ее пошло красными пятнами. Она взглянула на своего дворецкого — тот был белый, как мел, и губы его дрожали.

— Придется сказать о верейских,— проговорил он по-гречески,— иначе будет хуже...

Глаза Софьи Фоминичны загорелись злобой и ненавистью, и она с гневом выкрикнула Ховрину что-то по-итальянски, а толмач перевел:

— Нет у меня ничего! Саженье подарила я в придаиое племяинице своей Марье Андревне. Иди!

Ховрни молча поклонился и быстро вышел.

— Дмитрий, Дмитрий!— яростно воскликнула по-гречески Софья Фоминична.— Варвар этот меня, царицу, рабой своей сделал! Опутал детьми, любовь мою отнял...

— Молчи, безумная, и у стеи есть уши,— остановил ее Траханиот и добавил:— Помни, у тебя уже три сына. Можно поторопить смерть...

— Но пошлет он к Марье за са́женьем,— беря себя в руки проговорила Софья Фоминична,— а там, кроме саженья, найдут еще то, что не его, а нашу смерть поторопит!..

— Успокойся,— ласково сказал Траханиот, гладя и целуя ей руки.— Надо упредить верейских. Тотчас же я прикажу Селевину, дабы он племянника своего Иосифа гонцом послал к Марии. На золоте наш гонец скорее, чем государевы вестовым гоном, в Верею поспеет...

Обменявшись мнениями о судьбе саженья, оба государя замолчали в нетерпеливом ожидании. Но Иван Иванович не выдержал.

— Яз мыслю,— сказал он мрачно,— все драгоценности матери ушли уж на разные злые умыслы.

— Ховрин все скажет,— молвил Иван Васильевич,— не охотник яз гадать, да и гадать-то не на чем, опричь как на бобах. Подожди малость, ведь и половины часа не прошло...

В дверь постучали. Боярин Ховрин вошел сильно взволнованный.

— Государыня в гневе великом,— начал он сразу.— Саженье сие, баит она, в наделок племяннице своей отдала...

Иван Васильевич побледнел и крепко сжал губы.

— Опять Верея!— невольно сорвалось с уст у Ивана Ивановича.

Старый государь с укоризной взглянул на сына и, обратясь к казначею, приказал:

— Дмитрий Володимирыч, приготовь мне опись всего, что государыней взято для Марьи-то. Да позови ко мне Саввушку. Опись-то не задоржи...

— Слушаю, государь,— сказал Ховрин, торопливо выходя из покоя.— Опись же сей часец изделаю...

Иван Васильевич медленно стал ходить из угла в угол.

— Иване, возьми собе правилом, что государю не всегда и не перед всеми можно мысли свои сказывать,— проговорил он, но, увидев вошедшего Саввушку, приказал ему:

— Гони к боярину Товаркову, дабы он немедля с тобой вместе ко мне приехал.

Саввушка поспешно вышел, а Иван Васильевич продолжал молча ходить взад и вперед. Неожиданно он остановился перед сыном и спросил:

— Скажи, какие у тобя полки ближе к литовским рубежам стоят?

— Полки князя Бориса Михайлыча Турени-Оболенского, возле Можая...

— А какие еще есть полки ближе на полдень?

— Нет полков ближе,— ответил Иван Иванович,— опричь малых застав.

Иван Васильевич подошел к столу, где у него хранились всякого рода карты, и достал ту, на которой московские рубежи начертаны, и положил сверху на стол. Потом, отворив дверь в сенцы, крикнул страже:

— Пришлите дворецкого!..

— Здесь я, государь,— отозвался дворецкий, подбегая к дверям,— стражу сменял...

Войдя в покои, он поклонился обоим государям и молвил:

— Приказывайте, государи.

— Скажи страже, Петр Василич,— проговорил старый государь,— как придет боярин Товарков, более никого ко мне не допущать. Сам же поезжай к Димитрию Володимирычу, возьми от него опись, которую жду, и немедля сам привези ее. Иди.

Дворецкий вышел, но дверь снова отворилась, и Саввушка пропустил вперед себя боярина Товаркова, тощего человека с большими синими глазами, с жидкой, но длинной, слегка седеющей бородой. Боярин был резок в движениях и походил своими повадками на какого-то монаха-отшельника. Лицо же его все время передергивалось странной улыбкой.

— По приказу твоему, государь,— сказал он, истово перекрестясь на образа и кланяясь обоим государям.

— Садись, Иван Федорыч,— молвил Иван Васильевич,— а ты, Саввушка, иди и к нам более никого не допущай.

Молодой великий князь по повелению государя рассказал Товаркову, какую грамотку Марья Андреевна послала к отцу своему в Рим, где и как эту грамотку перехватили дозоры московские. Товарков слушал жадно, не пропуская ни единого слова, синие глаза его вспыхивали, а на лице чаще играла улыбка.

Рассказал Иван Иванович и о постоянной вестовой гоньбе

между Вязьмою, Вереей и Тверью, но о Москве промолчал, предоставляя сказать о саженье отцу самому. Но Иван Васильевич, взглянув на сына, глухо промолвил:

— Сказывай и о саженье.

Товарков насторожился еще более, и, по мере того как двигался вперед рассказ Ивана Ивановича, казалось, что боярин, будто собака, неотступно бежит по незримому следу.

В это время в покой вошел Саввушка и передал Ивану Васильевичу несколько исписанных листков бумаги...

— Петр Василич привез от боярина Ховрина,— прошептал он.

— Добре,— тихо ответил государь,— иди.

Когда Иван Иванович закончил рассказ, старый государь сказал Товаркову:

— Вот тобе, Иван Федорыч, опись наделка покойной княгини моей. Токмо взгляни поострей, нет ли в деле сем, опричь саженья, коромолы какой. Разумеешь?

— Разумею, государь,— ответил Товарков,— успеть бы: не упредили бы нас вороги...

— Иване,— прервал Товаркова Иван Васильевич, обращаясь к сыну,— покличь Петра Василича, дабы принес бумагу и воск.

Дворецкий явился с зажженной свечой, с пером, чернильницей, бумагой и воском. Поставив и положив все это на стол, он вышел.

— Пиши, Иване,— приказал Иван Васильевич сыну:— «Великий князь, государь всея Руси *Иван* и великий князь Иван Младый повелевают тобе, князю Турене-Оболенскому: сотвори с князьями верейскими, как укажет тобе боярин Товарков, Иван Федорыч».

Когда грамота была написана, оба государя сделали на воске оттиски своих именных перстней.

Принимая эту грамоту из рук государя, Товарков спросил:

— Под стражу брать?

— Возьми молодого князя с царевной Марьей. Старика не бери. Иди.

— Будьте здравы, государи,— кланяясь, простился боярин и направился к дверям.

— А как у тобя новгородцы-то?— спросил вдогонку Иван Васильевич.

— Добре, государь,— усмехнулся Товарков,— мой поп-то, Иван Гречновик, уже исповедует их.

— Ну, иди. Ворочайся борзо. Дай бог тобе удачи.

На третий день после отъезда в Верею племянника Захария Селевина, Софья Фоминична за ранним завтраком получила

радостную весть. В Москву из Верен прискакал через село Подол[1] молодой Афанас Григорьевич Яропкин, из смоленских бояр. Государыня принимала его в тайном покое при одном только дворецком Димитрии Траханиоте.

— Племянник Захария прибыл в Верею,— говорил Яропкин по-итальянски,— к самой ночи, почитай, на сутки ранее Товаркова и князя Турени...

— Успел, слава богу!— воскликнула Софья Фоминична.

— Упредили, государыня,— продолжал Яропкин.— Успел князь со княгиней Марьей все собрать из казны своей. Взяли всех слуг своих верных...

— А гонец от папы?— спросил Траханиот.

— Тот еще накануне отъехал в Тверь, а оттоле в Литву на Великие Луки.

Софья Фоминична перекрестилась и с улыбкой сказала:

— Теперь я совсем спокойна. Расскажи все подробно.

— Князь Василий Михайлыч, воевода весьма искусный,— начал Яропкин,— мигом все решил. Составил крепкий отряд из лучших и верных конников. Назначил передовые дозоры, выделил небольшую часть отряда, дабы тыл прикрывать на случай погони и с пути ее сбивать...

— Куда же погнал он?— спросил Траханиот.

— К истоку реки Про́твы, напрямки к литовскому рубежу. Догадался я, что на Вязьму он побежал, и сам в тот же часец на Москву погнал...

— Ну, а где рубеж он хотел перейти?— спросил Димитрий Траханиот.

— Ведал князь Василь Михалыч, где и какие наши заставы у рубежей стоят. Выбрал самую слабую, у Про́твы.

— Ну, а как удалось им?— снова заволновавшись, спросила государыня.

— На другой день, когда я уже обедал в монастырском селе, пригнали туда также некоторые из дворских князя верейского. Говорили мне, что лютый бой был у Про́твы. Разбил князь нашу заставу и в Литву перешел, а литовские заставы ему помогли...

— Почему же дворские бежали?— спросил Траханиот.

— Сказывали они, что князя Оболенского испугались. Он вдоль рубежа к Верее от Можая спешил, и боялись боярина То́варкова, который со своим отрядом конников ближним путем тоже в Верее шел. Говорят, в сем бою у Про́твы много было убитых и раненых.

---

[1] Село Подол, на реке Пахре, принадлежало в XV веке Данилову монастырю; теперь — город Подольск.

Задав еще несколько вопросов Яропкину, Софья Фоминична ласково сказала ему:

— Благодарю, Афанас Григорич, за верную службу. Иди, Димитрий Эммануилич сам проводит тебя из хором. Бог даст, достойно наградим твое усердие, а пока возьми вот это...

Государыня сняла со своего большого пальца золотой перстень с синим яхонтом и отдала Яропкину. Тот почтительно поцеловал ее руку по польскому обычаю и, низко поклонившись, вышел вслед за дворецким.

В тот же день к ночи пригнал вестник к государю Ивану Васильевичу от боярина Товаркова из Вереи с тайной грамотой. Иван Васильевич тотчас же послал Саввушку за сыном.

Иван Иванович прискакал немедля и, войдя в покои отца, воскликнул:

— От кого вести-то? Мы с Оленушкой глаз сомкнуть не могли...

— От Товаркова грамота,— молвил Иван Васильевич.

Сорвав печать и холст с небольшого столбца, он передал грамоту сыну и нетерпеливо сказал:

— Читай.

— «Будьте здравы, государи!— стал читать Иван Иванович.— По воле божией, упредили нас московские доброхоты князя верейского. Вестник-то их из Москвы, почитай, на полсуток ранее нас в Верею пригнал. Мне же надо было от Можая более тридцати верст ехать до Вереи, а от Вереи до литовского рубежа всего тоже тридцать верст. Князь же Оболенский, Борис Михайлыч, саму малость не настиг беглецов-то. Хоша ему вдоль рубежа скакать еще дальше было, всего токмо на час опоздал он к бою у Про́твы. За сие же время верейские, почитай, на десять верст вглубь Литвы угнали. Все же князь Борис Михайлыч, литовские заставы прорвав, верст восемь гнался, а более не мог и воротился. Яз же об измене князя Василья и княгини много всего вызнал. Вызнал много и о Твери, и о Москве, и о братьях твоих, государь. Простите, государи, неудачи наши. Сие не от нерадения нашего, а токмо от воли божией. Бьем челом вам. Ждем приказа вашего, как нам быти. Слуги ваши князь Борис Оболенский да Иван Товарков».

Окончив читать, Иван Иванович воскликнул:

— Никто ведать о сем не мог, опричь мачехи и слуг ее грецких! Требуя у ней саженье, мы сами ее обо всем известили, а она сей же часец упредила верейских. У них меж Москвой, Вереей и Литвой свой вестовой гон есть.

— Может, и прав ты, Иване,— гневно сказал Иван Василь-

евич,— но князья верейские дорого мне заплатят за саженье Марьюшки! Возьму яз за собя все вотчины их: Ярославец, Верею и Белоозеро! Не будет на свете более удела верейского!..

Иван Иванович внимательно следил за отцом и, когда тот замолчал, тихо промолвил:

— Яз, государь-батюшка, прав был, говоря тобе о большом и малом гнезде, о ворогах отечества нашего...

— Может, яз и более тобя ведаю,— сурово прервал Иван Васильевич сына.— Да отстранить все зло не так легко, как ты мыслишь.

— А Русь сего требует,— осторожно заметил Иван Иванович.— Ворогов надо казнить беспощадно и первее — отнять у них все уделы...

— Ох, Иване, Иване,— мягко произнес старый государь.— Все сие мы деять должны с трезвым разумом, дабы пуще не повредить государству...

Помолчав, Иван Васильевич задумчиво добавил:

— А может, придется и не одних ворогов казнить, а и многих друзей и родных по крови. Неведомо нам, когда и что от нас государство-то потребует...

Наступил ноябрь,— листогной, полузимник, и дни укоротились и потемнели, а солнце даже в полдень не греет. По утрам заморозки, а в садах рдеет рябина, звенят синицы, и на пустырях, среди почерневших лопухов, репейников и прочих сорных трав звонко перекликаются желто-зеленые чижи и пестрые нарядные щеглы...

Давние времена детства и юности мерещатся Ивану Васильевичу, перебивая его размышления о судьбе Руси, и мешают ему.

— Стар становлюсь,— досадливо шепчет он, отходя от окна.

Сегодня он окончательно должен решить дело о вотчине князей верейских так, чтобы другим неповадно было, а вспоминается о том, как отец из плена татарского вместе с князем Михайлом Андреевичем в Москву вернулся. Оба молодые тогда они были: и отец и дядя. И вдруг Илейка ни с того ни с сего как живой пред глазами встает.

Слегка скрипнув, отворяется дверь, и входит Иван Иванович.

— Не опоздал?— спрашивает он, здороваясь с отцом, и садится рядом с ним за стол, собранный для раннего завтрака.

— Есть еще время до прихода Майко,— ответил старый государь и сам спросил:— Как внук-то?

— Добре, батюшка, и матерь его в добром здравии. А как с Вереей?

— Из Вереи пишет мне Товарков,— ответил государь,— плох стал дядя-то мой. Заболел старик от измены сына, от

воровства его перед Русью. Вряд ли долго протянет. Хочу ему на дожитие отнятой у него удел-то оставить, вернуть по докончанью...

— А подпишет он докончанье-то?

— Сам просит. Уважить хочу его покорность и старость. Опричь того, в духовной он весь удел свой мне отказывает. Ну, да о сем с Майко подумаем вместе...

Дверь быстро отворилась, и еще на пороге дьяк Майко радостно начал:

— Будьте здравы, государи! Слух добрый пришел из Поля про Курицына!..

— Сказывай скорей!— весело воскликнул Иван Васильевич.— Иди садись и сказывай, от кого слух-то?

— От царевича Данияра,— ответил дьяк.— Слух-то степной. Может, и не все верно. Токмо в степных-то слухах всегда зерно правды бывает. Сказывают татарские казаки, которые, как волки, по всему Полю мечутся и до Крыма доходят...

— А ты, Андрей Федорыч,— прервал дьяка старый государь,— саму весть-то сказывай!

— Бают казаки, у султана-де один московский полоняник в великую честь вошел, и от сего зло степнякам будет. Сей русский боярин, бают они, о заключении мира с Москвой у султана молит, дабы Поле вместе в свои руки взять и торговые пути свои беречь от татарского грабежа...

— Всяк со своей колокольни звонит,— заметил Иван Иванович.

— И по своему разуму,— молвил с усмешкой старый государь.— По слуху-то похоже, что речь идет о Федоре Василиче. Дай бог ему удачи, ежели верно сие.

— Яз мыслю,— радостно сказал Иван Иванович,— опричь Федора-то, никто того баить не может.

Иван Васильевич улыбнулся и весело проговорил:

— Баит он так, словно сокровенные мысли мои угадал! Ну, а топерь, Андрей Федорыч, о верейских делах. Докончанье с султаном — токмо еще журавель в небе, а с князь Михайлой Андреичем — синица у нас в руках.

— Слушаю, государь,— молвил дьяк.

— До тобя,— продолжал государь,— яз с соправителем своим думу думал о князе Михайле Андреиче. Болеет старик-то, плох стал, а ума не теряет. Сам в духовной, которую мне прислал, отказывает удел свой нам. Вот как он пишет: «Свою же вотчину господину и государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». Просит токмо о слугах — суды́ и да́рованья его сохранить, да молит о вечном помине души его в некоих монастырях...

Иван Васильевич помолчал и, обратясь к сыну, спросил:

— Как, государь, ты мыслишь о том, ежели отдать на дожитье старику удел, и под какое докончанье?

— Отдать, государь, можно,— ответил Иван Иванович,— но лишь под такое докончанье, которое будет согласно с его духовной. Писать еще в докончанье, что лишает Михайла-то сына наследства, а по смерти, согласно духовной, тобе всю вотчину отказывает. О слугах и помине души яз согласен.

— Еще, государи,— вступился в разговор дьяк Майко,— надо указать, дабы не ссылался он с сыном некоторою хитростью...

— Изготовь, Андрей Федорыч,— сказал государь,— докончанье с несколькими списками с него, как мы тут решили, а потом один список князь верейский подпишет при Товаркове и при нем же нам крест поцелует...

В непогодливое время, ноября двадцать первого, когда веденье ломает леденье, вернулся из Вереи боярин Товарков. Он привез договор, подписанный князем верейским с великим князем московским «на всей его государевой воле» и утвержденное крестоцелованием.

В это же время вернулись из похода на вогуличей воеводы государевы князь Федор Романович Курбский да Иван Иванович Салтык-Травин.

— Настигнув вогуличей со своими полками из вологжан и устюжан,— говорили воеводы,— мы на них с такой яростью ударили, что враз вороги дрогнули и побегли. Многих за разбои их мы насмерть убили, а прочие все по чащобам да стремнинам лесным схоронились. После сего ни воев их, ни семейных их, никого более не видали. Кругом леса, и бродили мы в них одни. Токмо две-три пустые деревеньки по две избы нашли. Яко звери дикие живут вогуличи.

— От сего нам и Строгоновым, опричь пользы, другого убытка нет,— усмехнувшись, заметил Иван Васильевич и отпустил воевод.

Когда воеводы вышли, государь рассмеялся.

— Плачут,— сказал он и, сдвинув брови, добавил:— а сами, чаю, женок и девок по деревням нахватали не мало да Строгоновым продали. У них на соляных-то промыслах мужиков много, у которых женок нет. Поди, девок-то не менее как по рублю продавали...

— Они, государь, своего не упустят,— подтвердил дьяк Майко, оставшись после доклада воевод.— Наши-то воеводы, коли можно, охулки на руки не положат!

— Сколько же из корысти своей у вогуличей они семей разорили, скольких рук лишили!— проговорил Иван Иванович.

— Ништо, Иване,— ответил ему отец.— Перестанут разбойничать, будут Москве покорны, и будет у них тишь да гладь. Будут жить собе, поживать, добра наживать, да и нам дани платить соболями да куницами...

Обернувшись к дьяку, он спросил:

— Ну, а у тобя какие вести, Андрей Федорыч? О Курицыне не слыхать?

— Нет, государь, о нем точных вестей еще нет,— ответил Майко.— Вот из Твери вести о князе Михайле есть. Бают доброхоты наши, в страхе великом он от бегства князя верейского со княгиней. Боится, что Товарков нечто и о нем вызнал. Тайно с крулем Казимиром снова ссылаться начал.

— А ты с доброхотами нашими свои дозоры наряди, а за тайную грамоту князя Михайлы наград не жалей.

— Сие уж наряжено, государь,— сказал дьяк.— Куплен у нас главный из гонцов князя Михайлы. Когда сугубо тайную грамоту в Литву пошлет, он, главный-то, нас упредит...

Иван Васильевич сурово нахмурился.

— На сей раз князю Михайле пощады не будет,— сказал он гневно и спросил:— А как новгородцы? Сии ведь с тверским и верейским из единого гнезда птицы!

— Товарков просил у тобя, государь, приказа о них. Все в воровстве и крамоле против Москвы сознались. Ныне же от всего отрицаются...

— Утре всех пойманных златопоясников и прочих вотчинников,— приказал государь,— повесить без шуму на дворе Товаркова.

В полночь снова мороз прихватил, и с неба посыпался мелкий сухой снежок. Побелел весь двор Товаркова, и заметно на белом обозначились столбы с перекладинами, а на них петли из пеньковых веревок...

До рассвета далеко еще — в ноябре теперь едва брезжить начинает лишь в девятом часу. Можно разобрать сквозь белесую мглу, что где-то за тучами бродит по небу месяц и бросает на все земное мутные отсветы.

Пустынно и глухо по всем улицам и дворам московским, и кажется, будто волны какие-то серые неясно кругом перекатываются. Нигде ни одна искорка не сверкнет, и в небе не мигнет ни единая звездочка. Нигде ни шума, ни стука, ни живого голоса. Тишина. Словно на кладбище...

Вот уже небо как будто яснеть начинает, и третьи уж петухи пропели, а все же ночь даже и не дрогнула. По двору Товаркова заскрипел снег в светлеющей мгле. Тихо выходили из курных изб и жилых подклетей стражи, заплечные люди и

палачи подьячего Гречиовика, молча становились все у столбов, проверяли веревки и петли... Вот вышел из хором своих после раннего завтрака сам боярин Товарков, окруженный своей стражей. Подьячий Гречновик поспешил ему иавстречу:

— Будь здрав, боярии!

— Будь и ты здрав,— ответил Товарков.— Начинай, а то вборзе светать стаиет...

Гречновик быстро отошел и отдал слугам своим приказания. Снова заскрипел сиег по двору, и захлопали двери изб и подклетей. Человек тридцать новгородцев, сгрудясь в темную кучу, медленно пошли к середине двора. Лиц их не было видно, ио по всем движениям их ясио чувствовались и тоска и страх их, и вот среди стоиов и плача иевиятиого послышалось:

— Господи, защити...

— Прости и помилуй...

— Пошто, господи, покинул ны?

Вдруг они в ужасе отшатнулись от виселиц и словио окамеиели в иеподвижиости. Замерли все в зловещих сумерках предрассветной поры — и казнимые и казнящие...

Внезапно и резко ударил колокол к утренним часам, и дрогнули все новгородцы, будто сама земля у них под ногами дрогнула, разом пали на колеии друг перед другом, и стал каждый, крестясь и прощаясь, с предсмертной тоской взывать:

— Прости мя, Захáрие, мук не стерпя, обговорил тобя...

— Прости, Сергие, обговор мой...

— А ты, Иваие, прости меня в том же!

И было все это так необычно, и такой силы были все их слова покаянные, что смущение охватило всех. Сам Товарков растерялся, когда боярин Офонас воскликнул:

— Будем, братие, пред лицом смерти, яко на суде божием, правдивы и честны! Простим друг другу клеветы иаши и обговоры, ибо мук ие стерпели. Мы же пред богом и государем в воровстве ие повинны!

В это время по знаку Гречиовика бросились иа иовгородцев палачи и заплечные, похватали и поволокли их к столбам, но Иваи Федорович остаиовил казиь.

— Ждите моего возвращенья от государя!— крикнул он, вскочив иа коня.

Иван Васильевич садился за стол к раннему завтраку, когда к иему впустили Товаркова. Видя испуганное лицо боярина, государь спросил с тревогой:

— Какую злую весть привез?

Товарков передал все, как было на дворе его, и горячо закончил:

— Прости, государь, слугу своего, но яз мыслю, иа пытке

можно солгать, мук не стерпев. Перед лицом же смерти не лгут, когда ото лжи уж никакой пользы нет, опричь греха перед богом...

Иван Васильевич, сдвинув брови, молчал некоторое время. Потом, остро взглянув несколько раз на Товаркова, промолвил:

— Право ты мыслишь. Милую их от смертные казни. Все же, оковав, в тюрьму вметать их всех, а жен их с детьми разослать за приставы по глухим местам...

Декабря двадцатого, в самом конце рождественского поста, после раннего завтрака, к Ивану Васильевичу, игравшему в шахматы с сыном, пришел князь Иван Юрьевич Патрикеев вместе с маэстро Альберти.

— Яз к тобе, государь, с вестями из Новагорода,— поздоровавшись с государями, сказал воевода и наместник московский.— Прошлое лето по повеленью твоему заложили в Новомгороде, на Софийской стороне, новые каменные стены с башнями. Ныне уж по старой основе стены и башни до половины возведены, и к тому дошло, дабы решать, где и какие зубцы и бойницы изделать. На сей случай взял яз с собой и маэстро Альберти...

Знаменитый зодчий и пушечник поклонился обоим государям и, обратясь к Ивану Ивановичу, сказал по-итальянски, а тот перевел отцу:

— Великие государи! Взял я с собой чертеж Кремля нового на случай ежели вы думу о сем думать захотите...

— Добре,— проговорил Иван Васильевич.— Так вот, поезжай ты, Иване, к собе и возьми с собой думу думать Ивана Юрьича и маэстро Альберти. За корень же мыслей своих то возьмите: рати нам с литовцами, а у моря — с немцами и даже со свеями не миновать. Для торговли нам Варяжское море надобно. В случае же ратей сих Новгород Великий главное оплечье нам будет. Разумеете?

— Разумею,— ответил князь Патрикеев.

— А яз,— заметил Иван Иванович,— о сем твоем умысле давно ведаю.

— Вот вы оба и думайте с маэстро Альберти о строительстве града сего, о пушках и пищалях для него, о вратах, мостах, бойницах, тайниках и прочем. Мне же обо всем великий князь, соправитель мой, доводить будет. Сей же часец жду яз на думу дьяка Майко и Товаркова. Ну, идите с богом...

Изо дня в день трудился так государь, готовясь в то же время и к войне с Тверью, могущей вспыхнуть в любой час. Только семейной жизнью он не жил, держался вдали от жены, хотя и скучал о любимой дочке Оленушке. Было у него к ней

особое чувство и больше, чем к другим детям. Чуял он в этой девочке кровь свою родную. Только из-за нее был он на рождественском обеде у своей великой княгини и делал подарки детям и самой Софье Фоминичне.

Обед был торжественный, а государыня нежна и ласкова, но Иван Васильевич все же не остался отдыхать у нее после обеда, а уехал к Ивану Ивановичу и пробыл в гостях у него весь праздничный день до конца...

Вот и январь и февраль провел государь в одиночестве, а первого марта тысяча четыреста восемьдесят пятого года, на Евдокию, именины младшей дочки, когда повеяло ранней весной и засверкало солнце в капелях, привычно потянуло Ивана Васильевича к семье, к ласке и уюту.

Он велел Саввушке перед обедом подать коня и погнал было к Пушечному двору, но, увидев лазурное безоблачное небо, поскакал вдоль кремлевских стен и выехал через Чушковы ворота на берег Москвы-реки...

Свежий воздух опьянил его, а после легкой рыси он так захотел есть, что почувствовал запах ухи и пирогов. Где-то вот по-весеннему закаркала ворона. Иван Васильевич, сам не зная почему, тихо рассмеялся и, обернувшись к своему стремянному, весело крикнул ему:

— Скоро грачи прилетят!

— Четвертого, государь,— так же весело ответил Саввушка.

Повернув коня, государь поскакал к хоромам своей государыни...

Софья Фоминична никого не ожидала и сидела в будничном летнике в своем тайном покое с дворецким Димитрием Траханиотом на пристенной скамье. Она поправляла выбившиеся волосы слегка дрожащими руками, глаза ее блестели, а щеки пылали...

Частый, тревожный стук в дверь заставил обоих вскочить со скамьи.

Димитрий безмолвно и быстро скрылся через потайную дверь, спрятанную под занавесом. Государыня отодвинула дверной засов. Перед ней стояла испуганная служанка. Дрожа от страха, она сказала по-итальянски свистящим шепотом:

— Сам!..

Потом, оглядев свою государыню со смелостью наперсницы, укоризненно покачала головой.

— Где он?— спросила Софья Фоминична.

— В трапезной, с детьми...

— Иди к нему. Поправь мне волосы.

— Но глаза, щеки!— воскликнула служанка.

— Это он примет на свой счет...

Служанка, заправляя под волосник волосы государыни, рассмеялась.

— Вы правы,— сказала она,— мужчины все глупы и доверчивы. Редкий из них обманет женщину, а нам ничего это не стоит...

Но Софья Фоминична уже не слушала ее, выходя в сенцы. Спокойно и уверенно вошла она в трапезную и сразу, всплеснув руками, радостно воскликнула по-итальянски:

— Какое счастье, дорогой мой!

Она радостно бросилась к мужу, глаза ее блестели, щеки пылали, и она нежно и ласково обнимала его, прижимаясь всем телом.

Иван Васильевич не ожидал такого бурного приема и, стесняясь присутствия детей, сдержанно обнял и поцеловал жену...

За обедом она внимательно ухаживала за государем, сама наливала себе и ему ухи из одной мисы, пила с ним крепкий мед из одного жбана и заморское из одной и той же сулеи. Она казалась влюбленной в него и вполне искренней. Он становился доверчивей к ней, к матери своих детей...

После обеда он остался у нее отдыхать...

Знойные дни стоят в середине июня. По опушкам лесным, по про́секам и вырубкам цветет буйно разросшийся кипрей, выбрасывая длинные темнорозовые кисти крупных цветов. Поспевают ягоды всякие: черника, костяника, ежевика, малина и черная смородина...

Палит солнце с безоблачного синего неба, и мужикам и женкам жарко в духоте работать. В потемневших от пота рубахах и сарафанах одни свои покосы в лугах еще доканчивают, другие на княжьих полях по оброку жнитво уж начинают. Страда в самом разгаре, когда руки, затекая, «отымаются», меж плечей болит, и поясница разламывается, ноет нестерпимо. Чернеют поля от людей вокруг Москвы, и лошаденки деревенские с телегами тут же на солнце пекутся.

Не меньше народа и на московских набережных, у стен и башен столицы. Здесь тоже рабочая страда.

Предвидя жестокие и трудные войны с западными государствами, Иван Васильевич спешит перестроить старый Кремль, построенный еще Димитрием Донским, прадедом его, хочет он, чтобы Кремль стал самой неприступной крепостью в мире.

Ежедневно государь сам вместе с сыном и маэстро Альберти объезжает Кремль, указывая, где и как заменять обветшалые

стены — новыми с бойницами, где и как возводить башни-стрельни с подъемными мостами, с железными воротами, с тайниками для выхода из крепости, где и как размещать пушки. Приказывает также государь маэстро Альберти найти, где и как ближе подводить к кремлевским стенам вóды Москвы-реки и Неглинной, соединяя их подземными каналами с водохранилищами внутри Кремля на случай осады и пожаров. Для этих же целей приказал он по всем дворам и колодцы рыть...

И работа кипит. Непрерывно, от зари до зари, шумит Москва и кишит строителями, полнится говором, песнями, уханьем и криками, грохотом от разгрузки бревен, камня и железа, ударами таранов, разбивающих ветхие стены, осыпающиеся в облаках пыли, дребезгом и звоном железа от ковки скреп и кровельных листов...

Кремлевские и посадские набережные завалены кирпичом, бутовым камнем, бревнами, известкой и глиной. По Москве-реке непрерывно плывут плоты, большие лодки-коломенки, паузки и разные дощаники с теми же грузами, какие лежат на набережных и какие днем и ночью идут к Москве сухопутьем — обоз за обозом. Под самой Москвой, возле ее посадов, вырастают и ширятся целые слободы каменщиков, плотников, кузнецов, землекопов и прочих...

Окидывает довольным взором Иван Васильевич работы кремлевские и говорит сыну, едущему рядом:

— Как в муравейнике, кишит все от строителей. Сердце мне сие радует!

— Люблю и яз, государь-батюшка,— отвечает Иван Иванович,— когда работа кипит и спорится.

— Успеть надо, Иване,— продолжает государь,— сии два оплечья вборзе построить. Одно, главное, здесь, на Москве, другое — в Новомгороде...

— Не ждут нас вороги, государь,— молвил Иван Иванович.— Токмо не забыл ты, что днесь прием вогулича, князя Юзшана, назначен.

— Ништо,— усмехнулся Иван Васильевич,— пождет у тобя малость князек-то. Ему пока князь Патрикеев нашу Москву показывает. Мы же сей часец поедем к Чушковым воротам, где по указанию маэстро Альберти архитектон его, Антон Фрязин, стрельню с тайником закладывает...

Подозвав к себе стремянного Саввушку, государь приказал:

— Отыщи князя Ивана Юрьича и скажи ему, угостил бы князя Юзшана обедом, а через час после сего был бы в передней моей вместе с вогуличем. Да позови к сему же времени и дьяка Майко...

Примерно через час после обеда в переднюю старого государя, где ожидал его князь Иван Юрьевич Патрикеев и вогульский князь Юзшан со своим толмачом и слугами, вошел отряд стражи в золоченых доспехах и встал вдоль стен и возле престолов. Некоторое время спустя вошли сюда придворные чины из бояр и боярских детей в нарядных кафтанах и заняли свои места.

Наконец, в драгоценном одеянии вошли оба государя, в сопровождении казначея Ховрина, дворецкого Петра Васильевича и дьяка Майко. Все встали. Стража, сделав на караул, взяла копья к ноге и замерла неподвижно.

Государи сели на свои престолы, а наместник государев в Москве и на́больший воевода — князь Иван Юрьевич Патрикеев — выступил вперед.

— Будьте здравы, государи,— проговорил он громко и низко поклонился.

— Будь здрав и ты,— ответил ему Иван Васильевич.— Сказывай.

— Государи,— продолжал князь Патрикеев,— челом бьет вам князь Юзшан Асынич вогулицкий, а о чем, сам скажет.

Князь Патрикеев поклонился и отошел в сторону, к своему месту, где обычно сидит на государевых приемах. Князь же Юзшан приблизился к престолам и низко поклонился, коснувшись рукой богатого персидского ковра.

Это был молодой еще человек среднего роста, крепкого сложения, с шапкой черных густых волос на голове. Карие узенькие глазки поблескивали над слегка выдающимися скулами его широкого лица и светились умом.

— Будьте здравы, государи,— сказал он и поцеловал руки у обоих.

— Садись здесь, Юзшан Асынич, подле нас,— приветливо обратился Иван Васильевич к князю и спросил:— Добре ли дошел?

— Добре дошел, господин и государь мой,— ответил через толмача Юзшан, садясь на указанное место, и, делая знак слугам своим, добавил:— но прими преж всего дары мои...

К престолам подошли, низко кланяясь, шесть слуг, и у каждого из них было по связке из пяти прекрасных собольих шкурок, другие шесть слуг положили у ступеней престолов по такой же связке куньих шкурок.

Иван Васильевич, знавший толк в мехах, остался весьма доволен подарками вогульского князя. В это время по знаку Юзшана подошел к государям еще один слуга с берестяным туесом, видимо с чем-то тяжелым, и поставил его на пол перед государями.

— Что там? — с недоумением спросил Иван Иванович.

— Медная руда, государь,— быстро ответил через толмача вогульский князь.— Владыка пермский Филофей от твоего имени о сей руде пытал у меня много раз. Вот яз тобе и привез ее на пробу...

Юзшан быстро встал и, сняв крышку с туеса, набрал в обе руки темносерой руды и стал показывать государям. Иван Васильевич оживился, встал с престола и взял руду из рук вогулича. Это были довольно хрупкие обломки каменистой породы. Разломив один кусок, государь сказал с веселой усмешкой дворецкому:

— Днесь же, Петр Василич, отправь на Пушечный двор. Пусть маэстро Альберти посмотрит руду и скажет, как он о сей руде разумеет. Тобе ж, Юзшан Асынич, спасибо за все дары и за руду. Порадей токмо разыскать добре, где руда сия залегает. Сей же часец прими мои дары.

Иван Васильевич указал на золоченые доспехи, на серебряные чарки и кубки, на серьги и обручи с самоцветами, взял из рук казначея Ховрина саблю в золоченых ножнах с алмазами, яхонтами и бирюзой и, передавая ее князю Юзшану, сказал:

— Дарю тобе, опричь иных даров, доспехи и саблю сию драгоценну, как верному слуге моему и князю земли Вогулицкой. Хочешь жить мирно, подпиши докончанье: о покорности мне, о данях и выходах и клятвой скрепи все, яз же оставлю тобя князем на твоей земле.

Иван Васильевич замолчал, грозно сдвинул брови и, не спуская острого взгляда с князя Юзшана, сурово продолжал:

— Ежели крамолу начнешь против меня, ссеку тобе голову, а землю твою за собя возьму. Посажу воеводу своего с крепкой заставой и с пушками.

— Хочу служить тобе, государь,— заробев и низко кланяясь, ответил Юзшан,— и докончанье с тобой подпишу на всей воле твоей. О сем и челом бью...

Июль уж приближался к концу, а московские лазутчики никаких нужных вестей из Твери еще не перехватили. Дьяк Майко волновался, боясь гнева государева, и вдруг сегодня, накануне первого августа, ему великая радость. Прибыл на рассвете гонец от лазутчиков, привез грамоту к королю Казимиру от великого князя тверского, скрепленную печатью Михаила Борисовича.

Дьяк приказал подать коня и помчался немедля к государю, захватив с собой гонца на случай каких-либо вопросов. В хоромах Ивана Васильевича его провели прямо в трапезную, куда государь только что вошел и, крестясь, садился за стол.

Сияющий дьяк Майко радостно поздоровался с государем и молча протянул ему грамоту...

— Перехватили?— весело усмехнувшись, спросил Иван Васильевич.

— Перехватили, государь,— ответил, смеясь, Майко,— ныне нязь Махайла иа сей грамоте, яко щука на жерлице. Никак уже не сорвется. Добрую уду сам собе изготовил...

— Завтракал, Андрей Федорыч? Нет? Ну, садись за стол со мной,— приветливо молвил Иван Васильевич и, обратясь к дворецкому, добавил:— А ты, Петр Василич, пошли Саввушку за Иваном Иванычем, прибыл бы он ко мие сей же часец.

За завтраком Иван Васильевич шутил, расспрашивал дьяка, какие у него вести о делах в Чехии и Венгрии, спрашивал, как ведет себя союзник его, король Матвей Корвин, и собирается ли воевать с Казимиром.

— Помни, Андрей Федорыч,— сказал государь,— как почнем поход на Тверь, составь такую грамоту от меня королю Матвею: «Яз мир и дружбу с тобой храня, начал войну с князем тверским, союзником исконного ворога твоего, короля Казимира, и ты по нашему договору бы днесь же на Польшу...»

— Добре, государь, добре сие измыслил!— воскликнул дьяк Майко.— Ежели Матвей-то и сворует в сем разе, грамота твоя Казимира испугает. Мы же все так нарядим, чтоб Казимиру о сей грамоте ведомо было...

— Право разумеешь,— одобрил Иван Васильевич,— ибо стар стал Матвей-то, покоя ищет, избегает ратей. Мало верю в его пóмочь...

Он задумался и молча продолжал завтракать, молчал и дьяк. Когда же государь заговорил с дворецким, Майко осмелился спросить, не желает ли государь узнать от гонца, которого он взял с собой, как лазутчики грамоту перехватили...

Иван Васильевич усмехнулся.

— Мелочь сие, Андрей Федорыч,— молвил ои и, увидя входящего сына Ивана, весело крикнул:— Завтракал, Иване?

— Завтракал,— ответил тот, здороваясь с отцом.

— Ну, читай грамотку сию князя Михайлы, Андрей Федорыч баит, по-латыньски писаиа...

Иван Иванович быстро схватил грамоту и прочел ее дважды.

— Ну?— нетерпеливо молвил государь.

— Тут титулы, семейные дела, всякие жалобы,— ответил Иван Иванович,— сего читать не буду. Главное прочту токмо. Пишет Михайла королю: «Ежели твое величество в ближние дни не пришлет полки свои с великим иарядом пушечным и мы заедино ие ударим иа Москву нечаянно, то Иваи отымет у меня половину тверской земли, а у тобя половину Литвы».

Иван Васильевич зло рассмеялся.

— А он не токмо на дуде игрец,— сказал он резко,— а кое-что и разуметь может! Токмо отымем мы не половину, а все его княжество! Днесь же пошлем ему складную грамоту. Слагаю ему крестное целованье...

Обратясь к дворецкому, он приказал:

— Пошли, Петр Василич, гонцов за князем Патрикеевым и за воеводами, которых он укажет, да на Пушечный двор за маэстро Альберти. Зовет их-де государь на совет прибыть с ратными чертежами.

Потрясенный неожиданным оборотом дел, князь Михаил Борисович в великом испуге призвал к себе владыку тверского Вассиана, сына знаменитого воеводы московского, князя Ивана Васильевича Стриги-Оболенского.

— Молю тя, отче,— просил его князь Михаил,— попечалуйся перед князем Иваном Василичем. Чтит он память отца твоего покойного, преклонит он ухо к словам твоим. Бей от меня челом ему на всю волю государеву...

Владыка Вассиан горько попрекал великого князя тверского за кровный союз его с неверным королем, еретиком латинским.

— Худо содеял ты, государь,— говорил он,— в ущерб государству московскому и церкви православной. Женился ты на внучке короля и союз с Польшей крепишь. Для унии и для папизма на Русь дорогу пролагаешь...

Князь каялся, клялся с королем все порвать и снова просил вступиться за него, и владыка смягчился и обещал ему отъехать завтра же с боярами в Москву челом бить государю...

Августа двенадцатого, в понедельник, Вассиан прибыл в Москву к обеду. Остановился он у митрополита Геронтия и просил его довести о тверском челобитье до государя Ивана Васильевича. Просьба успеха не имела — государь челобитья не принял.

Дней через пять в Москву от князя Михаила прибыло скорым вестовым гоном второе посольство — от всех князей и бояр тверских, во главе с князем Михаилом Димитриевичем Холмским, с тем же челобитьем, но и этого посольства Иван Васильевич не принял: сам же послал гонца к наместнику своему новгородскому, к боярину и воеводе Якову Захарьевичу Кошкину-Захарьину, дабы шел он немедля к Твери со своей воинской силой.

Как всегда, не торопясь, Иван Васильевич подготовлял и ныне поход, а выходило у него скорей, чем у других, ибо у него никаких недоделок не было. Все заранее обдумывал государь,

всякое возможное препятствие на походе и все меры, чтобы устранить его.

Выступать же он решил из Москвы вместе с Иваном Ивановичем августа двадцать первого, взяв с собой всех пушечников под начальством маэстро Альберти, приказав и братьям своим, князьям Андрею большому и Борису на Тверь идти из своих вотчин одновременно с московским войском.

Эта вторая война с Тверью задумана была государем Иваном Васильевичем совсем по-иному.

— Без крови хочу тверское княжество взять,— сказал он сыну.— Ныне есть у нас пушки, которые еще дальше, чем прежние, бьют. Без вреда для собя можем их стены сверху донизу разбить, а силы ратной у нас вдвое больше, да и наши-то вои лучше ихних...

— А с грабежами да с полонами как будем?— спросил Иван Иванович.

— На сие запрет строгий, за сие грозно казнить буду,— сурово сказал Иван Васильевич.— Днесь же, Иване, не позже, составь о сем приказ братьям моим и всем воеводам нашим, дабы помнили, что не с погаными рать у нас, а со своими православными, что казним мы токмо князя да ближних слуг его за измену их крестоцелованию. Приказ же сей ты с гонцами братьям моим и воеводам по полкам пошли.

— А когда, государь, полкам из Москвы выступать?— спросил Иван Иванович.

— Как нами с тобой удумано. К ночи выступает маэстро Альберти с пушкарями и конным полком. Утре до рассвета идти Передовому полку, к ночи — Большому полку. На двадцать первое августа после раннего завтрака идти нашим полкам и нам самим с ними...

Снова идут на Тверь полки московские. Тем же путем идут, как и в первый раз шли. Над полями жаворонки от зари до зари звенят — последний у них, третий выводок. По вечерам же и на рассвете из луговых низинок, где колдобинки с водой от родничков овражных или широкие болотца, заросшие камышом и осокой, слышно, как плачут чибисы, собираясь уже перед отлетом в стаи, и крякают утки.

— Лету конец приходит,— задумчиво молвил Иван Васильевич.

— Люблю яз сие время,— с улыбкой ответил сын.— Хорошо ранней осенью. Тишина особая и в полях и в лесах, и солнце не печет, а токмо сияет да ласково греет...

— Надо быть, тверской рубеж переходим,— усмехаясь, перебил сына Иван Васильевич,— и, видать, бежали заставы-то ихние.

— Сие значит, государь-батюшка,— весело ответил Иван Иванович,— идут уж полки наши: и Передовой, и Большой, и даже пушечники, по тверской земле...

— Пятый день на походе мы,— продолжал старый государь.— Хоша и не спешим мы, а все же днесь пушечников нагоним.

— Мыслю, под самым Клином нагоним,— молвил Иван Иванович.— Вестники от них сказывали, великие грозы там прошли с ливнями. Все дороги размыло,— телеги с пушками вязнут. Маэстро ждать будет, пока дороги малость провянут...

— Верно,— сказал Иван Васильевич.— Отошли сей же часец гонцов в Клин с приказом нашим, дабы не токмо пушкари, а и все прочие полки нас в Клину ждали. У нас не горит, нечего коней и людей зря истомлять. Сколь отсюда верст до Клина-то?

— Верст двадцать пять будет...

— Значит, успеют они туда за два часа, а то и за полтора прискакать и все войско наше задоржать,— сказал Иван Васильевич и дал знак конникам, чтобы ехали легкой рысью.

Иван Иванович подозвал начальника своей стражи и приказал ему взять с собой двух конников на лучших конях да с запасным конем и немедля скакать в Клин, задержать там все войско до приезда государей.

Когда он возвращался к отцу, гонцы обогнали его и, проскакав вдоль всего полка, быстро скрылись из виду.

Гонцы эти поспели в Клин вовремя, и там все полки московские уж в обед радостно встречали обоих государей.

Объехав войска и пушечные обозы, государь и его соправитель обедали вместе со всеми своими воеводами, среди которых были из наиболее известных: князья Иван Юрьевич Патрикеев, Данила Димитриевич Холмский, Семен Иванович Ряполовский, Борис Михайлович Туреня-Оболенский, братья Бороздины, Семен и Василий Романовичи, князь Федор Иванович Бельский и другие, не менее чтимые...

За обедом было весело. Словно все это и не на войне происходит, а в мирное время, на торжественном празднике. Все шутили, пили здравицы, только гонцы от дозоров и лазутчиков неизменно прибывают из часа в час, и дума государева ведает о каждом шаге князя тверского и его воевод.

— Мечется князь-то Михайла у собя в Твери, яко зверь в клетке, ото зла и страху,— злорадно молвил государь Иван Васильевич.

— Мыслю,— сказал, смеясь, князь Иван Юрьевич Патрикеев,— сам-то он не ведает, что деять, а его бояре да воеводы, чаю, токмо одного ищут — как бы повыгодней отсесть под твою руку, государь.

— Верно, верно,— зашумели кругом, чокаясь кубками, воеводы,— за здравие государей наших!

Сентября восьмого войска государей московских соединились с войсками князя Андрея углицкого и князя Бориса волоцкого под Тверью и обступили со всех сторон стены крепости. Маэстро Альберти грозными рядами расставил дальнобойные пушки, жерла которых навел на ворота и на бойницы стен и башен.

Подъехав к государям, наблюдавшим за приготовлениями, он почтительно поклонился и доложил через толмача своего:

— Все мной для осады изготовлено, государи. Прикажете пристрел начать? Наперво, мы в главные вороты ядром ударим. В другой-то раз пальцем в верхнюю башенную бойницу, а из третьей пушки — по стенным зубцам вправо от башни...

— Добре,— согласился государь Иван Васильевич,— бей.

Маэстро Альберти отъехал и, встав лицом к пушкарям, махнул рукой. Тотчас же одна из передовых пушек сверкнула в дыму огнем, грянул выстрел, и тотчас же вслед за ним ядро гулко грохнуло в железные ворота.

С проездной башни ответили залпом.

— Ишь какими проворными стали топерь,— с улыбкой заметил Иван Иванович.— В первую-то осаду чуть не через полчаса отвечали...

Маэстро Альберти снова махнул рукой, снова грянул выстрел, и от одной из бойниц проездной башни полетели обломки. Третья пушка по знаку маэстро ударила в стенную бойницу справа от проездной башни...

— Браво, маэстро, браво!— крикнул Иван Иванович по-итальянски, когда маэстро Альберти снова подскакал к государям.

— Счастлив служить вам, государи,— через своего толмача ответил маэстро.— Как еще и что мне делать прикажете?

— Наряди все, маэстро Альберти,— приказал государь Иван Васильевич,— дабы в субботу, десятого, можно было ровно в полночь все посады тверские враз зажечь, а на рассвете грянули бы пушки со всех сторон! Бить же по граду до восхода солнца...

— Слушаю, государь,— сказал маэстро и почтительно спросил:— А что прикажешь делать на другой день, одиннадцатого, в неделю?

— До обеда отдых дашь пушечникам,— приказал Иван Васильевич,— после снова по граду бей! Скажи, каков бой-то у тверских пушек?

— Не досягает стрельба-то их до нас.

— Добре сие, маэстро,— продолжал государь.— Более не надобно изо всех пушек бить, токмо отдыху и покоя им не давай. О прочем после скажу. Иди с богом.

В воскресенье, сентября одиннадцатого, в самый обед было спешно собрано в государевой ставке совещание воевод, бояр и дьяков. Докладывал нáбольший воевода князь Иван Юрьевич Патрикеев.

— Государь,— говорил он в волнении,— есть наиверные вести из Твери от доброхотов наших. Собирается днесь князь Михайла с княгиней своей, с казной да с дружиной в Литву бежать через тайники подземные. Один у них на запад выходит, а другой — вниз по Тверце-реке к самому берегу в густом бору. Там у них лодки и кони...

Государь Иван Васильевич доволен и весел.

— Пущай его бежит,— перебивает он воеводу,— пущай...

Воеводы озадачены, растеряны, а Иван Иванович нетерпеливо восклицает:

— Прикажи, государь, дозоры выслать, заставы и засады нарядить!

Иван Васильевич нахмурился...

— Токмо верно ли сие?— резко спрашивает он.

— Как же не верно?— кричит князь Иван Юрьевич.— У них уже вся казна собрана! Князь со княгиней и вся дружина их в путь готовы, токмо неведомо никому, через какой тайник и когда побегут.

— Добре,— прерывает его старый государь,— слава тобе, господи!..

— Прикажи, государь,— настаивает князь Патрикеев,— время идет, убежит он...

Иван Васильевич быстро встает и сурово приказывает:

— Воеводы! Ежели верно, что Михайла-то бежит, добрый путь ему, а ежели кто помешает ему — голову тому ссеку!..

Бояре и воеводы бледнеют от волнения и переглядываются между собой, а Иван Иванович не выдерживает и срывающимся голосом выкрикивает:

— Пошто так, государь? Не разумею яз, пошто сие...

Среди бояр и воевод ропот, невнятно звучат голоса, но с явным раздражением...

Иван Васильевич, оглядев всех, гневно повторяет:

— Голову ссеку ослушнику, не щадя ни роду, ни звания! Что глядите, яко безумные? Службу забыли? Немедля приказ мой всем полкам передайте!

Помолчав и немного успокоясь, он насмешливо промолвил:

— Ежели сами не разумеете, скажу вам. Бежит Михайла-то,— значит, сам перед всей Русью от великокняжеского стола

своего отказывается! Сам он с собя венец государя сымает, а наследник-то у него един — Иван Иванович, внук великого князя тверского Бориса Александровича...

— Прав ты, государь!— воскликнул Иван Иванович.— Прости, государь-батюшка, мы — дети пред тобой неразумные...

— Уразумели, государь!— заговорили воеводы.— Право ты мыслишь!..

Иван Васильевич, досадливо отмахнувшись, обратился к маэстро Альберти:

— А ты же, яко воевода пушкарей, вели токмо изредка палить по граду из пушек. Не по стенам бить, а чрез них: стены-то нам самим потом пригодятся...

На другой день, в понедельник, когда ласковое сентябрьское солнце подымалось по безоблачному небу, к самому полдню, торжественно зазвонили в Твери во всех церквах.

Иван Васильевич приказал прекратить обстрел и встать всем полкам в боевой порядок.

Оба государя на конях, сопровождаемые придворными и стражей, выехали вперед и, став рядом, смотрели на Тверь. Град тверской с разбитыми башнями-стрельнями, окруженный обгорелыми печами и пепелищами сожженных посадов, казался особенно жалким и беспомощным при торжественном звоне.

Вот загремели главные железные ворота и медленно открылись, но не выскочили из них стремительно конники, сверкая саблями, а медленно вышел крестный ход, поблескивая крестами, хоругвями и ризами духовенства.

Впереди всех шел с клиром своим владыка тверской Вассиан, следом за ним — воевода тверской, князь Михаил Димитриевич Холмский с братьями и с сыном, далее другие князья и бояре и, наконец, все земские люди.

Из уважения к крестному ходу оба государя и придворные их спешились, обнажили головы, одни — сняв шлемы, другие — летние колпаки.

Владыка Вассиан, а с ним все князья и бояре низко поклонились, коснувшись рукой земли. Земские люди встали на колени.

— Государи великие,— громко заговорил Вассиан,— пришли мы все к вам на всю волю вашу, с покорной главой!..

— Будьте здравы, государи, на многие лета!— прокричали князья, бояре и земские люди.

Вперед выдвинулся князь Михаил Димитриевич Холмский и, опять земно поклонившись, произнес:

— Государи, ото всей Твери и ото всего тверского княжества повестую вам: «Князь наш великий, Михайла Борисыч, все крамолу против Руси ковал, а ныне вот устрашился возмездия божеского и человеческого, ныне духом изнемог он и бежал в

Литву, к королю Казимиру, к ворогу Руси православной. Сим отрекся от великокняжеского стола своего, от вотчины и от нас всех, людей своих. Мы же челом бьем вам, государи. Молим — примите нас со всей тверской землей под руку свою, примите от нас на сем крестоцелование».

Воевода тверской снова земно поклонился, а все земские люди, стоя на коленях, восклицали:

— Примите, государи, крестоцелование наше!

— Хотим под Москву! Под руку государя всея Руси!

— Быть по сему!— громко сказал Иван Васильевич и, благословившись у владыки Вассиана, сел на коня.

Примеру его последовал Иван Иванович и все их придворные.

— Будьте здравы, государи, на многие лета!— радостно кричали тверичи.

Иван Васильевич, глядя на них с коня своего, дал знак к молчанию. Все стихло.

— Днесь же посылаю в град ваш бояр своих Юрья Шестака да Костянтина Малечкина и дьяков своих Василья Далматова, Ромодана Алексеева да Леонтия Алексеева тоже, с крепкой стражей, дабы привести к целованию всех гражáн и óт ратных обид беречи, дабы вои наши вас не били и не грабили...

— Будьте здравы, государи!..— еще радостней закричали тверичи.— Будьте...

По знаку государя крики сразу оборвались.

— В пятнадцатый же день сего месяца буду яз в Твери с моим сыном Иваном у святого Спаса. Там же благословлю его тверским великокняжением, яко внука, родного князю Борису Лександрычу, покойному вашему государю тверскому.

Глава 5

СНОВА РУКА ПАПЫ

В тысяча четыреста восемьдесят шестом году, в конце февраля тихо, без ветра, наползли на Москву снеговые тучи, тяжело громоздясь в небе, вдруг рассыпались белоснежным пухом, и со вчерашнего вот дня, мелькая перед слюдяными окнами, все падают и падают из них пушистые хлопья.

Государь Иван Васильевич в ожидании раннего завтрака задумчиво глядел в окно сквозь скользящую вниз снежную завесу и смутно видел, как пухнут сугробами улицы, как кусты и деревья в садах набухают от снега, как все кругом незаметно меняет свой облик, расплываясь в зыбкой нарастающей белизне.

Тишина стоит глубокая, но кругом все непрерывно и неясно двигается, и все вот так же неясно и зыбко в мыслях государя.

Выплывают из каких-то глубин прошлого картины счастья и горя, появляются и исчезают дорогие образы милых и близких сердцу, с кем пережито было так много радостей и горестей жизни...

За завтраком Иван Васильевич был такой же задумчивый и рассеянный, хотя мысли его переменились. Он думает теперь о военном строительстве в Новгороде и Москве, о главных «оплечьях государства», об укреплении Твери и городов вдоль литовских рубежей...

— Не избыть войны с Литвой,— шепчет он, наливая себе в кубок любимого итальянского шипучего «Асти»,— не избыть...

Вдруг он вздрагивает от неожиданности. Стремительно вбегает верткий толстяк, дьяк Майко, оставляя за собой настежь отворенную дверь.

— Прости, без зова, государь,— восклицает он, все оглядываясь назад.— Прости, государь!..

Иван Васильевич с недоумением смотрит в дверь и вот, не веря глазам своим, видит, как, торопясь и видимо сильно волнуясь, входит Курицын.

— Государь, государь мой!— вскрикивает Курицын и хочет встать на колени, но Иван Васильевич крепко обнимает его, троекратно лобызает и говорит растроганно:

— Ждал тобя дни и ночи. Понуждал Менглы-Гирея, короля Матвея и воеводу молдавского Стефана на защиту твою...

— Ведаю, государь,— говорит Курицын, целуя руки великого князя,— и за счастье свое благодарю тобя и бога...

— Семью свою видел?..

— Видел. С ночи приехал...

Курицын обрывает свою речь и низко кланяется, касаясь рукой пола.

— С Тверью тобя, государь!— радостно говорит он.

Иван Васильевич, вспомнив о Твери, обращается к дьяку Майко:

— Наряди-ка, Андрей Федорыч, сей же часец вестника в Тверь к великому князю Ивану Иванычу. О чем вестника посылать, сам разумеешь. К обеду приходи...

Майко вышел.

— Рад яз. Рад тобе, Федор,— горячо говорит Иван Васильевич.— Ну, садись за стол, выпьем за приезд твой. Потом ты мне все расскажешь, как по ту сторону нас видят, чего хотят, чего боятся, чем грозят. Сказывай токмо наиглавное и тайное, о чем нам лишь с тобой ведать надлежит. О прочем на думе доложишь...

Приказав никого не допускать к себе до самого обеда, Иван Васильевич весело и радостию говорил о военных успехах сына своего Иваи Иваиовича, о рождеиии виука, о присоединении Твери и верейского удела...

— Ну, да ты, Федор Василич, еще с сыном моим обо всех делах сих побаишь. Яз же хочу тобя слушать.

— Изволь, государь мой,— начал дьяк Курицын.— Прежде яз о посольстве своем к угорскому королю Матвею доведу. Докончанье с тобой о взаимной по́мочи подписал он согласно воле твоей. Привез от него рудознатцев, зодчих да умельцев всякого литья — пушечников и прочих. Токмо в ратную по́мочь короля не верю...

— Пошто?

— Покоя ищет. Остарел. Захватил всего много под руку свою. Растерять боится, да и к Рыму ухо склоняет. Нелады у него с цесарем германским и его сыном, королем рымским.

— Так и яз о нем мыслю,— сказал Иван Васильевич.— Что ж там иаиглавное, за рубежами нашими?

— Рым и Царьград,— горячо заговорил дьяк Курицын.— Папа Иннокентий токмо денег ищет везде для ради кормления множества жеи и детей своих. Ядовито про него рымляие бают: «Святейший отец наш — отец всех детей в Рыме!» Для сего и новый поход иа султана проповедует и великую казну собирает. В то же время и с султаиа турского великую дань берет за брата его родного, которого в заключении доржит у собя в Рыме, дабы тот не мог Баязета с престола скинуть. Сам же султана на думу иаводит. Возможио-де, когда крестовый поход начнется, то и брат его пойдет с крестоносцами...

— Хитер, иечестивец,— заметил Иваи Васильевич,— а Баязет-то все сие добре разумеет?

— Разумеет, государь,— ответил дьяк,— посему и на нас оглядывается. Султан-то и ратную пользу от нас и торговую весьма ценит. Иннокентий же круг собя всех христианских и невериых государей путает. Круля Казимира он совсем в свои руки взял, по́мочь ему обещает против Москвы. С Га́нзой дружит, а через иее — с госпо́дой новгородской. Везде у него лазутчики и соглядатаи из монахов ордена святого Домииика, инквизиторов: в Польше, в Литве, в Ливонии, и у татар, и у нас в Москве, и в уделах, и в Новомгороде, и возле всех рубежей наших. Опричь монахов, много у него и светских соглядатаев из греков и фрязинов. Ко всем государствам рука папы тянется, чтобы кровь человеческую лить, смутами народ зорить, а собе злато собирать. Есть даже доброхоты у папы и среди епископов и попов наших, которых мечта блазнит такую же власть иметь,

какая у рымской церкви есть. Хочет государствовать над всей Русской землей.

— На сие у них зубов нет,— мрачно проговорил Иван Васильевич,— а монастырских темниц у нас хватит. Ну, а как же ты сам обо всем мыслишь?

— Яз, государь, еще в полоне будучи, все видя и слушая, уразумел главное. Все зло для Руси идет из Рыма, от папы. Повел яз единожды речи и с турскими пашами о зле рымском, а те сему рады. Бают, что им зло тоже из Рыма и что сам султан давно о дружбе с Москвой думает.

— Ну, а как Баязет о государствовании и о силе нашей разумеет?— спросил Иван Васильевич.— Видал ты его, беседовал с ним?

— При отпущенье своем видал, и была у меня краткая беседа с ним. Видом он не похож на татарских ханов. Одеяние его и шапка — как у царей грецких были. Волосы у него дóлги, усы и борода клином. Важен вельми и величав. Почитает он нашу державу сильней всех прочих. Спрашивал меня, пошто мы купцов своих не пущаем в турские земли, от сего царству его ущерб, да и Москве тоже. Дружбы с нами хочет...

— А о Литве и о Польше что он сказывал?

— От сего уклоняется,— ответил Курицын,— но предлагает любовь и дружбу для ради торговли меж нашей и его державой, и яз, государь, по разумению своему, мыслю: сие будет нам на пользу и даже в делах с папой и с христианскими королями...

— Верно, Федор Василич, верно!— одобрил государь.— А бог даст, мы, может, потом с султаном-то и ратное докончанье свершим. А как христианские короли о нас мыслят?

Курицын насмешливо улыбнулся.

— Смеху подобно,— сказал он,— одни нас все еще данниками татар почитают, а иные мыслят, что мы под рукой короля польского, с Литвой путают. Ничего о нас точно не ведают и ни за какую державу не считают. Более иных о нас ведают король Матвей угорский да воевода Стефан молдавский, и то быль с небылицами плетут.

— Ну, сие пока на пользу нам,— молвил Иван Васильевич.

— А папе еще более на пользу,— заметил Курицын.

— Пошто?

— По то,— ответил дьяк,— что папа о нас более всех правды знает, но от других таит, дабы легче государей иноземных за нос водить...

Иван Васильевич задумался и тихо проговорил:

— Умен ты, Федор Василич, вельми умен...

— У папы-то на словах,— продолжал Курицын,— уния и крестовые походы для всего латыньства, а на деле — через

Польшу, Га́нзу и немцев поглубже в Русь когти свои запустить. Мыслит он Польшу великой державой изделать, а нас, яко Литву, под руку ее поставить...

— На сем подавится!— резко заметил Иван Васильевич и закончил:— Днесь за обедом ничего сего не сказывай про наши с тобой думы. Говори токмо о докончанье с королем Матвеем да о дружбе с султаном. О главном же мы еще втроем подумаем, когды сын мой из Твери пригонит.

Государь помолчал и улыбнулся.

— Когда ты со мной, Федор,— промолвил он,— разум мой глубже, а душа возвышается до любомудрия. Много яз мыслил о минувшем, о днешнем и о грядущем. И вот в сей часец враз все уразумел. Наше — токмо минувшее. Днешнего нет — всякий миг оно от нас непрерывно уходит в минувшее. Грядущее нам не ведомо, о нем токмо гадать можем...

— Ты, государь, грядущее всегда точно угадываешь!— воскликнул Курицын.

— Сие бывает, Федор, токмо в делах ратных и государственных,— грустно заметил Иван Васильевич.— В своих же делах человечьих ведаем мы с тобой, как и все люди, токмо минувшее...

— В котором и живут все радости и все горести наши,— тихо добавил Курицын.— С каждым днем растет минувшее-то позади нас, пока и мы сами не уйдем в него навеки. Мое-то вот минувшее уже на двенадцать лет длинней твоего...

Собеседники замолчали и задумались, каждый о своем. Взглянув на Курицына, Иван Васильевич слегка усмехнулся.

— Все же, Федор, не подобает мудрецам уныние,— сказал он.— Древо жизни на земле вечно, а мы — токмо листья, которые меняет оно по воле божьей. Отпадем мы от древа все, ныне сущие, а дети и внуки нас сменят, потом и они друг друга сменять станут, и так вот будет на вечной смене Русь наша жить вечно...

На четвертый день марта, в самый грачиный прилет, соправитель государя Иван Иванович выехал в Москву, оставив в Твери свое семейство, а «собя вместо» для государевых дел назначил своего престарелого наместника, князя Василия Федоровича Образца-Симского.

На другой день после приезда сына Иван Васильевич устроил у себя, под видом тайного совещания по делам государственным, из ближних бояр, воевод и дьяков, торжественный обед в честь возвращения в Москву дьяка Федора Васильевича Курицына. На этом пиру из семейства государя, кроме соправителя его,

никто не присутствовал, и государыня Софья Фоминична, к досаде ее, не могла быть приглашена.

Собрались на думу все в трапезной Ивана Васильевича за столами уже накрытыми, но только с винами, без всяких кушаний. Рядом, по левую руку сына своего, посадил государь на этот раз Курицына. Остальные все сели так, как обычно садились на думе государевой.

— Наперед думы нашей,— сказал Иван Васильевич,— почтим возвращение из турского полона дьяка Федора Василича, поздравим его. Первую здравицу...

Государь взял кубок с вином из рук дворецкого.

Взволнованный Курицын вскочил с места и воскликнул:

— Не можно сие, государь! Окажи мне милость, разреши мне первую здравицу сказать, как подобает слуге твоему...

Иван Васильевич улыбнулся:

— Говори, Федор Василич.

Курицын дрожащими руками принял кубок, налитый ему одним из слуг, и произнес:

— Милостью божьей и заботами государей моих снова яз на Москве. Бога и вас, государи, благодарю и земно вам кланяюсь. Будьте здравы, государи, на многие лета вы и семейства ваши!

— Будьте здравы, государи!— закричали все, вставая со скамей.

Курицын же, обернувшись к государям, отдал им глубокий поклон. Дворецкий по знаку Иван Васильевича наполнил кубки обоих государей.

— Будь здрав и ты, Федор Василич,— молвил старый государь, и такое же приветствие повторил молодой государь.

— Будь здрав, Федор Василич!— заговорили за ним и все присутствующие.

Курицын, приняв новый кубок, ответил по обычаю:

— Во здравие государей и всех бояр, воевод и дьяков, здесь сущих!..

Иван Васильевич сделал знак к молчанию и сказал:

— Садитесь. Федор Василич будет сказывать нам о всем, что вызнал и что изделал в чужих землях...

Рассказ Курицына был весьма любопытен и вызвал много расспросов. Сначала он доложил про договор с королем Матвеем угорским о дружбе и о взаимопомощи в военных делах согласно воле государя московского. Потом Курицын насмешил всех ловкостью папы Иннокентия, который на крестовый поход против султана Баязета деньги собирает, а у самого Баязета вымогает немалую дань за охрану его престола от посягательств сводного брата султана, живущего в Риме. Пересказывал потом

Курицын много злых насмешек и шуток римских о многоженстве и многочадии «святого» отца.

В конце беседы, ставшей весьма оживленной, большую радость вызвало сообщение Курицына о желании султана быть в дружбе с Москвой.

— Токмо бы папа ему в сем не помешал,— сказал кто-то из бояр,— ишь папа-то каков: и жнец, и швец, и на дуде игрец.

— На все руки, стервец!— воскликнул дьяк Майко.

— А женки вот и девки его самого обыграли,— заметил князь Патрикеев,— через сети их, может, султан-то и сам папе, бог даст, руки свяжет.

— И без женок султан папу обыграет, как ему надобно,— сказал Курицын.— Присмирел папа-то. Денег у него нет, а детей по всему Рыму яко икры наметал. В ханжество и суеверие ударился. Баязет сие смекнул. Подарил ему копье, которым якобы языческие воины Христа под ребро ударили. Найдет он и еще, чем папу ублаготворить, сумеет в дружбе с папой быть. Хитер и умен Баязет-то...

— И яз так мыслю,— сказал Иван Васильевич и отпустил всех, кроме дьяков.

— Идите с богом, воеводы,— добавил он.— Надо мне с дьяками ответы составить королю Матвею и султану.

Когда гости все вышли, государь обратился к дворецкому со словами:

— А ты, Петр Василич, прикажи слугам у окна стол нам собрать, к свету солнечному поближе. Пива немецкого да меду сладкого подать вели и холодных закусок и заедок разных. Да пока никого, опричь вестников, не допущать. Иди с богом, Саввушка тобе в пóмочь будет. Пошли-ка его за Димитрием Володимирычем да за князем Семеном Борисычем Бороздиным, дабы вместе борзо пришли.

Дворецкий ушел, но вскоре вернулся и доложил государю:

— Боярин-то Ховрин здесь, в хоромах твоих, по делам своим, а Саввушка токмо за князем Бороздиным погнал верхом в хоромы его. Вборзе с князем сюды воротится.

— Добре,— сказал великий князь.— Вели уж меды да пиво подать на стол.

Когда подавали слуги напитки, пришел Ховрин, а немного погодя кто-то торопливо постучал в дверь, и Саввушка, наполовину отворив ее, впустил князя Бороздина.

— Добрый день, государь,— сказал князь, кланяясь государю и всем прочим.— По зову твоему.

— Добре. Садись за стол. Дело у меня есть до тобя, княже.

— Слушаю. Приказывай.

— Надобно к хану крымскому Менглы-Гирею борзо отъехать. Да ты садись за стол-то. Подорожников вместе выпьем. Дело-то в том, что дьяк наш Федор Василич благополучно воротился на Москву тщанием и заботами хана Менглы-Гирея. Немало и казны исхарчил хан-то, когда просил турских пашéй печаловаться перед султаном за Федора Василича.

— А сколь исхарчил-то?— спросил Ховрин.— У турок запрос всегда велик.

— За Федора Василича никакой запрос нам не велик,— проговорил великий князь,— торговаться не будем. Ты, Димитрий Володимирыч, спроси у Федора Василича, сколь хан-то просит, и отпусти золотом Семену Борисычу, а он Менглы-Гирею деньги с моей грамотой передаст.

Обратясь к дьяку Майко, государь продолжал:

— А ты, Андрей Федорыч, так хану напиши: «Благодарю, брат мой, за твою мне великую услугу и возмещаю прóтори твои. И впредь так же за все послуги твои сторицею жаловать буду. Брат твой, великий князь Иван».

Вошел дворецкий с татарином и молвил:

— От царевича Данияра. Вестник. Разумеет по-русски.

— Будь здрав, государь!— падая ниц, воскликнул вестник.

— Встань и повестуй.

Татарин вскочил и, поклонившись три раза по-восточному, сказал:

— Царевич Данияр, да хранит его аллах, повестует: «Светлый государь мой! Прошу твоей милости, лекарь государыни твоей, Антон-немец, дал больному сыну моему Каракуче зелья, после которого напали на него лютые корчи, и вборзе он в непереносных муках преставился. Яз поймал злодея-лекаря и заковал. Прошу твоей милости».

Иван Иванович побледнел, а Иван Васильевич грозно сдвинул брови и сурово сказал вестнику:

— Передай царевичу мой ответ: «Выдаю немца головой на всю твою волю, царевич Данияр, друг и брат мой любимый».

Никто ничего не возразил против решения государя, но все были взволнованы.

Вестник ушел и вскоре возвратился снова с ответом царевича:

— «Целую руки твои, великий государь. Да благословит тобя аллах, утолил ты боль души моей и сердца...»

А через час сообщил государям дворецкий, что царевич Данияр своими руками, как овцу, зарезал ножом под мостом на Яузе лекаря-немца.

Вскоре через дворецкого Петра Васильевича пришли новые вести, что казнь эта всполошила всех иноземцев.

— Сам маэстро Альберти собирается тайно бежать из Москвы,— добавил он.

Иван Васильевич грозно сверкнул глазами и крикнул:

— Взять немедля маэстро Альберти за приставы, но доржать в его же хоромах вместе со всем семейством.

Когда церковные звоны отзвонили двенадцать евангелий, по всем кремлевским и посадским улицам потянулся народ из каждой церкви, сверкая трепещущими огоньками свечей. Ночь была тихая и теплая. Иван Васильевич, выйдя из храма Михаила-архангела на паперть, радостно вздохнул полной грудью влажный весенний воздух и долго стоял молча, следя за мелькающими вдоль улиц огоньками.

— Весна,— тихо шепнул он и тотчас же подумал, что скоро будут разливаться реки, что надо торопиться с походом на Казань.

По привычке он оглянулся и увидел на обычном месте возле себя Саввушку

— Саввушка,— сказал он вполголоса,— сбегай-ка к Иван Юрьичу, скажи: «Зашел бы ко мне утре после раннего завтрака да прихватил бы с собой чертежи казанских ратных дел».

На другой день, после раннего завтрака, хотя и играл государь с сыном в любимые ими шахматы, все же нетерпеливо поджидал он прихода князя Патрикеева.

— Батюшка,— воскликнул Иван Иванович,— пошто царя своего ты под удар ставишь?

Иван Васильевич рассмеялся.

— Помнилось мне, что сие — царь казанский, Алегам.

Засмеялся и Иван Иванович.

— Истинно, сего царя давно под удар надо ставить. Сей раз, в войну с Тверью, как и прошлый раз, в войну твою с Новымгородом, казанские собаки нам пятки грызли.

Иван Васильевич нахмурил брови и молвил:

— Вот пошлю яз на собак-то судовую и конную рати. Жду Ивана Юрьича с чертежами ратными, по которым втроем думу думать будем, как с татарами в шахи играть.

Дверь отворилась, и вошел с дворецким князь Патрикеев.

— Будьте здравы, государи! Брат дорогой, пришел яз по зову твоему.

Иван Васильевич приказал дворецкому:

— Поставь коло нас мой малый стол.

Дворецкий со слугами передвинул стол ближе к окну, а Иван Юрьевич разложил на нем свои бумаги.

— Здесь,— сказал он,— отмечены рубежи Казанского царства, Ока, Волга, Кама и самый град Казань с его стенами.

— Добре́ все изделано,— похвалил Иван Васильевич.

Иван Иванович подошел ближе к столу и спросил:

— Дядя Иван Юрьич, вижу, мыслишь ты поход начинать из-за Новагорода нижнего, старого.

— Верно. Для конницы там переправы удобные, да и судовой рати плыть вниз по течению. Все сие помогает согласному походу судов и конников для поддержки друг друга, и харч для конницы по воде сподручней везти.

— А воеводами-то у тобя кто будет?— спросил Иван Васильевич.

— В Большом полку, государь,— князь Данила Холмский да князь Осаф Дорогобужский. В правой руке — князь Александр Оболенский да Иван Борисыч Захарьин. В Передовом полку — зять мой, князь Семен Хрипун да родной брат его, князь Федор Ряполовский. В левой руке — князь Семен Ярославский да князь Василий Хованский-Лущиха.

— Ишь каких орлов набрал!— засмеялся Иван Васильевич.— Крепкий и верный все народ-то. Не забудь токмо захватить с собой из Вологды Махмет-Эминя, дабы, согнав Алегама, сделать Эминя царем казанским на всей нашей воле. И воевод с дьяком нашим при царе в Казани оставь, дабы оброк и пошлины наши собирали. Сие все пусть зять твой наладит, есть у него ратная и дьяческая хитрость. Алегама же с семьей в Москву привезите и за приставы посадите на дворе у князя Пенько-Ярославского, у Данилы Лександрыча.

— Словом,— весело сказал Иван Иванович,— изделай все, дабы Казань послушным улусом нам стала.

— Когда выступать-то будешь, Иван Юрьич? Посчитай и время на заезд в Вологду,— сказал великий князь.

— Мыслю, государь, ежели заезжать в Вологду, надобно дня три накинуть, сиречь ранее одиннадцатого апреля выступить в поход не успеем.

— Ну и добре, Иван Юрьич,— сказал государь,— токмо наряди строго гон для вестников. Иди. Бог тобе по́мочь...

На другой же день на́больший воевода, князь Иван Юрьевич Патрикеев, созвал у себя в хоромах всех воевод своих думу думать о казанском походе.

— Все, воеводы, как мы для рати казанской удумали,— начал он,— государь утвердил, а выступать полкам нашим наметил апреля одиннадцатого, когда по нашим местам теплеет уж. После Федула-то на другой день, на Василья Парийского, мужик

сани на поветь закидывает. Хоша и наступает тепло, а плохо выходит: людям — бесхлебица, скотине — бескормица, тяжко в деревнях-то, и охотней народ в полки идет...

— На сей раз народ-то не больно обрадуется княжим харчам,— сказал князь Семен Ярославский.— Уразумеет он, что поход-то на долгое время — с весны до осени его хватит.

— Может, на иного ворога мужик и без охоты пойдет, а на татар поганых всегда он рад идти,— возразил Патрикеев.— И сообщаю воеводам, что государь приказал в Казани царя Алегама с престола свести и в Москву со всем семейством доставить, а перед походом заехать в Вологду за Махмет-Эминем, за сыном хана Ибрагима, взять его в Казань и вместо Алегама на престол посадить. Дело же сие поручить зятю моему, князю Семену...

Невнятный гул прошел среди воевод, недовольны они были заходом в Вологду, а князь Семен Хрипун сказал тестю своему:

— Князь Иван Юрьич, яз мыслю, тобе, как нáбольшему воеводе, более пригоже царей менять, а не мне...

— Так державный повелел, и мы не можем судить о сем, а токмо исполнять.

Все сразу стихло. Потом встал князь Семен и молвил:

— Исполним волю державного!

— Да здравствует великий государь наш!— поддержали все воеводы.

— У государя нашего,— встав со скамьи, добавил знаменитый воевода князь Данила Холмский,— ратного разума и ратной хитрости более, чем у всех нас. Воевал яз под его началом-то и о сем добре ведаю... Скажи токмо, княже Иване Юрьич, дает ли нам государь Данияровы полки?

— Дает,— ответил князь Патрикеев,— и сам царевич Данияр пойдет с нами. Он и возьмет Махмет-Эминя из Вологды...

— Добре сие,— заговорили воеводы.

— Сие облегчит дело со сменой царей казанских,— заметил воевода князь Семен.— У отца его, царевича Касима, были доброхоты в Казани.

— Да и сам Данияр родным внуком приходится первому царю казанскому Улу-Махмету,— добавил нáбольший воевода.

— Добре все разумеет государь,— заметил Патрикеев.— Некии бояре говорили государю: «Лучше, дескать, просто ему посадить наместника своего в Казани». Государь же возразил: «Надобно, чтобы татарами татарский царь из моих рук правил, татары тогда смирней станут и при неполадках или притеснениях всяких на Москву жаловаться не будут, а будут Москве жаловаться на своего царя. У Москвы правды искать будут».

Когда полки московские с Данияровыми татарами ушли на Казань, Иван Васильевич снова с большим рвением приступил к строительству новых кремлевских стен и приказал сносить все жилые и нежилые строения на сто десять сажеией от стен Кремля, не щадя даже церквей с их домами-«поповками» для духовенства и кладбищами, чтобы огонь при пожарах, особенно во время вражеских осад, не перекидывался через стены внутрь града московского.

Это вызвало прежде всего обиду и ропот среди всякого рода торговцев и купцов, когда стали сносить их лавки, ларьки и палатки, питейные, хлебные пекарни, кисельные и блинные заведения, торговые бани и прочее. Все это, как соты, лепилось почти у самых кремлевских стен.

Когда же начали сносить или переносить церкви с их «поповками» и кладбищами, то зароптало и духовенство, став во главе всех недовольных.

— Взбесились попы-то,— докладывал дьяк Майко государям и дьяку Курицыну после раннего завтрака.— Бают, есть даже обличительные грамоты против державного государя нашего...

— Ведомо мне,— заметил Курицын,— одно послание есть у меня, список с одного обличения архиепископа новгородского Геннадия, который дерзает обвинять государей в святотатстве и еретичестве, возбуждая против государей простой народ православный. Пишет сей Геннадий, что преступно переносить церкви божии и обнажать землю, где стояли церковные святые алтари и престолы, под которыми были зарыты мощи или частицы мощей божьих угодников и чудотворцев. Ныне же на сих опустошенных святых местах бегают псы и творят на них всякие пакости, да и люди грешат перед богом, попирают ногами освященную землю. Такое же преступное кощунство и святотатство творят на Москве,— продолжает Геннадий,— когда вырывают гробы из земли на кладбищах. Память отцов и матерей, братьев и сестер, сыновей и дочерей наших бесчестят...

— Федор Василич,— прервал государь Курицына,— скажи мне, как стервец сей с митрополитом?

— Владыка Геронтий,— ответил Курицын,— во вражде с Геннадием за его непослушание и дерзость, за великое его корыстолюбие...

— Ведаю,— заметил Иван Васильевич,— ведаю яз сие про Геннадия и от брата моего Бориса, князя волоцкого. Так вот ты и скажи митрополиту: «Государь-де более не печалуется перед иим за Геннадия». А более ни о чем не говори.

Курицын усмехнулся.

— Разумею, государь,— сказал он.— Более ничего и не надобно владыке Геронтию.

— Скажи, пожалуй, токмо еще митрополиту,— добавил великий князь,— широко, мол, Геннадий-то руками размахивает. Высокоумия у него много, а меры разума нет.

Когда Курицын, простившись, вышел, Иван Васильевич приказал дьяку Майко.

— А ты, Андрей Федорыч, поди-ка к князю Василью Иванычу Патрикееву, к Косому, скажи, дабы ускорил подготовку Белозерской уставной грамоты, да подумай с ним об изменениях Псковской судной грамоты к московской выгоде, а также об изменении всех докончаний с удельными, дабы легче было нам уделы к Москве присоединять и закреплять сие по закону.

Оставшись с сыном с глазу на глаз, Иван Васильевич сказал:

— Ныне у удельных-то смерть за спиной ходит. Бог даст, сынок, государство тобе и внуку единодержавным достанется, безо всяких уделов и смут...

Иван Иванович сдвинул брови.

— Прости мя, государь мой батюшка!— воскликнул он.— Горько мне. Мачеха со всей родней своей и прочими греками-папистами захватили в сеть князей верейских, в измену их вовлекли, а в Новомгороде попы наши сеть плетут против единодержавной власти на Руси, испугать тя хотят силой своей, которую в отлучении от церкви имеют. Помнят гады, как Генрих, германский цесарь, босой, одетый в рубище, приходил к папе Григорию в Каноссу после своего отлучения от церкви и вымаливал на коленях прощение...

— Пока яз жив, сему на Руси не быть,— спокойно и твердо сказал Иван Васильевич.— Сумеем мы папе и своим попам вовремя когти обрезать.

Мая тридцать первого, на Еремея-распрягальника, яровые посевы закончились, а по опушкам лесным да по просекам и вырубкам уже буйно разросся кипрей и скоро цвет набирать будет. На этот день думу думали у государя московского сын его Иван с дьяками Курицыным, Майко, а также были тут и составители судебника Патрикеевы, князь Иван Юрьевич и сын его Василий Иванович. Думали они все, как новые договоры составлять с новым царем Махмет-Эминем...

— А пошто творить сии трудности?— заметил князь Василий Патрикеев.— Не проще ли будет послать в Казань крепкого духом воеводу с сильной заставой и умного дьяка с подьячими подручными. Царя же Махмед-Эминя почитать токмо твоим наместником, государь, и править тобе Казанью, яко правишь ты самим Великим Новымгородом.

Иван Васильевич досадливо махнул рукой и молвил:

— Не разумеешь ты, княже Василий. Бывает нехитрая простота трудней всякой хитрой сложности. Помню, бабка моя, Софья Витовтовна, царство ей иебесиое, в детстве мне баила: «Семь раз примерь, один отрежь». Да и сего мало. Примешь ты после многих дум решение одно, а и тогда много еще мерить-то разумом иадобио, как свое решение в дело претворить. А ты мыслишь: тяп-ляп и корабь!

Обратившись к Курицыну, государь сказал строго:

— Разъясни потом, Федор Василич, князю Патрикееву-то, что и как мы в Булгарии, сиречь в Казанском царстве, править могли бы на полную волю свою, а ответ перед татарами и перед иами держал бы царь казанский, и была бы Казань нашим улусом, и дани и выходы нам платила.

— Истинно, государь, баишь,— заметил Иваи Юрьевич,— твои слова «что править» яз разумею так: татарское — оставить за татарами токмо для показу, и на печатях имеиоваться тобе «царем булгарским», а слова твои «как правити» яз разумею так: дабы царь казанский был в ответе пред своими татарами и пред царем булгарским, сиречь пред тобой, государем московским.

— Верно, Иваие Юрьич,— сие вот нам и иадобио, для сего и договор-то писать от Москвы и от Казаии, дабы споров потом не было, и все было бы точно, как уговорено.

— А ежели иам,— заметил дьяк Курицын,— крепкие заставы с воеводами рассылать повсюду, то и войска не хватит, да и казне государевой великий ущерб. Мира же в покоренных землях все едино ие будет, а токмо вражда и зло всякое против нас.

— Верно, верно,— одобрил государь.— Вот ты, Федор Василич, и подумай обо всем с Иваном Юрьичем и проследи, как о сем Василий-то Патрикеев с Майко составят грамоту нашу с Махмет-Эминем, проверь, скрепи и принеси. Ты же, Василь Иваныч, прогляди, какие собраны докончальные грамоты с удельными, уставные грамоты, духовные, какие списки с них сняты и что в них для московского единодержавия пользу дает. Особливо читай грамоты, на которых мои поме́ты есть. В диешнем во всем и в старине надобио нам подкрепы законам иашим искать. Все же, что подкреп сих не дает, и в иаших грамотах и в удельных, истребляй, а об истребленном в особой тетради отмечай и держи ее в ларе.

Иваи Васильевич помолчал и добавил:

— Не забыть бы. После измеиы князя Василья верейского иадобно переделать докончанье со старым-то князем Михайлой, дабы можио было по сему образцу и верейский удел весь за Москву взять, как мы взяли за Москву Бело-озеро. Иметь надобно сие соглашение с Михайлой Андреичем токмо до конца его живота, а после его смерти удел-то сей к Москве отойдет.

Верейский удел дан был-де князю Василью Михайлычу Удалому, а за измену его и побег в Литву он у него отобран и, как великокняжеская вотчина, дан отцу его пожизненно. Вотчиной же считать старому князю, согласно благословению отца его, князя Андрея Димитрича, токмо жеребий[1] в Москве с пошлинами, а также Ярославец с волостьми, путьми, селами и слободами, со всеми пошлинами и со всем, что к нему из старины потя́гло...[2]

— Слушаем, государь, и повинуемся,— сказал Курицын.

— Все по приказу твоему,— добавил князь Иван Юрьевич,— точно совершим.

— Добре,— заключил Иван Васильевич,— идите. Токмо отныне все докончанья и завещанья вот так же править и все списки с них, которые нужны будут, вместе с ними в ларях хранить...

В первых числах июня, накануне троицы, по приглашению митрополита, в его покоях после раннего завтрака государь Иван Васильевич думу думал с самим Геронтием об еретиках новгородских —«жидовствующих», которых прислал в Москву со своими обвинениями архиепископ новгородский Геннадий для суда над ними.

На думе вместе с государем присутствовали: его наместник в Москве князь Иван Юрьевич Патрикеев с дьяком Курицыным, старейший окольничий боярин Андрей Плещеев и окольничий Иван Ощера-Сорокоумов.

В то же время были из духовенства у митрополита: архимандрит Зосима от Чудова монастыря и случившиеся в Москве Паисий Ярославов и архиепископ тверской Вассиан Стрига.

По распоряжению митрополита на думу привели посольника от Геннадия, дьяка Григория, с обвинительной грамоткой, и еретиков из попов и дьяконов и других «жидовствующих» в сопровождении воинов из полка софиян — что охраняет храм св. Софьи и архиепископа новгородского.

— Читай грамотку,— сказал Геронтий, обратившись к дьяку Григорию.

— «Державный государь Иване Васильевич и святитель наш, митрополите Геронтие,— начал дьяк Григорий.— Посылаю вам сих мерзостных жидовствующих еретиков: Осифа, Шмойло, Фаряйя, Моисея и Хануша, первоучителей ереси, прибывших из Литвы, а также и учеников их богомерзкого учения, новгородцев: попа Максима с сыном Иванкой, попа Григория с сыном

---

[1] *Жеребий* — часть доходов.

[2] *Из старины потя́гло* — земли, издавна относящиеся по подсудности к Ярославцу.

Самсонкой, Гридю, дьяка Борисоглебского монастыря, Лавреша и Мишука Собаку да дьяконов Макара и Самоху. Все сии в смраде беззакония дерзко отрицают святую троицу и воплощение Христа, сына божия, вопреки утверждениям святого Афанасия великого Александрийского. Не признают они ни богоматери, ни таинства освящения даров, оскверняют иконы и святыни церковные, мечут чудотворные иконы в нужники, а в храмах пьянствуют с блудницами, учиняя скакания и плясы...»

— Лжа сие!— не выдержав, воскликнул поп Григорий.— Не можем мы творить сии пакости, ибо мы все смиренно чтим господа-бога, хотим в мире добра божьего, как разуму человечьему доступно разуметь.

— «Ныне же,— невозмутимо продолжал чтение грамоты Григорий,— аз, многогрешный, порешил сей богохульный разврат пресечь и взял еретиков за стражу и пытал их, причем Самсонка, сын попа Григория, во всех скверных признавшись, доказал, что еретики надеются на сильную руку дьяка Курицына и на невестку державного, Елену-молдаванку. По их проискам переведены на Москву из Новагорода такие еретики, как поп Алексий, ныне протопоп у Успенья пречистой, и поп Денис, ныне протопоп у Михаила-архангела. Сии верховоды блазнят многих, совратив некоих, как чернеца Захарию, дьяков крестовых[1] Истому[2] да Сверчка[3] и прочих. Некои же из еретиков не токмо богохульствуют, но и обрезаются по-жидовски, совсем пренебрегши святым крещением, и вместо святого евангелия и поучений святых отец чернокнижие всякое читают: Астролог, Звездозаконие, чародейства всякие, и от сего впадают в ересь и хулят имя Христа и всех святых. О сказанном выше челом бью государю державному и отцу нашей церкви, митрополиту Геронтию, и прошу немилосердно казнить смертию всех еретиков без пролития крови...[4]»

Наступило молчание. Государь вопросительно взглянул на Геронтия. Митрополит с почти незаметной улыбкой перевел глаза на духовных отцов Вассиана и Паисия и сказал:

— Братья мои по духу, отче Вассиане и отче Паисие! А не мните ли вы, что архиепископ Геннадий блазнит нас латыньством, хощет к церкви православной привлечь инквизицию, которой никогда в православной церкви не было?

---

[1] *Крестовые дьяки* — дьяки, принявшие присягу.

[2] *Истома,* Андрей Пушкин — человек великого князя Ивана Ивановича. ***(прим. автора.)***

[3] *Сверчок* — Константин Федорович Сабуров, боярин, брат Пешка Сабурова, воеводы великой княгини Марии Ярославны. ***(Прим. автора.)***

[4] *«Без пролития крови»* — формула инквизиции при обращении к светским властям с предложением свершить смертную казнь над еретиками, т. е. сжечь их живыми на костре.

— Истинно так, отче Геронтие,— произнес архимандрит Зосима,— ибо не дано человеку творить суд над душой божией, суд творить дано токмо богу. Пастыри же духовные могут токмо пред богом молить о прощении грешника, а не карать смертию за грехи. Прощение греха всякого возможно от бога, ежели грешник пред богом раскается. Геннадий же вельми дерзок, божий суд взять в свои руки хощет...

— Ишь куда метит властолюбец Геннадий!— сказал Паисий Ярославов.— Хощет он, подобно католическому ордену святого Доминика, помимо главы церкви государством управлять.

— Верно сие,— молвил Курицын.— Верно про него державный сказал: «Широко он руками машет, а меры разума не ведает!»

— Ныне же мерит все,— произнес мрачно протопоп Денис,— в меру инквизиторов ордена святого Доминика и купно с монахом их Вениамином книгу пишет о спасении церкви православной через инквизицию с ее наистрашными пытками и сожиганием грешников живыми на костре.

Испросил слово себе и зять протопопа Дениса, дьякон Васюк Сухой, и молвил:

— Горько мне то, что отец наш духовный Геннадий не токмо против нас, грешных, клевещет, но и всенародно выступает купно с латыньцем Вениамином против самого государя державного и корит его богохульством, велегласно указуя: «выносит, дескать, государь старые церкви из града своего вон, оскверняя святыни их. Также творит государь много богохульства против закона божия и учения святых отцов церкви: кости мертвых дерзко ископав, зарывает их на Дорогомилове кладбище. Сим святотатственно разделяет он прах тела от неистлевших костей. В тех же местах, где един прах остался от телес, там сады садит. Лишает он сим покойников воскресения из мертвых на «Страшном суде». Речи его, смуты сея, вызывают зло против державного у верных слуг его.

Слушая это, Иван Васильевич усмехался и вдруг спросил Геронтия:

— Отче, мыслю яз, наша православная церковь может меры принимать и против иноземных духовных, ежели они меру прав своих превышают.

— Таких, государь, строптивых и дерзких,— ответил Геронтий,— можно по уставам церковным обуздать в наших темницах подземных, а то и к старцам в Симонов монастырь послать в «тесное заключение». Мыслю, сие умерит и дерзость Геннадиеву.

— Не чернецам,— воскликнул князь Патрикеев,— дела́ государевы судить, которые он на пользу державы Русской направляет!

— Государь,— молвил Курицын,— яз бы к сему добавил: надобно и о самом Геннадии подробно с великокняжескими наместниками все вызнать, каковы его истинные мысли и цели. Пусть он делает, что хочет, но токмо совместно с наместниками твоими новгородскими Яковом и Юрьем Захарычами, дабы глупых огрешек не было и зла бы от них и ропота ни в Новомгороде, ни в Москве против тобя, государь, не копилось...

Митрополит встал, осенил себя крестом и молвил:

— На сем, государь, мы думу нашу кончим, и яз напишу Геннадию послание, дабы обыскивал он еретиков токмо с государевыми наместниками и посадил бы в подземную новгородскую темницу латыньского монаха Вениамина за еретичество и вмешательство в дела государевы. Присланных же к нам «жидовствующих» пусть обыщет вместе с наместниками и о суде своем нам сообщит.

Иван Васильевич строго оглядел всех и произнес:

— Ин будь по-вашему!— И, обратясь к новгородским попам и дьякам, сказал:

— А вы уразумейте всё, что нам надобно. Посему, как вас примет архиепископ Геннадий и что содеет с вами, вы за общим своим подписом напишите обо всем богомольцу нашему, митрополиту, яко главе церкви русской православной.

Прощаясь с Геронтием, Иван Васильевич сказал:

— Мне надобно, отче, быть у собя в хоромах до обеда, ты же тут купно с князем Патрикеевым и дьяком Курицыным составь Геннадию послание, как мы с тобой обдумали, а список с него принесет мне Федор Василич к обеду.

В это время дворецкий митрополита доложил, что прибыл за государем дьяк Майко.

Приехав с обоими окольничими в свои хоромы, Иван Васильевич прошел с ними прямо в свою трапезную, всю уже убранную для троицына дня только что срубленными молодыми березками. Словно далекое детство заглянуло в княжии хоромы. В покоях сладко пахло молодым листом и соком березы. Иван Васильевич жадно вдохнул свежий запах зелени и, улыбнувшись, весело сказал вслух свои мысли:

— Иван мой утре беспременно приедет. Он тоже с издетства любит в хоромах наших кудрявые березки в троицын день.

Старик Плещеев улыбнулся ласково и молвил:

— Пригонит, пригонит к нам утре наш государь-то, осветит хоромы наши своей юностью... Беспременно пригонит... Может, и сноху твою со внуком привезет...

Иван Васильевич, обернувшись к своему дворецкому, приказал:

— Приведи-ка сюды наших купцов, гостей московских, воротившихся с товарами заморскими из чужих земель...

Обратясь к своим окольничим, он шутливо добавил:

— А наших купцов на рубежах-то литовских, чаю, и на сей раз грабили!

— Вестимо, государь,— ответил с усмешкой боярин Плещеев,— так испокон веков на всех рубежах гостей богатых да купцов грабят мытники и прочие...

— Будь здрав, государь,— входя в палату и земно кланяясь, заговорили гости — купцы Игнат Верблюд, Тишка Коврижкин и Гридя Лукин.

— Будьте и вы здравы,— милостиво ответил Иван Васильевич,— как дошли?

— Милостью божьей живы-здравы, государь,— вперебой заговорили купцы,— токмо в товарах у нас ущерб великий.

— Где же вас пограбили?— спросил государь.

— Сперва у господаря молдавского, а после у литовских рубежей,— ответил Игнат Верблюд.

— И нас тамо же,— добавили Лукин и Коврижкин.

— А где больше-то грабили?— спросил Иван Васильевич.

— Твои товары, госу́дарь, которые я вез, более пограбили у литовских рубежей,— ответил Верблюд.

— А наши товары и тамо и тут грабили одинаково,— пожаловались Коврижкин и Лукин.

— А что ж на руках у вас осталось?— смеясь, полюбопытствовал Иван Васильевич.

— У господаря-то молдавского, главное, нас мытом великим обидели, а в Литве сверх мыта много и товаров насильно поотымали,— заговорил снова Верблюд.— Так вот у Тиши Коврижкина, что от митрополита ездил, киевские мытники, жидовины Си́мха и Ря́бичка, силой отняли для наместника киевского, Юрия Па́цовича, камку амазскую, а у Лукина, что для князя Патрикеева ездил, насильно взяли сто аршин тафты черной йездской и два аршина шелка кафинского, да захватили для Домоткана, воеводы киевского, епанчу бурскую, да тесьму кусками разных цветов, фунт имбирю, фунт перцу... А в Дебрянске[1] держали нас пять недель и силой отняли: две камки бурские сто восемьдесят четыре локтя тафты бурской и йездской, семь чириков шелку алого, четырнадцать брусов мыла грецкого...

— Сколь же товару для митрополита и для князя Патрикеева уцелело?— спросил Иван Васильевич.

— Не ведаю. У тобя же, государь, бог помог мне наиценных два ковра схоронить да тридцать семь лал дорогих и много жем-

---

[1] *Дебрянск* — г. Брянск.

чуга крупного, десять брусов мыла грецкого да губки грецкие.

— И сие добре!— воскликнул с усмешкой великий князь.— А какие новости есть за рубежом?

— Сказывали нам,— ответил Игнат Верблюд,— что прошлое лето господарь молдавский под руку круля Казимира стал и присягнул ему вместе на турков идти. Бают, сговор сей папа рымский урядил, обещав им свою пóмочь...

Государь нахмурился и глухо молвил окольничим:

— Добре. Пождем еще, что из сего выйдет. Токмо султан-то нам нужней папы...

Иван Васильевич неожиданно насмешливо улыбнулся и сказал купцам:

— Ну, топерь идите к митрополиту и ко князю Патрикееву, порадуйте их так же прибылью, как и меня...

После обеда, когда слуги убрали все со стола, оставив только флягу с теплым красным заморским вином, Иван Васильевич продолжал беседу с дьяком Курицыным.

Государь, потягивая медленно вино из кубка, говорил задумчиво:

— Остарели, видать, мы с тобой, Федор Василич, больно пристрастились к винам фряжским и к любомудрию.

— Прости, державный, не согласен яз с тобой,— заговорил Курицын.— Ведь мы же хорошо исполняем свою службу? Ведем переговоры с крулем польским и другими государями и новые законы составляем.

— Так оно так,— задумчиво продолжал Иван Васильевич,— токмо мы все более и более думаем о счастье либо о горе человечьем. Вот и днесь принес ты мне список с послания Геронтия к Геннадию. Оба вы с митрополитом написали ясно, вразумительно и строго, а уж мы и забыли о сем и, как старые бабы, про горе и счастье человечье баим, про свои минувшие годы вспоминаем, а вот сей часец яз о стариковской болтовне Илейки вспомнил.

— Что ты, государь,— возразил Курицын,— его болтовня часто весьма мудрой была.

— Бывала иной раз и мудрой,— заметил Иван Васильевич,— да с чудачеством, да со старинными притчами и разными сказками детскими.

— А все же вельми любопытно и мудро у него иной раз выходило,— молвил Курицын.— Старик-то краснобай был. Он в любви женской много понимал. Раз Илейка мне сказывал про Адама и Еву: «Бог-де,— баил он,— Еву из ребра Адамова изделал, а потом-де так и повелось, что мужик ищет ту женку, которая

из его ребра изделана, а найдет — до конца жизни ее одну и любит».

— Ишь ведь нагородил и Адама приплел!— рассмеявшись, заметил государь,— а про себя грустно подумал: «Яз, пожалуй, в Дарьюшке-то свое ребрышко нашел».

Курицын, взглянув на государя, добавил:

— Мыслю, Илейка сказывал в сей басне о единении душевной и телесной любви.

Иван Васильевич метнул подозрительный взгляд на дьяка, но, овладев собой, сказал с непринужденной улыбкой:

— Может быть, так у некоих счастливцев бывает в нашей земной юдоли. К человечьему счастью у покойного дядьки моего особое чутье было. Сказывал он и мне как-то, что сам он всякую струну у сердца слышит.

— Вот, вишь, государь,— усмехнулся Курицын,— и выходит, старик-то мудрецом был, разумел телесную и душевную жизнь...

В дверь постучали. Вошел дьяк Майко в сопровождении дворецкого и спросил:

— Государь, днесь ты хотел принять посла от короля Казимира. Он ждет тобя в передней. Как прикажешь?

— А кто там, в передней-то, есть и как все наряжено?— спросил Иван Васильевич.

— Наместник твой московский, князь Патрикеев, там, бояре и почетная стража твоя,— сообщил Майко.

— Скажи князю Патрикееву,— приказал государь,— сей часец буду в передней с Федором Василичем, пусть пришлет за мной стражу и окольничих...

Когда государь вошел в переднюю, все ждали его стоя. Иван Васильевич сел на свое место, и его личная стража в золоченых доспехах полукругом встала около престола.

Князь Патрикеев выступил вперед и, поклонясь государю, сказал:

— Державный наш государь! Прибыл к тобе посол Якуб Андреич Ивáшенцев от короля польского и великого князя литовского, от Казимира Ягеллоновича.

Посол приблизился к трону и, склонясь на одно колено, воскликнул:

— Vivat rex Moscoviae![1]

Иван Васильевич узнал того самого посла, который приезжал к нему когда-то в Переяславль. Узнал его и Курицын и шепнул государю:

— Тот самый, которого ты в Переяславле велел споить. Со ксендзом он тогда приезжал...— и произнес громко перевод слов посла.

[1] Да здравствует царь московский!

Иван Васильевич встал с престола и сказал:

— Да будет здрав и брат[1] мой, король польский и великий киязь литовский!

Потом протянул руку послу, которую тот почтительно поцеловал.

— Что сказывает мне брат мой, король Казимир? — спросил Иван Васильевич.

— Привез яз тобе, государь, королевскую грамоту,— перевел слова посла дьяк Курицыи.— Жалуется король на наезды князей твоих и людей их иа королевские литовские вотчины и вотчины слуг короля. Вот о сем грамота самого короля. Разреши, государь, передать ее тобе.

При этих словах поднялся посол с колеи и передал князю Патрикееву королевскую грамоту, а Патрикеев по знаку государя передал ее дьяку Курицыну.

— «Великий князь Московский, Иваи Васильевич»,— стал читать дьяк Курицын.— Далее, государь, буду яз тобе читать без приветствий и титулов, токмо суть дела. Король упрекает тобя за иарушение докоичанья с иим о бережеиии его рубежей от наездов. Далее при сем король указывает: «наездчики полонят и угоняют литовских крестьян с лошадьми и прочим скотом, вывозят зерио и все съестиое, а что с собой не могут взять, сожигают с дворами и избами; особливо много иаграбил Щавья Травии-Скрябии, человек сына твоего Ивана Иваныча. Щавья сей наехал и захватил два села, изгнав из иих королевских волостелей». О всех сих нарушеииях и грабежах, пишет круль, просит судить виновиых иашим общим судом по докончанью, как сказано там: «Наряди, мол, для сего своих судей».

— Добре,— сказал Иван Васильевич,— исполию волю брата моего, круля Казимира, а ты, посол Якуб, отъезжай с богом. Яз пошлю с тобой своего посла с ответом.

Когда посол вышел, Иван Васильевич обратился к Курицыну и приказал:

— Приготовь грамотку королю Казимиру и напиши, как наших гостей пограбили иа посольских и литовских рубежах, особливо у Киева и Дебрянска, как мыт иезакоино брали деньгами и товарами ие токмо мытиики, а и все порубежные власти, каждый сам собе, сколь мог урвать. Спроси короля, а сие как изделаио: согласно нашему с иим докончанью али против него?

— Слушаю, государь,— молвил Курицыи.— К утру все будет готово. Мыслю, токмо о жалобах короля на иаезды лучше умолчать: отвечать иам иечего, а оправдываться — невместно.

---

[1] *Брат мой* — форма обращения друг к другу равных по положению государей.

— Ты и не пиши о наездах-то, а придешь ко мне читать ответ королю, яз тобе тайную грамотку прикажу для сына написать.

На другой день после приема польского посла Якуба Ивашенцева государь Иван Васильевич сидел в своих покоях после завтрака с боярским сыном Левашом-Некрасовым, ожидая прихода дьяка Курицына с грамотой к королю Казимиру.

— Хотел яз тобя спросить,— сказал государь, обращаясь к Левашу-Некрасову,— как живут испомещенные мною люди и достаточно ли у них воев, годны ли они для постоянного войска?

— Хорошо живут дворяне. Жаловаться им не приходится. Охотно к ним народ отсаживается от вотчинников. Число воев у них непрестанно растет, и, как ты приказал, повседневно их обучают разным ратным хитростям.

Вошел в покои дьяк Курицын. Иван Васильевич милостиво предложил ему сесть за стол.

Курицын поклонился и молвил:

— Будь здрав, государь. Написал яз грамоту к королю Казимиру, как тобой приказано.

— Добре! Дай-ка мне ее, яз сам погляжу. Грамоты же тайной сыну моему Ивану Иванычу о наездах писать не будем. Мыслю, лучше сие вестью переслать через Леваша-Некрасова, потому он не токмо весть передаст, но и на вопросы великого князя ответы давать будет. Сказать же моему соправителю хочу так: «Добре ты все творишь с наездами на литовские рубежи. Войны ныне нам с Литвой не избыть. Посему ратную силу литовскую заранее надо ослаблять, зорить и полоны брать, а из полонов собе ратную силу копить из парней и мужиков. Когда же лето придет, женок и девок их на полевые работы нарядим». Мыслю, с намеков сих Иван Иваныч, как добрый воевода, сам уразумеет, что и для чего нам в ратное время понадобится. Ты, Гаврилыч,— обернулся государь к Левашу-Некрасову,— доведи сыну и о том, как мы с королем переговоры ведем, как и где у рубежей свои заставы ставить хотим, о чем тобе ведомо, где в тверской земле надобно хранить харч, коней и корм для них, дабы вовремя в обозы полкам подкрепление посылать. Ну, да сам великий князь-то о сем добре разумеет...

— Добре, государь,— согласился Курицын,— тайны-то вести лучше на словах, чем в грамотах пересылать.

Вошел дворецкий и доложил, что въехал на двор митрополит.

Иван Васильевич в сопровождении Курицына, дворецкого и Леваша-Некрасова вышел на красное крыльцо встретить владыку Геронтия.

Приняв благословение митрополита, государь провел его к себе в покои. По знаку Ивана Васильевича все вышли за двери и стали ожидать его дальнейших распоряжений, оставив государя с митрополитом с глазу на глаз.

Сев за стол рядом с владыкой Геронтием, Иван Васильевич, помолчав некоторое время, тихо спросил:

— А как, отче, с Геннадием-то? Послание твое читал яз. Добре написано. Со всем яз согласен, ибо вижу, есть внутри церкви уклоны некии от православия и огрешки. Надобно, отче, обоим нам сообща с сим злом бороться, дабы была польза и государству и святой церкви.

Митрополит молчал, выжидая и подозрительно поглядывая на замолчавшего государя.

— Сие истинно,— наконец, медленно сказал Геронтий.— Со времен первосвятителя московского митрополита Але́ксия так и было. Трудами же и тщанием сего святого церковь всегда за государя московского стояла и с тех пор стоит, и всякое нестроение против ворогов московских, как Олега, великого князя рязанского, который с татарами пошел против Руси...

— Право ты мыслишь,— тихо промолвил Иван Васильевич,— так и было, отче, со времени святого Алексия и до последних дней живота митрополита Ионы.

Заметив напряженное внимание Геронтия, Иван Васильевич спохватился и быстро добавил:

— Так и в твое время, отче, когда поднял ты десницу твою против Геннадия. Есть, отче, у тобя и средн попов и средн епископов многие высокоумцы, их мы с тобой в един кулак зажмем. Не дадим им смут сеять ни против церкви, ни против государства. На сих же смутах многие, а наипаче удельные, шубку собе шить хотят. Разумеешь, отче?

Митрополит весело улыбнулся и ответил:

— Разумею, сыне мой и государь! Духовным-то тоже пальца в рот не клади. А Геннадий-то вишь вон куды, к Рыму руку протягивает за инквизицией. Вот и царевна цареградская, ныне княгиня твоя Софья, едучи невестой на Москву, в Болонье, у гробницы Бенедикта, основателя инквизиции, монахам молебен заказывала и весь его на коленях прослушала.

Государь нахмурился и, помолчав, сказал:

— Токмо истребив удельные распри, сможет стать московское государство во главе всего русского племени. Недаром Иосиф, игумен волоцкий, не единожды писал мне в своих посланиях про важность создания самодержавной власти московской, которая, по его мнению, подкрепит церковь православную и сама от нее получит подкрепление.

— Сыне мой и государь,— уверенно заметил Геронтий,—

в сем деле будет еще у нас не менее пользы и выгоды и от оброков и от всяких пошлин.

— Так яз и мыслил,— заметил государь,— и хочу, когда с тобой совместно утверждать будем новые уставные и единые судные грамоты, так изделать, дабы у своего вотчинника никак холоп от оброков не мог уйти. Хочу ежели не похерить совсем Юрьевы дни, то оставить токмо един, осенний, наиболее трудный крестьянину для перехода.

— Церковь,— твердо проговорил митрополит,— в таком деле всей силой тобя поддержит.

— Мыслю ныне,— сказал Иван Васильевич,— государству много надо еще воевать и силы свои крепить против зарубежных ворогов, а для сего нам нужны люди, хлеб, деньги, да и государству тоже выгодней получать деньгами, а не мясом и маслом.

— Все сие добре,— возразил Геронтий,— токмо, государь, трепещу яз, как бы еретичество у нас не возросло от «жидовствующих» и прочих, а сие повредит и нам, духовным, и тобе в Литве. Литовские-то мужики ведь искони православные и к грецко-московской церкви тянут, как и Софья Фоминична со всеми своими греками.

Иван Васильевич снова нахмурился, но митрополит не смущался и продолжал:

— Есть слухи, государь, что и среди удельных многие согласно с княгиней твоей мыслят и хотят не еретика — сына твоего Ивана Иваныча и его княгиню Елену, а истинного грека православного, сына твоего Василья...

Митрополит испугался своей откровенности и неожиданно смолк.

Иван Васильевич громко рассмеялся и сказал шутливо:

— Отче Геронтий, вижу, что ты до сего времени не уразумел истины. Нечего греха таить. Поведаю тобе, что все удельные, и малые и большие, вовсе не о чистоте веры православной пекутся и нет заботы у них о спасении своих грешных душ, а пекутся они токмо о крепости своих уделов. Супруга моя, Софья Фоминична, опоры в удельных ищет для сына своего Василья, а удельные блазнят собя надеждой, что при Василье уделы за ними останутся нерушимыми. Вот рука руку и моет. Ну, а нам сие не страшно: сам же ты, отче, прошлый раз баил, что у церкви есть довольно темниц и мест для тесного заключения, хоша бы в Симоновом монастыре.

Эти шутливые слова государя нисколько не успокоили митрополита, и, робко потупясь, он смиренно молчал. Не зная, что дальше сказать, митрополит обрадовался, вспомнив о вестнике от игумна Белозерского монастыря, и проговорил:

— Сыне и господине мой! Забыл аз тобе довести, что пред-

ставися дядя твой, Михаил Андреич, старый князь верейский, в Белоозере на пасхальной неделе.

Иван Васильевич перекрестился, сказав:

— Царство ему небесное!

И, подойдя ближе к дверям, крикнул:

— Федор Василич, поди-ка сюды, ко мне!

Вошел Курицын.

— Слушаю, государь, что прикажешь?

— Не забудь, скажи князю Патрикееву-младшему, Василь Иванычу: «На пасху, мол, князь Михайла Андреич верейский представися». Пусть доконченья с князьями верейскими все со тщанием нарядят и вместе с нужными списками на хранение в ларь положат.

В самую середину успенского поста, августа седьмого дня, зазвонили вдруг на Москве во всех кремлевских и посадских церквах радостным пасхальным звоном — прибыл из-под Казани к государю Ивану Васильевичу с вестью воевода князь Федор Хрипун.

— Казань взяли!— кричали в народе.

— Самого царя Алегама на Москву везут!..

Неведомо откуда, из каких трущоб и щелей густо высыпали на улицу всякие люди, стар и млад, а среди них уже толкались сбитенщики, торговки пирогами и во все горло орали, зазывая к себе покупателей. Через полчаса же, когда на Ивановскую площадь с княжого двора выкатили бочки с медом и пивом, весь Кремль гудел, как улей, и гуденья этого не заглушал даже и звон колоколов.

Под непрерывный гул и радостные крики народа князь Федор Хрипун докладывал Ивану Васильевичу:

— Божьею помощью, державный государь, пришли мы со всей ратной силой под град, под Казань, месяца мая в восемнадцатый день. Царь Алегам немедля напал на нас со всем своим войском, стал биться, но вборзе бежал и крепко затворился во граде своем. Мы осадили Казань. Союзник же Алегама, ногайский царевич Али-Гази, мешая взятию града, нападал постоянно на нас с тыла. Сего не мог князь Данила Холмский стерпеть и сам напал на Али-Гази, разбил и прогнал его за реку Каму. Сведав о сем, царь Алегам вышел из стен Казани со всей своей семьей, с сеидом, князьями и биками и сдался на всю волю твою, государь. Мы полонили царя и царицу его, двух его братьев и сестер, сеида и некоих князей, подручных царю, биков и уланов... Везет их всех топерь на Москву твой воевода Семен Иваныч, князь Ярославский, за крепкой стражей. В Казани же князья Данила Холмский и Семен Ряполовский посадили царевича Махмет-Эминя на

престол «из руки твоей», как ты повелел. Дьяка же твоего, боярина Федора Киселева, при царе оставили подручным слугой, дабы верней брать нам дани и пошлины с татар и за самим царем наблюдать, измены бы не было...

В дверь постучали, и вошел дьяк Курицын. Поклонившись, он начал:

— Прости, государь, без зова пришел...

— Но вельми ко времени, Федор Василич,— прервал его государь.— Вот князь Федор из Казани к нам пригнал. Скажи потом наместнику моему, князю Ивану Юрьичу, дабы готовился, как полон принимать казанский: царя Алегама с семейством поместить пока в Москве, на дворе у князя Пенька, у Данилы Лександрыча. После, когда яз укажу, разослать сей полон: Алегама с женой — в Вологду, мать же, братьев и сестер его — в Каргалом, на Белоозеро, а заговорщиков и крамольников из князей казанских за измену и заговор бить кнутьями до смерти...

Глава 6

НОВЫЕ ПУТИ

В один из последних дней августа тысяча четыреста восемьдесят восьмого года нависла над Москвой гроза гнева государева. Не только в Кремле, но и в посадах поднялось смятение, и все бояре, князья, гости богатые, купцы, попы и военные помещики из детей боярских шептались, передавая друг другу, что государь хочет схватить князя Андрея большого, что уже взят ныне за приставы Мунт-Татищев. Гадали исподтишка, как и кто из других еще может пострадать. «Державный» был в большой ярости...

Началось же, как говорили на Москве, все с того, что некто Мунт-Татищев, из детей боярских великого князя, «пришел сплохá подшутил» боярину Образцу, служившему у князя углицкого Андрея, сказав, будто великий князь хочет князя Андрея поимать, а удел его взять за Москву.

Перепуганный углицкий князь, боясь старшего брата, хотел было в тот же час тайно бежать в Литву, но бояре углицкие отговорили. Они посоветовали ему обратиться к наместнику московскому, к Патрикееву, князю Ивану Юрьевичу, который при дворе московском тогда в большой силе был: просил бы он Патрикеева помóчь ему переговорить с самим государем. Иван Юрьевич уклонился от этого, но «державному» обо всем происходящем подробно доложил.

Государь в гневе приказал бить кнутом Татищева на торге и вырезать ему язык. Митрополит Геронтий еле-еле отмолил у

Ивана Васильевича оставить легкомысленному Татищеву его болтливый язык...

Узнав об этом, князь Андрей осмелел и решил лично объясниться с государем. Иван Васильевич встретил брата дружелюбно, сказав:

— Брат мой! Клянусь тобе небом и землей, богом сильным, творцом всея твари! В мыслях у меня против тобя того не бывало. Иди с богом к собе в Углич...

Он перекрестился и поцеловал брата.

В это время вошел дьяк Курицын.

— Будьте здравы, князья!— сказал он, кланяясь обоим братьям.— По строгому розыску объявилось: Мунт-Татищев шуткой слух пустил о поимании князя Андрея...

— Яз же за пуск им лжи сей,— резко прервал дьяка государь,— с него самого шкуру повелел спустить кнутьями на торгу. Какие еще есть вести, Федор Василич?

— Днесь же, по приказу твоему,— ответил дьяк,— еще двое кнутьями биты на торгу будут. Князь Ухтомский — за лживую духовную, якобы она покойным князь Андреем меньшим писана в пользу Спасского монастыря на Каменном... Еще бит будет и другой — дворский Хомутов за такую же подложную грамоту, якобы того же князя Андрея, в пользу Чудова монастыря.

— Добре. Скажи, Федор Василич, как ныне суды судил и утверждал решения великий князь мой Иван Иваныч? Как здоровье его тобе показалось? Твой глаз-то все едино что отцовский... Зело любишь ты сынка-то моего...

— Ломота, государь, в ногах у него. Иной раз, баит, на крик кричать ему хочется...

Иван Васильевич вздохнул.

— Вина много пьет,— тихо промолвил он,— особливо фряжского и немецкого. Лекаря бают, от вина ноги-то у него болят. Пытал яз о болезни-то Ванюшенькиной,— камчугой[1] лекаря́ ее зовут. От болезни сей страданья великие, но смерти не бывает...

— И-и, державный!— с печальной улыбкой проговорил Курицын.— Мы вот с тобой и более его фряжского-то пьем, а здравы!..

— Как кому, Федор Василич, люди-то разные,— тихо продолжал государь,— и вдруг громко спросил:— Из-за рубежей какие вести есть?

— Грамота от жидовина Скарии. С Богданом-армянином прислал. Жалится тобе на Стефана, господаря молдавского.

---

[1] *Камчуга* — подагра.

Ограбил и мучил он Скарию-то за то, что хочет тот идти к тобе на верную службу со всем родом своим...

— Ведаю все, ведаю,— раздраженно заметил Иван Васильевич.— Никита сия все из одного узла тянется, от польско-литовского и рымского... Не зря воевода Стефан в руку Казимиру играть стал...

— Верно, государь!— горячо откликнулся Курицын.— Забыл он, что через дочь свою ныне кровной родней тобе стал...

— А главное, забыл, что государством не саблей править надобно, а разумом, да своим разумом-то, а не чужим... Скажи, как вятчан за нестроенье и смуту казнили?

— Смута сия не своя была, а сеялась из Новагорода. Посему токмо трех главных крамольников повесили. Некоих же торговых людей вятских в Димитров сослали, а некоим из вятских земских людей земли под пашню дали у нас в Боровце да в Кременце. Из Новагорода же за последние семь дней пятьдесят семей лучших гостей перевели в Володимир...

— Пригляди-ка ты сам, Федор Василич,— добавил государь,— дабы о жи́тьих наместники наши новгородские не забыли, вывели бы на Москву семь тысяч жи́тьих-то, как намечено было...

Иван Васильевич помолчал, прошел два раза вдоль покоя и обратился к брату Андрею:

— На двенадцатое августа фрязин Павлин Дебосис на Пушечном дворе слил нам пушку великую, какой еще на свете не бывало,— сказал он, но, вспомнив о своих делах, резко повернулся к дьяку и спросил:— Сколь время ждет приема Делатор[1], посол рымского короля Максимиана?

— Делатор-то из Рыма пришел девятого еще июля. С нашим послом вернулся, с греком Юрьем Траханиотом.

Государь нахмурил брови.

— Пошто ж ты мне про него не напомнил, Федор Василич? Не гоже сие!..

— Государь,— заговорил, смутясь, Курицын,— не моя вина в том, что посол-то рымский заболел вборзе, как приехал, и вот лишь в последние дни ему полегчало. Ныне хотел яз просить тобя, когда принимать его укажешь.

— Утре, перед обедом, в передней своей приму, а ты, Федор Василич, за толмача мне будешь. Ну, идите с богом...

Иван Васильевич, прощаясь, опять поцеловал брата, а дьяку милостиво подал руку.

---

[1] *Юрий Делатор* — по русским летописям; по иностранным же источникам имя его — Георг фон Турн (австрийский министр и посол короля Максимилиана к Ивану III в Москву).

Вскоре после приема Юрия Делатора, посла от римского короля Максимилиана, сына германского императора Фридриха, прибыл к московскому государю в тысяча четыреста восемьдесят девятом году, в июле, двадцать третьего дня, посол от короля польского Казимира, князь Масальский, Тимофей Владимирович.

В этот день за ранним завтраком у государя Ивана Васильевича делили с ним трапезу князь Иван Юрьевич Патрикеев и Василий Иванович Китай, московский гость, приехавший из Новгорода с докладом об исполнении им поручений государя по наблюдению за делами Ганзы.

Василий Китай рассказывал о порядках ганзейской торговли и о том, где и как можно стеснись льготы ганзейцев в ущерб их торговле.

— И в пользу тезки моего и друга Ивана, короля Датского,— добавил Иван Васильевич.

В дверь постучали, и дворецкий впустил дьяка Курицына.

— Будь здрав, государь,— сказал он, кланяясь всем присутствующим.

— Прибыл днесь посол от короля польского Казимира. Когда сего посла принимать будешь?

— Кто посол-то?

— Князь Масальский, Тимофей Володимирыч, со Смоленщины, литовец,— ответил Курицын.— А король-то прислал большую грамоту...

— Присядь-ка вот тут,— указал Иван Васильевич на скамью вблизи стола.— Выпей фряжского и сказывай.

— Твое здоровье, государь,— молвил Курицын, приняв кубок от дворецкого, и продолжал:— Спорит король-то все за наши земли в Литве, жалуется на наезды порубежные, жалуется на Федора Иваныча Бельского и других князей...

— Все Лазаря поет!— усмехнулся Иван Васильевич.— Ну, да о сем потом поговорим, а сей часец вот подумай с нами о Ганзе. Любопытно о ней Василь Иваныч сказывает. Продолжай, Василь Иваныч.

— Ныне, когда Ганза дружбу ведет с Ливонским орденом, они много собе торговых льгот добыли в ущерб русской, особливо московской торговле. Главный же путь заморской торговли из Новагорода идет вдоль берега Финского залива до Наровы-реки, где у свеев сильная крепость Ругодив, а Нарова-река служит рубежом между орденом и новгородской землей.

— Свеи же ныне во вражде с датчаиами. Сие нам ведать надобно,— добавил многозначительно дьяк Курицын.

— Верно,— помолчав, сказал государь.— В полуденной Карелии свеи много градков строят за крепкими стенами для захвата карельских земель и охраны их. Все устья рек захва-

тывают и к самому Орешку[1] руки тянут, дабы не токмо из Наровы-реки, а и из Невы нам пути в море затворить...

Государь помолчал и заговорил снова:

— Яз вижу ныне, особливо после посольства из Польши, о котором известил нас Федор Василич, и по всему тому, что круг Руси деется,— войны с Литвой нам не избыть, и с ливонскими лыцарями, и с немцами, и даже со свеями. Посему силы не токмо литовских, но и немецких земель ослаблять надобно всеми мерами. Надобно путь пролагать своей, русской, торговле. И к сим делам, как к свержению ига татарского, надобно готовиться зáгодя, вперед не за один год, а поболее...

Государь с живостью обернулся к дьяку Курицыну и спросил:

— Великий князь Иван Иваныч на Москве еще?

— У собя еще, государь. В дедовских хоромах проживает,— ответил дьяк.

— Так вот, Федор Василич, скажи великому князю, что утре, пред обедом, мы будем с тобой посла польского принимать в передней моей; проси великого князя к сему часу быть у меня. Хочу посла вместе с ним принимать, дабы и ему лучше узрить, что у нас с Литвой деется и что деять нам предстоит. После приема подумаем о сем все вкупе. Ты же, Иван Юрьич, после приема позови посла к собе на обед и за столом побай с ним зáпросто,— может, еще чего нужного нам от него услышишь.

Иван Васильевич опять помолчал и, обратясь к Василию Китаю, добавил:

— Ты же, Василь Иваныч, немедля отъезжай к Новугороду и там крепко подумай с Яковом Захарычем и с братом его Юрьем, наместниками нашими, дабы все нарядить к уменьшению всех льгот ганзейских, и вопче всем немцам в торговле хитро ставить всякие препоны. Яз Ганзы не боюсь. Придется ее за жабры брать, как яз взял уж ее девять лет назад в последний поход свой к Новугороду. Тогда видал — она хвостом била, видал, что сшибала и на чем хвост собе надломила. Даст бог, мы не токмо хвост ей, но и голову оторвем.

— Слушаю, государь,— ответил, кланяясь, Василий Китай.— Яз мыслю, государь, сможем мы, согласно наказам твоим, соблюсти выгоды для нашей торговли, в ущерб ганзейской и ливонско-немецкой, дабы не немцам, а нам самим править морской торговлей в союзе с Данией.

— Пусть наместники наши,— продолжал Иван Васильевич,— для сего подумают с тобой и с верными нам купцами новгородскими. О решениях же своих вы меня известите...

На другой день великий князь Иван Иванович приехал к отцу

---

[1] Город *Орешек* — г. Шлиссельбург

с дьяком Курицыным вскоре после раннего завтрака и застал Ивана Васильевича у растворенного окна.

День был жаркий, солнечный. Лазурное, сверкающее небо, будто расплавленное, сияло и дышало зноем. Иван Васильевич стоял, опершись на подоконник. Сноп ослепительно ярких лучей врывался в окно, горел на узорных вышивках широкой рубахи государя и вспыхивал серебряными нитями в седине его густой бороды.

Иван Васильевич любовался своей Москвой, ее садами, тянувшимися от Кремля до Красного села, радостно следил глазами за белоснежными чайками, время от времени с криками взлетавшими в небо с Москвы-реки, протекающей под самой кремлевской стеной...

Слегка скрипнув, тихо отворилась дверь, и государь увидел дьяка Курицына, а с ним и сына своего, опиравшегося на трость. Молодой соправитель шел медленно, неуверенными шагами.

Бледное, измученное лицо сына испугало государя. Руки его слегка задрожали, но он ласково улыбнулся и воскликнул:

— А, мой гость дорогой! Поди сюда. Погляди в окно. Помиишь сады наши?

— До каждого кустика помню, государь-батюшка!— радостно откликнулся Иван Иванович.— Постоянно в Твери наши сады вспоминаю... А вон там, где церковка деревянная в густой зелени, вижу старые сады. Помню, батюшка, яз там в первый раз зайцев с Васюком вместе травил. Много их в наших садах тогда было...

Иван Васильевич, положив руку на плечо сына, привлек к себе и спросил:

— Как ноги твои, Ванюшенька?

— Днем-то сия камчуга проклятая не мучит меня, особливо в ясные дни, зато по ночам сил моих нет, батюшка!

— Днесь ты, сынок, и Федор Василич со мной обедать будете после приема посла.

Курицын низко поклонился Ивану Васильевичу и молвил:

— Челом бью тобе, государь, за ласку твою! Сей же часец пора нам, государи мои, в переднюю идти. Посол уж там ждет нас.

— Ин, идем,— сказал старый государь и пошел в переднюю.

При появлении Ивана Васильевича с сыном почетная стража, стоявшая вдоль стен и вокруг великокняжеского стола, громко воскликнула:

— Будьте здравы, государи!

Оба государя взошли на свои троны, а князь Патрикеев, выйдя вперед, встал пред лицом их и громко произнес:

— Державный государь! Князь Масальский, посол короля польского и великого князя литовского Казимира, челом тобе бьет от своего государя.

Иван Васильевич встал и молвил:

— Яз слушаю брата моего.

Посол подал верительную грамоту, а принявший ее дьяк Курицын громко прочел в своем переводе:

— «От короля Казимира, божьей милостью короля польского, великого князя литовского, русского...»

Иван Васильевич усмехнулся и многозначительно переглянулся со своим соправителем, услышав титул польского короля.

Иван Иванович насмешливо улыбнулся в ответ.

— «Русского»,— повторил, подчеркивая, Курицын, и продолжал:—«княжати прусского, жомоидского и других великому князю Ивану Васильевичу...»

Старый государь, заметив пропуск титула «государь всея Руси», опять насмешливо переглянулся с сыном.

— «Посылаем к тобе посла нашего, князя Тимофея Володимировича, окольничего смоленского, наместника дорогобужского, ино, цо будет тобе от нас молвити, и ты бы ему верил, ибо то суть наши речи. Писано тридцатого мая, указ седьмый».

После прочтения верительной грамоты посол выступил с речью от имени короля Казимира, читая готовую речь по грамоте. Затем посол передал эту королевскую грамоту дьяку Курицыну, и тот перевел вслух:

— Державный государь, переведу тобе по возможности кратко токмо суть дела, опуская все повторы и все излишние словеса. Речь к тобе короля Казимира начинается так:

«Король Польский, великий князь литовский говорит тобе, великому князю Ивану Васильевичу: такого зла, таких кривд от твоих предков нам не бывало, какие ты теперь кривды нам творишь. Ныне ты кривдой в земли наши вступаешь, и на Луки Великие и на Ржеву наместников своих посылаешь, и дани наши, которые издавна за нашими предками с наших волостей к нам в казну шли, ты сии дани за собя взял». Далее король перечисляет все, что в жалобных к нему списках есть, которые приложены к грамоте. Яз сей часец прочту наиглавное:

«Жаловались мне князья украинные, что на отчины их воевод своих насылал, а они города захватывали, много поимали бояр и боярынь с челядью их, всего восемь тысяч человек, а воевод твоих было одиннадцать. Сего же лета твои воеводы волости торопецкие разграбили на Столпне, сожгли дворов пятьдесят, а человек двадцать в полон взяли со всей их крупной и мелкой животиной и со всем добром. На Воротигорцах да на Понизовье тридцать дворов сожгли, а взяли тоже большой полон, а у Селка двадцать человек в полон взяли и всех коней увели, и животину, и все добро побрали. А всего дворов сожгли сто и пятьдесят, а в Полесье шесть человек повесили. А тыи кривды делал князь

Федор Бельский с твоими людьми. А цо нам в казну нашу с тех наших волостей на каждый год шло, ныне он за одиннадцать лет недоимок собрал в свою пользу, всего полдевяти тысячи рублей в золотых грошах и шестьдесят и два рубля. И перед самою субботой за неделю люди Федора Ивановича Бельского наехали войском, захватили целую волость и выжгли пятьсот дворов и взяли в полон пятьсот человек, а битых, повешенных и раненных — числа нет. Ино с твоего али не с твоего ведома сие все деется? Ежели с твоего, ты нам откажи, ежели не с твоего ведома, ты виновных вели сказнить, а полонян вели отпустить, а взятое вели отдать, а вперед бы того не было».

Речь короля польского оба государя выслушали стоя, а ответ давал послу от имени государя его боярин Борис Васильевич Кутузов.

Говорил Кутузов так:

— Государь наш Иван Васильевич, государь всея Руси, великий князь володимирский, московский, новгородский и псковский, тверский, ростовский, царь булгарский и прочих, велел тобе, послу королевскому, сказать: «Правил ты речи от короля своего, будто нами кривды ему великие деются, а земли и вотчины его мы за собою держим, но мы не ведаем, какие кривды от нас королю деются, а с божьей волею держим токмо свои земли и воды — свою отчину. Многократ мы королю со своими послами отказывали, что Луки Великие и Ржева — вотчины наши, земля новгородская, а того мы не ведаем, по какому обычаю король польский наши волости, вотчину нашу зовет своими волостьми, и впредь король бы в наши волости при Луках Великих и Ржеве и иных местах новгородских в нашу отчину не вступался бы. Нам же от короля великие кривды деются, и кривд своих он не исправляет: наши городы и волости, земли и воды король по сие время за собой держит, а от его князей украинных и от его людей нашим людям обид там много было, и ныне в них идут разбои, наезды и грабежи великие от королевских людей и воевод. А сколь у нас имянистых людей побито, окромя мелких людей, сколько людей в полон сведено и добра у них поимано — счету нет. А которые люди из иных земель к нам ездят на имя наше через королеву землю, и тех даже людей в королевской земле имают, и грабят, и продают, а к нам их не пропускают. А что посол говорил от короля про жалобы князей Воротынских, про Димитрия и Семена, то пусть король сам вспомнит, что мы многократ через своих послов говорили ему, что сии князи Воротынские много лиха чинят нашим людям, и мы просили, чтобы король строго казнил сих князей, а взятое велел бы отдать. Нынешней зимой, в великий пост те же князья Воротынские пришли не тайно, а явно войной в нашу отчину, за рекою за Окою,

и людей многих там до смерти побили, а иных в полон увели. Наши люди не могли стерпеть такой обиды и ходили за ними в погоню и отбивали у них своих жен и детей. Было бы ведомо королю, и впредь мы не будем терпеть обид ни от каких королевых князей и своей силой казнить их будем».

Прощаясь с послом, Иван Васильевич сказал ему:

— Передай брату моему, королю Казимиру, что все сказанное боярином Кутузовым — есть мое слово. О прочем мои послы к королю, братья Яропкины, которые сопровождать тобя будут, скажут подробней.

Посол поцеловал руку государю и удалился вместе с Патрикеевым, который позвал его к себе на обед.

Слуги принесли государю мису и кувшин с водой, чтоб омыть руку после поцелуя иноземного посла. Иван Васильевич, утираясь полотенцем, сказал:

— Сыне мой и ты, Федор Василич, идите со мной, мы пообедаем и вместе малость подумаем о Литве и пождем прихода Ивана Юрьича.

Сопровождаемый сыном и дьяком Курицыным, государь вышел из передней.

В тысяча четыреста девяностом году великая княгиня Софья Фоминична пригласила к себе на семейную трапезу мужа, своего пасынка, великого князя Ивана Ивановича, его жену Елену Стефановну и внука Димитрия Ивановича для торжественного празднования дня ангела своей младшей дочери Евдокии Ивановны. Приглашена была также родня из русских и греков, а также «имянистые» бояре и дьяки московские; был приглашен и духовник государя — старый Паисий Ярославов, крестивший двух сыновей государыни — Василия и Юрия.

На именинах, справлявшихся на половине государыни Софьи Фоминичны, распоряжался дворецкий Димитрий Траханиот.

Все члены великокняжеского семейства и другие приглашенные из знатных бояр и дьяков встретились в соборе Михаила-архангела, только знаменитый венецианский врач, магистр медицины Леон, как еврей, не был во храме.

По окончании торжественного молебствия все поехали на обед в хоромы великой княгини. За столом, когда у всех кубки были наполнены заморскими винами, брат государыни, царевич Андрей Фомич Палеолог, произнес по-итальянски от имени папы Иннокентия здравицу за государей московских и, поздравив всех с дорогой именинницей, а юную княжну Евдокию Ивановну — с днем ангела, добавил:

— Замечу при этом: его святейшество папа, узнав о болезни

великого киязя Иваиа Иваныча, посоветовал мне по дороге пригласить из Веиеции в Москву зиаменитого врача — магистра Леона.

При этих словах Леон встал и низко поклонился государям и государыне.

— Буду счастлив служить вам, государи,— сказал ои.

Иваи Иванович переглянулся с жеиой и вопросительио поглядел на отца.

— Кияже Иване, поблагодари рымского папу за благожелательство,— сказал сыну по-русски Иван Васильевич.— За его здравие все мы изопьем свои кубки.

Иван Иваиович повторил слова отца по-итальяиски.

Великая княгиня Софья Фомиииичиа была очень довольна и поглядела ласково и нежио на мужа.

Царевич Андрей, видимо, был тоже очень доволен ответом государя и миогозиачительно переглянулся с сестрой, а Леон просиял от радости.

— Государь мой,— вполголоса доверительно обратилась по-русски Софья Фомиииичиа к мужу,— иада иам принять заботы святой отец и взять лекарь. Разумесь миня?

— Разумею,— улыбаясь, сказал Иваи Васильевич.

Обратившись к Курицыиу, государь добавил:

— Федор Василич, спроси у лекаря, как и чем лечат камчугу.

Расспросив по-итальянски лекаря Леоиа, Курицын передал ответ государю:

— Он баит, лечат сей недуг, прикладая к иогам скляницы с горячей водой, а главиое питьем нужных зелий и целебных трав. Баит, может он вылечить борзо великого князя, даже головой за то ручается.

— Скажи ему, принимаю яз его ручательство.

— А яз, государь,— сказал Курицын,— за его лечением и за лекарством и сам следить буду.

Иван Иванович доверчиво и с благодариостью взгляиул иа Курицына и стал спокойнее.

Елена Стефановна ласково погладила руку мужу. На бледных щеках Иваиа Иваиовича появился легкий румянец, ио никто этого не заметил, так как пир был уж вполпира и в головах у всех за столом уже шумело...

Вечером в тот же день иа казенном дворе у боярина Товаркова Юрий Иванович Шестак-Кутузов вместе с толмачом и дьяком Гречновиком, допрашивая с пристрастием, выведал у итальянки Лучии, служанки великой княгиии, все тайны Софьи Фоминичны в ее отношениях с Димитрием Траханиотом и о всех их тайных пособниках и приспешниках в разных их злоумышлеииях. Мо-

лодая женщина, не вытерпев мучений и сдаваясь на обещания денежных наград и защиту самого государя, выдала во всем свою государыню, указав на подготовку заговора для устранения всех помех при возведении на московский престол Василия Ивановича, но оговорилась и в заключение добавила:

— Государыня с братом своим Андреем и дворецким Димитрием о многом говорят по-грецки, и многого из их бесед я не разумею. Все же я боюсь, что есть некая угроза для великого князя от лекаря.

На этом допрос окончился. Шестак отпустил служанку, дабы государыня не хватилась своей девки.

Однако Лучия пришла в хоромы вовремя, и ее случайное отсутствие осталось незамеченным.

В это время государыня, царевич Андрей Фомич и Димитрий Траханиот думали думу обо всех делах, говоря по-гречески без всяких опасений. Беседа началась с доклада царевича Андрея о планах папы, который, видя провал унии на Руси, решил действовать иными способами.

— Его святейшество обещал нам помочь соединить Москву с Литвой. Тебе же он обещает королевскую корону и регентство, а сыну твоему Василью — престол в новой, московско-литовской державе.

Помолчав, царевич Андрей многозначительно добавил:

— Димитрию же Траханиоту он обещает место канцлера в этой новой державе. Когда я прощался и целовал у папы его туфлю, его святейшество, тонко улыбнувшись, заметил: «Что же касается отстранения теперешних государей, то это дело ваше: твое и твоей сестры. Государи, как и все люди, бессмертными не бывают». Потом святой отец внимательно посмотрел на меня и добавил: «По дороге заезжай в Венецию к доктору Леону, договорись с ним и отвези его в Москву, сказав, что папа просил-де оказать услугу великому московскому государю и излечить его сына от камчуги, которой тот давно страдает».

Седьмого марта, к раннему завтраку прибыл к Ивану Васильевичу сын его Иван Иванович, довольный и веселый. На вопрос отца о здоровье, он ответил:

— Лекарь-то добре ведает свое дело! К ночи он ставит мне припарки из листьев белены и дает выпить чарку зелья, от которого сильно пахнет маком. После сего боли ко мне не приходят, и борзо яз засыпаю, будто совсем здоровый. Ныне же утром он дал мне несколько капель зелья, от которого все, даже малые, боли утихли. Он сказал мне, что зелье сие из ягод белладонны, а по-нашему — красавки. Яз видел у Леона сухие ветви и

ягоды нашей красавки и узнал ее. Еще Илейка, ныне покойный, мне показывал и предостерегал сих ягод не есть, баил, что зовут у нас сие ядовитое растение одурником и сонной одурью.

В дверь постучали. Вошел дьяк Курицын.

— Будьте здравы, государи! От людей своих, государи, от гостей-купцов и прочих мне ведомо, что папа Иннокентий ныне вельми поддерживает наместника свейского против Дании. Самая же последняя новость — император Фредерик разбил венгров на Дунае. Сие грозит войной с турками, и папа уже принял в сих делах участь. Он заставил воеводу молдавского Стефана подчиниться королю польскому Казимиру, а с ним вместе и императору, дабы помогать им в войне с турками. По всему видать, Иннокеитий-то блазнится новым крестовым походом.

— Недаром король Максимиан-то, сын великого императора Фредерика, к нам посла своего Делатора засылал — молить о любви и братстве в по́мочь против опчих врагов.

— Право мыслишь, государь,— весело молвил Курицын.— На Западе-то цесари, короли и папа — все заедино, хоша и из разных выгод. Папа мыслит через гроб господень и тобя своими сетьми поимать.

— Сего не будет!— молвил с усмешкой Иван Васильевич.— И мысли и руки у них коротки.

Помолчав, он спросил нерешительно Курицына:

— А как, на твой взгляд, помогает Леон моему сыну? Ванюшенька им вельми доволен. Лекарь обещает ему вборзе...

Курицын ответил не сразу и неопределенно заметил:

— Цыплят по осени считают. Боюсь яз, что сей фрязин Леон, как и фрязин Иван, наше денежник, вельми на похвальбы горазд...

Наступило неловкое молчание.

Ни государь, ни сын его ничего на слова эти не сказали, а Иван Васильевич, переменив разговор, спросил сына:

— Ну, а как ты, сынок, на суде разные земельные распри миришь?

— По воле твоей, государь, токмо в пользу тех, кто трехполье у собя ведет...

— Сиречь,— улыбаясь, продолжал Иван Иванович,— в пользу токмо испомещенных дворян. Ну, и монастыри не обижаю...

— Верно, сынок,— весело одобрил старый государь сына.— Токмо сии не смогут осилить трехполье. Хлеба же ныне вельми много нам надо, чтобы Ганза немецкая и прочие иноземные гости и купцы ныне на русском торге от нас зависели, а не мы от них.

Иван Иванович с довольной улыбкой слушал одобрения отца, но вдруг лицо его от боли передернулось легкой судорогой...

— Прости, государь-батюшка, проклятая камчуга!.. Поеду-ка яз к собе и позову лекаря, дабы зелья дал мне испить...

— Иди, иди, сынок,— тревожно и торопливо проговорил Иван Васильевич,— своего стремянного, Никишку, не посылай за лекарем, пусть он тобя до самых хором проводит, а яз пошлю с конем для Леона своего Саввушку. Привезет сей же часец лекаря-то к тобе... Иди с богом...

Государь, обнимая, поцеловал и перекрестил сына.

Когда Иван Иванович, опираясь на свою трость и на руку Андрея Михайловича Плещеева, государева окольничего, вышел из покоя, Иван Васильевич угрюмо сказал дьяку Курицыну:

— Истинно, цыплят по осени считают.

Курицын мрачно промолчал, а у Ивана Васильевича почему-то заныло сердце и тяжко стало на душе...

Совсем уже свечерело и солнце зашло, когда прискакал к государю испуганный и растерянный Никита Растопчин.

— Что случилось?— побледнев, тихо спросил Иван Васильевич, и руки его сильно задрожали.

Никита не осмелился ответить на вопрос и сказал уклончиво:

— Дьяк Федор Василич давно уже у нас в хоромах...

Руки государя задрожали еще сильней.

— Говори прямо...— глухо выдохнул государь и крикнул:— Правду говори!.. Слышь, Никита...

Никита неожиданно всхлипнул и с трудом проговорил:

— Кончается...

— Саввушка!— резко крикнул государь и заметался в своей горнице.— Коня, Саввушка! Борзо коня!..

Остановившись у красного крыльца хором своего сына, Иван Васильевич взбежал по лестнице в переднюю. Слуги широко отворяли ему двери и низко кланялись. Так прошел он быстро и молча до самой опочивальни.

Елена Стефановна, белая и неподвижная, сидела на постели в ногах мужа. Маленький Димитрий прятал лицо в коленях матери, судорожно обнимая ее. Дьяк Курицын, стоявший в изголовье Ивана Ивановича, увидел вошедшего государя, бросился к нему и, целуя ему руки, повторял с рыданиями одно и то же

— Государь мой!.. Государь мой!..

Иван Васильевич все понял.

— Опоздал яз, Феденька! Не простился...— прошептал он и, опустившись на пристенную скамью, вдруг потерял сознание.

Глава 7

ГОСУДАРЕВО ВОЗДАЯНИЕ

Зимой тысяча четыреста девяностого года, ближе к февралю месяцу, после смерти Матвея Корвина, короля угорского, стали приходить через гостей московских и доброхотов разных тревожные слухи из Литвы, Польши, а также с Дикого Поля. Дьяк Курицын доложил государю, что и ему через своих литовских соглядатаев известно стало о новых злоумышлениях короля Казимира.

— Великий государь, мне ведомо стало,— сообщил дьяк,— что после смерти короля Матвея, друга иашего и союзника, король Казимир остатки Орды подымает против нас.

— Разумею,— молвил Иван Васильевич,— ныне руки у Казимира слободней стали. Друг наш и союзник преставися, а воевода Стефан молдавский сам под власть Казимира склонился.

— Верно, государь,— согласился Курицын,— одной опоры нашей против папистов не стало, по грехам нашим покарал нас господь. Максимиан пытался угорское наследство захватить, а папа сказал ему, яко собаке: «цыц».

— Кто же захватил?— спросил Иван Васильевич.

— Папа отдал Угорское королевство королю чешскому Владиславу, сыиу любимца своего, того же короля Казимира.

— Как же смог папа примирить короля Владислава и Максимиана?— спросил Иван Васильевич.

— Сие папа хитро изделал. Отдал он Владиславу угорский Белгород и все угорские земли, а Вену и все австрийские земли передал Максимиану. После сего Казимир и осмелел, а ныне даже и татар на нас натравляет по указке папы...

— Царевич-то Мердовлят Салтыкханович, племянник Менглы-Гиреев, в Касимове с полками стоит?— спросил Иван Васильевич.

— Да, государь,— ответил дьяк,— в Касимовом городке, там у него довольиое число своих уланов и казаков.

— Вот и пошли ему от меия приказ, дабы следил за Ордой. Да такой же приказ пошли царю казаискому Махмет-Эминю. Да строго иапиши, ие прозевали бы они ордынцев-то, повестили бы нас вовремя. Ратные же меры яз сам приму. Попроси утре, до обеда, князь Иван Юрьича у меня быть. Яз подумаю с иим о татарах.

Иваи Васильевич задумался и, помолчав иекоторое время, сказал с усмешкой:

— Хочу яз, Федор Василич, и братьев своих единоутробных иа сем деле заодио испытать. Дела-то стаиовятся весьма уж

похожи на те, которые Казимир начинал с Ахматом перед Угрой, да и с братьями моими. Тогда ведь и папа такую же паутину плел против нас. Подумай о сем, Федор Василич, и сам за всем пригляди.

На третью неделю великого поста, в четверг, двенадцатого марта, спешно прибыл из Твери архиепископ Вассиан Стрига-Оболенский, духовник покойного Ивана Ивановича, великого князя тверского.

Иван Васильевич торжественно и почтительно встретил архиепископа Вассиана и, приняв от него благословение, сказал:

— Похорони ты сам, совместно с сущими на Москве архиепископами и епископами, с подобающим сыну моему и соправителю почетом в соборе у Михаил-архангела.

Великий князь помолчал и добавил:

— Молю тя, отче, пригласи на похороны игумна, отца Зосиму, из старейшего на Москве Симонова монастыря. Ныне же приходи на обед ко мне, яз о многом хочу с тобой подумать с глазу на глаз.

Архиепископ Вассиан внимательно поглядел на осунувшееся и побледневшее лицо Ивана Васильевича и сказал глухо:

— Буду, государь. Рад тобе во всем услужить. Да укрепит господь дух твой и даст тобе ныне терпенье...

Принимая у себя за столом архиепископа тверского, Иван Васильевич, как всегда, был ровен и спокоен, только пальцы у него слегка дрожали, а губы в улыбку ни разу не сложились. Забыл будто ласковую свою усмешку государь.

— Хочу, отче,— сказал он,— пока нет у меня митрополита на место покойного Геронтия, о трех наиглавных делах государствования с тобой подумать. Как бы так содеять, чтобы всю торговлю у Ганзы и прочих немцев отбить к выгоде наших русских гостей-купцов. Ныне же думаю яз много о данях и оброке с крестьян деньгами, подобно тому как архиепископ новгородский взимает их с волости Белой и в Никольском погосте; хочу и в других своих волостях и погостах так же учинить.

— Ведаю, государь,— оживился епископ Вассиан.— Белая волость сия в Бежецкой пятине. Умно и добре там все наряжено. Оброку для тобя с той Белой волости положено и за «обёжную дань»[1] пятьдесят рублей и полдва рубля и две гривны и три деньги. А оброку деньгами за мясо и за мелкий доход — восемь рублей и деньгами за хлеб — тридцать девять рублей и семь гривен и полторы осьмины деньги. И всего оброку деньгами за

[1] *Обёжная дань* — поземельная рента.

хлеб, и за мясо, и за мелкий скот, и с озер за рыбную ловлю — сто рублей без гривны и без полутора деньги.

— О сем, отче,— молвил государь,— яз ныне и думаю, как бы укрепить сие в новых уставных грамотах. Хочу твердый и постоянный доход установить серебрецом, чтобы сподручней и легче собирать и хранить его в государевой казне. Драгоценную же пушнину еще труднее собирать и хранить, и, может, лучше особый «Соболиный приказ» нарядить, который бы токмо пушниной и ведал. Хочу иметь также постоянный доход от хлебного оброка, а для сего буду поддерживать тех, кто трехпольное хозяйство ведет. Сам ты, отче, ведаешь, подсечное-то хозяйство николи столь урожая не дает, как трехпольное, особливо когда земля удобрена навозцем от своего скота. Подсечное хозяйство борзо истощает землю. В трехпольном же хозяйстве земля тучна и урожайна, что дает постоянный доход...

Государь Иван Васильевич задумался, не переставая смотреть в окно, и медленно произнес:

— Да и мужик-то, сколь мне из приказов моих известно, стал к хлебопашеству задор иметь, хочет он из земли не токмо рожь да пшеницу, но сребрецо добывать... О сем яз еще с покойным митрополитом Геронтием баил... Разумеешь сие?

— Разумею, государь, ибо о сем ведал аз еще от почившего в бозе митрополита. Дело сие правое и доброе.

— Спасибо тобе, отче,— тихо молвил Иван Васильевич.— Благожелательны словеса твои. Крепят они дух мой в сии тяжкие дни...

Иван Васильевич, взглянув в окно, задумался. Взгляд его стал неподвижным.

— Видишь, отче,— начал он вполголоса,— со свеями, а потом и с Литвой непременно воевать будем.

— Ведаю, государь,— так же тихо ответил архиепископ,— announced папписты главу подымают...

— Хочу, отче,— продолжал Иван Васильевич,— расчистить все с унией, с еретичеством, хочу крепить нашу церковь православную. Собя самого, может, мне придется по живому сердцу резать.

Иван Васильевич смолк и снова горестно задумался.

— Даст бог,— прошептал Вассиан,— изделаешь все, как тобе надобно.

Иван Васильевич в ответ проговорил отрывисто:

— Бог даст, с тобой, отче, о сем же и на Священном соборе поговорим: о судных делах, об Юрьеве дне, об еретиках, а также и о перенесении счета хозяйственного новолетья с марта первого на первое сентября, на Семенов день, с которого будем считать с семитысячного года новый год.

— Добре сие, государь, Симеона-то не зря в народе зовут «летопроводцем»,— одобрил архиепископ.— Он лето провожает, осень начинает, ему и счет нового лета открывать. Земледельцы верней будут тогда видеть цену своего урожая и ведать, как лучше им новый год починать: как и чем выгодней торговать, какие сельские работы для сего и как наряжать полезней...

— Верно, верно,— сказал Иван Васильевич,— а казенному и житному[1] приказам все сие еще более знать надобно.

Государь неожиданно смолк и проговорил жутким голосом, со злой усмешкой:

— А Леону, лекарю-то, главу яз ссеку. Распытал на розыске о нем кое-что боярин Товарков...

Архиепископ Вассиан побледнел и ничего не сказал. Потом долил себе заморского вина в чашу и, окончив трапезу, встал и начал креститься на образа.

Благословив государя, он сказал:

— Помоги тобе бог, государь, сотворить свое воздание каждому за его кривду...

В тот же год, апреля двадцать первого, когда уже горела над Москвой багровая заря, а воро́ны и галки с громким карканьем и криками черными тучами слетались на колокольни посадских и кремлевских церквей, на крыши высоких хором, на башни стрельницы крепостных стен, от деревянного Кузнецкого моста, что перекинут через реку Неглинную возле Пушечного двора, отчалила небольшая ладейка на две пары весел.

Кузнец с Пушечного двора, Семен Шестопал, пожилой, но крепкий еще мужик, сидел на корме и правил ладьей, два молодых парня, его сыновья, сидели на веслах, гребли часто и споро, а на носу полулежал маленький тощий старичишка Васька Козел.

— Мозгло,— сказал Семен громко и зычно, как все работающие на шумной работе,— вот те и ранняя весна. Лед прошел! А на мне все поволгло от росы и тумана... Брр!.. Холодно!..

— Особливо мне,— так же громко ответил дребезжащим, тонким голосом Васька Козел.— После жары-то у до́мницы мне хлад вельми чувствителен. Благо не поленился, азям захватил...

По заре зычные голоса особенно гулко раздавались над холодной, будто застывшей рекой.

---

[1] *Житный* приказ ведал государственными хлебными и фуражными запасами на случай войны, а также и для торговли; *казенный* — сбором податей, налогов, хранением государственной казны и драгоценностей.

— Наляг, робятки, на весла-то,— ежась, зябко прогудел Семен,— утре-то нам до свету вставать надобно, а то, ежели на Пушечный не поспем ко времю, фрязин, пожалуй, с нас не менее деньги вычтет с троих-то...

— Всякую пакость фрязин-то изделать может,— тонко и злобно задребезжал Козел.— Вон и государю другой фрязин, лекарь, какое зло умыслил... Сына зельем опоил насмерть. Все они жадные, злые и хитрые, собаки поганые! Не лучше греков и татар! Лекарь-то, бают, целое ведро золотом от рымского папы за зло сие сцапал...

— А на что ему золото, коли утре, в сорочины великого князя, главу ссекут?— сурово прогудел Семен Шестопал.— Лекарь-то, хоша и вельми учен, а глупый — сего не уразумел...

Сыновья Семена громко расхохотались, а старший проговорил:

— Знать, оно так: «что посеял, то и жни»...

— Поделом вору и мука,— добавил другой сын Семена.— Токмо, бают, лекарь-то не такой уж дурак; поддержка вишь ему была обещана и защита...

— Верно,— вмешался Козел,— да еще, бают, и на свою хитрость понадеялся. «Вывернусь, мол, как-нибудь! Бог даст, вывернусь!..»

— Глупо сие,— сердито пробормотал Семен,— не со всяким так бывает. Многие мыслят: «небойсь, держись за авось — авось вывезет»... А кому, быват, и башку ссекут...

Ладейка причалила к «живому» мосту, связанному из плавающих бревен, у Чушковых ворот, возле устья Неглинной, где у Москвы-реки на сваях торговые бани стоят.

Из бань доносился шум, крики и даже пение.

— Ишь мыльни-то еще не запирали,— заметил Козел,— и женки поют. Успем, чаю, помыться...

— Пошто нам в торговых банях мыться?— возразил степенно Семен Шестопал,— мы люди семейные. У нас на дворе днесь своя мыльня истоплена. Заря же токмо что погасла, время хватит не то что вымыться, а и повечерять успеем...

— А сие и того лучше,— обрадовался Козел,— в чистой семейной баньке омыться, а не в торговых, может после больных али шелудивых каких...

— Милости просим, Василь Родивоныч,— пригласил Семен,— а тамо поужинам, чем бог послал, да на боковую. Хозяйка на рассвете встанет корову доить и нас побудит. Казнить-то будут недалеко от нашей Новокузнецкой слободы. Рядом, у Спаса на Болванови, рукой подать от нас, не доходя Большой Пятницкой...

— Спаси бог тя за ласку, Семен Лексеич,— поблагодарил кузнеца доменщик Козел и, подмигнув, спросил:

— Может, бражки какой малая толика подвернется?

— Не бражки, так ино что найдется, может и покрепче бражки...

Отслушав у Благовещенья двадцать первого апреля заупокойную обедню и панихиду в «сорочины» любимого своего сына Ивана Ивановича, государь, взяв с собой внука Димитрия, выехал в колымаге в Мячкино к старому своему другу, боярину Федору Ивановичу Мячкову, бывшему конюшенному и казначею покойной Марии Ярославны.

Из храма государь прямо прошел через свои хоромы вместе с внуком и, спустившись с красного крыльца, подошел к своей колымаге, окруженной конниками во главе с Саввушкой, поднял на руки Митю и посадил его, ласково говоря:

— Хочешь со мной поехать в Мячкино? Помнишь, где у старого боярина клеток много с чижами да щеглятами?

— Какой боярин? Который мне щегла подарить посулил?— спросил Митя.

— Он самый. И щегла уж, наверно, приготовил. Тот раз мы к нему верхами ездили, а теперь в колымаге, и клетку привезти удобно,— ответил старый государь.

— А он, боярин-то, и корма мне для щегла даст?— опять спросил Митя.

Государь улыбнулся:

— Вестимо, даст. Как же без корма птицу доржать. Он, боярин-то, все знает. Он и клетку даст.

— Ну, тогда, дедушка, едем борзо,— заторопил внук:— Едем, едем.

Государь уселся рядом с внуком и крикнул:

— Трогай!

Дни стояли весенние. Как за город выехали, так и стало видать, что весна уже полным ходом идет. Ведь грачи давно прилетели, а за ними — скворцы. Иван Васильевич, оглядев подмосковные просторы, толкнул слегка локтем внука:

— Слышишь, как жаворонки в небе заливаются? Хлебные птички! Где поля, тут и поют с утра до вечера.

Митенька ответил не сразу. Послушал, взглянул на небо и сказал:

— А хорошо поют. Не хуже щеглов. А жаворонки есть у мячковского дедушки?

Государь улыбнулся:

— Сии птички, Митенька, вольные. В клетках их не доржат. Ты вон сей часец глядел на небо, видел их там?

— Видел. Высоко летают они. Прямо в небе летают, дедушка!..

— А они, Митенька,— продолжал государь,— и поют лишь, когда летают. Где же такую клетку найти, чтобы в ней так высоко летать можно было. Ты уж тут их, в полях, слушай... А в Мячкине других птичек послушаем. Старик-то любитель птичьего пения. Думаю, теперь ждет не дождется, когда соловьи прилетят. Поди, муравьиные яйца им впрок на корм дворовым мальчишкам уже велел собирать...

Иван Васильевич замолчал и задумался. Колымага ехала по широкому тележнику к селу Заозерье, откуда начинается проселок на Мячкино.

С лугов потягивало весенней свежестью. И многое в мыслях государя как-то само собой связывалось с Мячкиным того давнего времени, когда он с братом Юрием еще подростками ездили сюда зайцев травить. Тогда у боярина Мячкова добрая псовая охота была.

В Мячкине звонили уже к вечерне, когда колымага остановилась у крыльца боярских хором, и сам старый боярин Федор Иванович отворил дверцы колымаги. Увидев заснувшего семилетнего внука государя, он взял его бережно на руки и передал Саввушке, сказав:

— Отнеси к моей боярыне.

Государь вышел из колымаги и троекратно облобызался со стариком. Тот, смеясь, пропищал тонким голоском:

— Уснул наш Митенька. Разморило на свежем воздухе. Не почуял, как яз снял его с колымаги. Прошу, государь, не погребуй нашим хлебом-солью. Стол в трапезной собран...

Когда государь входил с боярином в трапезную, из других дверей навстречу им вышел Саввушка. Двери остались открытыми, из соседнего помещения слышался какой-то галдеж.

— Что за шум?— спросил боярин Федор Иванович.

— Пришли к тобе, господине, твои заозерские холопы,— ответил Саввушка,— а твой дворский их не допущат к тобе...

— Прости, государь,— молвил боярин Мячков,— мужики мои, невегла́сы, покой рушат.— И, обратясь к жене своей, высокой седой старухе с властным лицом, добавил:— Анисья Тихоновна, принимай с честью дорогого гостя. Яз же сей часец ворочусь. Прикажу токмо мужикам, дабы утре пришли.

И, повернувшись к государю, Федор Иванович сказал:

— Покоя не дают из-за Егорьева дня. Уходить хотят на новые места. Вишь ле́са, лугов у них нет, да и пашня отощала. Прошу за стол садиться...

— Ты, Федор Иваныч, тайность обо мне сохрани, а дверку-то не затворяй,— шутливо молвил Иван Васильевич,— а яз краем уха кое-что услышу...

— Да что же ты, боярин, решенье свое откладываешь,— с укоризной гудел из соседнего покоя стариковский низкий голос.— Уж канун Егорьева дня, а тобе токмо и сказать-то едино словечко: «согласен», и вся недолга! Время-то бежит, и у нас из двух коровенок на всю семью одна уже пала, с голодухи-то нахватала осоки, раздуло ее, и кончилась враз, даже зарезать не успели.

— Вся надежа у нас лишь на новые места,— заговорил другой голос, помоложе.— Зовет нас к собе помещик из боярских детей Семен Ильич Чарыко́в. У него зе́мли жирные; дубовые, липовые и кленовые рощи есть; малины много; орехов лесных, а вдоль берега Москвы-реки — поймы, где в ериках и протоках можно и рыбки наловить; в камышах и тростниках ребята и девки могут утиных яиц набрать. В крайности и желудей посбирать можно, да у нас самих есть в запасе пшена малость, с грехом пополам проживем до новой ржицы...

Боярин Мячков выслушал мужиков, помолчал, обдумывая свое решение, и, обратясь к дворскому, спросил:

— Степаныч, а недоимки за ними есть?

— Нет,— загудело сразу несколько голосов,— нет, истинный бог, нет...

— Никаких недоимок за ними нет,— подтвердил дворский.— Хворостинины справные холопы...

Наступило молчание.

— Не губи семью, боярин,— заговорил опять тот же старческий низкий голос.— Отпусти нас на Егорья-голодного. А ежели Егорья-холодного нам ждать, то погибель всему роду Хворостининых...

— Ну, бог с вами, согласен яз!— тихо молвил боярин Мячков.

— Спаси тя, господине, за доброе дело,— сказал старик Хворостинин,— дай те бог долго жи́ти и здравым быти...

Боярин Мячков возвратился в трапезную с некоторым смущением.

Государь засмеялся и воскликнул:

— Ловко тя мужики окрутили!

— И-и, государь, мой-то боярин, истинно а́гнец,— с досадой проворчала Анисья Тихоновна.— Не догляди яз, все раздаст, ни в чем никому отказать не может.

— Таков уж у нас обычай на Руси, чтобы на Егорья-весеннего и на Егорья-осеннего холоп уйти мог от своего господина к другому.

— Вот таким, как ты, вборзе легче будет после новой Суд-

ной грамоты,— молвил государь.— Отменим Егорья-то голодного. Пусть осенью на новые места переходят, и то токмо один человек из деревни...

Наутро после Егорья-голодного за ранним завтраком боярин Мячков принес Мите клетку со щеглом и поставил на лавку около него. Ручной щегол спокойно прыгал с жердочки на жердочку и поглядывал то одним, то другим глазом на Митю, словно рассматривал его, а Митя с еще большим вниманием рассматривал щегла.

Попрыгав на жердочке, щегол нетерпеливо пискнул и, заглянув одним глазом в пустую кормушку, пискнул еще громче.

— Ишь пичужка божья,— сказал ласково Мячков,— есть захотела.

— А чем кормить ее?— спросил Митя.

— Сей часец увидишь,— ответил Федор Иванович.

Он выдвинул кормушку из клетки и, взяв из мешочка конопляного семени, насыпал в кормушку и поставил ее на место. Щегол сразу оживился. Радостно попискивая, вскочил он на кормушку, схватил зернышко и быстро стал катать его по клюву, расколол пополам и выбросил шелуху, потом схватил второе, третье. Он так быстро хватал зерна и выплевывал пустую шелуху, что обсыпал ею все дно клетки.

— Как быстро ест!— воскликнул Митя.— В кормушке много уж зерен убавилось.

— Вот тобе конопляного семени в запас,— сказал Федор Иванович, передавая Мите мешочек.

Мальчик-слуга принес маленькое ведерко с водой и, отворив дверцу, осторожно поставил его в клетку. Щегол тотчас же сел на ведерко и стал пить, закидывая головку, как курица.

— А теперь яз поставлю клетку у окна, где солнце светит,— сказал Федор Иванович.

Подали завтрак. Митя стал есть и забыл о щегле. Вдруг вся трапезная наполнилась звонким, как у жаворонка, пением. Митя вздрогнул и замер, не спуская глаз со щегла.

— А ты, Митенька, сначала поешь,— обратился государь к внуку,— а потом щегла слушай.

Митя поймал взгляд боярина Мячкова и спросил:

— А он долго поет?

— Пока солнце не зайдет. Надоест еще!.. Он у меня второй год в клетке и привык в ней петь, как на воле.

После завтрака Митя заторопился с отъездом в Москву. Хотелось скорее показать матери полученный подарок. Всю дорогу он возился со щеглом, подсыпал ему в кормушку конопля-

ных зерен и все ждал, когда он вновь запоет, но птичка почему-то не пела. Возясь со щеглом, Митя не заметил, как доехали до тележника у деревни Заозерье. Здесь невольно привлекли его внимание мужики, бабы и дети, стоявшие на кладбище у осевшей могилы с крестом из необделанной березы.

У самой могилы на коленях стояла крепкая, ширококостная баба с некрасивым лицом, показывая дырявые подошвы лаптей. Около нее стояли мальчик и девочка в отрепанных полушубках. Мужики, сняв шапки, сурово смотрели на могилу, а баба плакала, крестилась и громко, что есть силы, причитала, четко выговаривая:

Расступись ты, мать, сыра земля,
Ты раскройся, гроб дубовы-ий,
Ты восстаиь из гроба, иаша матушка,
Погляди иа иас, родимушка,
На слезы наши горючие.
Пришли мы, все Хворостиииины,
Детн твоего роду-племени,
Снроты — внукн н правиуки,
Со слезами попрощатися.
Покидам мы иыне рóдиые места,
Оставлям мы тобя здесь одииешеньку
Токмо не своей охотою,
А иуждою тяжелою.
Погибам мы здесь от голода,
Грозит смертушка нам и скотииушке.
Отощала за зиму
Твоя любимая Буренушка,
Весной едва веревкамн подиялн,
А потом осокой объелась и пала...
Государыня-матушка!
Мы и иа иовых местах
Будем служить по тебе паиафиды,
За тобя подавать помиианьице...

Незаметно промелькнуло жаркое лето. После Петрова дня как-то сразу почувствовалось приближение осени. Затихли поля и леса, и с каждым днем становится меньше веселого птичьего шума, гама и пения. Когда же поспела малина и вишня, а на березках появились кое-где первые желтеющие листики, будто ранней осенью дохнуло в последние летние дни. Закапали мелкие обложные дожди, и казалось, отцвели уж все летние цветы и кругом белеет только крупный поповник, мелькают кое-где голубые, но уже седеющие васильки и цикорий, розовеет куколь да клевер.

Это цветы уж осенние, да и птицы тоже прилетают осенние. Печально звенят синицы, задумчиво перезваниваются бубенчиками красногрудые снегири, по-осеннему звонко перекликаются в сорняках и репейниках щеглы и чижи...

В эту пору, июля шестнадцатого, воротилось из Германии на Москву русское посольство, и вместе с ним прибыл Юрий Делатор, посол Максимилиана, короля римского и австрийского.

С тех пор как итальянский архитектор Марко Руффо закончил постройку большой каменной Набережной палаты, государь Иван Васильевич стал принимать в ней иноземных послов. Здесь был назначен и прием Делатора сегодня, июля девятнадцатого, за час до обеда. Сам государь приехал в Набережную палату вскоре после завтрака, отменив свой обычный прием бояр, дьяков, воевод и даже вестников. Последних поручено было дворецкому отсылать в Набережную палату, где были с государем Иваном Васильевичем его окольничии, бояре, дьяки: Курицын, Майко, Мамыреев, казначей Ховрин, а также были Василий Косой, сын князя Ивана Патрикеева, и князь Семен Ряполовский, зять его. Да из русских послов был грек Юрий Траханиот. Собравшись вместе, они ожидали государя, дабы до приема Делатора думу думать о положении западных государств и особенно выяснить, с кем и какие связи для Москвы выгодней, какие иноземные государства могут быть друзьями и союзниками, какие — врагами.

Ответив на приветствия ожидавших его людей, Иван Васильевич обратился к дьяку Курицыну и сказал:

— Тобе, Федор Василич, яко посольскому дьяку, надлежит первому сказывать. Повести, что тобе ведомо о делах иноземных, о походе короля рымского на Францюжскую землю против короля Карла[1]. Сказывай о распрях короля Ганса данемаркского[2] со Свейской землей и с Ганзой немецкой...

— Слушаю и повинуюсь, державный,— ответил думный дьяк.— Начну яз с короля рымского, который ныне, при жизни отца своего, императора Фредерика германского[3], заменяет его во всех делах Германии и Австрии. Устал старик-то от суеты житейской и отдыхает в замке своей вотчины. Читает там творения разных ученых мудрецов и предсказания астрологов, сиречь звездочетов, хочет, вооружаясь их любомудрием, отыскать философский камень, при пóмочи которого можно из меди и свинца настоящее золото выплавить. Сего ради изучает он также и алхимию, сиречь науку о превращении одного естества в другое...

— Добре,— прервал дьяка государь,— пошто же война у сына его Максимиана с Карлом?

---

[1] *Карл VIII* — король Франции (1483—1498).
[2] *Ганс I* — граф Ольденбургский, король Дании.
[3] *Фредерик* — по русским летописям, по иностранным источникам — Фридрих III, император германский.

— Как преставися Матвей Корвин,— продолжал Курицын,— а папа рымский отдал королю чешскому, сыну Казимира, Угорское королевство, угры напали на Австрию. Максимиан изгнал угров из австрийских земель и занял с согласия папы Вену, став не токмо рымским, но и королем австрийским. Он был женат на Анне Бургундской, взяв за ней во Франции все бургундские земли. Лет восемь назад Анна сия померла. После сего Максимиан, дабы не терять приданого, просватал дочь свою, малолетнюю Маргариту, за наследника французского престола, за Карла. Трехлетнюю невесту отвезли во Францию на воспитание. Полагая, что сим браком он сохранит за собой Бургундию, Максимиан стал сватать у Франциска, герцога Бретанского, его дочь Анну. Франциск дал согласие на брак. Сведав про то, король Карл отказался от Маргариты, отослал ее обратно в Рым, к отцу, и стал сватать ту же Анну Бретанскую, дабы удержать Бретань за Францией. Началась война не токмо за Бургундию, уже захваченную Максимианом, но и за Бретань, которую он тоже через женитьбу захватить хочет...

— Жаден вельми будущий император,— вмешался Юрий Траханиот,— недавне он руки тянул даже и к свейской короне, переговаривался со свейским наместником Стен Стуром и по́мочь ему свою обещал против короля Ганса данемаркского...

— Сие важно, Федор Василич,— прервав грека, заметил государь.

— Истинно,— согласился Курицын, мы же для Ганса сего данемаркского пообещаем воевать свейские земли...

— Добре!— воскликнул Иван Васильевич.— Добре сие тобой сказано! Воевать будем. Крепко воевать, дабы и возле Ругодива на реке Нарове, и возле Орешка на Неве, и возле Колывани все свейские и ганзейские болячки сковырнуть с Русской земли!.. Ганс же сей данемаркский против свеев свои корабли нам пришлет, которых у нас пока мало. Для моря, опричь парусных ка́рбусов, ничего мы не строили, а шнеков немецких с пищалями у нас есть самая малость...

— Не смущайся сим, государь!— воскликнул воевода Семен Ряполовский.— Мы, ратные люди, безо всяких сумлений верим, что мы сумеем нарядить судовые походы против свеев на море не хуже, чем против новгородцев и татар наряжали их на реках...

Иван Васильевич ничего не ответил, но громко спросил:

— А как ныне дела у короля Ганса с Ганзой? Обороняет ли он по-прежнему датскую торговлю, теснит ли по-прежнему, яко и мы, ганзейских и немецких купцов мы́том в ущерб им и на пользу своим купцам? Зорит ли он их морскую торговлю,

глядя сквозь пальцы на каперские корабли Ивара[1], которые грабят голландцев н ганзейцев?

— Пока, державный государь,— ответил Траханиот,— в Данемарке все по-прежнему, и король Ганс не пресекает разбон Ивара, а свеев оберегается, нбо грозят они ему постоянной войной, видя собе от Данемаркни токмо вред н боясь усиления ратной силы короля Ганса.

— Сне верно,— подтвердил дьяк Курицын,— нбо из варяжских земель сильней н богаче всех Данемаркская земля. У нее больше всего в мире кораблей, и доржит она в своих руках Варяжское море н выходы из него в Немецкое море. Токмо союз с могучей Русью поможет Гансу разгромить свеев разом н с моря н с суши. Сие разумел добре еще н отец Ганса, король Христиан, и о сем написал сыну в своем завещании.

— Вот ты, Федор Василич, н составь на́черно наше докончанье с королем Гансом о любви н дружбе н совместной рати против свеев н Ганзы,— сказал Курицыну Иван Васильевич.— Напиши все так, чтобы он уразумел, что Ганза, ливонские немцы, свен и Литва суть нашн общие вороги. На сей думе нашей мы уразумели всё, что в зарубежных землях чинится н где нашн главные ворогн н союзникн. Ясно нам, каков ответ послать Максимиану рымскому. Мыслю, крест нам с Максимианом целовать надобно на рать протнв круля польского Казимира.

Обратясь в сторону дьяка Майко, государь добавил:

— Пора прннимать Делатора-то. Подн-ка, Андрей Федорыч, встреть его и с боярами моими и окольничими приведи посла с почетом. Чаю, Максимиан-то уже целовал мне на сем крест. Саввушка, позовн духовнка моего, скажи — буду н яз крест целовать Максимиану, королю рымскому н австрийскому, против Казимира...

Крестоцелование произошло довольно скромно. Иван Васильевич давно уж привык ко всяким пышным обрядам, которые прн всей своей торжественностн не стоили и деньгй ломаной. После крестоцелования государь пригласил посла к столу и вступил прн помощи дьяка Курнцына в частную беседу с Юрием Делатором. Посол от короля Максимилиана н от отца его Фридриха III, императора германского, будучи в то же время австрийским министром нностранных дел, поспешил воспользоваться этой беседой в трех направлениях. Первое, о чем он заговорил, было о сватовстве Максимилиана к Елене Ивановне, старшей дочери

---

[1] *Ивар Аксельсэн* — датчанин, получил от короля Христиана I в «лен» остров Готланд, владел также островом Эландом с замком Борггольмом и многими землями в Финляндии и Дании. Занимался с ведома короля Ганса каперством (пиратством). *(Прим. автора.)*

Ивана Васильевича. Передавая любезные приветствия старого императора, Делатор в сильных н ярких выраженнях, пропнтанных тонкой лестью, расписал огорчения и сожаления Фридриха III о том, что ему поневоле прншлось засватать сыну дочь у Галия Сфорца, герцога Миланского. Задержка при возвращении первого германского посольства н слух о том, что послы германскне вместе с сопровождавшим их русским послом якобы утонулн в Варяжском море, лишили императора возможностн своевременно узнать благопрнятный ответ русского государя. Между тем все имперскне князья неотступно понуждали старого императора скорее женить своего наследннка, дабы продлить на императорском престоле славный род Габсбургов.

— Когда же цесарь узнал о согласии его светлости, велнкого князя московского н государя всея Руси выдать дочь свою за Макснмнана,— закончил свою речь Делатор,— цесарь был весьма огорчен и до настоящего временн жалеет о столь знатной н столь знаменитой невесте.

Иван Васильевич, казалось, был вполне удовлетворен сделанным разъяснением, н ободренный посол попросил русского государя от имени императора взять под свое покровительство Ливонию н не обнжать Швецию...

Государь через Курицына ответил.

— Обещаю цесарю свою по́мочь н защиту Ливонин,— громко сказал он н вполголоса скороговоркой добавил.— О свеях ни слова.

Не получив ответа на прямой вопрос о Швеции, нзворотливый австрийский министр стал говорить с дьяком Курицыным о просьбе наместника шведского Стен Стура заключить мир. Иван Васильевич благосклонно усмехнулся и повелел передать:

— Скажи, господине посол, наместнику свейскому Стен Стуру: о мире со свеями Москва согласна говорить лишь под условнем, дабы рубежн меж Русской н Свейской землями были по Ореховскому договору, от истоков Пиха-йоки до самого ее устья у Студеного моря.

Посол Делатор понял, что ответ московского государя дан только для того, чтобы не дать по существу никакого ответа, но прнятно улыбнулся н горячо поблагодарил Ивана Васильевича.

Великнй князь, продолжая игру, милостиво подал руку послу и отпустнл со словами:

— Яз заготовил подарки цесарю, сыну его н тобе самому. Все подарки утре передаст тобе казначей мой, Днмитрий Володнмирыч, а сей часец он же сопроводит тя вместе с дьяком Майко на посольский двор.

Обратясь к Патрнкееву, князю Василию Косому, государь молвил:

— А ты, Василь Иваныч, возглавь все сие дело, помоги Майко в беседах с господином послом, который, яко и ты, разумеет по-латыни.

Пятого августа, накануне преображенья, были за ужином в трапезной у государя дьяк Курицын, боярин Товарков, а из окольничих — боярин Плещеев-старший.

— Державный государь,— заговорил дьяк Курицын,— с дозволенья твоего буду сказывать, как ты на сей день приказывал мне, о делах наших с иноземными государями. Как у нас с рымским папой, тобе и от меня и от боярина Товаркова все уже ведомо, и сам ты о сем разумеешь более, чем мы оба. Король Максимиан, ныне цесарь германский, два дни тому назад новое посольство прислал. Цесарь-то теперь много смирней стал, не глядит на тя сверху вниз, нет теперь уж той гордости, с какой говорил он с тобой через первого посла своего, рыцаря Поппеля. Вельми пышно нонешно посольство во главе с Юрьем Делатором и весьма дружественно и почтительно. Сам Максимиан тобе в грамоте пишет...

— Все государи и даже все святые отцы церкви,— усмехнувшись, заметил Иван Васильевич,— более всего чтут богатство и силу.

— Верно, державный,— продолжал дьяк Курицын,— твой гордый ответ цесарю и отказ от короны королевской, которую он милостиво жаловал тобе, испугали посла его, Поппеля. Но уразумел Максимиан, что ты сильней его, яко самодержец, и во много раз богаче не токмо его, но даже и папы, у ног которого Максимиан, будучи еще королем рымским, пресмыкался, яко голодный пес...

— Уразумел он, что государю московскому ништо от цесаря не надобно, а цесарю и папе Москва грозной силой своей и богатством несметным спать не дает!— воскликнул боярин Товарков.— Страшней ты, государь, цесарю и папе, чем нонешный султан Баязет.

Иван Васильевич мрачно нахмурил брови и молвил:

— Яз им всем поперек горла. Собрав войско, якобы на турков, с какой великой радостью повернули бы они все полки свои на Москву!.. Мыслю яз, Федор Василич, ляхи и ливонцы о желаннях повелителей своих ведают. Ждут не дождутся, когда на нас можно будет кинуться, врасплох нас застать...

— Верно, государь,— живо отозвался Курицын,— одни из слуг цесаря, папы и Ганзы уж ножи точат, другие уж наточили и токмо за спиной прячут. Ждут знака все вороги чужих земель и свои ворогн, готовые Русь продать для радн власти и денег...

— Право ты мыслишь, Федор Василич,— сказал государь.— Яз ие верю даже и тем князьям литовским, которые с вотчинами своими и со всем добром своим от круля Казимира к нам отсели...

— Провидец ты, государь!— воскликнул Товарков.— Девка Лучия мне сказывала, мол у дверей подслушала, как-де один из Селевиных баил государыне по-фряжски. Поминал ои князя Ивана Лукомского, называл его другом государыни. Грек же ей, девке Лучии, с глазу на глаз клялся, что-де любит государыню токмо по приказу ее да за подарки. Уйти хочет из дворецких-то и Лучию с собой взять. От других людей своих яз ведаю, что толмач лях Матьяс бывает у Ивана Лукомского...

Государь побледнел и так сжал руками жезл свой, что переломил его.

— Федор Василич,— глухо проговорил он, обращаясь к дьяку,— помысли, куда бы грека-то и с каким посольством послать, где бы никоторого воровства ои содеять не мог. Так, мыслю, и волки буду сыты, и овцы целы... А ты, Иван Федорыч, глаз не спущай с Лукомского-то, припусти к нему своих верных людей... Мыслю, сей Лукомский не своей волей отсел к нам, а по воле короля Казимира...

Наступило молчание. Оправившись от волнения, Товарков тихо сказал.

— Разведал яз через соглядатаев и доброхотов в Литве: дал круль-то вельми богатую вотчину в Польше князю Лукомскому, но в ней оставил всю его семью аманатами[1], а князю Ивану велел крест целовать на верность... Разумеешь, государь?..

— Разумею,— хрипло произнес Иван Васильевич.— Сего не будет! На тобе сие дело, Иван Федорыч. Головой тобе отдаю князя Лукомского и всех иже с ним, опричь...

— Опричь двора государыни...— робко проговорил боярин Товарков.

Государь молча кивнул головой и встал.

— Иди, Иван Федорыч, с богом. Помоги тобе Христос за Русь нашу ратовать...

«Осенью того же лета,— пишет летописец,— по благодати божьей и по избраиию святого духа, и изволением благоверного и христолюбивого великого князя Ивана Васильевича и всех православных епископов, избраша архимандрита симоновского Зосиму[2], яко достойного управляти порученным ему стадом и

---

[1] *Аманаты* — заложники.

[2] *Зосима* — митрополит московский с 1490 г. по 1494 г.

возведен бысть на двор митрополич месяца сентября в двенадцатый день».

Сентября же тринадцатого, к вечеру, дворецкий Петр Васильевич, пока государь после обеда был еще в своей опочивальне, доложил ему о приезде нареченного митрополита Зосимы.

— Где, государь, прикажешь принимать владыку?— спросил дворецкий.

— Зови, Петр Василич, ко мне в трапезную. Скажи, сей часец буду, да подай нам туда лучшего из фряжских вин. Владыка-то толк в винах добре ведает...

При появлении государя в трапезной владыка Зосима встал ему навстречу, а Иван Васильевич подошел к нему под благословение.

— Поздравляю тя, отче,— сказал он,— с высоким наречением!

Зосима, отдав по-монашески государю глубокий поклон, промолвил почтительно:

— Благодаря бога и по твоему волеизъявлению, государь!

— Садись, отче. Изопьем на радости вина доброго за твое здоровье.

Зосима, приняв от дворецкого кубок, воскликнул:

— Первее за твое здравие, государь!

Государь чокнулся с Зосимой и сел рядом с ним.

— При твоем рукоположении, отче, сам яз не буду, как не был и на твоем избрании, а будет сын мой Василий. Мыслю, став вольным государем и самодержцем, яз совокупно держу в руках своих и церковь и государство, яко верховный властитель. Не вместно мне новых митрополитов со всеми вместе избирать, а вместно мне избранных утверждать.

Государь помолчал и продолжал:

— Ты, отче, вельми учен, смог Пасхалию на восьмую тысячу составить, можешь даже и в писаниях святых отец разуметь о том, что в них истина и что заблуждение. Посему и сам разумеешь, за кого из духовных яз стою. Ежели Геннадий, который меры разума не знает, смертные казни творить захочет, вспомни свои златые словеса, которые сказал ты в ответ на вопрос покойного владыки Геронтия: «Пастыри духовные могут токмо пред богом молить о прощении грешника, а не карать его смертию за грехи». О сем и на соборе напомни. Да, поддоржи меня на Священном соборе, дабы утвердила церковь перенесение счета нового лета с первого марта на первое сентября с семитысячного года. Объясни сие, яко ученый, а попам намекни, что так-то много выгодней для хозяйства, как для вотчинников, так и для монастырей. Скажи речь против суеверия о приходе конца мира в лето семитысячное и тут же по-ученому разъясни, что счет у нас, у христиан, должен идти по-христиански — от рождества

Христова, а не по иудейским книгам. Опричь того, счет христианский проще и легче, дабы, по невежеству среди многих духовных и по темноте народной, не было бы у нас смут и распрей к ущербу от них для церкви и для государства. Токмо все сие сказывай с бережением, дабы гусей не дразнить, а каких — сам разумеешь. Не надо делать ни петель, ни крюков, за которые могли бы зацепить нас вороги наши.

— Челом бью тобе, государь, за благожелательство твое, а то против меня уж вельми много из разных гнезд ядовитых змей выползает, все сторонники Иосифа волоцкого...

— Когда же,— спросил Иван Васильевич,— Священный собор соберется?

— В октябре сего лета, государь, в семнадцатый день,— ответил Зосима.

— О Геннадии на сем соборе ништо не сказывать и на собор его не звать. Ближе к собору ты еще навести меня, отче, подумаю с тобой, как по-церковному согласить новые законы о холопах и оброках на пользу монастырям и вотчинникам. Топерь же следи зорко за ворогами нашими. Ежели, что нового будет, подумаем с тобой, дабы на соборе-то у вас огрешки какой не случилось.

Сентября четырнадцатого с утра назначил Иван Васильевич у себя дьяку Курицыну и боярину Ивану Товаркову думу думать о разных злоумышлениях, которые прежде втайне готовились против покойного князя Ивана Ивановича, а ныне — против самого государя всея Руси.

Первым на думу пришел боярин Товарков с докладом о своем новом розыске в розыскной избе разрядного приказа.

— Садись, Иван Федорыч,— сказал милостиво государь, но как-то устало и почти совсем безучастно.— Подождем Федора Василича. С ним вместе мы втроем и подумаем о тех делах, за брехание о которых в народе язык урезают.

Постучав в дверь, вошел дьяк Курицын.

— Будь здрав, государь,— сказал он, сохраняя суровое и горестное выражение лица.

— Садись, Федор Василич, думу думать, а Иван Федорыч наперед поведает нам, что у собя на розыске распытал...

— Распытал яз случайно, государь,— мрачно произнес Товарков,— много злого и грозного. Гречновик, мой начальник розыскных и заплечных дел, третьеводни велел схватить некоих лихих людей, а с ними была схвачена служанка великой княгини твоей, фрязинка Лучия. Девка сия вельми испужалась и сама начала сказывать с испугу, о чем ее даже не спрашивали.

— Про что же сказывала-то?— спросил государь.

Товарков смутился.

— О прелюботворении.

— С греком? — спросил государь. — Давно ведаю...

Товарков вскочил с места и со страхом смотрел на Ивана Васильевича.

Курицын сильно взволновался и с трудом проговорил дрожащими губами:

— Яз бы, знаешь, обоих их в мешок зашил и под лед пустил.

— Феденька! — промолвил Иван Васильевич. — О государстве забыл ты, Феденька. Нетрудно блуднице сей главу ссечь. Трудно, верней сказать, невозможно детям казненной блудницы честь и уважение сохранить. Казнью же погубим мы их в глазах народа и в глазах иноземных государей.

Иван Васильевич взглянул на испуганного Товаркова и глухо произнес:

— Довольно о блудницах. Все мы цену и честь им знаем. Сказывай, что еще у тобя нового? Не ведомо ль тобе, в чем княгиня моя, сия волчица жадная и змея подколодная, пред сыном моим родным виновата? Кому и за какую цену предала его и Русь тайно продает?

Боярин Товарков взял себя в руки и, все еще подавленный и растерянный, проговорил:

— Девка Лучия баила со слов грека своего, что государыня и брат ее, царевич Андрей, зло мыслили на сына твоего, подбивая на сие и лекаря Леона, которого царевичу-то сам папа присоветовал взять на Москву...

— А еще что девка сказывала?

— Ни о чем она больше не ведает, ибо княгиня с братом и греком бают по-грецки, грецкого же фрязинка не разумеет. Токмо по языкоблудию женскому еще добавила, что дворецкий-то Димитрий с ней живет, а государыня его ревнует...

— Добре! — сухо произнес государь. — На сем о розыске кончим. Ты же, Федор Василич, с бережением прими такие меры. Василья переведи приказом моим в Тверь на великокняжение, а с ним всех ближних слуг его. Грека Димитрия оставь у княгини дворецким, токмо покои ему отведи подалее от государыни и от дочерей моих. Посели его рядом с девкой Лучией, дверь в дверь. А ты, Иван Федорыч, с фрязинкой еще побай, токмо полегче, без мук. Скажи, пусть, мол, государыни не боится. Подучи ее, намекни ей, что нам надобно... Впрочем, ты знаешь, как сие творить. А девка-то, может, и еще для розыска пригодится. Грек-то с ней, чаю, и впредь по-фряжески, а не погрецки говорить будет...

— Уразумел яз, державный! — воскликнул Курицын. — Чест-

иы, высоки и мудры мысли твои. У тобя все токмо для ради блага Руси святой!

— Уразумел и яз, великий государь,— добавил взволнованно Товарков.— Соблюду яз все по воле твоей, дабы ни про тебя, ни про детей твоих обидиого слова иикто ни явио, не тайио сказать не мог...

Товарков нерешительио смолк.

— Пошто ты замялся-то, Иван Федорыч?— устало спросил государь.

— Смущает мя, государь, как с царевичем Андреем быть? Сей рымский гад...

— Верно! Рымский гад... А все же и посол он рымского папы. Сего забывать нельзя,— прервал боярииа Иван Васильевич и, обратясь к дьяку Курицыну, так же устало промолвил: — Федор Василич, отправь-ка сего злодея в Рым. Никаких подарков ему не давай, дабы Москва меньше его иеиасытность блазнила. Впрочем, мыслю, ие мало им уже от сестры получено. Подумай токмо с казначеем Ховриным, что послать самому папе по достоинству нашему, а подарки пошли с русским послом, а ие с послом из греков... Пусть посол подарки сам папе передаст и поблагодарит от моего имени за его заботы о здравии иыне скончавшегося сына моего Ивана Иваныча... За лекаря же, которому яз главу ссечь повелел за его пустую и дерзкую похвальбу да за худое лечение и иебреженье к болящему, прошу его святейшество, яко наместника Христа на земле, вину мою отпустить...

— Мудро сие, государь, и смиренно, но вельми зло и уязвительно для папы,— с мрачной усмешкой произиес дьяк Курицын.— Ведая нрав папы Иннокеития, предвижу, в какую бессильную ярость придет он от сих кусательных слов.

— Жадиость и богатство сего «святого» распутника,— со злой усмешкой поправил дьяка Иван Васильевич,— в тысячу раз сильией его ярости, и наши подарки сразу укротят его гиев. Он более всех пап на небо поглядывает, ио и более их всех по земле пошаривает...

Сеитября месяца на третий деиь тысяча четыреста девяносто второго года во время раннего завтрака князь Иван Юрьевич Патрикеев постучал в дверь трапезиой государя и быстро вошел, воскликнув:

— С радостной вестью тобя, государь! Бежали цари-то Сеид-Ахмат и Шиг-Ахмед из Крыма назад к собе в Орду.

— Сказывай, Иван Юрьич, кто в походе был, кто ие был?— молвил Иван Васильевич.

— Весной, государь, лишь сведал яз, что цари ордынские ушли со всей силой на Менглы-Гирея,— ответил князь Патрикеев,— отпустил тогда сей же часец, как мы с тобой еще зимой удумали, воевод своих: князя Петра Никитича Оболенского да князя Ивана Михайлыча Репню-Оболенского с полками их, да с ними отпустил яз многих детей боярских от двора своего, да царевича татарского из Касимова городка с его уланами да казаками...

— А как Махмет-Эминь казанский и братья мои? Какую пóмочь прислали?

— Царь казанский и брат твой князь Борис Василич прислали воевод своих с полками... Князь же Андрей Василич ни воевод, ни силы своей не послал.

Лицо Ивана Васильевича исказилось от гнева.

— Яз так и ведал,— сказал он глухо.— Андрей крамолу и воровство задумал... Мыслю, новый договор у него есть и с ляхами и с татарами. Иудой брат мой становится!.. Русь продает!..

С трудом преодолевая гнев свой, долго молчал государь, а князь Патрикеев с тревогой глядел на него. Наконец, Иван Васильевич успокоился, только лицо его все еще было белым, как мел. Он тихо спросил:

— А где он сей часец?

— Ныне он в Угличе. После семнадцатого сентября на Москве будет со своей трети суды судить.

— Как придет князь Андрей, оповести меня и немедля приди с зятем своим Семеном Иванычем. Мы вместе подумаем тайную думу о крамолах брата моего...

Глава 8

МЕЖДУ СТАРЫМ И НОВЫМ

На другой день Иван Васильевич обедал с Курицыным у себя и беседовал с ним с глазу на глаз.

— Днесь, Федор Василич,— говорил он,— вспомнил яз, как Ванюшенька подпадал под власть братьев моих и бабки своей Марьи Ярославны...

— Помню о сем и яз. Мудро тогда ты содеял. На тайную думу о злоумышленьях против тобя удельных призвал князюшку нашего и тем самым его вразумил...

— И днесь яз о сем же думаю. Хочу вразумить Василья-то. Хоша не лежит к нему душа моя, все же вины большой на нем нет... Вельми млад он еще. Ведь тринадцать токмо ему. Но теперь-то мы его и поучить должны. Не зря же бают в народе

«Учи сына, пока поперёк лавки лежит, а вдоль всей вытянется, поздно будет». Мыслю его попугать малость, да и княгиню Софью притеснить, дабы другой раз неповадно было. Потом хочу отделить Василья от матери и послать в Тверь на великое княжение. Может, Василий-то за государевым делом и одумается и в разум войдет...

— Послать-то, государь, на княженье, сие верно,— сказал старый дьяк,— токмо надо Василья-то и своими людьми оградить от ворогов наших. Ведь сколь народу-то послали мне тверские земли писать по-московски в сохи[1] в Тверь — князя Федора Алабыша, в Старицу — Бориса Кутузова-Шестака, в Зубцов да Опоки — Димитрия Пешкова, в Клин — Петра Лобана-Заболотского, в Холм и в Новый Городок — Андрея Карамышева-Курбского, да в Кашин — брата его Василья. Все наши, крепкие люди. Пусть вот и приглядят они за Васильем-то...

— Верно, Федор Василич,— воскликнул государь.— Люблю яз думу с тобой думать, всегда разумно присоветуешь. Пусть так и будет. Да и ты сам за Тверью пригляди. А сей часец сказывай, какие еще есть новые вести?

— Добрые вести, государь!— ответил Курицын.— Свершен град новый, крепкий град со стенами из камня и с бойницами и башнями-стрельнями супротив немецкого города Ругодива, на правом берегу устья Наровы. Наречен сей град именем твоим, государь: «Иван-град».

— Добре!— воскликнул Иван Васильевич.— Ныне будем мы не токмо грамоты слать немцам через вестников, а и через пушки.

— Да, государь, беседы у нас будут у Ругодива много громче, чем были до сего. И другая для нас добрая весть пришла. Сказывают, двадцать третьего мая преставися великий князь литовский и король польский Казимир, а королем ныне в Польше стал его сын Ян-Альбрехт, великим же князем в Литве другой его сын — Александр.

В дверь постучали. В сопровождении дворецкого вошел боярин Товарков.

— Будь здрав, государь,— поклонился боярин,— прости, без зова твоего.

— Сказывай, Иван Федорыч.

— Государь, во всем, что нам от доброхотов ведомо про князя Ивана Лукомского, а из людей его — про братьев Селевиных и про толмача латыньского, про ляха Матьяса, сии на розыске повинились. У князя Лукомского при обыске зелье найдено,

---

[1] *Писать по-московски в сохи* — т. е. произвести учет земли по «сохам», взамен новгородского учета «в обжах». *Соха* — три обжи.

которое в кафтан у него зашито было. И сознался он, что ядовитое сие зелье получил сам прямо из рук короля Казимира, дабы опоить тобя, ежели нельзя будет убить. Другие из слуг его...

— Другим вот круль смерть готовил,— проговорил Курицын,— ан смерть самого взяла! Бог-то злодеев покарал...

— И другие из слуг его,— продолжал Товарков,— и толмач Матьяс тоже во многих злоумышленьях покаялись и на многих еще иных указали; среди них некто повыше, кого назвать не дерзаю...

Государь побледнел и глухо произнес:

— Немедля судить их строго и казнить немилостиво, ежели суд вину утвердит. Сына же моего, князя Василья, за то, что в Литву бежать хотел, тайно взять за приставы, но в его же хоромах держать и никого к нему не допущать, даже княгиню мою. Ты же, Федор Василич, заготовь приказ мой к шестому сентября на имя князь Василь Иваныча. Даю, мол, ему великое княженье в Твери. К тому же времю составим с тобой для Василья наказ и памятку для земских и ратных дел тверской земли...

Отпраздновав восьмого сентября в семье своей праздник рождества богородицы, князь Андрей Васильевич на другой день выехал с боярами из Углича на Москву, чтобы девятнадцатого сентября суды судить по своей трети. Как всегда в таких случаях, князь Андрей, любя блеск и пышность, ехал в сопровождении своих бояр и дьяков, окруженный многочисленной стражей и челядью в нарядных кафтанах. Следом за княжеской стражей, под надзором поваров, ехал обоз с мукой, крупами, маслом, с домашней птицей в клетках, а за телегами, по татарскому обычаю, пастухи гнали для трапезы князя сотни две молодых барашков.

Поезд князя Андрея Васильевича въехал в Кремль через Никольские ворота еще на ранней вечерней заре и проследовал в свои кремлевские хоромы, как обычно. Между тем, как только обоз прошел под воротами, за ним с резким лязгом затворились железные двери. Это смутило князя. Подозвав своего стремянного, он с легким раздражением спросил:

— Узнай, пошто в такую еще рань ворота затворили и у всех ли башен?

Быстро вернувшись, стремянный сказал:

— У всех башен, государь, ворота уж заперты на замки и цепи.

Андрей Васильевич был очень удивлен, но не проронил ни слова. Еще более удивился он, встретив у себя на дворе нáболь-

шего воеводу, князя Ивана Юрьевича. Патрикеев поехал ему навстречу. Шагов за десять он спешился и подошел к Андрею Васильевичу. Тот тоже спешился.

— Будь здрав!— почтительно и приветливо сказал князь Иван Юрьевич.

— Будь здрав и ты,— сухо ответил углицкий князь, но все же по-родственному троекратно облобызал старшего двоюродного брата, мрачно добавив: — Дошел-то яз по милости божьей добре, а вот как уйду отсюда — не ведаю...

— Бог даст, и уйдешь добре,— дружественно молвил князь Патрикеев.— Надобно мне, княже, кой-что с глазу на глаз тобе сказать.

— Пожалуй, княже Иване Юрьич, в мои покои. Будь гостем дорогим,— пригласил князь Андрей Васильевич.— Туда без доклада взойти никто не посмеет. Побаим с тобой, яко близкая родня. Может, и совет мне благой подашь...

Пройдя в трапезную на половине углицкого князя, набольший воевода сел, по указанию хозяина, на стол рядом с ним. Когда они оба выпили заморского вина, князь Андрей Васильевич нахмурился и злобно спросил:

— Наш-то ненасытный государь чужие вотчины, яко промышленник зверя в лесах, добывает...

— Мыслю, на сей раз,— уклончиво ответил Патрикеев,— похоже на то...

Князь Иван Юрьевич помолчал и тихо добавил:

— Все мы в одном череду ныне стоим. А может, господь и днесь помилует. Пронесет грозу мимо... Не наша в том воля и сила. Пока смиримся, а там —воля божья. Может, все и поиному повернется...

Углицкий князь, яростно скрипнув зубами, быстро произнес:

— Доживем, бог даст, и до сего!..

— Твоими бы устами мед пить,— неожиданно сорвалось вслух у Патрикеева, и он побледнел от неосторожного слова.

Наступило молчание. Князь Андрей Васильевич насмешливо прищурил глаза и неожиданно спросил:

— Ты послан за мной?

— Да, княже,— смущенно ответил Патрикеев.— Велено тобе немедля прибыть к государю в хоромы со всеми своими боярами, которые с тобой здесь, на Москве. По дружбе к тобе еще добавлю: не мысли бежать из Москвы — все ворота на крепких запорах. Из Кремля никуда уже выйти нельзя. Сим токмо хуже изделаешь. Претерпи, смирись. Авось бог помилует и на сей раз, как было после бреханья Мунт-Татищева...

Андрей Васильевич преодолел гнев свой, исказивший красивые черты его лица, и глухим голосом заметил:

— Мыслю, зовет мя яко бы за ослушанье. Пóмочи яз Менглы-Гирею не послал... Плетет паук свою паутину... На деле же он к вотчине моей свои жадные руки тянет...

— О том и яз баил,— молвил Патрикеев,— и яз в сем череду со своей вотчиной. Претерпим, надеясь на милость божью...

Глаза Андрея Васильевича вновь загорелись гневом и ненавистью.

— Увидим еще, кто кого поборать будет!— воскликнул он.— Все князи и бояре, вся церковь православная и даже сын его Василий против державства и жадности отца.

Но гнев князя снова потух и даже быстрей, чем в первый раз.

— Ну, идем, Иване, к государю,— сказал он тусклым, безразличным голосом.— Двум смертям не бывать, одной не миновать...

Иван Васильевич на этот раз встретил брата Андрея сурово и строго, он выполнял важное государственное дело, но в глазах и в голосе его ясно чуялась искренняя печаль и жалость. Он не плакал, не обнимал брата, а только горестно глядел на него. Это, по-видимому, влияло на Андрея, и не проявлял он ни злобы, ни раздражения, а был тих и задумчив. Государь даже не поздоровался с ним, а только молча указал на место рядом с собой. Встреча произошла у Ивана Васильевича в особом тайном покое, который назывался «западней». Князь сразу понял значение места встречи и как бы переломился душой, и как-то по-иному все расценивал, молчал и только ждал, что скажет ему старший брат.

Иван Васильевич долго и все так же печально смотрел на князя Андрея, потом слегка вздрогнул и заговорил с тоской и укором:

— Э-эх, брате мой, брате! Пошто еси толико зла содеял всей Русской земле? Пошто папистам предался и злым исконным ворогам нашим, татарам поганым? Паки Орду на Русь зовешь? Мне жаль тобя, Андрейка. Ведь не братняя моя воля, что карать тобя буду, а токмо воля государева. Вини собя сам... Помню яз детство твое, Андрейка, когда ты еще с Никишкой по полу ползал...

В дверь постучали. Вошел князь Иван Юрьевич Патрикеев, а с ним сын его Василий Косой с зятем — князем Семеном Ряполовским. Все трое низко поклонились государю, удивляясь его необычному состоянию...

Иван Васильевич, не говоря ни слова, быстро отвернулся от них и поспешно вышел из тайного покоя. Все тягостно молчали. Судорожно вздохнув, князь Иван Юрьевич сказал:

— Сыне мой, возьми всех бояр углицких и отведи их по приказу державного в разрядную палату. Мы же, Семен Иваныч, исполним другое повеленье государя...

— Бояре углицкие земным поклоном поклонились своему князю Андрею.

— Будь здрав, государь! Сохрани тя господь!— печально сказали они хором и вышли вслед за князем Василием Косым в сени, где их окружила великокняжеская стража и по крытым переходам повела в «казенки», в подземелья дворцовой церкви Благовещенья.

Князь Иван Юрьевич и князь Ряполовский оба молча подошли вплотную к Андрею Васильевичу... Семен Иванович, крайне взволнованный, положил ему на плечо руку и молвил дрожащим голосом:

— Княже Андрей Василич, поиман еси по воле божьей и государя!— И, вдруг зарыдав, обнял его.

Князь Патрикеев позвал стражу и передал ей углицкого князя.

— Прощай, княже и брате мой,— сказал он при этом и породственному троекратно облобызался с ним...

После обеда государь Иван Васильевич не пошел в свою опочивальню, где было душно, а остался в трапезной у отворенного окна, жадно вдыхая свежий воздух лучезарного осеннего дня. Прошлое — люди, события, как легкие видения, бесконечной лентой тянулись перед его мысленным взором, а сердце откликалось на эти видения то лаской и радостью, то горем и ненавистью. Ему никого не хотелось видеть, а вот только сидеть так у растворенного окна и слушать, как где-то на княжеском дворе задорно дерутся и шумят воробьи, неумело поют молодые петухи, слышатся уже хрустально чистые посвисты и перезвоны синиц...

Осторожно отворяясь, слегка прошуршала по полу дверь. Вошел дворецкий и, увидя государя в задумчивости, молча остановился у притолоки. Государь заметил его.

— Сказывай, Петр Василич,— проговорил он тихо, приоткрывая глаза.

— Владыка Зосима приехал. Сани его у красного крыльца. Послал через келейника своего спросить, допустишь ли ты его к собе...

Иван Васильевич быстро направился к дверям, спросив на ходу:

— У красного крыльца, баишь, митрополит-то?

— Там, государь...

— Иди позови моих окольничих. Скажи им: иду яз встречать митрополита. Пущай за мной идут, сопроводи их...

Иван Васильевич, сопровождаемый окольничими, принял в своей передней палате митрополита Зосиму и приехавшего одновременно с ним князя Ивана Юрьевича...

Уколов на́большего своего воеводу острым взглядом, он быстро спросил:

— А ты здесь пошто, княже Иване Юрьич?

Слегка смутившись и переглянувшись с Зосимой, князь Патрикеев ответил:

— Приехал к тобе с докладом об исполнении воли твоей...

Иван Васильевич насмешливо улыбнулся и молвил:

— Добре, побаим с тобой после беседы с отцом митрополитом.

Приняв благословение от Зосимы, государь вопросил его:

— Сказывай, отче святый, какая нужда у тобя ко мне?

— Державный государь,— нерешительно заговорил митрополит,— аз, многогрешный, и все отцы духовные, и все родственники твои кровные, и все бояре твои печалуемся пред тобой и молим о милости твоей к брату своему единокровному и единоутробному, князь Андрею Василичу. Прости его, отпусти ему его прегрешения...

Встретив гневный взгляд государя, митрополит смутился, но продолжал:

— Именем бога всемогущего заклинаем тя, державный государь, да исполнится сердце твое любовью к брату единоутробному и единокровному. Смилуйся и прости...

Митрополит смолк и низко поклонился государю, коснувшись рукой пола. Государь долго молчал, сдвинув сурово брови.

Наконец, он глубоко вздохнул и произнес тихо и печально:

— Отче святый! Пошто сердце и разум мой искушаешь? Не меньше твоего и не менее, чем все прочие, люблю яз с детства брата своего Андрейку, а во много крат даже больше. Токмо для государя нет братней любви. Ибо все, что хочет содеять Андрей и все иже с ним, токмо гибель принесут для державы Русской. Подымут они смуту, начнутся удельные межусобья, наступят на нас со всех сторон снова все вороги наши, а татары снова захватят Русь, разорят государство дотла, и будет она улусом татарским... Нет, нет, отче! Пусть лучше нам самим во всем ущерб будет, чем вольное русское государство погибнет.

Иван Васильевич побледнел, обессилел от волнения и, отерев пот со лба, вышел из передней...

Но потом вызвал к себе князя Василия Ивановича Косого-Патрикеева и приказал ему:

— Днесь же гони в Углич и, взяв, сколько надобно, детей боярских, поимай обоих сыновей князя Андрея — Ивана и Димит-

рия — и заточи их в Переяславле-Залесском. Дочерей же Андреевых не трогай.

Этот год осень была пасмурная и сырая. И хлеб стали свозить в овины прямо с полей и по ночам спешно сушить, чтобы обмолачивать его еще по утрам, при огне.

Так же при огне в эти короткие осенние дни начиналась работа дьяков и подьячих во всех московских приказах. Особенно много работы было сегодня в посольском приказе у дьяка Федора Васильевича Курицына. Он по известиям и докладам от новгородского наместника Якова Захаровича ожидал приезда в ближайшие дни посольства к государю московскому от короля датского Ганса, желавшего заключить с Москвой договор о дружбе и взаимопомощи против Швеции.

Федор Васильевич сидел за своим столом и внимательно читал перечень грамот и вестей, хранящихся в ларе по датским и шведским делам.

— Андрей Федорыч, вынь-ка из ларя данемаркские вести от наших доброхотов о каперских захватах королем Гансом свейских, ганзейских и других иноземных торговых кораблей. А ты, Лексей, опричь того, подбери все, что ведомо нам о плавании данцигских и любекских кораблей через Бельты в Аглицкую землю и о том, как исполняются ими Гансовы приказы. Какая от них помочь Стен Стуру, наместнику свейскому, и какая — королю Гансу данемаркскому. Какие от сего беды и выгоды англичанам, голландцам и прочим немцам?

Подьячий Алексей Шекин почтительно усмехнулся:

— Там у них неразбериха и, яко татары бают, полная белиберда, король-то Ганс более всех силы забирает. Начинает всем дерзко приказывать, а все же, видать, нашей по́мочи вельми хочет...

— Право мыслишь, Лексей,— одобрил Курицын.— Вот и собери все, что нам надобно, о короле Гансе. Посла ждем от него...

Шекин встал из-за ларя, почтительно положил на стол возле Курицына несколько больших и малых грамот, свернутых в трубку, и молвил:

— Вот, Федор Василич, что под руку пока подвернулось.

— Добре,— сказал Курицын.— Ежели найдешь, подбери нешто о Колывани и о том, какие в граде сем есть свейские, немецкие и ганзейские купецкие дворы. Глянь в перечне отметки: «аз-глаголь 7—10...»

Курицын помолчал и сказал дьяку Майко:

— А ты, Андрей Федорыч, погляди в ларе глаголь большой по перечням 1—2, там все про цесаря германского Фредерика, который ищет сыну своему Максимиану свейскую королевскую

корону, и о других, к сему причастных. С Максимианом же у нас доконча нье о дружбе есть. Сие также вынь из ларя...

— Сотворю все по-твоему, Федор Василич,— ответил дьяк Майко.— По запросам твоим ясно читаю яз и мысли твои. Сложно и трудно положение круг берегов Варяжского моря, а все вертят немецкие вольные города с Ганзой. Сии всем поперек дороги. Они и нашей торговле ущерб великий наносят.

— Верно, Андрей Федорыч. Ну, да бог не выдаст, свинья не съест.

В палату посольского приказа вошел стремянный государя Саввушка. Поклонившись всем, он почтительно сказал:

— Господине Федор Василич, государь тя требует по известному тобе делу дойти к нему до обеда с грамотами...

В одной из палат государевых хором было созвано тайное заседание. Здесь сидели в ожидании Ивана Васильевича митрополит Зосима, крестовые дьяки из знатных бояр — Истома Пушкин и Константин Сабуров-Сверчок, да братья Курицыны — Федор и Иван, по прозванию Волк, который недавно вернулся из Любека.

Государь вошел в палату один, без окольничих, и приказал своему стремянному Саввушке никого, даже вестников и гонцов, не пускать к нему в палату, пока продолжается дума. Только при особой неотложности вызывать из палаты дьяка Федора Васильевича.

Сев за стол, Иван Васильевич некоторое время молчал, внимательно поглядывая на собравшихся, и, наконец, глухо произнес:

— Собрал ныне вас у собя для ради сугубо тайной думы о том, как нам впредь жить и строить дела государства, веры и церкви. Дьяк Иван Василич расскажет нам, как тайно он в Любеке мои наказы о сем исполнял...

Поднялся с места статный красивый седобородый человек. Поклонившись Ивану Васильевичу, он молвил:

— Ты, государь, посылал меня дьяком при посольстве Юрья Траханиота во фряжские и немецкие земли, но мы дальше Любека проехать не могли — война у короля Максимиана с французским королем. А в Любеке, где живет и работает на своем печатном дворе книгопечатник Бартоломей Готан, яз задержался для ради твоих печатных дел. Вот уж тринадцать лет сей печатник по твоим заказам изготовляет все нужные тобе книги: «Псалтырь» в переводе Федора Жидовина, «Житие святого Силивестра» папы рымского, «Слово Афанасия Александрийского», «Сочинения Дионисия Ареопагита», «Слово Косьмы пресвитера на богомилов» и другие книги, как то: «Шестокрыл»,

«Логика», «Аристотель» и разные астрологические и гадательные сочинения...

— Про все сии книги ворог наш Геннадий уже узнал,— перебил дьяка митрополит Зосима,— а Иосиф, игумен волоцкий, пишет про нас: «Еретики, любители звездозакония, чародеяний, чернокнижия»...

— Ныне яз,— продолжал Иван Волк,— передал Бартоломею твой новый заказ и в подарок ему камку да охранную грамоту с большой золотой печатью, по которой ему всюду путь будет без препон. Пока мы в Любеке жили, сей Бартоломей нам толмачом был. Добре он все германские языки разумеет.

— Государь,— обратился дьяк Курицын к Ивану Васильевичу,— разреши мне слово молвить.

Иван Васильевич одобрительно кивнул головой.

— Для всех нас не тайна,— начал Курицын,— что все мы, собравшиеся здесь, причислены к «еретикам». Архиепископ новгородский Геннадий громит нас и с амвона и в своих посланиях, что мы-де склонны к жидовству: икон не признаем, богоматерь не чтим, в Христа-спасителя не верим, а празднуем по-жидовски субботу. Для нас же ни христианство, ни жидовство не надобны. Сам бог — токмо сила, которая сотворила весь мир и управляет им. Иосиф волоцкий зловредней для нас, нежели Геннадий. Он зорко следит за нами, наши книги читает и хорошо разумеет их. Точит он против нас свой меч красноречия. Человек он ученый и книжный и разумеет, что старые священные книги, которые пришли к нам или из Болгарской земли или из Сербской земли, переведены на наш язык плохо и неверно. Для людей ученых они не годны, а для верующего простого народа полны соблазна. И мы для разумения истины и понимания воли божьей делаем новые переводы сами, и не токмо с греческого или с латыньского, а и прямо с еврейского, и без евреев нам не обойтись в сем трудном и сложном деле. За все сие, нас ради клеветы или по невежеству, со злобой зовут «жидовствующими». Мы же токмо истину хотим знать. Народ же по темноте своей скорее поверит всем тем, кто нас хулит и называет еретиками, нежели нам.

— Верно все сие,— сказал государь.— Но надо́ еще прибавить то, о чем хлопочет Геннадий. В письме своем к митрополиту Зосиме Геннадий о многом ему пишет. Расскажи-ка, отче.

Поднялся со своего места старый митрополит Зосима и заговорил, как с амвона:

— Братие! Архиепископ Геннадий хитрый сластолюбец и жадный мздоимец. Он везде, даже у ворогов, во вред Руси православной ищет токмо собе пользы. Когда посольство короля Максимиана было проездом в Новомгороде, сей Геннадий

пригласил посла Юрья Делатора к собе на обед и вел с ним тайные беседы и подарки дарил. Посол расхвалил ему испанскую инквизицию и великого инквизитора Фому Торквемаду, который от короля Фердинанда Католика и его жены Изабеллы добился изгнания из Испании всех евреев, не похотевших принять христианскую веру. Геннадий пишет мне о всем том, дабы присоветовать и мне такие же меры против наших еретиков, и предлагает, яко жидов, карать их по-всякому и огнем и иной смертью казнить, из русских земель гнать... Иосиф волоцкий тоже начинает свои горячие проповеди о поголовной казни еретиков через сожжение. Он написал о сем целую книгу «Просветитель», в которой именем божьим освящает и оправдывает, почему к еретику непозволительно питать никакого чувства жалости, и дерзко заключает письмо ко мне словами: «Кто не делает сего, тот пособник еретику и сам заслуживает строгого наказания и даже огненной казни».

Митрополит Зосима остановился на некоторое время, выпил несколько глотков квасу и продолжал:

— На соборе три года назад судили мы еретиков и предали их проклятию, то есть смерти духовной, но не телесной, а Геннадий в своем послании к собору требовал, чтобы всех еретиков огулом предали смертной казни. Аз на соборе тогда сказал: «Бог поставил пастырей приводить грешников к покаянию, а не казнить». Меня поддержали заволжские старцы — бессребреники нестяжатели Нил Сорский и кум государев Паисий Ярославов...

— Верно, тогда и яз с тобой согласился,— перебил речь Зосимы государь,— потому и приговорил токмо малую часть судимых к заточению по монастырям; остальных же — к более легким наказаниям.

Иван Васильевич обратился к Курицыну:

— Федор Василич, яз знаю, ты не все еще сказал, что хотел, а потому продолжи...

— Хитро и тонко ставят вопрос церковники,— сказал Курицын,— они сливают в одно: владение землями церковными и монастырскими с вопросом бытия и крепости православного государства. Всех же противников собирания земельных богатств церковью объявляют «колебателями правой веры и христианского государства». Вот как они пишут: «Аще у монастырей сел не будет, как же честно́му и благородному человеку постричься? А не будет честны́х старцев, отколе взять нам митрополита, архиепископа или епископа? Не будет же честны́х старцев и благородных, то вере и царству поколебание будет?» Сии слова шлют они в народ в амвона и возбуждают смуту и недовольство

великокняжеской властью, пугают народ наказанием души за гробом.

«Душа человека свободна,— привел Курицын с усмешкой свою любимую поговорку,— но преграда ей — вера!» Вот оно и выходит, что палка о двух концах: не будешь с попами водиться, попы народ подымут против тобя; будешь с попами в одну дуду играть, они помогут народ закрепостить и доржать его в ежовых рукавицах — страхом получить вечные муки за грехи в загробной жизни.

— С попами или без попов,— перебил государь своего дьяка,— но мне сейчас нужны земли для раздачи служилым людям, сиречь дворянам. Государство наше стало так обширно, что не можно охранять его рубежи токмо своим московским войском. Монастыри же перестали давно быть нам крепостями на рубежах. Надо руки попам и монахам укоротить, власти государевой подчинить. Но, ежели народ пойдет за попами и монахами, яз против народа не пойду. Не время нам с народом расходиться и на рожон переть... Помните сие и разумейте. На сем думу нашу кончаю, а ты, отче Зосима, побудь со мной еще малость...

Когда бояре и дьяки разошлись, Иван Васильевич подсел к митрополиту Зосиме. Помолчав, он сурово молвил ему:

— Отче, знаю, что умен ты, как и дьяк мой Курицын, но о государстве мало печешься... Ви́на заморские стал ты пить, яко воду. Хощешь оставаться слугой государства и моим помощником, возьми собя в руки и призадумайся над моими словами. Прости мя, отче, за правду...

Зосима молчал некоторое время в смущении, теребя свою тощую бороду, и, наконец, робко заговорил:

— Телом немощен аз, государь. Глаза плохи. Тружусь же не по силам и не по годам. Составил аз перечень запрещенных книг, которые все подлежат уничтожению, а книги сии сам читал все до единой: «Остролог», и «Аристотелевы врата», и «Громник», и «Землемерие» и «Луцидарий», и прочие. И не с чужих слов али с чужого мнения запрет на них наложил. Паства моя велика. За душу каждого ответ перед богом доржать буду, а помощников хороших мало. В грамоте попы слабы, а учиться ленивы. Споры, свару меж собой затеяли. Друг на друга наговаривают. Один указует: «Он стригольник», другой: «Он жидовствующий», третий кричит: «Вот богомил», или — того лучше —«крыжак». Всех надо рассудить, разобрать...

Иван Васильевич слушал внимательно митрополита, потом, вздохнув, молвил:

— Слов нет, трудно, отче, паствой править. Тяжело у руля стоять, да еще в бурю, но ты монах, от всего мирского отрекся, при жизни отдал тело и душу на служение богу и людям. Яз вот

не монах, и жизнь люблю, и детей своих люблю, а токмо для собя мне пока жить не приходится: с боярами, дьяками, воеводами сужу все да ряжу всякие дела, каждому сам пишу наказы и памятки. Боюсь все, не вышло бы огрешки какой. Есть у меня помощник и друг — Курицын, Федор Василич. Разумеет он все и помогает мне во всех трудах моих. И Майко и Ховрин верны мне и преданы, а все же приходит пора думать, кому кормило государства оставить. Того, кого яз возрастил с любовью, ворогн отняли, отразили... Внук Димитрий здоровей своего отца. Умный он и нежный парубок, но яз уж не могу отдавать ему столь времени, сколь уделял его отцу... Время же летит, яко птица!..

Произнес Иван Васильевич эти слова и сразу вспомнил, что это была любимая поговорка его матери Марии Ярославны. Грустно помолчал старый государь и продолжал:

— Да! Летит время-то. Вот будто недавно родился мой последний сынок Андрейка, пищал, плакал, ничего не понимал, а вот теперь уж бегает, говорит, яко большой. Придется его вборзе на коня сажать... А Оленушка и Федосьинка уж давно заневестились. Сватался уж к ним король Максимиан, ныне сватов заслал и великий князь литовский. В чужие-то края дочь отдать — значит, навеки с ней расстаться... Ну, прощай, отче, пойду детей навестить. Поветрие какое-то на них на всех напало. Седни ко мне послы воротились, которых яз к Гансу в Данемаркию посылал за море... Утре же казнь смертная князя Лукомского да толмача ляха Матьяся и пособников их. Горестны и тяжки мне дела сии...

Митрополит Зосима вздохнул и робко молвил:

— Прощай, сыне мой! Пойду молиться за тобя всевышнему, дабы дал он тобе сил побороть всех ворогов наших, иноземных и своих...

Оставшись один, Иван Васильевич запер на засов дверь своей трапезной и стал ходить из угла в угол. Хотелось собраться с мыслями, а мысли сегодня ему не подчинялись, прыгали из стороны в сторону. Вспомнил он детей своих: Василия, Юрия, Димитрия, Симеона и Андрейку и трех дочерей — Елену, Феодосию и меньшую Дуняшу, мечущихся в бреду на постелях в жару сильном, с запекшимися губами и мутными глазами.

«Кого из них унесет смерть?— думал он.— Токмо всех жалко! И малого и большого...»

И вдруг перед глазами встал князь Иван Лукомский, таким, каким он был на последнем допросе. Теперь Иван Васильевич, как государь, должен утвердить к исполнению смертный приговор. Ему хотелось отдалить этот страшный миг.

— Грозно сие, господи, вельми грозно,— шептал государь, содрогаясь,— сжигать на костре живого человека. Железная

клетка накалится докрасна, потом добела. Человек же в ней будет гореть заживо, окутанный пламенем и дымом, задыхаться, искать спасения. Будут гореть у него пальцы и тело там, где он прикоснется к раскаленным прутьям клетки.

Мороз пробежал у него по телу. Иван Васильевич даже поежился.

— Саввушка!— крикнул он, быстро отодвигая засов у двери. Стремянный стоял перед государем.— Саввушка, скорей зови боярина Ивана Федорыча Товаркова с кузнецами с Пушечного двора. Спешно, скажи, государь кличет. А мне вели подать сюды завтрак.

Государь снова стал шагать из угла в угол. Вошел боярин Товарков с кузнецами, во главе которых был седой уж старик, кузнец Ермила, с детства знакомый Ивану Васильевичу.

— Здорово, старинушка!— обратился государь к Ермиле.

— Здорово, государь-батюшка, кормилец наш, здорово!— ответил Ермила.— Пошто тобе, батюшка, мы так спешно понадобились?

— Дело неотложное, Ермила, и тайное,— ответил Иван Васильевич.— Изготовь-ка мне к утру в двух тех железных клетках для грозной казни такое хитрое устройство, дабы человек сразу задохнулся и смерть принял бы в бесчувствии. Злодеев казнить надобно,— промолвил тихо государь,— токмо о пределе мук человеческих помнить бог велит...

— Добре, батюшка-кормилец наш. Право ты мыслишь. Исполним все по приказу твоему...

— Ну, а ты-то как живешь, Ермила? Как и о чем народ-то наш баит?— неожиданно спросил государь.

— Я-то живу, государь-батюшка, добре. Жалиться мне не на что, а народ?— Ермила усмехнулся:— Бог леса не сравнял, так и народ: кто плохо живет, кто хорошо, а все тобе служат...

Иван Васильевич встал из-за стола, подошел к старику, похлопал его по плечу и сказал:

— Умный ты человек! Из твоих присказок да пословиц, как из песни, слова не выкинешь. А все же скажи, народ-то что баит?

— Кто как ни живет, государь,— ответил Ермила,— а татар больше нет. Вздохнул народ, радуется...

Старик замолк, раздумывая, потом посмотрел государю в глаза и проговорил:

— Верит народ, что топерь полегче жить будет...

— Ну, иди, бог тобе в пóмочь,— сказал государь.— Попекись о наших злодеях... Помни: ежели бог захочет, то и без нас их накажет, и грозней нашего...

Ермила и его подручные низко поклонились государю и вышли,

а Иван Васильевич провожал их взглядом до самых дверей, потом некоторое время в раздумье ходил по своему покою. Прощаясь с боярином Товарковым, он доверительно сказал:

— Слышал, о чем яз с кузнецами баил? Ну, так ты прими меры.

— Исполню, государь...

Софья Фоминична встретила государя вся в слезах, осунувшаяся и постаревшая.

— Как дети? — спросил Иван Васильевич, подавая ей руку, которую она особенно крепко поцеловала. — Не плачь, не плачь! Верю яз, все они поправятся. Яз тоже в юности крепко болел, боялись, помру. Сам митрополит Иона заздравный молебен служил с зелеными свечами, которые из Иерусалима от гроба господня присланы были болящему деду моему. Давай детям побольше питья всякого: меду, квасу, — помню, меня сие вельми облегчало, — да мокрый ручник клади им на головы.

Софья Фоминична радовалась приходу мужа, который жил с ней в большом «брежении» со дня смерти Ивана Ивановича. Она повела его смотреть детей, лежавших по разным повалушам. Заглянув ко всем, Иван Васильевич собрался уходить к себе для приема послов Ганса, короля датского. Государыня, взяв мужа под руку, прижалась к его плечу и, жалобно всхлипнув, проговорила:

— Приходи к нам... Не сердись... Яс вельми несцасна. Слыхаль, дочек сватают... Боюсь, Иване. Отдавать в другие земли, никогда больсе их не видеть... Вот, как и яз из Рома уехаль...

Она разрыдалась.

Иван Васильевич грустно слушал эти отрывочные речи.

— Двадцать одно лето, Софьюшка, — сказал он, — прожили мы с тобой, и десять детей нажили. Все же, сама знаешь, остался яз, как и ты, един, яко перст...

— Иване, прости князя Василья верейского и племянницу мою Марью Андревну. Пусть в Москву возвратятся. Тоскуют они, — неожиданно взмолилась Софья Фоминична.

Иван Васильевич задумался, но, вспомнив железную клетку, с усмешкой ответил:

— Добре, наряжу яз посольника со своей грамотой к Василью. Пусть возвращается, коль сердцу твоему от того легче будет.

Софья Фоминична обняла мужа. Он ласково погладил ее по густым, еще черным волосам, и все же ушел на свою половину принимать датских послов.

Сегодня, тридцать первого января тысяча четыреста девяносто третьего года, с самого утра государь снова волнуется, как волновался, будучи еще соправителем отца, когда впервые приказал грозно казнить на льду Москвы-реки заговорщиков Луку Клементьева, Парфена Бреина и других, и кто хорошо знает государя, заметит сразу, что дрожат у него слегка руки...

Морозно. Ночью за Боровицкими воротами трескались деревья, будто там из ручных пищалей стреляли. Красно-багровое солнце выкатилось поздно, тускло глядя из густого тумана. Снег звонко хрустит. У лошадей ноздри, грива, хвост и бока, а у мужиков — брови, усы и бороды сплошь заиндевели. В церквах как-то по-особому заунывно звонят колокола...

Иван Васильевич стоит с внуком Димитрием на гульбищах, у самой высокой башенки-смотрильни. Отсюда видать, как мечется народ по улицам и бежит к набережной Москвы-реки, где уже дымят, разгораются два огромных костра, оцепленные стражей из земских ярыжек...

Проскакали отряды русских и татарских конников для охраны порядка и спокойствия.

— Дедушка, гляди,— схватив за рукав Ивана Васильевича, говорит одиннадцатилетний Митя.— Гляди, какой дым с огнем к небу подымается. Пожар там?

— То не пожар,— ответил старый государь внуку,— а костры разожжены. Гореть на них будут злые люди, которые нас с тобой убить хотели: Иван Лукомский, литовский князь, да толмач лях Матьяса...

У Мити глаза стали круглыми от ужаса...

На гульбище торопливо поднялся стремянный Саввушка и доложил:

— Все исполнено, государь, точно по приказу твоему. Обе железные клетки враз в глубину огненную сбросили. Палачи бают, обоих злодеев огнем и дымом сразу захватило, горели уж в беспамятстве, без муки... Волосы у них огнем в един миг сбрило... Хошь и без муки сие, как бают палачи, но вельми грозна такая смёртушка...

— А как другие, братья Селевины?— глухо молвил Иван Васильевич.

— Тех, как пригнали к берегу,— волнуясь, продолжал Саввушка,— так враз разули, портчишки сорвали и давай батогами по голым ляжкам лупцевать. Ноги у них посинели, а сами они ревут, богу в грехах каются, прощения просят. Народ же кругом свистит, улюлюкает, бабы голосят... Вборзе старший брат, Богдан, лицом посинел и тут же богу душу отдал. А к меньшому, Олехно, по приказу сотника подскакал татарский конник и ссек ему голову...

Саввушка прерывисто вздохнул и смолк, а государь торопливо перекрестился мелким крестом и чуть слышно шепнул:

— Прости мя, господи...

На конце тысяча четыреста девяносто третьего года, тридцать первого августа, в день журавлиного отлета, приехали служить к Ивану Васильевичу несколько литовско-русских князей, «отсев» от Литвы и Польши со своими людьми и вотчинами.

То были князья Воротынские-Одоевские, братья Семен и Димитрий Федоровичи, князья Белевские, Василий и Андрей Васильевичи, и князь Михаил Романович Мезецкий.

По дороге на Москву князь Семен Федорович Одоевский «засел» на имя великого князя Ивана Васильевича городки Серпейск и Мещёвск. Князь же Михаил Романович Мезецкий, захватив силой братьев своих Семена и Петра, привел их в Москву.

Государь Иван Васильевич принял всех перешедших к нему литовских князей, а Семена и Петра Мезецких приказал заточить в монастырь в Ярославле. Михаила пожаловал его же вотчиной и вотчинами братьев его.

О своих решениях Иван Васильевич послал дворянина Димитрия Загряжского уведомить Александра Казимировича.

«Брат мой,— велел он передать великому князю литовскому,— все сие содеял яз, яко государь всея Руси, ибо все земли суть вотчины русских князей на Смоленщине со Смоленском, на Киевщине с Киевом, в землях: Чернигово-Северской, Полоцкой, Берестейской, Галицкой и Волынской. Воюю яз за Русь Киевскую: от Волги до Галича и от Мурома до Переяславля, Канева и Черной Руси, Черска и Олешья, за всю свою исконную вотчину государеву, ибо все они, города и земли, Русская земля божьею волею из старины, из прародителей наших, есть наша отчина».

В ответ на это великий князь Александр через неделю отправил из Смоленска к Ивану Васильевичу посла со своими возражениями, а к захваченным городкам Мещёвску и Серпейску послал войска во главе с князем Семеном Ивановичем можайским и с воеводами князьями Друцкими.

На пятый день после прибытия в Москву литовского посла Богдана-писаря государь принимал его вместе с дьяком Курицыным у себя в покоях.

— Войска литовские выполнили приказ своего государя — князя Александра,— горделиво докладывал Богдан-писарь,— возвратили Литве городки Мещёвск и Серпейск с волостями и «позасели их»...

Государь нахмурился, ничего не ответил и знаком отпустил посла.

В это время, когда посол выходил от государя, вошел на́большой воевода и наместник московский, князь Иван Юрьевич Патрикеев. Он был мрачен.

Иван Васильевич выждал некоторое время после ухода посла и спросил князя Ивана Юрьевича:

— Худые вести?

— Не худые, государь. Наши конники, которые есть у князей Воротынских-Одоевских, ляхов из Серпейска и Мещёвска выгнали. Токмо то худо, что началось у нас, яко на качелях: то мы вверх, а ляхи вниз, то — наоборот. На качелях будто качаемся... От сего и с послами литовскими каждые две недели видимся, а дело не двигается...

— Как же быть?

— Ударь, державный, крепче. Оборви качели-то...

— Яз тоже о сем думал. Для того и за тобой посылал,— ответил Иван Васильевич.— Мыслю послать в по́мочь князьям, отсевшим к нам, князя Федора Василича рязанского с войсками его.

— Не воевода он, князь-то Федор Василич,— нерешительно заметил Иван Юрьевич.

— Право, Иван Юрьич, сказываешь,— с усмешкой молвил государь.— На одного князя Федора и яз не полагался. Наметил с ним воеводу рязанского, Инку Измайлова...

— Добре, государь,— согласился Иван Юрьевич,— вельми гож он для ратного дела. Умный и крепкий мужик.

— Рад сему. Угадал, значит...

— Угадал, государь, угадал!— живо откликнулся князь Патрикеев.

— Так вот, Иван Юрьич,— посмеиваясь, продолжал государь,— достань из ящика моего стола чертежи Руси и всех смежных с ней государств. Поглядим с тобой вместе, какие, где и с кем ныне по тверской земле полки расставить.

— О сем, государь, и яз по мере сил своих подумал. Прикажи, государь, Саввушке ко мне в хоромы слетать за сыном моим Михайлой Иванычем, пусть сюды придет с чертежами ратными всей Руси, по которой войска расставляли.

— Саввушка,— обратился государь к своему стремянному,— слышал? Уразумел?

— Уразумел, государь. Сей же часец погоню к князю Михайле Иванычу Колы́шко-Патрикееву, позову пригнать сюда немедля...

— Добре, гони за князь Михайло Иванычем.

Через полчаса на большом обеденном столе в государевой трапезной были разложены две карты с чертежами рубежей Руси и с краткими пометками государя и карта поменьше, с

отметками расположения русских войск у рубежей для обороны в случае нападения неприятеля и для обхода врага русскими войсками иа случай сильных и затяжных сражений.

Выслушав доклад обоих Патрикеевых, Иван Васильевич одобрил расположение русского войска на западном направлении, еще раз внимательно посмотрел на карты, где расставлены пушки, н быстро спросил Колы́шку:

— А скажи, Михайла Иваныч, как далеко бьют литовские пушки?

— Много ближе наших. Ежели скажу — вдвое ближе, то сие будет истина.

— А где брод на сей вот реке?— продолжал спрашивать Иван Васильевич.

— Брод токмо здесь вот, между двумя сельца́ми...

— Ставь свои пушки в два ряда, дабы перед бродом бить ворогов у их берега и потом, как в воду войдут, бить их на середине реки.

— Разумею!— воскликнул Колышко-Патрикеев.— Так теперь мне бить врагов иа бродах, как ты сам, государь, бил татар на Угре-реке.

— Добре, Михайла Иваныч,— похвалил старый государь.— Всеми силами некоторых обходов не допускай... От собя яз хочу в по́мочь своему сестричу, князю Федору Василичу, большую силу послать, дабы крепким гвоздем прибить на месте и Серпейск и Мещёвск. Посылаю я́з в Большой полк тобя, Михайла Иваныч. В Передовом полку — князя Александра Василича Оболенского, при нем князя Василь Василича Оболенского-Серебряного, дядьку сына моего старшего, Василья Иваныча. В правой руке — князей Андрея н Ивана Смолу-Никитичей. В левой руке — Ивана Володимирыча Оболенского-Лыку. В Сторожевом полку — князя Бориса Михайлыча Туреню-Оболенского, князя Василь Володимирыча Кашу-Оболенского... Как вы о сих воеводах мыслите?

— Добрые воеводы, государь,— молвил князь Иван Юрьевич.

— А у тобя, Михайла Иваныч, как у воеводы Большого полка, недовольства нет против кого-либо?

— Нет, государь!— скромно ответил князь Колы́шко-Патрикеев.— Могу ли яз перечить таким воеводам, как ты, государь, и как родитель мой, князь Иваи Юрьич! Не мыслю худого совета слышать от вас...

— Добре,— перебил его государь,— опричь всего сказанного мною, тобе приказ: «Князьям Воротынским-Одоевским, Димитрию и Семену, Андрею Белевскому, Михайле Мезецкому быть подле Передового полка великого князя, то ли на правой, то ли иа левой стороне, где похотят, а не похотят князья Димитрий и Семен быть вместе, то князю Димитрию быть со своим полком

подле Большого полка, где прихоже. Князю Семену Воротынскому-Одоевскому и братаничу его князю Перемышльскому быть подле Передового полка, где похотят. Князю же Василью Белевскому и Михайле Мезецкому быть с князем Федором рязанским в полку, где им пригоже и где похотят. А как сойдутся все люди, приказываю тобе, Михайла Иваныч, вместе с князем Лександрой Оболенским все полки пересмотреть, и в котором полку будет меньше людей, тому прибавить из других, где людей больше, чем положено на полк.

Иван Васильевич помолчал и молвил:

— На сем днешнюю думу заканчиваем. Дни через четыре придет к нам с полками своими сестрич мой, князь рязанский Федор Василич. К сему дню будь готов, Михайла Иваныч. Через день после его прихода тобе выступать вместе с ним в Литву, к Серпейску и Мещёвску.

Того же тысяча четыреста девяносто третьего года, сентября шестого, думал Иван Васильевич думу с дьяком Федором Васильевичем и с князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым о посылке сына своего Василия Ивановича на великое княжение в Тверь. С ними был еще для разных записей только подьячий дьяка Курицына — Алексей Шекин.

— Ну, всё мы обсудили о Твери, и яз согласен с вами, дабы круг Василья были токмо свои, московские люди.

— Истинно, государь,— подтвердил Курицын,— потому тверичи и бывшие литовские князи надвое мыслить могут. Наши московские дела для них еще чужие.

— Посему пишите приказ мой...

Подьячий Алексей приготовился писать.

— Слушаю, государь,— произнес он почтительно.

— «Яз, великий князь Иоанн и государь всея Руси, приказываю,— начал медленно Иван Васильевич,— утре, сентября седьмого, ехать сыну моему, князю Василью Иванычу, на великое княженье в Тверь, а при нем быть Даниле Василичу Щенé-Патрикееву, Юрью Захарычу Захарьину-Кошке, Петру Никитичу Оболенскому, Федору Семенычу Ряполовскому-Хрипуну и Петру Борисычу Бороздину».

Государь лукаво усмехнулся и продолжал:

— «А к берегу на Оку послать: князя Иосифа Андреича Дорогобужского, князя Михайлу Федорыча Микулинского и Бороздина, Ивана Борисыча». Некои тайные наказы о том, как и где заставы ставить у тверских рубежей против Литвы и против свеев, яз потом Василью напишу и пошлю с Саввушкой. Идите с богом да подумайте о моем отъезде в Новгород Великий. Вы

оба: ты, Федор Василич, и ты, брат мой Иван Юрьич, со мной поедете, да возьму яз князь Данилу Холмского, князь Александра Оболенского и князь Семена Ряполовского...

В тысяча четыреста девяносто третьем году, сентября семнадцатого, воротился со своими полками в Москву сестрич государя Федор Васильевич, князь рязанский, и московский воевода князь Михаил Колышко-Патрикеев.

На приеме государевом на площади у храма Михаила-архангела перед боевыми полками, стоявшими в строю, выехали к государю главные воеводы со своими подручными, окруженные полковниками, сотниками и десятниками с саблями наголо.

— Будь здрав, государь всея Руси!— громко приветствовал своего родного дядю князь рязанский,— с «сеунчем» тобя!

Воины, блеснув сталью, разом выхватили сабли и, по-военному четко, прокричали:

— Будь здрав, государь всея Руси!..

Загудели войсковые трубы, барабаны и сурны. Государь выехал вперед и приблизился к рядам воинов.

— Поздравляю тобя, сестрич мой любимый, и тобя, Михаил Иваныч. Послужили вы всей Руси честно, как подобает всякому сыну ее. Будьте здравы вы оба, и все воеводы, и все вон, которые были под вашим началом. Передайте им мой низкий поклон...

Государь взволнованный, замолчал; молчали и воеводы. Трубы и барабаны тоже смолкли.

Иван Васильевич приподнялся на стременах, и, когда все замерло, снял шапку, как снимают ее перед ним простые люди, и громко произнес:

— Челом бью вам, вои православные! Ныне вернули вы святой Руси ее исконные земли,...

Опять зашевелились ряды воинов, но в них теперь не было ничего воинского. Просто, как мужики, поснимали они шапки и, перекрестясь, общим гулом ответили государю:

— Помог нам Христос за святую Русь потрудиться, помог свою веру защитить от латынцев...

Государь перекрестился, надел шапку и медленно поехал с площади к своим хоромам...

Смутно почуял он, что произошло что-то новое между ним и народом. Дорогой он думал, что не примет народ никакого еретичества, как не принял и ныне не принимает латинства.

«Благодаря упорству в вере греческой народ сохранил среди ляхов свой русский облик, свой родной язык и свои обычаи...» Не ополячился он, как некоторые из русских князей и бояр. Дорого платил русский народ за свою веру «греческого закона»

и ии иа какую ииую веру и теперь ие сменяет ее,— пришел к выводу Иван Васильевич и понял, что литовско-русское крестьяиство, как и московское, будет и впредь всегда вместе с русскими попами греческого закоиа и будет против всех еретиков, даже против своего законного государя, ежели тот отпадет от закона греческого.

Иваи Васильевич горько вздохнул и прошептал:

— Придется нам с тобой, Феденька, сдаваться иа всю волю иародов и пойти за иевежествеиными попами, ие то иарод ие пойдет с иами, а прокляиет иас и благословит своих же и наших ворогов, которые токмо волки в овечьей шкуре...

Глава 9

НА НОВЫХ ТОРГОВЫХ ПУТЯХ

Более двух лет прошло со дня заключения киязя Аидрея большого иа «ка́зенках», в подземельях дворцовой церкви Благовещеиия. Было шестое иоября, с которого иачинается ледостав на озерах и реках. Уже к утру иачинала промерзать слюда в окнах государевых хором и оттаивала только ко второму завтраку, когда солнце в иоябрьские дии заглядывает в трапезную.

Иваи Васильевич сидел за столом с дьяками Курицыным, Майко и с казиачеем Ховриным. Государь медлеиио пил вино, слушая дьяка Курицына, и в задумчивости иевольио следил, как утоичался ледяной слой иа светлеющей слюде.

— Неполадки, державиый государь, у нас в торговле с султаиом турским Баязетом,— сообщал Курицыи.— Пишет тобе Меиглы-Гирей, что кафииский и азовский турские паши́ сильиичают иад купцами иашими, хватают их вместе с их слугами и велят, яко рабам, тяжкие каменья и песок иа собе иосить иа стройку крепости. Когда ж русские на сих тяжких работах разболятся, паши́ отбирают у иих весь товар. Если купец выздоровеет, ему возвращают только половииу его товара, остальиое паши́ беззаконно берут собе, а если русский купец умрет, то весь его товар захватывает собе паша́...

— Вот яз и запретил иашим купцам ходить иа Азов и Кафу,— перебил дьяка государь.— Ныне же, когда иам иадо через иовые места к Очакову, в Турскую землю, свои пути пролагать и когда иедруги иаши — иемцы, свеи, Литва с Польшей и Гаиза войиой нам грозят, у иас иа Москве беда — обе казины погорели: и моя и княгини моей... Вот те и иовый казеиный приказ!— И, обернувшись к боярину Ховрину, добавил:— Сидишь вот ты, главиый дьяк нового приказа, един, без рублей, яко воевода без полков...

— Истинно,— печально подтвердил боярин Ховрин,— посылал яз своих подьячих потери казны описать в кладовых-то; бают они, все злато и серебро расплавилось, жемчуга до черноты обгорели, алмазы совсем сожгло. Драгоценные же соболи, горностаи и куницы в прах обратились...

— Н-да-а,— молвил Иван Васильевич,— из богатеев-то мы враз нищими стали...

— Ништо, государь,— бодро произнес дьяк Курицын.— Войско-то у тобя сильней всех иноземных. И хлеба много, как у псковичей... Опять разбогатеем. Деньги — дело наживное.

— Улита едет, когда-то будет,— перебил дьяка Иван Васильевич,— а дорого-то яичко в Христов день...

— О, маловер еси ты, государь и друже мой державный,— с почтительной укоризной шутливо продолжал дьяк Курицын.— Забыл ты, государь, как в марте, четыре года назад, посылывал в Югорскую землю к Печоре-реке своего знатного рудознатца Андрея Петрова и в пóмочь ему — немецких рудознатцев Виктора да Ивана с приставом Васильем Иванычем Болтиным. Забыл ты, как прошлый год был у нас новгородский промышленник, Сысой Левонтич, из посада Нéноксы, Двинской пятины, баил нам, что рудознатцы нашли серебряной руды много.

— Помню,— усмехнулся государь.— Токмо ведь руду-то возить надо, болванки для денег лить, а из тех болванок рубли рубить. Сие немало время возьмет, и сие дело — тоже «улита», а серебро вот уж третье лето к нам на Москву ползет...

— Неправо ты мыслишь, государь!— загорячился боярин Ховрин.— Не ближний путь ведь до Усть-Цильмы-то. Надобно от Москвы проехать до самого Студеного моря, к посаду Нéнокса, куда не меньше тысячи и ста верст. Да от сего посада к Усть-Цильме без одной версты восемьсот верст.

— О сем яз и сказываю,— с раздражением оборвал своего казначея Иван Васильевич,— некогда нам ждать-то, когда нож у горла!..

— Не гневись, друже державный,— вмешался дьяк Курицын,— вспомни, как долго первый раз груз железа да меди к нам на Пушечный двор везли... А как конный гон и гон на ладьях наладили и стали нам каждый день посылать руду, то и мы на Москве стали ее тоже каждый день получать.

— Верно, верно!— добродушно рассмеялся Иван Васильевич.— Люблю яз разумные речи! А ведь и верно: все так, как вы оба, Федор Василич с Димитрием Володимирычем, баите... Лиха беда начало. Верю, ежели истинно много руды серебряной нашли, будут новые деньги у нас на Москве. Но мы, опричь сего, договорились еще с нашими купцами — сурожанами, кафинцами и с теми, которые торг ведут с китайцами, дабы они

серебро в чужеземных странах для нас скупали, елико возможно, в слитках и в изделиях. Они плавают по Дону, по Сурожскому морю и потом на венецейских кораблях свои товары через Босфор и в разные дальние земли возят... Иные-то купцы товары свои возят по Волге и по морю Хвалынскому в басурманские земли: в Шемаху[1], в Ширван[2], а на верблюдах в Ургендж[3], Бухару, Афганистан, страну кизил-башей и через Индийское море на остров Ормузд. Прочтите для сего записки тверского купца Афанасия Никитина «Хождение за три моря». Писание сие вельми поучительно. Помнишь о нем, Федор Василич?

— Помню, государь. Наши гости-купцы записки его привезли из Смоленска, где Афанасий-то возвращаясь в Тверь, преставился... Опричь того, перечту яз и грецкие книги: походы царя Александра Македонского и книгу «Анабазис», сиречь поход десяти тысяч греков из Персии в Грецию... Мыслю, и там можно нешто полезное нам сыскать.

— Добре, добре,— заметил Иван Васильевич,— токмо не откладывайте сего, вборзе все делайте. Помни, Феденька, прожили мы с тобой много больше того, сколь жить нам остается...

— Успеем, государь!— воскликнул Курицын.— Князь Иван Юрьич, Димитрий Володимирыч и яз сам с сыновьями да с некоими из крестовых дьяков и подьячих все в строгой тайне содеем.

— Ты, Федор Василич, подумай с князем Патрикеевым и с нашими богатыми гостями — купцами-сурожанами и с другими об охране сухопутных и водных торговых караванных путей. Подумай, на какие пути сколько стражи из конников давать для караванных дорог и какое каждой снаряженье положить, сколько насадов и судовых воев давать на речные и морские караваны. Пусть еще дьяки с послами нашими постоянными торговые пути сухопутные наметят точно и укажут места, где на станах купцам отдыхать и какие заставы и градки им нужно поставить с крепкой приправой, с питьем и харчем для людей, с кормами для коней, волов, верблюдов и ослов.

— Добре, государь, обмыслено!— воскликнул боярин Ховрин.— Токмо прикажи все о путях сих торговых в великой тайне хранить. И записям о них быть токмо на руках у меня да у начальников каждой стражи. Дабы не успевали всякие

---

[1] *Шемаха* — автономное мусульманское княжество в XV веке.

[2] *Ширван* — Ширванское ханство в средние века было вассалом Персии.

[3] *Ургендж* — позднее Хива.

косоглазые «бакшеи» о путях иаших караваиов узиавать для своих татарских разбойииков.

— Крепко сказаио,— усмехиулся Иваи Васильевич.— В мой огород камешек: не доверяй, мол, очень-то татарам... Знаю, не любишь ты своего толмача Абляз-Бакшея...

— Есть грех, государь,— сказал бояриии Ховрин,— нет в его у меия веры. Так же ие верил яз и деиежиику твоему, Иваиу Фрязину...

Постучали в дверь государевой трапезиой, и вошел князь Иван Юрьевич Патрикеев.

— Будь здрав, государь,— печальио произиес ои.— Утресь затомился и, приняв святую схиму, преставился родиой брат твой Андрей Василич, князь углицкий...

Иваи Васильевич всплеснул руками и, упав на колеии перед образами, завопил:

— Горько сие и тяжко мне пред людьми и богом. Буду каяться и бить челом митрополиту Зосиме о прощении. Сам брат в муках своих повинен, зло он мыслил на Русь православную. Мои же прегрешения, ежели яз свершил их иевольно, отпустит мие отец Зосима и замолит их пред господом...

Иван Васильевич быстро подиялся с колен и, перекрестясь, сел за стол.

— Нельзя иам,— сказал ои глухо,— прерывать сей часец тайиую думу нашу о иовых торговых путях, о продолжении войиы с Литвой и о новых войнах со свеями и с Ганзой, сиречь со всеми городами венедеискими, с киязем Плеттенбергом, архиепископом Рижским, который во главе их... Сии злые наши вороги ждать нас не будут. Нам же упредить иужно, ударить там, где ие им, а иам выгодио...

В иовом же тысяча четыреста девяиосто четвертом году, января семнадцатого прибыли из Литвы послы от великого князя Александра Казимировича бить челом о заключении вечиого мира и о брачиом договоре литовского великого князя с княжной Еленой Ивановиой, старшей дочерью государя Иваиа Васильевича.

Членами литовского посольства были: паи Войтех Яиович Клочко, хорунжий и иаместник утеиский, два великих посла — паи Петр Яиович Моитигердович, воевода прокский, и паи Станислав Яиович Гезгайло, староста жмудьский, да писарь посольства Федор Григорьев.

Государь Иваи Васильевич, подумав думу с дьяком Курицыным, с князем Патрикеевым и с киязем Семеиом Ивановичем Ряполовским, иазиачил послам особо торжественный прием в Малой

Грановитой палате января девятнадцатого, иезадолго до обеда.

В передней были уже все знатные московские бояре в богатых шубах, и государева стража в золоченых кольчугах стояла вокруг троиа и вдоль стен, сверкая драгоцеиными самоцветами на ножнах своих сабель и кинжалов.

Когда послы в сопровождении своих московских приставов — двух братьев, князей Телепень-Оболеиских, двух братьев Заболотских и с двадцатью боярскими детьми в праздничном военном снаряжении вошли в переднюю, князь Иваи Юрьевич, как всегда иа таких приемах, быстро вышел послам иавстречу и громко произиес:

— Будьте здравы, ясновельможны паны!..

При этом приветствии вся государева стража единым взмахом выхватила с булатным лязгом сверкающие сабли и так же разом вложила их опять в ножны. Вдруг громко заиграли медные трубы. Это показался в дверях государь Иван Васильевич, сопровождаемый сыном своим Юрием Ивановичем, внуком Димитрием, а также дьяком Курицыным и князем Семеиом Иваиовичем Ряполовским. Трубы смолкли, и вся государева стража взяла к иоге свои копья и замерла иеподвижно.

Все это было так красиво и произведеио с такой военной выправкой, что у взволнованных зрителей пробежала дрожь по телу.

Послы переглянулись, и каждый из них, по польскому обычаю, опустился на одно колеио перед могучим русским государем.

После взаимных дружеских приветствий пан Петр Монтигердович передал дьяку Федору Курицыну верительные грамоты, подписаниые великим князем литовским шестого иоября тысяча четыреста девятьсот третьего года.

— Великий князь наш Александр уже однажды посылал к тобе своих послов Андрея Олехновича и Войтеха Яновича,— иачал паи Петр,— о том, что шкоды деются нашему княжеству великому литовскому от тобя и ты бы те шкоды оправил, если хочешь с нами жить в мире.

Паи Станислав добавил:

— Великий князь Александр говорит: «Если ты никогда не хотел с иами «иежи́ться» и если ты с нами хотел пожи́ться доброго, мы речи о том в твоем ответе гораздо вразумели».

— Яз токмо того и хочу,— ответил послам Иван Васильевич,— чтобы никаких шкод у нас не было, а токмо вечная приязнь.

Пан Петр продолжал:

— «Если ты хочешь доброго пожи́ться, то и мы хотим с тобой

жи́тья и любви и оставить в силе тот договор, который отец еще твой подписал с моим отцом, и какие городы принадлежали тогда Литве — остались бы за Литвою, а какие городы принадлежали твоему деду и твоему отцу — остались бы и ныне за Москвой. А ежели так будет, то рука врага на нас не поднимется и кровь христианская не будет литься, а будет меж нами дружба и доброе пожитье и вечная приязнь».

К государю подошел дворецкий и громко доложил ему, что обед в большой трапезной избе собран.

Иван Васильевич поднялся со своего трона, сделанного из точеных слоновых бивней, и сказал послам дружелюбно:

— Ответы свои брату моему Александру, великому князю литовскому, дам яз через три дни, а сей часец прошу пожаловать всех в трапезную к моему столу, где изопьем мы чаши о здравии литовского государя.

После торжественного обеда со многими речами государь отбыл в свои покои, а на подворье к великим литовским послам отправил: к пану Петру — князя Василья Васильевича Телепню-Оболенского, Лоба́на Григорьевича Заболотского и десять детей боярских с угощением из лучших иноземных вин в серебряных жбанах, русских медов стоялых и знаменитой польской «старки», а к пану Станиславу с таким же угощением отправил князя Федора Васильевича Телепню-Оболенского и Асанчука Григорьевича Заболотского с десятью же боярскими детьми.

В понедельник, двадцатого января паны Петр и Станислав прислали к князю Ивану Юрьевичу Патрикееву Войтеха Яновича Клочко с посольским писарем Федором Григорьевым.

Пан Войтех Янович сказал князю Патрикееву:

— Панове наши Петр и Станислав хотят узнать, когда панам можно быть у великой княгини и у дочери великого князя и как бы им поговорить о сватовстве, о дружбе и о докончанье обоих великих князей на вечный мир. Хотят панове также говорить и видеться с самим князем Иваном Юрьевичем.

Князь Иван Юрьевич Патрикеев отвечал посланцу:

— Наш великий князь Иван Васильевич хочет любви и доброго пожи́тья. О сватовстве же говорить будет, когда состоится меж государей сия дружба и докончанье, и тогда будут паны Петр и Станислав у нашей великой княгини. Если же паны Петр и Станислав хотят со мной говорить, то и яз тоже хочу с ними видеться и говорить, когда для того наступит время.

Двадцать третьего января, в четверг велел великий князь Иван Васильевич быть послам у него на дворе. Выслал он к

ним князя Василия Патрикеева и князя Семена Ряполовского, казначея своего Димитрия Ховрина да дьяков — Федора Курицына и Андрея Майко.

Послы пришли иезамедлительно в переднюю государя. Князь Василий Патрикеев сказал послам:

— Мы хотим любви и докончанья.

Вышел на середину комнаты князь Семен Ряполовский и, поклоиившись послам, сказал:

— Мы хотим докончанья, как было при предках наших Семеие Ивановиче[1] и Иване Иваиовиче[2] и при их прадеде, великом князе Ольгерде.

Паи Петр спросил:

— Почему же ие хочет великий князь Иван сохранить договор отца своего Василия?

Князь Василий Патрикеев отвечал:

— Невзгоды принудили тогда иаших государей Василь Василича и его отца Василь Димитрича договора те подписать.

После этого стал паи Петр говорить о Новгороде и новгородских доходах, которые теперь собирает великий князь Иваи Васильевич, и напомиил также о Пскове и Твери.

Василий Иваиович Патрикеев вместе с Семеиом Ивановичем Ряполовским, выслушав все эти речи, пошли к государю и передали ему пожелания литовского великого князя. Подумав обо всем, государь велел сказать литовским послам:

— Как государь ваш с вами наказал, как меж государей пригоже, так делу и быть.

Услышав это, пан Петр сказал:

— Наш государь молвил так: «Пошлины, которые издавиа шли великому князю литовскому от Новагорода, иовгородских волостей, от Пскова и от Твери, то ои уступает вашему государю Ивану Василичу. Но те города и волости, как Вязьма, Мещёвск, Серпейск, Мосальск, Опаков и иные, которые наш король давал еще нашим князьям, князю Федору Воротынскому и его сыну Семену Федорычу, когда они служили ему, города те должны быть возвращены иам, иначе согласию меж нами не быть». Ныие князь Семен и Петр у вас в Ярославле в заточенье томятся.

И бояре пошли опять к государю передать слова литовских послов, и больше в тот день речей не было.

Через день, в субботу, двадцать пятого января послы пришли

---

[1] *Семен Иванович* Гордый (1317—1353) — сын Ивана I Калиты, великий князь московский.

[2] *Иван II Иванович* Кроткий (1326—1359) — был великим князем московским после смерти родного брата Семена Ивановича.

опять иа двор великого киязя и вели беседу с князем Василием Патрикеевым.

И сказал им Василий Иваиович:

— Прошлый раз говорили вы, что государь ваш уступает иам доходы с Новагорода, Пскова и Твери, ио ведь божьей милостью сии городы исстари вотчина иаша, зачем же ему иам их уступать? А мы хотим, чтоб иаш государь, Иваи Василич, и ваш государь, как прадеды иаши, были в дружбе и согласии, и отдал бы ои то, что было нашим. Мы ие просим Смолеиска и Брянска, а хотим дружбы и согласия иа том, чем мы ыиие, по божьей воле, владеем и оставляем вашему, чем ои ныие владеет.

На это паи Петр ответил:

— Нам государь иаш ие приказал инако деять, опричь того, цо мы вам уже молвили.

На этом переговоры оборвались, и киязь Патрикеев отпустил послов.

В воскресенье послы были приглашены иа обед к Патрикееву, киязю Ивану Юрьевичу, ио иа обеде никаких речей о договоре и сватовстве ие было.

В поиедельник, двадцать седьмого января государь приказал дьяку Курицыну пойти иа посольский двор и говорить с литовскими послами от имеии князя Иваиа Юрьевича.

Курицын прибыл к послам с дьяком Майко и со своим подьячим Алексеем Щекииым и сказал:

— Киязь Иваи Юрьич прислал иас до вашей милости и велел вам передать: «Будьте здоровы, паиове Петр и Станислав. Прислали вы к иам паиа Войтеха и Федка́-писаря, дабы узиать, когда можио с князем видеться и говорить, и спрашивали, можио ли быть у великой киягини. И киязь Патрикеев дал тогда свой ответ, а ыне извещает вас, что пришло время для встречи и некиих разговоров».

Послы поблагодарили и сказали:

— Ваш государь хотел, дабы иаш великий киязь Александр прислал для «иекиих переговоров» великих послов, и сии послы суть паи Петр и пан Стаиислав, и «иа то верющие грамоты» у них.

Провожая до крыльца Курицыиа, паи Войтех Яиович спросил:

— Когда и где могут встретить иаши великие послы князя Иваиа Юрьича?

Курицын ответил:

— Иваи Юрьич приказал: «Как хотят великие послы: у иего али на государевом дворе».

И пригласил Курицын по поручению князей Патрикеевых послов на обед к Семену Ивановичу князю Ряполовскому.

Послы поблагодарили, и пан Петр сказал:

— А где видеться с князем Иваном Юрьичем, о том пришлем ответ с нашим писарем Федком Григорьевым.

Во вторник, двадцать восьмого января князь Иван Юрьевнч сказал пришедшему к нему писарю Федору Григорьеву:

— Передай великим панам мой ответ: «Хотели вы быть у великой княгини, н ныне вам быть у нее». Передай, что прийти им надобно прямо в хоромы государыни, где яз их встречу, днесь перед обедом. Иди с богом!

В указанное время великие послы пан Петр и пан Станнслав со многими подарками от велнкого князя литовского были встречены князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым и проведены в покои государыни, где принимали их одновременно государь Иван Васильевич и княгиня его Софья Фоминнчна. Послы передали им поклоны от Александра Казимнровича и поднесли подаркн.

От государя и государыни правил поклоны великому князю литовскому и испрашивал о его здоровье дядя государыни, князь Димитрий Раль-Палеолог. Он же расспрашивал и о здоровье послов. И когда послы вышли после приема, пристав боярин Берсень Никитич Беклемишем сказал пану Петру:

— Если пан хочет видеть князя Ивана Юрьича, то он вот здесь, в другой горнице.

— А дщерь великого князя днесь мы увидим? — спросил его пан Петр.

— А дщери днесь, ясновельможный пан, видеть не можно,— ответил боярин Берсень.

В другой горнице встретили послов ожидавшие их там князь Патрикеев с сыном Василием Косым и с зятем Ряполовским; были тут и дьяк посольского приказа Курицын и дьяк того же приказа Майко.

Снова началнсь переговоры о дружбе и вечном мнре. Пан Петр говорил о Вязьме «для ради» дружбы и родственных связей.

— Ино дело вяземские князья, которые Москве служат,— продолжал он,— служилн бы Москве с вотчинами, а те пригороды и волости, что служат Лнтве, служилн бы Лнтве со своими вотчинами, а когда будет между князьямн готово доконченье, они установят, за кем была в старину Вязьма. А те города и волости, что тянут к Смоленску, то были бы к Литве.

В ответ на это Иван Юрьевич спросил: а как быть с пригородами и волостями смоленскими — Серпейском, Мосальском, Мещёвском и Опаковым, которые ныне в руках московского князя? И послы обещали дать именные списки о всех спорных городах и волостях. На этом они согласились и разошлись.

В среду, двадцать девятого января князь Патрикеев послал дьяка Майко к литовским послам за обещанным списком городов, которые послы согласились уступить Москве. Послы прислали список со своим писарем Федором Григорьвым на двор великого князя. В списке были поименованы шестьдесят семь городов и волостей смоленских и вяземских, в том числе: Вязьма, Мосальск, Серпейск, Серенск, Перемышль, Мещёвск, Любутск и Опаков.

Князь Патрикеев взял список и обещал передать его в тот же день государю Ивану Васильевичу для рассмотрения.

В следующие дни, четверг, пятницу и субботу, послы снова приходили на государев двор говорить с его боярами о разделе между княжествами литовским и московским тех же городов Смоленщины и Вязьмы и, наконец, согласились на том, что Вязьма отходит целиком, с пригородами и волостями, к великому князю московскому и в договоре о вечном мире ее запишут. Потом зашли споры о Мосальске, Мещёвске и Любутске. Литовские великие послы долго не соглашались писать в договоре эти города на стороне Москвы, но в конце согласились, оставив только Любутск за Литвой:

— А коли великому князю московскому будет нужен Любутск, то уступит Любутск наш государь своему тестю,— сказал пан Петр,— а рубежи с Новымгородом, Псковом и Литвою остаются прежние.

Когда споры закончились, пан Петр сказал:

— Бог дал, кончили мы в любви и приязни все споры меж собой о наших рубежах и доходах, ныне будем говорить о сватовстве.

И князь Иван Юрьевич ответил:

— Назавтра, в неделю, второго февраля, быть вам, панове, у великого государя нашего с верющими грамотами от вашего великого князя Александра.

Утром, до поздней обедни второго февраля принимал государь Иван Васильевич великих послов литовских. Пан Петр на торжественном приеме в передней государя вручил дьяку Кури-

цыну свои верительные грамоты и в пышной речи, обращенной к Ивану Васильевичу от имени великого князя литовского, попросил руки княжны Елены Ивановны, сказав:

— «Мы, Александр, божьей милостью великий князь литовский, ныне приняли в согласии и сердечиой приязни докоичание о рубежах, о взаимопомощи, о хождении наших купцов в Москву и обратно без препон и зацепок, о дружбе и хотим еще лепшего с тобой пожи́ться, ежели будет иа то божья воля. Прошу дать за нас дочку свою, дабы в вечной приязни и в кровиом союзе с тобой были ныне и навеки».

Великий князь Иваи Васильевич, поднявшись с троиа, отвечал сам:

— И мы, с божьей волей, хотим того же с вашим государем. Прошу вас всех сегодня ко мне иа вечернюю трапезу.

В среду, пятого февраля послы были в хоромах у великого князя Ивана Васильевича, князья Василий Патрикеев, Семеи Ряполовский и Димитрий Ховрии выходили к послам и просили прочесть черновик договора и, заслушав его, похвалили и велели писать начисто.

Следом за ними послал Иван Васильевич князя Ивана Юрьевича к послам с тем, чтобы включить в этот договор условие: «великой княжны Елены Ивановны к рымскому закону не нудить и не иеволить в греческом закоие».

И великий посол Петр ответил:

— Неволи той не будет, ручаемся за то иашими головами. Приписку сию к докоичаиию изделаем.

Выслушав послов, бояре пошли к государю и передали ему, что приписку эту послы приняли.

Тогда Иван Васильевич приказал князю Ивану Юрьевичу пойти к послам и сказать от его имеии:

— Коли говорите, что государь ваш неволи не хочет учинить моей дочери в греческом законе, то мы, с божьей волей, хотим за него дочку свою отдать, а будете завтра у великой княгини, да тут и княжну Олену увидите, а как увидите княжну, то заутре ж и обручение будет.

И послы поблагодарили государя и удалились к себе иа подворье.

В четверг, шестого февраля великие послы литовские прибыли иа двор государыии Софьи Фомииичны и пошли к ией в Набережиую палату, где оиа обычио принимала послов. Княжна Елена стояла возле матери.

Пан Станислав передал поклон великой княжне Елене от

великого князя литовского Александра и подал подарки от себя, а в ответ Елена Иваиовиа велела окольничему спросить о здоровье послов.

Затем послы были проведеиы в другую горницу, куда великий князь прислал к ним боярина Димитрия Ховрина.

Увидев его, послы обратились к Ховрину с вопросом:

— Вчера ваши бояре нам говорили, что ныне же после смотрин и обручению быти. Мы ждем, когда иас пригласят на обручение.

Боярии Ховрин поспешил передать государю слова послов, и великий государь, сев между женой и дочерью, велел позвать бояр ближних и зиатных, послал за священниками и пригласил к себе великих послов литовских.

Вместо великого князя Александра обручался с княжной Еленой Иваиовной великий посол Станислав Янович Гезгайло. Ои обменялся с ней иательными крестами иа золотых цепочках и обручальными перстнями.

После окончания обряда обручеиия послы отбыли к себе иа подворье.

Тринадцатого февраля великие послы литовские покинули Москву. Они получили договор о дружбе и рубежах с великим князем московским и образец грамоты «о греческом законе» для Елены Ивановны, на которых должен целовать крест великий князь литовский. Послы получили богатые дары от государя, от государыни и от Елены Иваиовиы, и боярин Берсень Никитич Беклемишев назиачен был к ним приставом до литовских рубежей.

Вслед за послами девятого марта того же года государь послал в Литву своих родственников — князя Василия Иваиовича Косого-Патрикеева и князя Семена Иваиовича Ряполовского с дьяком Курицыным и Михаилом Степановичем Кляпиком-Яропкиным, в сопровождении пятнадцати военных дворян-помещиков из детей боярских, для присутствия их при крестоцеловании Александра Литовского и для получеиия утвержденной грамоты «о свободе исповедания греческого закона Елеиой Ивановиой».

Это посольство возвратилось в Москву девятого июня с подписанным договором. Грамоту великий князь Александр подписал, ио вставил целую новую строку: «а коли похочет своею волею приступить к нашему римскому закону, то ей в том воля».

Русские послы не приняли такую грамоту, и великий князь Александр пообещал прислать грамоту с другим посольством к государю Ивану Васильевичу.

Тринадцатого августа прибыл в Москву посол Ян Лютовар Хребтович, чтобы вести переговоры о сватовстве. Он опять привез ту же грамоту, где была строка о римском законе.

Иван Лютовар от имени своего государя сказал Димитрию Ховрину, который был выслан к нему Иваном Васильевичем для переговоров:

— Наш государь чаял, что великий государь Иван Васильевич полюбит эту строку!

Ховрин передал слова эти Ивану Васильевичу, а тот велел сказать Ивану Лютовару:

— Коли государь ваш не даст нам той грамоты, образец которой мы давали вашим великим послам Петру и Станиславу, и нам нельзя дать за него своей дочери.

Лютовар отбыл из Москвы, обязавшись передать волю государя Ивана Васильевича своему великому князю Александру.

Шестнадцатого августа, на другой день после праздника успения, когда дьяк Курицын делал государю свой обычный утренний доклад, постучал в дверь дворецкий и сказал:

— Прости, государь, за невольную помеху...

— Вестники?

— Вестники не вестники, как и назвать-то их не ведаю... Пришли вельми долгим путем на Москву из Каяньской земли старики карелы от рыбаков с озера Улео... Хотят они тобе челом бить о свейских обидах, защиты твоей искать...

Иван Васильевич нахмурил было брови, но потом усмехнулся.

— Вишь, Федор Василич,— молвил государь,— как бог сих людей ко времю послал к нам. Мы тут думали-гадали, чем бы задрать свеев, с чего войну с ними начать, ан...

— Ан,— подхватил Курицын,— о сем сами свеи позаботились.

Государь, одобрительно кивнув дьяку, обратился к дворецкому:

— Зови сюды своих стариков-то.

Дворецкий притворил дверь, и в нее сразу, толкаясь, ввалилось человек семь мужиков в вонючих от рыбы оленьих малицах, мехом внутрь, накрытых поверх нагольной стороны толстыми цветистыми рубахами в виде длинных балахонов.

Приблизившись к государю, они враз брякнулись на колени, и старший из них заговорил часто и торопливо по-карельски, непрерывно кланяясь:

— Княже Иване, челом тобе бьем на злодеев наших, на свеев. Свей — злой ворог. Лодки наши отымат, рыбу собе берет, избы зорит и жжет, людей бьют и сечет, а парубков да девок в полон

уводит, олешков наших режет и жрет, как волк. Не видать нам света божьего от горя и слез.

Неожиданно переводчик пал ничком и стал выкликать под общий невнятный гул голосов:

— Помогни иам, княже, иаиглавный наш Старик! Дай свет видеть каянцам... Прогони от нас ворогов-свеев...

— Добре,— громко произнес Иван Васильевич,— пошлю яз вам свою пóмочь, братьев Ушатых, князей-воевод с их полками.

И, обратясь к вошедшему, как всегда, без доклада Ивану Юрьевичу Патрикееву, государь сказал:

— Иване Юрьич,— свеи иапали на сих вот... Зорят их рыбные промыслы н деревни... Прикажи от моего именн князьям Ушатым, взяв полкн, идти в Каяньскую землю, наказать свеев н прогиать их вон. Сих же каяньских мужей пусть князья Ушатые с собой возьмут: оии нм иаикраткий путь укажут к озеру Улео... Да скажи киязьям-то, пусть принимают их, как друзей моих...

За время девятидесятых годов Иван Васильевич стал замечать, как с развитнем русской торговли растут все больше н больше всякие препятствия для русских купцов со стороиы Вендеиского союза городов, входящего в состав Гаизы, а также со стороны Швеции.

Особеино это сказалось ко времени окончания мирных договоров с русскими (у Ливоиского ордена — в 1494 году, у Швеции — в 1496 году). Государь Иван Васильевич, предвидя неизбежность войны с ливонцами и иемцами, а также и со Швецней, ие был захвачеи врасплох. Он быстро понял иовую обстановку в торговых отношениях иа Западе и Северо-Западе, отыскав общие интересы с Данией, которая в XV веке усиленно продолжала борьбу с Гаизой н Швецией за господство иа Варяжском море. Уже в тысяча четыреста девяиосто третьем году ои заключил с королем датским Гансом военный договор о совместиом одновременном нападении на Швецию с суши и с моря, а также заключил н торговое соглашенне против Ганзы и Швецин.

Договор с Даиней начинался следующими словами:

«Во имя св. троицы!»

По воле божьей н иашей любвн.

Мы, божьей милостью герцог Датский, Холсаский, Стормаркский и Дúтмаркский, родом из Дальменхорста, графства Ольденборг, заключаем договор о дружбе н вечном союзе со знаменнтейшим и могущественным русским властнтелем Иоанном, императором всея Руси, великим князем Владимирским, Московским,

Новгородским, Плесковскнм, Тверским, Югорским, Вятским, Пермским, Булгарским н прочими».

Шестнадцатого сентября прибыло в Москву посольство от Ганзы в составе ратмана ревельского, его помощника, а также н ратмана дерптского.

Второго октября послы представилнсь великому князю. Онн сначала передалн ему поклон от семидесятн трех городов, «по сю н по ту сторону моря лежащих», затем стали нзлагать жалобы городов по восемнадцати пунктам.

Главным образом онн жаловалнсь на разные новизны московского государя протнв старнннных правил н обычаев в торговле с Ганзой н на разные ограничения в торговле солью, медом, воском н мехамн. Жаловались на новгородских наместников, которые сажают немцев в тюрьмы н отнимают у них товар, а письма городов к великому князю скрывают, н, наконец, жаловалнсь на ограбленне судна, выброшенного бурей на берег у Нарвы, н на всякие обиды, причненные самим послам на путн нх следования по Русской земле в Москву...

Послы поднеслн великому князю подарки от имени всех городов: трн тюка английского сукна. Ревельский ратман от себя подарил два серебряных вызолоченных кубка, ом внна н ящик конфет; его помощник подарил английское сукно, зеркало н десять корзин винных ягод: дерптский ратман подарил скарлатное сукно, ом вина н пять лисфунтов фнников.

Великнй князь отдарил послов: дал нм двух овец, двадцать кур, две бочкн меду, осетра н лосося. Кроме того, каждому послу государь дал по десятку сороков собольих шкурок н пригласил их к себе на обед.

Через два дня прншел к послам дьяк Курицын с боярином Ховриным н высказал жалобы со стороны великого князя на ограбления и убийства русских купцов н послов. Послы ответили, что они не имеют полномочий решать этн дела, но уверены, что удовлетворенне за это будет дано.

В этот же день государь принял еще раз послов у себя и сказал, что велит своим новгородским наместникам обсудить предложення послов, н онн дадут всему «нсправу». Государь пообещал дать послам на дорогу приставов н с этим отпустил их.

Только в конце октября послы выехалн нз Москвы, но уже под Москвой, в Бронницах, ревельскне послы былн арестованы, а по доставке их в Новгород посажены в тюрьму. Здесь дерптский посол, оставшийся на свободе, узнал, что пятого ноября все ганзейцы, жившие на немецком дворе, уроженцы городов: Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга, Мюнстера, Дортмунда, Брок-

сенфельда, Унны, Дюисбурга, Эйбека, Дюерштадта, Ревеля и Дерпта, были арестованы нарочно присланными сюда из Москвы государевыми дьяками Василием Жуком и Данилой Мамыревым. Находившиеся на немецком дворе немецкие товары, а также все церковные вещи взяты на государя, и ворота немецкого двора заперты на замок.

Ноября четырнадцатого от великого князя литовского неожиданно прибыл в Москву писарь Адам Якубович. Он привез подписанную князем Александром долгожданную грамоту «о греческом законе» без всяких оговорок и выразил пожелания прислать посольство за Еленой Ивановной к рождеству.

На это сам Иван Васильевич без посредника и толмача отвечал писарю Адаму Якубовичу:

— Вельми добре, ежели панове к нам по нашу дочерь прибудут на рождество Христово, дабы нашей дочери бог дал быть у великого князя Александра за неделю до великого заговенья, до масленой...

Богато одарив посла, государь милостиво отпустил его восвояси.

По разным причинам послы литовские прибыли в Москву за Еленой Ивановной не на рождество, как просил государь, а шестого января, на крещенье.

Во главе посольства были: пан виленский и наместник гродненский, князь Александр Юрьевич Ольшанский с сыном Станиславам, пан трокский и наместник полоцкий Ян Юрьевич Заберезенский, наместник бряславский пан Юрий Зиновьевич, а с ними лях Киргей, из Волынской земли, да Сенька Епимахов, да Дермлинг, коморник великого князя. И были послы у великого князя после праздника крещенья, восьмого, в среду.

Прием был торжественный. Князь Ольшанский подал верительную грамоту, а пан Заберезенский правил поклоны от великого князя литовского Александра детям великого князя и внуку его Димитрию, да и всем им подарки привез.

После приема у Ивана Васильевича послы были приняты великой княгиней Софьей Фоминичной.

Князь Ольшанский правил поклоны от князя Александра, а пан Ян великой княжне Елене Ивановне подарки от себя дарил. И в тот же день пили и ели у великого князя, а приставом был у них Федор Степанович Яропкин.

В воскресенье, одиннадцатого января послы были вновь на приеме у Ивана Васильевича, и государь говорил им речь сам:

— Князь Александр и Ян! Яз слышал, что вы говорили мне

от лица вашего великого князя, а моего зятя. Он захотел иметь со мной любовь и прочную дружбу, и дочку бы ему яз свою отдал, и даже лист свой нам прислал он, подтвержденный за печатью, что не будет нудить жену свою к «рымскому закону», а будет она держать свой «греческий закон». И мы, с божьей волей, то дело с ним и делали и дочку свою за него даем. И вы от нас молвите брату моему и зятю: «На чем он нам молвил и лист свой дал, на том бы и стоял, чтобы нашей дщери никоторыми делы к рымскому закону не нудил, а похочет наша дочь приступити к рымскому закону, и мы своей дочери на то воли не даем, а князь бы великий Александр на то ей воли не давал, чтоб меж нас про то любовь и прочная дружба не рушилась». Да скажите зятю моему, когда дочерь наша будет за ним, то он бы нашу дочерь любил и жаловал, доржал бы ее так, как бог указал мужу жену свою доржать. Да еще скажите, чтобы нам для ради велел бы поставить своей великой княгине церковь нашего «греческого закона» на переходах у своего двора, а у ее хором, чтоб ей близко к церкви ходить, и передайте от нас вашему бискупу и панам вашей рады, чтобы они так внушали вашему князю Александру, и тот бы нашу дочерь жаловал, а меж нас было бы братство и любовь, прочная дружба, доколи бог даст.

В ответ на эту речь князь Ольшанский упал к ногам Елены Ивановны, а за ним и все посольство, воскликнув:

— Падам до ног ясновельможной пани и просим ее любить и жаловать нашего великого князя Александра.

Взволнованная Елена Ивановна хотела что-то сказать, но только всхлипнула и заплакала.

Иван Васильевич поспешно спросил посла:

— Хочу яз увидеть того, кому навеки отдаю дорогое дитя свое.

— Государь,— ответил князь Ольшанский,— мы привезли с собой лик великого князя литовского, писанный на тонкой кипарисовой доске.

И, раскрыв резной кипарисовый складень, показал в нем лик великого князя Александра.

Взглянув на него, государь увидел красивого, еще безусого юношу.

— Настоящий королевич!— воскликнул он.

Затем, передавая изображение князя Александра своей дочери, государь попытался ободрить ее и рассеять печаль невеселой шутливостью:

— Да глянь ты на него, Оленушка. Такой молодой, а уж великий князь... Лик сей мы собе на Москве оставим, сам же он тобе в Литве ждет, навек твоим милым другом будет...

Государь подошел к Елене, обнял ее и, показывая ей жениха,

подвел к матери. Потом взял из рук дочери доску и передал ее Софье Фоминичне, молвив дрогнувшим голосом:

— Погляди и ты, матерь, на зятя своего...

Софья Фоминична заплакала, а государь поцеловал дочь, прощаясь с ней, и благословил ее. Послы литовские снова преклонили колена пред венценосными родителями невесты и, почтительно поцеловав им руки, отбыли к себе на посольский двор.

Вечером того же дня пригласил Иван Васильевич все посольство к себе к столу, а после стола посылал своих бояр поить послов на их подворье.

В понедельник послы были у великого князя, но принимали их сын боярский Борис Васильевич Кутузов и дьяк Курицын.

Государь велел спросить:

— Кто будет венчать великого князя?

— Великого князя,— ответил пан Ольшанский,— будет венчать наш бискуп, а великую княжну будет венчать митрополит, а не будет митрополита, то владыка.

В подтверждение этих слов князь Ольшанский дал грамоту от великого князя литовского на имя Ивана Васильевича.

Боярин Кутузов воспользовался случаем и напомнил о просьбе государя прислать к нему жену Федора Ивановича Бельского, а дьяк Курицын напомнил об обещании прислать в Москву мать князя Михаила вяземского и его детей.

Князь Ольшанский обещал передать эти поручения великому князю Александру.

— Государь наш, великий князь Иван Василич,— сказал в заключение дьяк Курицын,— просил передать вам, что завтра, во вторник, он будет с семейством в храме и приглашает вас тоже быть у обедни. После обедни хочет он проститься с дочерью и с вами, панове ясновельможные.

Послы поблагодарили государя и отбыли к себе на посольское подворье.

На другой день, января тринадцатого, во вторник, послы, придя во храм Успенья пречистые богородицы, застали там государя, государыню, сноху их, великую княгиню Елену Стефановну, дочь-невесту Елену Ивановну, других государевых детей, а также всех ближних родственников и бояр. Торжественную обедню служил сам вновь поставленный митрополит Симон.

Великолепная, блистательно яркая роспись храма и благолепное пение мощного хора, красивые, величавые переходы митрополита по храму — одного или совместно со всем духовенством в праздничных облачениях — произвели на послов сильное впечатление, и они не заметили, как обедня отошла.

Государь, поговорив с митрополитом и получив от него благословение, отошел к правым наружным дверям собора, подозвал послов к себе и громко повторил им еще раз все сказанное им ранее для великого князя литовского — обо всех условиях вечного мира и о свободе для Елены исповедовать «греческий закон».

В заключение государь сказал послам:

— На чем он нам молвил и лист свой дал, на том бы и стоял и княжну бы жаловал, да и о церкви «закона греческого» не забывал... Поезжайте днесь же с богом в Вильну, днесь же поедет и невеста великого князя. О том же, каким вам ехать путем, и весь порядок дорожный вам, ясновельможным панам, будет указывать мой пристав при вас, боярин Федор Степаныч Яропкин и слуги его с почетной стражей для личной вашей охраны. Великую княжну Елену будет сопровождать ее дьяк и казначей Василь Григорьич Кулешин и две тысячи «провожатых» из родни, слуг, почетной стражи из детей боярских и их холопов...

Закончив беседу с послами, государь проводил дочь свою с великой княгиней, со снохой и младшими детьми до тапканы, стоявшей у церковной паперти. Проводив дочь, государь возвратился на паперть и, подав руки послам, просил их передать поклон великому князю от себя и своей супруги, а от всех детей — челобитье, и на том и отпустил их в путь.

Послы выехали из Москвы еще до обеда, а великая княжна Елена Ивановна выехала позже, в три часа дня. Выехав из Кремля вместе со снохой и своей матерью в одной колымаге на полозьях, она переехала Троицким мостом в Занеглименье, а оттуда к Воздвиженью и Арбату, потом переехала другой мост через Москву-реку и остановилась в слободе Дорогомилово, где ее ожидали литовские послы. Брат ее, князь Василий, с матерью и со снохой обедали вместе, пригласив к себе послов, а княжна Елена Ивановна обедала у себя одна.

В среду литовские послы опять выехали вперед с московским приставом и почетной стражей, а Елена Ивановна пробыла всю среду в Дорогомилове.

Она печально ходила вдоль берега Москвы-реки, любуясь в последний раз Москвой, в которой родилась и прожила целых двадцать лет. Иногда слезы навертывались у нее на глаза, и она беспомощно спрашивала:

— Неужель яз более не увижу Москву, храмов сих божьих и всех вас, таких близких сердцу моему?

Обе княгини — мать Софья Фоминична и сноха Елена Стефановна — ничего не отвечали ей, а только плакали, приговаривая:

— Разумеем, голубка, тоску твою...

В эту последнюю иочь, со среды иа четверг, перед отъездом Елены Иваиовны в Литву Иван Васильевич оставался в Москве одии в своих хоромах. Не спит он. Тяжка н горька ему разлука с дочкой.

— Оленушка, доченька моя милая! Яко Авраам, яз сам отдаю тобя в жертву Руси святой!.. Господн, помогн мне в муках монх... Господн!..

Дрожащими руками берет он масляную лампаду, будит Савушку н велит средн ночн подать себе колымагу н мчится в Дорогомилово...

Уже светает, н в поздием рассвете где-то за домамн еще сонных улиц медленно багровеет и разгорается небо. Густой белой бахромой висит на кустах бузины н на плакучих березах нней. Вот иа крестах церквей уже поблескивают розоватые отсветы. Светлей и светлей становнтся иебо, ясией н ясией видать все иа улицах... Вдруг брызиуло с неба сверкающим золотом, и заиграло оио по всем горам и пригоркам Подмосковья. Конн мчат быстро. Полозья возка взвизгивают по крепкому снегу. Вот и Москва-река. Загрохотал по настилу моста возок. Сзади общим гулом гудят московские колокола, и четко вызваиивают впереди за мостом колокола Дорогомиловской слободы.

Рукн дрожат у государя от волиеиия, и от этого, кажется, их сильней знобит мороз даже в рукавицах. Иван Васильевнч сжимает резиой ларец, а в нем тайная памятка, своеручно государем писаииая только для дочери своей — велнкой княжны Елеиы.

Иван Васильевич помиил эту грамотку наизусть, а написал ее для дочери, чтобы она не забыла о наказе его.

Въехав в Дорогомилово, он велел подвезтн себя прямо к паперти слободского собора, в котором уже все часы отзвоиилн н начали служить литургию.

Увидев государя, входящего в храм, народ расступился, и Иван Васильевич сразу заметил свою высокую, статную красавицу дочь, подошел к ней и стал рядом, возле амвона.

По окончании обедни Елеиа Иваиовиа должиа была ехать прямо из церквн в город Луцк, где был ей намечен первый от Дорогомилова иочлег за рубежом, по дороге в Вильну. Отец проводил дочь до паперти, у которой княжну ожидала ее дорожная повозка.

Иван Васильевич, прежде чем сойтн с папертн, задержал дочь и негромко сказал:

— Запомии, Олеиушка, памятку своего отца н государя всея Руси,— заговорил ои сурово н жестко.— Помнн, дочерь моя, ты не токмо великого князя литовского княгиня, но н побориица за Русь и за русский иарод. Да и все православиые люди в

Литве, ча тя глядючи, будут всё на пользу Руси деять... В сей тайной памятке, о которой никому, опричь тобя, не ведомо, пишу яз тобе: «К латыньской божнице тобе не ходить, а ходить к своей православной церкви. А похочешь их божницу или монастыри посмотреть, посмотри их единажды или дважды, а больше не ходи. А будет в Вильне королева, мать мужа твоего, свекровь твоя, то тобе провожать ее токмо до божницы, а в божницу с ней не входи. Отпросись вежливо у королевы к петью в свою православную церковь». Все сии наказы яз тобе своеручно написал и в ларце сем затворил. За отступление же от Руси и православия господь-бог без милости накажет тя, и яз, отец твой, сыму с тобя свое родительское благословение...

Слушая эти суровые слова отца, Елена невольно взглянула в его лицо, такое всегда повелительное и грозное, и неожиданно увидела на ресницах его и на щеках блестящие на заре слезинки...

Вдруг, охватив отца обеими руками за шею, громко зарыдала Елена Ивановна и с трудом выговорила:

— Прощай, тату...

— Навсегда, доченька...— глухо и хрипло проговорил Иван Васильевич.

Сойдя вниз к повозке и передавая дочери ларец, государь добавил:

— И ежели будет тобе, дочка, до крови пострадать за веру православную, ты бы пострадала, а того бы еси не учинила...

— Скорей живой не буду,— всхлипывая, проговорила Елена Ивановна,— нежели наказ отца своего и государя забуду... Прощай навсегда, тату мой...

Государь нагнулся и ласково поцеловал ее в лоб.

Глава 10

ЗА ВАРЯЖСКОЕ МОРЕ

В конце тысяча четыреста девяносто пятого года, июля девятнадцатого, у государя Ивана Васильевича была Малая дума, на которой дьяк посольского приказа Курицын докладывал государю о челобитье зятя его Александра. Великий князь литовский просит тестя оказать ему помощь против крымского хана Менглы-Гирея, который идет войной на Литву.

Иван Васильевич хитро усмехнулся и молвил:

— Думайте, бояре, думайте крепче. Нам ведь Менглы-Гирей не то что князь Александр, а испытанный друг и помощник. Все же и Александр-то ныне мой зять, и посему так думайте, дабы овцы были целы и волки сыты.

Государь взглянул на Курицына, а тот взял написанную им грамотку и сказал:

— Позволь, государь, прочесть тобе свой ответ князю Александру? Чаю, яз угадал твое желание, измыслив некие затяжки...

— Читай!

— Яз, государь, написал от твоего имени: «Гонец твой Ян Ядров не сказал нам, а мне знать надобно, как царь Менглы-Гирей идет: токмо ли со своими людьми или еще с прибылыми? А сам ты, княже Александр, как идешь против Менглы-Гирея: со всей силой или токмо каких-либо воевод посылаешь?» — продолжал Курицын.

— Добре, угадал ты, Федор Василич, так и напиши да спроси еще: «Куда моим людям идти к иему на по́мочь-то В какие места?»

— Слушаю, государь,— ответил дьяк.

Иван Васильевич, обратясь к князю Патрикееву, спросил:

— А ты, Иване Юрьич, одобряешь ли сие?

— Яз, государь, разумею сие яко твое уклонение от распри меж князем Александром и Крымом, а посему все полки наши и все заставы в московской и тверской землях будут недвижно стоять на тех местах, которые ты им раньше сам указал...

— Добре!..

— Истинно, добре! — заметил Ховрин.— Ныне царь-то Менглы-Гирей особливо нам дорог. Он новый град Очаков у моря построил, через который, минуя Сурожское море и самый Крым, большой торг нашим купцам вести можно. Яз уж баил с купеческими гостями, сурожанами и прочими. Хотят они семьдесят людей своих послать тем новым путем с товарами. Бают, что сухопутьем по степным шляхам ближе и спокойней от Киева будет гостям ехать на Очаков, да и морем от Очакова к Босфору ближе, чем от Сурожа. Гости о сем просили челом тобе бить.

— Пусть едут...

Недели за две до нового, тысяча четыреста девяносто шестого года пришло Ивану Васильевичу от купеческих гостей известие о том, что на Литву внезапно и тайно напал Стефан молдавский, разграбил и сжег город Бреславль и взял людьми большой полон.

— Сие, Федор Василич, нам вред вдвойне,— сказал государь.

— Верно,— согласился Курицын.— Не смеет он, Стефан-то, без твоего ведома иншто такое деять. А князя Александра надобно ласкать, дабы не уразумел он, что мы токмо блазним его по́мочью против татар...

— Борзо пошли, Феденька, князю Лександре грамоту от моего имени, в которой укажи: «Государь, мол, всея Руси не ведает, пошто Стефан зло тобе учинил. Государь днесь же шлет своего посла Михайлу Василича Кутузова к господарю Стефану молдавскому, дабы Стефан был тобе таков же, как и нам, сиречь тобе, моему другу, был бы друг добрый, а не ворог». После же разных родственных изъявлений укажи, Федор Василич, меж всего другого: «Яз, мол, для Литвы никоторых товаров заповедными не объявлял, а ты, Лександра, золото и серебро из Литвы на Русь продавать заповедал и даже из других стран через рубежи свои нам возить не позволяешь». Еще отпиши ему, как сумеешь, о неисполнении им обещанного при сговоре «о церкви греческой»; на его оправдания: «Предки-де его право учинили: церквей греческого закона больше не строить, а старых не обновлять» — ответь прямо моими словами: «Нам до тех ваших правил дела нет никоторого! Пусть делает, как обещал». О прочих же утеснениях великой княгини Олены ответь по своему разумению. Заедино пошли с Кутузовым на Литву грека Петра Траханиота с моим ответом на челобитну ко мне князя Василья Михайлыча верейского. Запиши так: «Бил ты мне челом нелюбие с сердца сложить и к собе бы мне тобя принять, а у вас наша казна, которую увезла с собой в Литву твоя княгиня. Дай мне клятву, что всю казну вернешь нам, и мы, по вашему исправлению, и жаловать вас будем». Все закончи днесь и днесь же пошли на Литву Кутузова, дьяка Майко и Петра Траханиота. Иди с богом, Федор Василич!

Государь, обернувшись к Патрикееву, спросил:

— А как дела у тобя, Иван Юрьич?

— По воле твоей днесь начинаем войну со свеями. Ночесь из Москвы выступает первая рать под град Выборг. В сей рати идут: в Большом полку — племянник мой, князь Данила Щеня-Патрикеев; в Передовом полку — князь Петр Никитич Оболенский и князь Федор Иваныч Рядоловский; в правой руке — князь Федор Василич Телепень-Оболенский и князь Иван Иваныч Слых-Оболенский; в левой руке — боярин Федор Петрович Сицкий-Добрынский. Две другие рати пойдут так: одна — из Пскова — со всей приправой[1] пойдет в свейские немцы ко граду Або под началом воевод — князя Василья Федорыча Скопина-Шуйского и боярина Ивана Андреича Плещеева-Субботы; вторая рать пойдет из Новагорода на Тавастгус под началом воевод: в Большом полку — боярин Яков Захарьин-Кошка и боярин Иван Андреич Лобан-Колычев; в правой руке — боярин Федор

[1] *Приправа* — пищальники (пешие войска), копейщики (конные войска) и лучники (конные войска).

Костянтиныч Беззубцев; в левой руке — боярин Тимофей Лександрыч Тростенский.

— Все добре,— сказал государь,— а вборзе и мы с тобой и прочими воеводами выступим к Новугороду. Днесь же прикажи всем полкам, дабы они, уходя к месту, наидобре́ вестовой гон нарядили: для вестников — сменных коней на станах, а для передачи наиборзых грамот — сменных гонцов.

Первого сентября тысяча четыреста девяносто шестого года прискакал первый «сменный гонец» с грамотой от воеводы Большого полка князя Щени. С тревогой он сообщал, что ходят недобрые слухи вблизи рубежей русских через местных мелких торговцев и мытников. «Бают, все пути движения московских войск шведам откуда-то ведомы. Сие не дает мне,— пишет воевода,— впадать нечаянно во вражеские земли. Ты, великий государь, разумеешь добре, каков мне от сего вред и урон».

Иван Васильевич, подчеркнув это место ногтем, указал князю Ивану Юрьевичу. Тот изменился в лице и сказал тихо:

— Видать, свейские немцы у нас своих доброхотов нашли...

— Вестимо,— согласился государь и добавил:— Мыслю, когда в докончанье с королем данемаркским Гансом тайные статьи писали, про них свеи-то и сведали.

Сидевший за столом в Малой думе дьяк Иван Васильевич Волк-Курицын заволновался и проговорил:

— Докончанье было писано по-латыни, а толмачил со свейского на латыньский наш книгопечатник из ганзейского города Любека Варфоломей Готан, тот самый, которому ты, государь, переслал через меня подарки и свою охранную грамоту с большой золотой печатью...

Иван Васильевич задумался, а дьяк Федор Васильевич, усмехнувшись, молвил:

— Они, иноземцы-то, все единым миром мазаны: Иван Фрязин, Абляз-Бакшей и сей Варфоломей... Помнится мне его печатная книга «Святая Бригитта», которую мне дядя великой княгини, князь Раль-Палеолог, привез в позапрошлом году из Данемаркии. В сей книге Варфоломей в конце от себя припечатал по-латыни стих, который по-русски означает:

> Хвала богу,
> А гривны золотые Варфоломею...

Иван Васильевич нахмурился.

— Надоть о сем,— молвил он,— боярина Товаркова уведомить.

— Дай бог,— произнес дьяк Курицын,— скорей бы у нас все послы и толмачи из русских были.

— Брате Иване,— сказал князь Патрикеев, все еще держа в

руках грамоту воеводы,— ниже-то князь Шеня пишет: «Наши лазутчики уже много разведали о Выборге. Во граде сем застава вельми увеличена, а все ветхие стены и башни, которые нам были ведомы, ныне укреплены заново, а перед всеми воротами града и у стрельниц, которые к приступу были намечены, вырыты ямы и рвы, и сажен на сто пятьдесят вперед насыпаны земляные валы, а на них поставлены пушки...

— Н-да!— произнес Иван Васильевич.— От сих валов и осадные пушки наши до стен не добьют, не достигнут до града Выборга...

Помолчав, государь сурово сказал князю Патрикееву:

— Отпиши князю Шене, дабы шел так же, как ему было приказано, но, осадив Выборг, приступал бы не в намеченных местах, а в новых, как сам он с воеводами лучше решит...

Выезжая в Новгород, государь оставил «собя вместо» на Москве старшего сына Василия, вызванного из Твери, княгиню свою Софью, митрополита Симона и князя Василия Ивановича Косого-Патрикеева. В помощь им — дьяков Андрея Майко, Василия Далматова и Федора Стромилова. Из воевод — князя Хруль-Палецкого Ивана Ивановича, а из бояр — воевод Сверчка-Сабурова, Истому-Пушкина, Афанасия Яропкина и Щавья-Травина...

Это было двадцатого октября тысяча четыреста девяносто шестого года, когда государь нашел нужным выступить со своими войсками в Новгород, где наметил свой главный стан для руководства всеми военными действиями против шведов и против ливонских немцев на случай, если война будет и с ними.

С собой государь взял сына Юрия Ивановича и внука Димитрия, а также всех своих старейших сподвижников: Федора Васильевича Курицына, брата его, дьяка Ивана Волка-Курицына, а кроме них — дьяка Кулешина, Жука, Киприянова и Алексеева; окольничих — боярина Петра Плещеева, князя Ивана Звенца-Звенигородского и боярина Петра Заболотского из воевод — князя Данилу Димитриевича Холмского, князя Ивана Юрьевича Патрикеева, князя Александра Васильевича Оболенского и князя Семена Ивановича Ряполовского.

В Новгороде государь приказал быть наместникам — князьям Даниле Пенко-Ярославскому и Ивану Лыку-Оболенскому. Дворецким себе в пути в Новгород назначил быть князю Василию Михайловичу Волынскому, постельничими — Василию Санину и Ивану Ершу и при них пятьдесят пять постельников; ясельничими — Федора Викентьева и Давыда Лихорева.

Всего в поезде государя московского князей и детей боярских

было: из Москвы — восемьдесят шесть человек, из Твери — трое, а из Мурома — всего один, и все они были со своими полками и холопами.

Впереди этого огромного поезда шли боевые полки, самого же государя сопровождала его тысяча. Кроме того, шли слуги государя в обозах, а также слуги всех сопровождавших его князей, бояр и детей боярских...

Поезд двигался без всякой поспешиости. Иваи Васильевич прииимал доиесения ото всех своих ратей, вступивших в финские земли, и всякие вести из Москвы через послов из чужеземных доброхотов, через вестников, прибывавших вестовым гоиом, и через верховых «сменных гонцов», передававших борзые грамоты из рук в руки.

В пути ои часто созывал Малую думу, думал о многом, изменяя по ходу военных действий первоначальные свои замыслы, ио уже в пути понял, что многого исправить нельзя.

Несмотря иа то, что огромный государев поезд шел медлеиио и сам государь Иваи Васильевич не спешил, стараясь собрать больше вестей о иеприятеле, и часто думал со своей Малой думой, но довольно быстро приближался к Новгороду.

Осенняя распутица не приносила особых затруднеиий даже полкам пушечников и пищальников со всей их приправой.

Десятого же иоября, на Ераста, про которого иарод говорит: «Наш Ераст на все горазд: и иа холод, и на голод, и на бездорожиую метелицу», поезд государя подходил к новгородскому пригороду, к Крестцам, когда наступила самая распутица. А семнадцатого иоября в день «Гурья на пегой кобыле», такого же озорного святого, как и Ераст, государевы войска, передвигаясь по грязи и зажорам из сиега, уже подходили к Новгороду, где государя и всех его ближних князей и воевод торжествеиио встречал архиепископ иовгородский Геннадий с крестным ходом, «с иконами, крестами, кадилами», с архимандритами, игумнами и со всем священным собором, а вслед за ними встречали государя жители всех пяти новгородских концов во главе с коичанскими старостами...

После торжествеииой встречи государь по приглашению архиепископа проследовал со всеми московскими и новгородскими имеиитыми людьми в собор св. Софии, где отслушал обедню, а после слушал торжественный молебеи о дароваиии победы иад супостатами — свеями, литовцами и прочими, а затем поехал иа обед к архиепископу Геинадию.

Иван Васильевич ехал верхом за санями владыки в сопровождении Патрикеева, сына своего Юрия и виука Димитрия, в окружеиии своей почетной охраны.

Великий князь ехал с застывшим лицом, с узко сощуреиными

глазами, нз-под опущенных ресниц вырывалнсь ннogда быстрые взгляды, то злые, то веселые. Никто не мог угадать, в духе илн не в духе государь.

Да н сам Иван Васильевич не мог разобраться в своих мыслях н чувствах. Это раздражало его н томило досадой. В голове мелькалн отрывки разных донесений о неудачах из-под Выборга, сведения из Москвы о короле Гансе, о военных набегах Стен Стура, н ему становилось яснее, что общая обстановка военных действий складывается все сложнее н подсказывает какое-то предательство.

— Неужто Готан н грекн?— пронзнес государь вполголоса н закончил про себя:— Неужто начать без милостн казнить всех смертью?..

Здесь, иа севере, в Новгороде, с его болотисто-леснымн просторами, часто дул пронзительно-острый, ледянящий «сиверко». Ноябрь здесь всегда темный н тяжелый месяц.

— Тут токмо н жить чухне,— ворчал дьяк Курицын,— вроде тех рыбаков с озера Улео, которые тобе челом били...

— Да русским,— усмехаясь, добавил Иван Васильевич.— Русский-то человек н на голом льду и на камне горючем проживет...

— А мне досадно то, государь,— с горечью молвил дьяк,— что он, русский-то, мало собя ценнт, со всякой нуждой и обидой мирится...

— До поры до временн, Феденька,— возразил сурово Иван Васильевич.— Вот своей веры греческой никому он не отдал, нн за какую цену не продал. О сем ведать нам крепко надлежит.

— Попы на сем собе крепкий мост построилн...

— Верно, Феденька,— прервал дьяка Иван Васильевнч,— верно сне! На добро ли, на зло лн нам народное опираться, а токмо без народной поддержки ни у кого ннщто не выйдет...

Нахмурив брови, государь глубоко задумался.

Постучав в дверь, вошел, низко кланяясь, новый дворецкий, князь Волынский, из бывших литовских православных князей, очень ловкий и обходительный.

— «Наиборза грамота» тобе, государь, от воеводы князя Данилы Щени,— почтительно проговорил он, беря грамоту у гонца н передавая ее Курицыну.

Сказав это и поклонившись, князь Волынскнй, чтобы не помешать государю, может быть в тайной его беседе, вышел вместе с гонцом в сенцы н там остался ждать зова государева.

— Читай, Феденька,— тихо сказал Иван Васильевич Курнцыну, н тот, далеко отодвигая грамоту от глаз, с трудом прочел:

«Великий государь, как ты повелел, в разных местах приступали мы всякий день. Все земляные укрепления у свеев отбили: ямы, рвы и земляные валы, а некоторых из свейских пушкарей в пешем строю копьями и саблями сбросили, пушки же их потом против выборгских стен поворотили. Много мы свейских воев до смерти избили, многих в полон поимали. Убитых у нас тоже много. Воеводой в Выборг прислан знаменитый их полководец Канут Поссе. Воев же и пушек в Выборге великое множество. Видать, свеи здесь вельми задолго и с большим тщанием в осаду садились. Ну, да на все воля божья... Ныне на рассвете уже к самым стенам приступать мы начали, заметив ветхую угловую стрельницу меж ветхих же стен... Бьемся здесь до сего часа крепко со свеями, многих побили и в полон имали...

— Эх!— с досадой воскликнул государь.— Наш-то Данила Щеня и на деле молодой щенок. Не разумеет, что сей матерый волк, Канут Поссе, токмо уду ему ветхой стрельницей забрасывает. Щеня и есть щенок в ратном деле...

— Как же ему быть-то? Не его вина...— попробовал было защищать племянника князь Иван Юрьевич.

Государь вспылил:

— И ты, старый пес, за щеней увязался!— резко крикнул он, но сдержал себя и продолжал:— Прости мя, Иван Юрьич, за недоброе слово. Болит мое сердце за такое скороверие. А ты-то сам не разумеешь, кто такой Канут Поссе? Допустит ли такой воевода приступать до самых ветхих стен без какой-либо хитрости...

— Как же быть, государь?— смущенно повторил свой вопрос князь Патрикеев.

— Яз бы на месте сего Щени не приступал бы ни к стрельне, ни к стенам, а из своих самых дальнобойных пушек ветхую стрельню день и нощь долбил бы и, ежели бы развалилась она, тогда токмо приступать стал... А может, подкоп под нее ранее повел бы...

Через месяц, в самый канун рождества декабря двадцать четвертого, Иван Васильевич вместе с дьяком Курицыным, внуком Димитрием и вторым сыном своим Юрием, внимательно рассматривали разложенные на столах военные карты карельских земель и шведских городов-крепостей, особливо приморских: Выборга, Або, Улеаборга.

— Рано темнеет в здешних-то краях,— сказал Курицын,— моим глазам уж трудно обозначения разглядывать.

— Да и время-то уж позднее,— согласился Иван Васильевич,— вечереет. А парубки наши, чаю, «первой звезды» заждались?

О еде напоминал и дворецкий, собиравший со слугами стол для встречи праздника.

— Батюшка!— воскликнул Юрий.— Глянь в сие вот окошко, в слюду,— наверху, в первом углу, звездочка!.. Вишь, чуть мигает уж...

— Вижу,— улыбнулся Иван Васильевич и сказал дворецкому:— А ты, Иван Михайлыч, слышь, про что речь у нас идет?

— За нами дело не станет, государь!

В дверь постучали, и в покои вошли архиепископ Геннадий и Евфимий Медведнов, бывший новгородский посадник, принеся дорогие подарки. Следом за ними начали приходить один за другим по двое, по трое бояре московские, прибывшие в Новгород вместе с государем.

Говорили почему-то все вполголоса и даже шепотом. Полы хорóм, по старому обычаю, были устланы пахучим сухим сеном, которое слегка шуршало и потрескивало под ногами многочисленных гостей и слуг.

И владыка и Медведнов исподтишка переглядывались, и в их взглядах было что-то ехидное и злорадное. Иван Васильевич поймал несколько таких взглядов. Ему было не по себе, но он ничем не подавал вида.

«Придет еще время, когда всем и за все платить буду по заслугам»,— мелькнуло в его мыслях, и он так зло улыбнулся, что архиепископ Геннадий поежился, но все же сказал с невинным видом:

— Бают, государь, твой-то книгопечатник Варфоломей за бесовство свое наказан. Сказывали мне гости новгородские, прибывшие из Любека, о Готане-печатнике. Утонул он во время бури, когда из Колывани к собе в Любек ехал.

— Бают еще, государь,— добавил посадник,— свейский-то губернатор Стен Стур давно недоволен его службой у тобя, и посему вот Готан и молил у тобя для собя охранную грамоту с большой золотой печатью.

Дьяк Курицын многозначительно взглянул на государя, но тот слегка усмехнулся и молвил:

— А иначе и быть не может. Стен Стур-то был и есть ворог наш.

В покои неожиданно вошел князь Данила Щеня со всеми своими воеводами. Они низко поклонились государю и всем присутствующим. Государь сурово нахмурил брови:

— Эх ты, щеня!— зло произнес он.— Как у тобя вышло с ветхой башней?

— Такое вышло, государь, что ума не приложу...

— А он, ум-то, у тобя был?

Молодой Патрикеев стоял бледный, как мел, оскорбленный и

беспомощный. Кругом он был виноват, а государь, как всегда, прав.

— Ты хоша бы сей часец,— продолжал государь,— ума своего приложил и сказал бы нам всем толково, что такое с ветхой башней вышло?

Слезы сверкнули в глазах воеводы, но он овладел собой и произнес дрожащим голосом:

— Право баишь, государь! Отнял бог у меня разум-то. Пошел яз на обман Канута Поссе. Жестокой и грозной сечей заманил он полки наши к ветхой башне, которая порохом набита была полным-полнехонька, да и под стенами порох был заложен. Дерзко вои наши бились, заняли стены круг ветхой башни, зачали лестницы со стен во град спускать. Тут Канут пушкарю своему рукой махнул, и ударил он ядром в башню.

Князь Данила Щеня-Патрикеев смолк и, пересилив волнение, добавил:

— Гром потряс кругом всю землю. Взлетела башня, и стены вместе с воями нашими грохнулись оземь. Токмо и тут вои наши не устрашились. Другие, которые живы остались, ворвались в пробоину, нещадно пищалями и рушницами били со всех сторон, но свеи под ними землю взорвали...

Князь Щеня опять замолчал и вдруг, упав на колени перед государем, зарыдал и горестно воскликнул:

— Наилучших воев мы там потеряли! Всего, государь, у града проклятого девять тысяч людей погубили... Зато, государь, много более того свеев насмерть перебили и в полон взяли. Мы бы, государь, потом все же взяли Выборг... Вельми ослаб град сей, и людей у них мало стало...

Иван Васильевич зло усмехнулся и резко спросил:

— Пошто же вы его свеям подарили?

Измученный и беспощадно оскорбляемый, князь Щеня не выдержал, вскочил на ноги и крикнул:

— По то, государь, что господь не весь разум у меня тогда отнял. Разведчики наши сведали, что уж близко идет свейская рать более ста тысяч, а ведет ее князь Карл Кантакузен.

В покоях стало тихо. Иван Васильевич сдержал себя и спокойно спросил:

— А скажи, князь Данила, король данемаркский присылал свои корабли в помочь нам?

— Был гонец от короля Ганса с грамотой, в которой сказывал, что у берегов Выборга столь подводных скал, а в заливе столь скалистых островов, яко маком насыпано, что большим кораблям не токмо воевать, но развернуться негде...

— Добре,— громко сказал Иван Васильевич неожиданно бодро, почти весело.— Ну, давайте, гости мои, разговляться! Иван

Михайлыч, угощай, ты сей часец хозяин... И ты, Данила, вместе со своими воеводами садись с нами за стол. Не горюй, Карлу Кантакузену крылья обрежем! Но сие впереди, еще устроим свеям святки!..

После Васильева дня, в первых числах января, дня за два до крещенья, Иван Васильевич с дьяком Курицыным и наибольшим воеводой Иваном Юрьевичем думу думал о казанских нестроеньях, которые начались еще осенью прошлого года.

— Мыслю яз,— говорил Иван Васильевич,— что с пьяницей сим и грабителем Махмет-Эмином толку в Казани не будет. Не царь, а садовая голова и забулдыга. До баб, до вина и до грабежа жаден. Надо сменить его! Мыслю послать все же «урок» казанцам, дабы силу нашей руки чуяли, а Махмета снять. Токмо решить надо, когда лучше нам полки на Казань послать? Да и по рукам шибанцев ударить, дабы они в казанские дела не встревали.

— Млад еще Махмет-то, государь,— начал Курицын.

— Дурня годы лечат,— резко перебил дьяка Иван Васильевич.

— А поход,— сказал Патрикеев,— по моему разуменью, государь, лучше на весну отложить, вслед за ледоходом большую судовую рать послать.

— Верно,— одобрил Иван Васильевич.— Судовой-то рати добре за льдом идти. Лед-то ломать и топить татарские ладьи будет, а наши — оберегать.

— Верно, государь, против льда не пойдешь!— подтвердил Патрикеев.

— Ну вот ты, Иване Юрьич, и подумай с воеводами, как сие все снарядить, да подумай, не добавить ли им некои конные полки? Ведь не все им на воде биться. С погаными-то придется и в поле встретиться.

— Все успеем, государь, к ледоходу пошлем,— молвил Патрикеев.

Взглянув на князя Данилу Щеню и воевод его, молвил Иван Васильевич:

— Думал яз и о ваших делах с маэстро Альберти, который о пищалях для людей и для перевозки пушек на дровнях в зимние походы нешто новое измыслил. Ты, князь Данила, из грамоты короля Ганса сказывал, что его большие корабли не могут приступать к приморским городам из-за мелководья, множества скал и вельми узких проливов. Там можно речные мелкие суда к морскому бою приспособить. Тогда и наши рати будут легко отбивать от берегов свейские корабли с приправой, и с ратными людьми, и харчем для них. Мыслю, с весной у финских берегов и наши судовые рати уже биться смогут...

— Сие много нам поможет, государь!— заговорили Щеня

и его воеводы.— Как важна берегу пóмочь с моря, мы уже на своей шкуре изведали. Тогда с судовыми ратями и у берегов, и на озерцах, и на реках свеев бить будем...

— Все сие добре изделать надобно, ибо всегда для всякой рати пригодится,— продолжал старый государь.— Токмо мыслю, в ближние дни по крещенским морозам увидим, какая зима будет. Может, пошлем токмо конные рати и лыжные, а новые пушки маэстро на особых дровнях так укрепит, что с дровней сих с любого места их тяжелых пушек можно будет бить,— предложил Иван Юрьевич.

— А яз, государь, мыслю на крещенские морозы особо не надеяться,— вдруг и потеплеет почему-либо!— сказал Курицын.— Лучше подождать афанасьевских!

— Подождать можно, афанасьевские-то верней,— согласился государь.— Нам сие лучше, чем свеям-то. Тем свои рати доржать на чужой земле, всякие припасы и приправы через море им слать, а мы же у собя дома, да и воям нашим передохнуть надо.

Государь обернулся к Щене-Патрикееву и сказал:

— А ты, князь Данила, и в беде добру учись! Полки свои готовь к крещенским морозам, дабы афанасьевские врасплох тобя не застали. Яз же много вам полков дам на подмогу. Не устоит никакой Кантакузен.

— Спасибо, государь великий,— заговорили радостно все воеводы.

— Ведайте,— возвысив голос, продолжал государь,— и всех своих вразумляйте, что бьемся мы за Варяжское море, за Русь святую, за выход ее на вольный свет... Для сего яз не токмо ништо, но и собя не пожалею!

Дня через три в одном из своих сводных докладов о разных вестях по «борзым грамотам» из Москвы Курицын доложил государю, что шведский воевода Стен Стур начал по суше и по морю стягивать свои войска к крепости Або, как к исходному месту отправки своих войск для защиты Остерботнийской равнины, и к крепости Улеаборгу для борьбы с русскими на каяньской земле.

— А скажи, Федор Василич,— спросил государь,— сыскал ли Стен Стур-то собе союзников? Помогает ли ему Ганза?

— Ганза иной раз и помогает, как купцы помогать могут. У них на многое глаза убытками и барышами завешаны, а ратного дела по-настоящему не разумеют. Других союзников Стур еще не нашел. Король же Ганс силы своих сторонников среди членов государственного совета хитрó усиливает, и свейский государственный Рат не разделяет замыслов Стен Стура.

— Добре,— молвил государь,— добре, Феденька! Ты побай и подумай с дьяком приказа Большой казны Ховриным, составьте вместе грамоту Гаису и пошлите некую толику злата, дабы мог он своих доброхотов в свейском Рате более укрепить. Как нам известно, у Стен Стура своей казны нет, а свейский Рат денег ему не даст. А опричь того, к нужному времени у нас маэстро Альберти с новогородским Плотницким концом и с нашей помощью настроит морских ладей легких с пищалями. Чаю, на своих ладьях в морские походы ходить будем...

— Хитро у тя, государь, сплетаются все и ратные, и государственные, и торговые дела!— воскликнул князь Патрикеев.— И токмо помню яз, что заново стягивает свои войска Стен Стур, а опричь того, по финским землям князь Карл Кантакузен разгуливает.

— Верно, Иван Юрьич,— о сем подумаем. Как на твой разум: тысяч сто воев наберем?

— Да они, государь, уже набраны. У нас тут коло главной ставки в новгородских землях более ста тысяч стоит, ежели всех слуг и холопов считать. Да у братьев Ушатых десять тысяч, а там нарубать можно устюжан, двинян, онежан, вятичей и других тысяч сорок, да каких тысяч-то!

— Ну вот, мы в самую зимнюю глушь отсюда пошлем на Кантакузена тысяч восемьдесят воев. Хватит! Мы потом с тобой, Иван Юрьич, и воевод и полки для сего случая по-новому соберем. И каждой рати свою цель поставим. А ратей надобно не менее трех здесь и две — на севере. Да шли они одна за другой, как будет по святцам[1] указано: всякой рати свой месяц и день.

— А на ближние дни что прикажешь, государь?— спросил Иван Юрьевич.

— Следи, Иван Юрьич, в сии дни, меж крещенскими и афанасьевскими морозами, было бы готово войско к походу без задоржки против Кантакузена. Выбери самое темное, самое студеное и жестокое время и в сие северное зло и стужу брось наши полки на Саволакс, дабы смять и разбить свеев с их воеводой Карлом. Не бойсь тягостей. О походах в Каянию, на Казань и прочих походах мы подумаем по мере надобности потом вместе с нашими воеводами.

Января семнадцатого ударили крепкие афанасьевские морозы. Русские войска по приказу князя Ивана Юрьевича Патрикеева двинулись от Новгорода и в самую стужу перешли финские

---

[1] *По святцам* — по календарю.

рубежи. А через неделю прибыл «сменный гонец» от воеводы Большого полка князя Василия Ивановича Оболенского-Нагого, начальника конной рати, с «наиборзой грамотой» о том, что русские полки напали на шведское войско Кантакузена, смяли и разбили шведов, убив более семи тысяч воинов, и в том числе погиб в бою и воевода князь Карл Кантакузен. Русские войска, не встречая сопротивления, продвигались по льду через болота и озера к крепости Ньюслотт...

Пересказав государю все содержание «борзой грамоты», воеводы князя Оболенского-Нагого и нáбольший воевода Иван Юрьевич замолчали, ожидая замечаний государя.

Иван Васильевич в задумчивости отошел к окну, любуясь на разноцветное сверканье промерзшей слюды в косых лучах зимнего солнца. Медленно обернувшись и направившись в свою опочивальню, он сказал Патрикееву спокойно и как будто даже сонно:

— Ну, Иван Юрьич, отныне нам спать спокойно можно. Ратное дело добре пошло!...

— Катится дело-то наше, яко на колесах!— воскликнул князь Патрикеев.— Чую, свеи и силы и веру теряют, их рати уж духом ослабли. Нам с тобой, старым воеводам, видать уж сие, и глазами не видя...

— Ослабли они, Иван Юрьич, верно ослабли,— согласился Иван Васильевич, позевывая и крестя рот.— Ну, иди с богом, отдыхай ты... Засиделись днесь с тобой после обеда...

Старый государь проснулся на вечерней заре, в четвертом часу дня. На западе, вылезая из-за края земли, густо толпились громоздкие тучи, закрывая полнеба и только кое-где отсвечиваясь темно-багровыми отблесками зари, что, по народным приметам, предвещало назавтра ненастный и ветреный день. Высота же небесная вся была мглисто-серая, без каких-либо очертаний облаков. И в этом серо-пепельном свете тусклый день медленно переходил уже в сумерки.

Иван Васильевич, заспанный, хотевший пить, увидев дворецкого, хрипло сказал:

— Кваску кисленького вели принести...

Он прошел в свой покой и сел за стол, из-за которого почтительно встали ожидавшие уже выхода государя Курицын и Майко. Они оба низко поклонились, а Курицын молвил:

— Будь здрав, государь. По приказу твоему.

— Из Литвы вести, государь,— добавил дьяк Майко,— от гостей московских и некоих наших доброхотов литовских.

— Не пропустил великий князь литовский посла к нам от

султаиа турского,— заговорил Курицын,— о котором яз тобе сказывал. С иим яз мыслил торговое докончанье подписывать. Не полагал яз, что князь Лександр иа такую дерзость пойдет против тобя и против султана. Видать, от кого-то пóмочь великую имеет.

— Верио мыслишь, Федор Василич,— одобрил государь.— Ведаю яз, отколе и пошто помочь ему идет: или от папы, или от цесаря, они вместе Орду против султана блазият. Убытки да барыши ие токмо купцам, но и государям иа многое очи закрывают... О сем ие токмо мы ведаем, но и ворог иаш, Гаиза, может еще лучше ведать...

— Как же, государь, с князем Лександром быть?

— Попытаем грамотой вразумить, а будет зять мой озоровать и вредить, воевать будем.

Государь обернулся к дьяку Майко и спросил:

— Андрей Федорыч, с тобой твоя чернильница? Запиши-ка, что яз сказывать буду, а после с Федором Василичем по всем посольским правилам распишите. Пиши: «Шел к иам от турского султана посол, а с ним шли и гости в нашу землю. И твой наместник киевский посла того и гостей не пропустил. Иоанн, божией милостью государь всея Руси и великий князь, велел тобе говорить: «И ты бы, иаш брат, того турского посла и с его товарищами и с гостьми, которые пошли в иашу землю, велел к иам отпустить и велел бы ему дать пристава и проводить его по своей земле до нашей земли». Пусть Далматов-то от меня ему на словах скажет: «А не изделает сего, сам разумеет, что будет, и пусть сам иа собя пеняет».

Марта четвертого скворцы прилетели вовремя и своими крыльями словно смели с лица земли лютую зиму, с ее морозами трескучими, со злыми вьюгами и бураиами сиежными. Ранней весиой дохиуло небо, и от ярких жгучих лучей солнца в деревнях и селах и в лесах закапало с крыш и с деревьев. По дорогам засверкали и зажурчали ручьи, а в лесах сильио, ио глухо зароптали оии под снегом.

Русским коиным полкам возвращаться было трудно. Нáста уже нигде не было, и в сиегу ие только кони, но и олени проваливались. Пешим же только и можно было идти иа широких северных лыжах.

На пятой иеделе великого поста, когда уже по всем дорогам была весенняя ростепель и распутица, а в полях иа каждом холмике зачериели проталиии, щетииясь сухими прошлогодними сорияками, а люди стали ждать прилета жавороиков, русские войска вернулись в Новгород.

В этот же день на́большей воевода князь Патрикеев доложил Ивану Васильевичу о возвращении войск из свейского похода:

— Государь, воеводы Большого полка князь Василий Иваныч Оболенский-Нагой и боярин Андрей Федорыч Лобан-Колычев-Челядкин воротились живы и здравы сами и все вои их со многим полоном, награбив много товара всякого, коней и прочей животины. Как утре принимать их прикажешь?

— Побай, Иван Юрьич, с архиепископом Гениадием, дабы устроил всенародное молебствие со звоном великим пред полками, а дьяку Большой казны и дворецкому прикажи нарядить угощение воям. О сем же побай с моими наместниками. Яз сам не буду, Иван Юрьич, на молебствии, будь ты с моим сыном Юрьем и внуком Димитрием, а воеводам и воям наши бей челом от государя всея Руси за верную службу отечеству. Праздновать победу вели три дня, а после того мы с тобой и со всеми, кто с нами приехал, десятого, после сорока мучеников, отъедем на Москву, дабы пасху всем у собя дома праздновать...

После троицы и духова дня, которые отпраздновал Иван Васильевич по всем обычаям в семье своей, жившей летом в Красном селе, восемнадцатого мая вернулся он в Москву в свои хоромы, начав обычный прием бояр, князей и дьяков своих по разным делам государства.

Сегодня, в солнечный день завтракал он вместе с внуком Димитрием в своей трапезной у растворенного настежь окна. Только что прошумела гроза. Цветными алмазами еще падали капельки дождя с крыши хоро́м, а зелень в дворцовом саду стала еще зеленей; легкий свежий ветерок наносил с полей и лугов нежное благоухание трав и цветов.

— Чуешь, Митенька, какой дух-то от трав и цветов в окно к нам идет?— проговорил Иван Васильевич.

— Хорошо у нас, дедушка!— радостно воскликнул Димитрий, ставший уже красивым тринадцатилетним отроком, похожим на своего покойного отца.

— Одно худо, Митенька,— сказал с улыбкой Иван Васильевич,— мало ты на полях и в лесах бываешь. Яз в твои годы с покойным братцем Юрьюшкой и дядьками своими всякий день на конях скакал по Подмосковью и рано утром, и перед обедом, и по вечерней заре, перед ужином. А тобя яз токмо един раз на коне видал. Добре ездишь! А лишний раз поскакать тобе не грех. Возьми-ка бывшего стремянного своего отца, Никиту Растопчина, да скачи в Красное, погуляй там, в Красном-то, в ближней роще с бабкой и с детьми моими, посбирай цветов, а после ко мне вернешься.

Вошел, шаркая, мелкими шажками, заметно состарившийся дьяк Курицын.

— Будь здрав, государь мой,— сказал он, подходя к руке старого государя.

— Будь здрав и ты, друже мой,— ответил Иван Васильевич,— садись с нами завтракать, а не хочешь, токмо вина пригубь, за твое здоровье пить буду. Как тобе можется?

— Креплюсь, государь... Токмо вот ноги мои время в полон берет: болеть и слабеть ноги-то стали...

— Выросли уж твои помощники, сыны твои Ванюша и Афоня,— усмехаясь, сказал государь.

— Дьяками уж стали, государь.

— Ну вот, у тобя помощники такие, каких у меня нет,— ласково, но грустно заметил государь.

Курицын подошел к Димитрию, поцеловал его в лоб, молвив:

— Будь здрав и ты, голубок наш.

Сев рядом с мальчиком, он налил себе вина в кубок и сказал:

— За твое здоровье, государь!..

Иван Васильевич засмеялся:

— Как всегда, меня опередить хочешь! А днесь не опередишь.

Государь чокнулся и добавил:

— Днесь вместе пить будем и за тобя и за меня, а потом вместе же выпьем за Митеньку, моего соправителя и наследника.

— За старых и малых пьем,— пошутил Курицын.

— И малые большими становятся!— с улыбкой заметил государь.— Какие же вести-то, Феденька?

— Вести обычные,— заговорил Курицын,— какие всегда от наших гостей и купцов слышим. Плачутся всё, что в Литве с их много мыта берут, а серебро и соль ни к собе, ни к нам не пропускают. Да все сие мелочь. Ныне зятюшка-то твой большую пакость нам изделал: турского посла от султана, от Баязета, не пропускает. Не внимает он ни грамотам, ни словам твоим, которые с Далматом ты ему передать велел.

— Потом, Феденька, поговорим мы на ратных полях. Захочет локоть укусить, да не достанет. Ты разумеешь, что у них там в Литве деется? Хотели они Киевскую Русь от нас навеки отрезать. Мыслит зять-то с братьями своими на киевский великокняжий стол меньшого брата, Сигизмунда, посадить. Токмо сие не выйдет.

— Верно, государь, не бывать сему!— воскликнул Курицын.— Нельзя Киев, мать городов русских, ляхам отдать.

Иван Васильевич нахмурился и молчал.

— Что ж, государь, будем разметную грамоту составлять?

— Будем,— сурово сказал Иван Васильевич,— токмо в свое время. Ныне же попытаем межусобием зятя попугать... Не вый-

дет, скорее со свеями кончать будем, Казань потом смирим, а там и зятюшке любезному разметную грамотку подарим!

— Верно, государь!— воскликнул Курицын.— Люблю яз все мысли твои, которые всегда твоему разуму послушны, а гневу, обидам и мести всякой не податливы. Приказывай, что мне деять-то с Литвой.

— Пошли-ка ты пока князю Лександру грамоту с боярином Михайлой Яропкиным и так вели от моего имени молвить: «Не пропустил ты турского посла и гостей-купцов воротил, и впредь не чини мне никаких препятствий, как яз тобе их не чиню». Далее же пусть Михайла известит зятя моего, что Менглы-Гирей и воевода Стефан молдавский оба желают быть с ним в мире и в союзе, как с зятем моим. Пусть обошлется с ними послами, да и мне обо всем напишет. А дочке моей, Федор Василич, такой наказ через сего же Михайлу дай да напиши ей так: «Отец твой, госпожа, велел тобе говорить: сказывал нам Борис Кутузов, да и Майко, да и Третьяк Далматов, что ты говорила им, хочет муж твой, и панове его так думают, Сигизмунду дать в литовском княжестве Киев, да и иные городы. Яз слыхал, дочка, каково было нестроенье в литовской земле, когда было государей много, а ты слыхала, каково было нестроенье при моем отце и у меня с моими братьями. И ежели захочешь говорить обо всем том со своим мужем, то говори от собя, а не моею речью, да мне о всем откажи, каковы ваши дела». Иди, Федор Василич, изготовь с сынами своими сии грамоты, а списки с них в литовский ларь положи. Сей же часец жду яз князя Патрикеева с докладом.

Нáбольший воевода, взволнованный и запыхавшийся, поспешно вошел в государев покой.

— Будь здрав, государь,— заговорил Патрикеев,— царь казанский Махмет-Эминь великих бед натворил. Токмо сей часец посла его принимал. Царь-то, по дурости своей, распутством и жадностью опять против собя князей казанских поднял. Разреши прочесть тобе кое-что из Эминевой грамоты, токмо то, где толково написано: «Мне изменил князь Содыр и переметнулся к Мамуку — царю Орды шибанской. На его сторону перешли князи казанские: Каныmет, Урак, Агиш и Адыр — и с Мамуком идут на меня».

— Пошли для «урока» зятя своего, князя Семена Иваныча с судовой ратью, а с конной — князя Василья Оболенского-Нагого с сыном Лександром, а иных воевод, какие им надобны, пусть они изберут собе сами.

— Топерь скажу тобе, государь, грозную весть. Наши лазут-

чики через финских и свейских доброхотов сведали, что Стен Стур, после разгрома полков князя Карла Кантакузена и его смерти в бою, послал челобитье к князю-магистру Данцига о ратной пóмочи через ганзейские города против наших воев, которые вторглись уж в Карелию и грозят разгромом лифляндских городов.

Иван Васильевич выслушал это донесение совершенно спокойно и сказал:

— Добре, Иван Юрьич,— хотят свеи с нами воевать, и мы еще повоюем. Ты помнишь, брат мой, что мы с тобой в Новомгороде еще про войну со свеями думали. Ныне у нас уже есть свои береговые ратные суда, и ратным кораблям Стен Стура и торговым коггам Ганзы будет топерь худо. Баяли мы с тобой также, что начинают свеи слабеть, сие вышло верно. Войско Кантакузена разбито. В Каянию, через Студеное море, в июне пойдут братья Ушатые со своими судовыми ратями, а понадобится, пошлем и Ушатым помочь — судовую рать из устюжан, двинян, онежан, важан и прочих приречных жителей по Двине, в Кемьскую губу. А вторую рать не забудь послать к Ньюслотту. И мы, смотря по ходу дела, всякий раз будем думу думать с воеводами нашими.

— Добре, государь,— спокойнее промолвил Иван Юрьевич,— прав ты. Потому от лазутчиков мне ведомо, смятение великое и в Лифляндии и у Ганзы.

В июне того же года по всем немецким землям прибалтийских стран разнеслась весть, что могучий государь всея Руси, Иван Васильевич, наводнил своими грозными конными и судовыми ратями всю Карелию и все шведские владения в Финляндии.

В эту шведскую войну западноевропейские государи впервые увидели, испытав на себе, всю силу русских воинов.

Эти новые походы грозного государя после разгрома шведских войск в Остерботнии и Саволаксе привели все прибалтийские страны в такой ужас, что сразу семьдесят три крупнейших ганзейских города из разных стран, а также ливонские земли, Колывань, Рига и Дерпт прислали своих послов к Ивану Васильевичу, государю всея Руси, бить челом о мире и об освобождении ганзейских купцов в Новгороде с их товарами.

Об этом взволнованно доложил государю в его покое нáбольший воевода, пришедший вместе с дьяком Курицыным.

Иван Васильевич выслушал их, казалось, равнодушно, но сказал, улыбаясь:

— Ну, вот и дождались того, о чем баил еще в Новомгороде.

— Когда и где, государь,,— спросил Курицыи,— посольство о мире прииимать будешь?

— О мире баить будем иа Нарове-реке, пониже Иваиь-города.

Государь помолчал и добавил:

— А пошлем мы на съезд для сговора с немцами о мире Костяитина Григорьича Заболотского, да бояриана Михайлу Степаиыча Кляпика-Яропкииа, а дьяки будут с ними Василий Григорьич Кулешии и Иваи Василич Волк-Курицын, да стражи к иим из боярских детей девятнадцать человек со слугами. Опричь сего, пошлем мы иа съезд киязя Семена Данилыча Холмского с Большим полком, боярина Петра Михайлыча Плещеева с Передовым полком, да братьев Бороздиных — Петра и Василья Борисычей с Правым и Левым полками... Мыслю, на съезде сем все иемцы и Гаиза отойдут от свеев, а свеев мы так крепко в ежовы рукавицы возьмем, что и оии вборзе мира запросят. Ежели оии сей часец ершатся еще, то более от бессилия и страха, чем от силы. Пыль в глаза пущают, а пороху у них уж давио иет...

В первых числах августа, по сведеииям лазутчиков и доброхотов русских, от шведских фиииов получены вести, что к приморской шведской крепости Або прибыло много больших военных шведских кораблей во главе со Стеи Стуром, как доложил князь Патрикеев.

— А вести вериые, Иваи Юрьич, что во главе сам Стеи Стур-то? — спросил Иван Васильевич.

— Мыслю, государь, хочет ои сердце фииских и карельских земель заиять. Сиречь, занять то самое положеиие, когда ты в войие с татарами в Кремеиец передвинул свою ставку и главную рать. Хочет Стеи Стур стать в такое положение, дабы в нужное время любой рати своей в Саволаксе и в Калиьской земле оказать пóмочь и некую тревогу вызвать у иас угрозой Новугороду.

— Добре,— молвил государь.— Напомнил ты мие о возможной угрозе свеев Новугороду от фииских берегов. Мы там, чем могли, заслоиились, Ивань-город построили, а главиое, от моря через град Лугу до самого Пскова нами ратные заслоны поставлены из коииых и пеших полков с пищалями. Мыслю, с сего финского берега ии свеи, ии гаизейские города иа своих кораблях, опричь разбойиого налета, иишто иам изделать ие смогут.

— Ежели такой славиый воевода,— сказал иасмешливо киязь Патрикеев,— яко киязь Юрий Бабич-Друцкий, не убежит со страху, свеи иикакого вреда иовгородской земле, опричь разореиия Иваиь-города, не содеют.

Государь рассмеялся.

— Верно баишь, брате мой. Вся надежда моя на то, что воевода Стен Стур сам разумеет сие, а веры в то, что Бабич ие побежит, у меня иет. О иаших мыслях пошли грамотку во Псков наместинику нашему, князю Лександру Володимирычу Ростовскому, на всякий случай.

Патрикеев весело рассмеялся:

— Пошлю диесь же, государь.

Иван Васильевич неожидаиио задумался и добавил:

— Шутку-то иашу о Бабиче князь Лександра уразумеет, а припиши к грамотке нечто поважней. Князь-то Ростовский — добрый воевода. Ои уразумеет борзо, какое ратиое дело там складывается. Верю, сам ои ведает, что на большие корабли иаших ворогов надо нашим судовым ратям у морского побережья иечаянно нападать, зажигать или топить пищалями и пушками меж скал в тесных местах. Ои ведает, как и все наши судовые воеводы, что большие корабли, когда у них под бортами мелкие суда, они по иим из своих пушек бить не могут, а мелкие могут, и могут к ним приступать даже с крючьями и с лестницами. О сем довольно. Стен Стуру же, брате мой, пошлем иную грамотку, дабы ие мыслил ои, что в Карелии мы с иего свои ежовые рукавицы сымем. Грамотку сию принесет ему наибо́льшая рать, чем все, которые стоят в Саволаксе и возле озера Улео, двойиая рать из конных и судовых полков под воеводством таких воевод, как князь Данила Щеия, Яков Захарьич Кошка, князь Осип Дорогобужский, князь Федор Ряполовский, князь Василий Рамадановский, князь Телепня-Оболенский, боярии Димитрий Шеин, два брата Бороздины, да князья Воротынские и князь Иваи Одо́евский со татарами. Всего двенадцать славных воевод да с ними полки пушечников. И мыслю яз, свеи, яко Ганза со своими городами, мира запросят.

— Борзо челобитье пришлет,— подтвердил, усмехаясь, Патрикеев.

— А ты, Иваи Юрьич, поторопи его, Стура-то,— добавил государь,— сиаряди рати и через седьмицу вели им всем выступать к свейской крепости Або...

Глава 11

ОБУЗДАНИЕ ТАЙНЫХ И ЯВНЫХ ВОРОГОВ

Первого сентября, по окончании молебиа Семеиу-летопроводцу во дворцовом соборе Благовещенья, Иван Васильевич обратился к митрополиту, ко всему священному собору, ко всем родствен-

никам, к служилым князьям, боярам и дьякам, бывшим на богослужении, с приглашением пойти из храма в его хоромы.

— Там,— пояснил он,— мы в передней послушаем дьяка из приказа Большой казны, боярина Ховрина, о том, как прошел шестой хозяйственный год после седьмой тысячи лет, и малость побаим о сем, а след того челом бью и на обед у меня остаться со мной и с семейством моим.

Едва государь вступил в свои хоромы, как его радостно встретил князь Иван Юрьевич Патрикеев с дьяком Андреем Ивановичем Жуком.

— Стен Стур-то глупей оказался, чем ты о нем думал,— заговорил на́больший воевода.— Прибыл он с семьюдесятью большими кораблями, с воями и снаряжением в Нарову. Было с ними небольшое число лодок гребных и под парусом. Безо всякого разума, с налета приступил он к Ивань-городу, разбил кой-где стены, пожег внутри града избы и хоромы... На большее-то у него сил не хватило. Боялся, видать, и от своих кораблей далеко на сушу зайти. Все ж из-за дурости князя Бабича-Друцкого, убегшего ранее всех других, успели свеи в полон человек триста из заставы поимать...

— Откуда вести сии?

— От наместника псковского, князя Александра Володимирыча, грамота...

Придя в свою трапезную, старый государь принял из рук дворецкого ковш хлебного кваса и сел за стол, а Иван Юрьевич налил себе в кубок стоялого меда.

— Ну, что еще князь Лександра в грамоте-то пишет?— спросил Иван Васильевич, выпив кваса.

— Прости государь,— весело молвил Патрикеев,— про самое-то главное яз еще и не сказал. Наместник псковский не зря был прежде воеводой Передового полка у нас... Обратился он к судовым полкам и кликнул охотников гнаться за большими свейскими и ганзейскими кораблями, дабы среди скал в тесных проливах подкарауливать и губить их по-всякому: топить и поджигать... Народу-то отчаянного пришло много... Вот он в грамоте пишет о них: «Набралось коло сотни лодок, которые ходили заодно и на веслах и под парусом. Сказывали наши разведчики после того, как Стен Стур, не зная, что деять с разбитым Ивань-городом, дарил его Ливонскому ордену, да те умней оказались, такого подарка не приняли. Охотники же наши, укрывшись у финских скалистых берегов между островами, Сур-Сари и многочисленными Олданскими островами, стали прямо морскими разбойниками. Один финский рыбак сказывал мне: видел он сей ночью, как возле острова Готланда горел очень большой корабль, потом, весь в огне, взорвался со страшным грохотом. Финн меня

уверял, что появились морские разбойники... Сгорел же, говорил он, ганзейский когг».

— Неужели так творят наши охотники?— смеясь, спросил весело государь.— Молодцы ребята! Не обойди и ты их, Иван Юрьич, наградой. Побай с боярином Ховриным и пошли во Псков князю Александру и его охотникам большую золотую гривну на всю братию...

— Слушаю, брате...

В покой вошел дворецкий.

— Все гости твои, государь,— сказал он,— в передней, и боярин Ховрин там, а твоя стража ждет тобя в сенцах твоих...

Сопровождаемый обычными приветствиями, Иван Васильевич вошел в свой передний покой и, подойдя к трону, обратился с такой речью ко всем присутствующим:

— Все родичи мои по крови, все отцы духовные, все князи и бояре и все прочие ближние слуги мои! Наступает время, дабы борзо утвердить нам уставные и судебные грамоты, единые для всего нашего государства. Для сего нам надобно проверить, какие у государства нашего могут быть доходы и сколь у нас может быть войска. Для лучшего же исчисления доходов мы нашли нужным начинать год не с первого марта, а с первого сентября, полагая, что урожай всех произведений земли собирается у нас полностью к сему дню и доходы по всем видам урожая могут быть исчислены к сему времени. Для точности же исчисления урожая и следуемых с землевладельцев податей и пошлин, а также для воинского разруба, все земли наши приказали мы описать по-московски «в сохи» и составить «писцовые книги». Днесь пока составлены только писцовые книги по всем новгородским и тверским землям. О всем днесь подробно объявит нам дьяк Большой казны боярин Ховрин. Ну, сказывай, Димитрий Володимирыч!

— Слушаю, государь,— сказал Ховрин. Взяв несколько грамот с выписками из писцовых книг и со своими подсчетами и заключениями, подошел он ближе к государю и, обратившись к присутствующим, начал:

— На сей день мы описали в сохах тверские земли и исчислили также новгородские земли по всем пяти пятинам, но токмо в обжах, а перевести все на московские «сохи» еще не успели. По нашим описям, в новгородской земле из всех пашенных земель государству принадлежало шестьдесят три тысячи восемьдесят шесть обж, из которых государь наш после войны семьдесят восьмого года взял у Новагорода за Москву семь тысяч двести шестьдесят пять обж. У мирских вотчинников было тридцать

восемь тысяч сто сорок одна обжа, из которых государь взял за собя у девятисот двух самых крупных вотчинников тридцать две тысячи шестьсот восемьдесят две обжи. У ста тридцати семи новгородских монастырей землй было двенадцать тысяч шестьсот шесть обж, из которых одна треть, сиречь сорок сотен обж, принадлежала трем самым богатым монастырям: Спасо-Хутынскому, Юрьевскому и Аркажскому. Государь из сих земель монастырских взял за собя токмо семьсот двадцать обж, да и из земель новгородского владыки три тысячи сто одиннадцать обж. После сих земельных изъятий в пользу Москвы осталось у новгородских властей и наместничества двадцать три тысячи обж, а у монастырей же — одиннадцать тысяч и у церквей без погостов — двенадцать тысяч обж, а всего около сорока шести тысяч обж. Москва же получила коло сорока четырех тысяч обж. На изъятых в пользу Московского государства землях вдоль рубежей с иноземными государствами на севере, на полдне и на западе государь наш испоместил московских детей боярских и даже слуг и холопов, дабы кормились они и защищали Московское государство от иноземных нападений. Помещики сии получили небольшие наделы, сиречь дворы, и стали называться «дворянами».

Ховрин замолчал и, обратясь к государю, заметил:

— Разреши мне, государь, на сем остановиться. Потом всякое лето на Семена-летопроводца яз буду так же докладывать о новых описях земель по мере составлення писцовых книг по всей Руси. Ныне же прошу разрешить мне вкратце оповестить о пользе установления новолетия с первого сентября.

— Сказывай, Димитрий Володимирыч,— молвил государь,— как находишь нужным.

Ховрин, обернувшись ко всем присутствующим, продолжал:

— Благодаря сему мы, начиная счет году с сентября, будем уже впредь ведать все свои запасы харча и кормов на грядущее лето и можем наметить, что из сего урожая оставить для государства в житницах, что дать на прокормление своих полков и своих слуг. Опричь того, с самого начала года мы будем ведать, сколь даней и оброка в деньгах получать с тягловых хозяйств и точно определить, сколь можем мы оставить в хозяйствах харча и кормов. Сие важно и для снаряжения государевых полков, которым нужны кони, хлеб, овчины, сапоги и оружие. И число воев также всегда будет ведомо. Из подсчетов по писцовым книгам ясно: дабы хорошо править государством, нужно уметь хорошо вести хозяйство.

Поклонясь государю, Ховрин сложил свои грамоты и сказал:

— Будь здрав, государь!— Затем поклонился всему собранию.

— Спасибо тобе, Димитрий Володимирыч, за труды твои,—

ответил Иван Васильевич и продолжал, обращаясь к собравшимся:

— Боярин Ховрин верио и вельми разумно сказывал нам о пользе устаиовления лета с первого сентября для наших внутрениих дел. Яз к сему добавлю. Диесь во всех христиаиских государствах иа первое место выходит торговля за деиьги, а вотчины с их удельным хозяйством и с торговлей токмо в обмен уступают место купцам и торговым гаизейским городам. Ныне и иам иадо с пашенной земли собирать ие токмо харч, ио и серебро и злато. Наши гости-купцы вступили и ходят уже по заморским торговым путям между разиыми государствами далеких стран, где уже есть серебряиые и золотые деиьги, которые одинаково принимают все иароды. Ныне пора уж и русским самим богатеть, а ие токмо жар загребать для гостей-купцов из иемецкой Ганзы.

— Верно, верно, государь!— послышались одобрительиые восклицания со всех сторон.— Пора уж нам ходить с товарами за море на своих, а ие иа иемецких коггах...

— Истииио!— весело согласился старый государь.— Сей же часец прошу и ближиих моих и друзей, как дорогих гостей, к моему столу, а утре прошу всех вас также в предобедеииые часы быть у меня здесь. Князь Василий Иваныч Патрикеев и дьяк Василий Григорич Кулешин будут сказывать иам о иовых уставных и судебных грамотах, едииых для всех русских земель[1].

В первых числах января того же года великий князь литовский прислал тестю своему Ивану Васильевичу грамоту с дьяком Елены Иваиовны, Алексеем Семичевым. Прочитав эту грамоту и изучив ее, дьяк Курицын так доложил государю:

— Грамота сия, государь, писана иеподобающе. Титула твоего «государь всея Руси» князь Лександр ие пишет и подписи своего и печати не ставит. А иа грамоте есть токмо подпись дочери твоей Олены под ее припиской: «Государю, отцу моему Ивану, божьей милостью государю всея Руси, великому киязю, дочи твоя, великая княгиня Олеиа, челом бьет». Пишет же сам Лександр по существу так же неподобающе и даже дерзко, ибо требует: «Миогие иаши города и волости взял ты за собя иеправо, и иам те города и волости возвратил бы, ибо они издавиа служили нам и по докончанью подчинялись нашему литовскому государству».

— Не зря, Федор Василич,— заметил государь,— в народе

[1] «Новые уставные и судебные грамоты, единые для всех русских земель», впоследствии названные «Судебником Ивана III».

бают: «У тестя зять хочет побольше взять», а наш зять и то, что по докончанью за Русью признал, хочет назад воротить, забыв свое крестоцелованье.

— Верно, государь, озоровать начинает уж твой зятюшка,— сказал Курицын и продолжал, читая отдельные места из грамоты:—«А коли будет межи нами любовь и вечная приязнь, то неприятели наши, услышавши то, не будут мыслить и нападать на нас и на наши земли. Окромя того, наилепше ты содеешь, коли разорвешь союз с татарами и с молдавским воеводою, от которых Литве токмо одно разорение».

Иван Васильевич покачал головой и сказал:

— И муж и жена — оба полоумные. Не давай, Федор Василич, на сию глупую и дерзкую грамоту никакого ответа ни Олене Ивановне, ни князю Лександру...

Не получив ответа от тестя, Александр Казимирович снова послал в Москву грамоту со своим человеком, по имени Зенко, настаивая на возвращении литовских городов и требуя прекращения новых нападений русских украинников на Литву. Иван Васильевич не принял послов, а, прочитав грамоту, поручил Курицыну, от его лица, говорить с Зенком.

— Отвечай князю литовскому от моего имени так,— сказал он Курицыну:— Первое: «На челобитье твое о шкодах в литовской земле от наших украинников шлем тобе своего посла». Второе: «Присылал к нам своих послов в нашу отчину Великий Новгород о перемирии и о иных делах со Стен Стуром, а наши наместники уже заключили с ними перемирие, как достойно тому быть, как бывало и ранее у них». Третье — о челобитье зятя моего об ослобождении для ради него самого любекских и других купцов, задержанных в Новомгороде, напиши: «Было бы известно зятю нашему, что немцы, нарушая крестоцелованье и перемирные грамоты, нашим людям много лиха и ущерба причиняют, посему наместники новгородские тех немецких купцов поимали. А ныне, коли зять наш у нас просит тех купцов ослободить, и мы токмо для ради него их отпускаем». И напиши еще так: «Мы к своим украинным слугам, ко князьям Воротынским, Одóевским, Белевским, Мезецким пошлем грамоту, чтобы они на своих людей дали суд и управу, а они бы лихих своих людей казнили, а взятое бы у литовцев вернули». Да добавь: «Ныне Вязьма, по докончанью с тобой, наша отчина, и было бы тобе ведомо, что наши мытчики мыт и иные пошлины с литовских торговых людей берут, как и с прочих купцов».

— Много у тобя, государь, терпенья,— сказал Курицын,— другой-то послал бы в ответ складную грамоту.

— Эх, Феденька, не разумеешь ты, что сии «кроткие ответы» мои и есть начало будущей складной грамоты. Мои ответы Литве послужат нам на пользу, как послужили нам в войне с Новымгородом кроткие советы великого князя московского и увещеванья самого митрополита московского и всея Руси. И вышла Москва правой перед всеми, а Великий Новгород виноват...

— Всякий раз, государь, как яз слушаю тобя,— промолвил дьяк Курицын,— лучше и лучше разумею твои замыслы. Дал тобе бог хитрость великую концы незримого и зримого во всяком деле соединять. Яз же токмо днесь нашел концы незримого. Дни три, как подьячий мой, который живет на посольском подворье и состоит приставом от нас при ливонском после, при Хильдорпе, выкрал и принес мне черновик Хильдорпова донесения князю-магистру Ливонскому ордена меченосцев Иоханну Фриде о своей беседе со мной. Ежели тобе, государь, любопытно знать, что посол доносит магистру, яз прочту тобе черновик, он при мне. Прочитав сие донесение, яз уразумел, что оба челобитья — магистра и зятя твоего — о немецких купцах из одних вражьих рук немецких. Смущает меня токмо, как может твой зять, имея с тобой докончанье, вступать в союз с князем ливонским и идти в защиту немцев против Руси.

— Потому, Феденька, что тут не токмо рука ливонского магистра, а и рука папы к нам тянется. Он везде против нас, и не токмо литовцев с немцами союзит, но и поганых татар с ливонцами одиначит против Руси.

— Истинно, государь!— согласился Курицын.— Король Ганс данемаркский, союзник наш, зовет нас «врагами христианства», как и вороги наши свеи, ибо в душе своей он тоже наш ворог.

— А помнишь, Федор Василич, рымский папа,— добавил старый государь,— послал буллу Стен Стуру, когда тот начал с нами войну, что он отпустит все грехи тем, кто будет воевать против русских схизматиков.

— А бог-то папе и не помог,— смеясь, заметил Курицын,— не успел он никому и единого греха простить, как мы свеев разбили.

Государь тоже рассмеялся и спросил:

— А что же Хильдорп-то в своем донесении пишет?

— Донесение сие,— ответил Курицын,— писано по-немецки, и, ежели хочешь, государь, яз тобе его переведу.

— Любопытно, Федор Василич,— молвил государь,— любопытно послушать.

— Хильдорп доносит,— начал Курицын:—«Главный канцлер»,— сиречь яз,— пояснил Курицын с усмешкой,—«сказал: мы хорошо разумеем вашу покорнейшую просьбу о том, чтобы отпустили мы ради доброго соседства послов от семидесяти трех

городов и сорок девять немецких купцов, которых якобы невинно и противузаконно содержим мы в Новомгороде. Но нами дано было знать дерптскому послу Томасу Клару через наших наместников, что в Ревеле и в других городах притесняют и грабят наших русских купцов и даже без нашего ведома казнят их смертью. А потому сообщил бы он, Хильдорп, семидесяти трем городам, что в Новомгороде случилось все по вине самих немецких купцов». Сам Хильдорп по сему поводу пишет: «На сие яз ответил, что мне неизвестно, когда и что случилось в Ревеле. Канцлер Курицын мне возразил: «Ты должен помнить, какой ты еще прошлую зиму получил от нас ответ: «Князь-магистр без вины задоржал у собя купцов русского государя с товарами, а вы бы обменялись с нами грамотами и били бы челом великому князю Ивану Васильевичу, и тогда уладятся все ваши дела. И такой же ответ был дан князю-магистру новгородским наместником Яковом Захарьичем в тот раз, когда князь-магистр посылал к великому князю Ивану Васильевичу просить об освобождении купцов с их товарами». Канцлер Курицын добавил: «Князь-магистр, посылая к нам, токмо и говорит: «Гиб, гиб! сиречь: давай, давай!» Но наш государь не видит никаких ваших забот о наших людях, поэтому великий князь дает такой ответ: «Если князь-магистр отпустит в его отчину, в Новгород, русских купцов, то и он, великий князь, намерен отпустить немецких купцов по чести и по дружбе». Долго я, Хильдорп, с канцлером вел переговоры и в заключение обратился от имени его милости князя-магистра с великою просьбою, чтобы отпустили купцов наших, оценив их имущество по справедливости. Канцлер на сие многими насмешливыми и надменными словами отвечал: «Великий князь будет вынужден искать своего права в Ревеле. Он намерен в конце сей осени быть в Новомгороде. Буде узнает, что его купцы с их товарами не освобождены и ревельцы силой их задерживают: то пошлет он в Ревель свою рать для их освобождения». Видя, что договориться мне не придется,— пишет Хильдорп,— я просил, чтобы великий князь по крайней мере приказал возвратить купцам их коморы на немецком дворе и чтобы все посылаемое задержанным купцам от их приятелей — деньги и принадлежащие двору безвредные предметы — доходило бы до немецких купцов, ибо в настоящее время посылки, по неизвестным причинам, не доходят. Наконец, я просил, чтобы наши купцы могли отлучаться в город со двора без приставов. На сие канцлер отвечал: «Все добро немцев принадлежит им, и они вправе его требовать. Великому князю оно не нужно!» Далее Хильдорп доносит: «Когда я прибыл в Новгород, то нашел посла и купцов в их коморах, на немецком дворе, и были им возвращены их постели, вся одежда, и все они здоровы».

— Да, Федор Василич,— смеясь, сказал государь,— добре мы с

тобой тогда решили потребовать возвращения наших купцов, ведая уже, что един из трех купцов наших сварен живым в котле в Ревеле, а другой там же сожжен на огне. Вот и ныне будем ждать, когда они нам наших купцов возвратят, тогда и мы возвратим их сорок девять купцов...

Тринадцатого июня тысяча четыреста девяносто седьмого года прислал великий князь Александр посла своего, писаря Ивана Сапегу, челом бить, дабы тесть, согласно договору, оказал ему помощь против турок и татар, которые намереваются напасть на литовские владения, и с жалобами на пограничные наезды князя Димитрия Воротынского-Одоевского. Иван Васильевич посла не принял, а выслал к нему для разговоров дьяка Курицына.

Посол передал от имени своего государя, князя Александра, грамоту, сказав:

— Ведомо тобе, цо между нами в докончанье записано: быть тобе с нами на всякого нашего неприятеля и на поганство заодин.

На этот вопрос дьяк Курицын ответил вопросом:

— А против которого поганства помочи у нас князь великий Александр просит?

Сапега отвечал:

— Пришла в Литву к государю весть, цо турки идут на государя нашего землю, а сказывают, цо конных перевезлось через Дунай шестьдесят тысяч, а иные в кораблях и в катаргах многих люди пришли в Белгород. Также и татары перекопские или ордынские, одинаково начнут им же пособлять. Наш государь хочет идти против них с братом своим Ян-Альбрехтом, а угорскому королю идти на подмогу нельзя, он взял с турками перемирие на шесть годин, но послал он Польше на по́мочь одиннадцать тысяч рати: семь тысяч угров и четыре тысячи чехов.

Курицын опять спросил:

— На которые места чают турки прийти?

Иван Сапега ответил:

— То еще не ведомо. Король польский будет стоять на Ка́менце. А литовский великий князь будет стоять на Луках Великих и разведывать про то поганство, куды пойдут — на Польскую либо на Литовскую землю, али к Киеву.

Курицын, подумав, задал опять вопрос:

— А через кого пришла та весть, что турки идут?

Сапега отвечал:

— Посылал король польский к турскому своего посла Стрижевского взять новое перемирие, ибо в велик день срок старому перемирию кончался. И турский того королёва посла отпустил, а

перемирия с ним не взял. И Стрижевский сказывал, цо перед ним турки через Дунай переправились, а идут они к Белугороду.

А от себя Курицын спросил:

— А Стефан-воевода станет ли с Литвой против турков или с турками? Ведомо ведь мне, что воевода в турского султана воле.

Сапега отвечал:

— Чает наш великий князь, цо станет воевода молдавский на стороне Литвы. Присылал он к нам своих послов о любви и о мире.

Курицын доложил эту беседу Ивану Васильевичу, а государь велел ответить великому князю Александру:

— «Просишь ты у нас по́мочи против поганства, а пошлем мы о том деле к тобе своего посла. А о захватах князя Димитрия Воротынского-Одо́евского, слуги́ нашего, то он ничего не захватывал, а то суть волости его, и свел он из них токмо тех людей и слуг Семена Иваныча князя можайского, которые позасели его волости. И князь бы великий Александр вперед у наших князей в их земли и воды, также и у иных наших украинников в земли и в воды не велел своим людям вступаться».

— Яз, державный мой государь, не разумею, куда зять твой метит, ибо ни от наших служилых татар из Дикого Поля, ни от наших доброхотов из Литвы и Польши нет никоторых вестей о турских и татарских походах, а зять твой все время дражнит нас дерзостью своей. А пошто? Не разумею, ибо заратиться ему с нами сей часец не под силу.

— А яз, Федор Василич, все разумею, и все мне ясно. Хочет зять мой повернуть наши глаза в другую сторону: глядели б мы токмо на восход и на полдень, и не оглядывались бы на запад и на полночь. Хочет он, как и требовал, разорвать союз наш с Менглы-Гиреем, и проморгали бы мы союз его с братьями против воеводы Стефана молдавского. Посему с новым послом зятя много не говори, а повторяй токмо то, о чем баили мы в ответ князю Лександру на прежних посольствах. Да! Еще одно. Как на сей раз называет мя зять в грамоте, подобающе или неподобающе? О сем более всего говори с его послом, а о прочем меньше, дабы нечаянно не сказать лишнего. Будем пока еще ждать, время само покажет и укажет, что и как надобно деять...

В начале июля для великой княгини Анны Васильевны и сына ее, великого князя рязанского Ивана Васильевича нежданно пришли тревоги и страх,— почти каждую неделю начались набеги литовцев на рязанские порубежные земли. То путивляне, то рыляне разоряли и жгли деревни, села и сторожевые заставы вдоль

украинных рубежей рязанского великого княжества с Литвой.

Все порубежные села и деревни были в отчаянии и в страхе, посылали гонцов в Рязань, молили о помощи своего рязанского князя, а те рязанские земли, что были ближе к московским рубежам, большие селения, даже с рядками, как Чернь, Плавск и другие, посылали гонцов к великому князю московскому. Особенно смело и настойчиво действовал плавский посельский староста Лука Гвоздёв, здоровенный мужчина, с длинными клоками густой рыжей бородищи.

Собрав мужиков, он кричал на сходе зычным голосом:

— Беда! Пришла гибель на всех нас! Литовцы много людей посекут саблями, угонят всех коней и всю рогатую животину, уведут в полон всех парней, девок и здоровых мужиков, остальных ограбят. Такое будет, что все мы без всякого портища и жилья останемся и с голоду помирать будем, ежели кто из нас от руки литовцев уцелеет. Посему немедля всем нам, как можем, надобно изготовиться к бою, а гонцов пошлем к ближнему московскому рубежу, к граду Алексину, где есть крепкая московская застава из конных полков.

Лука оборвал свою речь.

— Гляди, гляди!— закричал из толпы старый Егорыч.— Никак Красная балка горит?..

— Так и есть,— подхватил женский голос.— Ишь как занялось! Дым-то, как смоль, а скрозь него уж и огонь полыхает.

— Мати, пресвятая владычица!— истово заголосила вдруг пожилая женка в белом платочке.— Заступись и помилуй нас, грешных!..

— Довольно голосить-то,— заревел Лука Гвоздёв.— Макарыч, Мирон и все, что покрепче, собирай парней, хватай топоры, вилы, рогатины, а ты, Трофим, бери Илью с собой да по паре коней выбирайте — и айда гоните в Алексино, бейте челом от нас московской заставе, молите пóмочи против литовцев.

Несмотря на страх, все приказания Луки исполнялись как приказы воеводы, а бывшие тут двадцать конников из порубежной рязанской заставы с луками и копьями стали во главе пешего отряда из плавских мужиков.

Старший из конников, обернувшись к посельскому Луке, спросил:

— А тут еще где есть поблизости наши порубежные рязанские заставы?

Лука ответил не сразу:

— Близ Галчихи есть.

— Сколь там людей-то?

— Душ двадцать конников,— ответил Лука,— верст десять отсель, да такой же отряд у Светлых ключей...

— Добре!— воскликнул конник из стражи и, обернувшись к своим, крнкнул:

— Митя! Гони к Галчихе и к Светлым ключам...

Солнце стало садиться за ковыльную степь, и день потускнел. Надвигались сумерки. Черные клубы дыма над Красной балкой осели и перешли в серые беспорядочные кучи облаков, края которых горели огнем, а иногда вырывался из глубины нх прямо в небо и горел в нем яркий багровый луч вечерней зари.

— Сгорела Красная балка. Отстаткн догорают,— сказал, вздохнув, Гвоздёв.— Покарал господь!

В Плавске все было тнхо. Только из ближайшего огорода раздавались голоса:

— Ребята, мешкн с пшеницей и со льняным семенем носи в овражек, а я с братьями зарывать их землей буду. Бери лопаты. Авось не сгорит...

— Пошто сгореть?— сказал кто-то хрипло.— Земли сырой много, да и колодец рядом. Полить еще сверху можно землю-то...

Услышанный разговор навел на новые мысли угрюмого посельского старосту. Увидев толпящихся мальчишек, он встрепенулся и крикнул им:

— Ребятишки! Лети по дворам, хватай коней, девчонок н всех маленьких, да все в поле, будто в ночное! Там н пережидайте, пока вороги не уйдут...

Слышно было, как по деревне затопали ребята, а потом пронеслись конн, на которых ребятишкн верхом сндели без седел и скрылись за околицей Плавска.

Это были последние приготовления к встрече литовцев. И вдруг все село заволновалось, зашумело. Женки и девки стали причитать и голосить, бестолково хватая разные вещи, кур, гнали за околицу коров и овец. Завидя вдали всадников, скачущих от Красной балки, женщнны еще больше завизжали от страха.

Из одного двора выскочила девочка с большим петухом на руках, который дико верещал от ужаса, бился и хлопал крыльямн. Девочка еле удерживала его, хватая то за крылья, то за ногн, и все время отворачивалась, вертя головкой с тонкой короткой косичкой,— боялась, чтобы петух ее не клюнул. Все же петух вырвался и с пронзительным криком перелетел через плетень обратно на двор и скрылся в хлеву, а девочка стремглав побежала куда-то вдоль улицы.

Через все село промчались отряды порубежной стражи из Галчихн и Светлых ключей н скрылись за кленовой рощей впереди села, где уже стояла в засаде плавская стража с пешимн плавскими мужнками, дабы ударить с правой руки надвигавшихся на село литовцев.

С грозными криками рязанские конники и пешие мужикн с

вилами, дубинами, топорами, косами и рогатнами бросились иа литовцев. От неожиданностн н дикого рева кони литовцев шарахнулнсь в сторону, ио тут же завязался бой.

Лнтовские коннннки ие ожидали иападения и ие проявляли особой охоты к бою. Они готовы были повернуть обратио, но сторожевой отряд и плавскне мужики все больше и больше входили в ярость, защищая родное село, жен и детей и свое имущество. Укрепляло их дух и то, что они верили в помощь из Алéксина.

Падалн литовские кони, увлекая и своих всадников, ио иемало раненых было н среди рязаиской стражи и плавских мужиков.

Начннало темнеть. Вдруг со стороны кленовой рощи послышался топот конницы. Всадникн, размахивая саблями, зычно кричали страшное для всех после разгрома Золотой Орды и покорения Новгорода слово: «Москва, Москва!..»

Это мнгом заставило лнтовцев круто повернуть коней к Красной балке,— спасать обоз с награбленным добром н свой полон.

Через некоторое время в селе зазвоиили праздиичным звоном, а посельский староста созвал сход на площади у церкви.

На сход прншли и мужнки, участники боя. Некоторые из них былн ранены. Привелн сюда и пятерых пленных с беспощадно скрученными за спнной локтями: это были три долговязых литовских конника и два бородатых мужика; оба оин былн ранены. Их ругали н били:

— Повесить злодеев!— кричали в толпе.

— Огонь развести да в костер их! Живьем сжечь проклятых...— перебивалн другне.

Пленные, дрожа всем телом, со слезами и плачем взывали:

— Православные, ие губите иаших душ хрестьянских! Мы ведь таки же, как вы,— православные. Неволей иас сюды погналн паны иаши, князьн Белевскне, с воеводами лнтовскими и ляшскими... Холопы мы мценские...

— А за ваши пакостн, хоть и православные вы, а наказать вас иадобио,— злобно прокричал кто-то.

Загудела толпа от крнков. Посельский староста зычно заорал:

— Замолчите!.. Дайте мне говорить...

Он побольше вдохнул воздуха в грудь и продолжал крнчать:

— Верно бают холопы мценскне. Удельные-то князи вместе с литовскимн по приказу ляхов зорят друг друга, а коли паны дерутся, у холопов чубы болят.

— Да не токмо чубы,— крнкиул кто-то из толпы,— а н головы летят. Добре, что Москва подоспела, а то бы и с нас головы слетели н животы бы нашн все разграбнлн...

— Верно!— подтвердил Лука.— У снх же литовских конников своей воли на зло к нам не было. Не внноватн оии. Такое уж дело холопское. Приказ дадут — чини волю господина, не смей

ослушаться, а что до наказания, так они, полоняники, кулаками от вас не́мало получили. Ныне послать их надобно к нашему великому князю рязанскому, о всем доложить ему, и о том, как Москва нам по́мочь прислала...

Пленные при этих словах громко закричали:

— Дайте слово сказать!.. Не хотим мы зе́мли православные жечь и грабить... Сами хотим просить нашего господина, русского православного князя Белевского, отсел бы он с уделом своим и со всеми нами под руку московского князя.

— Вот,— перебил пленного Лука Гвоздёв,— вот, баю, и скажите нашему рязанскому великому князю о сем, дабы он о вас попечаловался перед государем московским...

— А можно сие?— закричали пленные.— Можно о сем бить с вашим князем?

— Можно,— ответил спокойно староста Лука.

— Слава богу! Дойдет топерь весть до государя московского о наших бедах. Нас ведь в Литве-то начали силой перекрещивать по-латыньски... Скажем князю вашему, что даже дочку государеву, княгиню Олену, нудят перекреститься по-латыньскому обряду...

Начался снова шум в толпе, и раздались угрозы полякам, а пленных бить перестали и даже руки им развязали.

— Замолчи, народ! Не ори зря! Давай рассудим вместе!— закричал во всю мочь посельский.— Мыслю я, утре полонян к нашему великому князю послать, а двоих из них, что постарше, раненых, отпустить к своим,— пусть в своих крестьянских общинах подумают и пойдут к своему православному князю Белевскому молить, отсел бы он к государю московскому... Одобрит сие сход наш али нет?

Мужики закричали дружно со всех сторон:

— Одобрям! Одобрям...

После праздника успенья окончательно переломилось лето. Нигде — ни в лугах, ни в полях, ни в лесах — птицы не пели. Дули только холодные ветры, и на всех колдобинах луговых, и в болотцах, и в низинках, среди полей щетинистого жнивья и по озерам от них шла непрерывно рябь.

Опустилась на дно ряска в похолодевшей и посветлевшей воде. Пожелтели и поломались камыши и тростники, качаясь и трепеща длинными листьями по ветру. Резко выделялись на их фоне отцветшие и потемневшие бархатные верхушки цветочных стрелок камыша, и кое-где начинали они уже осыпаться, выбрасывая белые пушки. По топким болотистым бережкам еще кое-где сидели безмолвно лягушки и грузно шлепались в воду при приближении к ним человека.

Вечерние зори становились длинней и длинней и долго багрово пламенели у краев земли, отражаясь в болотах и лужах, но при всей лучезарности последних дней лета и огненных красках вечерней зари было по-особому пусто и звонко, и веяло холодной осенней трезвостью, и тонкие белоствольные березки, казалось, зябли и беззвучно роняли свои золотые листики, а осины слегка дрожали кроваво-красными ветками, и листы их осыпались и ложились на золото облетевших кленов, как капли крови. Падали золотые и багровые листья на непрерывную рябь озер и болотцев, где их медленно кружило от ветра и так же медленно подгоняло к камышам и тростникам, а между плавающими кучками этих ярких листьев, сквозь мелкую прозрачную воду, выделялись черные пятна опустившихся на дно водорослей. Тихо, мертво было у безжизненных вод, и только иногда, совершенно неожиданно, медленно пропархивали поздние красные бабочки крапивницы, садились на листья, будто греясь под бледными лучами солнца, и медленно раскрывали и закрывали свои ярко окрашенные крылья. Это тихо и медленно уходило молодое бабье лето.

Только иногда с лесной опушки или из рощи доносился стук дятла, да с ближних лесных озер раздавалось резкое кряканье вспугнутых уток, или слышался в небесной вышине тихий и мелодичный крик ворона: «Крумн, крумн!..»

И глаза отыскивали в бледной синеве большую темную птицу, высоко летящую по прямой линии от рощи или деревни к далеким зубцам хвойного леса.

Иван Васильевич в сопровождении своего стремянного Саввушки, двух окольничих и пяти сокольничих медленно возвращался в Москву. Сегодня охота была удачной: соколы сбили трех уток, гуся и даже лебедя. Вся эта добыча висела в тороках у седла Саввушки.

Государь был задумчив и, как это часто бывало за последние годы, уносился в далекое прошлое, отдыхая от государевых дел, от всяких хитростей и злоумышлений разных ворогов, и дышалось ему среди полей и лесов легко и сладко. Все же, когда в лесу неожиданно видел он ярко алеющую рябину, им овладевала грусть, и ему вспоминался то Переяславль-Залесский с его густым садом у великокняжеских хором, то поздний вечер в каком-то совсем забытом новгородском погосте, где была небольшая деревянная церковь, над которой с криком кружилась стая галок.

Приехав в Москву, Иван Васильевич застал в своих покоях дьяка Курицына и сел с ним вместе ужинать.

— Добрый вечер, государь,— сказал Курицын,— как ты ныне полевал и что добыл?

— Добыли, Федор Василич,— с увлечением воскликнул Саввушка,— лебедя, гуся и трех уток!

Государь довольно усмехнулся:

— Добре ныне брали соколы. А у тя, Федор Василич, есть еще задоришко на соколиную охоту? Поедем в ближние дни, ежели погода будет? А?.. Дивная ныне осень-то!..

— Задоришко-то, может, и есть, да где мне верхом носиться, ноги сдают совсем. Тяжко мне ныне и в седле сидеть и на стремена опираться... Бери с собой внука Митеньку... Вишь он глаз с тобя не сводит...

— Возьму, возьму,— засмеялся государь,— а ты, Федор Василич, ежели скакать на охоте за бо́рзыми птицами на коне не хочешь, скачи бо́рзыми своими мыслями по землям зарубежным...

— Скачу по мере сил, государь. Ныне вот сбил и пымал одну из вражьих вестей, которая не хуже твоего лебедя.

— Дедушка! Когда же ты меня возьмешь на соколиную охоту?— нетерпеливо воскликнул внук Димитрий.

— В первый же погожий день, Митенька. Тогда и сокола тобе подарю, а Саввушка и сокольники все тобе укажут и расскажут, когда и как сокола на дичь с руки спущать...

Иван Васильевич ласково улыбнулся Митеньке, засиявшему от радости. Взглянув на государя, Курицын тихо и задумчиво проговорил:

— Днесь, в столь погожий денек, яз все необычными мыслями занят, которые не в голове, а в сердце родятся и, может, никому, опричь меня, не надобны... Все днешние радости и горести наши, государь, когда уходят далеко в прошлое, становятся для нас сладостным сном и томят душу, как в сказке, до слез своей светлой печалью...

— Люблю яз, Феденька,— так же задумчиво молвил Иван Васильевич,— наши беседы с тобой о высоких мыслях и чувствах, ласковых и свежих, как первые весенние деньки. Отдыхаем мы в такой светлой печали, забываем о зле человеческом.

Иван Васильевич помолчал и, усмехнувшись, добавил:

— Все же от суеты сует мира сего нам не отойти! Видать, «довлеет дневи злоба его»... Поведай же мне, какую ты весть ныне «заполевал» на полях иноземных?..

— Идет, государь, недобрый слух,— ответил дьяк Курицын,— будто великий князь литовский заедино с братьями, с королем Яном-Альбрехтом польским и Владиславом угорским, двинул полки свои на свояка твоего Стефана молдавского. Хотят они его с воеводства согнать, а на его стол поставить Сигизмунда, брата своего. Осадили они Сочаву, но не могут ее взять, так добре обороняет воевода Стефан стольный град свой.

Иван Васильевич мрачно и зло усмехнулся.

— Поклонятся еще нам и зять наш и круль польский Ян-Альбрехт,— сказал он жестко.— Баил яз тобе не единожды, что Менглы-Гирей важней мне зятя моего. Ляхи и Литва ничто сотворить Стефану злого не смогут. Не забыл, чаю ты, что крымская Орда, по тайному приказу нашему, у ляхов на спине, яко рысь, сидит и с июля Литву зорит, жжет и полоны берет коло Винницы и Киева. Сам король и зять мой помогают нам в сем, желая отвратить глаза наши от войны их с моим свояком Стефаном молдавским. Они оба сеют слухи о грозных татарских нападениях и сим токмо страх на своих людей наводят.

— Как еще о сем сказать? Не будут ли слухи сии в пользу и зятю твоему. Обвинить он нас может перед иными государствами, что мы на него татар поганых насылаем?

— Не обвинит. У тобя ведь, Федор Василич, все его челобитья к нам в ларях хранятся,— ответил Иван Васильевич.— Опричь того, я верю, что Стефан-то и один с Литвой и ляхами управится. Великий он воевода и на ратном поле чудеса творить может, и полки его добре обучены. Турок и тех бивáл не раз на ратном поле. Все, Феденька, идет добре, как нам надобно. Льется вода на нашу мельницу.

Иван Васильевич задумался и через некоторое время, обратясь к Курицыну, добавил:

— Все же для грядущей нам пользы пошли-ка к зятю боярина Петра Григорича Заболотского с братом твоим Иваном Волком и вели боярину Петру так сказать от моего имени князю Лександру: «Памятуючи с тобой о нашем докончании, наказываем мы ныне к тобе, чтобы ты, зять наш, на Стефана, воеводу молдавского, не ходил, а был бы с ним в мире, и Стефан хочет того, чтобы ты с им был в мире, а на недруга — недруг».

— Добре, государь, исполню волю твою. Есть у меня еще и другая весть для тобя нежданная,— молвил Курицын,— добрая весть.

— Ну, сказывай, чем порадовать можешь?— ответил Иван Васильевич.

— Сестра твоя, государь, Анна Васильна, великая княгиня рязанская, извещает тобя, что через два дни на Москве будет...

— Добре. Рад яз повидать ее. Токмо почто яз ей спонадобился? Ты, Федор Василич, достань-ка из ларя на всяк случай все докончанья наши с Рязанью, а сестру в мои хоромы помести. Пусть принимает гостью невестка моя Оленушка, а внук Митенька едет навстречу бабке своей от Елены Стефановны, а с ним от меня пусть едет свою родную тетку встречать с великим почетом княжич Юрьюшка...

Проехав по Земляному городу от Покровской заставы, что у церкви Покрова, к Спасскому монастырю, где переправа через Москву-реку в Кожевники, у Вражка, Анна Васильевна, вдова великого князя рязанского, раздвинув в своей колымаге занавески, увидела, как на ладони, такой родной, с раннего детства знакомый Кремль, перекрестилась и заплакала. Так вся в слезах и вышла из колымаги навстречу к племянникам — родному и внучатому, Димитрию, обняла и поцеловала обоих, а благословив их, огляделась кругом и, улыбаясь сквозь слезы, молвила:

— Яз, детки, узнала, носом почуяла, что мы в Кожевниках.

— А отсюда, баба Аннушка, мы еще раз Москву-реку переедем по новому мосту. Он на ладьях укреплен, у Чушковых ворот. Ты не бойсь, бабушка. Мост сей крепче прежнего, живого, что из бревен был цепями связан...

Вдруг Анна Васильевна широко раскрыла глаза и, крестясь, испуганно забормотала:

— Господи Исусе Христе! Владычица пречистая! Не пожар ли у Монетного двора?!

— Что ты, что ты, тетушка Анна,— заговорил княжич Юрий Иванович,— сие не пожар. Сие дым от множества горнов и плавильных печей, в которых ныне много плавят серебра и меди на болванки. Из сих болванок рубли рубят. Округ старого и нового Монетного двора живут ныне литейщики, златокузнецы и чеканщики.

— Их так много тут живет, бабунька,— добавил внук Митенька,— что целую новую слободу построили —«Новокузнецкую», с церковью Спаса преображенья на Болванович, с улицами Болвановками, Монетчиковыми, а горны для плавки день и ночь горят и дымят на монетных дворах.

— Отец сказывает, что великое множество изготовить надобно нам денег: гривен всяких золотых, больших и малых, рублей нарубить и полтин серебряных. Для всей Руси деньги нужны. Топерь никто, окромя Москвы, не смеет деньги бить...— пояснил княжич Юрий Иванович.

— И медных мелких денег тоже надобно и для хрестьян наших, и для сельского торга в рядках и рядочках, и было бы чем хрестьянам платить оброки и на что одежду покупать, а в городах для черных людей, ремесленников, также деньги нужны — харч и прочее покупать у мелких торговцев,— добавил Митя.

— Видать, много перемен на Москве ныне,— заметила княгиня Анна Васильевна.— И Пушечный двор, и деньги златые, серебряные, и Грановитая палата, и новые храмы божьи построены... Вижу вот и новые стены каменные круг нашего Кремля. Дай бог здоровья Ванюше, брату моему, государю великому всея Руси!

При этих словах она истово перекрестилась и, обратясь к племянникам, сказала:

— Ведите меня к брату моему в хоромы, челом бить хочу ему о многом.

Государь Иван Васильевич встретил сестру у себя во дворе перед красным крыльцом, обнял ее и поцеловал троекратно, потом отодвинул от себя и ласково молвил:

— Как ты, Аннушка, на покойную нашу матуньку походишь...

Он снова крепко обнял ее, поцеловал и спросил:

— Как здоровье твое, Аннушка? Как бог тобя милует?

— Милует еще, Ванюша. Токмо вот зять твой не жалует...

— Ну, о сем, Аннушка, у меня в покоях побаим подробно. Там для тобя давно уж стол собран. Закусишь с дороги. Ну-ка, Юрьюшка и Митенька, помогите государыне на красное крыльцо взойти. Яз сам поведу ее в свои покои, а вы узлы и коробы, какие она укажет, дайте слугам нести в покои великой княгини Елены Стефановны, где Анна Васильевна гостить остановится.

Государь взял сестру об руку и повел к себе в трапезную, где ожидали его прихода великая княгиня Елена Стефановна, дьяк Курицын и дворецкий. При входе Анны Васильевны в трапезную все шумно приветствовали ее. Елена Стефановна подошла к великой княгине рязанской под благословение и горячо поцеловала ей руку.

Обрадованный и взволнованный, дьяк Курицын тоже подошел к Анне Васильевне и заговорил:

— Сколь годиков-то не виделись? Мыслю, больше двадцати, Аннуш... прости... великая государыня Анна Васильна...

— Какая там «великая государыня», скажи просто — Аннушка, ведь с пеленок меня знал. Поди ко мне, яз тя в лоб поцелую...

Неожиданно вошел Саввушка и, почтительно поклонившись всем, сказал:

— К тобе, государь, боярин со срочным докладом...

Иван Васильевич, продолжая улыбаться, молвил сестре:

— Прошу к столу, яз же сей часец вернусь... Петр Василич, похлопочи, вели подавать кушанья...

Государь вышел вместе с Саввушкой и прямо прошел в свой покой. Там ждал его боярин Товарков. Поклонившись, боярин глухо произнес:

— Пришло время, государь, начать мне деять то, о чем тобя ранее извещал. Днесь же тоже надобно руку наложить на крамольников...

— Добре!— меняясь в лице, но твердо молвил Иван Васильевич.— Возьми за приставы и княгиню мою и сына Василья и доржи в их же покоях. Прикажи никого к ним не впущать и не выпущать. Поставь стражу коло их покоев из моего полка под видом почетной стражи. Пойманных же шестерых крамольников закуй в железа и доржи у собя на дворе за крепкой стражей, доколе яз о них поразмыслю. К концу обеда жду тобя, обо всем решим, как и что деять дальше...

Государь быстро вернулся в трапезную, где слуги уже расставили на столе напитки и закуски: блюда с мелкой жареной птицей, зайцев, жаренных на сковородках, с пареной репой, икру разных видов и большой подовой пирог с печенкой к горячим штям, изготовленный нарочито по вкусу Анны Васильевны.

Перекрестившись, Иван Васильевич сел на свое место. Весело подняв кубок, он сказал:

— За твое здоровье, Аннушка!..

Все чокнулись, а княжич Юрий, вспомнив, что сегодня у матери его, Софьи Фоминичны, за обедом будет любимое его кушанье —«баклава», неуверенно обратился к отцу:

— Батюшка, яз пойду днесь обедать к матери? Там баклава будет.

Все засмеялись, а государь, улыбнувшись, сказал:

— Эх ты! Уж в воеводах ходишь, а на баклаву, яко малое дите, льстишься...

— А мне с Юрьюшкой можно идти?— робко спросил Митя.

— Нет,— сдвинув брови, молвил Иван Васильевич.— Яз утре прикажу поварам для тобя к обеду тоже баклаву изготовить.

Все опять рассмеялись. В дверях появился Саввушка. Не успел он слово вымолвить, как государь торопливо сказал ему вполголоса:

— Скажи боярину, пождет пусть, а лучше того, ежели он днесь к ужину ко мне придет. Скажи, гостья-де у меня — дорогая и любезная сестра моя Анна Васильна... А к ужину ждать буду его в своем покое...

Ивану Васильевичу, как и раньше в таких случаях, захотелось оттянуть время от решений грозных дел...

Анна Васильевна устала с дороги, и ужин был подан раньше чем обычно, на вечерней заре.

Встав из-за стола, государь пожелал сестре доброй ночи и добавил:

— А о том, Аннушка, как тобя от литовских обид охранить, утре с тобой Федор Василич подробно побаит, а после обеда мы обо всем втроем подумаем и все, что решим, скрепим с тобой новым

договором. Сей же часец мне надобно у собя в покоях о важном срочном деле подумать. Утре-то пришлю за тобой Федора Василича.

Великая княгиня Елена Стефановна повела Анну Васильевну на свою половину, в особую опочивальню, нарочито для нее приготовленную. Иван же Васильевич, вновь простившись с сестрой и снохой, пошел на свою половину. Войдя к себе в покой, где Саввушка уже зажег свечи и масляный светильник, государь, не видя боярина Товаркова, нахмурил брови и резко спросил:

— Сказывал ты боярину, что яз к ужину его ждать буду? А яз вот поужинал, а его все нет.

Саввушка оробел и растерялся, но, быстро оправившись, сказал:

— Боярин-то сей часец будет. Ведь ужин-то ныне ранее был.

Государь усмехнулся:

— Верно. Ныне намного ранее ужинали. Иди, Саввушка, а прибудет боярин, веди его сюды и к нам никого не пущай...

Оставшись один, Иван Васильевич подошел к окну и широко открытыми, неподвижными глазами стал смотреть на багровую полосу угасающей зари...

— «Довлеет дневи злоба его»,— прошептал он, вспоминая слова священного писания.

И было ему тяжко и казалось, будто какие-то толстые каменные стены наглухо окружили его в темноте, а сердце ноет и замирает. Он думал о тяготах служения государству, и мнилось ему, что-то огромное и властное душит его, угнетает все его мысли и чувства.

— Сие и есть государство!— прошептал он.— Будто сон грозный...

Он сжал свои руки и вполголоса хрипло проговорил:

— Когда же яз сослужу тобе всю свою службу и с радостью возопию: «Ныне отпущаеши раба твоего, владыко!»

Саввушка тихо отворил дверь и впустил боярина Товаркова. Иван Васильевич вздрогнул, но, взглянув на Ивана Федоровича, холодно спросил:

— Исполнил?..

— Все наши решения записаны тут,— показал Товарков, кладя на стол грамоту,— а в сем свитке — все, что разведано при розыске.

— Свитка читать не буду. Про розыск мне все ведомо, а что тайным судом приговорено, прочти по грамоте.

— «Обыскав всех крамольников,— прочел Товарков,— тайный суд государя всея Руси Ивана Васильевича изведал, что введенный

дьяк Большого дворца Федор Стромилов донес великой княгине Софье Фоминичне о решении государя пожаловать великим княжением Володимирским и Московским своего внука княжича Димитрия Ивановича. Убоясь сего, великая княгиня Софья приказала сыну, княжичу Василью, немедля созвать к собе всех ближних бояр на совет и, подумав с ними, отъехать в Литву со всем двором и полками, подобно князю Василью верейскому, под руку великого князя литовского. Совет из ближних Василью Ивановичу бояр одобрил сей умысел государыни, причем смоленский вотчинник Афанасий Яропкин предложил обменяться грамотами с наместником смоленским Станиславом Стромиловым, дабы тот помог Василью Ивановичу с двором и войском пробиться через русские заставы возле литовских рубежей. Боярок Руно, брат воеводы Ивана Димитриевича Руно, предложил захватить перед отъездом в Литву казны государевы и в Вологде и в Белоозере, а Шавье-Скрябину, сыну Ивана Ивановича Травина, из двора Софьи Фоминичны, вместе с сыном боярским Володимиром Елизаровичем Гусевым поручили учинить израду над князем Димитрием. Присутствующие на думе целовали крест в верности великой княгине Софье и сыну ее Василью. Совет бояр поручил князю Ивану Ивановичу Хрулю-Палецкому[1] лично снестись с воеводой смоленским Стромиловым и через него договориться от имени великой княгини Софьи и сына ее Василья о принятии их под руку великого князя литовского с получением по их достоинству вотчин в Литве.

Тайный суд государев решил шестерых из думы Василья Ивановича казнить смертной казнью на реке Москве пониже мосту: Афанасию Яропкину-Клепикову руки и ноги отсечь, а после и голову ссечь. Боярку Рунову руки отсечь, а после ссечь голову. Прочим четырем: Гусеву, князю Палецкому, Щавье-Скрябину и Стромилову — головы ссечь, а иных виновных из детей боярских в тюрьмы вметать».

— Оставь у меня сию грамоту,— сказал государь.

— Доложу тобе еще нечто новое,— продолжал Товарков,— стража моя схватила двух баб лихих, которые пришли к княгине с зельем после того, как к ней была уже приставлена стража. Обыскав и допросив тех баб, узнал яз, что пришли они по зову Софьи Фоминичны...

— Лихих баб днесь ночью утопи ниже мосту, а тех, на кого сии бабы на розыске указывали, схвати и тоже обыщи и допроси, а после мне доложи. Пойманных же передай на решение тайному суду дополнительно к прежним... Ну, иди с богом, Иван Федорыч...

---

[1] *Хруль-Палецкий* — двоюродный брат Семена Ивановича Ряполовского и Василия Васильевича Рамадановского. ***(Прим. автора.)***

На другой день, как только стало светать, Елена Стефановна вошла в свою трапезную, где служанки собирали уже стол к раннему завтраку. Приказав дворецкому подавать яства тотчас же, как придет великая княгиня Анна Васильевна, она подозвала к себе Глашу, старшую служанку, и сказала:

— Дойди в опочивальню к великой княгине Анне Васильне и, ежели она спит, не буди, пусть добре отдохнет с дороги, а ежели проснулась, помоги умыться, оболочиться и проведи ее сюды. Яз же пока сяду за пяльцы и буду шить пелену для нашего собора Благовещенья, которую начала уже вчера...

Когда в трапезную вошла Анна Васильевна, Елена Стефановна почтительно поздоровалась с теткой и усадила на самое почетное место. Анна Васильевна, наблюдая, какие подают кушанья, улыбнулась и спросила племянницу:

— Откуда ты, Оленушка, вызнала все, что яз люблю, и все вот собрала к завтраку?

— Сие все сам государь приказал.

Анна Васильевна, растроганная заботами старшего брата, отерла слезы, молвив:

— Все помнит братец мой милый, все помнит. Любит меня Ванюша мой, как в детстве моем любил, и ныне вот меня, как малое дитя, лакомит...

Она искренне взволновалась и, чтобы успокоиться, спросила Елену Стефановну:

— А что сие у тобя такое цветистое шьется в пяльцах?

— Сие, тетушка Анна Васильевна, яз пелену шью для нашего собора Благовещенья. Шью по рисунку иконописца, сына знаменитого Дионисия, которого государь больше всех иконописцев любит.

— А что, Оленушка, на сей пелене начертано?

— Обедня начертана на вербную неделю, а тут вот сам митрополит Симон, который сию обедню служит,— показала пальцем Елена Стефановна.— А тут вот, на левую сторону амвона, государь с моим Митей рядом. Похоже?[1]

— Вельми похожи все. Особливо братец Ванюша и внучек Митя. А сия вот будто Софья Фоминична, верно?

— Верно, тетушка! Верно, она и есть с дочками своими.

В это время вошел в трапезную Иван Васильевич в сопровождении дьяка Курицына. Он подошел к сестре, склонился к ней и, поцеловав ее в обе щеки, спросил:

— Ну, как спалось, Аннушка, в родных хоромах?

— Добре и крепко спала, яко в детстве своем.

— Почнем завтрак и выпьем за твое здоровье по чарке водки

---

[1] Пелена эта хранится в Историческом музее в Москве.

боярской. Наливай собе, Федор Василич, чокнемся с Аннушкой.

— И-и, что ты? Бог с тобой, Ванюша! Вы сами пейте, какую хотите, а мне токмо меда или вина сладкого немного... Яз после трапезы хочу родителям нашим поклониться, панихиду отслужить отцу у Михаила-архангела, а матери с бабкой нашей — у Вознесенья.

— Ты вот, Аннушка, ко мне с панихидами, а яз к тобе со свадьбой. Чаю, дочка твоя уж заневестилась?

— Осемнадцать минуло, пора и замуж отдавать.

Иван Васильевич рассмеялся:

— Яз доброго жениха для ней сыскал. Ужотко покажу тобе князя Федора Иваныча Бельского, из князей литовскийх, но по вере — наш, православный. Отсел он к нам от Литвы, а жена там осталась, и ныне добрый он у меня воевода. Яз богатые вотчины ему дал: Демань, Мореву и много других.

— Поглядим, поглядим, подумаем, а может, и породнимся с твоей легкой руки,— ответила Анна Васильевна.— Добре, что он воевода, а то яз тобе, Ванюша, челом бить о воеводе хотела. Одолел меня зять твой, князь Лександр. Зорит наши украйны, грабит, жжет, полоны берет. И хоша у тя с ним родство, много лиха он деет нам разбоем и наездами. Сколь людей до смерти перебил и полонов свел, и сказать без слез не могу. Сие лето вот из Мценска и Рыльска были литовские наезды. Наших детей боярских на сторожевнице побили и пограбили, а трех до смерти убили. И ты бы, брате, помог нам, учинил бы в сих делах управу: за побитые головы повелел бы заплатить, а взятых в полон отпустить, а взятое добро велел бы отдать, а лиходеев велел бы казнить, дабы впредь такого не было.

— Вот, Аннушка, воевода князь Бельский, у него свои добрые полки есть, ну и бери его зятем, а сам яз тобе касимовских татар дам, да и в Литву князю Лександру грамоту пошлю. Яз о сем уж с Федор Василичем думал и новое докончанье с Рязанью хочу с тобой обсудить. Долго ли еще на Москве побудешь?

— Долго! Ведь наделок дочке собрать надобно. Пошлю вот казначея со своим дворецким в ряды сурожские купить парчи, шелков, сукон для дочки, камней-самоцветов, колец, серег, обручей золотых и прочего от саженья всякого, да и от тобя жду подарков для родной племянницы,— добродушно рассмеялась Анна Васильевна.

— Подарок ей от меня будет! А опричь того, будет и подарок по твоему челобитью для всего рода князей рязанских. Ныне яз, яко государь всея Руси, сам боронить буду Рязань от Литвы, сам для сего все полки татарские тобе передам и добавлю еще из своих московских с лучшими воеводами. Про кормление и

жалованье мы все в докончанье запишем и скрепим крестоцелованьем с великим князем рязанским, с Иваном Василичем. Сие все свершим, а там можно с веселым пирком да за свадебку!

Вошел дворецкий и доложил, что для великой княгини Анны Васильевны по приказу ее подана колымага к красному крыльцу.

— Ну, поезжай, поезжай, Аннушка, помолись московским святыням!— сказал Иван Васильевич, целуя сестру.— Поклонись нашим родителям.

Как только ушла Анна Васильевна, Елена Стефановна быстрыми, решительными шагами приблизилась к государю и смело, глядя ему прямо в глаза, громко сказала:

— Государь!— Но вдруг заволновалась и спала с голоса: — Третьёводни общий друг наш, Федор Василич, передал мне о твоем решении поставить себе наследником сына моего Митеньку. Опричь того, пожелал ты, дабы мы все молились в храмах по обрядам грецкой православной веры, чтобы яз сама строго соблюдала сии обряды и Митю тому научала и остерегала бы его говорить при всех против Христа, против святого духа и богородицы.

Иван Васильевич нахмурился, на мгновение перевел взгляд на дьяка Курицына, потом снова острым взглядом стал смотреть на сноху:

— Не веришь сему, дочка? Так поверь. Отныне даю приказ исполнять сие, а за ослушание и для ради блага всей Руси никого не пожалею и никого не пощажу.

— Значит, государь, ты хочешь погрязнуть в невежестве церковном?— надменно спросила Елена Стефановна.

Иван Васильевич молчал и пронизывал гневным взглядом сноху.

— Хоша ты и дочь славного государя и вдова великого князя, но ништо ты, дочка, в государевых делах не разумеешь.

Елена Стефановна резко и нетерпеливо обернулась к свекру. Он заметил эту вспышку и добавил:

— Кипит в тобе, дочка, токмо пустая надменность да злоба. Высокоумие токмо в тобе, а не разум. Не разумеешь ты, Оленушка, что грозно вельми, когда народ не за государя, а против него... Самый грозный и сильный государь токмо тогда могуч, когда народ за него... Не разумеешь ты, дочка, что русские люди исстари православные и от веры отцов николи ни отойдут ни на Руси, ни в Литве. А нашего разумения о боге они николи не примут, почитая сие разумение за ересь, а нас — за еретиков. Княгиня моя Софья Фоминична сие добре разумеет и опирается открыто на духовных грецкого толка, на самых лукавых и хитрых, яко Иосиф волоцкий и Геннадий новгородский. Обоим же им помогает сам папа через монахов ордена святого Доминика и держит с ними крепкую связь, натравляя против нас. Не ведаешь,

видать, Оленушка, и того, что нонешний митрополит Симон тоже против «еретиков», к которым причисляет нас с тобой и Федором Василичем. Преклоняет Симон больше ухо свое к Иосифу волоцкому, чем к нам, а опричь того, и в государствовании он, как найбольший духовный вотчинник, норовит во всем княгине моей и Василью и всем боярам-вотчинникам. Не ведаешь ты и того, что великий князь литовский своих вотчинников дарит всякими подарками и обещает всем прибавки новых богатых вотчин и рабов и рабынь из разных православных полонов. Помысли, как же твой сын, будучи главой православного государства и стоя во главе русской православной церкви, сможет защищать в Литве грецкое православие, за которое стоит литовский народ и за которое токмо и захочет воевать с Литвой и ляхами наш русский народ. Где же он найдет опору против Софьи Фоминичны и Василья? Вороги наши разумеют всё сие и ищут опоры среди наших ворогов в Москве и в Литве. Они уже злоумышляют против нас и готовят измену мне и Димитрию. Яз уже спешу грозно и борзо пресечь все их замыслы.

Государь замолчал. Руки его сильно дрожали, но, сдержав себя, он спокойно произнес:

— Ведай, Оленушка, пойду яз за Русь токмо заодно с народом своим, ибо уразумел, что всяк, кто волей или неволей будет против народа, заплатит своей кровью...

Обернувшись к Курицыну, государь сказал:

— Идем со мной, Федор Василич, новый договор с Рязанью писать, а после разъясни Оленушке-то, что из слов моих она не уразумела...

На второй день рождества, двадцать шестого декабря, у государя на праздничном обеде были митрополит Симон, великая княгиня Анна Васильевна, князь Бельский Федор Иванович, вдовствующая княгиня Елена Стефановна с сыном Димитрием, сын государя Юрий Иванович, князья Патрикеевы, Ховрины, князь Семен Данилович Холмский и Курицын.

Когда все сели за столы и слуги стали разносить кушанья, в трапезную неожиданно вошел Саввушка. Приблизившись к государю, он тихо сказал:

— Государь, в покоях твоих ждет тобя вестник с тайным борзым донесением.

Иван Васильевич поспешно вышел из трапезной, сопровождаемый Саввушкой. Войдя в свой покой, он увидел молодого князя Василья Даниловича Холмского.

— Сказывай, князь Василий.

— Государь, на Москву идут полки сына князя Ивана Палецкого и брата Шавьи-Скрябина, по прозвищу Репей.

Иван Васильевич спросил:

— Как и пошто идут?

— Ратным походом, государь, идут, а пошто, еще не ведаю.

— А яз ведаю,— молвил Иван Васильевич.— И, обратясь к Саввушке, приказал:

— Тайно скачи, Саввушка, к боярину Товаркову, пусть сей же миг будет у меня.

Иван Васильевич быстро подошел к своему столу, вынул из ящика грамоту с приговором тайного суда.

В это время в палату вошел Патрикеев с митрополитом Симоном. Оба они были сильно взволнованы. Иван Юрьевич, заикаясь, проговорил:

— Государь, к стенам Кремля подходят неведомые мне полки... Яз вывел на стены всю заставу московскую и поставил пушкарей с пушками и пищалями, дабы ратей тех в Москву никакой ценой не пропущать...

— Добре, Иване, а пропустишь — головой ответишь,— сурово сказал государь.

— Слушаю, державный!

Митрополит Симон, стоявший вместе с молодым князем Холмским вблизи государева стола, заметил грамоту с приговором тайного суда. Он хотел спросить Ивана Васильевича о приговоре, но в эту минуту вошел в покой боярин Товарков. Государь вздрогнул и сразу резко спросил:

— Ведаешь, Иван Федорыч?

— Все ведаю, государь...

Иван Васильевич резко схватил со стола грамоту с приговором и, протягивая ее митрополиту, приказал:

— Подпиши моим именем сие мое решение по приговору: «Утре казнить по решению суда шестерых злодеев, в приговоре сем поименованных: Афанасия Яропкина, Федора Стромилова, Владимира Гусева, князя Ивана Палецкого, Шавью-Травина, боярка Руно».

— Государь, пошто такая борзая и грозная казнь?— дрожащим от страха голосом спросил митрополит Симон.

— За злоумышления и сговор измаду содеять мне и внуку и за воровство перед государем и за измену Руси.

— Сын мой, смягчи гнев свой,— робко продолжал митрополит.— Постриги злодеев, заточи в самое тесное заключение по дальним монастырям, дабы было им, христианам, время замолить грехи и спасти свои души...

— Отче,— сурово ответил государь,— ты вкупе с Иосифом волоцким да с Геннадием новгородским и прочими духовными молитесь господу за души их грешные, а яз сам ведаю, как

злодеев на земле карать надобно...— И, обратясь к Товаркову, добавил:

— Исполни, как написано. Князь Василий Холмский тобе в помочь.

Поглядев на князя Патрикеева, государь добавил:

— А ты, Иване, днесь через воевод оповести все московские полки о злодействе и о казни злодеев.

— Слушаю, государь...

Глава 12

НОВЫЕ ПОБЕДЫ

Тысяча четыреста девяносто восьмого года, января пятого, после завтрака к государю Ивану Васильевичу явился боярин Товарков.

Перекрестясь истово на образа, он низко поклонился:

— Будь здрав, государь. По зову твоему.

Иван Васильевич был хмур и чем-то сильно расстроен. Суровое лицо его казалось окаменевшим, но боярин знал хорошо это лицо и, наблюдая за ним исподтишка, заметил, словно иногда легкой зыбью еле-еле проходили мелкие тонкие паутинки возле уголков глаз и губ, а в глазах чуть вспыхивали и гасли едва заметные отсветы, и от всего этого мерещилась на лице неясно скользящая ласка.

— Что, Иван Федорыч, Иордань на Москве-реке изделана?— неожиданно спросил Иван Васильевич.

Товарков, ничего не понимая, ответил с особой веселой поспешностью:

— Изделана, государь. Лучше прежнего изделана. Сыновья иконописца Дионисия разных ярких цветов доски и в воду и под лед клали!

Иван Васильевич еще неожиданней сказал с улыбкой:

— Сыми-ка сей ночью стражу свою и в хоромах сына Василья и в хоромах княгини, дабы все было, как прежде в Кремле бывало в сей праздник. Пусть дети наши поглядят на все...

Государь помолчал и добавил:

— И сестра моя, Аннушка, поглядит, детство свое на Москве вспомнит... Ну, с богом, Иван Федорыч. Да, уходя от меня, скажи дворецкому, не забыл бы он белых голубей в клетках к водосвятию на Иордань прислать митрополиту, дабы их в небо пущать.

Конец января был холодный. Дули северные ветры, а накануне са́мого февраля налетели вьюги и метели с сугробами и

снежными заносами. В лесах с треском обламывались от тяжести снега сучья у сосен, а в деревнях заносило снегом огороды, заметывало до самых крыш бани, хлевы и амбары и перекрывало заборы.

К третьему же февраля, на Симеона-богоприимца, все сразу стихло. Небо очистилось, заголубело чистой лазурью, сияющей золотыми отблесками солнца. Было уже тепло сидеть на завалинках и бревнах и подогревать себе спину и бока.

— Вот бог дал,— говорили старики, кутаясь в бараньи тулупы,— февраль-бокогрей настал!..

В Москве тоже потеплело. Из хлевов и от разогретых заборов и бревен чуть тянуло теплинкой, и петухи звонко с утра до вечера пели или, надсаживаясь, яростно вторили крикливому кудахтанью кур.

В воскресенье, февраля четвертого с утра наступила оттепель и задолго еще до обеда с крыш крупными блестящими жемчужинами закапали капли. Потом, среди ясной и теплой тишины, неведомо откуда наплыла белая тучка и, постояв неподвижно над Москвой, распухла, как перина, и лопнула, а в воздухе, медленно кружась, запорхали белоснежные пушинки. Стало еще тише.

В это время торжественно загудели колокола во всех церквах, наполняя могучим медным ревом город и посады. Народ густыми толпами потянулся со всех сторон в Кремль, к Успенскому собору.

Государь Иван Васильевич в пышном царском облачении, сопровождаемый внуком Димитрием и всей своей семьей, окольничими, детьми боярскими в воинских кафтанах и всей своей дворцовой стражей, медленно двинулся к Успенью.

Сегодня в этом древнем и особо чтимом храме Иван Васильевич решил благословить и посадить на великое княжение внука своего Димитрия. Для чина венчания на царство посередине храма был приготовлен большой помост, какой ставится обычно при посвящении в митрополиты и архиепископы, но на этом помосте были поставлены три престола: для государя Ивана Васильевича, для внука его Димитрия и для митрополита. Ожидая государя, митрополит и весь священный собор облачились в праздничные ризы. Церковные служки принесли аналой, на котором лежали меховое наплечие —«бармы», и царский венец —«шапка Мономаха».

Когда государь с внуком вошли в церковь, начался молебен. По окончанию пения тропарей митрополит и великий князь сели на свои престолы, а внук встал перед ними.

— Отче митрополит,— торжественно произнес Иван Васильевич,— божьим изволением от наших прародителей, великих князей, и до сего времени установлено первому своему сыну давать

великое княжение, и яз благословил великим княжением своего первого сына, Ивана Ивановича, при жизни своей, но божьей волей сын мой преставился. У него же остался его первый сын Димитрий, и яз днесь внука Димитрия благословляю, при жизни моей, великим княжением Володимирским, Московским и Новгородским, и ты бы, отче, его благословил на сие великое княжение.

После этой речи государя митрополит повелел Димитрию воссесть на престол, благословил его и провозгласил:

— Господи, боже наш, царь царствующим! Как ты помазал на царство царя Давида, так аз помазую на царство елеем радости Димитрия. Соблюди его, господи, в непорочной православной вере, хранителем велений твоих и святой соборной церкви, и ныне и присно и во веки веков!..

— Аминь!— пропел соборный хор.

Два архимандрита поднесли митрополиту бармы, которые он передал государю, а тот возложил их на плечи внука. Потом митрополит повелел подать шапку Мономаха. Приняв ее, он передал шапку государю. Иван Васильевич возложил шапку на голову внука, как знак верховной власти государя.

Из алтаря вышли дьяконы и провозгласили многолетие государю Ивану Васильевичу, а потом великому князю Димитрию Ивановичу.

Когда пропели многолетие, митрополит и весь священный собор с ним вместе земно поклонились обоим государям. Затем митрополит, обратясь к Ивану Васильевичу, торжественно поздравил его, сказав:

— Божьей милостью здравствуй на многие лета, православный царю Иоанне, великий князь всея Руси и самодержец!

Дьяконы снова вышли на амвон и пропели многолетие.

Затем митрополит обратился к Димитрию Ивановичу и сказал:

— Божьей милостью здравствуй на многие лета, господине, князь великий Димитрий Иванович, со своим государем и дедом, великим князем Иваном Василичем, самодержцем всея Руси!

Дьяконы опять пропели многолетие, а все дети Ивана Васильевича поклонились и поздравили обоих государей. За ними вслед, проходя мимо государей, кланялись и поздравляли бояре и весь народ, молившийся в храме.

По окончании поздравлений митрополит обратился с поучением к Димитрию Ивановичу, закончив его так:

— Сыне мой и господине, князь великий Димитрий! Имей послушание к своему государю и деду и имей попечение о всем православном христианстве, а мы тобя благословляем!

После митрополита сурово и твердо молвил внуку сам государь:

— Внук Димитрий! Яз пожаловал тобя и благословил великим княжением, и ты люби правду и суд правый, храни и защищай всех православных христиан!.. Прими от меня дары сии, из рода в род переходящие...

Государь Иван Васильевич брал драгоценности из рук казначея своего Ховрина и, передавая внуку, называл их:

— Се золотой наперсный крест с золотой цепью, парамшинский, который завещал мне родитель мой, великий князь московский Василий Василич... Сей пояс золотой с самоцветами и сия коробка сердоличная для великокняжеской печати тоже мне завещаны были родителем моим.

Государь благословил внука и поцеловал в лоб.

Началась литургия. Служил сам митрополит Симон.

По окончании обедни Димитрий Иванович в шапке Мономаха и в бармах пошел к выходу в сопровождении государевой семьи и всех бояр. В дверях князь Юрий Иванович осыпал Димитрия золотыми и серебряными деньгами.

Государь Иван Васильевич остался в храме один. Медленно, задумавшись, взошел он на амвон, подошел к царским вратам и, приложившись к иконе Христа, так же медленно вышел из церкви, сел в свою колымагу и поехал к дьяку Курицыну.

Густыми сыроватыми хлопьями шел снег и налипал шапками на столбах заборов. Мальчишки — одни веселой гурьбой катали шары из снега и лепили уродливых баб, другие — еще шумливее играли в снежки. Увидя великокняжескую колымагу, они заробели и смолкли. Сунув руку в карман и нащупав деньги, Иван Васильевич захватил горсть медяков и бросил на укатанную санями дорогу. Мальчишки со всех углов бросились на добычу и вступили в такую отчаянную драку, что Саввушка, стоявший на запятках колымаги, не вытерпел и крикнул:

— Вот я вас кнутом, чертенят!

Старик, шедший по дороге, опираясь на палку, оглянулся и спросил:

— Никак ты, Саввушка! Куды едешь-то?

— Да к тобе, Федор Василич. Государь к тобе жалует

— Эй ты, кологрив! Что ж к черному двору едешь? Поезжай в объезд мимо вон той часовенки,— крикнул вознице Курицын.

Колымага остановилась. Соскочив с запяток, Саввушка отворил дверцы и отодвинул занавеску. Государь, увидя Курицына, воскликнул весело:

— Ба, Федор Василич! Бают, на ловца и зверь бежит. Яз к

тобе, а ты мне навстречу. Что ж ты с больными ногами пешком ходишь?

— А мне до Успенья недалече проходными-то дворами, потому яз пеш ранее тобя поспел. Днесь оттепель. Будто весной пахну́ло, и пешечком пройти приятно. Вот яз с палочкой и заковылял к собе домой.

— Не обессудь, Федор Василич. Яз к тобе обедать.

— Рад чести такой, государь! Ну, яз сяду с тобой. Твой кологрив заплутался: вместо красного крыльца повез тя на черный двор, с другой стороны в сей переулок заехал.

Дьяк испытующе взглянул на государя и спросил:

— Что ж ты, государь, в такой день не со снохой и внуком обедаешь, а ко мне, старику, едешь? Опять нелады?

— Не разумеет она меня и высокоумничает, как и Патрикеевы. Будто сговорились.

Дьяк вздохнул и молвил:

— А может, и впрямь сговорились?

Государь не ответил, и они молча доехали до красного крыльца хором дьяка Курицына.

Обедал государь один на один со своим старым другом, отдельно от его семьи. Иван Васильевич был задумчив и вдруг проговорил:

— Митрополит ныне, венчая, ко времю сказал внуку, вернее снохе моей: «Будь послушен деду!» Тяжко мне, Федя. Чую, не будет норовить мне внук-то...

— Да-а, государь!— мрачно промолвил Курицын.— Софья-то Фоминична умней твоей снохи. Да и свояк твой, господарь молдавский, мутит Елену Стефановну. Привык он государевы дела решать токмо силой да саблей, а не разумом.

— Феденька! Все мысли мои ведаешь ты...

Государь замолчал и опять задумался.

— А на Симона, государь, не очень-то полагайся,— продолжал Курицын.— Помни, что земли́ у него несколько тысяч сох. Наивеликий он у нас, на Москве, вотчинник. Не беднее Геннадия новгородского.

— Разумею все, Феденька,— сказал Иван Васильевич.— В государствовании всякая палка не токмо о двух концах, а, вопреки естеству своему, о четырех концах!.. Ныне вот мыслил яз, мы с тобой, и внук, и сноха, и Патрикеевы — все заедин будем, ан сноха не норовит мне, высокоумничает и внука высокоумием своим с пути сбивает.

Федор Васильевич из одной сулеи налил сладкой мальвазии себе и государю и произнес:

— Здоровье твое, государь!

— И твое, Феденька,— чокаясь, сказал Иван Васильевич.—

Видел яз на венчании Симона-то, следил за ним и понял, что и он тоже некои мысли мои добре разумеет и не будет в борьбе с государством за церковные выгоды лезть на рожон, а потщится уступить малую часть церковных земель государству, дабы большую часть собственных земель сохранить за собой, и даже больше отдать земли не из московских церковных вотчин, а из новгородских.

Иван Васильевич замолчал и грустно посмотрел на Курицына.

— Сноха твоя Олена сего уразуметь не может и внука сбивает... Да и Патрикеевы сего не разумеют.

— Яз за воссоединение все искони русских православных земель с нами, а Патрикеевы за мир с папой и с зятем моим Лександром, верным его слугой. Яз разумею, единая поддоржка нам на Литве — православные по грецкому закону, а за что и в Литве стоят все русские князья и все русские селяне и черные люди. Яз при тобе о сем снохе Олене сказывал, а ты беседовал с ней?

— Не разумеет она, государь. Одно твердит: «Сие все невежество и суеверие!» Вопче, как ты сказываешь, «высокоумничает». А у меня есть еще, государь, вельми любопытные вести: жалобы на посла нашего к султану Баязету, на боярина Михайлу Плещеева. Жаловались турские вельможи Менглы-Гирею, что Михайла при представлении султану не падал ниц и не совершал никаких положенных обрядов, которые совершают все послы иноземных королей и даже послы самого германского кесаря. Вельми дерзок он. Непривычное для султана и для его турского двора было обращение Михайлы перед представлением Баязету: не захотел он говорить ни с кем из пашей и даже с самим великим визирем, а требовал токмо разговора от твоего имени с самим султаном. Так же надменно вел он собя, когда говорил с самим Баязетом. Но все же в конце беседы султан заявил, что хочет быть в дружбе и любви с московским государем и подписать доконча́нье о торговле. Мало того, Баязет подарил Михайле халат с своего плеча и мешочек с золотыми корабленниками, а боярин Плещеев подарка не принял и заявил, что у него своего всего в достатке и он ни в чем нужды не ведает...

— Добре,— одобрил государь,— ничем Михайла нам никакой нечести не учинил. А сам-то султан жаловался на посла?

— Жалоб от султана не было. Султан, отпустив с честью Плещеева, послал с ним к тобе своего посла и своих гостей-купцов, а в городе Путивле наместник зятя твоего, по имени Богдан Федорович, ни посла турского, ни русских гостей, ни заморских гостей, бывших с ним, как жалуется Плещеев, не пропустил. С Литвой зреет война, государь...

В тысяча четыреста девяносто девятом году, сентября первого, прислал Абдул-Летиф, казанский царь, «борзую грамоту», что татарский князь Урак сговорился с Салтык-ханом, царевичем бывшей Золотой Орды, и идет на Казань войной. Абдул-Летиф просил у государя Ивана Васильевича быстрой помощи.

Государь тотчас же приказал нáбольшему воеводе Патрикееву послать в первых числах сентября к Казани конные полки, а воеводам быть по полкам: в Большом полку — князю Семену Ивановичу Ряполовскому, в Передовом полку — брату его двоюродному, князю Василию Рамадановскому, в правой руке — Семену Карпову, в левой руке — Андрею Коробову.

Через несколько дней после ухода полков на Казань как-то сразу поползли тревожные слухи о возможной войне с Литвой. Вести эти шли главным образом от русских и иноземных гостей-купцов повсюду, где они проезжали со своими товарами, а в Литве торговля почти замирала, и страх был и среди горожан и среди селян.

Все еще хорошо помнили набеги татар, наезды московских порубежных князей, разгромы городов, деревень, пожары, грабежи, уводы в полон и старались спрятать в надежных местах побольше харча: соленого свиного сала, солонины, чечевицы, проса, ржи и пшеницы в зерне и мукой; запасали льняное и конопляное масло, у немцев скупали соленую рыбу, сыр, оливковое масло и соль; запасали полушубки, сапоги, валенки; всяк запасал то, что мог. А на Руси в городах и селах жили, как прежде, но все же войны боялись.

Обо всем этом сообщил в одном из докладов своих государю дьяк Андрей Васильевич Майко в присутствии Курицына.

— А у меня есть и такие вести,— добавил Курицын,— что войны добивается папа и что всем литовцам о сем ведомо, особливо русским православным князьям. Нонешний папа Александр напустил на Литву много монахов разных орденов: ордена святого Бернара и особенно монахов ордена святого Доминика, сиречь инквизиторов. Некоим из них, например бискупу виленскому Альберту Войтеху, дал право светского меча.

— А что сие «право светского меча» означает?

— То означает, государь, что во всяком латыньском государстве инквизиторы вправе свершать свой суд над грешниками — врагами церкви — и требовать от государя предания их смертной казни, сжигая виновных на костре,— разъяснил Курицын и продолжал:— Ежели хочешь о сем лучше ведать, что на Литве сии монахи творят, прими к собе на доклад доброхотов наших: гостя литовского Якуба Шепель-Чижевского и шляхтича Яна

Завишенца. Оба они со Смоленщины, Андрей Федорыч,— обратился Курицын к дьяку Майко,— поведай с их слов, что они нам с тобой сказывали, и как ты их речи разумеешь, какую цену они сто́ят. Дело ли сказывают, или все пустобрех?

— Яз из их слов, государь, так разумею дела на Литве,— начал Майко,— папа Александр гораздо крепко жмет на зятя твоего и вельми недоволен им за уступки в допущении «грецкого закона». И воздвигает в Литве гонения на православие, не считает православных христианами, требует вновь их крестить по обряду латыньской церкви. Сие вызывает смуту на Литве. Все православные хотят уйти из Литвы, отсесть под твою руку. Зять твой, боясь сего, всякие подарки стал дарить князьям и даже вотчинами оделяет русских князей, но сие не помогает...

Государь быстро перевел взгляд на Курицына:

— Пошто же княгиня Олена мне не пишет? Может, сего и нет?

— Не знаю, государь, пошто дочь твоя не пишет,— молвил Курицын,— но ведаю от других, через разных наших доброхотов и русских князей, что Альберт Войтех, епископ виленский, который имеет право светского меча, и униат Иосиф Болгаринович, нареченный митрополит литовский, были даже у дочери твоей и оба пытались самолично ее увещевать принять унию.

Государь метнул гневный взгляд на Курицына и приказал:

— Прошу тя, Федор Василич, добудь мне верную весть любой ценой от княгини Олены. Учини вместе с дьяком Майко и всеми доброхотами нашими розыск о сем.

Тридцатого мая того же года дьяк Курицын получил, наконец, ту грамоту, которую ожидал давно с нетерпением. Он жадно схватил принесенный подьячим Щекиным небольшой столбец, зашитый в холст и запечатанный восковой печатью князя Бориса Михайловича Турени-Оболенского из Вязьмы.

С трудом разбирая печать, Курицын то приближал, то отдалял от своих глаз столбец, стараясь лучше разглядеть печать. Подьячий Щекин взволнованно и радостно подсказал своему дьяку:

— Из Вязьмы. От князя Турени-Оболенского...

Курицын перекрестился.

— Слава богу, Алеша,— весело сказал он,— спори́ со столбца холст, и идем прямо без доклада к государю.

Иван Васильевич встретил старого дьяка с улыбкой.

— Вижу, Феденька, добрые вести принес. Сказывай...

— Вести от Елены Ивановны.

Иван Васильевич закусил губы и, несколько раз прерывисто вздохнул, глухо выговорил:

— От моей Оленушки!

— От ее, государь...

— Сама пишет али кто другой?

— Ее подьячий Федко Шестаков, приятель мой, из русских... православный,— ответил Курицын.

— Добре он надумал вести слать тебе через наместника в Вязьме, князя Туреню-Оболенского.

— И сей столбец через него мне с гонцом прислан,— молвил Курицын.

Медленно разворачивая столбец, дьяк стал читать:

— Федко-писарь пишет: «Княже и господине Борис Михайлыч! У нас в Вильне и по всей Литве пошла свара великая между латынянами и нашими христианами православными. Дьявол вселился в униатов: смоленского епископа Иосифа Болгариновича и его сродника Ивана Сапегу... Александр с ними вместе неволит Елену Ивановну в латыньскую веру... да и все христианство наше хотят порушить совсем... И государыню нашу бог научил, да попомнила она науку государя, отца своего, и ответила им так: «Яз без воли государя всея Руси, отца моего, Ивана Васильевича не могу то учинить».

Иван Васильевич внимательно выслушал тайное письмо Федка Шестакова и тотчас приказал родичу своему, боярину Ивану Григорьевичу Мамонову, ехать в Литву и тайно передать Елене его приказ.

— Записывай, Андрей Федорыч, все, что сей часец сказывать будет нам государь,— молвил Курицын дьяку Майко.

— Ну, пиши княгине Олене,— начал государь:— «Яз тобя дал за великого князя Александра не просто, а с крепким наказом, да и князь Александр клятвенную грамоту нам дал, дабы тобе, нашей дочери, будучи за ним, доржать наш греческий закон, а ему тобя к рымскому никоторыми делы не нудить. И ты бы сама, дочка наша, памятовала бога и доржала бы крепко греческий закон, а мужа своего не слушала. И придется тобе даже до крови или до самой смерти пострадать, а к латыньскому закону ты бы не приступала. Против же порушенья в Литве греческого закона мы хотим бороться наикрепко. Яз пошлю полки свои и буду биться сколь нам бог поможет».

— А от меня же,— добавил дьяк Курицын,— передал бы челобитную моему приятелю Федору Шестакову, дабы он тайно известил о всем, что деет папа Александр в Литве против веры православной, какая свара там идет и как русские православные князья с их дворами и холопами против рымского закона борются. Да известил бы так же тайно, был ли у великого князя Александра посол от Стефана молдавского, и взял ли с ним мир князь литовский. Пусть вызнает, есть ли союз у князя Алек-

сандра с братьями, сиречь с королем польским и королем угорским, и в дружбе ли сии короли со Стефаном молдавским. Пусть боярин Мамонов, по воле государя, вызнает про турского султана Баязета и про Менглы-Гирея крымского, мирны ли они с Польшей и с Литвой, а также не воевали ли турки зимой Польскую землю или весной, да и про огненный наряд пусть спросит: посылал ли султан в помочь Менглы-Гирею пушки и пищали к Киеву.

Государь выслушал все вопросы Курицына, одобрил их и сказал благосклонно:

— Все, Федор Василич, добре ты в вопросах своих указал. Более спрашивать не о чем. Токмо ты поспеши, отправь послом боярина Мамонова днесь же к зятю моему.

Наступили последние дни августа. В воздухе все больше и больше летало серебряной путины, а у заборов дворцовых садов уже краснела рябина, опуская вниз тяжелые кисти ягод; в обобранном вишневом саду, в полувысохших кустах малинника и в сухом репейнике звонко посвистывали синицы, бойко чирикали чижи и важно прогуливались по ветвям и по садовым дорожкам красногрудые снегири, позванивая, как бубенчики: «Взумм-взумм, взумм-взумм!»

Государь, идя вдоль высокого забора своего сада, услышал, как во двор, глухо гремя колесами по деревянному настилу, въехала тяжелая колымага. По стуку копыт можно было полагать, что упряжка в шесть коней, с двумя кологривами. Слышно было еще, как за колымагой проскакал верховой.

Старый государь медленно направился к садовой калитке, у которой неожиданно встретил дьяка Курицына.

— Будь здрав, государь,— поклонился дьяк.— Прости без зова к тобе.

— Будь здрав и ты, Федор Василич!— ответил Иван Васильевич.

— Послы, государь, прибыли от зятя твоего: маршалок Станислав Глебович Кишка и писарь Иван Сапега,— доложил Курицын.

— Пошто присланы?— спросил Иван Васильевич.

Дьяк Курицын рассмеялся и молвил:

— Надумал вишь зять твой с братьями своими заступиться за кого?! За Стефана молдавского против султана турского! И тобе честь оказывает, предлагает принять участие в сем деле.

Иван Васильевич тоже рассмеялся и молвил:

— Знает зять, где взять, чужими руками жар загребать

хочет. Стефан-то один на один с султанами управлялся, да и у нас ратной силы не занимать стать.

— Далее,— продолжал дьяк,— князь Александр требует, неведомо почему, дабы ты Киев со всеми пригородами в докончательную грамоту вписал на его имя. Либо дал бы ему особо на сие дополнительную грамоту, не вздумал бы вписать, как Вязьму и другие города, на свое имя.

— Объестся!— засмеялся Иван Васильевич.— Брюхо заболит.

— Прости, государь,— заметил дьяк,— но яз мыслю, с таким посольством тобе баить негоже и невместно. И яз так решил: ежели будет воля твоя, на речи послов отвечать Ховрину, мне и другим нашим дьякам. Кому же и о чем нам говорить — ты сам повелишь. Забыл еще сказать, зять-то еще тобе баит, что ты нарушил с ним докончанье: ему велишь быть в мире с Менглы-Гиреем, а сам Менглы-Гирея напущаешь на Литву.

— Ишь как ловко придумал,— молвил государь.— Маршалка яз не ведаю, а Ивашка Сапега так же крамолит, как и Иван Фрязин,— и нашим и вашим. Двурушник!..

Государь быстрыми шагами направился в свои хоромы, распорядившись:

— Веди послов в соседний покой с моей трапезной. Яз потом пошлю за тобой Саввушку.

Когда Курицын прочел в присутствии казначея Ховрина, дьяка Мамырева, дьяка Майко и окольничих верительную грамоту великого князя литовского и передал подробное содержание челобитья послов Кишки и Сапеги, государь сказал:

— Яз сам с послами баить не буду. Вы всё слышали. А мои ответы им таковы. Пусть первым отмолвит маршалку Станиславу боярин Ховрин:

«Мы со Стефаном воеводой в свойстве и в одиночестве, а коли будет весть от самого Стефана, что на него турки идут и ему нужна наша помочь, и мы пойдем за православие против поганства».

Вторым пусть говорит Ивану Сапеге Курицын:

«И ты, Ивашка, сказывал, что в нашем докончанье с литовским великим князем Киев и пригороды и волости киевские не вписаны. Зять наш сам с нами не хочет доброго пожитья: насылает на нас ордынских царевичей, а дочерь нашу нудит к рымскому закону. Гораздо ли и лепо ли сие?»

А дьяку Майко сказать зятю:

«Так же не гораздо чинит зять мой, насылая на Крым ордынских царевичей, на что жалуется мне хан Менглы-Гирей. Какому же добру между нами быть, ежели мой зять одина-

чится с нашими недругами и свои клятвенные грамоты о греческом законе не исполняет?»

Потом говорить еще от моего имени дьяку Даниле Мамыреву о двух немцах — Наймбольте Вингольте и Мартыне Боксе, которые из Ливонской земли ехали в Свейскую землю, не просячи у меня проезду; сих немцев Яков Захарьич, наместник новгородский, поймал и к нам прислал, яко лазутчиков. Ныне же великий князь тех немцев называет «своими». Гораздо ли зять мой деял, посылая во время нашей рати со свеями тайно от нас «своих» людей к нашим ворогам?

Больше ни о чем с послами не говорить, а баить токмо о том, писала бы мне о здравии своем дочи моя, великая княгиня литовская. Пусть едут с богом послы и немцы восвояси, а приставом дай им Третьяка Михайлыча Синие Губы.

Все вышли от государя, но Иван Васильевич взглядом задержал дьяка Курицына.

— Пришло время, Федор Василич! Собирай все нужное для складной грамоты князю литовскому да пришли ко мне сей часец молодого Холмского, князя Василья Данилыча...

— Дозволь, государь, еще молвить. О Казани яз тобе сказывал, ныне весть есть: Шибанский царевич Агалакхан и проклятый Урак на Казань напали, а сей, прости, сопляк, царь Абдул-Летиф, забоялся, яко щенок волков,— плачется, скулит, помочи просит, тобе к ногам жмется...

— Добре,— сказал Иван Васильевич, здороваясь с вошедшим князем Василием Холмским.— Легок на помине!..

— Прости, государь,— кланяясь, сказал Холмский,— без зова,— и, взглянув на Курицына, добавил:— О Казани ведаешь?

— Ведаю,— ответил государь.— Без зова ты, но ко времю пришел. Татар без «урока» оставлять нельзя. Пошли-ка ты под Казань князя Ивана Александрыча Барбашу-Суждальского с его судовой ратью, да Михайлу Костянтиныча Беззубцева, сына старого воеводы. А по полкам у них пусть будут: в Большом полку — князь Иван Барабаш, в Передовом — Михайла Беззубцев, в правой руке — Семен Карпов,— он в декабре ныне уж на Казань ходил, знает, где идти,— и Андрей Василич Сабуров, окольничий мой, в левой руке. В конной рати пойдет князь Федор Иваныч Бельский. При полках у него быть: в Передовом — князь Семену Иванычу Стародубскому, в правой руке — Юрью Захарычу, в левой руке — Димитрию Василичу Шеину, в Сторожевом полку — Петру Семенычу Лобану-Ряполовскому, сыну Семена Иваныча, сиречь внуку князя Ивана Юрьича Патрикеева,— пусть на боевое крещение пойдет.

И, оборотясь к Курицыну, государь продолжил:

— Придется Летифа с престола сымать: глуп и труслив.

Временно посадим паки Махмет-Эминя. Хоша хрен редьки не слаще, но пока более некого. Нужен нам еще Менглы-Гирей. Кстати, Василь Данилыч,— обратился государь к Холмскому,— прихвати заодно с Казанью-то и Югорскую землю и вогуличей. Пошли к ним воевод — князей Семена Курбского, князя Петра Ушатого да Василья Боженкова и другого Василья,— как его там? — Бражника-Заболотского. Пусть-ка они позлей югорчан да вогуличей потреплют да серебра да пушнины поболее для казны возьмут. Для сего им более трех тысяч воев не понадобится. Собери сих из наших устюжан, вятчан, двинян, пинежан, вологжан и других.

Государь подошел к Холмскому.

— Да вот что: приходи ко мне в ближние дни с чертежами ратными, о главном побаим. К войне с Литвой готовиться надобно.

На этом государь отпустил воеводу и дьяка.

В последних числах января тысяча четыреста девяносто девятого года в трапезной государя собралась Малая дума, потрясенная грозной опалой ближних родичей Ивана Васильевича — семьи Патрикеевых и князя Семена Ряполовского. На думу собрались знатный боярин Михаил Андреевич Плещеев, митрополит Симон, князь Василий Данилович Холмский и игумен Митрофан, духовник государя.

Когда государь в страшной ярости, сопровождаемый дрожавшим от страха дьяком Майко, ворвался в свою трапезную, все вскочили с мест и стояли, не смея вымолвить слова.

— Крамола в государстве Московском! — закричал Иван Васильевич.— Хочу ссечь головы главным крамольникам и ворогам государства — Патрикееву с сыновьями и зятю его, князю Семену Ряполовскому...

Все побледнели, и никто не мог вымолвить слова, и только старый боярин Михаил Андреевич Плещеев, спокойно глядя прямо в лицо государю, громко сказал:

— Нет чести для государства так казнить своих кровных. Укажи нам, что содеяли крамольники. Потом подумаем все вместе...

Глаза государя засверкали от ярости. Он так ударил в каменный пол посохом, что посох переломился. Отшвырнув ногой обломки, Иван Васильевич взял себя в руки.

— Ты хочешь знать, пошто казнить их велю, так знай: грамота их перехвачена. Все они, крамольники, упредить хотели князя литовского, что внуки опальных русских князей Шемяки, Боровского да Ивана можайского хотят отсесть от него с вотчинами, с их дворами и полками под мою руку. Патрикеевы-то по высокоумию своему против войны с Литвой. Виноватее всех Семен Ряполовский. Какие же они верные мне слуги?

— Челом бью, государь, и печалуюсь за кровных твоих,— молвил митрополит Симон,— ибо при отце твоем много старались они для рода твоего, вместе с отцом твоим ходили на Шемяку и против других ворогов. Сыне мой и государь, смягчи гнев свой, постриги их в монастырь, яко постриг ты Константина Палеолога, дядю своей великой княгини.

Иван Васильевич взглянул на Плещеева и глухо молвил:

— Спасибо тобе, Михайла Андреич, за добрую встречу, а тобе, отче Симон, за твое челобитье. Пусть по-твоему будет: Патрикеевых всех по разным монастырям постричь и заточить, а Ряполовскому голову ссечь пятого февраля на льду Москвы-реки, чтобы другим высокоумцам неповадно было крамолу чинить...

В тысяча пятисотом году пасха пришлась апреля девятнадцатого, и государь Иван Васильевич слушал заутреню у себя в соборе Благовещенья, а разговляться после обедни поехал в Красное село, в свою семью. За столом была его великая княгиня Софья Фоминична, все дети, сноха Елена Стефановна, внук Димитрий и даже дочь Феодосия с мужем своим, князем Василием Даниловичем Холмским и с братом его, князем Семеном Даниловичем.

Трапеза была богато собрана. На столе были свяченые куличи и пасхи из творога, крашеные яйца, запеченные свиные окорока, заливной холодный поросенок с хреном, жареные гуси и лебеди, зайцы, жаренные на сковородках, с пареной репой, моченые яблоки с брусникой для жарких, сласти всякие: винные ягоды, сухое варенье, конфеты. Стояли жбаны с медами, водки разные в сулеях и вина заморские — сухие и сладкие; кувшины с пивом немецким, холодный хлебный квас с мятой и изюмом, и даже был подан горячий сбитень...

Столом распоряжался старый дворецкий, брат покойной Дарьюшки, Данила Константинович. По правую руку государя сидела

Софья Фоминична, по левую — митрополит Симон, а за ним — внук Димитрий с матерью. Рядом с Софьей Фоминичной сидел сын Василий, а за ним — все дети по старшинству.

— Отче святый,— обратился государь к митрополиту,— ныне принес мне вести сын мой Василий, что теснят православных латинцы, как ни при отцах наших, ни при дедах и ни при нас николи еще не бывало. На прошлой седьмице пришел к нам Семен Бельский, отсев от Литвы с двумя братьями, за ним пришли князья Масальские, князья Хотетовские, а теперь повалили бояре Мценские, Серпейские, князья Трубчевские, и даже внуки бывших наших ворогов, князья Можаич и Шемячич, и те отсели к нам вместе с боярином Граборуковым, который даже дворец свой оставил в Рошском повете. Рым и Литва против Руси поднялись, и хочу яз, отче, побороться с ними за православную веру на Литве с зятем своим, сколько бог поможет.

— Добре, государь и сыне мой!— горячо отозвался митрополит.— Порадей о греческом законе против униатов.

— Вы же, отцы духовные,— молвил государь,— молитесь усердно о победе над еретиками, да и сами от собя нам по́мочь окажите в борьбе за греческий закон. Понадобятся харчи великие воям, корм коням и серебро и золото на оружие. Посему, отче, посещу тобя яз на святой еще раз вместе с дьяком Курицыным. Мы побаим с тобой подробно, сколь еще вотчин монастырских и церковных можно взять для раздачи военным помещикам.

— Сие, государь, как священный собор решит,— ответил митрополит уклончиво.

Государь нахмурился и сказал строго:

— Собор собором, а яз, государь всея Руси, не могу государственные дела откладывать, особливо в сие ратное время, когда нам надобно вборзе защищать свою веру православную и нашу святую церковь...

— Право мыслишь, государь и сыне мой,— сказал митрополит,— коли такие трудные дела, то и аз согласен, а посему буду ждать твоего прихода с дьяком Курицыным; всё вместе урядим, и аз благословляю сие святое дело.

На четвертый день пасхи, апреля двадцать третьего, в палату государя вошел старший сын его, Василий Иванович.

— Здравствуй, государь-батюшка,— сказал он, низко кланяясь и почтительно целуя руку отцу.

— Здравствуй, сынок!— ответил государь и, медленно оглядев его, спросил:— Пошто пришел?

— Пожаловал ты меня, государь-батюшка, княжеством Новгородским и Псковским, но сии земли меня не признают, не хотят мне платить дани и судебные пошлины. А степенный посадник Яков Афанасьич Брюхатый запретил архиепископу Геннадию поминать мое имя в ектенье как имя великого князя, и послали псковичи послов — просить тобя: был бы у них великим князем тот, кто сей часец и на Москве великий князь и государь.

Иван Васильевич впервые увидел сына уже взрослым, но не почувствовал той радости, какую испытывал раньше, когда приходил к нему по какому-нибудь делу покойный сын его Иван Иванович. Уж очень Василий был похож на дядю своего, Андрея, царевича греческого; та же вкрадчивость в движениях и такой же алчный, будто голодный, блеск черных глаз.

Не был по душе ему сын Василий. Вспомнилось ему, как царевич Андрей предлагал купить у него цареградскую корону и сколько было тогда алчности в его, таких же, как и сына Василия, глазах.

«Яблочко от яблоньки недалеко падает!— продолжал он свою мысль.— Вот и Василий первое, что вспомнил,— свои псковские доходы: дани и судебные пошлины».

Иван Васильевич усмехнулся и сказал вслух:

— Добре, добре, сынок! О делах твоих псковских побаим с Курицыным, которого жду вот сей часец, а ты приглядись к сынам его. Они, может, и тобе служить будут. А будут они тобе служить так же верно, как служил и служит мне их отец.

Вошел с трудом Курицын, поддерживаемый сыновьями и сопровождаемый дьяком Майко. Курицын, поклонившись, сказал:

— Будь здрав, государь! По приказу твоему. Прислал зять твой послом к тобе маршалка Станислава Кишку, а с ним писаря Федора Григорича Толстого...

— Какие у зятя моего ныне затеи?— спросил насмешливо государь.

— Ныне вишь требует он выдать ему головой всех отсевших от него князей. Перечисли-ка, Андрей Федорыч, сих князей по своей записке,— сказал Курицын.

— Он требует выдать ему головой князей Бельских,— начал дьяк Майко,— князей Хотетовских, Трубчевских и Масальских, а также бояр Серпейских, Мценских, Граборукова, и даже князей

Семена Можаича и Василья Шемячича, и много других князей и бояр.

Иваи Васильевич нахмурился.

—И-ишь их сколько, и все к нам! Словио плотину прорвало!— молвил государь.

— Истинно, словно плотину,— подтвердил Курицын,— а все по то к иам идут, что папа Александр совсем хочет веру православиую иа Литве порушить...

— А мы, Федор Василич,— весело воскликнул государь,— порушим униатство! Сим предателям веры православной иашего греческого закона и папе окончательио руки обрубим, чтобы ие тянулись куда ие след. Мы его и в Рыме достанем. Ныне вот других слуг его, ливоиские земли, ие хуже свейских земель и ганзейских городов полоиим и разорим, из края в край с огием и мечом пройдем, а папские доходы через Гаизу и всякие церковные десятины в свои руки возьмем. Будет его святейшество еще нам челом бить.

— Истинио, государь!— молвил Курицын.— По нашим вестям от доброхотов иаших предупреждает уж папа своих слуг литовских, ливонских и других, дабы мягче были с тобой, дабы не лишиться твоей пóмочи против турского султана, а от доброхотов рымских и германских мие ведомо, что кесарь германский ие меиее папы боится султана турского, а иам султаи Баязет друг и чтит тобя более кесаря и папы. Их он совсем не боится.

Иван Васильевич видел, как глаза сына Василья становились круглыми от удивления. Василий не ожидал увидеть такую силу Москвы и такую властную уверенность отца, который словио играет венцами государей и папской тиарой.

Помолчав, государь обратился к дьяку Курицыну:

— Федор Василич, как ты ведаешь, татар мы уже наказываем под Казанью и в Диком Поле за то, что слушали папу и его слугу — князя литовского Александра. На сих диях еще крепче наказывать будем Литву и зятя моего. Потом в сие же время начнем зорить и полонить Ливонию и Ганзу. Ты, Федор Василич, как отпущу тя, пришли ко мне нáбольшего воеводу, князя Василья Холмского. Яз с ним вместе да с сыном Васильем подумаем о всех походах. А днесь прошу, побай с послами, мне с ними невместно баить.

— Истинио, иевместно тобе баить через слуг папы,— сказал Курицын.— Ежели папе нужио тобе челом бить, пусть сам к тобе шлет своих легатов из кардиналов.

— Федор Василич, скажи Станиславу Кишке и Федку Толстому, пусть они от меня скажут великому князю своему: «Да, верно — противно[1] нашему докончанью яз принял к собе князей Бельских и прочих с дворами их и холопами, ибо ты принуждаешь их к латыньству. А яз предупреждаю тобя, дабы ты в земли их и в села не вступался сам и людям своим запретил вступаться. Ты оправдываешься, что никого не принуждаешь к латыньству, а сам по приказу папы велишь перекрещивать православных по рымскому обряду. Сие надругательство над православными, невзирая на приказы папы, прекрати, не то яз приму свои меры и с полками своими пойду по всем землям слуг папы огнем и мечом. О сем поразмысли».

Обратясь к дьяку Курицыну, государь резко спросил:

— Присоветуй, Федор Василич, когда и как мне казнить псковичей за ослушанье?

Василий Иванович заробел и, неловко вытянув шею, смотрел в рот дьяку Курицыну и ждал, что тот скажет:

— Державный государь,— ответил Курицын,— прости мя, но пред такими делами, как война с Литвой, война с ливонскими немцами, с Ганзой, при начавшейся уже рати с Казанью и степными татарами, псковское ослушанье — малое дело. Можно пождать.

— Так вот, Василий, верно: дело сие не спешно!— сказал государь, обращаясь к сыну.— Прикажи-ка пока взять псковских послов за приставы, а когда сему придет время, решение будет.

— Спасибо тобе, Федор Василич, за совет. Иди с богом и шли сей часец ко мне Холмского. Не забудь токмо изготовить к первому мая складную грамоту великому князю Александру Казимировичу. Вместе с тобой еще о ней подумаем, и ежели будет ладно написано, прикажу митрополиту подписать, а ты привесишь печать мою и пошлешь с верющей грамотой к зятю моему в Вильну.

— Государь, князь Холмский ждет тобя в трапезной,— сообщил Саввушка.— Пришел по приказу твоему.

— Передай князю, что яз сей часец приду с сыном Васильем завтракать. Пусть ждет...

Государь вошел в трапезную с сыном своим Василием Ивановичем. Князь Холмский встал им навстречу.

— Будь здрав, государь! По зову твоему,— сказал Холмский,

---

[1] *Противно* — вопреки.

раскладывая на столе военные карты.— Ратные чертежи сии, согласно повелению твоему, мной с воеводами подробно начертаны.

Иван Васильевич опытным взглядом окинул разложенные карты.

— Добре изделано,— заметил он и добавил:

— С походом тя, Василь Данилыч! Топерь вкратце побаим, когда и куды полки слать. Складная грамота великому князю литовскому Александру будет послана первого мая. По чертежам твоим вижу, городы намечены верно по всем трем направлениям, которые яз тобе указал. Посему все свое войско раздели на три части. Пусть каждая часть займет к третьему мая на Литве места, дабы третьего мая враз начать ратный поход по всем трем направлениям. Первое направление — Мстиславль, Рославль, Ельня — Дорогобуж. Рать ведут племянники мои, князья волоцкие, Федор и Иван Борисовичи. При них воевода Андрей Федорыч Челядкин со своими пятью полками и со знаменем великого князя и государя всея Руси, а всего у князей Борисовичей десять полков. Вторая рать — к Дорогобужу. На Митьково поле идет рать сборная под началом Юрья Захарыча Захарьина-Кошкина, воевода новгородского, который в Большом полку. В Передовом полку у него Иван Василич Шадра Вель-Эминев, сын Махмет-Эминя, бывшего царя казанского, с ним Василий и Володимир Туреня-Оболенские, вяземские наместники. В правой руке у него Федор Иваныч Стрига-Оболенский и князь Иван Василич Хованский-Ушак, воевода князя Федора, племянника моего. В левой руке — Петр Иваныч Жито и Обляз Вель-Эминев, воевода другого Борисыча, Ивана. Третье направление — на полдень: Новгород-Северский, Брянск, Черниговщина, Путивль. Сюды пойдет сводная рать под началом воеводы Якова Захарьича Захарьина-Кошкина. У него в Передовом полку Иван Михайлыч Репня-Оболенский, в правой руке — князь Тимофей Тростенский, в левой руке — Василий Семенович Ряполовский, второй сын Семена Иваныча Хрипуна-Ряполовского, сиречь внук князя Ивана Юрьича Патрикеева,— для него сие тоже первое боевое крещение. В Сторожевом полку — Петр Михайлыч Плещеев. Главным воеводой над всеми ратями в войне с Литвой — князь Данила Шеня-Патрикеев, а с ним Семен Иваныч Стародубский, внук Ивана Можаича, и Василь Шемячич, внук Димитрия Шемяки. Оба с полками своими.

Василий Иванович с напряженным вниманием слушал отца,

стараясь его понять, и так же напряженно вглядывался в военные карты, но все же ясно не мог себе представить, что будет происходить на войне и как это связывается с тем, что начертано на военных картах. Не понимал он, как, сидя за столом, можно представить начало и развитие боя, как посылать подмогу полкам, как рассчитать, за какое время эта подмога придет, и как понять, что пришедшая к неприятелю подмога не успела оказать нужной помощи.

Вообще, ничего он ясно себе не представлял.

Молодой на́больший воевода высказывал свои намерения и мнения, а старый государь иногда порицал, иногда одобрял его.

Это вызывало у Василия Ивановича почтение не только к отцу, но и к молодому воеводе, который так быстро схватывал распоряжения государя по боевым передвижениям полков, и искренне восторгался смелостью и неожиданностью этих распоряжений.

Иван Васильевич устал. Взглянув на сына и на воеводу, он увидел, что и они тоже устали.

— Ну, мои Васильи, вижу, замаял вас. Попейте-ка меду да закусите. Мне надобно кой с кем о ливонских немцах побаить, а ты, Василь Данилыч, покажи сыну моему ратные чертежи и разъясни, как и что на них обозначено. Приметил яз, что не все сын мой разумеет, что на них видит. Да вот еще, Василь Данилыч, ты днесь же собери воевод, скажи им: «Сии ратные чертежи яз утвердил и приказываю подумать вместе с тобой, как на деле по ним бои вести, какие поправки изделать, ежели река, или лес, или топь, или что другое неточно указано, а также проверить длину всех дорог в верстах, отметить холмы, овраги, где земля глинистая, а где песчаная». Да, кстати, ответь мне: который берег Днепра круче, и где вдоль берегов его есть болота, и где впадает река Вёдроша?

— Вёдроша, государь, вельми малая речонка,— ответил князь Холмский,— впадает в Днепр ниже Дорогобужа на пять верст, у самого Митькова поля. По всей Смоленщине Днепр течет через леса и болота. Правый его берег выше, чем левый, но у Дорогобужа правый берег у него отлогий, не выше полсажени. По бо́рзым грамотам мне ведомо: наши полки уже двинулись по указанным тобой направлениям, а сводная рать, что ведет Юрий Захарыч, уже приближается к Дорогобужу.

— Разметьте все ночлеги,— продолжал государь,— водопои и

прочее. Воеводы сами знают, что им важно. Ну, с богом! Яз пошел в свой покой, где ждет меня дьяк.

Когда государь вышел, Василий Иванович нерешительно спросил молодого воеводу:

— Ты все уразумел, что государь-батюшка тобе сказывал?

— А как же не уразуметь? Ни один воевода о своих делах так ясно и точно не сказывает, опричь нашего государя. Его всяк уразумеет: и воевода и самый простой конник,— ответил князь Холмский.

Мая седьмого в неурочный послеобеденный час прискакал к государю сам нáбольший воевода, князь Василий Данилович Холмский, и на заявление дворецкого, что Иван Васильевич лег опочивать, громко потребовал непременно доложить о себе государю.

— Бóрзые грамоты из Дорогобужа,— сказал он нарочито громко.

Из-за дверей послышался взволнованный, но ясный возглас государя:

— Входи, князь Василий, входи!

Дверь отворилась, и князь Холмский увидел государя сидящим на пристенной скамье в длинной белой шелковой рубахе и в сафьяновых ичигах на босу ногу, а рядом с ним стоял старший сын, Василий.

— Упредил литовцев-то воевода наш Юрий Захарыч,— начал нáбольший воевода.— Третьегодни Дорогобуж взял. Топерь на Митьковом поле, возле Вёдроши, к бою свои полки наряжает, а брат его, Яков Захарыч, захватил Брянск того же дни, поимал воеводу и наместника брянского, пана Станислава Бартошевича и бискупа брянского и послал их к тобе под стражей на Москву. Полки других воевод спешно идут по путям, которые ты указал им, а всего на Вёдрошу идет не менее сорока тысяч воев.

Государь быстро поднялся со скамьи, обнял князя Холмского и поцеловал в лоб:

— Спасибо, князь Василий, добре нарядил ты вестовую службу!

Молодой воевода вспыхнул, и слезы брызнули у него из глаз.

В смущении он не нашелся, что ответить государю, и пробормотал:

— Прости, государь, что пришел без зова твоего.

— А ты с такими вестями почаще приходи не токмо без зова, а даже ночью буди меня... Ну, с богом! Иди, следи за Вёдрошью.

А затем, обратясь к Василию Ивановичу, спросил:

— А ты, сынок, тот раз баил с Василь Данилычем о ратных хартиях?

— Баил, государь-батюшка. И сей вот часец по докладу его уразумел, как можно следить за всем походом литовским, сидя в Москве.

— Добре, сынок, что и сие малое ты уразумел, а ведь при государствовании все чужеземные государства знать надобно: чем они живут, что хотят, какие у них меж собой дела, с кем выгодней в союзе быть и в дружбе. Ведь бывает и так, что добрая война лучше худого мира, вроде моего «мира» с зятем Лександрой литовским. И яз без него обойтись могу, и он без меня может, ништо нас не связывает. Яз, еще до великого своего княжения, сам уразумел, что во всяком государстве надо искать трещину, которая ослабляет его. Вот и у нас ныне появилась трещина, но нельзя давать ей разрастаться. При дедах наших митрополиты помогали великим князьям, а ныне церковь хочет быть государством в государстве. Нынешнее лето на последнем соборе о церковных и монастырских землях духовные-то отцы куда гнули?

— Государь-батюшка,— молвил Василий,— в самой церкви нашей ныне трещина. Отдать монастырские земли на пользу государства духовные-то не хотят.

Иван Васильевич слушал, нахмурившись.

Василий Иванович внимательно посмотрел на отца и нерешительно заговорил:

— Лютые споры идут среди духовных из-за земель: стяжатели с Иосифом волоцким хотят монастырских земель с крестьянами, дабы они на них работали, а Паисий Ярославов и Нил Сорский хотят иметь монастырской земли токмо столь, сколь нужно на пропитание самой братии и подаяний, землю пахали бы сами монахи... Стяжатели клянутся быть на всей воле государевой, а заволжские старцы хотят церкву, независимую от великого князя, и больше тянут к удельным... Митрополит же Симон — и туды и сюды, он сам богатый вотчинник!

— Все попы на один лад! Все в овечьих шкурах, а по сути —

волки!— молвил государь.— Токмо о своей пользе пекутся. Которые же сильней: стяжатели али нестяжатели?

— Иосиф сильней. За ним больше на соборе.

Вдруг Василий Иванович хитро улыбнулся и несмело спросил:

— А можешь ты, государь-батюшка, всем мирским вотчинникам и богатым людям запретить «задушья»[1] в монастыри и церкви жертвовать?

Государь одобрительно усмехнулся:

— Вот ты каков!

Василий Иванович промолчал и только с жадным нетерпением ждал ответа отца: может он или не может?

— Яз-то смогу запретить сие, сынок,— молвил старый государь,— а вот как ты удоржишь сей запрет?

— Не беспокойся, батюшка,— улыбаясь, торопливо ответил Василий Иванович,— от меня-то уж не увернутся ни те, кто жертвует, ни те, кому жертвуют.

Иван Васильевич продолжал:

— Кое-что мною уж учинено в сих делах: яз запретил служилым людям — князьям и боярам в Твери, Белоозере, Торжке и в других воссоединенных с Москвой землях — отдавать свои вотчины на помин души, а сверх того и всем внукам и правнукам удельных князей: ярославских, володимирских, суздальских, стародубских и прочих, по тридцати родов в каждом княжестве, также запретил «задушье». Удержишь, сынок,— будешь много богаче и меня и самой церкви. Дай тобе бог! Крепко держи власть в своих руках, а к сему еще не забывай и про торговлю: крымскими евреинами не гребуй, торгуй с ними драгоценной пушниной, а собе драгоценные каменья у них покупай для большой и малой казны своей, как и яз сие делал.

Иван Васильевич помолчал, потом с едва заметной горечью добавил:

— Добре, добре, сынок! Ну, а топерь скажи, как здравие нашей матери? Сказывал мне брат твой Митрий, хворает она.

— Хворает, государь-батюшка,— с легкой усмешкой ответил Василий и добавил:— Бóрзо остарела, и разума меньше стало. А дебела, сил нет как дебела! От сей дебелости дышать ей трудно.

---

[1] *«Задушье»*, то есть земли или деньги, пожертвованные на помин души церквям и монастырям.

Государь нахмурил брови и подумал с горечью про себя: «Добрый сынок, лучше не надо!»— а вслух резко спросил:

— Баил ты, разума у ней меньше стает. А тогда, когда в Литву она тобя к зятю моему посылала с моей казной, у ней ума больше было?

Василий Иванович лукаво прищурился и почтительно поцеловал отцу руку:

— Мыслю, у ней и тогда не больше было, а у меня-то, по годам моим, еще меньше, чем у нее, было...

Июня пятнадцатого после ранней обедни и молебна митрополит Симон завтракал в своей трапезной. За столом сидели: его ближайший помощник и советчик, вновь поставленный епископ крутицкий Трифон, архиепископ тверской Вассиан, пребывавший в Москве, духовник государя, игумен Андрониева монастыря Митрофан, и другие игумены и протоиереи монастырей и церквей.

— Аз хочу, отцы духовные, подумать с вами,— сказал митрополит,— о холопах, которые ныне что-то на наших землях зашевелились. Чуют они, что хлебная торговля растет в сельских рядках и в посадских торгах, особливо возле больших гра́дов. Стали они за каждую пустошь, за кажный клок земли с монастырями тягаться, а земли-то монастырские с крестьянскими не разъезжены[1]. Государь посулился давать монастырям правые грамоты[2] на спорные земли, а земель монастырских за собя не отбирать, как сие делал в Новомгороде да испоместил служилыми дворянами. Пять лет как государь объявил своему народу единые судные грамоты, по которым холопы за неделю до Егорья-холодного, уплатив не токмо все оброки, но и «пожилое», могут перейти к новому господину.

— Ты, владыко наш,— сказал Трифон,— с государем-то о Егорьевом дне баил, яко бы на пользу нам, вышло же, что государь нас и игумена волоцкого «объегорил»: земли́ нам оставил пустошами да целиной, а мужики, которые на сих землях должны были работать, разбежались-разлетелись, как грачи осенью, по разным поместьям и паки кажную осень полетят от нас к по-

[1] *Разъехать землю* — размежевать.

[2] *Правые грамоты* — решение суда в пользу того или иного лица.

мещикам. Новых же заселенных земель больше у нас не будет: государь запретил всем служилым князьям и боярам давать «задушье» землями церквам и монастырям, а черносошных крестьян с их землями государь сам берет за собя, а потом испомещает. Вот иди и свищи, где мужика сыскать, чтобы землю пахал, а на «сребрецо» пашенных людей нанимать,— токмо на просфоры муки хватит. Вот и выходит, что государь «объегорил» нас, весь мужичий труд у нас отнял. Хотя есть еще у монастырей старожильцы, да и с ними-то из-за межей суды да раздоры идут.

Митрополит нахмурился и, помолчав, произнес:

— Злы ныне мужики на нас за запашки их паров да за «пожилое». Вот поглядим, как утре великий князь Димитрий в Судной избе наши дела с тяглыми доправит, как сам государь сии дела утвердит.

— Посмотрим, посмотрим, как государь посулы свои о правых грамотах выполнил,— заметил Трифон.— А мы еще челом добьем духовнику государеву, отцу Митрофану, дабы печаловался о церковных прибытках. Церковь же, как и прежде, о прибытках государевых твердо будет пещись и о том, как бы крепче узду на еретиков надеть.

— Буду челом бить,— сказал отец Митрофан,— ибо о том же преподобный Иосиф волоцкий грамоту мне прислал, дабы наставлял аз государя.

На другой день, с самого рассвета, как отворили кремлевские ворота, въехали на телегах и верхами крестьяне из подмосковных монастырских сел и сбились на Ивановской площади, возле крыльца Судной избы, в ожидании соправителя государева, внука его, великого князя Димитрия. Вот уже два года судит он суды по новым, единым для всей Руси «судным грамотам».

Среди прибывших крестьянин Ва́чко, сотский Юрий Константинович Лучков, десятский Сысойко да десятский бортный Петр. Это всё выборные от крестьян-общинников Пахорской волости. По другому делу — с Симоновым монастырем — крестьянин Гридка Голузнивой со своими зна́харями — свидетелями Никитой Егоровым да Степаном Ершовским. И по третьему делу — с Троице-Сергиевым монастырем — староста Залесской волости Павел Набатов и его знахари — Семен Писк и Степан Панафидин.

Задав корм коням и привязав их к коновязям, мужики столпились у крыльца Судной избы, на котором у дверей стояли для

порядка земские ярыжки с медными бляхами на колпаках и красными буквами «З. Я.» крупно вышитыми на груди белых передников.

Здоровый рыжий мужик Ва́чко, ближе всех стоявший к крыльцу, долго и мрачно смотрел на ярыжек, потом хрипло спросил:

— От попов-то кто приехал?

— Старцы монастырские здесь уж, в избе ждут,— ответил, позевывая, заспанный ярыжка,— ждут еще знахаря от владыки коломенского.

— А вон, вон,— оживленно заговорил другой ярыжка,— на коне верхом старец Данилов Стромилов сюда едет.

— Чаю, со мной преть будет,— зло усмехнулся Ва́чко.

— Как на коне-то едет! Ветх вельми, одна кожа с сухими косточками, того гляди рассыплется!— заметил десятский Сысойко.

— Ему и земли-то на всем свете осталось токмо три аршина, а он все за земли судится,— продолжал Ва́чко.

— Они все попы такие живучие,— заговорил, смеясь, Гридка Голузнивой,— они токмо о царстве небесном бают, а сами кажный клок земли вдоль и поперек роют, дохода с него ищут...

— Государь едет!— вдруг закричал ярыжка.— Шапки долой!...

Скинув шапки, некоторые мужики перекрестились:

— Помоги, господь, с началом!

Великий князь Димитрий Иванович, в нарядном, богатом кафтане, подъехал на серебристом, в яблоках коне к самому крыльцу в сопровождении крестовых дьяков Василия Федоровича Сабурова и Василия Федоровича Образца и стремянного Никиты Растопчина, ловко спешился и, войдя на крыльцо, обернулся к народу.

— Будь здрав, государь!— закричали мужики.

— Будьте здравы, православные!— ответил Димитрий Иванович и пошел прямо в Судную избу. Ярыжки затворили за ним двери и остались ждать приказаний.

Вскоре дверь отворилась, и писарь крикнул:

— Заходи, кто по делу о пустоши на «Медведной горе» у Спаса Преображенья?

В избу пошли сотский Лычков, десятник Сысойко, десятник бортный Петр и крестьянин Ва́чко.

К столу великого князя Димитрия Ивановича вышел сотский Лычков и заговорил, низко кланяясь:

— Жалоба наша, господине, на архимандрита Симоновского монастыря отца Евсевия и на его братию. Владеют, господине, твоим, великого князя, монастырем Спас Преображенья, и озером Верхним, и озером Нижним, и деревнями, и пустошами; а сия, господине, церковь святого Спаса, озера, деревни и пустошь — твои, великий князь, а они зовут их своими, монастырскими, симоновскими. А в архимандричье место старцы Данила Стромилов и Осиф — пред тобой.

И князь великий спросил старцев:

— Почему зовете церковь Спаса Преображенья и озéра своими, монастырскими?

И старец Данила отвечал так:

— То, господине, церковь, деревни, озера и пустошь твои, великокняжеские, из старины, а менялся твой прадед, великий князь Димитрий, и менялся он с чернецом Саввою; взял собе у монастыря села: Воскресенское, Верхне-Дубенское с бортью и с деревнями, а монастырю дал церковь Спаса, оба озера и пустошь на горе Медведной.

— Покажи на сие меновые грамоты? — спросил крестовый дьяк Сабуров.

— Грамоты меновые погорели в пожар суздальский,— ответил старец Стромилов,— а грамоты жалованные великого князя Василь Василича и грамоты великого князя Ивана Василича, а также грамоты купчие или дарственные и архимандричьи — все перед тобой.

Великий князь просмотрел вместе с крестовыми дьяками все представленные грамоты и списки и сказал:

— Через три дня приходите сюды в избу, и здесь дьяки выдадут вам правую грамоту по сему делу с печатью государя всея Руси.

— Попечалуйся о нас пред государем Иваном Василичем, оставил бы он нам некую часть бортей по воле его и право рыбной ловли на озерах, чтобы не лишить нас пропитания! — завопили крестьяне.

— Добре, попечалуюсь,— сказал Димитрий Иванович.

— Попечалуйся еще, господине,— продолжал просить Лычков,— чтобы разъехали наши крестьянские земли с монастырскими,— идет у нас путаница несусветная, свары и обиды из-за межей.

— Добре, передам государю вашу челобитную, а сей часец идите, а яз буду править другое дело,— сказал Димитрий

Иванович. И, обратясь к дьякам, приказал:— Зовите Гридю Голузнивого и его знахарей...

Зачастили гонцы на Москву. На́больший воевода Холмский, поощренный похвалой государя, еще лучше наладил вестовую службу, увеличив число гонцов и в то же время сократив длину перегонов, доведя их в иных местах даже до десяти верст. «Бо́рзые грамоты» приходили каждодневно. Государь был все время весел и мог, как главный над всеми воеводами, ежедневно принимать участие во всех походах и боях и давать указания воеводам даже на полях сражения. По просьбе воеводы Юрия Захарьевича Кошкина Иван Васильевич смог послать ему в помощь на Митьково поле, что возле Вёдроши, главного воеводу действующих против Литвы войск — князя Данилу Шеня-Патрикеева с тверской силой, у которого в Передовом полку был Михаил Федорович Телятевский и Петр Иванович Жито, в правой руке — Осип Андреевич Дорогобужский и Федор Васильевич Телепень-Оболенский, и в левой руке — князья Петр и Иван Васильевич Вель-Эминевы.

Из этих «бо́рзых грамот» Ивану Васильевичу было известно, что князь Александр Казимирович послал к Дорогобужу под началом гетмана, князя Константина Ивановича Острожского, гетмана Николая Радзивилла, графа Хрептовича и князей Друцких столько же войска, сколько было у московских воевод под Вёдрошей.

В том же тысяча пятисотом году, июля семнадцатого в пятницу, за час до захода солнца, прискакал с Митькова поля боярин Михаил Андреевич Плещеев.

Дворецкий постучал в дверь покоя государя и, войдя первым, произнес:

— Воевода боярин Михайла Андреич Плещеев! Токмо пригнал.

— Зови,— приказал государь.

Вошел бодрый красивый старик, ласково взглянул на государя и спросил:

— Не ожидал, государь?

— И-и, не чаял, Михайла Андреич,— молвил государь.— Даже враз голоса твоего не узнал! А сей часец вспомнил тобя, каким ты был, когда с воеводой Измайловым поехал из Твери в Москву с вестью. Как живого вижу! Ты и топерь могучий и баско́й...

— И яз тобя, государь, того времени помню, и, как сей часец, глаза твои вострые помню, и речь твою, не по возрасту вострую, помню. И Василь Василича, и Бориса Лександровича, и даже невесту твою, малолетнюю Марьюшку, как сей часец вижу. Давние времена! А сердцу, государь, они дороги!..

Государь подошел к боярину Плещееву, взял его за плечи и, потянув к себе, сказал:

— Ну, Михайла Андреич, поздравствуемся по христианскому обычаю,— и государь трижды поцеловал со щеки в щеку старого воеводу.

Взволнованный Плещеев, помолчав, молвил:

— С радостной вестью к тобе, государь! Привелось мне видеть великий вёдрошский бой. Вот поспешил к тобе, дабы все самому поведать. Скакал без отдыха и вот на четвертый день поспел. Не думал даже, такую сильную и славную Москву приведет бог увидеть. Дай тобе много лет здравия, государь.

— Ну, прошу, садись, Михайла, к столу. Выпьем по кубку за Русь святую!

Они чокнулись и осушили кубки.

— Дай, Михайла Андреич, еще раз обыму тя за те речи, которые ты пред султаном доржал. Не посрамил ты ничем ни Руси, ни государя ее перед иноземцами и перед самими погаными.

— Ибо, государь, превыше всего чту яз нашу Русь святую,— горячо отозвался Плещеев,— а тобя — яко достойного слугу ее.

— Ну, топерь сказывай мне все подробно,— молвил Иван Васильевич,— что видел на Митьковом поле.

— Чудеса там творились!— воскликнул боярин Плещеев.— Разреши, государь, выпьем еще за всех воев и воевод наших.

Осушив еще кубок, Плещеев продолжал:

— Наши полки пришли к Вёдроше раньше литовских. Воевода Юрий Захарыч наряжал полки к бою на Митьковом поле. Когда яз подъехал к Юрью Захарычу, его войска уже были построены на самом поле. К сему времени, по личному твоему указу, подоспел с тверичами к Вёдроши князь Данила Шеня-Патрикеев, посланный тобой в пóмочь Юрью Захарычу. Он объехал все Митьково поле и в старице Вёдроши, близ устья, позади холмов, поросших густым кустарником, приметил длинный овраг, полого идущий к Митькову полю. Отсюда проехал князь Данила к Юрью Захарычу и велел созвать на думу воевод татарских полков: Ивана Михайлыча Воротынского-Одоевского, князя Петра и Ивана Шадра-Вель-Эминевых и воевод обоих

Передовых полков. Обсудив на думе положение войск и разослав повсюду лазутчиков, дабы следить за движением ворога, князь Данила Шеня решил устроить двойную засаду, ибо, по сведениям лазутчиков, было уже ведомо, что гетман, князь Острожский, шел Смоленщиной, вдоль левого берега Днепра, и должен был и дальше идти по левому берегу Вёдроши. Князь Шеня выставил за левым берегом Вёдроши Передовой полк. Он хотел на некое время задоржать литовцев. Главную засаду из татарских полков он искусно скрыл в сухом овраге около устья Вёдроши и позади полков князя Острожского на Митьковом поле. Другая засада, токмо из стрелков-лучников, засела среди береговых кустов вдоль левого берега Вёдроши, у ее нового устья, где можно было легко перейти реку вброд к Митькову полю. Нарядив все сие, князь Шеня приказал своему Передовому полку вступить в бой с Передовым полком князя Острожского и затем медленно отходить к броду около нового устья Вёдроши. Татарам же от старицы князь Шеня приказал, как токмо он сам нападет на Большой полк князя Острожского, ворваться в тыл литовцев с яростными криками, гремя набатами, и начать с ними беспощадную сечу. Бой начался с того, что литовский Передовой полк, наступая на наш, вдруг в беспорядке рассыпался. Смертельно раненные кони запрокидывались и падали, визжа от боли. Из засады в кустах наши лучники стреляли токмо в коней. Литовские конники, терпя большой урон в лошадях, все же ловко и умело держали ряды, но, видя урон в конях, не ведали, откуда сей урон. Они токмо видели Передовые полки русских и в пылу битвы преследовали их, наши же полки сильно отстреливались, стойко и медленно отступая. Иногда в ярости литовцы бросались с саблями на наши Передовые полки, но наши всякий раз длинными тяжелыми копьями и бердышами отбивали литовцев, продолжая в то же время обстреливать из луков их коней. Так, упорно отступая и, словно ведя на поводу литовское войско, наши переманили все их полки на Митьково поле. Когда против нашего Большого полка построился Большой полк князя Острожского, на него неожиданно напали русские и татарские конные отряды с правой и левой руки и лавой, с копьями наперевес, врывались в густые ряды литовской конницы и потом тяжелыми бердышами со всего размаха крушили все кругом. Обе стороны несли большие потери и сильно устали. Яростный бой, казалось, начал стихать. Вдруг из гущи нашего Большого полка загремели набаты, неистово затрубили трубы, и большой отряд конников густыми рядами врезался

в лоб Большого полка литовцев. Сие было так неожиданно, что литовское войско дрогнуло и начало медленно отходить к устью Вёдроши. В сей же часец с неистовым визгом и криком, сверкая саблями, наши русские и татарские полки один за другим вырвались из своей засады и врезались в тыл Большого полка князя Острожского. Литовцы заметались по всему полю. За ними гнались со всех сторон наши вои Правого и Левого полков и татары, рубили бегущих саблями, крушили бердышами. Уже смерклось, когда на бешеном скаку вдруг вылетел из своей засады весь Сторожевой полк, с Юрьем Захарычем во главе, и с налету захватил все обозы, пушки и палатки воевод, пленив даже самого князя Острожского, графа Хрептовича, пана Николая Радзивилла и князей Друцких. Всех их теперь везут в Москву. Оставшиеся в живых литовцы неудержимо бежали к Смоленску, преследуемые нашими татарскими полками. Митьково поле было устлано трупами.

Когда боярин Плещеев окончил свой рассказ, государь поднялся со скамьи, перекрестился на образа и тихо сказал:

— Пропала Литва под Вёдрошью, яко Золотая Орда на Угре! По твоей речи, Михайла Андреич, Сторожевой полк вельми грозно сражался на Митьковом-то поле?

— Куда еще грозней!— ответил Плещеев.— Юрий Захарыч, можно сказать, добил литовцев.

— Вишь каков! А когда яз приказал ему быть в Сторожевом полку, он писал мне, что в Сторожевом полку ему быть негоже, невместно ему стеречь князя Данилу. Заершился! Есть у нас еще некои воеводы, которые высокоумно мыслят, кто кому служит, а в разуме того не держат, что все они мне служат и заедино со мной всей Руси служат.

Перекрестившись еще раз, Иван Васильевич оглянулся и, увидев позади себя крестившегося Саввушку, воскликнул:

— Ишь какая победа у нас, Саввушка!

Обратившись же к боярину Плещееву, молвил:

— Поезжай бóрзо, Михаил Андреич, в моей колымаге,— Саввушка тобя проводит,— к митрополиту Симону и передай ему: «Велю, мол, яз ему сей часец служить по всем церквам благодарственные молебны и звонить, как на пасху, а по убиенным за веру православную и за отечество утре петь панихиды». О прочем сам ты лучше знаешь, что о Вёдроше митрополиту сказывать.

К вечеру вся Москва, Кремль и все посады были радостно встревожены. В шесть часов, как обычно, редко и уныло зазвонили во все колокола пасхальные звоны. Начались молебны. В Успенском соборе митрополит Симон перед молебном с амвона произнес краткое слово. Выйдя из царских врат, он истово перекрестился на алтарь и, обернувшись, воскликнул:

— Братие и сестры во Христе, радуйтеся! Помог господь-бог государю нашему великую одержать победу над латыньской Литвой. Захотел папа рымский православную веру и все православные церкви на Литве порушить. Государь же наш, Иван Васильевич, за православную веру вступился, войну с Литвой зачал и ни зятя своего Александра Казимировича, ни княгини его, родной своей дщери, не пожалел. Днесь весть пришла, что вои наши православные и воевода сокрушили всю литовскую силу у Вёдроши, как ранее Русь сокрушила Золотую Орду на Угре. С такой мощью ныне государь Литву сокрушил, что и ляхи все, и король угорский, и сам папа, и все латинцы топерь в страхе. И все они молят, бьют челом государю нашему о мире. Отблагодарим же господа-бога за дарование победы и помолим его о здравии государя нашего и всего православного воинства, а утре отпоем панихиды по убиенным за веру, государя и отечество...

В тысяча пятисотом году, июля двадцать пятого началась уже ранняя осень. По старой примете, в день Анны-зимоуказательницы, точно по заказу, наступил первый холодный утренник и зеленая еще трава кое-где в низких местах густо забелела на рассвете от инея.

В этот день, рано утром, государь вместе с сыном Василием провожал своего третьего сына, воеводу Димитрия Ивановича, с московскими полками в первый поход на Смоленск.

В воздухе было сыро и мозгло от густого тумана, белевшего особенно плотно над Москвой-рекой, над ее притоками и разными болотцами.

Приближаясь к Дорогомилову, Иван Васильевич, усмехнувшись, шутливо спросил Димитрия Ивановича:

— Что тобе, сыне мой и юный воевода, сие утро подсказывает?

— Подсказывает оно мне, государь-батюшка, что коням больше овса брать надобно: подножного корму нехватка будет,— ответил молодой воевода.

— Добре,— сказал государь,— разумеешь ты ратное хозяйство!— И добавил:— Тут, в Дорогомилове, еще раз смотр изделай полкам своим и с богом веди их к Смоленску. Поздравь воев от моего имени с походом, пожелай вернуться с похода здравыми и невредимыми. Да потребуй от моего имени у тиунов и приказчиков наших дорогомиловских нужных запасов овса для коней, пшена, соли, сала и водки для людей, дабы войску ни в чем недостачи не было. Да и в пути, где можно: у можайского нашего наместника, и в Вязьме, у наместника моего, князя Турени-Оболенского,— бери моим именем всякие нужные тобе припасы по мере надобности.

Спешившись у моста, государь продолжал:

— Подойди ко мне, Митрий, яз благословлю тя и прощусь, а сам поеду на Москву в колымаге. Что-то зябко и недужно мне...

Князь Димитрий Иванович соскочил с коня и приблизился к отцу. Иван Васильевич благословил сына, обнял и поцеловал в лоб, говоря:

— Ну, держись, сынок! Дай бог тобе удачи...

Димитрий, простившись с отцом, а потом со старшим братом Василием, вскочил на коня, крикнув:

— Все, что приказал мне, государь-батюшка, добре исполнить потщусь с воеводами своими...— И поехал через мост к Дорогомилову.

Саввушка тем временем подъехал к государю и, набросив ему на плечи шубу, усадил в колымагу.

— А топерь, Саввушка, поди прими коня у Василь Иваныча, а самому ему помоги сесть рядом со мной,— молвил государь и, обратившись дружелюбно к подошедшему Василию Ивановичу, продолжал:

— Ну, садись, Василий, хочу кой о чем побаить с тобой.

— Слушаю, государь-батюшка,— почтительно произнес князь Василий, садясь с помощью Саввушки возле отца.

— Днесь же, сынок, начни наряжать доставку бо́рзых грамот от брата Митрия и устанавливай бо́рзый вестовой гон меж Смоленском и Тверью и меж Тверью и Москвой. Вижу, дружно ты живешь с Митрием-то.

— Из всех братьев — любимый,— ответил князь Василий,— а Митрий баит, что и яз его любимый брат. Дружба у нас с ним такая, как была у тобя с покойным братом твоим, князем Юрьем Васильичем...

— Ну и добре, Василий,— улыбнулся государь.— Сие тобе и ему на пользу. Он лучше ратные дела разбирает, а ты — государевы. Вот и будете друг другу помогать... Насчет же вестовой службы думай с князем Васильем Холмским. Вельми разумеет он сие дело. Думаю яз после пасхи послать в по́мочь Митрию к Смоленску тобя с тверскими полками, а тобе для совета в ратных делах приставить князя Данилу Щеню. До того же дни на моих утренних приемных дьков и воевод всякий день бывай, а на посольских приемах бывай по моему зову или по зову боярина Ховрина...

Хотя и начались с конца июля утренники, а сама осень обещала быть ранней и холодной, погода стояла крайне неровная: то ночи морозные с инеем, а дни теплые и погожие, то ночи теплые, а дни с резкими студеными ветрами, с холодными дождями и крупной, бившей в лицо как колючками. Дороги то подсыхали и твердели от сильных северных ветров, то раскисали от затяжных теплых дождей, превращаясь в болотную жижу из грязи и вязкой глины, а с первого августа до Авдотьи-малинницы все время стояла непогода, и солнце почти ни разу не показалось из-за туч. Гнилая осень!

Между тем приближалось время сева озимых, и всякого рода перелетная птица собиралась на пустых и мокрых полях стаями: одни готовились к отлету в теплые края, другие, наоборот, прилетали сюда зимовать с крайнего севера Руси.

В это время войска, бывшие под началом на́большего воеводы Данилы Щени-Патрикеева, возвращались с войны в Москву после славной победы над литовцами на Митьковом поле. Ратные люди радостно спешили домой. Одни шли по ратной привычке всё еще отрядами, другие вольно тянулись ватагами к тем местам, откуда были родом; были и такие, что шли даже вразброд, небольшими кучками, не соблюдая уж никакого строя, а только стараясь, лишь бы скорее попасть домой.

Одна из таких ватаг из разных людей, ехавших на своих мужицких телегах, свернула с тележника и, перейдя вброд речонку Сетунь, совсем обмелевшую на луговине возле деревеньки Чоботы, вышла на косогор у Святого ключа и направилась к селу Федосьину, церковка которого была уже видна из деревни Чоботы.

— Глянь, Паша, щеглов-то сколь много! Красивые птички,

веселые,— сказал ехавший на телеге старик, обращаясь к мужику с густой, но уже седеющей бородой, сидевшему рядом.— С детства люблю я щеглов-то. Круглый год они поют и в неволе неприхотливы. А у нас места круг Москвы — самые щеглиные...

— Верно, дядя Ермила, места здесь щеглиные,— поддакнул мужик.— Когда мы все, Хворостинины, вольными холопами жили у боярина Мячкова, он много щеглов у собя доржал, большой был до них охотник. Одного знатного певуна, помню, государеву внуку, княжичу Димитрию, подарил. Мои мальчонки по его заказу всё ему щеглов ловили, в западню заманивали, а когда много их налетало, то просто сетки накидывали. Бывало, под сеткой пять-шесть птичек сразу накрывали!

Лошади вдруг остановились у ворот крайней на селе избы. Собаки с веселым лаем встретили приехавших, завертелись у их ног, стараясь лизнуть руку, или пытались, подпрыгнув, лизнуть в самые губы; кидаясь к мордам коней, они то ласково повизгивали, то бурно и радостно лаяли.

В избе отворились окошки, в сенях распахнулись двери, раздались детские крики:

— Мамка, наш тятька приехал!..

Несколько баб выскочили на двор босиком.

— И мой приехал!— закричала одна из них и бросилась к Петру Дубову, зятю Хворостининых.

Павел прервал свой рассказ, увидав вихрастого парнишку лет тринадцати, и не то радостно, не то сердито закричал:

— Васька, аль ослеп, отца родного не видишь! Зови мамку, берите поклажу с телеги, таскайте в избу.

Жена Павла Хворостинина, всхлипывая, выкликала только одно:

— Вернулся мой Пашенька! Уберег господь!..

— А моего-то соколика, Архипушки, нетути, не вижу его! Скажите мне, не томите душеньку: жив ли, здоров ли он? Может, его уж давно на ратном поле черные вороны расклевали? Пожалейте меня, бесталанную сиротинушку,— заливаясь слезами, выкликала молодая баба.

— Не реви, Санька! Не реви, дура, раньше времени!— грубо закричал один из приезжих.— На третьей телеге едет твой Архипушка, жив-здоровехонек! В полон привез двух девок да парня. Здоров, как боров, да двух коней вражьих ведет...

Но взволнованная баба продолжала всхлипывать.

— Да не гневи ты бога-то, окаянная! Бог вам счастья дает;

хозяевами крепкими стаёте — на четырех лошадях пахать будете. Нишкни! Не искушай волю божью. Вон у Лукерьи Пармена в первом бою убили, одним Хворостининым менее стало. Ущерб нашему роду...

Когда перенесли в избу с телеги всю поклажу, Павел Хворостинин обратился ко всем:

— Ноне, как мы с Анной — самые старшие в нашем роду, по приказу деда, зовем всех приехавших родным образам помолиться, а там и за стол все повечерять чем бог послал, и гостя нашего, моего старшого на Пушечном, Ермилу Фомича, у которого я у домниц под началом состою, хлебом-солью почтить...

Перейдя в избу, сыновья и зятья, молча покрестившись на свои семейные иконы, так же молча сели за стол. Старик Хворостинин усадил почетного гостя — кузнеца Ермилу Фомича — в красный угол и сам сел рядом. А женщины в стряпном углу, у солнышка, спешно заканчивали приготовление ужина: одни толкли зеленый лук с солью для мурцовки, другие крошили кочанную квашеную капусту, принесенную из погреба со льда, поливая ее свежим, душистым зеленым конопляным маслом; девчонки чистили печенные в золе яйца. Хозяйка Аннушка, жена Павла, прижав к груди каравай, резала черный хлеб большими ломтями и клала перед каждым по два ломтя.

Потом, заглянув за перегородку на солныш, крикнула:

— Ну, девки, доставайте из погреба квас, сметану, а наперед подайте гостям хмельного крепкого меда — гостя угостить, а мужиков с возвращеньем с войны поздравить.

Упоминание о крепком меде вызвало оживление среди мужиков, а старик Хворостинин весело воскликнул:

— Вот как мы воев своих встречаем и гостя своего чтим!

В это время под гул голосов старшая сноха Аннушка внесла две сулеи с крепким медом, а дочки и племянницы, босые, с длинными косами, в девичьих венцах и в нарядных праздничных сарафанах, внесли жбаны с крепкой хмельной брагой и стали расставлять на сто́ле чарки.

Одну сулею Анна поставила перед гостем, другую — на другом конце стола, а также на обоих концах стола поставили по жбану с хмельной крепкой брагой.

Принесли еще на деревянных блюдах очищенные печеные яйца, квашеную кочанную капусту, деревянные мисы с мурцовкой, забеленной сметаной.

Когда стол был совсем собран, Анна обратилась к свекру с низким поклоном:

— Свекор-батюшка, хлеб-соль на столе, пейте и кушайте во здравие!..

Старик Хворостинин налил на своем конце всем по малой чарке крепкого меда, на другом конце стал наливать мед его сын Павел.

Увидя, что у всех мужиков в руках полные чарки, дед весело крикнул сыну:

— Что ж, Паша, ты про баб-то забыл? Налей и им медку...

Женщины, стесняясь, потянулись к чаркам и, пригубив, недружно проговорили:

— Со счастливым прибытием!

А некоторые бабы громко всхлипнули, но плакать не стали, боясь испортить общий праздник. Только старик Хворостинин, опрокинув чарку, громко крякнул и смахнул рукой слезы.

Любимая дочка его Лукерья не выдержала, всхлипнув, обняла отца и промолвила:

— Осиротели мы с тобой, батюшка! У тобя сына и зятя убили, а у меня мужа убили да брата родного...

Старик Хворостинин опять резко крякнул и, глядя в лицо кузнецу Ермиле, сказал:

— В начале сей войны ты блазнил нас после разгрома орды достатком да богатством, да вольной волей мужицкой на вольной русской земле, а какое наше мужицкое счастье, ты сам видишь: мы от богатого боярина ушли, военный помещик нас пособием да льготами всякими сманил, а того мы не разумели, что сии льготы для нас в кабалу обратятся. Ты посуди сам, Ермила Фомич, у ратного помещика обратили нас всех в постоянных ратных людей. Нельзя стало нам ни своим, ни оброчным хозяйством заниматься: времени нет, людей нет, одни бабы в доме с подростками да старики. Какие они работники? Мужики же и парни на ратную службу поверстаны в постоянное государево войско. Ранее-то, хоща и скудно, все же кормились, ноне же жать да косить еле успеваем за оброк помещику, а для собя рук не хватает... Выходит, из огня да в полымя попали, было плохо, стало хуже, а куды ткнуться, где по́мочи искать?

— Н-да-а!— печально заметил кузнец.— Выходит, как хохлы бают, «не вмер Данила, так болячка вдавила!» А все, скажу, ноне легче мужику...

— Какому мужику?!— с обидой воскликнул старик Хворостинин.— Помещик опутал «поручными записями»[1], «пожилым» и деньгами, что на обзаведение давал, сиречь сребрецом своим...

— А вы, вольные холопы, клин клином вышибайте!— перебил кузнец Ермила.— Богатеи вас жмут, слободу у вас деньгами зажали, а вы сами богатеев зажимайте, богатейте! Всякими правдами и неправдами занимайте черные земли, тяглые, государевы, съединяйтесь в мирские крестьянские общины, обучайтесь ремеслу, а потом выходите торговать своим рукодельем в торжишках и торжках. Токмо тогда будет у вас свое сребрецо, копите его, а в рост у помещика не берите...

— Ты, Ермила Фомич, совет дай, как почин изделать, с чего начать,— возразил старик Хворостинин.

— Дело-то само собой напрашивается,— продолжал кузнец Ермила.— Семья ваша большая, изба стоит у самого тележника, рук рабочих много: кузню поставь, телеги чините, открой харчевню. Пусть бабы шти для проезжих варят, пироги пекут, сбитень продают. За зимнее-то время пусть чулок шерстяных да варежек навяжут, шапок меховых нашьют. При зимней-то дороге всякое рукоделье в морозы-то с руками оторвут, а съестное мигом раскупят и съедят... В зимнее время любо-дорого после мороза горячих штец хлебнуть... Вот тобе и почин на деле, а не на словах. Знай торгуй собе с богом, пока новой войны нет, как тобе выгодней, из рук на руки — товар за товар, но лучше продавай за сребрецо. Главно же — спрос угадать ловчись, прибыль копи́ в серебре, дабы не проторговаться. На сей товар всегда спрос есть, а порче он не подвержен.

— Верно!— радостно воскликнул старик Хворостинин.— Спасибо тобе, Ермила Фомич. Вельми добре присоветовал ты мне. Пошли тобе господь здоровья и счастья. Я утре же на рассвете с Павлом и зятьями харчевню к избе пристраивать почну. Давно я и сам мозгами о сем раскидывал и думал даже вместе с Павлом и со старшей снохой Анной, как почин сему делу положить. И когда словом «харчевня» ты меня надоумил, я сразу о срубе и вспомнил. Твои слова о торговле верные, дельные...

---

[1] *«Поручные записи»* — письменные ручательства, взятые помещиком с крестьян-односельчан в том, что вновь принимаемые крестьяне будут крепко жить на своих местах. Иногда «ручательство» составляло большую сумму денег *(Прим. автора.)*

Хворостинин перекрестился на образа и сказал:

— Ну, сыны, зятья! Слыхали? Хватим по большой кружке бражки с почином да за Ермилу Фомича!..

— За почин! За почин!— радостно заговорили мужики.— За счастливый почин!..

На другой день после Авдотьи неожиданно ветрами разогнало тучи, и с утра проглянуло солнышко. К полудню совсем посветлело, и князь Василий Иванович со своими борзятниками не утерпел и поскакал в село Озерецкое, к Троице-Сергиевой обители, травить зайцев и попробовать свежего меда, который после «медового спаса» ломать начали.

Но охота не удалась. Зайцы, старые и молодые, крепко лежали, таясь в кустах лесов и перелесков, не бегая к огородам и садам, и вообще не появлялись в открытых полях.

Прорыскав весь день без всякой пользы, борзятники так и не затравили ни одного зайца, а только резкими звуками охотничьих рогов и собачьим лаем зря вспугивали уток, которые, поднимаясь с озер и болот, с громким кряканьем разлетались в разные стороны. Князь Василий Иванович, голодный и усталый, возвратился на вечерней заре в монастырь.

Ужинал Василий Иванович у отца Серапиона, игумена Троице-Сергиева монастыря, в его покоях. По случаю успенского поста подавали грибную лапшу с пирогом из головизны, который запивали сладким греческим вином; на столе была осетровая икра — зернистая и паюсная, провесная белорыбица, балыки и тешки, соленые грузди, соленая капуста с яблоками и клюквой, а в конце — горячий сбитень из свежего меда с пшеничными оладьями.

К концу трапезы игумен Серапион несколько раз пытался что-то сообщить Василию Ивановичу и, наконец, все же смущенно проговорил:

— Прости, государь. Днесь после ранней обедни глядел аз со старцами в ризнице пелену одну велелепную, руками самой государыни шитую, и со смущением прочли мы узорные буквы с цветами и листьями жемчужными: «Се дар преподобному чудотворцу Сергию от царевны цареградской Софьи».

— Что же, отче, смутило тебя и старцев?— спросил Василий Иванович.

— То, государь, что Софья Фоминична уж более тридцати лет супруга государя всея Руси, пошто же ей доныне зваться «царевной цареградской»?

Василий Иванович задумался и молча ел оладьи, потом лукаво улыбнулся и сказал:

— А ты, отче, пелену-то сию во храме не вешай до времени, а схорони ото всех в ризнице[1].

Неожиданно в сенях грузно затопали люди и раздались грубые выкрики и ругательства. Вслед за тем резко распахнулась дверь, ударившись ручкой о стенку, и в трапезную ввалились мужики, толкая впереди себя бледного отца келаря в изорванной рясе и с окровавленным лицом.

— Иди, иди, жеребячье отродье, к отцу игумну на расправу.

Василий Иванович сначала испугался, но быстро оправился, когда игумен крикнул в толпу:

— Пошто разбойничаете пред лицом великого князя Василья Иваныча, соправителя самого государя?

Толпа обомлела от неожиданности, и стоявшие впереди мужики бухнули на колени.

— Прости, государь, невегласье наше,— загалдели они вразброд.— Прими челобитье на монахов и попов... Житья от них нам нет...

— Земли наши своевольно пашут...

— Пчелиные борти грабят, мед и воск отымают...

— А нам самим ныне сребрецо-то дозарезу надоть: оброки волостели берут ныне токмо серебром...

— Государь, скажи батюшке своему,— заговорил худой высокий старик с длинной белой бородой,— мужику, бают, податься некуда. Не токмо из карманов,— из самого рта кусок вырывают. Грабят нас вотчинники, особливо монахи, а от старых хозяев после новых судебных грамот и уйти никуды нельзя. Словно мух нас пауки всякие в тенета запутали разными поручными грамотами, пожилым да прочими...

---

[1] Пелена до сего времени хранится в дарохранилище Троице-Сергиевой лавры в г. Загорске.

Отирая разорванными рукавами рясы окровавленное лицо, со злобой заговорил келарь:

— Челом тобе бью, государь. Донеси государю-батюшке про разбой такой. Пахали мы свои монастырские пустоши, как отец игумен приказал. Вдруг налетели сии разбойники и кольями пахарей наших разогнали и избили, многим ребра переломили и главы поразбивали, а мне последние зубы выбили. А пошто? У нас искони грамоты на сии пустоши есть, «задушные грамоты»... Челом бьем, доложи своему государю-батюшке, попечалуйся за нас...

— А ты, княже, за нас заступись,— перебил пожилой мужик.— Была у нас одна отдушина, Юрьев день, да из той ныне никуды не вылезешь. Скажи о сем государю-батюшке. А грамотам, которыми монастырь заслоняется, не верь. Молим, чтоб наше дело государев суд разобрал.

— Добре,— вставая из-за стола, твердо произнес Василий Иванович.— Все моему государю-батюшке доложу и челобитье ваше ему передам. А сей часец с богом по домам. Утре яз с рассветом на Москву поеду. А вы туточко мирно ждите государева решения. Идите...

Мужики нерешительно помялись, потоптались на месте и один за другим потихоньку вышли из игуменских покоев.

Казалось, все благополучно кончилось, но в полночь в монастырской церкви забили в набатный колокол, и князь Василий Иванович увидел в окна своей горницы яркое кроваво-красное зарево, полыхавшее возле самой монастырской стены.

— Что сие?— тревожно спросил он вошедшего в горницу монаха.

— Мужики нам красного петуха подпустили, государь. Зарево как раз за стеной, над нашим овином пылает... Добре еще, что в овине одна пустая солома. Токмо на днях рачением келария отца Еремея обмолотились и зерно в каменные амбары свезли, а часть его уж на мельницах в размол пошла... Уберег господь братию от голода. Доложи и о сем, княже Василь Иваныч, родителю своему...

Василий Иванович на это ничего не ответил, сделав вид, что снова заснул, и даже раза два нарочито громко всхрапнул...

На второй спас, шестого августа, пока еще шла ранняя обедня, Василнй Иванович прнскакал в Москву и направился прямо к отцу в хоромы. Он застал государя за первым завтраком.

— Будь здрав, государь-батюшка,— поздоровался он с отцом.

— Будь здрав н ты, сынок! Пошто не у Троицы?

— Был яз у Троицы-то, да поспешил к тобе прнскакать,— ответил Василнй Иваиовнч.

— Пошто прискакал-то? Али беда там какая?

— Беда, государь-батюшка. Дозволь сказывать подробно?

Иван Васильевич поднял уднвлеиио брови:

— Сказывай, какая беда...

— Зло средн мужиков против моиастырей н попов пошло за земельиые запашкн. До дракн с кольями н до увечнй доходнт. А в сей раз келарю, отцу Еремею, последние зубы начисто все выбили, а ночью монастырский овнн подожглн...

— Н-да!..— заметил Иван Васильевнч.— Худо сне! Токмо особой беды в сем нет. Мужнк-то хоша всегда за веру и церковь стонт, но за добро свое он больше стоит...

На первый день пасхи тысяча пятьсот второго года, апреля шестого, государь Иван Васильевич, разговевшись в своей семье, не остался отдыхать у киягиин, а поехал иавестить тяжко больного друга своего Федора Васильевича.

Все семейные Курицына радостно и почтительно встретили государя н провели его в опочивальню больного.

— Ну, вот и яз к тобе, Федеиька. Будь здрав!— сказал государь и трижды, по обычаю, облобызался с Федором Васильевнчем.— Хрнстос воскресе!

— Вонстнну воскресе, государь!— ответил Курицын.— Вот н весна наступает. Вращается круг времени свонм чередом, а яз уж совсем нзнемогать начииаю. Слабею, государь. Чую, лета сего мне не дожить...

— Доживешь, бог даст!— ободряюще молвил Иван Васильевич.— Всяк может заболеть, а заболеть — еще не зиачит умереть.

Иван Васильевнч шутливо улыбнулся н добавил:

— Не торопись, Феденька, дел у нас еще много не доделано.

— Сие, государь,— усмехнувшись, ответил Курицын,— для смерти не отсрочка. Ну, да не беда, бессмертных ведь нет, так уж природой положено для всего живого, а дел всех государевых, хоть и бессмертным будь, все равно не переделаешь!..

— Так природой-то положено,— печально ответил государь.— Токмо, Феденька, дружбой человеческой тоже положено о друзьях грустить.

Государь нагнулся и поцеловал в лоб своего дьяка.

— Федор Василич, не устал ты? Может, мы с тобой в другой раз побаим?

— Нет, государь, седни побаим. Нужно мне с тобой баить и, чую, тобе со мной тоже нужно, пока мысли мои еще ясны. В тяжелые времена яз ухожу от тобя, государь. И пока жив, все еще хочу на пользу послужить.

— Дела пошли, Феденька, у нас — и смех и грех!— улыбаясь, проговорил Иван Васильевич.— У Троице-Сергиевой обители монахи, сказывал мне сын Василий,— на его глазах все случилось,— запахали пустоши у озерецких мужиков, а те пришли с кольями, выбили монахов с пашни, которым ребра переломили, которым головы пробили, а келарю, отцу Еремею, все зубы начисто выбили, да ночью еще петуха красного пустили, овин монастырский подожгли...

Курицын слегка улыбнулся.

— Вот тобе, государь, и православные люди!

Государь сдвинул брови.

— Вестимо, православные! Помню, бабка Софья Витовтовна говаривала мне, еще отроку: «Богу молись, а попам и монахам не верь». А ведь она православной была. Но и яз кое-чему сам научился и к сему добавлю: «Мужики-то православные богу истово молются, а когда им выгодно, и самого бога с кашей съедят».

Курицын громко засмеялся.

— Истинно, государь, истинно! Съедят! Беспременно съедят и не токмо не подавятся, но даже и не поперхнутся! Чисто сие всё изделают...

— А все же, Феденька, тревожит мя, как бы папа рымский и ляхи не стали бы слухи пущать, что, дескать, Русь за православ-

ную веру и за православные церкви в Литве борется, а у собя свои православные монастыри притесняет.

— Не страшно сие, государь, токмо с митрополитом по душе побай. Пообещай Иосифу волоцкому послабленье дать духовным. Укажи ему на Юрьев день. Монахи-то еще жадней и более хотят у собя закрепить холопов, чем того же хотят мирские вотчинники. А что до мужиков, то допусти их более к рукомеслу всякому, с того они сребрецом обзаведутся. Ведь не зря уж и топерь в деревнях бают: «Хлеба хватает нам токмо на прокорм, а обуваемся и одеваемся рукомеслом всяким да торгом». Токмо когда мужики наладят торг у собя изделиями своего рукомесла — горшечного, кирпичного, железного, будут делать сохи, вилы, косы, топоры, гвозди, серпы, ножи, котельные и меднолитейные изделия, кожевенные, валенки валять, телеги, сани, кадки и прочее строить, то и богатеть начнут. Будут жить и без земли в достатке, как в городах живут черные люди, которые рукомеслом своим кормятся и все налоги государю платят серебром.

— Все сие ты, Федор Василич, верно сказываешь, токмо одно забываешь, что в сплетении дел хозяйственных, земельных, торговых и промысловых нужен и государев глаз хозяйский, а мы с тобой не вечны, и нужно нам после собя достойных наследников оставить, особливо мне, как государю, а у меня надежных наследников нет. Может, был бы горазд для сего мой первый сын, Иван Иваныч, да господь его взял. Царство ему небесное! Митрий не в отца, а в свою мать, которая много высокоумничает, как ты сам ведаешь, а государевых дел не разумеет и сыну помочь ни в чем не может. Есть еще у меня сын Василий. Сей в делах хитрей, токмо одной хитрости мало,— надобно разум большой иметь и ведать, когда, пошто и какую хитрость применять, а тем паче в больших государевых делах и в делах с иноземными державами. Надобно нам с тобой много подумать о крепкой боярской думе для государя, о крепких и дельных дьяках и подобрать умелых и верных воевод. Наметить такого митрополита и других духовных советников, которые могли бы твердой рукой править церковью и вовремя подать полезные советы государю. Яз люблю внука Димитрия, яко и ты,— ласковый он, душой чист, книжен, но в делах житейских слаб, а кроток так, что могут его мухи залягать...

Иван Васильевич горестно вздохнул и добавил:

— Жаль мне его, погибнет он, яко хрупкий цветок полевой...

— Мы с тобой, Иван Василич, много разумеем инако, чем церковь православная; от сего, мыслю, наиглавные трудности дел наших,— молвил Курицын.

— Но, Федор Василич, народ и церковь злей восстанут против нашего разумения веры, чем против латыньской ереси и магометова поганства,— сурово молвил Иван Васильевич.— Нам же спорить с народом нельзя, не то распри народные и церковные такую смуту посеять могут, что все враги наши на смуте сей, яко на победных конях, въедут на Русь, разорят, сокрушат государство наше, которое с трудом и усилием великим отцы наши, деды и прадеды воздвигали, да и мы сами по мере сил своих ныне крепим.

— При нас, государь,— можно бы еще сие преодолеть,— заметил Курицын,— но при двух твоих наследниках престола от «еретиков» и от «греческой веры» может случиться то, о чем ты пророчишь. Посему яз с тобой даже и на большее согласен, сиречь на наше отступление от нашего разумения веры. Чаю яз, как и ты сам, когда Русь спасена будет от смуты и гибели, при наших внуках или правнуках, при новом мудром государе может наше разумение веры восторжествовать, победив народную темноту.

— Верно, Федор Василич. Верно ты, друг мой, все рассудил. Вся трудность в наследниках и в распрях с церковью, а не в хозяйстве. Смуты же пойдут на Руси, распадется она. А яз, Феденька, далеко не успел все нужное сотворить. И Киева и Смоленска Руси не вернул, а впредь нужно и все русские земли воссоединить, все, которые лежат от Устьюга и Вологды до побережий Студеного и Варяжского морей, и те земли и степи, которые от нас на полдень лежат, до устья Дуная и до самого Крыма, и старорусскую Волынскую землю, и иные земли, которые еще за Литвой и Польшей остались, и многие еще земли, которые лежат меж Волгой и Камой и Каменным поясом, а также и земли, которые идут от Нижнего города по левому берегу Волги до самого Хвалынского моря. Когда же Русь сего достигнет, то сможет все свои рубежи сомкнуть с немецкими и фряжскими

государствамн на всем западе н торговать с ннмн из своих рук, а не через Ганзу.

Государь замолчал. Молчал н Курнцын. Разногласнй у них ни в чем не было. Вдруг руки государя стали дрожать.

— Все мы решили, Феденька,— заговорил он с волненнем.— Токмо о наследннке не решили, а придется, Феденька, нам с тобой по живому сердцу собя ножом резать.

Курицын побледнел и прошептал:

— Так, выходит, Василья на престол сажать?!

Федор Васильевнч беззвучно всхлипнул и добавил:

— Ведь Митенька-то наш не сможет тобе, государь, норовнть... Такая уж природа его, как ты верно сказывал.

Успокоившись, он сказал:

— Друг и государь мой, Иван Василич, надобно, чтоб у руля государева корабля нстннные сыны отечества были нз верных тобе бояр, воевод н дьяков, и служили бы они отечеству, как мы сами с тобой Руси служилн н яко Михайла Плещеев служил, и преемнику бы твоему на сем крест целовали. Токмо все сие хоронить надоть в великой тайне.

— Сие первее всего,— подтвердил государь.— Ну, простн, Федор Василич, утомил яз тя, ухожу, но о своем завещании с тобой буду советоваться. Еще наведаюсь. Будь здрав...

Простившись с дьяком Курицыным, Иван Васильевич вернулся к себе. Войдя быстро в свой покой, государь заметил, что сын Василий, сидевший за столом, смутился, быстро схватил со стола одну нз грамот, бросил ее в ящик и задвинул его.

— Не спеши, Василий,— сказал резко государь,— после моей смертн все пересмотришь!

Василий Иванович хотел было спрятать н другие грамоты, но не решился.

Иваи Васильевич, не говоря ни слова, вышел, а Саввушка остался возле стола.

Василий Иванович очень хотел спрятать одну важную грамоту, читанную им при входе отца, но не решался сделать этого. Он протянул было руку к нужной ему бумаге, но быстро отдернул ее

назад, увидев перед собой обнаженный кончар с широким, обоюдоостро отточенным лезвием. Он злобно крикнул Саввушке:

— Приказываю тобе взять сию грамоту и положить в стол государя.

Саввушка спрятал кончар в ножны.

— Прости, княже Василь Иваныч. Ништо никому не дозволено брать со стола или в столе государя всея Руси, даже и мне, его телохранителю.

Дверь отворилась, и вошел государь. Угадав обстановку, Иван Васильевич усмехнулся и сказал сыну:

— Не гневись, сыне, на Саввушку, он так же и твой стол стеречь будет, как мой, и жизнь твою будет охранять, как и мою охраняет, а сей часец пойдем матерь нашу навестим — худо ей, баил мне дворецкий.

И, обратясь к дворецкому, государь, выходя из покоев, добавил:

— Ты, Петр Василич, ежели придут ко мне по судебным делам, пришли за мной Саввушку.

Войдя к супруге своей в опочивальню, пропитанную запахом лечебных трав и душистых курительных свечей, увидел он княгиню Софью на постели, освещенную ярким весенним светом, падавшим из широкого окна. Лицо ее было бледно-желтого цвета, отекшее, а сама она горой возвышалась на постели и тяжело и сипло дышала. Говорить она не могла, но как-то необычно испуганно и жалобно поглядела на мужа.

У Ивана Васильевича дрогнули губы и щеки. Он склонился к ее изголовью и, погладив по все еще пышным волосам, поцеловал в пробор, сказав на ухо:

— Помоги тобе, господи, страдалица!

Софья Фоминична поцеловала руку мужа и заплакала, невнятно проговорив:

— Тяско мне, Иване, тяско...

Василий Иванович подошел к матери, брезгливо прикоснулся губами к ее руке и быстро отошел к дверям.

Иван Васильевич перекрестился на кивот и на цыпочках стал выходить из опочивальни. Он видел, как Софья Фоминична хотела поднять голову, чтобы взглянуть на него, но не смогла, и плач ее перешел в беззвучное рыдание.

Вернувшись в свой покой, Иван Васильевич увидел за своим столом внука Димитрия.

— А, ты, Митя! Здравствуй! С чем пожаловал? — спросил государь.

Глаза юноши наполнились слезами, и он печально молвил:

— С печальной вестью к тебе, государь!.. Днесь прискакал гонец из Рязани, привез извещенье: бабка Анна Васильна, сестра твоя, нежданно-негаданно в одночасье преставилась...

Иван Васильевич подошел к Димитрию, ласково положил ему руку на плечо и негромко сказал:

— Не зря приезжала Аннушка. Сердце ее чуяло нашу разлуку...

Государь с печалью смотрел на открытое, светлое лицо внука, из глаз которого текли по щекам неудержимые слезы, и сказал совсем тихо, целуя его в лоб:

— Довольно, Митюша, сим не поможешь... Ну, а как судебные дела у тобя?

— Дела пошли трудные, государь, даже с бунтами и драками, до кольев доходит... Народ озлобляется и против церкви и против государя. Бают, что ты народ-то на растерзанье жадных попов и вотчинников отдал. Так вот и есть, государь, по спорному делу Симонова монастыря с крестьянами Пахорской волости. Монахи правят своевольно распашки крестьянских земель. Крестьяне подали в суд, доказывая, что земли у них тяглые, черные, государевы, а не монастырские, а монахи доказывают, что спорные земли за монастырем по обмену с дедом твоим, Димитрием Иванычем, а «меновая грамота» погорела в суздальский пожар. Свидетели-знахари от Пахорской волости целуют крест, что сии земли черные, тяглые. Другое спорное дело — о захвате старцем Симонова монастыря Антоньевской пустоши, деревень Тенетилова, Исаевой и других. Тяглый крестьянин Гридька Голузнивой целует крест на том, что сии земли суть черные, тяглые, великокняжеские, а не монастырские. Старец же Семен говорит, что все земли сии или куплены монастырем, или пожертвованы ему яко «задушье», токмо купчие и задушные грамоты о сем погорели в пожаре. Посему яз слушал токмо свидетельства знахарей от обеих сторон из деревенских старожильцев после присяги их с крестоцелованьем.

Третье спорное дело — крестьян Залесской волости с Троице-Сергиевым монастырем за владенье. Залесской волостью, которую крестьяне считают тоже черной тяглой, а не монастырской; старец же Касьян от Сергиева монастыря представил на сию землю купчую токмо без печати. И яз все три дела хочу решить в пользу крестьян.

Иван Васильевич нахмурился и молвил с досадой:

— Сколь разов яз тобе сказывал, а ты все в толк не возьмешь. Ныне мы, Митрий, за православную церковь в Литве бьемся, нельзя же православную церковь нам самим на Руси теснить. Папа рымский без того объявляет нас безбожниками, а узнает про то, как мы свою церковь утесняем, напишет послание ко всем православным и прочим церквам, что «государь московский винит рымскую церковь и Литовское государство в утеснении православия, а сам у собя на Руси теснит православную церковь, чего и поганые татары не деяли...»

— Пошто же ты сам церковные вотчины отбирал и топерь хочешь отбирать? Почему «задушье» запретил давать?— спросил внук.

— Гы, Митя, в шахи играть гораздо умеешь. Посему знать должен, что всякому ходу свое время. Надобно такое время выбрать и такой ход изделать, дабы шах сам сдался, как мне сдался митрополит Симон и сам благословил церковные и монастырские вотчины испоместить в новгородских землях для испомещенья дворян с их слугами и воями.

— Но, дедушка, ведь и волость может воев давать?— возразил Димитрий.

— Ничего ты не разумеешь!— промолвил с досадой Иван Васильевич.— Ведь войско-то у нас ныне постоянное. Ведь мы воев не по разрубу берем, а у военных помещиков. Нам вои ныне, как и воеводы,— преж всего служилые люди. Должны они ратному делу непрестанно учиться и с младых лет служить в полках все время, дабы готовыми быть на всяк день и час и ратное дело разуметь, а не токмо подати платить. В малом поместье у дворянина его люди — все вои, а пашенные люди — токмо старики да непригодные к ратному делу мужики и женки. Да опричь того, служилые дворяне будут холопов наймать, а холопы потом у них

крепостными станут, и смогут они трехпольное хозяйство вестн, которое не в мочь крестьянину тяглому, черному.

— А как же ты, государь, монастырскнх пашенных людей от попов потом возьмешь, яко воев, в полки?— снова спросил внук.

— Внжу, не разумеешь дела, Митрий!— уже с нетерпеливостью заметил государь.— Брать воев по разрубам прн постоянном войске не надобно... Много раз приказывал яз тобе; нзучай науку государствования, для сего беседы веди с дьяком Федором Васнлнчем н у меня о всем расспрашивай, а тобе сие нелюбопытно. Баил ты токмо с матерью о вере н о прочих небесных делах, а о земных забывал. Не гораздо сне для государя. Вот н неправо мыслишь топерь, когда земные дела решать надобно. Матерь твоя попрекала меня, что яз к православию вернулся, суеверий церковных придерживаюсь... Побай еще раз о сем с Федором Василичем. Он — верный друг н главный помощник наш. Решения же судебные утре прннесн мне на утвержденне, нбо решения яз свон дам. Вот н разумей, Митя, как распри за веру в чужой земле нногда на нашн решення у нас влияют. Ежелн в Лнтве мы обороняем православие, то н у собя притеснять православную церковь не может, ибо война у нас с Литвой н православные литовцы, увидя, что мы у собя тоже тесним православную церковь, не будут свою паству подымать протнв князя литовского. А сне нам ущерб...

В канун вербной субботы, седьмого апреля, тысяча пятьсот третьего года, у государя Ивана Васильевнча была беседа с сыном Василием Ивановичем после проводов многих нноземных послов, уехавшнх в этот день нз Москвы.

В беседе принималн участие бояре Ховрнн н Захарьнн-Кошкин, воеводы — князья Василнй Холмский н Василий Щеня-Патрнкеев, н дьяки посольского прнказа Афанаснй н Иван Курнцыны, сыновья недавно умершего Федора Васильевнча.

— Вот, сыне мой, бояры н воеводы!— обратился ко всем Иван Васильевнч.— Николи еще за еднн день у государя московского столько много послов нноземных не бывало, как ныне: от папы рымского — легат,карднпал Регнус; от Польши и Литвы — паны

Петр Мишковский и Станислав Глебович со товарищи; от Ливоиской земли — Иохаин Хильдорп; от Угорского и Чешкого королевства — Сигизмунд Сантай, да писарь дочери моей, Елены Ивановны, Иваи Сапега. И все они об одном молят: о мире с Русью и о помочи нашей им против турок. Все почуяли силу руки русской. Все они ранее токмо грозили нам, ворогам же иашим тайно помогали, а иыне нам совсем другие песни поют. А пошто? По то, дабы в добром пожитье со всеми соседями быть, надобно прежде крепко их побить.

Иван Васильевич весело усмехнулся и продолжал:

— О сем у всех и топерь твердые памятки есть: у орданцев — Угра; у свеев — Саволакс и Каяньская земля; у Польши и Литвы — Вёдроша; у Ливоиской земли — Дерпт и Гельмет, где разбил ливоиские полки князь Данила Щеня-Патрикеев, а у папы рымского доходы отняли — Ганзу из Руси выбили. Страх там у всех пред Русью. Ранее Польша и Литва не желали иас даже «государями всея Руси» иазвать, а иыие вот пишет а верющей грамоте дщерь моя, королева польская и великая княгиня литовская, величает меня не токмо «государь всея Руси», ио и «великий князь Пермский, Югорский и самодержец царства Казанского»? Король же данемаркский в договоре со мной именует меня: «русский император, могучий государь всея Руси». Узнали они топерь цеиу Руси, и даже сам папа рымский у нас по́мочи покорио молит против султана турского. Когда же Русь еще богаче и сильней станет, не мы сим державам послушенствовать будем, а они вместе с рымским папой послушенствовать нам будут, как послушенствуют нам топерь Казанское царство и Менглы-Гиреева орда...

— А пошто так стало, государь,— сказал боярин Ховрин,— по то стало сие, что великий князь московский все другие великие княжества и свои удельные княжества под руку Москвы покорил, превратил их в своих «служилых князей», сначала через татарскую дань и выходы Орде, а при тобе, государь, через постоянное войско твое под руку твою покорились оии после разгрома Орды...

— Смирение Новагорода и Казани, великие победы и постоянного войска над внешними ворогами, как ты, государь, сам сказывал,— начал было на́больший воевода, князь Василий Холмский.

— Так-то оно так,— возразил Ховрин,— верно сие. Везде на ратном поле у нас победа. Вольным царством Русь сделали, токмо вот на самой вольной Руси нестроенья пошли меж вотчинниками, меж помещиками и холопами, а пуще того у холопов с монастырями настроенья до бунтов доходят.

— Истинно так,— добавил дьяк Василий Далматов,— после грамот о Юрьеве дне холоп до земли жаден стал, сам пахать хочет, а с чужих земель бежит. Посему не хватает рабочих рук и у монастырей, и у вотчинников, и даже на некоих черных государевых землях.

— Мало бегут токмо от испомещенных ратных людей,— заметил на́больший воевода,— ибо холопы сих помещиков поверстаны в постоянное войско и судят их вельми строго за побег из поместья, яко за побег с ратного поля... Их и бьют, и мучают, и заковывают в цепи...

— Зато оброки у ратных помещиков легче — всего два: хлеб сжать да сена накосить,— пояснил на́больший воевода.

— Холопы никогда не жили все одинаково,— заметил государь,— и никогда жить одинаково не будут. Все зависит от числа работников и умельцев в семье на разные подсобные заработки. Аз видел сам крестьян на побережье Варяжского моря, в Ямском погосте. Хлеба там мало сеют, больше болотной железной руды добывают да кузнецким ремеслом займаются, или рыбу ловят, лен-долгунец сеют, живут все по-разному: кто богаче, кто беднее. Да о сем не государева забота. Всяк Еремей про себя разумей, а государево дело — обо всех заботиться; защищать государство от ворогов иноземных, от нападений и грабежей, суды судить...

При этих словах в покой вбежала младшая дочь Ивана Васильевича, Дунюшка, выкрикивая с плачем:

— Государь-батюшка, поспеши!.. Матерь наша отходит...

Все растерянно встали со своих мест, а государь, побледнев, с трудом поднялся и снова беспомощно сел, воскликнув в недоумении:

— Ишь, ноги-то совсем не идут!

Сын государя Василий Иванович и его зять — молодой князь

Софья Палеолог скончалась 7 апреля 1503 года. *(Прим. автора.)*

Василий Холмский — подбежали к Ивану Васильевичу и, взяв его под руки, повели в покои к Софье Фоминичне...

— Прошло более двух лет. Государь поправлялся с трудом, походка у него была еще неверной, а руки начали дрожать сильней, чем прежде. Все же он не прекращал забот своих о наследнике престола и об укреплении Руси, хотя и делал все это через силу.

В начале тысяча пятьсот пятого года государь призвал сына Василия Ивановича и сказал:

— Сыне мой, чую яз, как силы мои уходят. Мы уже с тобой порешили о женитьбе твоей на русской девице, дабы на престоле русском была русская государыня и не могли бы чужеземные государи через жену твою руку к Руси тянуть, как было сие при матери твоей. Помни, Василий, наиглавные наши вороги, которые навек с нами непримиримы,— рымский папа да кесарь германский. Оба они хотят нас под свою руку взять, но по-разному: папу блазнит превратить нас в польский улус, яко Литву, и через польского короля получать с нас дани-выходы и ратную силу, а кесарь германский хочет то же самое изделать с нами, токмо не через Польшу, а через немецких ливонских лыцарей. Сие все едино, ибо то из государств, которое будет стоять на месте Москвы и объединит под рукой своей все земли славянские, будет самым сильным государством во всем мире. Яз мыслю, мы, государи всея Руси, сумеем воссоединить все славянские земли вокруг Москвы скорее и крепче, нежели чужеземные государи смогут воссоединить сии же земли вокруг Рыма или вокруг священной германской кесарии. Еще об одном, кстати, скажу тобе: Казань и Цнстрахан, когда будут тобой покорены, не зори их до конца, воевод своих там не сажай, а сажай царей татарских, покорных тобе во всем, дабы не бунтовали татары, а дани бы исправно платили и из лета в лето смирней и покорней тобе становились... Сыне мой, хочу свадьбу твою справить в середине старого бабьего лета, сиречь сентября четвертого. В Москве уже ждут твоего выбора сорок невест из самых знатных родов, боярских и княжих. Выбирай любую и веди под венец. Сим браком мы род наш, с Ивана Кали-

ты — великокняжеский, еще более продолжим на московском престоле...

Василий Иванович, выслушав отца, почтительно приблизился к нему, встал на колени и поцеловал полу шитого золотом кафтана.

В ночь на двадцать седьмое октября того же года больной Иван Васильевич почувствовал себя совсем плохо и на другой день не встал с постели.

Приоткрыв глаза, увидел он покой свой, сияющий от утренних лучей осеннего солнца, и сына своего Василия — нового государя. Пристально стал он разглядывать лицо сына, угадывая в нем что-то сухое, самовластное и хитрое, как у матери, злое, но все это было прикрыто ханжеством и лицемерием...

Почувствовав на себе взгляд отца, Василий обернулся и, увидя его строгие глаза, смутился.

— Ты не спишь, государь-батюшка? — спросил он и быстро добавил: — Там, в передней твоей, митрополит, духовник твой Митрофаний с благовещенским клиром, бояре.

— Нет, Василий, не сплю,— молвил Иван Васильевич вдруг окрепшим голосом, каким говорил на совещаниях с воеводами и дьяками.— И пока не уснул вечным сном, хочу тобе молвить о государстве, которое ныне в руки твои переходит. Владыки же с боярами подождут.

— Слушаю и повинуюсь, государь-батюшка...

— Так вот,— продолжал Иван Васильевич,— как и отец мой был на смертном одре, так и яз ныне на смертном одре. Помни, на одре сем и ты будешь и так же, как яз ныне, будешь готовиться ответ пред богом держать. Слушай же с великим вниманием слова мои и запомни их.

Старый государь глубоко вздохнул и заговорил снова:

— Править государством есть наука разуметь пользы ему и предвидеть вред от своих и чужеземных ворогов. Как бы ни сильна была власть государя и войска его, погибнет-государство, как Золотая Орда, если не пойдет по сему пути. Путь же сей изменчив вельми. Ныне татары нам — вороги, утре — друзья. Ны-

не немцы и поляки — друзья, утре — вороги меж собой. Ты же за всем сим следи, ибо и чужеземные государи также за всем следят и по своему разумению союзы крепят и войны ведут. Всякий истинный государь, мысля о благе своего государства, должен в путанице всех польз и вреда, своих и чужих, избрать всякий раз путь, своему государству наивыгодный. Ежели одному тобе сил не хватит зло пресечь, ищи ворогов у ворога своего, а с сими ворогами ищи союза. Татар мы татарами били, будем и немцев всех немцами бить. У собя на Руси главная опора государю — народ и церковь, которая имеет власть над народом и которая держит народ в руках страхом божьим. Удельных мы били боярами да детьми боярскими, ныне же и бояр оттесним дворянством служилым, на которое токмо и нужно опираться.

Иван Васильевич помолчал и, видя, что сын слушает с должным вниманием и разумеет его мысли, обрадовался и улыбнулся.

— Буду все помнить, государь-батюшка,— горячо сказал Василии,— верю яз, как и все, в великую мудрость твою.

— Главное-то слушай,— продолжал Иван Васильевич уже слабеющим от усталости голосом.— Дела-то с народом своим у государя трудней, чем с иноземными царствами. Ежели верит тобе народ и добро ему от тобя, никакие вороги тобе не страшны будут. Восстанет же ежели народ на тобя, начнутся смуты, тогда конец всему и Руси самой... Гляди всегда намного вперед. Орду мы скинули, топерь главное — с немцами бороться да с ляхами. Воссоединить с Москвой все земли русские надобно: Киев, Смоленск, Червонную Русь, о чем яз ранее тобе уже сказывал.

Старый государь утомленно закрыл глаза. Василий Иваныч, думая, что отец отходит, встал, чтобы позвать владыку.

— Сядь,— тихо молвил Иван Васильевич.

Василии сел, лицо его было тревожно. Он думал о схиме.

Помолчав, Иван Васильевич чуть насмешливо улыбнулся и продолжал:

— Помни наиглавное: ищи поддоржку у народа. Прошлый год последний раз был яз на охоте и встретил там старика матерого и могучего. Поклонился он мне и молвил:

— Будь здрав, государь! Не признаешь меня?

— Нет,— говорю,— токмо голос будто памятен.

— Ермилкои звать мя, кузнец твой, а потом пушкарь в воиске твоем...

— Ну, как живешь?— спрашиваю.

Помолчал Ермилка и сказал:

— Как и все, государь. Токмо вот ордынский сапог скинули,— свой жать начинает...

Яз сперва его не уразумел и спросил:

— Какой «свой сапог» и где он «жмет»?

Ермилка-пушкарь усмехнулся и сказал:

— Какой свой сапог? А тот, что ныне мозоли натирает оброками да Юрьевым днем... Здорово жмет новый сапог-то...

Государь заметно побледнел и снова закрыл глаза. Василий Иванович вскочил и, подбежав к дверям, приказал слугам скорее звать митрополита и бояр.

— Беги борзоя,— говорил он дрожащим голосом дворецкому,— скажи митрополиту: отходит государь...

В опочивально вошли митрополит Симон с двуховенством, князья, бояре. Служки церковные поставили аналой, принесли от Благовещенья большие подсвечники с зажженными лампадами и свечами.

Митрополит Симон поклонился государю до земли и стал молить неотступно:

— Прими, государь, святую схиму, как отец твой и все предки твои принимали со страхом божьим...

Оживилось вдруг помертвевшее лицо государя, открылись его большие грозные глаза, как будто совсем здоров он стал, и, оглядев всех, сказал твердо:

— Пусть выйдут из вас вперед по левую руку мою бояре Михайла и Петр Плещеевы, Димитрий Ховрин, князь Данила Шеня, князь Василий Данилыч, зять мой, и дьяки Мамырев да Иван с Афанасьем Курицыны, оба сына Федора Василича. Гы же, отче Симон, и ты, сын мой Василий, приблизьтесь ко мне, встаньте с правой руки.

Государь помолчал и четко произнес:

— Сей часец ты, Василий, мне клянись, что верно служить будешь всей Руси святой, и перед лицом митрополита и перед всеми здесь стоящими крестоцелованьем клятву сию укрепи.

Возвысив голос, он продолжал, обратившись к боярам и князьям, стоявшим по левую руку его:

— А вы клянитесь предо мной, что будете сыну моему верно служить н помогать, как мне помогали. А ежели,— добавил он грозно,— кто клятву сню нарушит, тот мое предсмертное благословение всем обратит в проклятье...

Мнтрополит Симон принял крестоцелованье от великого князя Василия, от бояр, князей и дьяков н опять с глубокими поклонамн начал умолять Ивана Васильевича прннять схиму.

Государь, приподнявшись на локтях, произнес резко:

— Все днн живота моего был яз государем и пред господом моим хочу предстать государем, ие монахом. Не хочу яз заслониться схимой, яко струфокамил-птнца в предсмертном страхе прячет главу под крылом своим...

Сомкиув вежды и тнхо опустившись на подушкн, государь изронил последний вздох.

28 ноября 1953 года, Москва

СОДЕРЖАНИЕ

ВАЛЕРИЙ ЯЗВИЦКИЙ

ИВАН III — ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

Книги четвертая, пятая

Редакторы
С. Кадырова, О. Бреусова
Художник
А. Тленшиев
Художественный редактор
Л. Тетенко
Технический редактор
Н. Галицкая
Корректор
А. Ракишева

ИБ № 4569

Сдано в набор 01.02.88. Подписано в печать 25.07.88. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая. Усл. п. л. 36,96. Усл. кр.-отт. 36,96. Уч.-изд. л. 44,63. Тираж 400 000 экз. (4-й завод — 150001 200 000 экз.). Заказ №1505 Цена 4 р.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата. ул. Пастера, 41

Язвицкий Валерий.

Я 40 Иван III — государь всея Руси: Исторический роман в пяти книгах.— Жазушы, 1988.—
Кн. 4 и 5.— Алма-Ата: Жазушы, 1988.—704 с., ил.

Исторический роман В. Язвицкого воссоздает эпоху правления Иванв III (1440—1505 гг.), при котором сложилось территориальное ядро едииого Российского государства. Это произошло в результате виутреиней политики воссоедииения древнерусских княжеских городов Ярослввля, Новгородв, Твери, Вятки и др. Одновременно с укреплением Руси изиутри возрвстал ее междуиародный авторитет ив Звпвде и Востоке.

Я $\frac{4702010200—177}{402(05)—88}$ без объявл. **ББК 84Р7—44**

Уважаемые читатели!

По всем недостаткам книги обращайтесь к полиграфическому предприятию по адресу, указанному в выходных сведениях данного издания.